

КОВЧЕГ

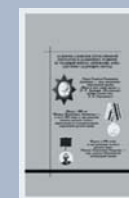
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

литературно-художественный альманах 2024

АКАДЕМИЯ
РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

14

КОВЧЕГ

2024

14

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ*

**ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

14-Й ВЫПУСК

**Санкт-Петербург
Издательство «Центр современной
литературы и книги на Васильевском»
2024**

УДК 882
ББК 84 2
К 25

Альманах «Ковчег»: духовная страница, проза, поэзия, критика и литературоведение, публицистика и произведения о детях и для детей. Выпуск 14-й.— М.: «Новые Витражи», 2024.— 345 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-94422-184-1

В альманахе «Ковчег», выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы, поэмы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Калининграда, Минска и Бобруйска (Белоруссия), Симферополя, Санкт-Петербурга, Смоленска, Брянска и Сельца Брянской обл., Белгорода, п. Медвенка Курской обл., Новочеркаска Ростовской обл., Сокола Вологодской обл., Ярославля, Москвы и Каширы Московской обл., Тулы и Алексина, с. Архангельского, Белева, Узловой, Щекина и Заокского р-на Тульской обл., Орла, Лебедяни Липецкой обл., Ижевска, Нижнего Новгорода и д. Истомино Нижегородской обл., Самары и с. Екатериновка и Тольятти Самарской обл., Пензы, Екатеринбурга, Баку (Азербайджан), Тюмени, Алма-Аты и Семипалатинска (Казахстан), Омска, Красноярска, Нью-Йорка и Рочестера шт. Нью-Йорк (США). Объединяет же всех — любовь к России, духовности, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и человечества, русского и всех российских народов, будущим наших детей.

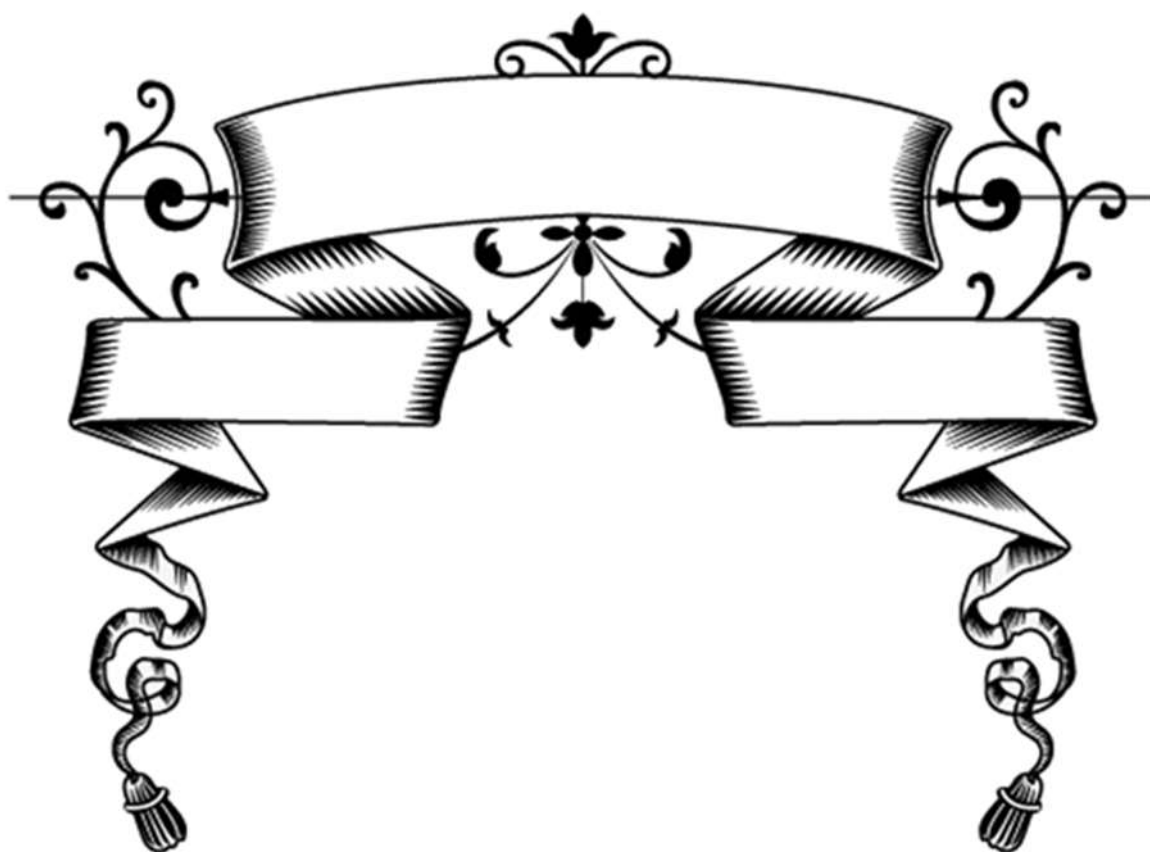
Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

Все сокращения см. на стр. 340

ISBN 978-5-94422-184-1

© Шафран Яков Наумович, идея,
составление, 2024
© Авторы, 2024
© Шафран Яков Наумович,
оригинал-макет, 2024
© Шафран Яков Наумович,
Радько Виктория Владимировна,
оформление, 2024

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ*

Раннехристианский подвижник и пустынноик, основатель
отшельнического монашества

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ПРЕПОДОБНОГО АНТОНИЯ

Преподобный Антоний Великий по происхождению был египтянином. Родился он в 251 году, в благородной, богатой семье, в селении Кома (близ Гелиополя).

Родители Антония были христианами, и он рос и воспитывался на Заветах Христа. Раннее детство Антония прошло в родительском доме. Когда же он достиг отрочества, и его полагали отдать для обучения грамоте, он предпочел оставаться ближе к родителям, не желая ни покинуть отчий дом, ни общаться со сверстниками.

В общем, он был послушным ребенком, охотно посещал Божий храм вместе с матерью и отцом, внимательно слушая, что там читалось. Несмотря на завидный семейный бюджет, Антоний не был избалованным дитятей, не требовал изысканных яств и прочих излишеств, довольствовался тем, что давали, а давали, в педагогических целях, умеренно.

ПРИЗВАНИЕ БОЖИЕ

По смерти родителей Антоний остался за старшего. На его плечи легла забота о хозяйстве и малой сестре. К тому времени он был достаточно взрослым человеком (по свидетельству древних источников ему было от 18 до 20 лет). Через несколько месяцев после того, как он осиротел, с ним произошел случай, круто повлиявший на его дальнейшую жизнь. В один из дней Антоний, по обычаю и влечению сердца, направился в храм. По пути предался раздумьям: вспоминались апостолы, оставившие все и последовавшие за Христом, вспоминались те верующие, которые, продавая имущество, приносили врученные средства и смиренно полагали перед Господними учениками.

Едва он вступил за порог Божьего храма, как услышал слова, прозвучавшие словно из уст Самого Искупителя. Это были слова из Евангелия, обращенные к богатому юноше, которые произнес Иисус Христос (Мф.19:21) и которые легли в основу одного из важнейших монашеских обетов — нестяжания. Смысл этих возвышенных слов — кто хочет быть совершенным, должен продать, что имеет, и последовать за Спасителем — Антоний воспринял так близко, как будто они были адресованы лично ему.

Выйдя из храма, он незамедлительно продал все, что унаследовал от почивших родителей (а это было немало: одной только плодородной земли — десятки гектаров), часть средств раздал местным жителям, чтобы не беспокоили ни сестру, ни его самого, часть оставил сестре, а часть раздал нищим.

В очередной раз, войдя в храм Господень (вскоре после случившегося), Антоний услышал другие слова из Евангелия, располагавшие опираться на Промысл (Мф.6:34), и вновь отнес их к себе. Он тут же вернулся, раздал беднякам остатки имущества, вверил сестру попечению добродетельных дев, проживавших в обители, и, расположившись вблизи родного дома, предался уединению и молитвенным подвигам.

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО

Едва встав на путь строгой подвижнической жизни, преподобный Антоний не имел надлежащего духовного опыта и нуждался в советах мудрых людей. Ради этих советов время от времени он покидал место уединения и отправлялся на поиски тех, о ком слышал как о рачителях правды и добродетели. Получив от того или иного праведника мудрое наставление, он возвращался и продолжал упражняться в подвижничестве.

Шаг за шагом, обогащая свой опыт крупными порциями преподанной мудрости и внимательными наблюдениями за образом жизни Божьих угодников, он пополнял его и за счет наблюдения за собой: внимал собственным помыслам, мыслям, желаниям.

* АЗБУКА ВЕРЫ. ПРАВОСЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА. ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ.
https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Velikij/

Вместе с тем преподобный Антоний занимался физическим трудом. Так он зарабатывал на пропитание, а от излишков жертвовал нуждавшимся.

Жители окрестностей, видя добродетельность Антония, относились к нему с уважением и любовью.

Постепенно Антоний приучил себя к более трудным подвигам. Нередко он проводил целые ночи в молитвенном бдении. Питался единожды в день после заката солнца, но бывало, что и один раз в два дня, и даже один раз в четверо суток. Пищей ему служил только хлеб с солью, а пил он лишь воду. Спал, как правило, прямо на голой земле, а укрывался рогожей.

Решив усугубить подвиг уединения, святой Антоний удалился к гробницам. Затем, выбрав из нескольких одну, заточил себя в ней, завалив вход большим камнем. Предварительно он условился со знакомым, что тот будет приносить ему хлеб. Пребывая в гробнице, святой испытал множество искушений, но при содействии свыше сумел преодолеть их и не только устоял на спасительном пути, а и окреп духом, возрос возрастом духовным.

По некоторым подсчетам, преподобный Антоний подвизался в гробницах около 15 лет, затем, в 285 году, удалился на гору, располагавшуюся на востоке от Нила. Там он жил и трудился, прославляя Бога, на протяжении 20 лет.

Когда он еще только искал, где устроить жилище, обнаружил огражденное, совершенно запущенное место. Люди давно там не жили; место было заполнено пресмыкающимися. Но как только это пустынное место сделалось местом жительства и подвигов преподобного, пресмыкающиеся удалились, словно их изгнала оттуда какая-то могучая сила.

Антоний, заранее позаботившись о питании и имея с собой полугодовой запас хлеба (питался он до крайности скудно), укрылся внутри (воду для питья он добывал прямо там). В дальнейшем хлеб ему приносили два раза в год.

Время от времени к нему приходили люди, искавшие встречи, но внутрь ограды не допускались. Иногда они проводили снаружи по нескольку дней. Если была на то воля Божья, Антоний беседовал с приходящими через небольшое оконце.

Как-то раз очередные посетители, сами того не ожидая, услышали, что из-за ограды доносится странный шум, как если бы на внутренней территории находилась большая толпа: стуки, вопли, стенания. Среди этого странного гама улавливались и вполне отчетливые слова: кто-то настоятельно требовал от святого убраться прочь из пустыни и поскорей. Всмотревшись в стенное отверстие и не обнаружив за оградой никого постороннего, слышавшие уразумели, что стучащие и вопящие — демоны. Устрашившись, люди, естественно, стали кричать, звать святого Антония, а тот, подойдя к двери с внутренней стороны, посоветовал им поклониться на Бога, не впадать в страх и удалиться.

Со временем к Антонию стало тянуться все больше и больше людей. Многие стремились подражать его жизни, хотели поселиться подле него. Однажды, желая встретиться со святым богомольцем, люди взяли и выломали запертые двери. И тогда Антоний вышел к собравшимся. К тому времени он провел в добровольном заточении (в крепости) около 20 лет.

Многие из присутствовавших получили тогда исцеление, из кого-то были изгнаны бесы. Кроме того вдохновенною речью подвижник утешил страждущих, примирил находящихся в ссоре; кого-то убедил встать на иноческий путь. С этого времени в местных горах стали селиться желавшие встать на монашеский путь, стали появляться обители. Антоний, движимый волей Божьей, принял над ними духовное руководство. Монастыри в основном устраивались по подобию скитов.

Около 308 года, при Максимиане, было развернуто очередное гонение на Церковь: потекла христианская кровь. Когда святых мучеников вели в Александрию, преподобный Антоний последовал за ними. Он готов был умереть за Христа, но не хотел провоцировать власти самостоятельно, вопреки Промыслу. В этот период он мужественно прислуживал исповедникам, содержимым в темницах, на рудниках. Влекомых в судилище он поддерживал словом, призывая к стойкости в вере и ревности.

Судья, видя доблесть святого Антония и бывших с ним иноков, распорядился, чтобы они не появлялись в судилище, да и вовсе покинули город. Многие тогда посчитали за лучшее скрыться. Антоний же выстирал свои одежды и на другой день, словно бросая мучителям вызов, предстал перед игемоном во всем чистом. Но Богу была не угодна его скорая смерть.

После мученической кончины епископа Петра Александрийского преподобный Антоний покинул Александрию и, уединившись, предался подвижничеству в своем монастыре.

Между тем многие искали с ним встречи: кто-то для наставления, кто-то для исцеления, кто-то в силу иных причин. Видя, что люди идут и идут, он, ища покоя и не желая, чтобы о нем думали высоко, решил перебраться в Верхнюю Фиваиду, где его никто не знал и не ждал. Но когда он сидел на берегу в ожидании попутного корабля, Господь обратился к нему и сказал, что если он действительно ищет покоя, пусть идет во внутреннюю пустыню.

В связи с тем, что Антоний не знал дороги к назначенному месту, Господь повелел ему пристать к сарацинам, что тот и сделал. Через три дня пути Антоний увидел гору, окруженную равниной, на которой росло несколько пальм; под горой находился источник с прохладной и чистой водой. Место ему понравилось; он понял, что это то самое место, на которое указал голос свыше. Здесь Антоний остался, устроил себе

келью, предался молитве, богомыслию и труду. Впоследствии эта гора стала известна под названием Внутренней или Антониевой.

Сарацины, проходя по данному маршруту, доставляли Антонию хлеб. Со временем, дабы никого не обременять доставкой еды, Антоний возделал участок земли и посеял пшеницу. Но люди все равно шли. Тогда он стал выращивать и овощи, чтобы проходящие, после трудного пути, могли подкрепить свои силы.

Когда дикие звери стали докучать преподобному частыми повреждениями огорода, он, милосердно поймав одного, повелел ему именем Господа рассказать остальным, чтобы больше не приближались к посевам и грядкам и не наносили вреда. После этого случая звери, все как один, стали обходить огороды стороной.

Когда Антоний состарился и ослабел плотью, благочестивые братья выпросили у него разрешения приносить ему раз в месяц овощей, елей и маслин. Согласно Житию преподобного, он отдавал приносящим (как бы расплачиваясь) корзины, которые изготавливал собственноручно.

Однажды братья попросили Антония посетить их обитель, и он согласился. По пути у них кончилась вода, и они погибали от жажды. И тогда Бог, по молитве святого, сотворил чудо: на том месте, где он молился, пробился источник питьевой воды. Пробыв недолгое время среди монашествующих, Антоний вернулся на Внутреннюю гору и продолжил там совершать свои подвиги.

Впрочем, время от времени он оставлял это место по разным обстоятельствам, ради угождения Богу.

Постепенно к Антонию стало обращаться все больше и больше людей. Кого-то он исцелял, кого-то напутствовал.

Со временем молва о великом подвижнике дошла до ушей царя Константина Великого и его сыновей. Те, желая получить от подвижника мудрое наставление, написали ему послания. Антоний же отказывался принимать эти письма, объясняя присутствующим, что следует удивляться не вниманию царя и его сыновей, составивших письма, а Богу, написавшему закон и открывшемуся через Единородного Сына. И только по вмешательству монахов, представивших Антонию, что те цари помогают христианам, но могут соблазнить, если послания будут проигнорированы, Антоний отправил ответ.

О приближении смерти Антоний узнал заблаговременно. Перед своей блаженной кончиной он посетил монахов, живших на «Внешней горе», предупредил их, что скоро оставит сей мир и дал им последнее напутствие. Те стали слезно упрашивать его остаться и принять смерть в их обители. Но он отказался и вернулся <...>

Через несколько месяцев он заболел, а перед самой кончиной призвал двух монахов, живших при нем (по причине глубокой старости) и прислуживавших, по-христиански простился с ними и завещал похоронить его тело в земле. В 355 или 356 году (день памяти: 17 января) преподобный Антоний мирно отошел ко Господу.

БОРЬБА СВЯТОГО АНТОНИЯ С ДИАВОЛЬСКИМИ КОЗНЯМИ

Еще в самом начале подвижнической жизни Антония ненавистник добра и завистник, диавол, зная о его успехах на пути в Царство Небесное и не желая с этим мириться, возвел против него брань, стал создавать всевозможные преткновения, вить путы, раскидывать сети.

Поначалу он силился искушать преподобного, возбуждая воспоминания о богатстве; внушая мысли об оставленной сестре, об удобствах, изысканных яствах, немощи плоти и многотрудности монашеского поприща. Всем этим козням святой противопоставлял сердечную молитву, стойкость духа, искреннюю веру и твердую надежду на Бога, непреклонную любовь.

Не довольствуясь поражением, диавол принял женское обличье и явился Антонию ночью, но тот, вместо того, чтобы разжечься блудною страстью, воспламенился ревностью о Господе, привел на ум мысль об адском огне и угасил жар сатанинского обольщения.

Диавол, видя, что не одолевает, но сам одолевается ревностным подвижником, призвал дружественных ему духов, явился к Антонию ночью и так жестоко избил его, что тот остался лежать на земле без признаков жизни. По свидетельству преподобного, эти побои были настолько болезненными, что не шли в сравнение с болью, причиняемой побоями от людей. Господь не оставил святого без помощи и утешения. Антоний был исцелен и продолжил славить Владыку новыми подвигами.

Раздосадованный сатана, разрываясь от злобы и ненависти, вновь приступил к подвижнику. На этот раз он задумал сломить волю святого, доведя его до состояния отчаянного ужаса. С этой целью среди ночи был произведен сотрясающий гром, от которого стены жилища Антония словно распались. В этот момент с разных сторон на подвижника ринулись демоны в образе диких, свирепых зверей. Всем своим видом звери демонстрировали, что готовы наброситься на Антония: лев сгруппировался для прыжка; волк обнажил оскал; змий извивался, готовясь к атаке; вол напрягся, чтобы бодать.

Уязвляемый незванными визитерами, Антоний испытывал сильнейшую физическую боль, но без страха в душе. Наконец, он изобличил демонов, сказав им, что если бы они и действительно обладали могуществом,

то достаточно было бы прийти одному; но так как их много, значит, Бог отобрал у них силу. Потом, оградившись щитом веры, добавил, что если они в состоянии причинить ему то, чем пугают,— пусть нападают; если же у них такой власти нет, нечего и стараться. После этого мужественного заявления кровля как будто разверзлась, и сквозь освободившееся пространство проник световой луч. Демоны стали невидимы, боль исчезла, жилище приобрело прежний вид. Антоний предался молитве, Бог ободрил его, а посрамленные духи рассеялись, словно дым.

В следующий раз диавол изощрился представить Антонию серебряное блюдо, имея в виду прельстить его через помысел сребролюбия. Но, когда преподобный уразумел в этом мерзкий подвох и произнес, что блюдо будет диаволу в погибель,— блюдо исчезло.

Однажды демоны посетили Антония в призраке света, стремясь убедить его в том, что они — от Бога. Но Антоний сомкнул свои очи и предался молитве, после чего свет исчез. В другой раз сатана, стремясь сломить дух Антония, назвался Богом и Промыслом Божьим. Однако и эта уловка осталась безрезультатной.

Случилось, что диавол наслал на святого стаю свирепых гиен. Но Антоний не дрогнул, а Господь не попустил Своим тварям наброситься на Антония, и они ушли, откуда пришли.

Много и других козней строил ему враг; он же отражал их верой, упованием и молитвой.

«Св. Антоний молился в келье своей и услышал глас, говоривший ему: Антоний, ты еще не пришел в меру такого-то башмачника, в Александрии! Св. Антоний пошел в Александрию, нашел этого башмачника и убедил его открыть, что есть особенного в его жизни. Он сказал: я не знаю, чтоб когда-нибудь делал какое-либо добро, почему, вставши утром с постели, прежде чем сяду за работу, говорю: все в этом городе, от мала до велика, войдут в царствие Божие за свои добрые дела, один я за грехи мои осужден буду на вечные муки. Это же самое со всей искренностью сердечной повторяю я и вечером прежде, чем лягу спать. Услышав это, св. Антоний сознал, что точно не дошел еще в такую меру (Patr. lat. t. 73, p. 785)» . («Добротолубие»)

«Всегда Христом дышите и веруйте в Него»,— призывал умирающий Антоний своих учеников.

НАСТАВЛЕНИЯ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО О ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ* **

1. Да будет общею всем такая преимущественно забота, чтоб, начавши, не ослабевать и не унывать в трудах, и не говорить: — долго уже времени пребываем мы в подвиге; но лучше, как бы начиная каждый день, будем приумножать ревность свою. Целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущими веками, и все наше — ничто пред жизнью вечною <...>

2. Также, взирая на мир, не будем думать, будто отrekliсь мы от великого чего, ибо и вся эта земля очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы и над всею землею были мы господами и отrekliсь от всей земли, то и в этом опять не было бы ничего, равноценного Царству Небесному. <...>

3. <...> Какая выгода приобретать то, чего не возьмем с собою. Почему приобретать нам лучше то, что и с собою взять можем, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, ... веру во Христа, безгневие...? Приобретши сии (добродетели), мы найдем их впереди себя там, приготавливающими нам пристанище на земле кратких. <...>

5. Итак, возьмемся за подвиги и не будем унывать. Ибо в этом имеем мы содейвателем и Господа, как написано: «всякому избравшему благое, Бог содействует во благое» (Рим.8:28). Для этого же, т.е. чтоб нам не малодушествовать, хорошо содержать в мысли и следующее изречение Апостола: «по вся дни умираю» (1Кор.15:31). Ибо если мы станем жить, как умирающие каждый день, то не согрешим. Изречение же сие означает вот что,— чтоб мы, каждый день пробуждаясь, думали, что не проживем до вечера, и опять, намереваясь ложиться спать, думали, что не пробудимся; потому что и по естеству не известен предел жизни нашей, не известно и то, какую меру полагает ей каждодневно Провидение. Так расположившись, и каждый день живя так, мы не будем — ни грешить, ни иметь похоти к чему-либо... <...>

6. Итак, начавши (дело спасения) и вступивши уже на путь добродетели, будем наиболее простираться в предняя, так чтобы достигнуть (Фил.3:14), И никто да не обращается вспять, подобно жене Лотовой... Обратить же вспять, не иное что значит, как раскаться (что оставили мир), и начать опять мирская мудрствовать.

7. Не устрашайтесь, слыша о добродетели, и не чудитесь о имени сем. Ибо не далеко от нас и не вне нас, а в нас есть дело сие; и оно удобно, если только захотим. <...> «Царствие небесное внутри вас есть» (Лк.17:21). Поэтому для добродетели нужно только то, чтоб мы ее захотели, так как она в нас есть и из нас образуется. <...> ...Будем только хранить себя от худых помыслов и соблюдать душу свою Господу, как

* Добротолубие / Пер. с греч. свт. Феофана Затворника : [в 5 т.].— Изд. 4-е.— Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. / Т. 1.— 608 с. / Наставления св. отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, извлеченные из слов его в жизнеописании св. Афанасия, из его 20 посланий и 20 слов. 374—396 с.

** Дано в сокращении

принятый от Него залог, чтоб Он признал ее творением Своим, увидев, что она такова, какую Он ее создал.

8. Будем бороться (с собою), чтоб не тиранствовал над нами гнев и не властвовала похоть <...> Но ведя такую жизнь, будем крепко трезвиться и, как написано: «всяким хранением блюсти свое сердце» (Притч.4:23). — Ибо имеем страшных и вселукавых врагов, злых демонов. <...>

11. Они <...> पहले всего покушаются и пытаются положить на пути соблазны: — соблазны же их суть злые помыслы.— Но нам не должно бояться этих внушений их; потому что молитвами, постами и верою в Господа враги тотчас низлагаются. <...>

12. Все попечение надобно прилагать более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душе и искать ее пользы, чтоб не увлекалась она телесными сластями, но паче себе поработала тело. Сие-то значит сказанное Спасителем: «Не печетесь душою вашею, что ясте, ни телом, во что облечетесь» (Мф.6:25).— «И вы не ищите, что ясте, или что пиете: и не возноситеся. Всех бо сих язбыцы мира сего ищут: ваш же Отец весть, яко требуете сих. Обаче ищите», прежде всего, «царствия Его и сия вся приложатся вам» (Лк.12:29—31).

13. Веруй в Господа и люби Его; храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий и, как написано в притчах,— «не прельщайся насыщением чрева» (Притч.24:15); бегай тщеславия, молясь непрестанно, пой псалмы пред сном и после сна; изучай заповеди, данные тебе в Писании, содержи в памяти деяния святых, чтоб памятующая заповеди душа твоя ревность святых имела для себя образцом. Особенно старайся исполнять Апостольское наставление: «солнце да не зайдет во гневем вашем» (Еф.4:26),— и думай, что это сказано вообще относительно ко всякой заповеди, чтоб не заходило солнце не только во гневем, но и в другом грехе нашем, ибо хорошо и необходимо, чтобы не осуждали нас, ни солнце за дневной проступок, ни луна за ночной грех и даже за худое помышление.

14. Чтоб соблудности себя от этого, <...> пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и ночных своих поступках. И если согрешил, да перестанет грешить; если не согрешил, да не хвалится тем, но да пребывает в добре, и не предастся нерадению, — и ближнего не осуждая, и себя не почитая праведным, «дондеже придет Господь» (1Кор.4:5), испытующий тайное.— Не редко и от нас самих бывает сокрыто, что делаем мы. Но хотя не ведаем сего мы; но Господь видит все.— Посему суд предоставляя Господу, будем сострадательны друг к другу, станем «носить тяготы друг друга» (Гал.6:2). <...>

15. К ограждению себя от греха будем соблюдать еще следующее. Пусть каждый из вас замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщить это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает чтоб это видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так если будем записывать свои помыслы, с намерением сообщить их друг другу, легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности.— Итак записывание да заменит для нас очи наших сподвижников, чтобы, чувствуя при записывании такой же стыд, какой чувствуем, когда смотрят на нас, и в мысли мы не держали чего-либо худого. Если так будем образовывать себя, то придем в состояние поработать тело свое, угождать Господу и попираť козни врага.

16. Думаю, что благодать Духа Божия скорее исполняет тех, кои от всего сердца вступают в подвиг и с самого начала определяют себе стоять и ни за что не уступать места врагу, ни в какой брани, пока не победят его. <...>

18. Не безызвестно, что в теле бывают тройкого рода плотские движения.— Первое есть движение естественное, прирожденное ему, которое однако ж ничего не производит (греховного, совесть тяготящего), — без согласия души, а только дает ощущать, что оно есть в теле.— Другое движение в теле происходит от слишком обильного питания тела пищею и питием, когда рождающийся от этого жар крови поднимает в теле брань против души и склоняет ее к нечистым похотям.— Потому-то и говорит Апостол: «не упивайтесь вином, в немже есть блуд». Равно и Господь заповедует ученикам Своим в Евангелии: «внемлите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством» (Лк.21:34). <...> Третье движение бывает от злых духов, которые по зависти искушают этим и покушаются расслабить взывавших чистоты ... уклонить с пути хотящих войти в дверь чистоты. <...>

19. Впрочем, если человек вооружится терпением и неуклонною верностью заповедям, кои от Бога, то Дух Святой научит его ум, как очистить душу и тело от таких движений. Если же он расслабит когда чувством и попустит в себе небрежение о слышанных им заповедях и повелениях, то духи злые начнут одолевать его, насыдут на весь состав тела и станут сквернить его тем движением до того, что измученная душа не будет знать куда деваться, не видя в отчаянии, откуда бы пришла к ней какая-либо помощь; и только после того, как она, отрезвившись, станет снова на сторону заповедей и, восприявши их ... предаст себя Духу Божию, снова исполняется она спасительным настроением. Тогда-то уразумевает она, что покоя должна она искать единственно в Боге, и что только таким образом возможен для ней мир.

20. Необходимо — согласно и равно нести труды покаяния и душой и телом, стремясь к совершенной чистоте. И когда ум сподобится такой благодати, чтоб без саможаления и поблажки вступить в борьбу со страстями, тогда ему присущи внушения, указания и подкрепления Духа, помощью которых он успешно начинает отражать от души все нечистые приращения, исходящие от похотей сердца. Дух сей, сочетавшись с умом (или духом человека), ради решимости строго исполнять узнанные заповеди, направляет его к тому,

чтоб отгонять от души все страсти как примешивающиеся к ней со стороны тела, так равно и ее собственные, кои есть в ней независимо от тела. Он научает его держать в порядке тело — все, с головы до ног: глаза, чтоб смотрели с чистотой; уши, чтоб слушали в мире (или мирное) и не услаждались наговорами, пересудами и поношениями; язык, чтоб говорил только благое, взвешивая каждое слово и не допуская, чтоб в речь вмешалось что-либо нечистое и страстное; руки, чтоб были приводимы прежде в движение только на воздеяние в молитвах и на дела милосердия и щедродательности; чрево, чтоб держалось в должных пределах в употреблении пищи и питья, сколько нужно только для поддержания тела, не допуская похотению и сластолюбию увлекать себя за эту меру; ноги, чтоб ступали право и ходили по воле Божией, направляясь к служению добрым делам. Таким образом, тело все навывает всякому добру и изменяется, подчиняясь власти Св. Духа, так что наконец становится в некоторой мере причастным тех свойств духовного тела, какие имеет оно получить в воскресение праведных.

21. Душа имеет, как указано, свои собственные страсти, кои суть: гордость, ненависть, зависть, гнев, уныние и другие подобные. Когда душа предает себя Богу всею силою своею, тогда Всещедрый Бог подает ей дух истинного покаяния и очищает ее от всех сих страстей, научая ее не следовать им и давая силу преодолевать их и препобеждать врагов, которые не перестают полагать ей препоны, стараясь посредством искушений снова похитить ее себе. И если она пребудет твердою в своем обращении и в добром повиновении Духу Святому, научающему ее покаянию, то милосердный Творец сжалится над нею, трудов ради ее, со всякою теснотою и нуждою подъемлемых — в постах долгих, бдениях частых, в поучениях в Слове Божиим, в непрестанной молитве, в отречении от всех мирских утех, в услужении всем от чистого сердца, в смирении и нищете духом,— если пребудет твердою во всем этом, Всещедрый, милостивым призывом на нее оком, избавит ее от всех искушений и исторгнет из рук врагов милостью Своею. <...>

23. Не безызвестно вам, что враги истины непрестанно усиливаются уничтожить её. Бог же во всякое время посещал тварь Свою, от самого начала создания мира, и тех, которые приступали к Создателю своему от всего сердца своего, научал, как должно Его почитать. Но когда, по страстности плоти и злобе врагов, борющихся нас, добрые стремления души потеряли силу, и люди не могли даже постигнуть того, что свойственно им по их естеству и назначению, а не только избавиться себя от грехов, чтоб возвести себя в первобытное состояние: тогда Бог сотворил с ними милость и научил их истинному Богопочтению чрез закон писанный. Когда же и это не помогло, тогда Бог, видя, что рана расширяется и требует решительного врачевства, определил послать Сына Своего Единородного, Который и есть единственный Врач наш.

24. Побеждаемый любовью к Иисусу Христу, я, смотря на наше время, испытываю то радость, то сетование и плач. Очень многие в роде нашем облеклись в одежду благочестия (иноческую). Но из них некоторые только сделали это от всего сердца и сподобились получить принесенное пришествием Господа Иисуса избавление. И это суть те, о которых я радуюсь. Иные же, презревши силу (своего обета), действуют по воле плоти и склонностям сердца своего,— чрез что пришествие Господа стало им в обличение. И это суть те, о которых я сетую. Иные, наконец, помышляя о долготе времени подвига, упали духом; почему сбросили с себя одежду благочестия и стали как бы бессловесными. И это суть те, о которых я плачу, так как пришествие Господа нашего Иисуса Христа стало им в осуждение. <...>

26. В то время, когда ветер дует ровно, всякий мореплаватель может высоко думать о себе и похватать собою; но только при внезапной перемене ветров, открывается искусство опытных кормчих. <...>

29. Все святые, когда видят, что мы ленимся и нерадим,— скорбят, плачут и сетуют; когда же видят, что мы становимся исправными и возрастаем в совершенстве,— радуются, и в радости и веселии непрестанно многие изливают о нас к Создателю молитвы. И Господь тогда утешается добрыми делами нашими, равно как свидетельствами и молитвами святых,— и ущедряет нас всякими дарами.

30. Кто от всего сердца не возмемет ненависти к тому, что свойственно вещественной и земной плоти и ко всем ее движениям и действиям,— и ума своего не восторгнет горе к Отцу всех, тот не может получить спасения. Кто же сделает это, над трудами того умилиосердится Господь наш и дарует ему невидимый и невещественный огонь, который попалит все находящиеся в нем страсти и совершенно очистит ум его. Тогда возбодается в нем Дух Господа нашего Иисуса Христа и пребудет с ним, научая его поклонению Отцу достойному. Но пока мы соуслаждаемся вещественной плоти своей, дотоле врагами бываем Богу и Ангелам Его и всем святым. Умоляю же вас именем Господа нашего Иисуса Христа, не нерадите о жизни вашей и спасении вашем и не попустите этому времени мгновенному похитить у вас вечности, которой конца нет, и этому телу плотяному лишить вас царства светов, беспредельного и неизглаголанного. Истинно, смущается душа моя и дух мой цепенеет от того, что, когда нам свобода дана, чтоб избирать и делать дела святых, мы, опьяневши страстями, подобно пьяным от вина, не хотим умов своих воздвигнуть горе и взыскать вышней славы, не хотим подражать деяниям святых или последовать стопам их, чтоб, сделавшись наследниками дел их, получить вместе с ними и наследие вечное. <...>

32. Сколько мириад злых бесов, и сколь бесчисленны виды козней их! <...> Да откроет Господь очи сердец ваших, чтоб вы видели, <...> остерегаясь зависти демонов во всякое время и их злых советов, их скрытных козней и прикровенной злобы, их обманчивой лжи и помышлений хульных, их тонких внушений, которые влагают они каждый день в сердце, гнева и клеветы, на которые подушают они нас, чтоб мы друг на друга клеветали, себя самих только оправдывая, других же осуждая, чтоб злословили друг друга или, сладким говоря языком, скрывали в сердцах наших горечь, чтоб осуждали внешность ближнего, внутри самих

себя имея хищника, чтоб спорили между собою и шли наперекор друг другу, в желании поставить на своем и показаться честнейшими. Всякий человек, который услаждается греховными помыслами, падает произвольно, когда рад бывает (сочувствует) тому, что в него влагаемо бывает от врагов, и когда думает оправдать себя только видимо совершаемыми делами, будучи внутри жилищем злого духа, который научает его всякому злу. <...>

33. Природа умная и бессмертная сокрыта в тленном теле нашем для того, чтобы в нем и чрез него обнаруживать свои действия. <...>

34. Дьявол, ниспавший из своего небесного чина за гордость, непрестанно усиливается увлечь в падение и всех тех, кои от всего сердца желают приступить к Господу,— тем же самым путем, каким и сам ниспал, т. е. гордостью и любовью к суетной славе. Этим-то борются нас демоны, этим-то и другим подобным думают они отдалить нас от Бога. Сверх того, зная, что любящий брата своего, любит и Бога, они влагают в сердца наши ненависть друг к другу,— до того, что иной видеть не может брата своего или сказать с ним слово. <...>

35. Если желаем искренно приступить к Создателю нашему, то необходимо нам подвизаться об освобождении душ наших от страстей, по духовному закону. Ибо от наших злых дел, от услаждения страстями, от множества дьявольских искушений ослабела наша умная сила и замерли добрые движения душ наших; мы не можем уже познать красоту (и требования) нашей духовной природы, по причине страстей, в которые впадаем; и нет нам ни от кого спасения, кроме Господа нашего Иисуса Христа, как написано у Апостола Павла, что «как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1Кор.15:22). Господь наш Иисус Христос есть жизнь всех разумных тварей, созданных по подобию образа Его.

38. <...> Кто возделывает себя этим возделыванием (показанными подвигами), тому дастся Дух сей навсегда и навеки. Пребудьте в молитвах с преболезненным исканием от всех сердец ваших,— и дастся вам. Ибо Дух тот обитает в правых сердцах. И он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны; отгонит от вас страх людей и зверей,— и будет у вас небесная радость день и ночь; и будете в этом теле как те, кои уже находятся в царствии (небесном).

39. <...> ...У Бога нет на лица зрения. Когда человек, желая иметь в себе свет Божий и силу Его, презирает поношения мира сего, равно как и почеты его, ненавидит все мирское и покой тела, и сердце свое очищает от всех худых помышлений, непрестанно приносит Богу пост и деннонощные слезы, равно как чистые молитвы, тогда Бог щедряет его тою силою. Таковую-то силу стяжать поревнуйте,— и вы будете совершать все дела свои спокойно и легко, получите великое к Богу дерзновение, и Он будет исполнять все ваши прошения.

40. Бог слушает любящих Его и ищущих Его от всего сердца своего. <...> Много в роде нашем таких, которые не получили той силы, которая доставляет душе сладость и исполняет ее день ото дня все большей и большей радостью и весельем, и возжигает в ней Божественную теплоту. Их обольщает дух злой, за то, что они дела свои совершают напоказ пред людьми. Вы же, плоды трудов ваших принесите пред лице Господа, старайтесь удаляться от духа тщеславия и непрестанно ведите против него брань, чтобы Господь принял ваши плоды, которые приносите вы пред лице Его, и ниспослал вам силу, которая дается избранным Его. Не переставайте противиться этому духу злему; ибо, когда человек приступает к добрым делам и к прекрасному подвигу, подбегает и этот дух, чтоб войти с ним в часть или чтоб совсем отклонить его от таких начинаний. Он не терпит, чтоб кто поступал праведно, и противится всем, которые желают быть верными Господу. Многих он совсем не допускает до добродетели, а у других вмешивается между делами их и губит плоды их, научая их совершать добродетели и творить дела милосердия, примешивая к ним тщеславие. О таких люди думают, что они обогатены плодами, тогда как они совсем их не имеют,— а похожи на смоковницу, о которой думали, что на ней много сладких плодов, когда смотрели на нее издали; ближе же подошедши, ничего не нашли на ней. <...>

41. Молитесь — да дарует вам Бог благодать все ясно видеть и разуметь, чтоб вы верно могли различать, что добро и что зло. <...>

42. <...> Только души, которые восприняли Духа и небесною напоены сладостью, возрастают.

43. Говорите, что вы грешники, и оплакивайте все, в состоянии нерадения вами надделанное. За это благоволение Господа будет с вами и будет действовать в вас: ибо Он благ и отпускает грехи всех, обращающихся к Нему, кто бы они не были, так что не помянет об них более. Однако же Он хочет, чтоб те (помилованные) сами помнили о прощении грехов своих, доселе соделанных, чтоб, забыв о том, не допустить чего в поведении своем такого, из-за чего принуждены будут дать отчет и в тех грехах, которые были уже им прощены,— как это случилось с тем рабом, которому господин отпустил весь долг, которым он был должен ему. Ибо — когда забыв об этой милости, он неправедно поступил с сорабом своим, господин его потребовал от него весь бывший на нем долг, уже отпущенный было ему,— за то, что он не сжалился над сорабом своим и не отпустил ему ста динариев,— суммы ничтожной, сравнительно с той, которая была ему отпущена (Мф.18:23 и др.). <...> Таким образом, когда Господь отпускает нам грехи наши, мы должны не отпускать их себе самим, но всегда помнить о них, через возобновление раскаяния в них. <...>

47. Когда престаёт в человеке царство греха, тогда является душе Бог и очищает ее вместе с телом. Если же царство греха живет в теле, то не может человек видеть Бога, ибо душа его находится в теле и не имеет места в ней свет, который есть видение Бога. <...>

48. <...> Не будем дивиться, что путь наш очень отдален, потому что мы еще находимся в духовном детстве. Видим, что и великому оному пророку Илии было сказано: встань, ешь, пей и укрепись; ибо долог еще путь твой (3Цар.19:7), (а он шел к Боговидению). <...>

49. Как тело, пока в нем бывает душа, проходит три возраста, именно: юность, мужество и старость; так три же возраста проходит и душа, сокрытая в теле, именно: начало веры, преуспевание в ней и совершенство. <...>

50. <...> ...Кто старается быть чистым во всех членах своих, тот истинно духовный подвижник. И он-то есть обучивший все чувства свои и не позволяющий им властвовать над собою, но сдерживающий их и подклоняющий под иго Господне великой чистотой. <...>

51. Всякий желающий быть истинно-духовным подвижником, должен стараться держать себя вдали от шумного многолюдства и не приближаться к нему, чтоб быть и телом, и сердцем, и умом вне смятения и круговращения людского... <...>

52. Хочу сказать вам и то, чему подобна душа, в которую вселился огонь Божий. Подобна двукрылой птице, горе возносящейся по небесному воздуху. <...> <Диавол> хорошо знает, что пока есть в вас огонь сей, он одолеть вас никак не может.

53. Противьтесь диаволу и старайтесь распознавать его козни. Он горечь свою обычно скрывает под видом сласти, чтоб не быть открытому, и устраивает разные призрачности, красные на вид, — которые, однако ж, на деле совсем не то суть, — чтоб обольстить сердца ваши хитрым подражанием истине, которая достойно привлекательна: к этому направлено все его искусство, чтобы всеми силами противиться всякой душе, добре работающей Богу. <...>

54. <...> ...Душа человеческая, если нет в ней Божией радости, бывает слаба и многие приемлет раны. Если она постарается найти себе какого-либо человека, Божия служителя, искусного в духовном врачевстве, и к нему прилепится, то он прежде исцелит ее от страстей, потом воскресит и научит ее, как при помощи Божией получить радость ту, которая есть ее пища. Тогда-то она воспротивится врагам своим, кои суть духи злые, и их одолеет, и советы их потопчет, и совершеннейшей еще возрадуется радостью. <...>

57. Укажу вам дело, которое одно делает человека твердым в добре и блюдет его таким от начала до конца, именно: любите Бога всей душой вашей, всем сердцем вашим и всем умом вашим, и Ему единому работайте. <...>

62. Терпеливо носите беды и скорби, какие с вами случаются; и благодарение воздавайте за них Господу с великим смирением, да вкусите радость от трудов ваших... <...>

63. Пребудьте в терпении и не давайте расслабляться сердцам своим во время бедствий ваших, но воздавайте за них благодарение, чтобы получить воздаяние от Господа. <...>

67. <...> Эта жизнь есть путь подвигов и искушений.

71. Кто незлобив, тот совершен и богоподобен. Он исполнен радования и есть покоище Духа Божия. Как огонь сжигает большие леса, когда понебрежешь о нем; так злоба, если допустишь ее в сердце, погубит душу твою и тело твоё осквернит, и много принесет тебе неправых помышлений; возбудит брани, раздоры, молвы, зависть, ненависть и подобные злые страсти, отягчающие самое тело и причиняющие ему болезни. Поспешите стяжать незлобие и простосердечие святых... <...>

72. <...> Господь же наш так говорит в Евангелии: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрячете покой душам вашим» (Мф.11:29). Итак, стяжите себе смирение и не ходите с гордостью сердца, свойственной диаволам. Кто ходит с гордостью сердца, тот причастник диаволов. Человек высоко-серднный всем ненавистен, потому что дела его хвастливы: от чего и впадает он во многие грехи. Все грехи мерзки перед Богом, но всех мерзостнее гордость сердца. Кто увещевает или подает совет гордому, тот походит на льющего воду в дырявый сосуд, или на того, кто стирает речь к пролетающей птице. Гордые сердцем люди презренны перед Богом... <...>

73. Не ходите вслед похоти очес своих и не расслабляйтесь сердцем своим. Ибо злая похоть развращает сердце и омрачает ум. Дальше отходите от ней, да не прогневаются на вас живущий в вас Дух Божий. Станем подвизаться за чистоту, даже до смерти, и всячески блюсти себя от скверных похотей: для того будем остерегаться взирать на красоту жен. Не будем рабами нечистых страстей и срамных похотей... <...>

74. Кто не может хранить уст своих и языка, пусть позаботится, по крайней мере, «не мног быти в словесех буди» (Иов.11:3). Блюдись, человек, возьми власть над языком своим и не умножай слов, чтоб не умножить грехов. Положи перст на уста твои и узду на язык твой, потому что многоречивый человек не оставляет в себе места Духу Святому. Если кто, новичок еще, беседуя с тобою, спросит тебя о чем-либо спасительном для души его, ответь ему; если же о том, от чего нет ему пользы, будь как глухой, который не слышит, и как немой, который не говорит.

75. Понудим себя крепкую приставить стражу к устам своим, чтоб о ком-либо не сказать чего-либо худого, потому что худая речь хуже всяких ядов. Все раны залечиваются, а рана от языка не имеет врачевания. Язык неосторожного охудателя, движимый диаволом, ядовитее языка змеиноного, потому что он возбуждает свары и горькие враждования среди братий, сеет мятежи и злодейства между мирными и рассеивает многолюдные общества. Итак, бегайте осуждения других и прилежите молчанию. Любящий молчание пребывает близ Бога и Ангелов Его, и в вышних место его. Господь говорит, что Он тогда сохранит пути твои, — когда ты сам будешь хранить уста свои (Притч.13:3).

76. Святое Писание удостоверяет, что стыд бывает двоякого рода: один, от которого рождается грех; а другой, от которого происходит слава и благодать (Сир.4:23—25). Стыдение сделать грех есть истинный и спасительный стыд; стыд же, из которого рождается грех, есть стыдение препятствующее приводить в исполнение заповеди Божии. Ничего не стыдись делать, что согласно с волей Божьей, и в деле истины не таись; не бойся возвещать учение Господне или словеса премудрости... <...>

77. <...> Итак, будем подвизаться даже до смерти, противясь тщеславию, и его злейшие отсечем отрасли, чтоб не быть доведенными до погибели. Беги от тщеславия; ибо многие погибли от него. Оно побуждает человека на многие труды, — посты, молитвы, многократные бдения ночные, милостыни, раздаваемые пред человеками и на многое подобное; но всем этим он ничего другого не достигнет, кроме стыда и поношения. Не будем стараться выказывать в себе что-либо, особенно великое, чтоб не погибнуть по причине сего и не запутаться в многочисленные отрасли тщеславия, потому что демонов тщеславия чрезвычайно много. <...>

78. Господь наш Иисус Христос в Евангелии Своём сказал: «в терпении вашем стяжите души ваша» (Лк.21:19). Также: «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф.10:22; 24:13). С какой потому ревностью надлежит нам истинно потрудиться и потерпеть... <...> ...Ни один художник не хвалится своим произведением прежде окончания его. Того надлежит наименовать блаженным, кто стяжал победу терпением. В свое время он прославлен будет в вышних, как Лазарь.

79. <...> Истинно блажен тот, кто бодрствует и исполняет заповеди Господа нашего Иисуса Христа, пока достигнет истинного познания Его... <...> Кто проповедует истину неверу, укоряет или учит его, тот подобен человеку, бросающему драгоценнейшие перлы в глубину моря. Напротив, как вода по наклонной земле стекает вниз и бежит туда стремительно, так слово Господне натекает в душу верующего.

80. Будем бодрствовать и постоянно возгревать благую ревность в доме ума нашего, чтоб не назвали нас нерадивыми и ленивыми. Над ревностным и бодренным страсти никогда не возьмут верха. Если ж падет он когда, по козням искусителя, ревность и бодренность тотчас восстанавливает его. А нерадивый и беспечный, не имеющий ревности о богоугождении, если падет от искушений диавола, даже не замечает совершенного им греха, потому что сердце его жестко, как камень, и он подобен мулу усмирённому и заузданному, на которого всякий садится, без сопротивления с его стороны. В такого рода людях диавол совершает все свои похоти и свое всецелое растление и куда хочет влечет каждого из них, пока исполнятся неправды его, и он умрет со стенаниями и плачем. Нерадивый походит на дом, развалившийся и брошенный жильцами, — который никакой ни у кого не имеет цены, но отвратителен всем, будто проклятый, как жилище ехидн, скорпионов и зверей; никто о нем не печется, как о развалившемся и запустелом. Таково состояние нерадивого! Позаботьтесь хранить ревность, и никогда не отлагайте ее, чтоб не попасть под власть врага. Когда есть в человеке эта прекрасная ревность и благопопечение, то она от всех падений и повреждений восстанавливает и предохраняет его, так что человек такой бывает местом упокоения Духу Святому и, счастливо совершив путь свой, удостоивается в мире внити в покой святых. <...>

82. Будем праведно ходить... <...> То есть, в чистоте тела, в чистоте языка, в чистоте очей, в чистоте рук, в чистоте ушей, в чистоте ног, в правом пред Богом помышлении и в чистом сердце в отношении друг к другу...

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О ДУХОВНОСТИ, КУЛЬТУРЕ И ПРАВСТВЕННОСТИ

ОБРАЗ ХРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. РЕРИХА*

Великий художник и мыслитель Николай Константинович Рерих, будучи высоко одухотворенным человеком и истинным патриотом России, свято почитал Иисуса Христа, вечные христианские ценности и на протяжении всей жизни раскрывал и утверждал их в своем творчестве.

Немаловажно отметить, что Николай Константинович еще в детские годы встречался со святым праведником Иоанном Кронштадтским, посещавшим семью Рерихов. «Вместе с о. Иоанном входило великое ощущение молитвы, исповедание веры», как позже

вспоминал художник.

На всю жизнь запомнилось Николаю Константиновичу напутствие отца Иоанна, полученное от него в Академии художеств: «Не болей! Придется для Родины много потрудиться».

«От веры и от отцов моих не отрекусь»,— утверждал Н. К. Рерих в 1932 году в письме Иоанну Шаховскому, настоятелю Сергиева Подворья в Париже. И там же запечатлены сокровенные, великие по своей мудрости и правде мысли: «Сердце привлекало меня к пониманию Христа, сердце привлекало меня к Сподвижникам Божьим, и сердце помогало изображать их, оберегая от сект, от инквизиторского духа, ибо правильно вы сказали — Свет Христа Един».

Действительно, образы святых подвижников стали значительной по количеству и своему прекрасному содержанию частью живописного наследия художника. Но также важно помнить, что Рерих внес большой вклад в христианскую культуру, работая для Русской Православной церкви. Эта страница биографии Николая Константиновича не столь известна.

В 1903—1904 годах он совершил поездку по старинным городам России, после чего в большом количестве этюдов и статей громко поднял вопрос о ценности древнерусской иконописи и архитектуры, о необходимости их сохранения. В своей статье «Иконы» Рерих писал: «Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать, не только как документы религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам. <...> Значение для Руси иконного дела поистине велико. Познание икон будет верным талисманом в пути к прочим нашим древним сокровищам и красотам, так близким исканиям будущей жизни».

В 1906 году Николай Константинович, став директором Рисовальной школы Императорского общества поощрения художеств, создал иконописную мастерскую. В тот период Рерих был целиком поглощен темой Руси Святой. Он разрабатывает мозаичные эскизы и их реставрирует, расписывает церкви. А именно, шесть православных храмов: церковь «На пороховых заводах» близ Шлиссельбурга (была разрушена во время Великой Отечественной войны), Покровская церковь в Пархомовке и Троицкий собор Почаевской лавры на Украине, церковь Казанской Божьей Матери в Перми (иконостас), часовня Святой Анастасии в Пскове (эскиз росписи) и Храм Святого Духа в Талашкино близ Смоленска (эскизы стенописи).

Строительство последнего было задумано княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой. Она обратилась к Рериху с просьбой участия в художественном оформлении храма, возведенном по его же проекту. Николай Константинович с 1909 по 1914 год работал над оформлением этой обители и так отзывался о процессе: «В этой постройке могут счастливо претвориться чудотворные наследия старой Руси с ее великим чутьем украшения. <...> Где желать вершину красоты, как не в храме, высочайшем создании нашего духа».

А вот как характеризовала художника княгиня Тенишева: «Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, через него скажется Божья правда. <...> Мы поняли друг друга, Николай Константинович влюбился в мою идею, Духа Святого уразумел».

Среди подвижников Русской Православной церкви особое, несравнимое с другими место занимает фигура Святого Сергия Радонежского. Высокий образ этого духовного защитника Руси глубоко раскрыл в своем творчестве Николай Рерих.

* Образ Христа в творчестве Николая Константиновича Рериха. Подготовили Борис Зайцев, Диана Галлямова.
https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=7288

Исследователь его наследия, создатель общественного Музея имени Н. К. Рериха в Москве, академик РАЕН Людмила Васильевна Шапошникова в своей книге «Мастер» подчеркивает особую, удивительную связь Рериха с Сергием Радонежским как людей, объединенных одними идеалами и устремлением: «И что-то личное иногда проскальзывало в этом его интересе к тем временам и к эпической фигуре Сергия Радонежского. <...> Существовала некая странная, не всегда поддающаяся определению связь между ними. Некая, я бы сказала, похожесть. Та похожесть, которая нередко объединяет учителя и ученика. Неканоническая церковная роспись Рериха несла в себе отголоски тех взглядов, которые были у инока Сергия. Временами казалось, что Рерих как бы продолжает идеи Сергия, развивает их, вскрывает их жизненность. Его, как и Сергия Радонежского, отличала широта исторического мышления. Оба они, инок и художник, считали, что культурное строительство является главным в любом строительстве, что первое — основа всему. Тот настрой, который был присущ Сергию, нередко одухотворял рериховские полотна. И тогда в них возникал чудесный сплав мужества, красоты и глубокого проникновения в суть Времен».

Обители Сергия Радонежского Николай Константинович посвятил серию из шести картин, получившую название «Санкта» («Святые»). Эти работы были написаны в 1922 году в Америке, они произвели фурор среди местных жителей. Люди открыли неизвестную для них ранее тему подвижничества русских святых и были потрясены им.

Одно из произведений данной серии — картина «И Мы видим» — раскрывает перед зрителем кульминацию духовного подвига тех, кто придерживается универсальных истин, лежащих в основе заветов святого Сергия. Фокусом этой картины является видение Лица Спаса Нерукотворного — очевидное свидетельство многих небесных посещений, которых отец Сергий, согласно автору его жития, удостоивался в течение всей жизни. Лик написан в традиционной иконографической манере на плате, который держит ангел. Наиболее поразительное впечатление производит взгляд всевидящих, добрых и в то же время строгих и глубоко проникающих в душу зрителя глаз Спаса.

Для монаха, созерцающего лик Спаса, этот момент становится свидетельством завершения духовного странствия благодаря усердию, терпению и любви к Высшей Сущности. Небесное видение помогает монаху понять, что все испытания и несчастья, которые он переносит, не напрасны, что только через преодоление он смог принести свою духовную силу на служение человечеству.

С 1923 по 1928 год под руководством Николая Константиновича Рериха проходила крупнейшая Центрально-Азиатская экспедиция, в ходе которой художник и ученый изучал древнейшие территории формирования мировой цивилизации. Он интересовался преданиями о пребывании на Востоке Иисуса Христа. Был собран материал, значение которого для всей планеты невозможно переоценить. Николай Константинович и его супруга Елена Ивановна Рерих, философ с мировым именем, записали целый ряд апокрифических сказаний, опубликовав их затем в книгах Учения Живой Этики и в труде «Криптограммы Востока». Собранные Рерихами сведения о Христе не противоречат текстам канонических Евангелий, но вносят новое понимание жизни Великого путника, представляя неизвестный период Его пребывания в Гималаях.

И, конечно же, Николай Константинович отразил полученные великие знания на своих гениальных полотнах, передав как историческую правду об Учителе Иисусе, так и завещанные им людям истины и идеалы.

Так картина «Знаки Христа» была создана на основе предания, записанного Еленой Ивановной Рерих. Художник изобразил на ней Христа, сидящего на холме и смотрящего на пески, залитые луною. Взяв бамбуковую трость, он очертил квадрат вокруг отпечатка его следа, прибавив: «Истинно говорю — ногою человеческою». Потом, отпечатав ладонь, также заключил ее в квадрат: «Истинно — рукою человеческою». Между квадратами он начертил подобие колонны и покрыл как бы полусферой». Слова «рукою человеческою» и «ногою человеческою» заключают в себе один из основных принципов духовного восхождения человека. Не при помощи чудесного воздействия человек приближается к высшим мирам, а в труде и в действии обычного дня, проявляя свои лучшие мысли и чувства.

Названная картина была написана в Сиккиме и вошла в грандиозную серию картин «Знамена Востока», посвященную величайшим учителям человечества, философам, подвижникам. Примечательно, что на сохранившемся наброске к картине «Знаки Христа» практически нет отличий от финальной версии. То есть художник не делал много подготовительных эскизов, носил образы в себе и практически без исправлений изображал их на холсте.

Как уже говорилось, Николай Константинович тщательно фиксировал гималайские места, связанные с легендами о пребывании Иисуса Христа на Востоке. Некоторые из них сохранили предания о присутствии там другого Великого Учителя — Гаутамы Будды. Данная тема сподвигла Рериха на создание таких картин, как «Ступа. Ладак» (1937) и «Перекресток путей Христа и Будды» (1925), которые входят в коллекцию Русского музея и экспонируются сейчас в Казани.

В период Центрально-Азиатской экспедиции Николай Константинович создал картину «Чаша Христа» (1925). Сюжет ее связан с евангельским эпизодом моления Иисуса в Гефсиманском саду в ночь перед взятием под стражу по доносу Иуды.

Предчувствуя свой крестный путь, Христос обратился к Господу: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Евангелие от Матфея, 26:39).

Художник делает акцент на самой фигуре Христа, погруженной в молитвенное состояние перед принятием Чаши высочайшего самопожертвования. Рерих намеренно помещает Иисуса в верхний левый угол, а центр полотна и задний план заполняет ночным пейзажем и силуэтами зданий города, расположившегося на горе, как символ будущего Светлого Града.

Понятие Чаши имеет глубокий космический смысл, о котором писала Елена Ивановна Рерих: «Хр[истос], желая показать силу Духа над физической материей, принял чашу и запечатлел своей кровью Завет, принесенный Им — “нет больше любви той, как если кто положит душу свою за други своя”. <...> Чаша самопожертвования сверкает всеми огнями радости несказуемой в Мирах Высших, и лишь на нашем плане, плане испытаний и скорби, чаша эта полна горечи и яда. Дух, осознавший радость самоотвержения, есть Высшая Красота. Красота и Самопожертвование лежат в основании Бытия» (Письмо от 8 июня 1936 года).

После окончания Центрально-Азиатской экспедиции художник не раз в своем творчестве будет возвращаться к образу Христа из преданий и древних сказаний Азии. Речь идет о следующих картинах: «Исса и голова Великанова» (1932), «Тень Учителя» (1932), «Христос в пустыне» (1933), «Искушение Христа» (1933), «Сошествие во ад» (1933), «Путь» (1936).

Во всех названных произведениях сохраняется предельно бережное отношение к фактам биографии Великого Учителя и передана могущественная сила его духа, наполняющая полотна и душу зрителя удивительным и непреходящим светом.

Преисполненный божественной мудростью и любовью, которые посылались на землю из высших миров, Христос преодолел все искушения мира сего. Он открыл духовные богатства людям, направляя их сознание к Наивысшему. Став живым примером безупречного исполнения нравственных заповедей, Христос утвердил победу Света над тьмой.

«Твердо Он шел,— записано об Иисусе Христе в Учении Живой Этики,— ибо решил в сердце подвиг. Уже был предудан подвиг, но его нужно было принять всем сердцем, без сомнения и без сожаления».

Николай Константинович Рерих стремился представить Христа как Царя Духа, как космический или духовный фокус, объединяющий сознания и сердца людей, собирающий все созидательные силы и вызывающий к жизни творческие энергии, отвечающие эволюции. И, безусловно, художник достиг своей цели, дав возможность нам, потомкам, познавать деяния и заветы Спасителя человечества, идти в своей жизни по указанному им пути.

Подготовили Борис Зайцев и Диана Галлямова

ЕЛЕНА РЕРИХ И ХРИСТИАНСТВО*

Я исповедую религию духа и твердо на этом стою.

Н. А. Бердяев

Сердце, стремящееся к Величайшему Сердцу, Сердцу Христа, не сойдет с пути.

Е.И.Рерих

Есть Дух милосердия, правды, свободы — это Дух Святой, Дух Христов. И есть дух ненависти, лжи, насилия — это дух Дьявола. По этим признакам разделяется все в нашем мире: это и есть настоящая граница Церкви Христовой. Граница, которая проходит как между людьми, так и «внутри» каждого человека.

Сергий Желудков

«Страшно жить и творить в то время, когда находятся люди, позволяющие себе бросать грязь в подвижников русской культуры, а другие люди спокойно это выслушивают, печатают и распространяют», — *Е. Рерих. Портрет работы В. Серова* негодовал в свое время известный русский писатель

Г. Д. Гребенщиков, современник Н. К. Рериха, до глубины души возмущенный обвинением великого художника и миротворца в сатанизме. На вопрос: «Почему мы такая дрянь?», адресованный нашим соотечественникам, он отвечает: «А “дрянь” мы потому, что, считаясь христианами, мы все время сами распинаем Христа, разрывая Его ризы взаимной ненавистью, ложью, еретическим извращением фактов, неумным самохвалством и презрением ко всему тому, что выше нашего понимания. Это

* Т. О. Книжник. Елена Рерих и христианство. <https://www.found-helenarerich.ru/bibliography/statia/stat5.php>

постоянное оплевывание ближнего, постоянное ковыряние в глазу соседа в поисках сучка и безнадежное ослепление целым лесом бревен в собственных глазах — вот что делает нас дрянью» [6, с. 491].

125-летие со дня рождения Елены Ивановны Рерих ознаменовалось не только тем, что мы теперь имеем возможность свободно изучать и публиковать ее труды. Новое мировоззрение, отраженное в ее наследии, сталкивается на своем пути с трудностями, осуждением и открытым противодействием со стороны носителей старого сознания — ортодоксальных «научных» философов, нетерпимых религиозных деятелей, малокультурных чиновников, представителей СМИ и так называемой «культурной элиты». Одно из основных направлений, по которым ныне развернулась ожесточенная борьба против Рерихов и их идей,— это объявление Живой Этики религиозным учением и обвинение самих Рерихов, в первую очередь Елены Ивановны, благодаря которой эти книги увидели свет и которая оставила нам огромное эпистолярно-философское наследие, в пропаганде сатанинских воззрений. Живая Этика действительно затрагивает вопросы, традиционно относившиеся к религиозной сфере, как то: духовное совершенствование человека, его место в Мироздании, взаимодействие с Высшими мирами, этика поведения среди себе подобных и т. д., но это еще не дает оснований отождествлять ее с религией.

Сами Рерихи, а равно их просвещенные последователи, уже давно дали определение Живой Этики как научно-философской системы, повествующей о закономерностях космической эволюции, в которой в равной степени использованы находения научной, религиозной и художественной мысли. В Живой Этике нет религиозного культа (а есть сознательная и научно-осмысленная этика), отсутствуют обряды. Вере действительно придается огромное значение — но это не слепая вера, а понимание сути вещей, то есть вера, объединенная со знанием. Моральные и этические заповеди, лежащие в основании всех великих религий, в том числе и христианства, получили в Живой Этике не только нравственное, но и научное обоснование. И если она прославляет те же вечные ценности, что и Евангелие — любовь, добро, милосердие, сострадание, справедливость, свободу, самоотверженное служение, осознанное управление своей жизнью,— отсюда отнюдь не следует, что она каким-то образом покушается на чистоту Евангельской веры или маскируется под христианское вероучение. Хотя извращенный ум может придумать что угодно.

«Церковь не судит чужих, но она не может молчать, когда под ее именем, под именем христианства перевирают и попирают святыни ее веры», — дьякон Кураев, взявший на себя обязанности главного идеолога Русской Православной Церкви, объясняет читателям суть произошедшего на Соборе 1994 года [9, с. 365]. «Пока некое учение существует вне Церкви — Церковь не формулирует догматического суждения о нем, предоставляя отдельным полемистам вести дискуссию со «внешней мудростью». Но если собственно церковные люди вдруг начали принимать эту идею и даже проповедовать ее как собственно церковную — вот тут Церковь уже должна предупредить: это не мое!» [9, с. 115]. Но, позвольте, когда и где выступала Елена Рерих под именем или от имени церкви? Она не имела духовного сана, не была ни богословом, ни религиозным философом, ни околоцерковным публицистом и, по ее же собственным словам, «всегда держалась довольно далеко от церкви» [13, с. 304]. Во всех опубликованных на сегодняшний день ее трудах, включая большой очерк о Преподобном Сергии и замечательную книгу «Основы буддизма», вы не найдете и намека на то, что Елена Рерих идентифицирует свое мировоззрение с той или иной религией. Она обращалась ко всем, кто стремился познать истину и понять смысл событий, происходящих вокруг, не делая различия между «язычниками» и христианами, между православными и представителями иных конфессий. «Слово Света может звучать всюду и при всех обстоятельствах» — таково было ее твердое убеждение [13, с. 307]. Вот к кому она никогда не обращалась, так это к носителям темного сознания и ограниченного мышления. Среди качеств, которые Елена Ивановна особенно ценила в людях, было умение мыслить, причем мыслить самостоятельно, не опираясь на навязанные и предвзятые суждения, искусственно насаждаемые стереотипы мышления и поведения, господствующие идеологии. «Знайте больше!» — этот призыв все время звучит на страницах ее эпистол. Невежество делает вас уязвимыми, позволяя обманывать и дурачить разного рода манипуляторам. Невежественным человеком легко управлять. Причину многих бедствий, постигших современное человечество, она видела в том, что люди слишком ленивы и нелюбопытны, они не хотят развивать свое мышление, поднимать свой уровень культуры и образования, расширять свои интересы. «Никто не хочет задуматься, как сложилось современное сознание и, в частности, его собственное, как установились те или иные понятия, которые и являлись основной причиной настоящего положения вещей» [19]. Отсюда и неумение работать с источниками, слишком упрощенное толкование прочитанного, слепое следование букве, а не духу написанного. «Многие ли умеют читать и усваивать прочитанное? Читают глазами, но не духом и сердцем, и внутренний смысл остается недоступным» [14, с. 188]. И следующий закономерный шаг вниз по лестнице — это отказ от самостоятельной работы с материалом и полная отдача себя во власть «разъясняющего слова».

Когда человек не хочет или уже не может включить свой разум и здоровое любопытство, чтобы проанализировать услышанное и прочитанное и составить свое мнение на основании знакомства с первоисточниками, которые, к счастью, в наше время доступны всем — достаточно просто протянуть руку и взять книгу с полки,— ему не остается ничего другого, как довольствоваться чужими интерпретациями, всецело полагаясь на уровень сознания их автора, степень его пристрастности и, что является грустным знамением нашего времени, элементарную порядочность. При этом никто не дает никаких гарантий, что вместо честного исследования и беспристрастного анализа материала вам не будут предложены всевозможные фальсификации,

подтасовки, препарированные цитаты, выхваченные из контекста, и прочие виды надругательств над текстом и авторской мыслью, совершенные в угоду концепциям и целям горе-писателя. Опять же, думающий непредубежденный читатель, привыкший критически работать с текстом, отличит мысль от домысла, логику от алогичного мышления, осмысленную, творчески переработанную информацию от поверхностной эрудиции. Невежда и обыватель примут все за чистую монету. И если некто, облеченный духовным саном и ученой степенью, сказал, что Елена Рерих призывает отречься от Бога, Московский Патриархат это благословил, а издательский коллектив напечатал тысячными тиражами — значит, так оно и есть. Задается ли такой читатель вопросом о том, кто такая Елена Рерих, действительно ли она была безбожницей, что такое христианство и что такое сатанизм, и, наконец, каково его личное понимание Бога? — Вряд ли. Конечно, можно возразить, что клеветники и читатели их писаний — это своего рода замкнутая система, внутри которой действует извечный принцип «спрос рождает предложение». Однако все мы знаем, что мысль материальна, а мысль, воплощенная в слове, — тем более. Ядовитый посев произошел, и рано или поздно он даст свои всходы — сначала в чьих-то сердцах, затем в словах, а там уже недалеко и до действий. Поэтому необходимо справедливое освещение фактов.

У каждого человека есть мировоззрение, определенные представления об окружающем мире, людях и самом себе, о том, что такое хорошо и плохо. По большому счету, бессмысленно говорить о «безверии» — есть разная вера. Ее-то и надо выяснить — только тогда можно будет заключить, насколько она соответствует христианскому (в нашем случае) мировоззрению. Но могу предупредить — кое-кого ожидает полное разочарование: ибо из уст атеиста и тем более сатаниста вы никогда не услышите, что «Бог есть первопричина, духовная основа всей жизни, и, отрицая эту высшую Мощь в нас, мы, истинно, произносим хулу на Духа Святого и утрачиваем путь и связь с Высшим Ведущим Началом, и ввергаемся в Бездну Хаоса» [13, с. 81] или что «Бог есть Любовь, и в любви, и через любовь зачатое каждое проявление Его» [15, с. 173]. Он никогда не даст совет своему корреспонденту: «Следуйте Учению Христа без компромиссов» [18, с. 417] и не скажет: «Преклоним главу нашу в смиреннии перед Тайною Великого Божественного Начала, проявляющегося для нас, смертных, в великолепии всего Созданного, Видимого и Невидимого нам. Почтим это Божественное Начало чистотою жизни и побуждений, принесем на Служение Миру сердце, горящее Любовью и преданностью к Свет Нам Открывшему» [12, с. 371].

Разъясняя своим корреспондентам сей вопрос, Елена Рерих часто приводит слова Апостола Иоанна, который говорит: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:24). А также: «Бог Свет есть, и тьмы в Нем несть ни единыя (1 Ин. 1:5)» [12, с. 364].

В какого Бога не верит Е. И. Рерих? — В Бога, созданного по образу и подобию человека, наделенного всеми человеческими качествами, страстями и пороками, испытывающего весь спектр человеческих эмоций, вознаграждающего за заслуги и карающего за грехи, скованного нашими ограниченными представлениями. В Бога, обладающего, по выражению крупнейшего христианского философа Николая Бердяева, дурным антропоморфизмом и дурным социоморфизмом. В одном из писем, разъясняя своему корреспонденту фрагменты из книги «Чаша Востока», Елена Ивановна дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. «Если Вы внимательно и без предубеждения прочтете «Письмо о Боге», Вы увидите, что Махатма отрицает и говорит лишь против кошунственного, именно, человеческого представления Личного Бога, жестокого и несправедливого, карающего вечным проклятием каждого еретика и оправдывающего все злодеяния, совершаемые в прославление Его, Бога церковной догмы, который, будучи умиловителен принесением в жертву Его Сына, допускает в Свое Небесное Царство лишь уверовавших в эту жертву. Но так как человечество, от самого начала своего, рождалось и рождается во множестве вне лона христианской церкви, то, значит, огромное большинство осуждено на вечные муки. Но разве виноваты они, что «Милосердный» Отец соизволил послать Своего Единородного Сына лишь в одно время, лишь в одну страну и к одному народу? За что же карать их? Неужели все эти миллиарды душ осуждены вечно гореть в адовом огне только потому, что они не имели возможности физически узреть и услышать Сына? Такого Бога Махатмы, истинно, не ведают и не почитают. Но назвать Их атеистами невозможно, ибо как могут Они, провозглашающие бессмертие Духа и Сами достигшие его, иметь что-либо общее с мертвым атеизмом?» [16, с. 272—273]. Аналогично, прежде чем обвинять Елену Рерих в антихристианстве, следует спросить: против какой религии она выступает? Какую именно церковь она критикует? Что такое для нее быть христианином?

Елена Рерих выступала против нетерпимости, против невежественности, против безнравственности в любой сфере человеческой жизни — будь то политика, религия, наука, искусство, образование или семейные отношения. (Она прекрасно понимала, что все эти области взаимосвязаны, что мировоззрение, которое прививают представителям одного поколения дома, а затем в школах и университетах, вскоре начинает определять политику правительств и принятие законов.) Ее подход наглядно иллюстрирует следующий фрагмент ее письма: «Вы говорите: “Если дословно и плоскоотно воспринять положение о зле религий, то логично придет к роковой формуле, что религия — опиум для народа”. Ограниченность, несомненно, придет к такой формуле. Но ведь никто к ограниченностям и не обращается для вмещения нового понимания! Только затемненный человек не поймет, что всякая обособленная, ограниченная и упадочная религия есть именно опиум, злейший яд разъединения и разложения. То же можно сказать и о невежественной науке и вообще о всяком невежестве. Новое Сознание борется за установление Единой Связи с Высшим Миром, за Единый Источник всех Учений, Философий и Знаний» [14, с. 189].

Касаясь такой непростой темы — Елена Рерих и христианство,— следует иметь в виду еще такой очень важный момент (о котором, кстати, говорит Л. В. Шапошникова в работе «Подвижничество дьякона Кураева» [24, с. 361]),— что за 2000 лет понятие христианство существенно расширилось и в настоящее время имеет несколько значений, как то:— изначальное Учение Христа;— религия, возникшая на основе этого Учения и течением времени разбившаяся на различные конфессии;— Церковь, занимающаяся духовным водительством.

Значения эти далеко не тождественны, поэтому употребление слова христианство без конкретных определений и тем более умышленная подмена одного значения другим, дабы создать у читателя «образ врага» и навязать ему определенную позицию, является запрещенным приемом или, как говорят специалисты, спекулятивной аргументацией.

Для Елены Рерих христианство — это, прежде всего, Учение Христа, а христианин (к какой бы конфессии он ни принадлежал) — тот, кто воплощает это Учение в жизни. Она никогда не ставила знак равенства между церковным исповеданием Христа и Его Учением и превыше всех толкований ставила саму жизнь Христа, Его слова и действия. У ее обличителей православный христианин — это человек, который исповедует все православное вероучение (Священное Писание и Священное Предание) и живет мистериальной жизнью Церкви. Христианство же в принципе не может быть понято и воспринято вне Церкви.

Но давайте последовательно рассмотрим все эти значения.

УЧЕНИЕ ХРИСТА

«...Личность Христа неисчерпаема, она превосходит все обычные мерки,— писал Александр Мень,— вот почему каждая эпоха и каждый человек могут находить в Нем новое и близкое им» [10]. Елена Рерих любила и глубоко почитала Христа. Для нее Он был не только реальным историческим лицом, но и Богочеловеком, олицетворением Божественного Начала. «Приняв земную оболочку в тяжкую эпоху вырождения и разложения духовных ценностей, чтобы дать новый импульс духу человеческому и тем приобщить человека к Божественному Естеству, в нем заключенному, Он, истинно, обожил его» [15, с. 125],— писала она. Всей своей жизнью Христос показал, чем может стать человек планеты Земля, какого высокого уровня сознания может он достичь.

Прекрасный, благородный и мужественно-суровый облик Христа вел ее на протяжении всей жизни.

«Первой и самой большой радостью были два тома Библии с иллюстрациями Г[устава] Дорэ,— читаем мы в ее автобиографическом очерке «Сны и видения».— Книги эти были настолько велики, что девочка не могла поднять их. Потому она могла любоваться ими лишь тогда, когда кто-либо из взрослых давал ей их. Но так как книги были дорогие, то ей неохотно разрешали пользоваться ими. Книги эти многие годы были ей источником истинной радости. И когда она подросла, она уже сама, тайком, тащила из кабинета отца толстый том, вся сгибаясь под тяжестью его, тащила в свою комнату, где с замиранием сердца могла снова созерцать любимый Облик Христа и страдать его страданиями» [21, с. 44].

«Все предметы давались одинаково легко, но очень тяготилась уроками по Закону Божьему, особенно не любила учить богослужения, несмотря на то, что по природе была скорее религиозной и трогательно любила Образ Христа. Он жил в сердце с самого раннего детства, и крестик, носимый девочкой во Имя Его, был лучшей защитой ей тогда от страхов» [21, с. 53].

Книги Учения, над которыми Елена Рерих работала с 1920 года, полны понятий о Божественном Начале, о Духе и Духовности, о самом Христе. «Даже в малой мере старайтесь уподобиться Ему»,— сказано в первой книге Учения «Зов» (запись 25 июля 1922 г.). «Учение Христа ни в чем не расходится с Учением Живой Этики,— пишет Елена Ивановна,— и как это может быть, когда Великие Учителя представляют собою Единое Эго, так велико Их духовное влияние» [18, с. 417]. «Христос утверждён в нашем Учении Величайшим» [21, с. 395].

Путешествуя по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции в 1923—1928 гг., Елена Ивановна вместе с Николаем Константиновичем собирали рассказы и притчи народов Азии, в которых запечатлены облики Великих Учителей. Они отмечали, что в Индии, Ладаке и Центральной Азии необычайно распространены легенды о пребывании в этих местах Христа во время Его долговременного отсутствия, указанного в Писаниях. Это буддийские и мусульманские легенды, согласно которым Христос в юные годы прибыл с купеческим караваном в Индию и продолжал изучать мудрость в Гималаях, а также учил, исцелял и проповедовал перед своим уходом в Палестину. Ценно видеть, что эти сказания произносились с полным доброжелательством, а высокий облик Христа был близок всем народам.

Часть этих сказаний была включена в ее книгу «Криптограммы Востока», изданную в 1929 году в Париже под псевдонимом Ж. Сент-Илер. Неизвестные страницы из жизни Христа вошли также в последнюю книгу Живой Этики — «Надземное» (Великий Путник и есть Христос).

«...Лик Христов универсален и всеобъемлющ, в нем всякая душа, и по-своему, ищет свой собственный лик, и в этом проявляется различие духовных даров. В этом смысле своего пути о каждом человеке или

народе можно сказать, что он имеет своего Христа», — писал С. Булгаков [5, с. 319]. Каким видела Христа Елена Рерих?

«...Мой Христос не стоит с плетью у Храма и не грозит анафемой, но живет в сердце каждого человека, устремленного к миролюбию и благому строительству. Сердце и ум мой, истинно, принимают две заповеди, данные Иисусом, на которых, по Его же словам, «утверждается весь закон и пророки» [13, с. 163].

«...Мы видим Христа, истинно, Богочеловеком, но не узким сектантом, клеймящим прозвищем Антихриста всех, кто не может признать церковных ограничений и злоторкований Его Христова Учения. У нас достаточно единомышленников есть и было даже среди духовных служителей различных церквей» [12, с. 142].

Христос Елены Рерих живет в сердце каждого человека доброй воли независимо от его верования. «И се, Я с вами во все дни до скончания века» — таковы заключительные слова Евангелия от Матфея (Мф. 28:20). Он присутствует везде, где является идеальная человечность, где осуществляются принципы милосердия, правды, социальной, интеллектуальной и духовной свободы, созидания во имя Добра. Где исповедуют наиважнейшие заповеди — любовь к Богу и любовь к ближнему. Где в глазах соседа видят не сучок, а отблеск Божественной искры. Он отнюдь не смиренный непротивленец злу. В своих письмах Елена Ивановна не раз указывает на то, что Христос изгонял торгующих из храма и сурово обличал лицемеров. «Именно Христос сурово обличал всякое зло, всякое лицемерие и нерадивость к добру, — пишет она. — <...> Каждый духовный Учитель приносит клятву не поражать тех, кто посягает на Его жизнь. Так и Христос не мог противиться грубой силе, направленной против Него. Но Он противился злу каждым словом своим, каждым действием, когда это не касалось лично Его» [17, с. 427].

Быть христианином для Елены Рерих — это не только верить в Христа и держаться Его Учения, но жить и действовать согласно этой вере. «Конечно, неверующий в Христа, то есть в Его Учение, — ибо невозможно верить в Христа и не исполнять Его заветов, — не может воскреснуть духом. Учение Христа — Истина, и потому как может отрицающий Истину прозреть?» [18, с. 410].

Призыв к личному нравственному совершенствованию проходит красной нитью через весь Новый Завет. И вместе с тем христианская нравственность направлена не только на преображение, или «спасение», отдельного человека, но и на самоотверженное служение ближнему, что и делает человека истинным христианином. Служить людям — значит служить Богу. Поэтому в христианстве личное спасение и общественное служение — это не два разных направления, а единый путь к высшему и совершенному идеалу человека. «Общее Благо было и есть основа каждого Завета, — пишет Елена Ивановна. — Учение Христа есть именно Учение Общего Блага, и непонимающий и отрицающий этот принцип отрицает и Самого Провозвестника» [14, с. 10].

Революционность учения Христа заключается в том, что Он утверждает новое отношение человека к Богу — отношение сыновности. Мы все — сыны Божии. Именно из этого центрального пункта учения Христа о Боге как нашем Отце вполне естественно вытекает осознание того, что все люди — братья и сестры. Изучающим Живую Этику, полагаю, не нужно объяснять, какое значение уделяется в нем понятиям Братства — Земного и Небесного.

«...Если мы хотим знать правду о Христе, то должны искать ее, прежде всего, в Евангелии, — писал Александр Мень. — Но тот, кто впервые берет его в руки, может столкнуться с известными трудностями. Ведь авторов Нового Завета отделяют от нас почти две тысячи лет. Современному человеку бывает нелегко понять многие их намеки, обороты речи, а подчас даже самый ход их мысли, что вызывает необходимость в комментариях, которые давали бы ключ к Евангелию.

Изучение новозаветной письменности давно уже стало целой наукой. Сотни толкователей — богословов, историков, филологов — проделали огромную работу по разбору и сопоставлению текстов, по уточнению их смысла. Они кропотливо исследовали каждую главу и каждый стих Евангелия» [10].

К сожалению, язык наш далек от совершенства, неточен, в одно и то же слово вкладывается различный внутренний смысл. Слова лишь приблизительно отражают богатство и сложность человеческой мысли. При переводе «степень погрешности» возрастает еще больше: ведь любой перевод есть не что иное, как компромисс между поиском правильных лексических эквивалентов в том или ином языке и строгой передачей смысла текста — добиться стопроцентного соответствия перевода оригиналу в принципе невозможно. «...Перевод Евангелий на европейские языки передан не точно и, кроме того, разнится даже в этих языках, — пишет Елена Ивановна. — Сейчас производятся работы [по сверке] канонизированных Евангелий с сохранившимися арамейскими текстами, и уже немало неточностей установлено» [18, с. 432—433]. Русский перевод текста Евангелия также очень некорректен, отмечают специалисты, в частности, особенно пострадало от небрежного перевода и переделок Евангелие от Луки.

«Если бы люди дали себе труд в зрелые годы действительно изучить Учение Христово, да еще на основном языке этих Евангелий, а не удовлетворяться школьными учебниками, то новый смысл Слов и Подлинный Величавый Облик Христа встал бы перед их духовным зрением» [12, с. 349].

Люди должны свободно обсуждать и писать свои исследования по религиозным вопросам, убеждена Елена Рерих. Об этом говорит и сам Христос: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39). В своих письмах Елена Ивановна довольно часто комментирует Евангельские изречения, разбирает неясные ее корреспондентам места. «Евангелие не есть собрание

застывших правил и заповедей, оно — закваска новой жизни. И мы сами должны раскрыть то, что в свернутом и неразвитом виде заключено в Евангелии» [3, с. 269]. «Так запомним, что лишь просветленное сердце, или разум, озаренный светом сердца, может явиться надежным путеводителем при чтении всех Свящ[енных] Писаний» [15, с. 113].

Елена Ивановна часто указывала на то, что так называемые апокрифы (раннехристианские Евангелия и древние произведения, дополняющие библейские сказания) сохраняют многие черты действительности, изъяты из официальных текстов. Мы не знаем во всей полноте и точности проповеди Иисуса Христа. Она продолжалась, как полагают, не менее года или даже нескольких лет, тогда как в канонизированные Евангелия вошло немного. Говоря об изучении этих неканонических произведений, Елена Рерих также сетовала о том, что в России практически нет специалистов по апокрифам, тогда как западные ученые в этом отношении несравненно активнее, посвящая всю свою жизнь исследуемому вопросу. Наши соотечественники, по горькому замечанию великого поэта, все еще «ленивы и нелюбопытны».

«Очень полезно ознакомиться с многочисленными трудами западных ученых, основанными на подлинниках первых веков христианства, чтобы понять, сколько неточностей могло вкратиться в наш перевод Евангелий и какое количество ценнейших речений не было включено. В те времена существовало множество апокрифов и Евангелий, из которых отцы церкви (по свидетельству их же современников) канонизировали те, которые были ближе их уровню сознания. Так и до сих пор существуют прекрасные апокрифы, которые не вошли в исправленные и канонизированные Евангелия. Западные ученые продолжают находить древнейшие тексты речений Христа, записанные в греческих и коптских манускриптах. Между прочим, очень советую Вам прочесть книгу проф. барона М. А. Таубе «Аграфы о Незаписанных в Евангелия Изречениях Христа», изданную в Варшаве Синодальной типографией» [18, с. 407].

«Хотелось бы отыскать древнейшее Евангелие от Евреев, о котором упоминают и на которое ссылаются первые и наименее известные Отцы Церкви, как Ориген и Климент Александрийский. Будут найдены и Аграфы и Апокрифы, которые по-новому осветят многие места и недоговоренности в нашем каноническом Евангелии. Очень люблю книгу проф. М. А. Таубе «Аграфы». Он пишет, что настоящая его работа посвящена не «Апокрифам», а вполне достоверным, хотя и не записанным в Евангелии изречениям Христа Спасителя, сохраненным церковным преданием и древнейшими памятниками письменности первых веков христианства. Между прочим, он утверждает, согласно словам одного большого ученого, исследователя первых веков христианства, что еще в конце второго века Пантэн, учитель Климента Александр[ийского], видел в Индии, у тамошних христиан, арамейское Евангелие от Матфея, принесенное туда, по преданию, Ап. Варфоломеем. И не подлежит сомнению, что канонический перевод Евангелия Ап. Матфея относится к значительно более позднему времени, представляя собою вообще не столько перевод арамейского Еванг[елия] Ап. Матфея, как его переработку, и довольно свободную.

Книга Таубе интересна еще тем, что дает множество библиографических сведений о сочинениях, посвященных изучению апокрифических изречений Христа и новых находениях древних коптских записей в Египте. Так на Западе существует целая библиотека ценных, самостоятельных и удивительных по эрудиции, глубоким и тонким по научной критике работ ученых о внеевангельских изречениях Христа Спасителя. Тем позорнее наше современное невежественное равнодушие к такому насущному для нас собирательству великого Учения, уявляющего смысл нашего Бытия. Жизнь Христа стерлась, Его чарующий трогательно-жизненный Облик оказался застекленным, загражденным, закованным в золотые ризы. Народы утратили живую связь с Его земною жизнью, с Его Словом, проникнутым такой любовью, такой тоской при осознании Им, что даже такое простое Слово Его останется не понятым и не принятым» [20, л. 20—20об].

«...Во всем, что касается Христа и Его Учения, можно сказать, что не излишне поведенное или излишне умолчанное, но, именно, невежественное и, корысти ради, искажение Его простых речений и заветов принесло столько вреда. Очень был бы полезен труд, поясняющий Евангелие, в свете синтеза всех духовных Учений» [18, с. 330].

Напоследок следует отметить, что в письмах Елены Рерих по отношению к Христу нет ни тени неуважения, непочтительности, даже все местоимения, относящиеся к нему, Елена Ивановна пишет с большой буквы.

РЕЛИГИЯ

Религиозные Учения Елена Рерих считала важнейшими вехами в эволюционном развитии человечества. Бесценный духовно-нравственный опыт и подвиг религиозных Учителей, а также принесенные ими новые реформаторские идеи меняли сознание огромных человеческих сообществ. Так, в основе всей европейской истории и культуры на протяжении почти двух тысячелетий лежат христианские духовные ценности.

Цель любой великой религии — помочь человеку осмыслить свою жизнь как такую, понять глубинные взаимосвязи самых различных на первый взгляд явлений, определить критерии для правильного распознавания истинного от ложного, вечного от сиюминутного, доброго от злого. С помощью этого человек, культивируя лучшую сторону своей природы, учится выстраивать свою жизнь с пользой для себя, своих ближних и мира в целом. Поэтому говорить о том, что Рерихи, и Елена Ива-

новна в частности, выступали против религии, против древних традиций, прошедших проверку веками, по меньшей мере несерьезно. «Ввиду переживаемого всем миром страшного духовного кризиса, ужасающего всерастворяющего безбожия, которое и явилось следствием узкого мертвящего сектарианизма и удушающей догматики так же, как и падения нравственности среди церковных служителей, мы никогда не говорили, не говорим и не будем говорить против какой-либо религии как таковой или же храмов. Лучше какая ни на есть религия и храм, нежели без храма. Но против нетерпимости, невежества и безнравственности мы будем протестовать» [16, с. 204].

Если мы внимательно ознакомимся с творчеством Елены Рерих, то увидим, что идея исключительно той или иной религии ей совершенно чужда. Говоря современным языком, она твердо стояла на позиции религиозной толерантности, то есть уважения, принятия и правильного понимания богатого многообразия культур нашего мира. Бог Един, и потому никаких разъединений и разделений быть не может. Нигде в Евангелии нет слов, которыми Христос осудил бы иноверца. Истина Едина, и первоосновы ее были преподаны Великими Провозвестниками разным народам в разные века. Каждая религия отвечает образу жизни, различным духовным потребностям и унаследованным национальным традициям отдельных людей, каждая из них раскрывает ту или иную грань Алмаза Истины. «Тех, кто могут считать своим Учителем Христа, будем приветствовать так же, как и других, следующих за Конфуцием, Буддой, Кришной, Зороастром, Майтрейей,— пишет она.— Но будем просить их действительно изучить Учение Иисуса Хр[иста] и приложить его в жизни, тогда никакие разъединения не будут происходить, ибо, истинно, все великие Заветы исходят из Единого Источника» [15, с. 195—196].

Религиозное мышление, путь внутренний, путь веры — это такой же способ познания мира, как и научное исследование внешнего мира, а религиозный опыт требует научного осмысления. «Религия и наука не должны расходиться в своей сущности»,— говорится в Живой Этике [23, 60]. «Вера должна быть подкреплена всеми научными достижениями и особенно из области парапсихических исследований»,— считает Елена Ивановна [19]. Религиозная мысль не стоит на месте, она должна развиваться в соответствии с нуждами времени. Наши понятия о Высшем Начале должны соответствовать накопленным знаниям об окружающем видимом мире. В каждой эпохе, в каждой религии и народе, кроме великих Учителей, через некоторое время появлялись Высокие Духи, в задачу которых входило развитие и очищение полученных Заветов. Среди них Елена Ивановна особо выделяет — Святую Терезу, Святую Екатерину, Жанну д'Арк, Святого Николая, Святого Сергия, Святого Франциска Ассизского, Фому Кемпийского, Святого Серафима Саровского, Преп. Иоанна Кронштадтского.

В XIX—XX вв. русская религиозная мысль развивалась такими философами, как В. Соловьев, Н. Бердяев, П. Флоренский, Е. и С. Трубецкие, С. Булгаков.

«...Вопрос религии очень важен,— пишет Елена Ивановна.— Можно сказать, краеуголен в грядущей эпохе сужденной духовности. Потому следует неотложно закладывать в сознание молодого поколения правильное понимание этого насущнейшего вопроса. Само слово «религия» от латинского «религаре» означает связь, именно связь с Высшим Миром. Нарушив эту связь, человечество лишает себя не только истинного познания, но и самого бытия, ибо живоносный Источник Благодати питает все миры» [14, с. 29].

«Правильно, что Вы хотите писать о положительной стороне религии, и такая точка зрения, рядом с осуждением всякого изуверства, должна быть явлена,— высказывает Елена Ивановна свое мнение в письме к Ф. А. Буцелу.— Именно, следует показать, что есть истинная религия и как в каждой церкви или в ответвлении единой мировой истины можно найти своеобразную красоту, очистив ее от позднейших наслоений и изуверств. Лучше какой бы то ни было храм, нежели совсем без храма. Человек, ни во что не верующий,— мертв, ибо жизнь, или эволюция, может слагаться лишь верою, началом ведущим, которое всегда будет идти впереди сознаний, к нему устремленных. <...> Религия произошла от слова «религаре», что означает связь с Высшим. Потому все, искренне стремящиеся, по натуре своей религиозны...» [19]. Очевидно, что эта связь с Высшим не может быть ограничена формой той или иной конфессии, и уж тем более монополизирована простыми смертными, которые приписывают себе духовные свойства. Для Елены Рерих религиозность есть естественное чувство, живущее в самом человеке и позволяющее ему ощущать то Великое Непостижимое начало, которое таится за видимыми проявлениями жизни. Это внутренняя потребность стремиться к чему-то высшему, прекрасному, идеальному и осознание того, что наша человеческая природа не только подчиняется законам физического бытия, но и требует осуществления своих идеальных запросов. Это способность нашего разума задаваться так называемыми «вечными вопросами» — вопросами Бытия, жизни и смерти, добра и зла, смысла нашего существования, которые на самом деле являются самыми главными в жизни. Это и настоятельная потребность оценивать каждое встречное явление жизни с помощью некоего внутреннего критерия: способствует ли оно раскрытию высшего начала в себе или уводит нас от нашего предназначения.

«Не показная религиозность нужна, но осознание духовного начала»,— пишет она [17, с. 383].

Вокруг каждой Высокой идеи через какой-то промежуток времени возникает церковная структура со своими «должностными лицами», духовное единство приверженцев этой идеи все более заменяется организационным. Со временем неизбежно происходит трансформация — первичное Высокое Учение, содержащее знание о законах жизни и смерти, новые идеи о мироздании и объясняющее необходимость нравственного поведения человека вследствие непреложных законов бытия, перерождается в некий «адаптированный вариант», приспособленный под реалии окружающей жизни и под уровень сознания большинства последовате-

лей. Так рождаются догматы, которые отличаются от Учения тем, что в них совершенно устраняются или значительно искажаются основные вопросы знания, принесенного Реформатором. Личность создателя Учения обожествляется, вокруг его биографии плетется кружево легенд, разрабатывается сложный комплекс обрядов и ритуалов. Постепенно первичное Учение принижается культовой частью религии. Конечно, в большинстве своем люди нуждаются в символах и обрядах для создания торжественного настроения, при котором их дух может легче воспарить и вознестись. «Но все имеет значение лишь в духе,— отмечает Елена Ивановна,— и, конечно, никакие механические манипуляции не могут дать нам духовного перерождения или же приобщить к чему-либо без участия духа нашего» [15, с. 125].

История также показывает, что любая конфликтная ситуация в сфере религиозного со скоростью лесного пожара переходит в сферу социальной жизни и приводит к самым трагичным последствиям. «Несчастье человечества еще в том,— пишет Елена Ивановна,— что в большинстве случаев сильные духи, приверженные даже и светлой идее, понимают ее односторонне, нетерпимо и узко, и отсюда такие разрушительные действия. История всех народов полна кровавых и отвратительных страниц. Сколько крови пролито за каждое новое строительство, за каждое Новое Учение или Религию! Вот почему так необходимо человечеству спешно усвоить два великих понятия — Терпимость и Сотрудничество» [13, с. 269]. Откуда рождается нетерпимость, активное отрицание другого, желание подчинить его своей воле и полностью подмять под себя — от навязывания своих взглядов и убеждений до уничтожения на физическом плане? Это очень интересный вопрос, и психологи указывают несколько причин, вызывающих нетерпимое отношение людей друг к другу. Первая — это «голос» нашего биологического начала (а с толерантностью у наших братьев меньших дела обстоят неважно: в природе белую ворону заклеивают серые, слабого детеныша лишают питания более сильные братья и сестры, самое сильное и агрессивное животное держит в подчинении других членов своей группы). И вторая, ментальная причина нетерпимости — это так называемый монологический тип сознания, когда человек чувствует себя самодостаточным и способным давать оценки всем явлениям. Мне все-таки кажется, что нетерпимость имеет духовные корни, рождается из сознания собственной исключительности (исключительности в смысле противопоставления себя миру, частью которого мы все являемся). И это сознание рано или поздно делает из человека паразита и агрессора и приводит его на тропу войны с окружающим миром, который видится не только «Большой дойной коровой», но и неисчерпаемым источником мыслимых и немыслимых угроз его существованию.

«...Человеческая природа всюду одинакова. Зло всюду одно — нетерпимость и страшная исключительность, которые разлагают все основы. Все председатели и председатели многочисленных обществ и лож одинаково претендуют (без всякого для этого основания) на свое исключительное право на авторитет во всем, что касается Учения, данного Великим Братством. Причем самые ярые среди них желают быть и единственным каналом, через который может проводиться Высокое Учение. Но в скудости мышления своего они забывают, что Великое Братство, стоящее во главе всего человечества, не может ограничить себя одним или даже десятком проводов, приемников» [12, с. 23].

По остроумному определению Я. Кеслера, «любой религиозный институт, по сути, является посреднической организацией между действительным и виртуальным, деятельность которой заключается в подмене конкретного добра абстрактным и, напротив, абстрактного зла — конкретным <...> Существование неверных, а не Бога — вот первооснова доктрины любого церковного института» [8].

И вот эти поиски конкретного воплощения абстрактного зла, врагов, внешних и внутренних (или «неверных» и еретиков) приводили к массовым расправам с инакомыслящими и кровавым войнам. И по сегодняшний день конфликты на религиозной почве не изжиты, скорее напротив, они переживают свой черный ренессанс, входя в третью группу вооруженных конфликтов (первые две — конфликты межгосударственные и революционные) — так называемых конфликтов с «иными». И по странному парадоксу, даже если религия не является подлинным источником конфликта, часто оказывается, что она скорее усугубляет ситуацию, нежели помогает ее разрешить. В современном мире, особенно в России, то и дело раздаются голоса в поддержку тех или иных религий, причем противники выставляются ими как «сектанты», а под негативное определение «секты» подпадает кто угодно — от культурных организаций и оздоровительных групп вплоть до католиков и протестантов. Примеры религиозной нетерпимости мы можем наблюдать и в тех случаях, когда «традиционное», желая упрочить свои позиции, заявляет свои права на различные сферы влияния (политика, культура, образование, наука).

«Посмотрим теперь утверждение, так возмущившее Вас, что “религии являлись главной причиной почти двух третей бедствий, которые преследуют человечество”, — пишет Елена Ивановна своему корреспонденту.— Утверждение есть сама истина, если мы обратимся к историческим рекордам. Именно, для изучающих историю религий, историю Церкви вообще это есть неоспоримая и тяжкая Истина. Во все времена среди всех народов вопрос религии был самым страшным, и никакой другой человеческий запрос не залил так мир кровью, как именно религия. Ни одни войны не были так жестоки, как войны за религию. <...> Вспомним воинствующий фанатизм мусульманского мира. Не забудем, что буддисты были изгнаны и истреблены в Индии брахманской сектой, и сейчас еще нередки кровавые распри между мусульманами и индусами, так и в некоторых китайских провинциях жестоко расправлялись и расправляются еще с буддистскими монастырями» [12, с. 365—366].

То, что Христос нес людям Учение высокой нравственности и духовного совершенствования,— неоспоримый факт. Но какое отношение имело это Светлое Учение к непростой истории христианства? Уничтожение реликвий дохристианской культуры, соперничество между римскими папами и патриархами Константинополя, приведшее к разделению на православие и католичество (1054 г.), дальнейшее деление и дробление христианства на различные течения и секты, противоречия и конфликты с развивающейся наукой, и, наконец, крайние формы: крестовые походы и инквизиция — орган для защиты «истинной веры», осуществлявший сыскные, судебные и карательные функции,— все это совершалось с именем Христа на устах и с верой в то, что совершается богоугодное дело. То, что Кураев называет «реакцией общественной самозащиты» на волну колдовства, в действительности есть столетия чудовищного террора со всеми его атрибутами — слежкой, узаконенными доносами и пытками, насилием, публичными казнями, обреченными на изгнание и голодную смерть семьями. (Хотя официальной датой создания инквизиции считаются 1231—1232 гг., первым известным еретиком, сожженным на костре за свои убеждения в 1124 году, был Петр из Брюи, требовавший упразднения церковной иерархии; последняя «ведьма» — служанка Анна Гельди — умерла в 1782 году.) Преследование еретиков приносило большие доходы: имущество казненных делилось между церковью, властями и доносчиками. При помощи инквизиции церковь расправлялась с участниками народных движений, с учеными, писателями и просветителями, чьи взгляды расходились с ее учением. Еретиков ненавидели сильнее, чем иноверцев, потому что многие из них считали себя подлинными христианами и призывали вернуться к Учению Христа в его изначальной форме; их утверждения подтачивали и подрывали власть и авторитет церкви.

«...Инквизиция <...> самое страшное несмываемое пятно на золотых одеждах Христианской Церкви,— писала Елена Ивановна.— Ведь Инквизиция была установлена, конечно, не для преследования ведьм и колдунов, большей частью медиумов, и еретиков, но для уничтожения всех инакомыслящих, всех личных врагов представителей Церкви, для утверждения и упрочивания своего могущества. И среди этих врагов <...> прежде всего насчитывались все наиболее просвещенные служители Общего Блага и истинные последователи Заветов Христа. Легче всего было уничтожить врага, заклеив его сношением с Дьяволом. Ведь эту дьявольскую психологию «блюстители чистоты» Учения Христа всеми способами старались вкоренить в сознание темных масс, потому и все видения монахов того времени носили на себе печать Сатаны, были полны образами дьявольскими и всякого рода искушениями.

Преследование жалких ведьм и колдунов, или медиумов и одержимых, и еретиков явилось лишь густой ширмой для беспрепятственного и безграничного властвования над несчастным населением, истребляя и грабя всех стремившихся внести просвет в страшную тьму средневековья, всех осмелившихся говорить об общем благе и противившихся этому Царству Дьявола в образе представителей Инквизиции. Именно учреждение Инквизиции было страшной карикатурой на Суд Божий, внушенной Князем мира сего для растления и подрыва веры в чистоту, благодать и справедливость Церкви. Именно, стоит вспомнить времена Инквизиции и всю историю Папства, Церкви и Церковных Соборов, чтобы всякое уважение к такой церкви и ее догмам <...> испарилось навсегда, оставив лишь возмущение и ужас перед непревзойденными преступлениями чудовищного своекорыстия, властолюбия, алчности и невежества, совершавшимися якобы во Имя Того, Кто восставал против всякого насилия и завещал любить ближнего как самого себя!» [12, с. 366].

Вот почему Елена Рерих и считает, что «христианство и Учение Христа — две совершенно разные вещи. <...> И мы именно почитатели Учений основоположников, но не позднейших искажений их, ибо одно от Духа, другое от человеческого корыстия» [12, с. 159].

«Вы правы, что христианство должно следовать по стопам Христа,— соглашается она со своим корреспондентом,— но именно этого оно и не делает. Слова Иисуса Хр[иста] искажены, отменены и подтасованы так, чтобы оправдать себеугодие и себеслужение вместо служения Общему Благу, завещанному Иисусом» [14, с. 186]. «В христианстве я придерживаюсь веры первых Отцов Христианства» [13, с. 428].

Справедливости ради, следует отметить, что и в своих исследованиях буддизма Елена Рерих обращалась к его древнейшему, неискаженному уровню, отмечая, что за два с половиной тысячелетия это возвышенное учение обросло ритуалами, церемониями и культурами, многие из которых исказили его изначальную простоту и ясность, были отходом от предписанных норм [подробнее см.: 2, с. 263—269].

Было бы неверно утверждать, что Елена Ивановна считает религиозное мышление и религиозные воззрения вчерашним днем в эволюции человечества на основании того, что Живая Этика ведущую роль на современном этапе развития общества отводит науке. На гибель обречены воззрения, полные стереотипов, предрассудков и догматических представлений во всех сферах человеческой жизни. И Елена Ивановна не раз иронизировала, что суеверия и предубеждения в науке могут быть намного страшнее, чем в религии. На сегодняшний день наука пока не способна предложить целостную и универсальную картину жизни, не отвечает на вопрос, почему происходит то или иное событие, заменяя его вопросом как?, и ей также предстоит серьезная трансформация. Но приближается время, когда многие религиозные представления найдут строго научное объяснение и обоснование. Процесс этот сложный и длительный, он связан с появлением в науке новых концепций и идей, существенно расширяющих, а то и радикально изменяющих представления об окружающей нас реальности, и с переосмыслением ряда религиозных представлений. Тогда наука в своих поисках будет руководствоваться нравственными критериями, а религия будет базироваться не только на вере, но и на глубоких знаниях и понимании объективно существующей реальности. «Три великих дара по-

сланы человечеству,— писал Николай Рерих в очерке “Новая эра”.— Познание Единого Духа вносит в бытие единство любви и религии. Познание чуда искусства открывает врата в царство Красоты. Познание космической энергии принесит идею о единой, всем доступной Мощи. И во имя озаренной Новой Эры мы должны молитвенно и действенно принять эти три благословенных дара» [22, с. 26].

О перспективах сближения науки и религии Елена Ивановна пишет следующее: «Современная наука быстрыми шагами идет навстречу всем великим Истинам, изложенным в Восточной философии и религиях, и скоро, очень скоро они встретятся и протянут друг другу руку. Будем надеяться, что и наша Церковь просияет новым сознанием и не останется заштатным зрителем этого нового союза. Так, наука уже признала, что материи нет, но есть лишь энергия, и обратно. Таким образом, она подошла к одухотворению Единого Начала. Также уже начинают отдавать должное силе мысли и даже запечатлевать ее физически, так духовное сливается с материальным» [13, с. 72—73]. «И как может быть иначе, когда Материя есть лишь качество Духа» [13, с. 80].

Надо сказать, и апостол Павел видит совершенство для христианина в единстве веры и познания (Еф. 4:13).

«Первый луч Новой Эпохи блеснет новым пониманием Учения Христа»,— читаем мы у Елены Рерих [13, с. 719], которая была убеждена в том, что народ жаждет духовной пищи.

«Религия и искания духа никогда не оставят народ, но пробужденные сознания потребуют новых форм, новых путей от духовных Учителей и вождей» [15, с. 114]. Что это за новые формы и новые пути? — На первый взгляд, ничего нового — возвращение к истокам, к чистым основам Заветов. Памятование главного завета Христа — «Любите друг друга!» Но не только. Это и научное обоснование, и понимание процессов, происходящих в ходе соблюдения либо нарушения заповедей, способное дать обществу гораздо больше, чем все взывания к совести и разуму. Это и уточнение существующих догматов и канонов так, чтобы исключить их подчас вопиющие противоречия с последними данными науки.

«Если бы отцы церкви поняли, какое время встало перед ними — время великого очищения и творчества духа, когда, объединившись, они могли бы в новом эволюционном сознании просмотреть Великий Завет Христов и при свете изучения и сопоставления с древнейшими религиями понять глубокий эзотеризм Учения Христа, основанный всецело на Первоначальном Откровении, Источнике всех когда-либо существовавших Учений. Отцы церкви должны стать истинными духовными пастырями народа, проводя в жизнь основы Живой Этики, встречаемые в каждом Учении Света. Опасно отставать от растущего и эволюционирующего сознания, опасно отрицать находения и достижения науки, которые сейчас в силу нагромождающихся событий остаются еще одиночными проявлениями. Но не за горами, а за плечами время, когда эти проявления объединятся и предстанут как неопровержимые факты. Неужели мы будем брать пример с тех невежественных кардиналов, которые готовы были сжечь на костре Галилея за его утверждение о вращении Земли? Поэтому нужно усмотреть в Заветах именно то, что так согласуется с новейшими находениями науки, а не поддерживать то, что было искажено и приспособлено для различных целей. Нужно со всею честностью, со всею искренностью и просветленным сознанием изучать Заветы, отбросив все позднейшие толкования, настолько затемнившие первую основу, что действительно “вместо прекрасных Ликов остались лишь запыленные гримасы”» [14, с. 29—30].

«Если и возможен тот религиозный подъем, который ожидается, то по своему качеству он будет иным и, чтобы утвердиться, ему нужны будут тезисы, обоснованные разумом и логикой. Нельзя закрывать глаза, большой сдвиг произошел в сознании масс. Ведь страдания — великий учитель и трансмутатор. Не серенькая спокойная жизнь просвещает нас. Нужно готовить сознание свое к разрешению многих проблем. Трудно будет сознанию, заостренному, не изжившему старые предрассудки. Новая Церковь должна явиться на смену старой в полном сиянии Красоты Подвига Иисусова, она должна будет собрать Великий Вселенский Собор и просмотреть при свете нового сознания все постановления бывших Соборов, должна будет изучить сочинения первых христианских философов и Отцов Церкви, ближайших ко времени Иисусову; и тогда вся красота подвига Иисуса Христа, вся ширь Его Учений будет понята ими в духе, но не в мертвой букве часто искаженных писаний. И только тогда будет заложена Новая Религия, Религия Св[ятого] Духа. “Не на горе сей, не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине”» (от Иоанна, гл. 4, ст. 21—24)» [12, с. 515—516].

ЦЕРКОВЬ

Сразу поясню, что, когда Елена Рерих упоминает в своих письмах церковь, в большинстве случаев она пишет о церкви исторической, внешней, которая весьма органично вписалась в царство кесаря. Хотя в ее эпистолярном наследии понятие «церковь» употребляется и в других значениях. Первое из них — это жизнь во Христе — именно так, в этом контексте нужно понимать ее слова «оба мои сына глубоко религиозны и носят в духе свою Церковь» [13, с. 304]. Как писал С. Булгаков: «Церковь Христова не есть учреждение, но новая жизнь со Христом и во Христе, движимая Духом Святым» [5, с. 27]. Второе зна-

чение — это союз людей, верующих в Христа и по этой вере осуществляющих деятельную любовь ко всему миру, ко всем людям. «Живой Церковью я называю церковь, следующую истинным Заветам Христа во все-терпимости их, церковь, устремленную к объединению, а не разъединению. Именно, где любовь Христова положена в основу. Но нет Христа там, где проявлена хотя бы тень нетерпимости или изуверства» [13, с. 305].

Итак, пишет она о той церкви, которая является проводником религиозных воззрений и являет собой очень консервативный социальный институт. Служители церкви строго соблюдают многовековые традиции и не допускают малейших отступлений от установленных религиозных догматов. Православное вероучение, имеющее общехристианскую основу, базируется на Священном Писании (Библия) и Священном Предании. В Священное Предание православие включает постановления первых семи Вселенских соборов (IV—VIII вв.), решения ряда поместных соборов того же времени, творения отцов церкви и некоторые другие материалы (но меньшее их число, чем католицизм). Главный источник православного вероучения — «Символ веры», принятый Никейским вселенским собором 325 года и дополненный Константинопольским собором 381 года. Догматами православия являются основные положения христианского вероучения, сформулированные первыми семью Вселенскими соборами. Они объявляются православной церковью «бог вдохновенными» — абсолютно истинными, непререкаемыми, вечными, неизменными, непостижимыми разумом и, соответственно, должны приниматься на веру.

Нетрудно догадаться, что для Елены Рерих, которая весьма скептически относилась ко всему «неизменному» и «непререкаемому», да еще исходящему из уст простых смертных, учение Христа и учение церкви (особенно в той части, которая касается Предания) — совершенно разные понятия. В первом случае — это учение о смысле человеческой жизни и объективных духовных законах, принесенное людям Великим Учителем, во втором — сделанные через несколько веков после ухода Христа собственные интерпретации и умозаключения Отцов Церкви. А среди последних были как светлые умы, оставившие нам сокровищницу практического духовного опыта христианской жизни, из-под пера которых выходили действительно боговдохновенные строки (к их числу Елена Рерих относил Оригена, Климента Александрийского, Иоанна Златоуста, Антония Великого, Афанасия Великого, Василия Великого и Григория Великого), так и вполне заурядные личности, чьи писания и рассуждения были под стать уровню их сознания и к тому же отражали все предрассудки и особенности их времени. Прежде всего, слушать надо Христа и Евангелие, считает Елена Рерих, а не многочисленных толкователей. Само понятие учение церкви в сущности своей противоречиво — Сам Христос противопоставлял Божьи заповеди и заповеди человеческие: «...вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Мф. 15:6—9). Нет единых взглядов на Предание и между основными направлениями христианства. Так, протестантизм отвергает католическое Священное Предание как людское измышление и считает, что «божественная благодать» даруется человеку непосредственно Богом без посредничества церкви и духовенства. Православие же отвергает догматы, принятые католицизмом после разделения церковью (об исхождении «святого духа» не только от Бога-отца, но и от Сына, о главенстве и непогрешимости римского папы, о чистилище, о непорочном зачатии девы Марии), объявляя их ошибочными, противоречащими Священному Писанию и Священному Преданию. Так где же истина?

«...Тех, кто обвиняют Н. К. (Рериха. — Т.К.) в исправлении веры отцов, я хотела бы спросить, — читаем мы у Елены Ивановны, — собственно которую веру и какие догматы нашей церкви должны мы считать неизблемыми? Так, не знаем ли мы из истории церковных соборов, сколько изменений вносилось в догматы самими духовными отцами? Полезно возобновить в памяти все распри между отцами, происходившие на этих соборах. Потому не следует ли этот упрек в исправлении веры отцов обратить, прежде всего, на самих “просвещенных” представителей церкви и их слепых последователей?» [16, с. 408].

И в Писании в одной книге объединены слова Христа (Евангелия), послания апостолов — хоть и удостоившихся величайшей чести — быть рядом с Христом, но все же людей, а не безгрешных небожителей, а также мифы, фрагменты истории еврейского народа и сочинения дохристианских авторов. Можно ли приравнять по ценности слова Христа и все вышперечисленное? — Нет. Но кто составлял Библию, включал в нее одно и исключал другое? — Сами же церковники! «Кто же в наши дни, приобщившись к достижениям науки, может допускать дословно все сказанное в Библии? — пишет Елена Ивановна. — Разве Библия не является для просвещенных умов и исследователей сборником осколков великих истин, народных легенд и отголосков событий именно допотопных, давно прошедших времен, часто соединенных между собою вне всякого хронологического порядка. Библия переводилась со многих языков, и много преобразований и искажений было внесено древнейшими компиляторами этих писаний» [18, с. 432].

В Евангелиях также необходимо различать и отделять слова самого Христа от понимания и толкования этих слов апостолами, а быть может, и позднейшими ревнителями христианства, вносящими в тексты свои поправки. Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «Я склонен думать, что в языке самих Евангелий есть человеческая ограниченность, есть преломленность божественного света в человеческой тьме, в жестокой ограниченности человека. Жестокий эсхатологический элемент исходит и не от самого Иисуса Христа, он приписан Иисусу Христу теми, у кого он соответствует их природе» [4, с. 282].

«Хочется спросить, где хранятся подлинники их (Апостольских Посланий. — Т.К.)? Кто и когда видел их? Также кто может поручиться, что по оригиналам (если такие дошли) не скакала рука ревнителей (в образе позднейших отцов церкви), нанося поправки там, где нечто не соответствовало удобным для них церковным догмам и установлениям. Не так ли было и с трудами всех великих подвижников? Как Сказано: “Ни один памятник древности не дошел до нас без искажения”. А сколько неточностей допустили одни переводчики таких Писаний! Достаточно просмотреть Библию в трех переводах — англ[ийском], русск[ом] и франц[узском]; именно при переводе “Т[айной] Д[октрины]” мне постоянно приходилось иметь это в виду, и там, где разногласие было слишком очевидно, я должна была приводить два либо три перевода» [15, с. 113].

«Также и Деяния и Послания Апостольские следует читать духом. Помнить нужно, что Апостолы были земными людьми и, как видно это из Евангелий, людьми несовершенными. Вспомним хотя бы все распри между Петром и Павлом. Возможно ли нечто подобное среди учителей, какими их старается показать церковь! Много прекрасного в этих Писаниях, но есть и от самости. Не внесена ли была эта самость позднейшими поправками и добавлениями? Ведь оригинал этих Писаний еще не известен. Кто знает, может быть, когда-нибудь и он будет найден, и тогда явится возможность сравнения, как уже возможно стало сравнение некоторых евангельских речений с более древними греческими и коптскими переводами их, а также и с некоторыми сохранившимися текстами на арамейском языке.

Так не всем принятым церковным авторитетам можно безусловно верить. Все они были людьми, а история церковных соборов, особенно их постановлений, наглядно показывает, что среди участников соборов было немало весьма невежественных лиц» [18, с. 410—411].

«Те, кто близко изучал историю соборов,— пишет священник Сергей Желудков,— говорят об отнюдь не вдохновляющих явлениях: засилье императорской власти, добивавшейся принудительного единства государственной религии; придворные интриги, личные ссоры; фанатические преследования инакомыслящих с обеих сторон... Вот живое и очень авторитетное свидетельство: “...Сказать правду, я решился вообще избежать всякого собрания епископов. Я никогда не видел ни одного такого примера, когда бы собор делал какое-либо добро, или не делал больше вреда, чем добра. Распря и честолюбие господствуют в них (не думай, что я выражаюсь слишком резко) до невероятной степени” (святитель Григорий Богослов, Письмо)» [7, гл. «Догматы христианства»].

Елена Рерих считает, что христианство может быть понято и воспринято вне Церкви. «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Учение Христа давалось Им самим и распространялось Его двенадцатью апостолами задолго до того, как появились церкви в том виде, как они есть, с их иерархиями, обрядами и с их собственным учением. «...Ограничивать присутствие Духа Христова только в церковных общинах,— читаем мы у С. Желудкова,— это значит унижать Христа, в некотором смысле даже отречься от Христа, святость без Духа Святаго. Нет, если мы воистину исповедуем Божественность Христа — мы должны признать и таинственное Присутствие Его в единосущном Ему человечестве доброй воли» [7, гл. «Христос»].

Но предоставим слово самой Елене Ивановне. «Теперь о церкви. Я хорошо помню и воспринимаю сердцем речение Христа: “Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине” (Иоанн. 4, 24). Где утверждал Христос церковь в таком виде, как она сложилась в последующие века? Ни один из Великих Провозвестников никогда не утверждал догм и статуты церковных. Догмы и храмы двигались последователями. Забота каждого Спасителя в очищении и утверждении духа человеческого. Для него преподавались не обряды, но пример личного высокого жизненного подвига. Никакие обряды, никакие догмы не преобразуют душу, отягощенную невежеством и пороками. Лишь горячее устремление к Свету, к действительному добру и служению человечеству приближает нас к Лестнице Иакова» [18, с. 407].

Тем не менее кураевское утверждение «нельзя сказать, что отношение Рерихов к православию строилось на знании церковной традиции, на уважении к ней или даже просто на доброжелательности» [9, с. 265] весьма далеко от истины. Я очень сомневаюсь в том, что Елена Ивановна знала каноны по вопросам церковного управления и дисциплины, что она разбиралась во всех тонкостях богословия — перед ней стояли совсем другие задачи, и сама она откровенно признается: «...Я не считаю себя достаточно компетентной, чтобы разбираться во всех головоломках богословов» [17, с. 354]. И все же нельзя сказать, что она вообще не знакома с церковной традицией. Хотя бы потому, что родилась и выросла в то время, когда и образование было качественно иное, и отношения между церковью и государством были другие. Елена Рерих знает историю России, историю русской культуры, тесным образом связанную с православием. Она знает Священное Писание, знает основные положения христианского вероучения, сформулированные первыми семью Вселенскими соборами. В семье Рерихов отмечали Пасху и Рождество, о чем есть многочисленные упоминания в письмах всех четырех Рерихов.

Как Елена Рерих относится к православной традиции, прекрасно видно из следующих ее высказываний: «...Я очень люблю многие наши церковные обряды и празднества и никогда не стала бы их изгонять из жизни народа. Наоборот, они должны быть еще более одухотворены и тем стать еще ближе народному сознанию. Главное — их внутренний глубокий смысл должен быть осознан. Также я храню память о нескольких прекрасных священниках и мечтаю встретить таких и в новой России. Мои слова относятся лишь к закостелым мышлениям. Всякое невежество, где бы оно ни проявлялось, должно быть обнаружено и по возможности искоренено. Я верю в новую чудесную Храмину Духа, новую религию, основанную на сердце и просветленном им разуме» [18, с. 442].

«Под церковниками я подразумеваю не исключительно духовных пастырей, но всех ханжей и изуверов, прикрывающих свои темные делишки кажанием и коленопреклонением, и крестным целованием, типов вроде Лукина и тому подобных. Как Вы, может быть, помните, я всегда держалась довольно далеко от церкви и ее представителей именно из желания охранить в своих сыновьях уважение к своей религии до тех пор, пока сознание их достаточно окрепнет и они уже вполне зрело смогут оценить все то прекрасное, что заключается в ней, и в то же время спокойно смотреть на отрицательные проявления ее; именно без того, чтобы последние пагубно отразились на их отношении к религии вообще. И считаю, что в этом и преуспела, ибо оба мои сына глубоко религиозны и носят в духе свою Церковь. Так, Светик постоянно читает книги «Добротолубия», Евангелие и все прочие Религии и Учения, находя во всех Единый Великий Источник Любви, проявленной во всей Красоте в Великих Носителях Света! Никто из сотрудников наших никогда не будет разрушать храмов, но в каждом затеплит свою свечу» [13, с. 303—304].

И, надо сказать, Елена Рерих не видит объективных причин, почему земная церковь, будучи сообществом людей, призванных защищать и утверждать духовные ценности, должна выступать против Живой Этики. «И церковь, и многие другие блюстители традиций,— пишет она своим американским ученикам,— не смогут восстать против Живой Этики, ибо она не опрокидывает никаких основ, наоборот, отводит новое прекрасное место религии, освещая все неясные места в Священных Писаниях. Учение Этики дает новое, более глубокое и прочное устремление к водительству Духовному. Разве указанная в Библии Лестница Иакова не есть Великая Иерархия Света?» [12, с. 102].

«Духовные пастыри необходимы, но они должны быть истинными водителями духа и идти с нуждами века, а не плестись позади закованными в цепи невежества мрачного средневековья» [12, с. 143].

«Отцы церкви должны стать истинными духовными пастырями народа, проводя в жизнь основы Живой Этики, встречаемые в каждом учении Света» [14, с. 29].

«Церковь и ритуалы еще нужны, но еще нужнее просвещенные ее служители» [20, л. 21].

«Ведь и сейчас нельзя лишить человека храма и всей обрядности. Нужно лишь внести новое очищение и духовное понимание обрядов и, главное, не делать их обязательными. Пусть дух избирает сам свой путь. <...> Мало, очень мало людей, которые не утратят всякого воспоминания о вознесении духа, если нечто видимое и осязаемое не будет напоминать им об этом. Потому ближайшая задача — не разрушение храма, но очищение и новое объяснение как обрядов, так и основ великих Учений. Именно, нужно утвердить в сознании людей, что без духовного порыва в нас никакой обряд не имеет значения. Нужно постоянно напоминать, что Благодать Божия может быть воспринята лишь сознательно и добровольно» [17, с. 259].

Безусловно, между церковным вероучением и взглядами Елены Рерих есть немало отличий.

Главное из них сформулировал хорошо известный нам Кураев: «Основная весть Нового Завета состоит в возвещении спасительной Жертвы Сына Божия. И именно в этом, отнюдь не “частном вопросе” Рерихи провели черту между собою и христианами» [9, с. 266]. Церковная концепция спасительной жертвы Христа базируется на известном апостольском изречении «Христос умер за грехи наши» (1 Кор. 15:3). Елене Рерих принадлежит высказывание, которое, по ее же собственному признанию, всегда вызывало бурю негодования у миссионеров и очень активных апологетов церковного христианства, звучит оно следующим образом: «Он (Христос. — Т.К.) <...> умер из-за нас и за нас» [18, с. 409]. Пытаясь объяснить этот, в самом деле, «отнюдь не частный вопрос», рядовой верующий будет ссылаться на цитаты из священных книг, высказывания авторитетов церкви или на то, что нужно просто верить и не забивать себе голову всякой ерундой. Елена Рерих отвечает за себя, за свою веру, за то, как она понимает этот вопрос. И она честно говорит: в той трактовке, которую нам предлагают, что-то не сходится. Что именно?

Пути Господни неисповедимы, но мы не можем допустить мысль, что пути Его злы. Можно сколь угодно много говорить о Великой Тайне, о Непознаваемом, которое не в силах постичь наш ограниченный разум, но ведь не в разуме дело — наше нравственное чувство не сможет смириться с тем, что невинные страдания, в любом масштабе, могут быть частью угодной Богу гармонии. Именно поэтому Елена Рерих и пишет, что для нее «нет ничего кощунственнее, как представление Всемогущего и Всемилосердного Бога-Отца, приносящего в жертву Своего Единородного и Единосущного Сына за грехи людей, Им же Самим, по Писанию, сотворенных! <...> Каждый истинно любящий земной отец или земная мать с радостью пожертвуют собою ради спасения сына. Неужели же Божественный Отец морально ниже Им же сотворенных людей?!» [14, с. 209]. Во-вторых, несправедливый суд, унижения и издевательства, и наконец сама мучительная смерть, которую претерпел Христос, в ее глазах (да и в глазах любого нормального человека, который еще не затоптал в себе голос совести) — величайшее злодеяние. Христос умер из-за тех, кто подстрекал сильных мира сего к преступлению, из-за тех, кто оказал непотворение величайшему злу, когда его можно было остановить. Интересно отметить, что нежелание Елены Рерих смириться с необъяснимой жестокостью Творца в чем-то разделяет и Н. А. Бердяев, писавший о том, что «судебная теория выкупа есть человеческое приношение» [4, с. 282].

Но давайте разберемся, как Елена Рерих понимает эту Спасительную Жертву. «Несомненно, Жертва Христа, принятие Им крестной смерти за принесение Учения Света, имела великое значение для всего человечества на всех планах бытия. Но подобную жертву или подвиг принимали на Себя и другие Великие Учителя человечества» [13, с. 718]. «Смысл ее в том, что Христос, желая показать силу Духа над физической

плотью, принял чашу и запечатлел своей кровью Завет, принесенный Им: “Нет больше любви той, как если кто положит душу за други свои”. <...> Так, если пример и подвиг Христа зажег пламя в сердцах наших и мы исполняем Завет Его, то можно сказать, что Он не напрасно пострадал, и принятая Им чаша именно запечатлела Завет. Но если мы будем воображать, что что бы мы ни делали, какие бы преступления ни совершали, но пролитая кровь Христа навсегда спасла нас от власти дьявола, то, истинно, мы будем этими самыми дьяволами. Никто не может спасти другого. Лишь собственными усилиями подымается дух в сужденные прекрасные миры» [18, с. 415—416]. Это и есть третья причина, побудившая Елену Рерих «провести черту» между собой и исповедующими церковное христианство. Не занимайтесь самообманом — предупреждает нас она. Человек несет великую ответственность за каждую свою мысль, каждое слово, каждый поступок, которую невозможно перебросить на других. Он постоянно должен думать о том, зачем он живет на Земле, почему с ним происходит то или другое, к чему надо стремиться. Жизнь человека — это не поиски наслаждений и не жестокое наказание, это работа. Работа, которую мы не можем сделать где-нибудь еще.

Вот как объясняет она слова Нового Завета: «(Римл. 5:8—10). “Умер за нас”. Именно Он принес нам Свет и запечатлел Свой Завет смертью. Можно было бы сказать — умер из-за нас и за нас. Этою жертвою Он показал, что можно любить человечество больше, чем себя. И этот Завет, запечатленный великими страданиями, внедрился в сознание человечества больше, нежели годы проповеднической деятельности.

(Римл. 4:25). “Предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего”. Смысл все тот же. Он жертва невежества нашего, но, показав нам Путь Света, Путь Спасения, Он дал нам возможность, именно, оправдаться или очиститься от всякой скверны, последовав Его Учению и примеру, и тем приблизиться к Воинству Света.

(Лука 2:11 и Иоан. 10:9 и 14:6). Конечно, Христос есть Путь Истины, есть в полном смысле Спаситель. Также и предшественники Его среди других народов во все века назывались “Путем” и Спасителями. Все Они, указывая Путь праведный, Путь эволюции Духа, спасают человечество от ужаса и мрака невежества. Все Великие Учителя приходили, чтобы ускорить эволюцию человека. Сравните их Заветы и увидите, насколько они тождественны» [18, с. 409—410].

Надо сказать, что концепция Великой Жертвы красной нитью проходит через все Учение Живой Этики, через все эпистолярное наследие Елены Ивановны, которая постоянно указывает, что «если бы не великое самопожертвование нескольких Высших Духов, <...> воплощавшихся <...> при каждом поворотном пункте в истории Планеты, чтобы дать новый импульс сознанию человечества, и если бы не усилия в этом направлении небольшой группы Их учеников и близких, то человечество наше находилось бы и по сей час в состоянии троглодитов» [12, с. 533]. Именно Им, добровольно отказавшимся от преимуществ дальнейшей эволюции и возвращающимся на Землю, чтобы изменить ее энергетику и помочь страдающему человечеству вырваться из пут плотной материи, обязаны мы всем самым ценным, самым высоким, самым насущным. Но участь этих Носителей Света тяжкая, удел их — клевета и гонения.

Христианское Учение утверждает, что спасение требует от человека духовных усилий и, прежде всего, веры, но самостоятельно спастись невозможно, для этого требуется обращение к Иисусу Христу и действительное вмешательство самого Спасителя. Путь Спасения — это путь уподобления Иисусу: устремление всем своим сердцем к Христу и с Его помощью очищение и преображение своей греховной природы, что ведет человека к окончательному избавлению от власти греха и смерти. Однако даже Христос не может спасти человека, если он сам этого не хочет, поскольку человек есть существо, наделенное свободой воли. Где же здесь противоречие с утверждением «никто не может спасти другого»? Концепция «спасения человека» Елены Рерих по существу не отличается от вышеизложенной: с помощью веры, любви и устремления человек трансмутирует свою низшую природу при непосредственном участии Учителя. В ее письмах подробно раскрывается глубокое значение сердечной связи с избранным Учителем для продвижения на Лестнице Жизни. «Все Великие Учителя называются Спасителями Мира, ибо снова и снова Они указуют нам Путь Света, но помочь и охранить нас Они могут лишь поскольку мы сами принимаем Заботы Их о нас. Весь Космос зиждется на законе взаимодействий или взаимоотношений, и там, где нет ответа, там нет и следствия» [14, с. 209].

Другие различия между церковным вероучением и взглядами Елены Рерих.

1. Елена Рерих допускала существование других Провозвестников Божественного Откровения, кроме Христа, выступая против умаления Основоположников других религий и даже сравнения Высоких обликов между собой.

2. Она отрицала догму об исключительности Сыновства и естества Божьего в Иисусе Христе, считая, что Божественная искра находится в каждом человеке. «Если Вы прочтете Евангелия внимательно и без привычной школьной указки, — пишет она, — то увидите, что Христос неоднократно утверждал о божеском сыновстве всех людей. Не Он ли говорил: «Отец ваш и Отец Мой», и указывал на древние писания, утверждавшие, что все люди — боги» [18, с. 408]. «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48)». Сама молитва, оставленная нам Иисусом, начинается со слов «Отче наш».

3. Она утверждала высокий статус Женского начала в Космосе. «...Матерь Вселенной, или проявленного Космоса, можно представить себе как одно из лиц Св. Троицы. Именно нет такой религии, кроме позднейшего искаженного церковного Христианства, в которой бы Женское начало не было бы включено в число

Приматов Бытия. Так и у гностиков Дух Святой рассматривался как Женское Начало. В древнейших Учениях Проявленная Троица Отца-Матери и Сына рассматривается как эманация от Высшей, вечно сокрытой Причины, и последняя, в свою очередь, от Беспричинной Причины» [13, с. 338]. Интересно отметить, что в арамейском языке, на котором проповедовал Христос, слово «Дух» — женского рода, а первые арамеоязычные христиане Палестины и Сирии называли Дух Святой «Матерью всех верующих и ищущих».

4. Закон кармы и закон перевоплощения, считает Елена Рерих, были неотъемлемой чертой раннего христианского мировоззрения. В Евангелиях содержится немало указаний о законе причин и следствий, а закон перевоплощения был «отменен» в IV веке на Пятом Вселенском Соборе. В подтверждение своей точки зрения Елена Ивановна приводит евангельские изречения Иисуса и апостолов.

5. Осуждение отпущения грехов на исповеди, особенно платного.

«Теперь, в чем заключается самый тяжкий грех Церкви. Именно в том, что Церковь на протяжении веков внедряла в сознание своей паствы чувство безответственности. С детства мы знали, что человек может совершать самые большие злодеяния, но если священник отпустит на исповеди грехи его, то он освобождается от бремени их и может начинать вновь нагружать себя до следующего, столь же успешного освобождения, разве что за повышенную плату. Сколько сиротских слез положено в основания некоторых Храмов. Именно, на какие деньги, каким путем добытые, чаще всего воздвигались эти Храмы? Сколько пудовых свечей теплилось перед Священными Изображениями, принесенные предательскими руками! <...>

Сколько кощунства в молитве: «И аз недостойный Иерей, властью мне от Бога данной, ныне отпускаю грехи...». Да, платное отпущение раскаявшегося грешника не есть ли самое тяжкое преступление? Денежный подкуп Божества не хуже ли первых форм фетишизма? Этот устрашающий вопрос нужно освещать многосторонне... Именно устрашающий, ибо язва эта распространена по всему миру во всех религиях. Так, если в Тибете разбойничье племя голоков, исповедующее ламаизм, — религию, столь же далекую от Заветов Будды, как и наша церковность от Учения Христа, отправляясь на ежегодное паломничество в Лхасу замаливать свои злодеяния, не трогают на пути своего следования беззащитное население, желая получить доступ к высшему духовному представителю, но, получив за определенную плату полное отпущение своих преступлений, дают полную волю своему разгулу, грабя все, что попадает им под руку, пуская в ход и оружие, то не правы ли они, ибо через год они вновь очистятся, ведь вопрос лишь во мзде?! Так и в Индии все согрешившие спешат принести своему брамину в жертву козла и другие ценные приношения, соответственно размеру прегрешения, и столь же успешно получают прощение и очищение. Вы скажете, что это отставшие расы? Но разве не то же самое происходит среди высших интеллигентных слоев Америки и Европы? Нет, хуже, ибо только что Папа Римский воскресил древний закон индульгенций. И сейчас каждый католик может не затруднять себя покаянным паломничеством к Главе Церкви, но просто должен послать ему соответствующую сумму для получения необходимой индульгенции для входа в Рай. Несомненно, существует определенная такса на эти индульгенции, ибо ведь согрешения так различны и на точной оценке их можно заработать хороший капитал! Куда же дальше ходить? Не возвращаемся ли мы спешными шагами во мрак Средневековья?

Да, именно в этом внедрении в сознание с детских лет, что у человека есть мощная Заступница-Церковь, которая за пролитую слезу и некоторую мзду проведет его к вратам Рая, и заключается тяжкое преступление Церкви. Лишив человека ответственности, Церковь лишила человека его Божественного Происхождения. Церковь дискредитировала великое понятие Божественной Справедливости. Утратив понимание ответственности и справедливости, человек неминуемо будет инволюировать...» [12, с. 367—368].

6. Крещение должно совершаться в том возрасте, когда человек уже в состоянии сознательно и добровольно избрать конфессиональный образ жизни. Это символ отрыва от прежней жизни и приобщения к новой, духовной. «...Нигде в Евангелиях не указано, что Христос совершал этот обряд над своими апостолами и учениками. Крещение водою было установлено уже после ухода Христа с земного плана. Но Христос дал своим ученикам крещение ОГНЕННОЕ, то есть очищение и огненное преображение внутреннего существа. Огненное крещение совершается над нами после того, как дух наш закалится в жизненных испытаниях и тяжелых страданиях и обретет овладение своими страстями. Крещение водою — символ очищения, но какой смысл в крещении младенцев, которые не могут понять значение этого символа?» [18, с. 410].

7. Отрицание воскресения в физических телах.

Елена Ивановна доказывает на конкретных примерах, что многих из этих церковных нелепостей на самом деле в Евангелиях нет.

Но также безусловно, что между церковным вероучением и взглядами Елены Рерих есть и общие черты.

1. И в трудах христианских философов, и в работах Елены Рерих в первую очередь обращается внимание на сердце как средоточие телесной и духовной жизни человека, важнейший орган приобщения к Высшему. Святые и подвижники утверждали, что сердце имеет способность познавать. И христианство, и Живая Этика признают видения, пророчества, откровения.

2. Осуждение магии, колдовства, оккультных практик. Утверждается путь труда, нравственного совершенствования и практического применения учения в жизни.

3. По странной иронии, учение о Люцифере и ангелах, последовавших за ним, которые, движимые гордыней, отошли от Бога и стремятся отвратить от него и род человеческий. Говорю «по иронии», ибо Еле-

на Рерих потратила немало времени, сил, а также бумаги и машинописной ленты, дабы высказать то, что она думает по поводу падшего ангела и его «благотворного» влияния на судьбу вверенных его заботам землян.

Христианское учение утверждает, что в человеке постоянно идет борьба добрых и злых движений, так называемая «невидимая брань», причем бесы весьма коварны и изобретательны в своей битве за человеческие души. Сущность зла заключается лишь в отходе от Бога, в разрыве с Ним. Этот разрыв есть акт свободы (у ангелов и у людей). Зло не существует, с христианской точки зрения, как нечто само по себе сущее.

В «Письмах Махатм» сказано: «Зла нет как такового, а есть лишь отсутствие добра» [11, с. 221], то есть зло также не является самостоятельным началом. У Елены Рерих Люцифер — это «падший Ангел, один из Элохимов, но который преисполнился гордыни и пожелал вознестись над своими Собратьями и стать единым Богом для своих Землян. В этой борьбе с Силами Света он утерял свой лучезарный венец, но он еще очень, очень силен, будучи поддержан вольными или невольными пособниками, вербуемыми им среди невежественных и теплых воплощенных и развоплощенных землян» [18, с. 433]. В письмах Елены Ивановны много говорится о существовании сплоченной и весьма активной Иерархии тьмы, возглавляемой Люцифером, представители которой очень изобретательны в своих кознях и всегда действуют по сознанию своих жертв. У нее также есть понятия темных внушений, искушений и наконец полного порабощения воли — одержания. Однако она подчеркивает нелепость буквальной трактовки библейской легенды о змее-искусителе — дар распознавания добра и зла никак не может быть сатанинским.

КРИТИКА ЦЕРКВИ

Конечно, мысли о поиске Христа Живого, мысли о необходимости перемен в Церкви, о духовном воспитании народа, который «крещен, но не просвещен», посещали не только вольнодумку Елену Рерих. Вспомните европейскую литературу, в которой высмеиваются ханжество, стяжательство и безнравственность епископов, священников и монахов, проповедовавших жизнь, весьма отличную от той, которую вели они сами (Джованни Боккаччо, Франсуа Рабле, Ж.-П. Беранже, Эразм Роттердамский). Вспомните нашу русскую классику — тот же хрестоматийный пример Л. Н. Толстого, сравнивавшего церковных учителей с фарисеями, которые и сами не входят в Дверь (то есть не живут по учению Христа), и другим загораживают вход (неправильно учат); Ф. М. Достоевского: «Церковь как бы в параличе, и это уже давно»; П. Я. Чаадаева: «Почему русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским?». Вспомните наших религиозных философов, которые остро осознавали необходимость очистить Учение Христа от вековых наслоений и заблуждений.

«Христианство не только не было реализовано в жизни, что всегда можно объяснить греховностью человеческой природы, но оно было искажено в самом учении, вплоть до самой догматики» (Н. А. Бердяев).

«...Истинная жизнь и какими средствами можно ее достичь — все это было уже давно открыто человечеству истинным христианством, но само христианство в своей истории испытало влияние той ложной жизни — того зла, которое оно должно было уничтожить; и эта ложь так затемнила, так закрыла христианство, что в настоящее время одинаково трудно понять истину в христианстве, как и дойти до этой истины прямо самому» (В. С. Соловьев).

«Любовь эту, чувство братства, чувство единства христианского человечества, к горю нашему, редко можно встретить в русском православном мире» (Н. А. Бердяев). «Сущность Церкви и даже христианства определилась, как поклонение смерти... Ничто из бытия Христа не взято в такой великий и постоянный символ, как смерть. Уподобиться мощам, перестать вовсе жить, двигаться, дышать — есть общий и великий идеал Церкви» (В. Розанов).

«Оцерковленное, оправославленное зло гораздо страшнее откровенного антихристианства» (Георгий Федотов).

«...Я считаю, что одна из наших главных установок, христиан сегодняшних, есть не борьба с атеизмом. А нам нужно гораздо больше бороться с лжехристианством внутри каждого из нас. Это будет гораздо более важно. Потому что атеизм приходит как продукт нашего недостойства. Сегодня Церковь должна услышать призыв, обращенный к себе: “Врачу, исцелися сам”... Обозначим принцип, трудный принцип: открытость. Открытость к проблемам, внутренним и внешним» (А. Мень).

В этой связи довольно интересно послереволюционное движение обновленцев, широко развернувшееся по всей России, участники которого утверждали, что Церковь переживает глубокий внутренний кризис, являющийся лишь одним из проявлений кризиса христианства в мировом масштабе. «Христианство в течение своего 2000-летнего существования не выполнило своего назначения, данного ему Божественным Основателем... Христианство должно было, по мысли Христа Спасителя, разрешить вопиющие к небу дисгармонии человеческого бытия. Для устранения всех этих нестроений Христос дает две заповеди — любви к Богу и любви к ближнему. Оба эти завета не выполнены христианством». Христианство в Церкви превратилось в запруду, а оно должно быть вечно текущей рекой, динамикой, творчеством, наполненным Духом Святым. В Церкви застыли догматика, богословие, омертвели все формы жизни церковной. «Это трагически отразилось на самой психологии церковных людей. Они — рабы. Нет в них приятия жизни со всей полнотой ее возмож-

ности. Приятия радостного, приятия сыновного. Терпеливость и покорность, молчание духа, разума, воли стали единственными идеальными добродетелями. Между тем Слово Божие выдвигает и новые, иные возможности. В Нем мы читаем о непосредственно-благодатном общении с Отцом, о дерзновении перед Ним, о сыновстве, о свободе в Боге. Но там, где свобода, там нет стояния. Там творчество: “Се, творю все новое...” (Откр. 21:5), — говорит Слово Божие...» [1].

Критика церкви — это не борьба с церковью, не блуждания души, которая, осознавая свою ущербность, в злобе пытается швырнуть камень в чужой огород. Это горькое сожаление о том, что люди не дорастают до восприятия высоких истин, и сердца их остаются мелкими и нечистыми, не готовыми принять на себя начертание Нового Завета; что так называемые духовные водители отгородились от мира и видят в каждом непонятном им явлении дьявольские козни; что иноверец, прочитавший Евангелие, говорит, что не нашел в этом чистом и высоком Учении ничего отвечающего современному христианству.

«Пишу это со скорбью в сердце, ибо люблю свою родину и болею за язвы и все наросты ее,— читаем мы у Елены Рерих.— Много было дано русскому народу, по праву назывался он народом Богоискателем. Ибо не в его ли среде появился такой Светоч Духа, как Преподобный Сергей Радонежский, заложивший основание не только государству русскому, но сложивший весь характер народа. Не Его ли трудами, не магнетом ли Его Духа и сподвижников Его заложены и возжжены были очаги духовного света, на протяжении веков напитавшие народное сознание? Но расточили наследники завещанное им богатство, отвратились от данного им Богом Воеводы, забыли Его Иерархическое Начало, и оскудело сознание потомства, ввергнув народ в неисчислимые бедствия! Пусть не винят отцы духовные в падении церкви только светских и ученых людей, но, прежде всего, обратят обвинения на себя, на хранителей духовного богатства, вверенного им Преподобным. Где тот дух мужества, сурового воздержания, чистоты и истинного жизненного подвига, осиянного любовью к родине, которым отличались все истинные ученики Преподобного Сергея?»

Также, что выиграла западная церковь продажей индульгенций и установлением инквизиции? Каким венцом невежества увенчала себя осуждением Галилея и прочих мучеников за знание и Свет? Чем украсила себя сжиганием на костре Джордано Бруно, Иоганна Гуса и Иоанны Д'Арк, которую теперь сама же возвела в святые! И не стала ли Варфоломеевская ночь синонимом каждого массового убийства? Будем ли настаивать на непогрешимости церкви?

Велики преступления церкви против заветов Христа, пора бы просмотреть все кровавые страницы правдивой истории и, возмущившись в духе, обрести мужество и отбросить все наслоения невежества и корыстолюбия, чтобы снова вернуться к чистоте жизни первых отцов христианства. И беспредельна будет мощь духа таких подвижников, велико будет уважение к ним народа, ибо народ ищет Света, ищет водительства Духа. Но никакие раззолоченные суррогаты не соблазнят его измученную и испытанную великими страданиями душу. Народ потребует истинного Света Христова, истинного подвига во Христе, во всей суровости, чистоте и простоте!

Так пусть сородичи воскреснут духом; и некоторые среди них пусть устыдятся нравственного падения своего. Пусть все воскресенные соберутся под Знаменем Преподобного Сергея, от Бога Данного Воеводы Земли Русской. Только в этом спасение» [16, с. 408—409].

Ей было стыдно за то, что западное духовенство терпимее и просвещеннее нашего православного. «Сказано — “всякий грех и всякая хула простятся человеку, но хула на Духа Святого не простится”. А что есть Дух Святой, как не сознание, не мысль! Этот великий рычаг и творец всего сущего! Потому так велико преступление церкви, мертвой догматикой удушавшей и продолжающей удушать все светлые ростки. Не может человек жить без обновления и питания духовного. Даже Папа Римский понял это и учреждает Академию для изучения религиозных прав и Учений, в которую должны войти ученые всех стран без различия национальности и вероисповедания. Наши же церковники продолжают пребывать во тьме средневековья и усматривают печать антихриста во всем, что не отвечает их невежественному сознанию! Больно и стыдно за невежество сородичей» [13, с. 12].

«Завидую от всего сердца англосаксонским расам, которые имеют право исповедовать любую религию, и никто за это не бросает в них грязью и не обливает самую площадную бранью» [13, с. 407].

«ГОСПОДОМ ТВОИМ»

Одной из самых замечательных черт Елены Рерих было ее умение говорить по сознанию собеседника, апеллировать к лучшим качествам его натуры. Она никогда не навязывала людям свои убеждения, советы как жить, оставляя за ними право самостоятельно определяться в мировоззренческих вопросах, но всегда с готовностью отвечала стучащемуся. Она искренне старалась понять, что для ее собеседника главное, «в чем его вера». Такой подход она называла — канон «Господом твоим».

«...Канон «Господом твоим» в жизни должен быть применяем почти на каждом шагу. При каждом собеседовании, когда нет объединения сознаний, наша первая обязанность не разъярять собеседника противоречием и порицанием его убеждений, но, начав с лучших возможностей его и исходя от уровня его сознания, постепенно и терпеливо мы должны расширять его горизонт. Так, говоря с мусульманином, Вы не начнете с восхваления Вл. Будды или же с унижения Магомета, но обменяетесь с ним всем тем прекрасным, что име-

ется в его религии, и, при случае, глубже и шире поясните значение некоторых речений Магомета, которые входят в сокровищницу мировой мудрости. Так и во всех прочих жизненных явлениях. Не будете же Вы говорить ярому шовинисту против его страны, но найдете все лучшие выражения и качества его народа и укажете ему новые пути развития его особых качеств. Выказанная Вами широта понятия народных выражений сгладит представление шовинизма, и неожиданно для себя ограниченное сознание начнет звучать на ноту вмещения. Так вовремя нужно учиться вести беседы без вражды, но дружелюбно оценивая своего собеседника. Именно вести их с ТЕРПЕНИЕМ и уважением к противнику, не допуская ни раздражения, ни насмешки и проч. недостойных приемов. В каждой беседе нужно уметь жертвовать собою, своим знанием, не кичиться своею просвещенностью» [17, с. 428].

Конечно, это непросто, и такое умение творить взаимоотношения не зря называется великим искусством. Но чем выше уровень сознания, тем полнее картина окружающего мира, тем более чувствуется внутреннее единство жизни, тем очевиднее, что Истину можно увидеть с разных ракурсов. Основой любой толерантности является знание. Мы должны знать друг друга, чтобы проявлять терпимость. К тому же реалии нашей жизни не оставляют нам иного выбора, кроме как научиться понимать и уважать другого. На планете формируется так называемое глобальное мышление, выдвигающее задачи, для которых Земля стала слишком маленькой и тесной. Плоды цивилизации объединили человечество на новой основе. Огромные пространства уже не разобщают людей: за несколько часов можно долететь до другого континента, за одну минуту отправить электронное письмо в самый далекий уголок планеты. Произошедшее в одном месте становится достоянием всех, безответственное действие одного может свергнуть в бедствие целые страны. У человечества единые проблемы — экологические, экономические, социальные. Наконец, мы все вовлечены в глобальное противостояние старого и нового сознания, когда битва затрагивает фундаментальные вопросы нашего бытия, нашего будущего. Так сама жизнь заставляет нас почувствовать, что мы составляем единый организм не только как особи одного биологического вида. Без общепризнанной нормы толерантности невозможна общественная жизнь. Глупо, да и невозможно требовать любви, но потребовать недопущения практического выражения ненависти можно и нужно. Искусственное навязывание дискуссии о наших и чужих, о христианах и «еретиках», о «традиционных» и «не очень традиционных» религиях вносит излишний разлад в наше и без того смутное время.

Неуважение к личности, доставшееся России от прошлого (а с терпимостью у нас всегда было неважно — и при царском режиме, и при советском), остается хронической болезнью нашей государственной и общественной жизни. Невежество, отсутствие элементарных понятий об уникальности и ценности человеческой личности, неразвитые идеалы свободы и достоинства — таковы грустные реалии нашей жизни. Мы настолько привыкли к «единственно верному учению» и «добровольно-принудительному» порядку, что просто не мыслим своего существования без некой руководящей инстанции, о роли которой сейчас мечтают в церковных и окологерковных кругах. Но, может быть, пора прекратить оглядываться в поисках вождей и понять, что единственная «руководящая инстанция» человека — это его дух, его сердце, мысль и извечная потребность задумываться над Тайнами Бытия и выражать себя в творчестве, что и делает нас пусть и несовершенным, но все же подобием Создателя?

Благоприятным знаком на темном российском небосклоне является то, что, по данным социологических опросов, большинство наших соотечественников уже не принимает идеи исключительности той или иной религии. В этом отношении весьма характерен опрос мнений, проведенный на сайте газеты «Известия» по поводу введения в школьную программу предмета «Основы православной культуры». В нем приняли участие студенты, ученые, преподаватели средних и высших учебных заведений и просто обеспокоенные родители. Большинство из них высказалось за то, что представителям церкви следовало бы еще раз перечитать статьи 13 и 14 Конституции РФ и заняться своими внутренними проблемами. И если уж ставить вопрос о воспитании культуры и духовности, то было бы лучше знакомить детей с религиозными истоками культуры вообще. Независимо от вероисповедания родителей школьникам полезно ознакомиться с главными положениями не только христианства, но и ислама, иудаизма, буддизма — всех сосуществующих в России религий. Гуманистическая, нравственная направленность всех этих вероучений покажет, что у их приверженцев гораздо больше общего, нежели различий. А на такой основе легче воспитать веротерпимость, взаимопонимание и взаимное уважение.

О том же десятилетия назад писала и Елена Рерих: «...преподавание Закона Божьего без указания на Единство Источника, без сравнительной истории религий всех народов дает лишь ложное представление о духовной эволюции человечества и развивает чувство религиозной нетерпимости, — этот страшный бич человечества, идущий вразрез со всеми Заветами Самого обожествленного Иисуса Христа. Если восточная философия трудна для детского ума, то зато Светлые Облики Великих Учителей и Святых, жизнеописания и жизненные советы их всегда найдут отклик в детском сердце и посетят необходимое уважение к духовным ценностям и достижениям других народов» [13, с. 148].

Напоследок следует сказать, что, будучи выразителем целостного сознания, рассматривающего человека как часть единого Космоса, Елена Рерих никогда не мыслила категориями «мы» и «они», «свои» и «чужие», характерными для представителей «плоского мышления», которые всегда будут отвергать и яростно нападать на любые точки зрения и ценности, хоть на йоту отличающиеся от их собственных. Этнофобия, предвзятость, нетерпимость, ограниченный кругозор, отсутствие стимула к познанию окружающего мира,

чувство собственной непогрешимости — вот далеко не полный перечень черт, присущих этим «разъединителям» и «смутьянам». Им необычайно сложно понять, что признание чужих убеждений не означает отказа от своих, а стремление понять другого — утрату собственного достоинства. Что вопросы о том, какая религия лучше, какая вера самая правильная, на самом деле настолько же некорректны, как и вопросы о национальном превосходстве или о том, кто лучше — мужчины или женщины, старики или молодежь или, скажем, врачи или учителя. Что поверх всех дифференциаций — социальных, географических или конфессиональных — человек — это, прежде всего, человек. Все великие религии одинаково учат добру. «...Мы можем любить и даже предпочитать обрядность нашей Православной Церкви, но мы никогда не позволим себе умалять Святыню ближнего другой национальности и другого вероисповедания, ибо нет предела Божественному выражению Мысли. Как прекрасно сказано в “Бхагавад Гите”: “Человечество приходит ко Мне разными путями, но каким бы путем человек ни приближался ко Мне, на этом пути Я его приветствую, ибо все пути принадлежат Мне”. Также и второе изречение подтверждает эту же идею: “Я та нить, на которую нанизаны все эти идеи (о Боге), из которых каждая подобна жемчужине”. В этих прекрасных изречениях ясно, что форма религии не имеет значения, но существенна лишь идея. Неужели же мы настолько невежественны, что будем умалять или отрицать все созданное Тем же БОГОМ? И всюду будем искать печать дьявола и антихриста, забыв, прежде всего, порыться у себя за пазухой. Нет, пора осознать великие слова: “Отец ваш и Отец Мой”» [13, с. 162—163].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов М.Ф. Взлет и падение «русского социального христианства». Использована электронная версия: <http://www.comail.ru:8080/~mant/church1.htm>.
2. Баркова А.Л. Рерихи и буддизм // Юбилейные рериховские чтения: Материалы международной конференции, 1999 г. — М., 2000.
3. Бердяев Н.А. Мутные лики. — М., 1994.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. — Л., 1991.
5. Булгаков С.Н. Православие. — М., 1991.
6. Гребенщиков Г.Д. Протестую! // Защитим имя и наследие Рерихов: В 2 т. — Т. 1. — М.: МЦР, 2001.
7. Желудков С.А. Почему и я — христианин. Использована электронная версия: www.hot.ee/krasavin/bibl.html.
8. Кеслер Ярослав. Становление образования, юриспруденции и институтов церкви в XIV—XVI веках. Использована электронная версия: <http://www.newchrono.ru/frame1/Publ/Univers.htm>.
9. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции: В 2 т. — Т. 2. — М., 1997.
10. Мень А. Сын человеческий. Использована электронная версия: <http://www.teos.org.ru/library/068.htm>.
11. Письма Махатм. — Самара, 1993.
12. Рерих Е.И. Письма. — Т. 2. — М.: МЦР, 2000.
13. Рерих Е.И. Письма. — Т. 3. — М.: МЦР, 2001.
14. Рерих Е.И. Письма. — Т. 4. — М.: МЦР, 2002.
15. Рерих Е.И. Письма. — Т. 5. — М.: МЦР, 2003.
16. Рерих Е.И. Письма. 1929—1938: В 2 т. — Т. 1. — Минск, 1992.
17. Рерих Е.И. Письма. 1929—1938: В 2 т. — Т. 2. — Минск, 1992.
18. Рерих Е.И. Письма. 1932—1955. — Новосибирск, 1993.
19. Рерих Е.И. Письмо Ф.А. Буцену от 26 ноября 1938 г. // ОР МЦР. Вр. № 1141.
20. Рерих Е.И. Письмо В.Л. Дудко от 4 августа 1945 г. // ОР МЦР. Вр. № 1210.
21. Рерих Е.И. У порога Нового Мира. — М.: МЦР, 2000.
22. Рерих Н.К. Культура и цивилизация. — М.: МЦР, 1997.
23. Учение Живой Этики. Мир Огненный. — Ч. III. — М.: МЦР, 1995.
24. Шапошникова Л.В. Подвижничество дьякона Кураева // Защитим имя и наследие Рерихов: В 2 т. — Т. 1. — М.: МЦР, 2001.

Сергей Николаевич ЛАЗАРЕВ

ПОПУЛЯРНЫЕ ЦИТАТЫ*

- Хотите, я дам вам совет, как быть здоровой и долго жить? Никогда ни к кому и ни к чему не предъявляйте претензий, ни к судьбе, ни к Богу, ни к прошлому, ни к людям.
- ...Болезнь есть защита, блокировка неправильного поведения и непонимания окружающего мира.
- Если в душе мало любви, то жизненная энергия постепенно уменьшается и начинаются проблемы и со здоровьем, и с судьбой.

• Во всех религиях считается, что неупорядоченность по отношению к людям приводит к болезням и несчастьям.

• Одна из самых тяжелых жертв — это жертва справедливостью. Как выглядит такая жертва? Человек, считая себя правым, тем не менее, прощает того, кто неправильно себя повел.

• Вера без жертвы невозможна. Тот, кто не умеет жертвовать, не может быть реально верующим человеком. Он может называть себя верующим, посещать храм, молиться, — но верующим такой человек не является.

• Не надо выбивать сто очков из ста. Допустим, выстрелив по мишени, вы набрали семьдесят шесть очков. В следующий раз постарайтесь набрать семьдесят семь, а в следующий — поставьте цель набрать семьдесят восемь — девяносто, но не больше. То есть просто делайте свое дело чуть лучше, чем в прошлый раз.

• Дело в том, что заповеди Христа обращены не к форме, а к содержанию, к нашим эмоциям. «Ударившему тебя по щеке подставь и другую» — это не есть отрицание физической защиты. Это означает, что ответной агрессии не должно быть внутри.

• Если человек хочет жить в нарисованной им картине мира, его развитие также остановится. Когда развитие заканчивается, душа начинает погибать, и тогда на помощь человеку приходит спасение в виде несчастий и болезней.

• Формирование греха в душе начинается с утраты устремления и любви к Богу. Это происходит в душе каждого из нас постоянно, и это необходимо преодолевать.

• Гордость — это радость от того, что он сумел чего-то добиться. А гордыня — это радость не по поводу того, что человек что-то имеет, а это радость и чувство превосходства от того, что у него чего-то больше, чем у других.

• Для того, чтобы нормально развиваться, мы должны помогать слабым, сотрудничать с равными, учиться у сильных и стараться достичь их уровня.

• Если же сознание человека забыло о Боге и полностью обращено к миру, оно начинает разрушать и все вокруг, и самого человека. Тогда подсознание начинает создавать болезни и телу, и сознанию.

• <Человек> кончает жизнь самоубийством, потому что разрушена контролируемая им духовная территория. Это и есть гордыня.

• ...Если любимый человек обидел, то совет элементарный: прими, прости, позвони. Нужно научиться жить чувством, быть любящей и заботливой, не ставить справедливость превыше всего. Стань добрее, и мужчина к тебе вернется.

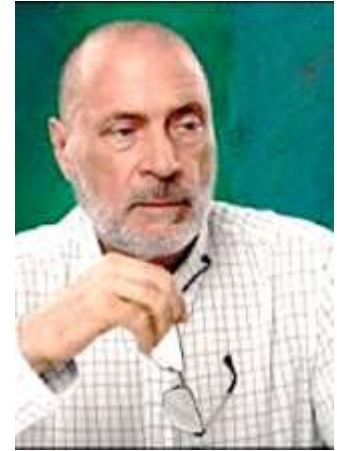
• Готовность потреблять и получать, но не жертвовать. Когда человек привязывается к миру, у него появляются гордыня и ревность.

• <Человек> не догадывается, что судьба с помощью неудач спасает его, усмиряя его гордыню.

ЦИТАТЫ ИЗ КНИГИ «ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ДУШИ»**

• Повышенная гордыня — это не только презрение к людям и чувство превосходства; повышенная гордыня — это и ощущение полной своей правоты, и неумение прощать, и навязывание своей воли другим, и недовольство судьбой, и уныние, и негибкость — неумение, нежелание пойти на компромисс. Все это создает подсознательную гордыню, а затем притягивает несчастья и болезни.

• Любовь к Богу — это, в первую очередь, принятие Его воли. Любить Бога — это значит не сожалеть о прошлом, не раздражаться по поводу настоящего, не бояться и не унывать в связи с будущим.

* ЛИТРЕС. Сергей Николаевич Лазарев. Популярные цитаты. <https://www.litres.ru/author/sergey-lazarev-10113932/luchshie-citaty/>

** МУВООК. Сергей Лазарев. Цитаты из книги «Выздоровление души». <https://mybook.ru/author/sergej-lazarev/vyzdorovlenie-dushi/citations/>

• Прощение — это отказ от внутреннего желания убить того, кто нас обидел, поскольку любая обида — это внутреннее пожелание смерти. А покаяние — это более глубокий процесс, это изменение себя: нужно стать немножко другим, чтобы уже больше не обижаться, то есть не повторять своих ошибок в дальнейшем.

• На людей нельзя обижаться. Их можно наказывать, их надо воспитывать. С ними можно ссориться. Нужно искренне высказывать людям свои претензии, а не держать их в себе. Но обижаться и осуждать — нельзя.

• Все, что происходит с нами, дается нам свыше и имеет высший гуманный смысл. Любая ситуация не против нас, а для нас. Каждая ситуация — это благо для нашей души. Поэтому, если у нас начались неприятности и несчастья, мы не имеем права обижаться на судьбу. Неприятности — это знаки, показывающие, что у нас проблемы с душой. Значит, нужно приводить в порядок свою душу. Мы не должны обижаться на мир, мы должны делать его лучше.

• Как выглядит человек, который не обижается? Это человек смелый, энергичный, добродушный, это человек прощающий, умеющий мириться, идти на компромисс, это миротворец. Это человек, который умеет воспитывать других, может быть гибким, способен меняться. Это человек, который не спешит, не раздражается, не осуждает.

• Для того чтобы не обижаться, человек должен быть добродушным, миролюбивым, смелым. Часто обижается тот, кто стесняется: такой человек боится высказать свои претензии прямо, и в результате возникает обида. Не следует бояться высказывать людям свои претензии, не надо бояться ранить правдой. Правда может причинить боль, но эта боль не разрушает, а воспитывает и развивает.

• Нежелание жить, уныние — это одна из форм гордыни. Человек с повышенной гордыней топчет либо других, либо себя.

• Привычка плохо говорить о самом себе, не верить в свои силы, сковывать и подавлять себя, повышенная застенчивость — это отсутствие веры. Вера лечит и спасает нашу душу, а отсутствие веры серьезно вредит нам.

• Если у тебя неудача, — значит, ты где-то недоработал. Нужно делать выводы и идти дальше. Обижаются и унывают люди гордые и слабые. Гордый обязательно окажется слабым, рано или поздно.

• Снятие осуждения людей тоже является лекарством для нашей души.

• Тот, кто не умеет отдавать, не сможет научиться получать.

• Страдания должны побуждать нас не к ненависти, а к любви. Неудачи и потери должны подталкивать нас не к обидам и унынию, а к изменениям и развитию.

• Кто обижается? Обижается человек слабый, пассивный, человек зависимый, человек-потребитель. Человек, который привык отдавать, в любой ситуации постарается что-то предпринять, а тот, кто ничего не делает, будет просто обижаться. Обида — это, по большому счету, удел слабых, это удел людей, которые слишком привязаны к благам человеческим, ведь привязанность всегда рождает обидчивость.

• Тот, кто поклоняется любимому человеку, потеряет его или получит от него предательство, измену, обиду. Тот, кто поклоняется завтрашнему дню, потеряет его. Если человек поклоняется деньгам, материальным благам, сексу, его ожидает неизбежная утрата всего этого.

• Противоядие Божественной воле выглядит как неприятие судьбы, как страх перед будущим, как плохие мысли о будущем и уныние, как сожаление о прошлом, как постоянное недовольство настоящим. Уныние, страх, раздражение, недовольство, сожаление — все это формы агрессии к Божественной воле, то есть к Богу.

• Итак, снятие агрессии через покаяние и прощение — лечит. Улучшение характера — лечит. Уменьшение привязанности к этому миру — лечит. Понимание, что не следует поклоняться наслаждению, что главная цель — это любовь, а не удовольствия, — лечит. Принятие Божественной воли — лечит. Ощущение присутствия Бога во всем — это ощущение любви в душе. Когда мы отрекаемся от любви к родителям, к любимому человеку, к себе, — это не что иное, как отречение от любви к Богу. Поэтому умение сохранить любовь к тому, кто обидел, — лечит. Умение почитать и уважать родителей, несмотря ни на что, — лечит.

• Смирение — это принятие Божественной воли, это отсутствие злобы, раздражения по поводу настоящего, это отсутствие сожаления о прошлом и страха перед будущим.

• Итак, работа над собой. Сначала через покаяние необходимо убрать агрессию по отношению к Богу. Затем через покаяние, прощение, пересмотр своей жизни нужно снять агрессию по отношению к самому себе. А потом нужно снимать агрессию к людям.

• Не ищи виноватых! — сказал я ему тогда. — Всегда и во всем виновато наше несовершенство. Не трать силы на обиды и уныние, лучше направь их на улучшение своего характера. Сделал ошибку — не посыпай голову пеплом и не презирай себя. Меняйся, становись другим, чтобы эту ошибку больше не повторить.

• Главный показатель качества работы над собой — это отношение к людям: насколько мы стали терпимее, великодушнее, добродушнее, насколько мы живем сердцем, а не умом, насколько мы можем простить того, кто нас обидел, насколько мы способны преодолеть вождление и гордыню.

• Внутри нужно любить и прощать человека всегда, потому что все мы — дети Божьи. А снаружи, ес-

ли человек не хочет меняться, допустимо относиться к нему достаточно жестко. Прощение не исключает наказания; прощение — это отсутствие ненависти, осуждения, обиды, а наказание — это наказ, то есть воспитание.

- На судьбу нельзя обижаться, ее можно и нужно улучшать. На себя нельзя обижаться, нужно любить себя и воспитывать. Любовь, которая дает нам энергию, не должна превращаться в страсть, а затем — в самоуничтожение или убийство других. Любовь должна помогать нам воспитывать себя и других, развиваться и быть счастливыми.

- Когда человек голодает, его душа отрешается от всего земного, открывается Божественному,— и тогда в душу поступает новая, чистая энергия. Если человек не поклоняется сексу, еде и прочим удовольствиям, если периодически воздерживается и молится, душа его очищается. Поэтому правильное питание, спорт, закаливание, периодическое воздержание и голодание — все это на пользу, в первую очередь, душе,— и именно потому все это является полезным и для тела.

- С большим удивлением я обнаружил, что непорядочность по отношению к самому себе также является причиной многих заболеваний. Недовольство собой, неприятие своей судьбы, самоедство, уныние — все это ростки будущих тяжелых болезней и несчастий.

- Вам нужно научиться любить людей и одновременно воспитывать их, наказывать, жестко относиться, если это необходимо.

- Если уж просить о чем-то, то, в первую очередь,— о том, чтобы научиться любить, о том, чтобы душа стала богата добродушием, милосердием, щедростью, терпением, смелостью, о том, чтобы преодолеть свои слабости — страх, уныние, спешку.

- Начинать работу над собой следует с такого элементарного действия, как покаяние. Нужно раскаяться в неправильных поступках, мыслях, чувствах. Сначала должно быть покаяние, затем — прощение, потом — изменение характера более глубинное.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУБЕТТО

СЛОВО О РУССКОМ НАРОДЕ И РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ*

РУССКИЙ ДУХ

«Русский никогда не стоял «на коленях»,— пусть это помнят все зарящиеся на земли России и ее богатства; и если русский народ распрямитя, а он обязательно распрямитя, то лучше его не трогать, а только с ним дружить!»

Русский человек и русский народ едины

Человек и народ едины. Человек обретает свою значимость тогда, когда он чувствует себя частью своего народа. «И один в поле — воин», но только тогда, когда за ним — «одним» — стоит его народ, стоит родная страна, стоит Родина. В «Семнадцати мгновениях весны» — гениальном фильме Т. Лиозновой о советском разведчике Исаеве — Штирлице, которого гениально играл В. Тихонов, звучит рефреном песня «С чего начинается Родина», как постоянная духовная и душевная связь с Родиной, с родительским домом, с любимой женой и любимой семьей, с Советской Армией и Военно-Морским Флотом (как мы говорили это в едином словосочетании), которые для него, как офицера,— тоже родной дом (вспомним, как он отмечал молча, с печеным картофелем в руке, День Советской Армии и Военно-Морского Флота 23 февраля 1945 года, а в его душе звучала музыка).

Русский человек — это русский народ, и русский народ — это русский человек, но это — и русский язык, и русская культура, и русская философия, и Русское Православие, и русская история,— и одновременно — Россия, российская цивилизация, дружба всех народов России — СССР, это российская межэтническая кооперация, потому что все это построено на всечеловечности русского человека и русского народа, на его любви к ближнему и дальнему, на его доброте.

* Александр Иванович Субетто «Слово о русском народе и русском человеке». — СПб.: «Астерион», 2013. — 265 с.
<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/1292-sub.pdf>

Но не дай Бог кому-то принять доброту русского человека за слабость и использовать ее как оружие против него, его жизни, против России, тогда такой человек, такой враг познает по полной мере мощь русского ответа.

Русская культура, в ее широком смысле, включая и русский язык, и науку, и образование как ее неотъемлемые элементы, и русское искусство, и русскую народную жизнь (народные песни, фольклор, частушки, народные танцы, предания, сказки, былины и т. д.), русская культура как память истории русского народа и всей России как цивилизационно-государственного образования — вот тот «цемент», который делает русский народ единым, обеспечивает единство русского человека с русским народом. И как вершина проявления русской культуры — русская идея, как ведущая идея, придающая смысл жизни всей российской цивилизации, России, как идея скрепляющая дружбу народов, как национальная идея российского государства.

<...> В русском характере переплелись, синтезировались не только темпераментность «Юга» и рациональность, спокойствие духа «Севера», но и аналитичность, практичность «Запада» и широта души, тяга к простору, а вслед за простором — понимание природы во всем ее многообразии, «Востока».

Но чтобы проделать этот «путь», т. е. охватить своим бытием все пространство от берегов Балтики до берегов Тихого океана — и от берегов Северного Ледовитого океана до границы с Китаем, Афганистаном, Турцией, а также до берегов Черного моря, — все то пространство, что воплотилось в XIX веке и в начале XX века в лице Российской империи, а затем после Великой Октябрьской социалистической революции — в лице СССР, — нужно было осуществить свою Историю как народа-объединителя всех народов, населяющих Северную Евразию в единый братский союз. И смог это сделать именно русский народ, а значит — и русский человек, благодаря таким качествам, как всечеловечность, всемирная отзывчивость, альтруизм, любовь к ближнему и дальнему, любовь к земле, к простору, к природе.

Огромное пространство русского-российского синтеза формировало огромное время такого синтеза, обеспечивало открытость русского сознания, русской культуры, русской философии и русской науки к идеям других культур, других народов, вырабатываемых как на Западе, так и на Востоке.

Известный русский историк, социолог и мыслитель, в советское время избранный в 1929 году почетным членом АН СССР Николай Иванович Кареев, в лекции «О духе русской науки», прочитанной 9 ноября 1884 года в Русском собрании в Варшаве, подчеркивал, что «наше историческое воспитание не позволяет нам коснеть на какой-нибудь односторонней точке зрения», «заставляет нас совершить синтез разнообразных точек зрения» (1), а это и определяет историческое воспитание русского человека и русского народа как «широкое воспитание» (2), что это дает определенный универсализм в мировосприятии русским человеком мира и освобождает его от чрезмерных форм национализма и космополитизма.

<...> Итак, чем обусловлено единство русского человека и русского народа?

Ответ многомерен:

- культурой, потому что русская культура есть единство русского человека и русского народа, постоянное движение исторического русского самосознания и русской самоидентификации;
- образованием, потому что через образование — русскую школу, о которой писал К. Д. Ушинский и о которой в настоящее время много писали и говорили В. Н. Ганичев и И. Ф. Гончаров, формируется единство русского человека и русского народа, человек русской культуры;
- историей — историей реальной и историей как памятью, запечатленной в легендах, былинах, научных монографиях, в учебниках, благодаря чему русский человек начинает ощущать себя как русский народ, делающий свою историю; неслучайно, русофобия в скрытом варианте начинается с учебников по истории в российской школе, с искажения истории русского народа и России;
- русским воинством, потому что русское воинство, служба в армии и на флоте, защита Отечества, как в древние века звучал клич — защита Русской земли, и есть реальная форма единства русского человека и русского народа;
- русской наукой, потому что русская наука есть форма проявления коллективного русского гения в познании мира и космоса, в создании технологического базиса хозяйственной жизни и прогресса России и качества жизни людей;
- русским духом, потому что русский дух — это коллективный дух русского народа, связанный со смыслом жизни народной и с историческим предназначением народа, который незримо присутствует всегда и проявляется в историческом действии («Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» — писал А. С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила»).

Известный историк, последователь философии евразийства, Г. В. Вернадский (сын создателя учения о ноосфере В. И. Вернадского) в своей работе «Начертание русской истории» подчеркивал, что Россия, как евразийская цивилизация, была сильна тогда, когда «правлящая верхушка не отрывалась от народной массы и внутренние подпочвенные воды питали власть». (3)

Русский народ — это народ державный, народ-государственник. Поэтому русский человек — человек служения Родине, Отчизне, человек-государственник, для которого забота об общем благе не менее значима, чем и забота о семье, о личном благополучии и счастье. Эта особенность русского человека и русского народа выковывалась веками его истории, истории России — истории великой, героической, но и часто трагической, чьи уроки и легли в основу особенностей русского характера, выразившегося в доминанте коллектив-

ности, в «чувстве локтя», в преодолении того, что кажется непреодолимым, в устремлении в своем поиске «за горизонт» сложившегося мира бытия.

Федор Михайлович Достоевский говорил в своей знаменитой речи о Пушкине, «что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способный из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего не сходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?» (4)

И этим все сказано, здесь отражена та миссия русского народа и русского человека, которая совершается в истории России и которой еще предстоит проявиться в Ноосферном Прорыве России и человечества в XXI веке (5) как единственной форме спасения от экологической гибели, в форме развивающихся процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Русский народ как народ-сбиратель

Русский народ есть народ-сбиратель, может быть — единственный в мире народ, который собирал народы Северной Евразии в единый союз братских народов, не колонизируя их, не стирая их с лица Земли (как это делали, например, англичане и германцы по отношению к индейцам Северной Америки или по отношению к западным славянам), уважая их самобытность и их культуру.

Еще Н. Я. Данилевский, Ф. И. Тютчев и другие русские мыслители указывали на насильническую природу западной цивилизации по отношению к другим народам, которых они считали «дикими», ниже себя по ценности и достоинству. Это насильническое начало перешло и в отношении к Востоку вообще и к Русскому Православию в частности, со стороны Католической Церкви. (6)

Н. Я. Данилевский в своей монографии «Россия и Европа» красочно и убедительно показал «логику насилия» в политике Западной Европы, в частности Германии, приобретающую различные формы, в том числе и форму крещения «огнем и мечом» полабских и северо-западных славян германцами (Тевтонским орденом и орденом Меченосцев). Дальнейшее продвижение («Дранг нах Остен») на Восток германцев-тевтонцев на Русь остановил Александр Невский вместе с новгородским войском на льду Чудского озера («Ледовое побоище»).

Не в этой ли насильнической традиции, за которой лежит чрезмерный эгоизм и выставление собственного интереса превыше всего (такое особое свойство Западной Цивилизации, на которое обратил внимание английский историк Арнольд Джон Тойнби, как способность разъединять народы и людей, но не объединять их, скрывается настроенное отношение Запада к противоположной традиции русских — скреплять народы союзом дружбы, скреплять любовью (на что обращал Ф. И. Тютчев)? Да, в этом. На этой почве сформировались западные империализм и фашизм как исторические явления, которые и поныне продолжают угрожать Будущему человечества, блокируя объединение его народов для осуществления Общего Дела по выходу их из пропасти возможной глобальной экологической гибели человечества (и как цивилизации, и как биологического вида) в XXI веке, из-за рыночно-капиталистических форм хозяйствования (на базе частной собственности на средства производства).

Л. Н. Гумилев хорошо показал, что стремление к интеграции — характерная черта истории народов Северной Евразии. При этом, он подчеркивал, что под «Евразией» он имеет в виду «не только огромный континент, но и супер-этнос с тем же названием, расположенный в центре его». (7) По его оценке, «этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединяли тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы, они снова объединили континент, включив в свой улус Китай и часть Персии. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия: с XV века она двинулась на восток и вышла к Тихому океану». (8)

К этой гумилевской оценке я бы добавил еще два синтеза евразийского пространства — арийский и скифский синтезы, предшествовавшие тюркскому синтезу.

Поэтому русский синтез евразийского пространства — пятый, и по мысли автора «Слова» — последний, поскольку человечество вступило в период бифуркации всей Истории человечества, порожденной и внутренними основаниями (Внутренней Логикой Социального Развития), и внешними основаниями (Большой Логикой Социоприродной Эволюции), (9) — в Эпоху Великого Эволюционного Перелома.

Русский синтез евразийского пространства построен, имплицитно, т. е. внутренне, на законе кооперации и дополнения, как ведущем законе бытия «Евразии».

«...При разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда казалось выгоднее разъединения,— писал замечательный русский мыслитель, автор теории этногенеза и исторической этнологии, Л. Н. Гумилев.— Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; разъединиться в условиях Евразии — значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых. Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. Таким образом, обеспечивались и права отдельного человека. На Руси

этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно. Вспомним, например, что, когда русские присоединили к себе Поволжье, Урал и Западную Сибирь, в армии московских царей, наряду с полками иноземного строя, дворянской конницей, появилась «низовая сила». На кочевников, служащих в армии, почти не расходовали денег, они жили за счет добычи, и в маневренных войнах были довольно удачливы. С их помощью Алексей Михайлович освободил от Польши Украину и тем самым спас ее от уничтожения. С их помощью выиграна война с заморской Швецией в начале XIX века. Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно противостояла натиску и Европы, и Китая, и мусульман». (10)

О значении евразийского многообразия в евразийском синтезе, в котором русский народ и русская культура играли роль руководящей силы в таком синтезе, — по-своему сказал наш русский «евразиец», друг Л. Н. Гумилева, Георгий Владимирович Вернадский:

«Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это есть их государство.

Исторические судьбы России и Евразии отныне нераздельно слиты между собою. <...>

Русский народ есть основная сила Евразийского государства; русский язык есть основная стихия евразийской культуры. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок. Сила эта — в свободном культурном творчестве. Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил.

Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии». (11)

Возникает вопрос, а какие свойства характера, мировоззрения, внутреннего мира лежат в основе такой народо-объединяющей функции русского народа в пространстве постоянно происходящего исторического евразийского синтеза, или другими словами исторического синтеза «Запада» и «Востока»?

Ответ на такой вопрос не может не быть системным.

Во-первых, народ-собиратель тогда может состояться, когда он народ-альтруист, т. е. есть народ, уважающий и уважающий чужие ценности, культуру, интересы, но, при этом, заботящийся об общественном благе всех народов России. И русский народ, и это доказывает вся история, — и, соответственно, русский человек таковыми являются. Русский народ — это народ-альтруист, может быть, единственный народ к настоящему времени на Земле такого типа.

Но с позиций будущего человечества, с позиций стратегии выхода его из экологического тупика, как показал автор «Слова», в XXI веке требуется планетарная кооперация этносов (12) — и Россия в этом плане, в какой-то степени, есть уже состоявшаяся, в евразийском пространстве, уменьшенная модель такой планетарной кооперации этносов. И это произошло благодаря альтруизму русского народа, «такому качеству русского человека, как терпимость, как терпимость к нравам и обычаям других народов». (13) Собственно говоря, сама всечеловечность, как свойство русского человека, о котором впервые сказал Ф.М.Достоевский, подразумевает такой альтруизм.

Во-вторых, народ-собиратель может тогда состояться, когда он обладает таким потенциалом, богатством своего языка и культуры, нравственно-духовное, гуманистическое и эстетическое содержание которых станет привлекательным, станет притягательной силой для людей других языков и других культур. Именно таким богатством и таким содержанием обладают русский язык и русская культура, ставшие своеобразным источником обогащения, оплодотворения других языков и культур в России. <...>

В-третьих, это такие свойства русского народа, как самоотверженность и служение, за которым стоит государственничество.

Нет в семействе народов России народа более самоотверженного, чем русский народ, самоотверженного и в труде, и в ратном деле.

Это свое качество русский народ, русский человек доказывал на протяжении своей истории. Государственность русского народа родилась как выражение принятого урока истории русским человеком в лице 240-летнего татарского ига, когда местничество русских князей, местническая раздробленность Киевской Руси стала главной причиной поражения почти всех русских войск в битвах с нашествием татарских (монгольских) войск под водительством Батыея. Возникновение и становление Московской Руси с центром в городе Москва, ставшего «точкой сборки» русского народа и русского государства, проходило через растущее понимание, что только сильное государство есть основа безопасности русского народа, а также всех народов и национальностей, которые в основном добровольно становились под «руку белого царя». Яркий пример — присоединение, по инициативе Богдана Хмельницкого, Украины к Московскому царству, потому что это спасало украинский народ от полного исчезновения, через окатоличивание и ополячивание. «Соединение с Россией спасло подавляющее большинство православного населения Украины, и потому 8 января 1654 года в Переяславле, на берегу Днепра, собравшаяся рада поддержала политику присоединения к Москве словами: «Волим под царя московского, православного», — так писал Л. Н. Гумилев в работе «От Руси до России». (14)

За этим, конечно, лежала и еще более глубокая связь — братство трех народов — русского, украинского и белорусского, скрепленное общей исторической судьбой, общим происхождением из Киевской Руси, разделение которых было порождено татарским нашествием и последующими разными путями исторического вы-

живания в XIII — XV веках, и, наконец, единой православной верой. «Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира» (15),— писал Н. А. Бердяев.

Служение, как свойство русского человека, вытекало из императива сохранения сильного государства, как главного условия безопасности жизни. А этот императив постоянно аргументировался уроками истории. Россия почти в 3 раза больше за последнее тысячелетие пережила войн, чем Европа. <...>

В-четвертых, это Русское православие, Русская Православная Церковь, которая постоянно поддерживала интеграционные процессы в становлении российского государства и российской науки, внесла огромный вклад в сохранение самоидентичности русского народа в период татарского ига. Высокая терпимость русского православного религиозного мировоззрения к другим религиям и конфессиям, к мусульманству, буддизму, иудаизму, православное мировоззрение как мировоззрение «любви к ближнему», постоянная поддержка со стороны Русской Православной Церкви российской государственности и процесса ее укрепления, за которыми стояла незримая работа иерархов и «святых отцов» Русского Православия,— играли свою огромную роль в объединении и развитии России. Вся история Русского Православия насыщена духовными подвигами на этом историческом поприще.

Русский писатель Б. К. Зайцев так писал: «Владимир Красное Солнышко...— связывается с ним [Крещением Руси] и школьное, и сказочное, поэтическое, легендарное, но это ведь и совсем уж История — началась тут большая, настоящая История России — под солнечным светилом, при солнце! Каков был в действительности этот Владимир, через толщу веков сказать трудно, а вот сияние его, светоносность осталась же, запомнилась. При свете принято христианство и введена Родина из местного во вселенское. Это создало неповторимые явления не только в религиозном, но и во всем творчестве русском. Местное оплодотворено вселенским, но не теряет своеобразия. Зодчие возводят храмы св. Софии в Киеве и в Новгороде, позже во Владимире, Пскове, Новгородской области, в самой Москве — византийское сочеталось со славянским. Иконописцы расписывают фресками храмы, те же древние киевские и новгородские святыни и другие — Успенский собор в Москве, северные Ферапонтовы, Кирилло-Белозерские монастыри. Являются творения и личные — мастеров Дионисия, Андрея Рублева, не говоря уже о живописи тех, чьи имена не сохранились. Русская иконопись ныне справедливо прославлена...» (16)

Русское православие,— несомненно, проникло связующим началом во все поры русской культуры, русской государственности, русской народной жизни и стало важнейшим фактором и основанием Общего Дела объединения России (Российской Евразии) на всем огромном пространстве, от Балтики до Тихого океана, и даже на Американском континенте, на Аляске и в Калифорнии (порт Росс).

Русский народ как народ-собиратель состоялся в мировой истории, в том числе и благодаря Русскому Православию, особенностям его духовного кода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кареев Н. Н. О духе русской науки //Русская идея/ Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин.— М.: Республика, 1992.— 496с.; с. 172 — 184; с. 181
2. Там же, с. 182
3. Вернадский Г. В. Начертание русской истории.— М.: Айрис Пресс. 2002.— 368с.; с. 36
4. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине// Русская идея.— М.: Республика, 1992, с. 130 — 146; с. 132, 216
5. Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке.— СПб.: Астерион, 2010.— 554с. (Изд. при поддержке РГНФ).
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд. Шестое.— СПб.: Изд-во «Глаголь», Изд. С.-Петербургского университета, 1995, с. 154, 217
7. Гумилев Л. Н. От Руси до России.— СПб.: ЮНА, 1992.— 272 с.; с. 255
8. Там же
9. Субетто А. И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие.— М.: Исследоват. центр, 1994.— 168 с., 218 с.
10. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории.— СПб.: ЮНА, 1992 — 272с.; с. 255, 256.
11. Вернадский Г. В. Начертание русской истории/ Предисл. С. Б. Лаврова, А. С. Лаврова.— М.: Айрис Пресс. 2002.— 368 с.; с. 297, 219.
12. Субетто А. И. Планетарная кооперации этносов — основа гармоничного развития человечества в XXI веке (научный доклад).— СПб.: Астерион, 2012.— 12 с.;
13. Гумилев Л. Н. От Руси до России...— СПб., 1992, с. 221.
14. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории.— СПб.: ЮНА, 1992.— 272с.; с. 215.
15. Бердяев Н. А. Душа России// «Русская идея»/ Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин.— М.: Республика, 1992.— 496 с.; с. 296 — 312 с.; с. 299.
16. Зайцев Б. К. Слово о Родине// Русская идея/ Сост. и авт. вступ. ст. Маслин.— М.: Республика 1992.— 496с.; с. 375 — 378; с. 376

Алексей Максимович ГОРЬКИЙ* ** *** ****

- В карете прошлого никуда не уедешь.
- В совершенствовании человека — смысл жизни.
- Если все время человеку говорить, что он «сви- нья», то он, действительно, в конце концов захрюкает.
- Всем хорошим во мне я обязан книгам.
- Есть только две формы жизни: гниение и горе- ние. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные

и щедрые — вторую... («Часы», 1896)

• Личный эгоизм — это родной отец подлости.

• Ложь — религия рабов и хозяев. Правда — Бог свободного челове- ка.

• Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям.

• Любовь — это желание жить.

• Люди запутываются в массе лишних слов.

• Нет силы более могучей, чем знание; человек, вооруженный знанием, — непобедим.

• Слово — одежда всех фактов, всех мыслей.

• Смысл жизни в красоте и силе стремления к цели, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель.

• Ум имей хоть маленький, да свой.

• Учитель, если он честен, всегда должен быть внимательным учеником.

• Язык — это оружие литератора, как ружье — солдата. Чем лучше оружие — тем сильнее воин...

• Человек — это звучит гордо («На дне»).

• Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство! («На дне»).

• Ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы («Старуха Изергиль»).

• Наказание человека — в нем самом («Старуха Изергиль»).

• Не своротить камня с пути дуמוю («Старуха Изергиль»).

• Мир делится на людей умнее меня — этих я не люблю — и на людей глупее меня — этих презираю («Жизнь Клима Самгина»).

• Следует предохранять душу от засорения уродством маленьких обид и печалей.

• Рожденный ползать — летать не может!.. («Песня о Соколе»).

• Самолюбие — худший вид зависимости.

• Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются...

• Дети очень часто умнее взрослых и всегда искреннее.

• Наш воспитатель — наша действительность.

• Самодовольный человек — затвердевшая опухоль на груди общества.

• День — это маленькая жизнь, и надо прожить ее так, будто ты должен умереть сейчас, а тебе неожиданно подарили еще сутки.

• Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери.

• Дети — это завтрашние судьи наши.

• Доброта — она превыше всех благ.

• Не пишите на чистых страницах вашего сердца чужими словами.

• Последствия любви всегда одни и те же — новый человек! Я говорю не о ребенке, а о людях, кото- рые любят, ведь это чувство обновляет душу, делает иными, лучше, красивее.

• Дети — живые цветы земли...

• ...Народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить все возможное — в необходимое, все мечты — в действительность.

• Учитесь у всех — не подражайте никому.

*Портрет А. М. Горького
художника Богданова-Бельского Н. П.*

* Максим Горький. Материал из Викицитатника. Цитаты и афоризмы.

https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC_%D0%93%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9

** ЭКСМО. 20 цитат из книг Максима Горького. <https://eksmo.ru/interview/20-tsitat-iz-knig-maksima-gorkogo-ID5363419/>

*** ЛИТРЕС. Максим Горький. Популярные цитаты Максима Горького <https://www.litres.ru/author/maksim-gorkiy/luchshie-citaty/>

**** Национальная библиотека Чувашской Республики. АФОРИЗМЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ М. ГОРЬКОГО.

http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4790&catid=289&Itemid=480

- Когда человек хочет узнать — он исследует, когда он хочет спрятаться от тревог жизни — он выдумывает.
- Нужно уметь извлекать из факта смысл.
- Знать необходимо не затем, чтоб только знать, но для того, чтоб научиться делать.
- Красота и мудрость — в простоте.

Александр Иванович КУПРИН* ** ***

- Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться («Гранатовый браслет»).

- Разлука для любви то же, что ветер для огня: маленькую любовь она тушит, а большую раздувает еще сильнее («Олеся»).

- Что русская литература выжала из всего кошмара проституции? Одну Сонечку Мармеладову («Яма»).

- Все мы согласны, что проституция — одно из величайших бедствий человечества, а также согласны, что в этом зле виноваты не женщины, а мы, мужчины, потому что спрос родит предложение («Яма»).

- Дай Бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное — не падайте никогда духом («Чудесный доктор»).

- А вы мне скажите, почему вы так боитесь молчания? Чуть разговор немножко иссяк, вам уже и не по себе... А разве дурно разговаривать молча? («Молох»).

- Она была проста, потому что хорошо воспитана («Гранатовый браслет» (сборник)).

- Бог или природа,— я уж не знаю, кто,— дав человеку почти божеский ум, выдумали в то же время для него две мучительные ловушки: неизвестность будущего и незабвенность, невозвратность прошедшего.

- Каждая женщина, которая любит,— царица.

- Почти каждая женщина способна в любви на самый высокий героизм. Для нее, если она любит, любовь заключает весь смысл жизни — всю вселенную!

- Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен.

- Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью.

- Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви!

- Как много счастья может заключаться в простой возможности идти, куда хочешь.

- Любовь... одна дороже богатства, славы и мудрости... дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти.

- Стыдно, делая хорошее дело, сейчас же ждать за него награды.

- Все мы — так или иначе — бедные, исхудалые, брошенные дети, и как ужасна должна быть жизнь, если совсем потерять веру в таинственных добрых незнакомцев!

- Всякий труд возвышает человека.

- Как это скверно, когда не ты ведешь мысль, а она тебя ведет...

- Говорят про нас: такая-то собака добра, такая-то — зла. Нет. Зол или добр, храбр или труслив, доверчив или скрытен бывает только человек. А по нему и собаки, живущие с ним под одной кровлей.

- Мне кажется, можно смело представить мощную будущность тому народу, в среде которого выработалось уважение к ребенку.

* Литрес. Популярные цитаты А. И. Куприна <https://www.litres.ru/author/aleksandr-kuprin/luchshie-citaty/>

** Викицитатник. Александр Иванович Куприн

https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9A%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD

*** СІТАТУ.SU Главная. Авторы цитат. Цитаты российских писателей. Цитаты Александра Куприна

<https://citaty.su/kuprin-citaty-i-aforizmy-aleksandra-kuprina>

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ* **

• Сердце, воображение и разум — вот та среда, где зарождается то, что мы называем культурой.

• Человеку нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца.

• Нет таких звуков, красок, образов и мыслей — сложных и простых,— для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения.

• — Напутствие — афоризм молодому писателю? — «Останься прост, беседуя с царями. Останься честен, говоря с толпой».

• По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности.

• Глубочайшим образом люблю природу, силу человеческого духа и настоящую человеческую мечту. А она никогда не бывает крикливой... Никогда!

• Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания — это как нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться.

• Давно известно, что прелесть жизни не только в ожидании будущего и в настоящем, но отчасти и в воспоминаниях. Часто воспоминание сродни выдумке, творчеству. Кто из нас, вспоминая, не придает пережитому черты несбывшегося? Кто, вспоминая, не оставляет в памяти только сущность пережитого?

• Я грущу о скромности, о мудрости, о хорошем вкусе, и хотя бы об элементарной культуре во всем, в том числе и в человеческих отношениях. Этого нет вокруг, и это меня очень пугает. За это надо неистово бороться и еще за честность и прямоту. (Константин Георгиевич Паустовский «Том 9. Письма 1915—1968»).

• Человек, любящий и умеющий читать,— счастливый человек. Он окружен множеством умных, добрых и верных друзей. Друзья эти — книги.

• Если бы Христос опять пришел, Его бы не распяли, нет. Его бы превратили в какого-нибудь несчастного приказчика мелочной лавки, подождали бы, пока у него будут жена и дети, чтобы заморить их голодом и заставить Его преклониться перед обществом и государством. Это было бы мучительнее. А в ответ на Его пророчества общество подослало бы к нему чиновника с исполнительным листом, чтобы везти по векулям и описать последние платья Его детей — это язвит сильнее, это вернее, чем просто умирать на кресте в продолжение нескольких часов. (Константин Паустовский «Собрание сочинений в девяти томах. Том 9»).

• С русским языком можно творить чудеса.

• Читайте! И пусть в вашей жизни не будет ни одного дня, когда бы вы не прочли хоть одной странички из новой книги.

• Любовь к родной природе — один из признаков любви к Родине.

• Истинное счастье — прежде всего забота знающих, а не невежд. Невежество делает человека равнодушным к миру, равнодушие растёт медленно, но необратимо...

• Нет великих и малых дел, если человек всем сердцем стремится к великому и справедливому, ибо в этом случае все дела имеют великие вес и последствия.

• Берегите любовь, как драгоценную вещь. Один раз плохо обойдетесь с любовью, и последующая будет у вас обязательно с изъяном.

• Богатство ассоциаций говорит о богатстве внутреннего мира писателей.

• В истинном писательском стремлении совершенно нет тех качеств, которые ему предъявляют низкие скептики,— ни личного пафоса, ни напыщенного сознания...

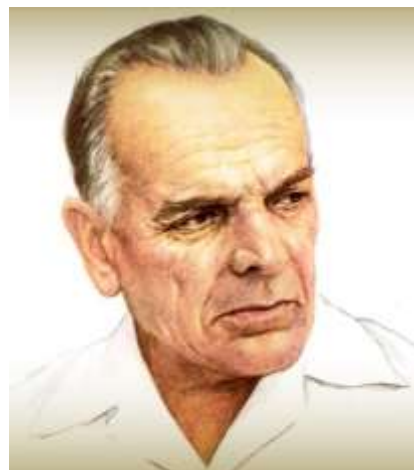
• В любой области человеческого знания существует бездна поэзии.

• Вдохновение в нас входит, как сияющее летнее утро, только то, что сбросило туманы тихой ночи, забрызганной розой, с зарослями влажной листвы. Оно осторожно дышит нам в лицо своей целебной прохладой. Вдохновение — как первая любовь, когда сердце громко стучит в предчувствии удивительных встреч, невообразимо прекрасных глаз, улыбок и недомолвок.

• Вдохновение — это строгое рабочее состояние человека.

• Воображение, рожденное жизнью, в свою очередь получает иной раз власть и над жизнью.

• Гений настолько внутренне богат, что любая тема, любая мысль, случай или предмет вызывают у него неиссякаемый поток ассоциаций.

* Цитаты великих людей. Цитаты писателей и поэтов. Константин Георгиевич Паустовский — цитаты <https://citaty.info/man/konstantin-georgievich-paustovskii>

** Авторы цитат. Цитаты советских писателей. Цитаты Паустовского. citaty.su/aforizmy-i-citaty-konstantina-paustovskogo

• Глубочайшим образом люблю природу, силу человеческого духа и человеческую мечту. А она никогда не бывает крикливой... Никогда! Чем больше ее любишь, тем глубже прячешь в сердце, тем сильнее ее бережешь.

• Голос совести и вера в будущее не позволит историческому писателю прожить на земле, как пустопыль, и не передать людям с полной щедростью всего разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самое.

• Дело писателя состоит в том, чтобы ... передать свои связи читателю и вызвать у него подобные же ассоциации.

• Дело художника — перенос страданий всех усилий, всем своим талантом.

• Дело художника — рождать радость.

• Если отнять у человека способность мечтать, то отпадет одна из самых мощных побудительных причин, порождающих культуру, искусство, науку и стремление бороться во имя прекрасного будущего.

• Замысел, так же как молния, возникает в организме человека, насыщенном вливанием, чувствами и заметками памяти. Накапливается все это исподволь медленно, пока не доходит до той степени напряжения, которая требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и еще несколько хаотический мир рождает молнию — замысел.

• Знание всех соответствующих областей искусства — поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки — необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и особую выразительность его прозы. Последняя наполняется светом и красками живописи, емкостью и свежестью слов, свойственными поэзиями, соразмерностью контуров, выпуклостью и четкостью линий скульптур, а также ритмом и мелодичностью музыки. Все это дополнительные богатства прозы, как бы ее дополнительные цвета.

• Знание органически связано с человеческим воображением. Этот на первый взгляд парадоксальный закон можно выразить так: сила воображения увеличивается по мере роста познаний.

• Каждую минуту, каждое брошенное незначай слово и взгляд, глубокая или шутивная мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огненные звезды в ночной луже,— все это крупинки золотой пыли. Мы, литераторы, извлекаем их преобразованиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму.

• Мы должны быть владельцами искусства всех времен и всех стран.

• Мы до сих пор не пренебрегаем существованием природы и не знаем всей силы ее культурного и морального воздействия на человека...

• Наше творчество предназначается для того, чтобы красота земли, призыв к миру ради счастья, радость и свобода, широта человеческого сердца и сила разума преобладали над тьмой и сверкали, как незаходящее солнце.

• Тот, кто лишился чувств, печали, так же сожалел, как человек, не знающий, что такое радость, или потерявший ощущение смешного. Выпадение хотя бы одного из этих свойств свидетельствует о непоправимой духовной ограниченности.

Николай Гаврилович ЧЕРНЫШЕВСКИЙ* **

• Без приобретения чувств гражданин, а ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних лет, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится, или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера.

• Богатство — вещь, без которой можно жить счастливо, но благосостояние — вещь, необходимая для счастья.

• В жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого.

• В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант.

• Воображение строит свои воздушные замки тогда, когда нет не только хорошего дома, даже сносной избушки.

• Для измены родине нужна чрезвычайная низость души.

• Искусство есть средство для беседы с людьми.

• Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей.

* Материал из Викицитатника. Николай Гаврилович Чернышевский.

https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%93%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9

** Цитаты известных личностей. Николай Гаврилович Чернышевский знаменитые цитаты

<https://ru.citaty.net/avtory/nikolai-gavrilovich-chernyshevskii/>

- Прогресс — стремление к возведению человека в человеческий сан.
 - Ребенок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более сознающим свое достоинство.
 - Талант дает всякому двойную цену.
 - Ученая литература спасает людей от невежества, а изящная — от грубости и пошлости.
 - Характер средств должен быть таков, как характер цели, только тогда средства могут вести к цели.
- Дурные средства годятся только для дурной цели.
- Нет ничего гибельнее для людей и в частной, и государственной жизни, как действовать нерешительно, отталкивая от себя друзей и робея перед врагами.
 - Если страшно от сильного пожара, то надобно бежать туда и работать, и вовсе не будет страшно.
 - Нелепо приниматься за дело, когда нет сил на него. Испортишь дело — выйдет мерзость.
 - Общественное в жизни — вот содержание искусства.
 - Патриот — это человек, служащий Родине, а Родина — это, прежде всего, народ.
 - Кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла.
 - Если человек утратит любовь к честности, он быстро вовлечется в такое множество дурных поступков, что приобретет привычку к бесчестным правилам жизни.
 - Любовь к своей нации обязывает людей быть признательным к тем народам, влияние которых было полезно для нее.
 - Молодость — время свежести благородных чувств.
 - Нас очаровывает все, в чем проявляется наш идеал, цель и предмет наших желаний и нашей любви.
 - Расчетливы только добрые поступки, рассудителен только тот, кто добр, и ровно постольку, насколько он добр.
 - Льстят затем, чтобы господствовать под видом покорности.
 - Исторический путь — не тротуар Невского проспекта.

Валентин Григорьевич РАСПУТИН* **

- Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни («Прощание с Матерой»).
- Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после («Уроки французского»).
- Чтобы понимать друг друга, много слов не надо.

Много надо — чтобы не понимать («Пожар»).

- Человек старше не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком («Уроки французского»).
- Вина требует вины, пропащая душа ищет пропасти поглубже («Живи и помни»).
- Жизнь — не одежда, ее по десять раз не примеряют. Что есть — все твое, и отрешиваться ни от чего, пускай и самого плохого, не годится («Живи и помни»).
- И нет ничего проще, как заблудиться в себе («Пожар»).
- Нет ничего несправедливей в свете, когда что-то, будь то дерево или человек, доживает до бесполезности, до того, что становится оно в тягость; что из многих и многих грехов, отпущенных миру для измоления и искупления, этот грех неподъемен («Прощание с Матерой»).
- Наши дни во времени не совпадают с днями, отпущенными для дел; время обычно заканчивается раньше, чем мы поспеваем, оставляя нелепо торчащие концы начатого и брошенного; над нашими детьми с первых же часов огромной тяжестью нависает не грех зачатия, а грех не исполненного своими отцами («Что передать вороне?»).
- Не знаю как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство от противного («Уроки французского»).
- Идет непрерывная и масштабная на всю страну работа отупления человека, его развращения и озвещения. Больше всего преуспевает в этой работенке, разумеется, телевидение, но не слишком отстают и издательства. Вместе с радио, газетами и шоу-бизнесом. Это сплетшийся воедино отвратительный змеиный клубок ...
- Нельзя продолжать новую жизнь, не подобрав пуповину от старой.

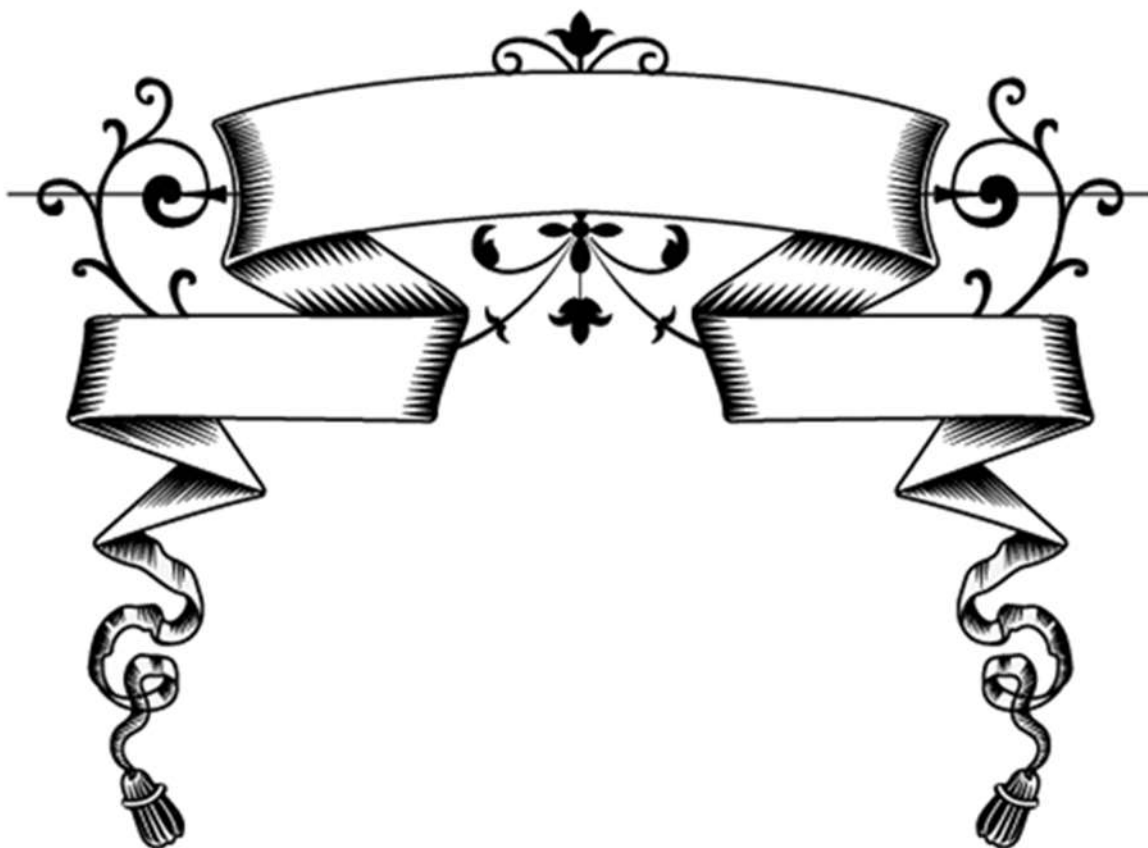
* ЭКСМО. 15 цитат из книг Валентина Распутина. <https://eksmo.ru/interview/15-tsitat-iz-knig-valentina-rasputina-ID5062450/>

** ЛИТРЕС. Цитаты из книги Валентина Распутина «Живи и помни»
<https://www.litres.ru/book/valentin-rasputin/zhivi-i-pomni-162163/citaty/page-14/>

- Одно дело — беспорядок вокруг, и совсем другое — беспорядок внутри тебя.
- Нет ничего проще, как заблудиться в себе.
- Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важнее другой. Захромает какая — весь свет внаклон.
 - Доверь непутевому человеку после одной жизни вторую, все равно не научится жить.
 - Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно нужно быть дома. Вот: дома. Поперед всего — дома, а не на постое, в себе, в своем собственном внутреннем хозяйстве, где все имеет определенное, издавна заведенное место и службу. Затем дома — в избе, на квартире, откуда, с одной стороны, уходишь на работу, а с другой — в себя. И дома — на родной земле.
 - Везде хорошо, где нас нет. В жизни, быть может, самое важное: каждому на своем заданном месте держаться правильного направления, а не кривить без пути и не завязывать его в узлы неопределенно-искательными перебежками.
 - В ком душа, в том и Бог, парень. И хошь не верь — изневерься ты, а Он в тебе же и есть. Не в небе. А боле того — человека в тебе держит. Чтоб человеком ты родился и человеком остался. Благость в себе имел. А кто душу вытравил, тот не человек, не-е-ет!
 - Нет ничего несправедливей в свете, когда что-то, будь то дерево или человек, доживает до бесполезности, до того, что становится оно в тягость; что из многих и многих грехов, отпущенных миру для измоления и искупления, этот грех неподъемен.
 - Родина-то родина, что и говорить, тут каждый камень еще до твоего рождения предчувствовал и ждал тебя и тут каждая травка по новой весне несет тебе что-то в остережение или поддержку от былых времен, тут везде и во всем за тобой тихий родовой догляд.

ПРОЗА

**АННА ВОРОНИНА
АЛЕКСЕЙ ЯШИН
МАГДАЛИНА ГРОСС
АНДРЕЙ ВОЛКОВ
ГАЛИНА РАЗБАЕВА
ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ
ЛЮДМИЛА БРАГИНА
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ГАЛИНА МАМЫКО
НИКОЛАЙ МАКАРОВ**

**РАГИМ МУСАЕВ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ
СЕРГЕЙ О. КРЕСТЬЯНКИН
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ЛЯМАН БАГИРОВА
ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН
НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА
ЮРИЙ СЫЧЕВСКИЙ
ЕЛЕНА КУТЬИНА
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ**

ГАЛИНА СОЛОНОВА

Анна ВОРОНИНА

г. Сельцо Брянской области

Анна Васильевна Воронина родилась в с. Бобрик Погарского р-на Брянской обл. Пишет стихи и прозу. Лауреат и дипломант различных литературных конкурсов, участник фестивалей и поэтических чтений. Стипендиат им. П. Л. Проскурина. Член Международного Союза писателей и мастеров искусств. Координатор Международного молодежного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы». Заместитель руководителя ЛитО «Парус». Создатель детской творческой студии «Мастерская словесности». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДВАДЦАТЬ ГРАММОВ ГРУСТИ И ПОЛКИЛО РАДОСТИ

Пьеса

Действующие лица:

Случайный покупатель
Продавец
Женщина под вуалью
Мужчина в фетровой шляпе
Дама в розах
Тренер
Горющая мать
Худенький мальчик
Бабушка с телефоном
Улыбающаяся незнакомка

Действие происходит в небольшом помещении, заставленном полками с товаром. Справа — стоит столик для посетителей. Сверху — надпись «Аптека для души».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

«Второй шанс»

Случайный покупатель входит, понурился, смотрит на вывеску «Аптека для души», разглядывает полки с пестрыми причудливыми скляночками. За прилавком стоит Продавец и радушно улыбается.

Случайный покупатель (*устало*). Здравствуйте, у вас есть аспирин?

Продавец. Простите, нет (*разводит руками*).

Случайный покупатель (*потирает висок*). А что-нибудь другое от головной боли?

Продавец. Мне очень жаль, но того, что вы просите, у нас нет.

Случайный покупатель (*удивленно*). Совсем ничего?

Продавец (*рекламно*). Но у нас обширный ассортимент. Есть радость, счастье, любовь, зависть...

Случайный покупатель (*с недоумением*). Что?..

Продавец. У нас вы можете купить особенный товар (*понижив голос*): эмоции, чувства, и все (*торжественно*), что окрасит вашу душу в новые цвета.

Случайный покупатель (*раздраженно*). Что за шутки?

Случайный покупатель разворачивается и собирается уходить, но в дверях сталкивается с Женщиной под вуалью.

Случайный покупатель (*с раскаяньем*). Простите, пожалуйста.

Женщина под вуалью не обращает на него внимания, проходит дальше к прилавку.

Она волнуется, теребит в руках платочек. Случайный покупатель останавливается

и рассматривает странную посетительницу.

Продавец (*понимающе*). Добрый день! Вы решились?

Женщина под вуалью (*частит от волнения*). Да, я все обдумала, я согласна попробовать ваше средство (*сжимает платок*).

Продавец (*опускает в серый бумажный пакет пузырек с красно-фиолетовой жидкостью*). Воспоминания, боль, раскаянье, злость, ненависть и прощение — все приправлено горькими слезами. Принимать по одной чайной ложке три раза в день (*ободряюще*). Не волнуйтесь, это точно поможет. В подарок возьмите любовь, новую, чистую, исцеляющую. Примите через неделю, после микстуры, но не раньше — она должна настояться.

Женщина под вуалью (*удивленно*). Вы думаете, мне нужна любовь? (*Смахивает слезинку*.)

Продавец (*улыбается*). Непременно! Сами увидите (*кладет розовый пузырек в пакет*). Не забудьте — принять только через неделю.

Женщина под вуалью (*с благодарностью и надеждой*). Спасибо! Большое спасибо!

Продавец (*учтиво*). Всегда рады помочь.

Женщина под вуалью поспешно уходит.

Случайный покупатель (*с любопытством рассматривает полки*). Что за странное лекарство?

Продавец (*с улыбкой*). Предательство близкого человека — тяжелое испытание, но наша микстура (*подмигивает*) точно поможет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

«Зависть»

*Мужчина в фетровой шляпе,
в длинном сером пальто, с зонтиком в руках входит
и сразу спешит к прилавку.*

Мужчина в фетровой шляпе (*возбужденно*). Дайте мне зависти, качество не важно, я заплачу вдвойне.

Продавец (*подчеркнуто вежливо*). Ваш рецепт? Зависть теперь только по назначению.

Мужчина в фетровой шляпе (*умоляюще*). Войдите в положение, от этого зависит моя жизнь. Обещаю, это в последний раз...

Продавец (*непреклонно*). Без рецепта — ничем не могу помочь.

Мужчина в фетровой шляпе (*со злостью ударяет зонтиком по прилавку*). Я буду жаловаться...

Мужчина в фетровой шляпе выбегает, громко хлопнув дверью.

Случайный покупатель. Кто-то покупает зависть?

Продавец (*грустно*). Увы, зависть пользуется популярностью не меньшей, чем ревность, и гораздо большей, чем доброта, благодарность, щедрость.

Случайный покупатель (*непонимающе*). Но кому нужна зависть?.. Или ревность?

Продавец. Один раз попробовав, человек уже не может остановиться.

Случайный покупатель. Зачем же пробовать такую гадость?

Продавец. Люди употребляют зависть ежедневно, часто превышая рекомендуемую дозу, привыкают — это становится нормальным. Они даже дают ее своим детям, хотя это очень опасно (*с сожалением*). Люди перестанут покупать честность, но зависть — НИКОГДА.

Случайный покупатель. Ревность тоже дают детям?

Продавец. Люди идут на многое, чтобы получить то, что хотят, или чтобы отомстить обидчику...

Случайный покупатель. Зачем же вы продаете такой товар?

Продавец. Для лечения — избавиться от этих пороков можно только постепенно, осторожно снижая дозу (*вздыхает*). Но не все хотят и не у всех получается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

«Дерево счастья»

*В аптеку входит Дама в розах —
женщина в ярком костюме, украшенном цветами,
огромной шляпе и с маленькой собачкой на руках.
Она бросает беглый взгляд на Случайного покупателя
и громко обращается к Продавцу.*

Дама в розах. Дорогой мой, как наш заказ? Завтра тот самый день! (*Закатывает глаза.*) Мы не можем опоздать.

Продавец. Не волнуйтесь, моя прекрасная! Семена доставили еще вчера (*достает из-под прилавка белый кружевной пакет*). Подробные правила посадки и ухода — в инструкции (*показывает лист бумаги и кладет его в пакет*). Напомните молодоженам, что дерево счастья очень капризное растение, требующее ежедневного внимания.

Дама в розах (*довольно*). Дорогой мой, я знала, что на вас можно положиться.

Дама в розах забирает пакет и уходит.

Случайный покупатель. Что за необычное дерево?

Продавец. Самое обычное (*подмигивает*). Важно не само дерево, а то, как за ним ухаживают, чувства, которые испытывают друг к другу.

Случайный покупатель (*восторженно*). Вот так хитрость!

Продавец. О! Я знаю, что вам подойдет! Возьмите смех, только сегодня привезли, чистейший отборный смех (*выкладывает на прилавок разноцветные шарики*). Есть детский и взрослый, залиvistый и сдержанный, есть кокетливый и развязный.

Случайный покупатель (*улыбаясь*). Вряд ли...

Продавец. А радость? Счастье? Любовь? — Можно полным комплектом, для одиноких сердец скидки!

Случайный покупатель (*взмахивает рукой*). А почему бы и нет...

*Продавец укладывает пузырьки, шарики, коробочки
в большой бумажный пакет
и передает его Случайному покупателю.
Тот забирает пакет и присаживается за столиком в зале.*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ «Про смелость, злость и раскаянье»

*Случайный покупатель сидит за столиком
и наблюдает за посетителями в очереди:
Тренером, Горюющей матерью, Мужчиной с портфелем,
Худеньким мальчиком, Бабушкой с телефоном.*

Тренер (*деловито, опирается локтем на прилавок*). Дай-ка злости, хорошей спортивной злости — одиннадцать порций.

Продавец. Ваш рецепт? (**Тренер** *показывает целую стопку листов*.)

*Продавец запаковывает пакет и передает.
Тренер уходит.*

Горюющая мать (*нервно*). Можно мне раскаянье...

Продавец (*вздыхая*). Не сознался?

Горюющая мать (*отрицательно качает головой, всхлипывает, проводит рукой по лицу*). Моя доченька...

Продавец. Сочувствую (*подает лекарство*). Пусть преступник получит по заслугам.

Горюющая мать. Благодарю (*уходит*).

Мужчина с портфелем (*неуверенно, заикаясь*). М-можно мне смелости, чтобы уйти с работы.

Продавец. Пожалуйста! (*Передает пузырек, Мужчина с портфелем уходит.*)

Худенький мальчик (*дрожащим голосом*). Дайте для моей мамы надежду (*сбивчиво*). Она больна. Целыми днями лежит и вздыхает. Ей не нужен никто (*всхлипывает*). А раньше она меня так любила, играла, читала (*плачет*).

Продавец (*тепло*). Держи, малыш. Не переживай. Все будет хорошо!

Худенький мальчик. Правда?

Продавец. Сам увидишь!

*Худенький мальчик улыбается продавцу,
утирает слезы, забирает пакет и уходит.*

Бабушка с телефоном (*сердобольно*). Бедная крошка (*шумно вздыхает, после продолжает, охая без остановки*). Мне нужна удача для моих детей, а то маются-маются, работают-работают, и все заняты и заняты.

Совсем забыли про бедную старушку, внуков не привезут, не покажут, только по телефону да по телефону, а с удачей дела наладятся, будут любимую бабушку навещать.

Продавец (деликатно). Также могу предложить средство от одиночества, ведь удача — небыстрое средство.

Бабушка с телефоном (*обиженно*). Какое такое одиночество! Ты лучше удачу посильнее, милоч, давай (*забирает пакет*). Ишь, придумал, одиночество... (*Уходит.*)

Случайный покупатель подходит к прилавку.

Случайный покупатель (*воодушевленно*). Можно мне еще смелости — давно хотел решиться на путешествие, и удачи — она всегда пригодится.

Продавец добавляет в пакет еще два пузырька.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ «Жить по-настоящему»

*Случайный покупатель собирается уходить,
унося внушительный пакет.*

Входит Улыбающаяся незнакомка с картонной коробкой в руках.

Случайный покупатель замороженно смотрит на нее.

Улыбающаяся незнакомка (*Продавцу*). Вам посылка из «Дальних стран» (*смеется*).

Продавец (*взмахивает руками*). Замечательно! О, прекрасная моя, за хорошие новости возьми в подарок — счастье.

Улыбающаяся незнакомка. Спасибо! Но мне не нужно счастье, оно у меня уже есть. Я счастлива, когда вижу рассвет, когда ветерок обдувает мое лицо, когда слышу пение птиц на лесной опушке и когда смешной котенок мурлычет у меня на руках.

Продавец. Тогда возьми радость.

Улыбающаяся незнакомка. Радость у меня тоже есть. Я рада, когда моя бабушка узнает меня — несмотря на болезнь, когда мы прогуливаемся в парке, а потом пьем чай в беседке.

Продавец. Но тебе просто необходима удача, прекрасная моя!

Улыбающаяся незнакомка. Мой велосипед каждый день исправно работает, и я успеваю доставить посылки в срок. Разве это не настоящая удача?

Продавец. Но, возможно, тебе пригодится надежда?

Улыбающаяся незнакомка. Я не перестаю ждать и надеяться, что родители живы, хотя прошло уже 17 лет, как их корабль не вернулся из плавания. Так что и надежды у меня — хоть отбавляй.

Продавец. Конечно, как я сразу не понял, тебе нужна любовь!

Улыбающаяся незнакомка. Благодарю. Придет время, и рядом окажется тот самый человек, который будет любить меня, а я буду любить его. Мне не нужны микстуры, чтобы смеяться, и пилюли, чтобы горевать. Ведь все, что нам дает жизнь — делает ее особенной.

Улыбающаяся незнакомка (*обращается к Случайному покупателю*). Вы согласны со мной?

Случайный покупатель (*неуверенно*). Да...

Улыбающаяся незнакомка (*к Продавцу*). Вот видите!

Случайный покупатель (*оставляет пакет на прилавке*). Позвольте проводить вас.

Улыбающаяся незнакомка. Конечно.

Продавец. Погодите, вы забыли ваши покупки!

Случайный покупатель. Спасибо, но они мне больше не нужны.

*Случайный покупатель и Улыбающаяся незнакомка уходят,
о чем-то мило беседуя.*

Продавец. Сегодня двое нашли друг друга, а значит, мне пора в путь. Помните, что жизнь прекрасна и многогранна. Порой бывает грустно и одиноко, но все проходит, на смену приходит лучшее и светлое. Главное, не опускать руки, смело идти вперед, тогда вам не понадобится ни один товар из моей аптеки.

Рагим МУСАЕВ

г. Тула

Мусаев Рагим Гашамович, драматург, помощник художественного руководителя Тульского академического театра драмы. Более 50 постановок в театрах России, Беларуси, Украины, Луганской народной республики, Казахстана, Великобритании. Лауреат международной литературной премии «Славянские традиции», всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, национальной премии за доброту в искусстве «На благо мира». Член Союза театральных деятелей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Наш постоянный автор.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

драма в 2 действиях

по мотивам последней незавершенной повести Марка Твена

Действующие лица:

Филипп Траум,

ангел по имени Сатана

Отец Адольф,

священник

Фрау Хофнунг,

женщина с множеством имен

Отец Питер,

бывший священник

Маргет,

его племянница

Теодор,

сын органиста

Николаус,

сын судьи

Астролог

Берта Брандт,

прачка

Лиза Брандт,

ее дочь

Соломон Айзекс,

ростовщик

Ганс,

бродяга

Его пес

Кузнец

Горожане

Конец XVI века. Городок Эзельдорф где-то в Австрии.

ДЕЙСТВИЕ I.

Явление 1.

Главная площадь Эзельдорфа.

Толпа собралась вокруг столба с привязанной к нему женщиной, приговоренной судом инквизиции к сожжению.

Отец Адольф, Фрау Хофнунг, Астролог, отец Питер, Магрет, горожане.

Отец Адольф. Жители славного Эзельдорфа! Мы собрались покарать зло! Оно угрожает покою нашего доброго города! Да! Шестнадцать столетий минуло с рождения Христа, а здесь, в самом сердце Австрии, процветает

колдовство. Эта ведьма нарушила наш счастливый сон. А казалось, ему не будет конца. Что требуется от добрых католиков?

Первый голос из толпы. Почитать деву Марию!

Второй голос из толпы. И святых мучеников!

Отец Адольф. И убояться Господа! Ибо судьба наша уготовлена нам Им, а Он не любит тех, кто ропщет. Их ждет встреча с дикой охотой!

Лиза. А это как?

Берта. Тихо!

Отец Адольф. Это призрачные всадники. Они с диким хохотом несутся по небу! Их собаки алчут крови еретиков! Всякого, кто встретится им на пути, ждет смерть!

Голоса. Господи, помилуй!

Отец Адольф. Вы все знаете меня?

Первый голос из толпы. Знаем, отец Адольф.

Отец Адольф. Я не страшусь дьявола. Я не раз видел его так же близко, как тебя. Я вступал с ним в поединок. Сегодня я бросаю ему вызов вновь. Ведьма, вступившая в сговор с дьяволом, назови себя.

Фрау Хофнунг. Мое имя Блайнде Хофнунг.

Отец Адольф. Эй, сатана! Защитишь ее? Молчишь? Тогда говорить будут люди. Кто свидетельствует против ведьмы?

Пес Ганса начинает лаять.

Отец Адольф. Говори ты, Ганс

Ганс. Я? А чего я...

Отец Адольф. Ты. Не твой же пес. Говори.

Ганс. Но я это... Отец Адольф, я...

Отец Адольф. Лечила ли тебя эта женщина?

Ганс. Голова надьсь болела, она руками значит вот так, и каюк боли.

Второй голос из толпы. Пить надо меньше!

Отец Адольф. В ней дьявол! Люди верили в помощь ведьмы, а не в помощь Господа! Только Он решает, кому что суждено. Признаешь ли ты, что совращала добрых католиков с пути истинного?

Фрау Хофнунг. Я лечила их. Помогала, как могла.

Отец Адольф. Слышали? Она призналась! *(кому-то в толпе)* Теперь говори ты.

Берта. Я разок только к ней и ходила.

Лиза. Мама, мне страшно...

Берта. Господь с нами. Не бойся.

Отец Адольф. Видела ли ты у нее в доме метлу?

Берта. Да... У двери стояла...

Отец Адольф. На этой метле она летала на шабаш ведьм!

Фрау Хофнунг. Ну да! И гремела костями на всю округу? Ха-ха-ха...

Отец Адольф. Она смеется! Смотрите все! Смех — это оскал сатаны! Ее смех зазывает в наш город дикую охоту!

Астролог. А еще мылась она!

Отец Адольф. Как мылась?

Астролог. Водюю! Из лохани! Мои глаза видели это!

Отец Адольф. Господин астролог прав! Настоящий католик вымылся при крещении.

Астролог. Сатурн в полночь в третий дом войдет. И если ее огню не предать ...

Отец Питер. Бедную женщину в огонь только за то, что она...

Астролог. «Только за то!» Все слышали? Да она с дьяволом сношалась!

Отец Питер. Пощадите старуху, ей и так недолго осталось...

Отец Адольф. Прощение зла есть зло! Отец Питер, вас уже отстранили от службы. Вы смели отрицать, что все мы рабы Божьи. Вы заявили, будто Бог добр и милостив к детям своим.

Отец Питер. Но меня не лишили духовного сана.

Маргет. Дядя, не надо!

Астролог. Богохульник! Тебе мало кары Господа? Ретроградный Марс тебе голод и нищету принес!

Маргет. Дядя, молчи!

Отец Питер. Ретроградный шарлатан. Пожалейте старуху.

Отец Адольф. Сатане возраст не важен. На прошлой неделе мы сожгли восьмилетнюю ведьму. Слугой дьявола может оказаться любой! Долг каждого католика бросить в ведьму камень!

Горожане бросают камни в привязанную фрау Хофнунг.

В толпе раздается смех.

Явление 2.

Те же и Филипп Траум.

Первый голос из толпы. Кому здесь смешно?

Второй голос из толпы. Кто смел смеяться?

Первый голос из толпы. Вот он! Этот! Иностранец! Чего скалишься?

Кузнец. А еще он не бросил в нее камень! Я свидетель!

Траум. А ты видел, что я не бросил?

Кузнец. Видел! Я следил за тобой! Чего лыбишься?

Траум. Смешно. Трус бьет обреченную, а сам одной ногой в могиле.

Кузнец. Брешешь! Будущего никто не знает!

Траум. А я знаю. Покажи линии на ладони. Тебе осталось жить минуту.

Кузнец. Ого! Сейчас и проверим, красавчик. Если наврал, я тебе таких навалю... Ох... Ах... Пустите... Дышать нечем!

Горожанин падает замертво.

Траум. Вот и все. Есть еще свидетели? Ты или ты? Куда же вы?

Горожане спешно расходятся.

Траум. Эй! Жители славного Эзельдорфа! Куда вы? Эзельдорф переводится как деревня ослов?

Теодор. Да, уважаемый.

Траум. Хороший город.

Теодор. Отчего он умер?

Траум. Убивая других, убиваешь себя. Это же ясно?

Теодор. Нет.

Траум. А ведь ты тоже не кинул камень.

Николаус. Он кинул! И я кинул!

Теодор. Я не успел...

Траум. Ты не хотел?

Теодор. Не хотел... Но так надо.

Николаус. Иначе тебя самого сожгут. Вы не знаете? Вы иностранец?

Траум. Скажем, я прибыл издалека.

Отец Питер (*над телом кузнеца*). Упокой Господь его душу.

Отец Питер читает молитву.

Филипп Траум освобождает фрау Хофнунг.

Траум. Значит, здесь ты Блайнде Хофнунг?

Фрау Хофнунг. Да, это я.

Траум. Языки меняются, суть остается.

Фрау Хофнунг. Твой смех. Я узнала его в толпе. Спасибо, что пришел.

Траум. Я же не мог позволить тебя убить.

Фрау Хофнунг. Все еще думаешь, кому-то нужны мои старые кости?

Траум. Куда ты теперь?

Фрау Хофнунг. Вперед! Здесь стало жарко.

Траум. Останься, они не вспомнят о тебе.

Фрау Хофнунг. Мне пора. Проводишь?

Траум. Я пока задержусь.

Фрау Хофнунг. Нашел чистую душу?

Траум. Возможно. Маргет, помогите фрау Хофнунг.

Маргет. Да. Идемте, фрау.

Маргет уводит Фрау Хофнунг.

Явление 3.

Филипп Траум, отец Питер, Теодор, Николаус, затем Соломон Айзекс.

Траум. Так! А вы чего остались? Не бойтесь? Вдруг я и вам предскажу будущее?

Теодор. Зачем? Это проще простого. Я церковным органистом стану, а Николаус — судьей.

Николаус. Как наши отцы.

Траум. Вы так уверены?

Теодор. Конечно. А вот что ждет отца Питера...

Траум. В ближайшую минуту его ждут новые неприятности.

Появляется Соломон Айзекс.

Айзекс (*Питеру*). Вот ты где!

Отец Питер. Здравствуй, Соломон. Как здоровье?

Айзекс. Где деньги, мерзавец!? По миру пустить меня решил!

Отец Питер. Я найду! Я обязательно...

Айзекс. Сегодня был срок! Я ссудил тебе деньги под залог дома. Думал, ты честный католик...

Отец Питер. Я отдам, клянусь святой Девой...

Айзекс. Ты клянешься третий месяц!

Отец Питер. Я достану! Обязательно ...

Айзекс. Двести золотых? Врешь, подлец!

Отец Питер. Клянусь! А иначе...

Айзекс. А иначе завтра утром я заберу твой дом.

Отец Питер. Как утром? Дом...

Айзекс. Утром. Взял — верни.

Отец Питер. Соломон, будь милосерден!

Айзекс. Какая мне с того выгода?

Отец Питер. Куда я пойду с племянницей?

Айзекс. Не мое дело. Взял деньги — верни.

Отец Питер. Но Соломон! Прошу!

Айзекс. Я приду к десяти утра.

Отец Питер. Соломон! Пощади!

Айзекс. Ровно в десять!

Питер бросается вслед за Соломоном, но спотыкается и падает.

Явление 4.

Филипп Траум, отец Питер, Теодор, Николаус.

Мальчики поднимают Питера.

Отец Питер. Оставьте меня. Все равно завтра меня бросят из дома прямо в грязь. Нога... Как больно...

Траум. Он потерял сознание. Теодор, Николаус, соберите хворост. Разведем костер. Ему нужно согреться.

Николаус. Хорошо.

Теодор. Откуда вы знаете наши имена? Ну да, вы же фокусник.

Траум. Фокусник? Ты думаешь, Теодор, что предсказание будущего — это фокус?

Теодор. А что же еще!

Николаус. Вот хворост. Только поджечь нечем.

Траум. Ерунда. Смотрите.

Хворост вспыхивает огнем.

Мальчишки пугаются и отбегают.

Траум. Куда вы? Вернитесь! Вы же не боялись других фокусов.

Теодор. Где вы научились этому?

Траум. Я всегда это умел.

Николаус. А что еще вы умеете?

Траум. Что? Например, я знаю, что у тебя, Николаус, в кармане яблоко, а у тебя, Теодор, — спелая груша.

Николаус. Врете!

Траум. Я врать не умею.

Теодор. Откуда их взять? Старые съели, новые только к осени...

Траум. Проверьте карманы.

Мальчишки лезут в карманы, находят фрукты и смеются.

Николаус. Не может быть!

Теодор. Ух ты!

Николаус. Хватит смеяться. Как бы чего не вышло.

Теодор. А сможете вылечить ногу отца Питера?

Траум. Вы так хотите? Он, кажется, приходит в себя.

Отец Питер (*приходя в себя*). Я жив?

Теодор. Как нога? Болит?

Отец Питер. Нет... Но я не мог даже наступить на нее...

Николаус. Чудо!

Теодор. Это не чудо, это наш гость.

Отец Питер. Спасибо, добрый человек! Сейчас... Сейчас я дам вам... Где мой кошелек? Я хотел дать вам монету.

Николаус. Вы потеряли кошелек и все деньги?

Отец Питер. Увы... Денег там почти не было... Но...

Николаус. Я помогу вам искать.

Питер и Николаус ищут кошелек.

Теодор. Что проку в кошельке, если он пуст.

Траум. А что проку в полном кошельке?

Теодор. Спрашиваете! Полный кошелек — это счастье! Особенно для отца Питера.

Траум. Какая смешная глупость.

Теодор. Глупость? Завтра его с племянницей выгонят на улицу.

Траум. Нет.

Отец Питер. Нашел! Нашел! Вот он. Нет... Не может быть...

Николаус. Что такое?

Отец Питер. Кошелек-то мой, а вот содержимое... В моем было четыре монеты, здесь... О, Боже! Если бы это были мои деньги... Я так нуждаюсь... Десять, двадцать, тридцать... Здесь больше тысячи золотых!

Траум. Это ваши деньги, отец Питер.

Николаус. Мы все свидетели.

Теодор. Их послал вам ваш ангел!

Отец Питер. Это чужие деньги. Нужно найти владельца.

Траум. Эти деньги принадлежат вам. Не спорьте.

Отец Питер уходит.

Явление 5.

Теодор, Николаус, Филипп Траум.

Николаус. Он их возьмет?

Теодор. Это чудо! Вы волшебник!

Траум берет руками комок земли и превращает его в птицу.

Траум. Нет. Я просто ангел.

Траум создает еще одну птицу.

Пернатые летают и чирикают.

Теодор. Кто?

Траум. Ангелов не надо бояться. Не так ли?

Николаус. Так. Вы же помогаете людям!

Траум. Скорее смотрим за людьми.

Николаус. Смотрите и помогаете!

Траум. Кто вам это внушил?

Теодор. Это все знают.

Траум. Все люди. Ангелы нет.

Теодор. А смотреть за людьми — это как?

Траум. Вы иной раз смотрите на муравьев?

Николаус. Смотрим!

Траум. Это то же самое.

Николаус. Нет! Муравья я могу раздавить или в костер бросить, если укусит...

Траум. Это то же самое.

Теодор. В костер?

Траум. Да.

Теодор. И вам их не жалко?

Траум. Вам муравьев жалко?

Николаус. Так они же муравьи...

Теодор. Чей вы ангел?

Траум. А чей ангел ты?

Николаус. Он не ангел, он Теодор.

Теодор. А зовут вас как?

Траум. Сатана.

Теодор. Странное имя для ангела. Ведь это имя...

Траум. Меня назвали в честь дяди. Ведь он тоже был раньше ангелом. До падения. Мы из уважаемого рода. Дядя единственный, кто согрешил. Мне тогда исполнилось восемь тысяч лет.

Николаус. Врете.

Траум. Наше тысячелетие соответствует вашего году. Сейчас мне шестнадцать.

Теодор. А ваш дядя, он...

Траум. Его падение касается только его. Я не могу сотворить зла, поскольку зла не ведаю.

*Две птички повздорили прямо перед носом Траума.
Ангел прихлопывает их обеих.*

Траум. У вас есть платок? Нужно вытереть кровь.

Николаус. Они умерли?

Траум. Не жалко. Слеплю других. Человек тоже слеплен из грязи.

Теодор. Из глины.

Траум. Я сам видел. Из грязи, болезней, лжи и злобы. И немного глины, чтобы все не развалилось. Люди столько мнят о себе, а на деле любой пес добродетельнее многих умников. Звери не бывают жестокими.

Теодор. Но они убивают...

Траум. Только ради выживания. Они не творят зла. Они его просто не знают. Только человек убивает ради удовольствия. И врет.

Теодор. Кому?

Траум. Себе. А значит, всем. И все из-за вашей нравственности.

Николаус. Из-за чего?

Траум. Нравственность — самая неразумная способность человека.

Теодор. Я об этом не думал.

Траум. Еще подумаешь. Мне пора.

Теодор. Ты еще вернешься?

Траум. Да. И скоро. Я не обманываю. Только называйте меня при встрече Филипп Траум. Мое настоящее имя вызывает слишком много вопросов. Хорошо?

Теодор. Траум переводится как «мечта»?

Траум. Или «сон». И то, и другое несбыточно.

Николаус. Это плохо. Вот бы все мечты сбывались!

Траум. Уверен, что хочешь этого? И ты Теодор? Что ж, пусть будет так. Но потом не обижайтесь.

Николаус. Обижаться? За что!?

Теодор. Мы любим тебя!

Траум. И я вас люблю. До встречи!

Николаус. Груша. Птицы. Сатана. Мечты. Ничего этого не было. Не было.

Теодор. Я об этом не думал...

Явление 6.

*Утро следующего дня. Городская улица возле дома отца Питера и Маргет.
Горожане, затем отец Адольф.*

Берта. Бедный отец Питер.

Лиза. Мама, почему он бедный?

Берта. Они с Маргет и так не жировали. Теперь Соломон выбросит их из дома...

Лиза. А где они будут жить?

Берта. Не иначе как на улице.

Лиза. Там нельзя, там холодно и снег.

Второй горожанин. А не надо было хулить Господа. И от службы бы не отстранили.

Берта. Что плохого он сказал? Разве Бог не добр к своим детям?

Горожане (вместе). Тихо! Молчи! Ты что!

Первый горожанин. Не нам решать, что плохо, а что хорошо. Все во власти инквизиции.

Лиза. Даже Бог?

Второй горожанин. Вас специально подослали с такими вопросами?

Берта. Дураки! Лиза, не отставай.

Берта уводит Лизу.

Первый горожанин. Да вы что? Девочка только хотела...

Второй горожанин. И ты с ними? Знаем мы, что вы хотели! Вашим хозяевам некого жечь в ближайшую пятницу?

Горожане (*кричат*). Бей его! Провокатор!

Драка.

Появляется отец Адольф.

Отец Адольф. Грязные животные! Прочь! Расступитесь, мерзавцы!

Первый горожанин. Бежим!

Все разбегаются.

Явление 7.

Отец Адольф и Маргет.

Маргет (*появляясь*). Кто кричал? Что случилось?

Отец Адольф. Доброе утро, Маргет. Слава Господу, все спокойно.

Маргет. Доброго утра, святой отец.

Маргет собирается уйти, но Адольф останавливает ее.

Отец Адольф. Постойте, милая Маргет! Я пришел предложить помощь.

Маргет. Вы?

Отец Адольф. Я. Это странно?

Маргет. Да. Вы же не любите дядю.

Отец Адольф. Я люблю вас.

Маргет. Святой отец, вы здоровы?

Отец Адольф. Маргет, я не шучу. Я предлагаю вам помощь.

Маргет. Помощь?

Отец Адольф. Я дам денег для уплаты долга. Вы останетесь в своем доме.

Маргет. Что взамен?

Отец Адольф. Станьте моей женой.

Маргет. Святой отец...

Отец Адольф. Я мужчина.

Маргет. А я племянница вашего врага.

Отец Адольф. Он вас погубит! Его ждет костер!

Маргет. А вы спасете?

Отец Адольф. Вы согласны? Отрекитесь от него, и Господь...

Маргет. Идите к черту.

Отец Адольф. Что?

Маргет. К черту, старый козел!

Маргет уходит в дом.

Явление 8.

Появляется Айзекс.

Отец Адольф. Ты за это заплатишь, богохульница! Вы заплатите!

Айзекс. Хорошего дня, святой отец! Они и вам должны?

Отец Адольф. Не ваше дело.

Айзекс. Почему же? В детстве меж нами тайн не было. Мы помогали друг другу.

Отец Адольф. С тех пор много всего...

Айзекс. Помню, как отец Герман подобрал тебя и принял в свой дом.

Отец Адольф. Его давно нет, я занял его место.

Айзекс. Ты все еще соревнуешься с ним?

Отец Адольф. Я должен его превзойти.

Айзекс. Боишься, кто-то узнает, что внутри ты маленький испуганный мальчик? Ты же надел рясу и сразу стал взрослым и сильным! Ты играешь людскими судьбами!

Отец Адольф. Замолчи! А ты... ты...

Айзекс. Алчное бессердечное животное?

Отец Адольф. Да!

Айзекс. Зато я больше никогда не буду стоять с протянутой рукой! С деньгами ничего не страшно. Ведь все продается!

Отец Адольф. Кроме места в раю!

Айзекс. Вот, купил две.

Отец Адольф. Что это?

Айзекс. Индульгенции на прощение грехов прошлых и будущих, и место в раю. Подарить одну?

Отец Адольф. Богохульник!

Айзекс. Одна твоя, не забудь.

Отец Адольф уходит.

Явление 9.

Айзекс и отец Питер, затем Маргет и горожане.

Айзекс. Эй, гольятьба! Долг платежом красен! Освобождаем дом.

Выходит Питер. В руках мешочек с деньгами.

Отец Питер. Здравствуй, Соломон. Вот.

Айзекс. Ты вещи собрал?

Отец Питер. Пересчитай.

Айзекс. Что это?

Отец Питер. Долг.

Айзекс. Какой долг?

Отец Питер. Мой. Двести золотых. Пересчитай.

Айзекс. Золото... Десять, двадцать, пятьдесят... Что это?

Отец Питер. Двести?

Айзекс. Откуда?

Отец Питер. Бог послал.

Айзекс. Люди! Люди! Что он говорит! Послушайте! Это же... Этого не может... Как это?

На крик Айзекса собирается народ.

Ганс. Чего орем? Драка?

Берта. Не драка.

Лиза. Мама, что случилось?

Берта. Тихо, сейчас увидим.

Отец Питер. Соломон просит вас быть свидетелями. Я вернул ему долг. Это двести золотых.

Горожане. Как вернул? Двести! Откуда? Вот это да!

Отец Питер. Мы в расчете?

Айзекс. В расчете.

Отец Питер. Постой. Маргет, принеси.

Появляется Маргет с еще одним мешочком.

Айзекс. А это...

Отец Питер. Еще девятьсот семь золотых. Я отдаю их тебе под проценты. Или ты против?

Айзекс. Десять, двадцать, пятьдесят... Отличная сделка...

Лиза (смеется). Мама, он такой смешной!

Берта. Лиза, тихо.

Отец Питер. Вот и славно.

Айзекс. Мое почтение, уважаемые!

Айзекс, Отец Питер и Маргет расходятся.

Явление 10.

Горожане, Берта, Ганс, Астролог.

Первый горожанин. Вот это да!

Лиза. Мама, это хорошо, да?

Берта. Радость какая! Наконец отцу Питеру повезло!

Второй горожанин. Откуда у Питера такие деньги?!

Третий горожанин. Здесь что-то не чисто.

Ганс. Спер где-нибудь!

Берта. Не мели чепухи. Да и где украсть такую сумму!?

Ганс. У какого-нибудь богатея! Что, священник не человек? Украсть не может?

Берта. Отец Питер — честный человек!

Лиза. Он мне яблоко дал!

Собака Ганса начинает лаять на хозяина.

Ганс. А ты чего? Да я тебе! На! Куда? Я тебе покажу!

Ганс бьет собаку, та скулит, бежит от Ганса, он за ней.

Третий горожанин. Как хотите, нечистый ему помог.

Появляется Астролог.

Астролог. Что здесь? Пришли над отцом Питером поплакать?

Берта. Нет, посмеяться над Соломоном.

Астролог. Посмеяться?

Лиза. Он очень смешной. Дядя отец Питер отдал ему долг, а он такое лицо сделал!

Лиза корчит рожицу и смеется.

Берта. Молчи, глупая. Пошли скорее.

Берта уводит Лизу.

Явление 11.

Появляются Теодор и Николаус.

Астролог. Питер двести золотых отдал? Мошенник!

Первый горожанин. Он честный человек!

Второй горожанин. А еще он положил девятьсот семь золотых под проценты!

Астролог. Откуда у честного человека деньги!?

Теодор. Мы с Николаусом все видели!

Астролог. Что видели?

Николаус. Отец Питер нашел эти деньги.

Астролог. И сколько там было?

Теодор. Тысяча сто шесть монет.

Николаус. Тысяча сто семь!

Астролог. Так шесть или семь?

Николаус. Когда мы считали, я одну монетку припрятал, и получилось шесть. А потом вернул и получилось семь.

Теодор. Тысяча сто семь монет.

Астролог. Молодцы, хорошо считаете. Играть бегите, а то скоро Солнце в асцендент войдет. Чего уставились? Расходитесь! Не ярмарка!

Все расходятся.

Явление 12.

Астролог, затем Айзекс.

Астролог. Соломон, Питер — вор, он будет арестован. Все деньги в суд святой инквизиции отнесите.

Айзекс. С какой радости? Питер вернул долг!

Астролог. Деньги украдены.

Айзекс. Да? И это все из-за Маргет, что не пошла за тебя замуж?

Астролог. Не твоё дело. Чего уставился? Сейчас Луна в Скорпиона войдет, и тогда...

Айзекс. На меня твоё вранье не действует.

Астролог. Движение звезд и планет — знаки Бога.

Айзекс. Кто-то их понимает, кроме тебя?

Астролог. Вон отсюда! Богохульник!

Айзекс. Не твоя песенка. Твоя — про звезды, бороздящие просторы вселенной.

Астролог. Свой долг ты получишь. Обещаю.

Айзекс. Но где Питер мог украсть столько?

Астролог. У меня.
Айзекс. Все тысяча сто семь золотых?
Астролог. Все.
Айзекс. Да ты же врешь!
Астролог. Суд разберется.
Айзекс. Суд?

*Айзекс хохочет.
Занавес.*

ДЕЙСТВИЕ II.

Явление 1.

*Отец Питер, Маргет, стражники, Айзекс, Теодор.
Стражники уводят отца Питера из дома.*

Маргет. Дядя! За что?
Отец Питер. Иди домой, Маргет.
Маргет. Пустите его! Пустите!
Отец Питер. Маргет, иди, будет хуже.
Маргет. Дядя Питер... За что...

Появляется Айзекс.

Айзекс. Маргет, прошу освободить дом.
Маргет. Но ведь дядя заплатил...
Айзекс. Деньги украдены. Их забрала инквизиция.
Маргет. Как украдены? Инквизиция?
Айзекс. Мне долго ждать?
Маргет. Этого не может быть... Не может быть...

Маргет уходит.

Айзейк. Эй, дуреха! Возьми хоть что-то! Все равно эту рвань не продать.

Появляется Теодор.

Теодор. Где Маргет?
Айзекс. Ушла и ничего не взяла. Возьми ее вещи, отнеси ей.
Теодор. Зачем?
Айзекс. Затем, что дом теперь мой, а ее вещи все равно выбрасывать.
Теодор. Но отец Питер заплатил...
Айзекс. Питер в тюрьме, деньги в инквизиции, дом мой. Все.

Айзекс закрывает дом и уходит.

Явление 2.

Теодор, пес, затем Траум.

Теодор. Отец Питер... Маргет... Это несправедливо! Звериная жестокость...

Прибегает пес. Он трется о Теодора и скулит.

Теодор. Фу! Отойди! Ты весь в крови! И глаз выбит... Ужас! Не подходи... Испачкаешь! Ой... Я тебя знаю... Ты — пес бродяги Ганса. Что с тобой? Кто тебя так избил? Я не понимаю, что ты говоришь! Что ты хочешь?

Появляется Филипп Траум. Ангел общается с псом и переводит Теодору.

Траум. Он зовет тебя с собой.
Теодор. Здравствуй! Ты вернулся!
Траум. Он просит о помощи. Его хозяин напился и беспричинно избил его.
Теодор. Этот пес — единственный друг Ганса.
Траум. Да. Ганс веселился и выбил ему глаз.
Теодор. Обычно Ганс торчит на рыночной площади, но я давно его не видел.

Траум. Ганс упал с обрыва и лежит внизу, истекая кровью. Пес зовет на помощь, а люди не слышат его.

Теодор. Надо помочь ему!

Траум. Конечно, он этого заслуживает.

*Траум проводит руками по морде собаки, излечивая разбитый глаз.
Пес заметно веселеет, но продолжает звать за собой.*

Теодор. Ого! Здорово! Но я имел в виду Ганса. Он может умереть.

Траум. Не может. (псу) Беги к хозяину. Через минуту его найдут люди.

Пес убегает.

Траум. Ганс не может умереть еще раз. Он уже умер.

Теодор. Ужасно. Он был пьяницей, но он же человек.

Траум. Хозяин, чуть не убивший единственного друга ради забавы. И пес, пытавшийся спасти его, несмотря на то, что сам истекал кровью. Кто из них человечнее? То, что люди называют зверством, оскорбляет зверей. Разве они этого заслуживают?

Теодор. Я не думал об этом.

Траум. Подумай.

Теодор. Ты же не знаешь! Отец Питер...

Траум. Он в тюрьме.

Теодор. Да... Нужно поддержать Маргет. Навестим ее?

Траум. Она уже идет.

*Явление 3.
Те же и Маргет.*

Теодор. Маргет! Не бойся! Это я, Теодор. А это Филипп Траум.

Маргет. Здравствуйте.

Траум. Я разделяю ваше горе. У меня ведь тоже есть дядя.

Маргет. Вы не знаете. Я же сирота, дядя меня вырастил. А теперь...

Траум. Мать я не помню, а отец был слаб здоровьем и небогат. Меня тоже воспитал дядя.

Маргет. Вот бы нашим дядям познакомиться.

Траум. Все может стать. Дядя живет далеко, но по делам своей монополии часто путешествует по миру.

Маргет. Монополии? Он, наверное, очень богат и знатен!

Траум. Да, но он оценивает людей не по их положению, а по личным качествам.

Теодор. Филипп, помоги отцу Питеру.

Маргет. Ах, если бы через неделю вы выступили на суде в его защиту!

Траум. Хорошо.

Теодор. Ура

Маргет. Если вас воспитал дядя, то он очень добрый. Благослови вас обоих Господь!

Маргет уходит.

*Явление 4.
Филипп Траум и Теодор.*

Теодор. Здорово, что ты согласился! Ты им покажешь! Мы с Николаусом все видели и тоже придем в суд.

Траум. Николауса на суде не будет.

Теодор. Он обещал прийти.

Траум. Как тебе объяснить... Я вижу цепь поступков каждого человека. Это как кирпичи. Если их поставить один за другим и толкнуть первый, повалятся все. Первый же шаг человека влечет за собой второй, и так далее. Стоит лишь раз повернуть не в ту сторону, и цепь поступков приведет тебя совсем к другому результату.

Теодор. Разве не Бог предопределил наши судьбы?

Траум. Кто?

Теодор. Бог...

Траум. Смешно вы его называете. Пусть Бог. А зачем он вам?

Теодор. Как зачем...

Траум. Зачем тебе Бог?

Теодор. Не знаю...

Траум. Спихивать на него ответственность за свое разгильдяйство? Если человек не хочет быть счастливым, не хочет трудиться, не хочет ценить свою жизнь, разве в этом виноват Бог?

Теодор. Но ведь ангелы смотрят за людьми и помогают им!
Траум. Да. Просто ангелы видят цепь поступков и понимают счастье по-своему.
Теодор. Почему Николаус не придет на суд?
Траум. Ты знаешь маленькую Лизу Брандт?
Теодор. Конечно! Очень добрая и красивая девочка!
Траум. Завтра утром она упадет с моста в ледяную реку и начнет тонуть. Николаус спасет ее, но сильно замерзнет и заболит.
Теодор. И когда он выздоровеет?
Траум. Он потеряет слух и речь и пролежит парализованным сорок шесть лет с одной лишь мечтой: умереть.
Теодор. Нет! Сделай что-нибудь!
Траум. У Лизы из-за холода отнимется рука. Ее ждут девятнадцать лет позорной жизни преступницы и смерть от руки палача.
Теодор. Сатана, миленький! Помоги! Их родители отдали бы все за спасение!
Траум. Ты понимаешь, что просишь изменить их цепи поступков?
Теодор. Да, я прошу тебя, помоги им!
Траум. Хорошо. Они оба утонут в реке.
Теодор. Что!? Они... Нет!
Траум. Оставим все, как было?
Теодор. Нет... Спаси их. А отец Питер? Что будет с ним?
Траум. Его оправдают. До конца жизни он будет счастлив.

Траум уходит.

Теодор. Николаус... Той зимой мы сбежали с уроков и катались на санках. Летом я залез на сосну, и ты помог мне спуститься. А потом я отнял у тебя яблоко, и ты плакал... Николаус! Нет!

Явление 5.

*Горожане собираются на суд.
Отец Адольф, фрау Брандт.*

Первый горожанин. Кого сегодня сожгут?
Второй горожанин. Сегодня суд, жгут по пятницам.
Первый горожанин. Все одно результат известен.
Третий горожанин. Отца Питера судят.
Первый горожанин. Добрый был человек. Жаль его.
Второй горожанин. Ведут! Ведут!
Третий горожанин. Там не Питер... Это же...

Входит судья — отец Адольф.

Отец Адольф. Трибунал святой инквизиции слушает дело по обвинению еретички Берты Брандт.
Горожане (одновременно). Как? Берта! Не может быть!

Вводят Берту Брандт.

Отец Адольф. Берта Брандт обвиняется в публичном отказе от молитвы и оскорблении Господа нашего при свидетелях. Берта Брандт, что скажешь в свое оправдание?
Берта. Оправдание? Моя нежная девочка... Она утонула.
Отец Адольф. Это к делу не относится.
Берта. Не относится? Меня мучили сны и предчувствия. Я молила Его дни и ночи пощадить невинное дитяtko. И что? Его сердце — камень. Нет, льдина! Молиться льдине я не стану.
Отец Адольф. Обвиняемая признала свою вину.
Берта. А плотник? Я задолжала ему пять золотых, и он отнял у меня гроб с моей девочкой вместо залога! А у меня нет денег! Нет! Нет... Четыре дня он держал мою девочку в погребе. Она так боится темноты... Четыре дня я рыдала. Я просила милости. Он зарыл мою Лизу на скотном дворе. Без отпевания...
Отец Адольф. Мы рождены страдать.
Берта. Зачем такая жизнь? Зачем?
Отец Адольф. Так решил Господь.
Берта. Значит, Он убийца. Что ему сделала моя тихая девочка? Что!? Этого быть не может... Не может... Это не жизнь, это бред... сон...
Отец Адольф. Если это и сон, то сон Бога.
Берта. Это сон сумасшедшего Бога!

Отец Адольф. Тебя сожгут на костре!

Берта Брандт. Спасибо. Я пойду к своей девочке. Я знаю, она в раю.

Отец Адольф. Тебе не место в раю, ведьма!

Берта Брандт. Будь я ведьмой, я бы убила тебя на месте. Разве нет? Что молчишь? Когда-то детьми мы играли вместе. В память о тех днях я тебя ... прощаю. Хоть ты и сатана.

Горожане (одновременно). Как? Берта! Она сошла с ума.

Отец Адольф. Уведите! Уведите!

Хохочущую Берту Брандт уводят.

Явление 6.

Те же, отец Питер, позже Филипп Траум.

Отец Адольф. Тишина! Трибунал святой инквизиции слушает дело бывшего отца Питера, обвиняемого в краже 1107 золотых.

Вводят отца Питера.

Маргет. Дядя!

Отец Адольф. Прошу встать истца.

Астролог (поднимаясь). Здесь я.

Отец Адольф. Ты утверждаешь, что деньги твои?

Астролог. Да, я их на дороге нашел и в обсерватории спрятал. Думал, владелец объявится.

Отец Адольф. Когда это было?

Астролог. Два года назад. Солнце из Близнецов вышло.

Отец Адольф. Чем докажешь, что Питер украл именно твои деньги?

Маргет. Ложь! Дядя не крал!

Астролог. Мои деньги исчезли. Сумма совпадает. А в его гороскопе Меркурий восходит. Вы же понимаете, что это значит?

Маргет. Он же шарлатан! Мальчики видели, как дядя нашел деньги!

Отец Адольф. Один из них утонул, другой ничего не помнит.

Теодор. Я помню!

Отец Адольф. Тишина в трибунале! Итак, свидетелей находки нет. Кроме, разумеется, самих денег. Но они молчат.

Появляется Филипп Траум.

Траум. Просто им не предоставили слово.

Отец Адольф. Кто ты? По какому праву вмешиваешься...

Траум. По праву силы. Ты же именно так судишь?

Отец Адольф. Что? Мы судим по божественным законам нравственности!

Траум. Что такое нравственность?

Отец Адольф. Это способность человека отличать хорошее от плохого.

Траум. Если люди так красиво рассуждают, почему ими чаще всего движет низменное и грязное?

Отец Адольф. Что за намеки?

Траум. Люди нелогичны. Ваши мечты ложны, потуги мелочны. Вами управляет страх. Он вас и объединяет. И вы считаете себя самым совершенным созданием после Бога?

Астролог. Да уберите же этого нахала!

Траум (астрологу). Верно ли я понял, эти деньги ты нашел два года назад?

Астролог. Клянусь!

Траум. Да ты лжец. Два года назад этих монет просто не было.

Отец Адольф. Он нарушает ход заседания...

Траум. На монетах выбит год их чеканки. Это нынешний 1590 год. Проверьте.

Отец Адольф просматривает монеты.

Астролог. Ложь! Это ложь! Весы в водолее! Ложь!

Отец Адольф. Суд снимает все обвинения и освобождает отца Питера.

*Отец Адольф спешно уходит, Астролог следует за ним.
Горожане ликуют.*

Явление 7.

Траум, Теодор, Маргет, отец Питер, фрау Хофнунг.

Маргет. Дядя, я так счастлива! Я знала... Знала...

Отец Питер. Не надо плакать, нельзя так вести себя наследнице престола. Скажи, что случилось, и я все исправлю. Власть моя беспредельна.

Маргет. Дядя... Ты узнаешь меня?

Отец Питер. Странная особа эта герцогиня. Все время плачет без причины.

Теодор. Отец Питер, что с вами?

Отец Питер. Я счастлив, мой принц! И дарю вам Индию. Правьте ею и владейте! А это мои подданные? Я благословляю вас!

Отец Питер и Маргет отходят в сторону.

Теодор (Трауму). Ты меня обманул!? Ты обещал... А он сошел с ума!

Траум. Я обещал, что он будет счастлив.

Фрау Хофнунг (появляясь). По-настоящему счастливы лишь сумасшедшие.

Траум. Здравствуйте, фрау Хофнунг.

Фрау Хофнунг. Теперь я пани Слепá Надéя.

Траум. Слепая Надежда?

Фрау Хофнунг. Да. Фрау Блайнде Хофнунг. Мадам Надин Эспуар. Языки меняются, суть остается.

Теодор. Так она слепая?

Траум. Конечно. Она же Надежда.

Фрау Хофнунг. Люди странные. Очень. Нет, чтобы жить и радоваться! Вы возводите границы, вешаете замки, изводите друг друга войнами... Глупцы! Радуйтесь каждому дню, как чуду. Даже если их совсем мало. Только так вы станете счастливы.

Траум (отцу Питеру). Ваше величество, следуйте за своей королевой.

Отец Питер. Нам нужно собраться в дорогу и запрячь лошадей.

Питер и Надежда уходят.

Теодор. Что будет дальше?

Траум. Увы, мой мальчик. Жизнь.

Теодор. Эта?

Траум. Другой нет.

Теодор. А в ином мире?

Траум. Нет никакого иного мира. Да и этого нет. Ничего нет.

Теодор. Как это? Ничего нет? Я сплю? Все это сон?

Траум. Есть только ты. И цепь поступков. Твоих поступков. И в тебе весь мир с его ужасами и радостями. Все люди — это ты, и мир — это ты. Проснись, начни с себя, и мир изменится. Поллюби людей, и люди полюбят тебя.

Теодор. Как?

Траум. Живи здесь и сейчас. Смейся!

Теодор. Но смех — это оскал сатаны... Ой...

Траум. Чушь! Человек должен смеяться! Смех — это жизнь!

Теодор. А дикая охота?

Траум. Это правда. Мы — ее всадники.

Теодор. И ты!?

Траум. Ведь меня ты не боишься?

Теодор. Нет.

Траум. Тогда смейся!

Теодор. Над кем?

Траум. Над собой! Людей должен объединять не страх, а смех. Смейтесь над глупостью, пошлостью, алчностью. И вы станете лучше. Смейтесь, и вы не сможете врать, как ваш астролог. Забросить его на Луну?

Теодор. Не надо. Пусть живет сам. И другие тоже.

Траум. Не хочешь менять его цепь событий?

Теодор. Свою. Ничью. Астролог на Луне — это смешно.

Теодор смеется.

Появляются Питер и Надежда.

Фрау Хофнунг. Это хорошо, мальчик. Беда сама придет, не жди ее. Живи и радуйся.

Отец Питер (фрау Хофнунг). Ваше величество, Вы прекрасны! Можем отправляться в путь.

Траум (фрау Хофнунг). Лошади ждут? Куда мы теперь?

Фрау Хофнунг. Не все ли равно? Все еще думаешь, кому-то нужны мои старые кости?

Теодор. Нужны. Очень.

Фрау Хофнунг. Значит, я еще смогу ими погреть?!?

*Теодор, а за ним и прочие начинают смеяться.
Все, кроме Теодора, исчезают.
В небе появляются всадники дикой охоты.*

Занавес

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья (Северный флот СССР, г. Полярный). Выпускник Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских и белорусских литературных премий. Член Союзов писателей СССР и России,

Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им.Н.И.Пирогова. Лауреат Макариевской премии им. митрополита Московского и Коломенского Макария в области естественных наук за 2022-й г. Наш постоянный автор.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО, А МЫ ПОЙДЕМ С КОНЦА МАЯЧНОЙ ЖИЗНИ НИКОЛКИ

◆ С окончанием шестого класса завершилась и маячная жизнь Николки в череде Белокаменки, где он появился на свет, не отложившегося по младенчеству в голове Ретинского, далее уже осознанно памятных Палогубского и островных маяков Седловатого и Большого Оленьего. Понятно, что с началом школьного возраста девять месяцев в году пребывал он в Полярном, в интернате при школе. «Девять месяцев зима, остальное лето», — как в присказке. Из этих «зимних» месяцев не более трех недель на каникулы приходится. Зато все лето — Николкин дом на маяке! Но и здесь поболее половины — на Большой земле в родительский отпуск, в отцовской калужской деревне Дворцы на реке Угре, как раз в том месте, где происходило «великое противостояние» войск Ивана Третьего с ордой хана Ахмета, что они на уроках истории проходили... Еще с дошкольных лет Николка твердо запомнил отцово разъяснение странного названия деревни: «Мы на левом, высоком берегу Угры, татары же на противоположном, пойменном, заливном. Коль скоро противостояние затянулось на осеннюю непогоду, то для воевод и наезжавшего великого князя Ивана Васильевича — ты, Николка, будешь в школе учиться, не путай его с Иваном Грозным, тож Васильевичем, — и были срублены избы, благо сосновый лес от порога начинается, по статусу жильцов и поименованные дворцами. Ближние же от нас деревни Баскаково, Ярлыково — это все от татарских времен...»

Еще с весенних, мартовских каникул, что шестиклассник Николка с «третьеклассным» брательником Славкой и первоклашкой Сережкой, вестимо дело, проводили на Большом Оленьем, благо до города всего три километра — через Екатерининский же остров, — знал он твердое решение родителей покончить с хлопотным житьем-бытьем на маяках и перебраться в Полярный. С Николкой, конечно же, никто на этот счет не советовался, но на то и уши даны слышать разговоры отца с матерью. Секретничать же в семье и в заводе не было принято. По северным, маячным меркам тринадцатилетний парень по разумению — если не дурак, перед которым шапки не снимают, от рождения — уже не задает глупых вопросов по житейской части. И без родительских рассуждений понимал: когда все трое неоперившихся, как старшие Георгий и Толька, сыновей большую часть времени на отлете в Полярном, то и сама семья внешне и по сути смотрится этакой кривобоккой... И смеху тут места нет, ибо чему посмеешься, тому и поработаешь. Именно неурядица с родительской работой и вовсе торопила с переездом в Полярный.

Кто только из знакомых Николкой взрослых не матерился в адрес Никиты Кукурузника! Женщины, но уже без матюков, роптали: дескать, своим Карибским кризисом едва не довел страну до атомной войны с Америкой. Даже в своих сетованиях друг дружке-подружке забывали опасения не столь уж и далекого времени — это по части сказал бы словечко, да волк, что с ушками топориком и отменной памятью на кто что сказал, недалечко. Моряки, особенно офицерского состава, а вся жизнь Николки проходила в сугубых владе-

ниях Северного флота, по воинской дисциплине и ленинградскому воинскому воспитанию в ЛВВУПП* матерились беззвучно. И хотя собственно советский подводный флот в хрущевщину не пострадал, наоборот, приобрел еще Сталиным заложенный атомный статус, но моряки сочувствовали братишкам с надводных кораблей: в разгар холодной войны сокращать (без пенсий!) офицерский и ундерский состав, резать на металл, в лучшем случае отправляя в Лиенау на консервацию, крейсера и репарационные германские и итальянские рейдеры, свертывать сталинскую же программу строительства океанского флота, линкоров и авианосцев... да все ли в порядке в башке этого колхозника?!

♦ Где та мышь, чтобы коту звонок привесила? — и далее сплошь уже на полную ярость озвученным матросским семиэтажным в адрес Кукурузника материлось все гражданское население заполярной Мурманской области после случившегося приезда Никиты на Кольский полуостров, особо на север его — в Мурманск. Нелегкая принесла его в Заполярье в самый разгар короткого северного лета, что природа дарует «ребятам семидесятой широты», извиняясь за «девять месяцев зимы», роскошным по незаходящему солнцу, зеркальной глади морской воды, полному безветрию, чистейшему воздуху с целебным ароматом йода и цветущей наскальной растительностью. Выступая перед мурманчанами, Никита Сергеевич обиженно заявил, что-де я шубу с валенками захватил, а у вас здесь второй Крым! В народе поговаривают, что из толпы раздался умеренно нетрезвый голос остро слова: «Ну так за чем дело стало? И присоединяй нас вослед за Крымом к своей Хохляндии!»

... Быль она и есть быль, болтать — не мешки ворочать, но в итоге дорого обошелся шестистам тысячам мурманских жителей высокопоставленный визит. Если раньше к зарплате прибавлялся сорокапроцентный поясной коэффициент и стопроцентная полярная надбавка, то последнюю разобиженный непристойно жарким летом на берегу Баренцева моря, то есть Арктики, Первый секретарь ЦК и Предсовмина срезал в два раза — до пятидесяти. Причем если прежде «полярка» для начинавшего работать в этом крае набегала по десяти процентов каждые полгода, то теперь — те же, но раз в год.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — Для маячников же вышло, правда, здесь, скорее всего, по совпадению, впрочем, все одно от усердия командования Северным флотом и руководства Главсевморпути (две мамки у маячников) на призыв Хрущева «не транжирить народные деньги», целых два Юрьева дня: сократить на маяках в два же раза число рабочих мест. То есть жены и матери таковых лишались. Другой работы на маяках нет. Посчитали — прослезилась: семья в пять душ очутилась на одной, уменьшенной отцовой зарплате. Все бы ничего, можно как-то извернуться, ибо маячники приравнены к военнослужащим, пайковые кормовые им полагаются, а рыбы и летающей дичи в непуганых островных местах — не ленись только ловить и третьим номером дробы стрелять, опять же летом грибы и ягоды на зимний запас только ведрами и собираются, но... Вот это «но» Николка и без родительских разговоров прекрасно понимал. Все заполярные северяне копят деньги для последующего своего устройства, как принято говорить, в Средней полосе. Мало кто планирует всю свою жизнь, а детей в особенности, провести на кромке Арктики. А для их семьи с тремя учениками еще надо платить за их содержание в школьном интернате Полярного: ежемесячно по триста (по реформе текущего года по тридцать) рублей за душу.

Только переезд в Полярный снимал денежные заботы и хлопоты с отца и матери, а Николке с братьями даровал нормальную, не «походную» жизнь в семье. Что другим само собою от рождения, то для Николки приходит через шесть лет жизни «в людях». Как у героев Горького, что они изучают в школе. «Все равно, какая бабушка ему ни ворожила и все на милость преложила»**, — почему-то именно эта присказка из повторно перечитываемого в те последние интернатские весенние каникулы трехтомника рассказов и повестей любимого писателя, имевшегося в домашней библиотечке, запала в голову Николки — и в прямой связи с окончательным решением родителей перебраться в Полярный. А как быть с «нельзя ждать милостей от природы» все из той же школьной премудрости? — Подумав, Николка отложил ответ на последующие времена.

♦ Через пару недель после весенних каникул, вернувшись пополудни из школы в интернат, Николка переделался в своей палате, так здесь именовались спальные комнаты для общежитейских возрастных групп, и зашел проведать в младшеклассной палате Сережку — первоклассники в школе все учились в первую смену, зная что третьеклассник Славка уже в школе во вторую. Сережка же явно портил себе аппетит перед обедом здоровенным куском пирога с палтусом, что выпекала закрытым и во весь противень мать, которая сидела на табуретке возле младшего.

— А мы думали, что в субботу придешь, заберешь нас на выходной, — несколько удивился Николка приходу матери сегодня, во вторник. За годы проживания семьи на Большом Оленьем он по привычке к приходу матери, в отличие от житья на Седловатом, когда и вовсе она приезжала на катере «аркашке» (от обозначения катера «РК — <номер такой-то>»), выделяемом Гидроотделом флота для развоза интернатовских школьников по маякам и военным «точкам» на зимние и летние каникулы, раз в учебную четверть: ребят забрать на домашнюю побывку и закупить в магазинах что потребно по хозяйству сверх пайкового прокорма, завозимого по осени на маяки «продовольственным» судном — с запасом на текущий год. Обязательной статьёй таких закупок являлся отцов заказ: индийский, а если повезет китайский цветочный, чай и трубоч-

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница кадров советских подводников, а Полярный — город подводников-североморцев. — Прим. авт.

** Н. С. Лесков «Старый гений». — Прим. авт.

ный табак «Золотое руно» — с медовым ароматом, в желтых коробочках с откидывающейся крышкой. Пару раз в год покупались анодная и катодные батареи для домашнего радиоприемника, а из охотничьих принадлежностей — бездымный порох и капсулы для снаряжения патронов двухствольной «ижевки» шестнадцатого калибра. Готовыми магазинными патронами в картонных гильзах отец брезговал, сам заряжал в латунные. Впрочем, уже три года как передал эту работу Николке. Дробь также сами катали в ветряных мельничках.

— Да хватит в себя впихивать через силу! Сейчас на обед звонок будет, — совсем рассердился Николка на брата. И мать, понимая, что здесь-то ее права переданы старшему сыну, заметила:

— А то право, Сережка, наешься, а в столовой воспитательница заругается: что, мол, ложкой по тарелке водишь и ко рту не подносишь? Небось, мать приходила с пирогами? Мне же как-нибудь и припомнит, все выскажет! — И уже обратившись к Николке, пояснила неурочный приход в Полярный:

— Так я попуткою пришла с отцом, а тот сейчас в дэкафе*... — мать замолчала на полуслове, кивнув головой в сторону младшего, все же доедавшего пирог. Николка понимающе моргнул. А тут и звонок на обед для пришедших из первой школьной смены.

— Ты, Сережка, в столовую спускайся, а я за вами в конце следующей недели приду.

Зайдя с Николкой в его палату, мать выгрузила в прикроватную тумбочку принесенное из дома и купленное сегодня в магазине, выждала, пока все ребята уйдут на обед, и рассказала сыну причину прихода в город с отцом. Получалось, что дело пока тайное от маячников Большого Оленьего, а Сережка со Славкой растрезвонят, связано дело с грядущим переездом в Полярный. Отец же отправился в дэкаф к его начальнику полковнику Зинченко, с которым с войны знаком: в сорок втором году во флотском госпитале Полярного оба лечили обострившиеся желудочные язвы. Зинченко тогда начинал службу береговым лейтенантом по политической части. Потом в мирное время пару раз в Полярном встречались, а затем и на маяках, когда тот служил по этой же части в гидроотделе. Сейчас вот дэкафом перед пенсией командует. Он хотя и хохол полтавский, но давно в наших краях служит, однополчан не забывает. Отец и хочет посоветоваться с ним насчет работы и квартиры, имея в виду — тоже слышал, — что в дэкафе ищут старшего электрика надежного. Опять же хорошо устроить переезд переводом из гидроотдела — для непрерывности трудового стажа. Здесь Николка усмехнулся, припомнив слова отца, что его стажа, с учетом двух войн, Финской и Отечественной, когда год за три, на двоих хватит... Да еще в тридцатых годах, перед призывом во флот, в калужском техникуме учился и молотобойцем на Волховстрое под Ленинградском работал. Усмехнулся, дескать, как-то все взрослые серьезно заботятся о стаже, но промолчал: значит так надо по жизни. Опять же заполярным северянам и пенсия на пять лет раньше. Про пенсию и вовсе рот примкнул, зная большую эту для матери тему: в любом разговоре с маячными бабами она в бесчисленный раз упрекала мужа: «До пенсии флотской — это в тридцать-то один год! — по сроку службы и военным летам всего шесть месяцев оставалось, а тут поругался с замполитом части и в сердцах уволился. Не мог со своим характером вредным калуцким потерпеть-то!»

И причину неизменных крутых разговоров отца с политическими начальниками Николка давно знал: еще с предвоенных, даже до Финской кампании, времен его настойчиво уговаривали вступить в партию. Главное, слабой политграмотностью отговориться он не мог, поскольку учился в техникуме. В партию же не хотел вступать не по причине контрреволюционности, но исключительно из-за врожденной староверческой нелюбви и подозрительности ко всяким мирским сообществам: все одно что общую посуду на всех иметь!

Но — не каркай на начальство, оно клюется! — вот и отыгралось беспартийному Андреяну, кстати полному материалисту и неверующему, его нежелание пополнить ряды славной ВКП(б). Хоть и старшинская, но уплыла пенсия-то!

... Но раз отец пошел в дэкаф прискивать городское устройство для семьи, так уже не разговоры праздные, но дело: заканчивалась и для Николки маячная жизнь.

* От ДКФ — Дом командиров флота, довоенное еще, но в разговорном языке бытующее название ДОФ'а — Дома офицеров флота Полярного. См.: Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести (шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л.В. Ханбекова. — М.: «Московский Парнас», 2013. — 299 с. (в электрон. форме см. на сайте www.pz.tula.ru). — Прим. авт.

Александр АЛЕКСАНДРОВ

г. Санкт-Петербург

Александр Григорьевич Александров, родился в 1938 г. в Татарстане, в д. Каськи, в большой крестьянской семье. Окончив экстерном школу, поступил в Саратовский политехнический институт, после окончания которого долгое время работал на севере Тюменской обл. в крупном проектно-инженерном институте главным инженером проектов. Позднее окончил институт Марксизма-Ленинизма с отличием, но, к сожалению, не был коммунистом. Начал писать примерно в 2000 г. Выпустил пять книг, печатался: в Белгородском общественно-политическом литературно-художественном журнале «Звонница», «Невском альманахе»; «Петербургском прозаике», литературно-художественном журнале «Крым», литературно-художественном журнале «Союз писателей», литературном журнале «Северо-Муйские Огни», литературно-художественном журнале «Изящная словесность», альманахе поэзии и прозы «Голоса Петербурга», международном литературном альманахе «Чувство без границ» и во многих других журналах России. За рубежом: в международном историческом журнале «Что есть Истина» и «Русскоязычная вселенная» (Англия), в литературном журнале «Чайка» и в «Экспресс Детройт» (США), в альманахе «Литературная Канада». Является членом МСП.

СТАЯ

Утром, выйдя на улицу, Джульетта внимательно глянула на небо, потом перевела взгляд на верхушки деревьев и, видимо, таким образом определив направление ветра, прошептала: «Северо-западное — это хороший знак» — и зашла в гараж. Она подошла к машине, тщательно проверила работу стеклоочистителей, надежность резины и, оставшись довольной, вошла в дом, чтобы перед дальней дорогой выпить кружку крепкого кофе.

— Может не поедешь? — произнесла мать, обращаясь к дочери. — Расстояние не близкое, от Доусона до Норман-Уэлса более пятисот километров. Это безумие — ехать одной, да еще на последнем месяце беременности. Через два дня вернется из рейса Алекс, вместе и съездите.

— Мама, ты же знаешь, что я отлично вожу машину, к тому же погода соответствует. Думаю, часа за четыре доберусь, а мужу после длительного рейса требуется отдых, затем через три дня ему снова в рейс. Такой вот расклад! Так что откладывать поездку никак нельзя — телеграмма срочная: заболел отец Алекса, а у меня как-никак медицинское образование. Считаю, вопрос с поездкой решен и обсуждению не подлежит. Что же касается беременности — ни я первая, ни я последняя. По дороге много кемпингов, и даже для водителей есть дома отдыха, при необходимости всегда окажут первую помощь, но, надеюсь, она не понадобится.

— Вчера, поздно вечером, ты, дочка, уже спала, синоптики обещали сегодня к середине дня сильный снегопад и ураганный ветер.

— На то, мама, она и зима! Мы живем почти на севере Канады и к капризам погоды привычные.

— Твой отец тоже так рассуждал...

— Отец, мама, в любую погоду ориентировался отлично, а погиб он от встречи один на один с белым медведем.

— Ладно, уговаривать тебя бесполезно, все равно поедешь. Машину-то хоть проверила?

— Не беспокойся, все в порядке, бак с бензином под завязку, приборы работают.

— А когда тебя ждать?

— Не знаю! Ведь я даже не знаю, сколько точно километров до Норман-Уэлса, где живут родители Алекса, к тому же многое в дороге зависит не от самого человека.

— Счастливого тебе, дочка, пути!

— Спасибо! Все будет в порядке, главное — ты здесь не переживай.

Сев в салон автомобиля, женщина опробовала кресло, нажала на кнопку «Отопление», не спеша пристегнула ремень безопасности и включила зажигание. Машина плавно выкатилась из предназначенного ей помещения и остановилась на пригорке под разлапистой голубой елью. Отрегулировав маршрут с помощью навигатора, Джульетта осторожно погладила свой живот и, обращаясь к главному пассажиру, спросила: «Ну как, малыш, готов к дальней поездке?» Почувствовав слабый толчок ножкой, улыбнулась, а

вслух произнесла: «Вполне утвердительный ответ» — и тронулась с места.

Машина побежала легко, с каждой пройденной милей набирая скорость. У горизонта вспыхивали сполохи северного сияния, но на привычное явление природы женщина не обращала внимания, ее больше всего тревожило заметное изменение погоды в худшую сторону, и, чтобы не думать о плохом, она включила радио, но однообразная мелодия вскоре наскучила. Выключив музыку, Джульетта кинула взгляд на спидометр и увеличила скорость. Трасса была почти пустая — она слышала, кажется от мужа, что в этом районе создан крупный природный заказник по сохранению флоры и фауны, поэтому интенсивность движения, особенно грузовых автомобилей, строго ограничена.

«Ну и хорошо! — подумала она, — это даже лучше: чувствуешь себя первооткрывателем — дорога, твоя машина и бесконечное пространство». И все же заметное изменение погоды в худшую сторону ее тревожило. Проехав еще пару миль, она на мгновение глянула в боковое стекло и, свернув на обочину, остановилась. А когда вышла из машины, от испуга вскрикнула: «Oh, my God! Nicholas (О, Боже мой! Николас), к добру ли такое видение?!» Прямо на нее, разорвав плазму небесной сферы, почти в упор смотрел огромный сердитый глаз. Его темно-свинцовый зрачок, величиной с футбольный мяч, окаймленный яркорожавой радужной оболочкой, вращался по часовой стрелке. Но самой устрашающей деталью небесного ока было глазное яблоко. От редких лучей солнца, процеживающихся сквозь мрачную толщу облаков, оно постоянно менялось: от абсолютно белого, постепенно переходящего в серый, до голубого, по краям с золотистыми проталинами. На веках, вокруг глаза был заметен чуть обвисший ворс — словно нити, похожие на мелкие морщины которые с приближением к бровной границе постепенно увеличивались, становились шире и, меняя цвета, уходили куда-то в бесконечность.

«Боже, надо скорее ехать!» выкрикнула женщина и правой рукой, словно успокаивая малыша, погладила живот. Спешно, как позволяли ей известные обстоятельства, она села в машину, пристегнулась ремнем и тронулась с места.

«Что же это такое было?» — вернувшись к увиденному, с какой-то внутренней тревогой, спросила себя Джульетта». И тут, сделав для себя неожиданное открытие, радостно воскликнула: «Мамочки! Да я же только что к еще не родившемуся ребенку обратилась по имени — Николас! Дома этот вопрос не обсуждался, а тут на тебе — Сам Господь дал моему сыну имя! Спасибо! Вообще-то, я не против, чтобы мой сын был обладателем такого имени! Если мне не изменяет память, имя Николас, кажется, древнегреческого происхождения и означает “победитель”. Ну, а как ты, малыш, согласен с мамой?» — И, улыбнувшись, она нежно погладила живот. Ребенок в знак согласия толкнул ножкой.

Дорога была пустынная и, погрузившись в размышления, Джульетта подумала: «А может, это было око Всевышнего?»

Между тем все предвещало надвигающуюся снежную бурю. Ветер усилился. Спидометр показывал семьдесят миль в час. По прикидкам, до лесного массива оставалось миль сорок, не больше. «Там будет потише», — подумала она и увеличила скорость. Два автомобиля убегая от непогоды, обогнали ее и скрылись за крутым поворотом. Снегопад усилился, стеклоочистители работали на пределе, видимость стала почти нулевая.

Женщина резко сбавила скорость и, то ли от нервного состояния, почувствовала резкую боль внизу живота. Она остановилась, чуть приоткрыла боковое стекло, глубоко вдохнула и, снова погладив живот, тихо произнесла: «Николас, пожалуйста, потерпи, сынок, я понимаю, что ты устал, но скоро прибудем на место». Говоря «скоро», женщина больше успокаивала себя, чем малыша, зная, что при такой погоде, дай Бог добраться бы к вечеру. А тем временем буря крепчала — похоже, небо всей своей мощью решило обрушиться на редкие машины, проезжающие по этой трассе. Постояв еще минут пять, она снова погладила живот и, обращаясь к сыну, спросила: «Поедем?» И, получив молчаливое согласие, Джульетта включила рычаг скорости.

Схватки начались внезапно. Женщина с трудом довела машину до стены леса, где, по ее предположению, должно быть немного потише, и съехала на обочину. Она осторожно вышла из салона автомобиля, прошла несколько метров вперед и остановилась, в надежде поймать попутку, чтобы доехать до ближайшей больницы, поскольку сама вести машину уже не могла. Всматриваясь вдаль сквозь снежную мглу и завывание ветра, женщина не заметила, как в несколько метрах от нее, отрезав обратный путь к машине, ее окружила стая волков.

— О, Боже мой! — успела выкрикнуть женщина, и от страха все ее внутренности, сжались в комок, парализовав волю. Сквозь завывающее пространство она лишь успела услышать тихий предостерегающий голос матери: «Доченька, может, сегодня не поедешь?» — и от острой боли в животе потеряла сознание.

Сколько времени находилась в забытьи, она не знала, очнувшись от крика младенца и почувствовала, что голова ее лежит на теле зверя. Другой, видимо, вожак, перекусив пуповину, облизывал появившегося на свет младенца, а остальные своим мехом обогревали тельце новорожденного, всячески защищая его от ветра и снегопада. Джульетта лежала в стороне от дороги, возле разлапистого дерева, окруженного густым кустарником, где было относительно тихо. Вдали, насколько позволяла видимость, лохматые верхушки

деревьев раскачивались от ураганного ветра. Крик новорожденного заставил ее окончательно прийти в себя, и где-то внутри, то ли от переизбытка чувств, а может просто показалось, она услышала ласковый, как зов весны, успокаивающий голос: «Ничего не бойся!»

«Боже, неужели это голос моей души? — мысленно произнесла Джульетта. — Спасибо тебе, родная, хоть ты и недоступна зрению, осязанию, но я всегда ощущала твое присутствие. Благодарю тебя, что ты не покинула меня в эти трудные минуты! Сейчас твоя поддержка мне, как никогда, кстати!» Она подняла голову, увидела своего ребенка в окружении стаи волков и испугалась за его жизнь. От безысходности сквозь неистовое пространство хотела уже было кричать, кого-то звать на помощь, как вновь услышала голос: «Здесь волки и вьюга, все равно тебя никто не услышит!»

От крика ребенка женщина почувствовала прилив сил, словно в ее переохлажденные кровеносные жилы впрыснули изрядную порцию глюкозы, чтобы тело вновь обрело затраченную энергию, и теперь уже не боясь, как несколько минут назад, она смело потянулась к ребенку. Но один из волков, стоявший с подветренной стороны, оскалив пасть, сделал грозный предупреждающий рык.

Вожак же, облизав ребенка, отошел в сторону, но, услышав рык, в одном прыжке оказался напротив того зверя, и две пары серых глаз скрестились в лютой ненависти. Противостояние длилось не больше минуты, и зверь, не выдержав взгляд матерого, поджал хвост, отступил, а победитель, беззлобно глянул на женщину, как бы говоря: «Ребенок твой — бери и уходи».

Успокоив не в меру ретивого собрата, вожак вновь отошел в сторону от стаи и стал внимательно наблюдать за роженицей с ребенком, одновременно не выпуская из поля зрения дорогу. Матерый в совершенстве обладал зрительной, слуховой и обонятельной памятью. Сейчас он был в ответе за женщину-самку и ее детеныша еще и потому, что хорошо помнил, как три года назад, рано по весне, в смертельной схватке с голодным медведем, защищая свой выводок, погибла его мать-волчица. Из пяти его братьев и сестер в живых чудом остались только двое, впоследствии один из них стал вожаком этой самой стаи. И сейчас, нападая стая на женщину, он, не задумываясь, стал бы один сражаться с целой сворой своих собратьев, как когда-то его волчица-мать не побоялась вступить в смертельную схватку с грозным противником.

Джульетта спокойно взяла малыша на руки, тщательно укутала его полкой своей одежды, села в сугроб и дала грудь. Захлебываясь, ребенок впервые ощутил вкус материнской пищи. Женщина почувствовала, как теплая струйка не полностью выпитого им молока течет по ее телу, и она, с благодарностью глядя на окруживших ее волков, впервые улыбнулась.

Волк же, что выполнял роль подушки, боясь за роженицу, чтобы она не упала, постоянно находился у нее за спиной и, похоже, в любой момент был готов прийти ей на помощь.

Остальные волки, скучившись плотнее, продолжали защищать роженицу и ребенка от ветра. Не успел малыш после вкусного обеда заснуть, как на дороге остановилась машина. Увидев женщину с ребенком в окружении стаи волков, водитель выскочил из машины и, размахивая руками, криками стал отпугивать хищников. Через некоторое время подъехала еще одна, и водитель второй машины, взяв ружье, стал целиться в крайнего волка.

Женщина быстро поднялась на ноги и сколько хватило сил закричала:

— Не стр-ел-яй!

Но от слабости закружилась голова, и уже тихо, скорее, сама себе, прошептала:

— А если будешь стрелять, сначала убей меня.— И с ребенком упала на колени.

От крика стоявших на дороге мужчин и от оружейного запаха, принесенного ветром со стороны дороги, волки отбежали в сторону, оставив ребенка и женщину.

— Скорее иди сюда! — орал что есть мочи водитель первой машины, увидев, что волки отбежали.

Но, что самое удивительное, ей уходить не хотелось. Более того, у нее не повернулся бы сейчас язык назвать этих умных зверей волками, и уж тем более хищниками. Крепче прижав ребенка к груди, женщина, продолжая стоять на коленях, в знак благодарности к своим спасителям повернулась к стае и ощутила на своих губах привкус солености. Ничего не понимая, волки с одной стороны, а два мужика с другой молча наблюдали за происходящим. Звери, наверное, думали: «Почему она не спешит от нас уходить, когда другие спасаются бегством?» Водители поведением женщины были озадачены не меньше, чем звери.

Наконец Джульетта медленно встала на ноги — от слабости еще кружилась голова — и, видимо, от нервного перенапряжения зарыдала. Держа народившегося человечка на руках, она в последний раз сделала поясной поклон стражам леса и не спеша направилась к дороге.

Белый, никем не тронутый девственный снег перед глазами идущей искрился мириадами сверкающих серебряных блесток. Вдали, где-то у горизонта, прячась за лохматыми папахами дремучего леса, чуть заметными огненными косами высветилась рыжая борода неба. Когда же женщина подошла к водителям, ей предложили сесть в просторный салон первой машины, водитель которой в дорогу предусмотрительно взял теплое одеяло и подушку. Но прежде чем сесть, она оглянулась — волков уже не было.

— Они спасли жизнь мне и моему ребенку,— сев в машину, тихо произнесла женщина и заснула крепким сном.

Водитель понял, кого она имела в виду под словом «они», но поверил с трудом.

— К-хы...— с едкой иронией в голосе произнес муж, когда после больницы Джульетта вернулась с ребенком домой.— Просто фантастика: стая волков приняла у нее роды и со всеми почестями отпустила домой! Ты хоть сама-то в эту чушь веришь?!

Последнее время, Джульетта с мужем часто ссорились. Более того, она чувствовала, что сейчас, в жизни ее наступил тот самый душевный перелом, когда взгляды на жизнь кардинально поменялись.

У нее было такое ощущение, что она вернулась из другого мира, пока непонятного не только ее близким, но даже ей самой, не говоря уже о посторонних людях. Может поэтому, убеждать домочадцев в очевидном у нее не было никакого желания, и скорее сама себе, чем кому-либо, рассудила философски: «Вера — явление случайное, а методы ее познания разные, и целиком зависят от выбора самого человека. Одни возносят молитвы Иисусу, другие отправляются в Мекку, а третьи изучают окружающий мир, в котором им приходится жить. Словом, все мы заняты поиском истины, только более масштабной, чем мы сами. Следовательно, необычных вопросов всегда хватает, а вот ответов на них мало или вообще нет,— рассуждала она, оставаясь наедине со своими мыслями.— Мы живем в малоизученном мире, где все живое находится во власти инстинктов, включая и волков, в которых человек привык видеть жестокого врага, забывая о том, что их образ жизни создан самой природой. В себе же человек не замечает главного: совершенствуя орудия убийства, он сам превращается в жестокого убийцу, а порою бывает хуже самого лютого зверя, но как существо, наделенное разумом, своим поступкам всегда находит оправдание. Если люди посредством слова овладели пространством и временем, то волки же, в своей разговорной речи, используют «язык» собственных тел, который кажется человеку опасным и пока не понятным».

Может поэтому, каждый раз беря сына на руки, женщина вновь вспоминала своих друзей, которым была обязана жизнью. И однажды, когда Николасу исполнился ровно год, в холодное, морозное утро, удобно уложив его в салоне автомобиля, она поехала туда, где он родился. Как и в прошлый раз, она оставила машину на обочине. Пробираясь по глубокому снегу, они пришли на то самое место и стали дожидаться стаи. Но пришел один вожак. Он вышел из густого леса и остановился в двадцати метрах от женщины с ребенком.

— Смотри, это он! — радостно воскликнула женщина, указывая сыну на волка, и, как год назад, встав на колени, слезно стала упрашивать зверя, чтобы тот подошел ближе. И он подошел. Женщина положила руку ему на холку, а сын рукою дотронулся до морды зверя.

Волк лизнул малыша в щеку, этим дав обоим понять, что он их не забывал, и отбежал к ближайшему разлапистому дереву. Перед тем как покинуть место встречи, волк на прощание оглянулся, а затем скрылся в густом чапыжнике, где, видимо, его ожидала стая.

Июнь 2019 г.

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района
Нижегородской области

Гросс Магдалина Вячеславовна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1991 г. окончила Нижегородский госпединститут иностранных языков (в настоящее время — Лингвистический университет). Репетитор английского и немецкого языков, переводчик. Литературным творчеством занимается с 2006 г. Дипломант и победитель областных и всероссийских конкурсов. Имеет Благодарность Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» за участие во всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины», посвященном 200-летию со дня памяти Марии Алексеевны Ганнибал (2018 г.). Постоянный автор нашего альманаха.

ВОЕННЫЙ ХЛЕБ

— А теперь, — и Олег Георгиевич Самойлов внимательно посмотрел на студентов-первокурсников, — скажите мне, кто из вас знает пословицы и поговорки о хлебе?

— Хлеб всему голова! — тотчас выпалил староста Антон.

Этот Антон был таким неугомонным, что все преподаватели про него так и говорили: «Ему бы с его детскими замашками еще на годик в школе задержаться надо было!»

По сути, они были правы. Антон, отец которого в 90-е годы проходил службу в Чечне, пошел в школу в пять лет. Потому что заняться было больше нечем. В то время как мужская половина, находясь далеко от дома, всеми силами старалась поддержать мир в Грозном и его окрестностях, их жены и дети откровенно скучали, пребывая на территориях военных частей, выход из которых был строго-настроено запрещен.

Сообразительный и шустрый Антон в начале августа, в самый свой день рождения, заявил матери, что уже готов учиться, и даже в качестве доказательства вытащил из укромного места припасенный карандаш с белым ластиком на конце.

— Какая тебе еще школа! — в сердцах воскликнула Ольга Валерьевна. — С тобой учителя с ума сойдут! Играй вон в машинки и не говори глупостей.

Но Антона оказалось не так легко переубедить. Не зря же он родился под знаком Льва! Уж что задумает — то непременно исполнит. Какие бы трудности перед ним ни встали. Услышав от матери слово «нет», он про себя тотчас сказал «да». Причем, если «нет» мамы было просто категоричным, и после него не стояло никаких знаков препинания, то «да» Антона сопровождала армия восклицательных знаков. Ну, армия не армия, но их было много. Однозначно.

Когда примерно дней за десять до первого сентября, Антон лично стал стирать серые брюки, Ольга Валерьевна только усмехнулась, решив понаблюдать со стороны, чем вся эта затея окончится.

После ей, правда, стало не до смеха, потому что с контрольно-пропускного пункта позвонил дежурный старшина и строго отчитал ее за то, что она не смотрит за «вверенным ей ребенком». Так по-военному и сказал: «за вверенным!» Когда раскрасневшаяся и запыхавшаяся Ольга Валерьевна не вбежала, а влетела в дежурку КПП, Антон сидел на кожаной банкетке и за обе щеки уписывал предложенное кем-то из военных большое красное яблоко.

Старшина Егоров, который вытащил Антона из кузова отправляющегося на боевое дежурство грузовика, уже не ругался. Правда попенял Ольге Валерьевне еще раз, что она не уделяет должного внимания сыну, но тон у него уже был дружелюбный, а не сердитый.

— Каков ведь сорванец! — удивлялся, посмеиваясь, Егоров. — Я его спрашиваю, зачем среди мешков спрятался, а он уперся: «В город мне надо — и все!» Потом, правда, сознался, что рубашку хочет новую купить, чтобы в школу было в чем идти. В первый класс собрался! Лет-то хоть вашему мальцу сколько? Уж больно мелко дело для школы будет, ему еще в садик бы походить, да вот беда — нет у нас на территории садика, а в город выход запрещен. Хорошо, хоть под школу одну из казарм переоборудовали, да штат учителей укомплектовали.

— Пять лет ему. — Ольга Валерьевна развела руками, слушая нескончаемые речи старшины. — Я говорила, что рано, так ведь слушать ничего не хочет. Ручек где-то понабрал с разноцветными стержнями, карандашей да несколько тетрадок припас. И все аккуратно в старую коробку из-под обуви складывает!

— Вы вот что... — И Егоров почесал за ухом. — Больше не допускайте того, чтобы малый ваш попытку проникнуть за территорию части делал. У нас, конечно, дежурные всегда на посту, но мало ли что... А вот так не заметил бы я вашего кроху?

— Я не кроха! — тотчас послышалось с банкетки. — Сказал — пойду первого сентября учиться, значит пойду. Подкоп сделаю и под забором пролезу. У меня десять рублей есть, поэтому я все равно в магазин попаду и рубашку красивую куплю. Для этой, как ее... для линейки! Чтоб красивым рядом с девочками стоять. Я по телевизору в прошлом году видел, как первое сентября проходит.

И он снова принялся за яблоко.

— Вы это... — меж тем тихо сказал Ольге Валерьевне старшина, которого внутри восхитила настойчивость мальчика. — Отпустите его, раз так хочет в школу. Он посидит за партой денек-другой, потом устанет — сам домой запросится. Вот тогда-то вы и объясните ему, что рано ему еще учиться. Да он и сам это увидит и перестанет к вам приставать. Сейчас бесполезно объяснять, раз он так настроен. Надо, чтобы он сам понял.

Так Антон оказался в первом классе.

Конечно, он был самым маленьким среди пятнадцати ребятшек, которым на тот момент уже исполнилось семь лет. Слова старшины о том, что мальчонка быстро устанет от школы, не сбылись. Все то, что объясняла учительница, Антон запоминал на редкость быстро, писать научился одним из первых. А на уроках физкультуры не было того, кто смог бы догнать эту заводную катушку.

Миротворческие действия закончились, кадровые военные разъехались по новым местам службы, и среднюю школу Антон оканчивал в уже вполне нормальных условиях. Но то, что он пошел в школу в пять лет, осталось на нем как отпечаток, что он все равно моложе остальных на целых два года.

... Олег Георгиевич покачал головой, посмотрел на молодого человека и как бы невзначай поинтересовался: «А что, Воронков, вы, наверное, и еще громче умеете? Я только про хлеб вопрос задал, а вы так кричите, что у меня уши заложило».

— Громче умею, но не буду, — в своей привычной манере ответил Антон, но доцент Самойлов только едва заметно поморщился, услышав это, и приложил к правому уху ладонь.

— Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной! — тихо произнесла Маша, которая на семинарских занятиях сидела прямо перед преподавателем.

«Не хлебом единым жив человек», «Нет хлеба ни куска — так и в доме тоска», «Были бы мука да сито, так и люди будут сыты», — слышалось меж тем от студентов.

Олег Георгиевич довольно кивал: «Ну, молодцы, молодцы, вижу, что знаете».

— Доплясались, что без хлеба остались, — произнес кто-то.

Самойлов вдруг сделался серьезным и посмотрел на молодого человека, который сказал эти слова:

— А вот это точно подмечено! — удовлетворенно закивал старый преподаватель. — А знаете, откуда такая поговорка появилась?

— Да, наверное, она говорит о том, что плясать и развлекаться можно лишь тогда, когда полны закрома. Поговорка как бы предупреждает, что нельзя предаваться веселью, не обеспечив себя самым необходимым, в данном случае — хлебом, — заговорили наперебой первокурсники.

— Да-да, — произнес Олег Георгиевич. — Я, правда, сегодня хотел про другое сказать. Молодые люди тут же расселись по местам. Они догадались, что сейчас последует какой-нибудь интересный рассказ. Самойлов был участником войны. Он не был любителем говорить на эту тему, но иногда не него словно что-то находило.

— Я ведь под Ржевом служил, — начал старый воин, и студенты поняли, что не ошиблись в догадках, — там и руку потерял. Но рука — что, слава Богу, что сам жив остался. А вот однополчане мои многие в тех сражениях полегли. Особенно часто я одного из них вспоминаю. Уж сколько лет прошло, а все помню Виталика Загородского.

Вроде бы только-только началась война — а сколько уже вражина успел перепортить! Заводы, фабрики, в том числе и продовольственные предприятия разбомбил! Вот и нам стали порции урезать. А что такое голодный солдат? Попробуй-ка потаскай оружие да шинель, да плащ-палатку в придачу! Тяжело было. Днем воюешь, вечером или по грязи ползешь и место дислокации меняешь, или отдых тебе положен. Но бывало, что и без отдыха воевали.

— А когда ели не досыта — это уже совсем грустно было, — вспоминал ветеран. — А Виталик меня все подбадривал. Говорил, что раз хлеб есть — значит, с голоду не умрем. Самое главное — чтобы хлеб был.

Я его все спрашивал: «Откуда ты знаешь?»

— Так у меня отец хлебороб, — отвечал мой друг, — он всегда так говорит. Без супа можно прожить. Без каши можно. А вот без хлеба нельзя.

И всегда в кармане гимнастерки у него кусочек хлеба был, как бы про запас. Я его все спрашивал, за чем он это делает, а он только посмеивался: «Пригодится!»

— А вы тоже носили хлеб в гимнастерке? — не выдержал Антон.

— Нет, я не носил, — усмехнулся Олег Георгиевич. — А вот Виталик — он с детства был приучен что ли... всегда кусок хлеба у него был. Он, бывало, еще так аккуратненько завернет его в платочек и в карман сунет. Я-то по молодости не особенно это понимал, да и что с меня взять в восемнадцать лет было можно? Недостаток жизненного опыта, одно слово.

Да, так, о чем бишь я?

Один раз попали мы в замес. Это было уже в сорок втором, в самом начале ноября. Эх, и жаркий бой был, помню. Деревню надо нам было одну отстоять. А танки прут и прут. Мы их гранатами как погромами закидываем, а их число все не уменьшается. Лезут и лезут, проклятые.

Сутки мы тогда продержались, а потом пришел приказ отступить. Мы назад — а немец обрадовался, что село за ним останется, и еще свирепее на нас попер. Что ты тут будешь делать? Отходим — а все равно по танкам бьем. И живую силу не подпускаем близко. Так жалко было эти места отдавать.

И вдруг Виталика осенило: «Надо их сбоку, сбоку пощупать!» И стал проситься у командира нашего — Михал Игнатъича Сысоева — обманом их, стало быть, сбоку взять. Но тот заругался:

— Ты что, Загородский, в своем уме? — кричит. — Уже боеприпасы на исходе, а ты о каком-то обмане говоришь!

И тут, как назло, словно в подтверждение его слов, как бахнет рядом! И танк немецкий с большим белым крестом прямо перед нами нарисовался.

— Отступать! — орет не своим голосом Михал Игнатъич. — Беречь гранаты!

А Виталик подмигнул мне и налево глазами показывает: «Мол, поползли туда!»

Короче, послушались мы командира. Нельзя, конечно, было. Под трибунал бы попали, как пить дать. Но Виталик — он упрямый был. Пополз. А следом за ним и я. Ящик с гранатами тянем за собой, да что толку? Немцы как взбесились в тот день. Мы сбоку их обошли, со стороны лесочка, и вот тут-то попали в такую передрягу, что наше бывшее сражение ни в какое сравнение не годилось с тем, какой огонь на нас полился.

А Виталик молчит. Приметится, подпустит танк поближе — да гранату ему аккуратно под самое брюхо бросает. Бросит — уши изо всех сил закроет руками, чтобы от взрыва не оглохнуть, и тотчас на другое место переползает.

Сколько уж он так танков остановил — не знаю. Только помню, свет в глазах у меня неожиданно потемнел, и я как провалился куда-то.

Очнулся — не пойму. Голова болит, в ушах звон, но снаряды не рвутся. Только танки одни стоят на поле, которые перевернутые, а которые в землю зарылись. И то ли плач, то ли шмыганье откуда-то совсем близко слышится. Виталик лежал рядом, я его рукой тихонечко пошевелил — живой! А кто-то так и плачет: «Дядя, встань, дядя!»

Мы малость в себя пришли, сели на землю, видим — рядом девчонка, совсем кроха. Плачет: «Дяденьки, я думала, вы совсем умерли!»

— Да нет, — улыбнулся мой товарищ, — не совсем еще. Наполовину только.

— А ты что здесь делаешь? — девчонку спрашиваю. — Куда тебя в самое пекло принесло?

— Да я заблудилась, — плачет, — в лесу два дня была одна. А тут еще стрельба началась.

— Ах, глупая! — только и сказал Виталик. — Как теперь твоих мамку с папкой искать?

— Не знаю, — шмыгает. И вдруг спрашивает: — Дяденьки, а у вас чего покушать не будет? Есть так охота.

Вот тут Виталик кусок хлеба из гимнастерки и вынул. Девчонка этот хлеб увидела — глаза аж загорелись. Виталик ее на коленку к себе посадил, кусок в руки дал, она есть стала и повеселела.

Все-все съела подчистую. И даже крошки все сгребла в ладошку и в рот отправила.

— Ой, — говорит, — такой хлеб у вас, дяденьки, вкусный... ничего лучшего за всю жизнь кушать не приходилось. А раз сейчас война, — спрашивает, — значит, и хлеб ваш тоже военный?

Виталик ей, как сейчас помню, ничего не ответил. Только поцеловал в макушку и вздохнул.

Это мы уж потом узнали, что бой только благодаря моему другу захлебнулся. Потом нам и награды через месяц вручили, и сто грамм наливали, и на руках качали. Все было. И Михал Игнатъич все повторял: «Ну, Загородский с Самойловым, вы герои. Особенно Загородский, конечно. Да... Смышлен, смyshлен... Я-то твою уловку и не понял тогда, а ты хитрее и меня, и немца оказался. Молод — да удал. Одно слово — храбрец из храбрецов!» И трижды его расцеловал как сына родного.

— Только вот я все эту девчущку вспоминаю. — И глаза Олега Георгиевича сделались влажными. — Как она зубами в кусок хлеба вцепилась. И хоть был он, хлеб этот, с привкусом пороха, а все равно сказала она, что ничего лучшего в жизни не ела, чем военный хлеб.

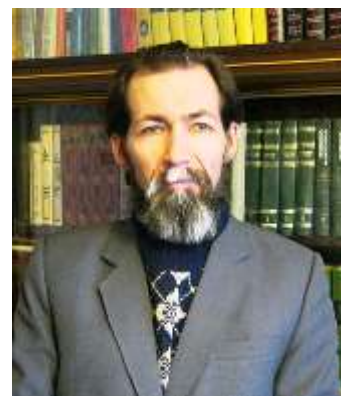

Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН

г. Тула

Член Союза писателей России, журналист, социолог. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого и «Левша» им. Н. С. Лескова. Имеет более двух тысяч публикаций в газетах, журналах, альманахах и сборниках. Автор пятнадцати книг. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СОСЕД

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Что мы знаем о своих соседях, живущих с нами в одном доме, в одном подъезде, на одной лестничной площадке?

Да почти ничего, кроме имени, где они работают или работали и сколько у них детей.

Коммуналки канули в прошлое, где каждый знал друг о друге почти все. Там люди жили шумно и весело одновременно, но были в постоянном напряжении. Поэтому каждый мечтал об отдельной квартире, где бы он мог уединиться, расслабиться и сам решать, как ему организовывать и вести домашнее хозяйство, чтобы не ждать каждое утро очереди в туалет и к умывальнику, а затем занимать очередь к плите, чтобы приготовить себе еду. Вести какие-то бесполезные беседы, отвечать на, порой, дурацкие или невежливые вопросы, давать кому-то в долг, угощать папиросами, делиться солью, выходить на почти постоянный стук в дверь, идти угощаться только что испеченным пирогом, когда этого совсем не хочется делать. Но ты все равно идешь, дабы не обидеть свою соседку, которая старалась ради тебя в благодарность за то, что ты ей починил розетку, которая искрила. И не угоститься пирогом было просто не прилично, тем более что завтра пришлось бы очень долго объяснять ей, что ты не вышел, потому что пришел с работы слишком усталый и совсем не потому, что тебе не нравится ее стряпня.

70-е годы. Более 30 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны.

Устраиваясь на работу, люди сразу подавали заявление, чтобы быть включенными в очередь на получение квартиры. Специальные комиссии рассматривали все поданные прошения, и если человек жил в общежитии, снимал комнату или у молодой семьи рождался ребенок, и они вылезали за определенные рамки метража, то комиссия благосклонно утверждала этих просителей на постановку в очередь. В своей организации (в тресте, на заводе, в институте...) вам присваивали номер, например, 55-й, но все эти слабые ручейки, как и у любой речки, вливались в огромный поток городской квартирной очереди, и уже там вы могли оказаться 12735-м (!).

А кроме этого, была еще очередь внеочередников, как бы абсурдно это не звучало: ветеранов войны, инвалидов, многодетных семей или сирот, окончивших школу-интернат...

Но квартиры продолжали строить. Дома ежегодно сдавали.

И, проработав на своем предприятии 9 — 15 лет, вы становились счастливыми обладателями ключей от заветной квартиры.

Дом был девятиэтажный, совсем недавно построенный и сданный в эксплуатацию.

Времени прошло вполне достаточно, чтобы получить ордера и ключи от своих квартир и, спокойно заселившись, начать обустраиваться.

Основная суэта, когда всевозможные машины: и грузовики, и легковые с прицепами заполняли весь двор и ждали своей очереди, чтобы подъехать ближе к одному из одиннадцати подъездов и начать разгрузку, закончилась.

Грузовики во дворе хоть и появлялись, но с каждым днем все реже и реже, пока их поток, наконец, совсем не иссяк.

Первые устроившиеся в этом доме — «старожилы» (в основном пожилые женщины и бабушки) уже выходили во двор подышать свежим воздухом, садились на лавочки возле подъездов, знакомились и начинали, внимательно наблюдая за вновь прибывшими, обсуждать кто что привез и в каких количествах.

— Вы, погляньте, сколько книжек. Все носят и носят. Это в какую же квартиру?

— В 36-ю, — сразу откликнулся кто-то все знающий.

— Не иначе как ученый какой-нибудь — профессор.

— Это что. Вы глядите: во второй подъезд рояль ташут.

— Нет. Это не рояль — пианино.

— Да это все равно. Интересно, в какую квартиру композитор заезжает?

— Семеновна, тебе-то что от этого? Когда их ребенок начнет по клавишам тыкать, тогда и разузнаем.

— Да, моя квартира со вторым подъездом контактирует через стенку. Ох, беспокойные жильцы будут. Ну, да ладно, проживем — увидим.

Так незаметно пролетели два месяца. Заработали лифты. Соседи по площадке начали узнавать друг друга, обращаться за помощью: будь-то шкаф дотащить или молоток с отверткой взять взаимы. А некоторые уже скидывались (в основном мужики) и отмечали новоселье и новые знакомства. И такое происходило почти ежедневно — дом-то большой: одиннадцать подъездов как ни как; а это где-то около четырехсот квартир. Так что отмечать новоселье можно, если каждый день — больше года; а ежели еще и праздники захватывать, такие как: Новый год, 8 марта, 7 ноября, День Конституции (это, не считая: 1 апреля, День взятия Бастилии...), то все два получатся.

Когда жильцы заходили в лифт, то каждый вел себя по-разному. Кто-то здоровался, кто-то ехал молча, некоторые начинали вести оживленную беседу. Были и такие, кто никогда не видел раньше лифта (в основном — пожилые люди, жившие до этого переселения в своих домах), поэтому заходили в него с боязнью, не знали, как встать, куда нажимать, вздрагивали от закрывающихся с грохотом дверей.

Несколько раз со мной в лифт заходил невысокого роста мужчина лысоватый с морщинистым лицом. За ним постоянно тянулся шлейф перегара, хотя на ногах он держался довольно крепко. Он сразу говорил:

— Мне на седьмой этаж.

Потом, немного помолчав, протягивал руку и представлялся:

— Леня.

Я здоровался, называл себя, и мы ехали до седьмого этажа.

Выходили. Я вдыхал относительно свежий воздух, и мы расходились в противоположные стороны.

Он был моим соседом по площадке.

И такая ситуация повторялась с завидным постоянством, как по сценарию. Словно актер входил в образ и репетировал роль. Действительно, как в кино. Как будто мы застряли в одном дне, и он повторялся снова и снова с завидным постоянством. Это было в течение нескольких недель.

Сначала меня это веселило. Потом приелось и начало надоедать.

Я решил разнообразить сложившуюся ситуацию и, когда он в очередной раз представлялся, говорил:

— Леня, мы с тобой уже знакомы и живем на одном этаже.

— Да? — он внимательно на меня смотрел своим ослепевшим взглядом, пытаясь осмыслить то, что я сказал, и в итоге изрекал:

— Значит соседи. Тогда поехали.

Спустя некоторое время он перестал представляться, видимо посчитав, что его уже все знают, но здороваться продолжал.

Не знаю, как насчет других жильцов, а приподъездные наблюдательницы уже многое разузнали про Леню, составили его портрет и, внося в свой мозговой реестр, «отправили личное дело» того в «архив», переключившись на кого-то более свежего.

У Лени умерла жена, как говорили при родах. Он один воспитывал ребенка. Правда ему помогала какая-то женщина, которая систематически к нему приходила.

Работал Леня плотником в детском саду. Летом охранял какие-то дачи, кроме этого частенько крутился возле магазинов, подрабатывая разгрузкой машин.

И пил.

Деньги сосед получал небольшие. Жили они бедно и даже, наверное, скудно.

Наблюдательницы на лавочках никогда не видели, чтобы Леня покупал какую-нибудь мебель, кастрюли, сковородки... Правда, в очереди за молоком его часто замечали.

Но пил он постоянно.

Иногда он пребывал в легком подпитии, иной раз я его видел с трудом заходящего в лифт, держащегося за стены.

Как-то поднявшись к себе на этаж и выходя из лифта, я чуть было не упал, споткнувшись обо что-то лежащее на площадке. Так как лампочка не горела, а день клонился к закату, то в полумраке я не сразу разглядел, что это какой-то человек. Мелькнула догадка, но почти сразу ее сменила другая, которая тут же и подтвердилась, стоило мне только перевернуть лежащего на спине.

Нет, это не был убитый в пьяной потасовке. Это был Леня, правда, тоже пьяный, лежащий в какой-то вонючей луже.

— Леня, ты что лежишь? Тебе плохо? — Я стал тормошить его за плечо.

— Мне хорошо, — промолвил Леня, с трудом шевеля языком, и захрапел.

Поднять мне его не удалось, так как он норовил вылезти из куртки, да и был довольно тяжелым. Поэтому я оттащил его к двери и посадил на тряпку, которая была относительно плотная и совершенно сухая, и прислонил к стене.

Бывали дни, когда сосед оказывался абсолютно трезвым. Это было очень удивительно и совершенно на него не похоже. Леня был гладко выбрит, причесан, а чистая рубашка и поглаженные брюки завершали необычную картину. В такие моменты он рассказывал, где сейчас работает, о том, что сын пошел в школу,

сетовал на то, что много пьет. Я предлагал ему бросить его пагубное занятие, а деньги эти тратить на сына и больше уделять ему внимания. Он тяжело вздохнул, задумывался, морщил лоб, от чего казался глубоким стариком (хотя еще даже не достиг пенсионного возраста), и, как будто что-то взвесив и приняв окончательное решение, согласно кивал головой и, как мне казалось, просветленно, твердо произносил:

— Да, ты прав, надо бросать пить.

Но уже через пару дней его можно было увидеть лежащим на лавочке возле подъезда.

В начале 80-х годов многие граждане подключились к сбору макулатуры, которую можно было обменять на дефицитную книгу, парфюмерию, какие-то вещи...

Старые газеты и журналы не выбрасывали, а аккуратно собирали, упаковывали, связывали, взвешивали и складывали на антресоли, лоджии или в кладовки. А набрав 15 — 20 килограммов, несли все это в пункты приема под названием «Стимул», где обменивали на талончик с названием книги, будь то «Граф Монте Кристо» А. Дюма, сказки Джанни Родари или фантастическая повесть братьев Стругацких.

Если же вы не смогли собрать сразу нужное количество килограммов, то на талон наклеивали марки, соответствующие сданному весу. И вам нужно было торопиться в течение месяца-двух добрать и сдать бумагу или картон, чтобы успеть получить книгу, которых было ограниченное количество и тем более появлялись новые талоны на другие книги.

Почему пункты приема назывались «Стимул»? Наверное, потому, что стимулировали среди населения тягу к хорошим книгам. Тем более, в каждой книге государство печатало сообщение о том, что мы сохраняем богатство нашей Родины, то есть спасаем деревья от вырубки.

Получив талон, мы сразу мчались в один из книжных магазинов, а их было пять (из двадцати семи), через которые реализовывались макулатурные издания и наконец-то выкупали заветную книжку.

После этого можно было вздохнуть свободно, удовлетворенно полистать еще пахнущее типографской краской издание, потом поставить его на полку, с надеждой в ближайшее время непременно начать читать.

И вновь по знакомому кругу: макулатура — талон — очередная книга.

Мой сосед Леня, конечно же, не остался в стороне. И теперь к сбору и сдачи бутылок он добавил макулатуру. Его можно было видеть с охапками картона, пустых коробок из-под обуви и всевозможной химии, оберточной бумаги.

Иной раз, подойдя к лифту, возле открытых дверей которого сутился Леня, и заглянув внутрь, понимал, что быстрее на седьмой этаж поднимешься, если пойдешь пешком по лестнице, потому что ждать, когда сосед догрузит битком набитый коробками лифт, доедет до места, все это разгрузит и спустится обратно, придется очень долго.

Почти ежедневно Леня приносил коробки из всех близлежащих магазинов, утрамбовывал, перевязывал и тут же куда-то их относил.

Возвращался он, естественно, навеселе.

Как-то столкнувшись с ним в лифте, я спросил:

— Зачем тебе столько коробок? Переезжать собираешься?

— Нет. Сдаю на макулатуру. Подработаю немного, заработаю чуть-чуть. Сыну на молоко и хлеб с маслом. Конфет и пряников куплю. Да и мне кое-что останется.

Не знаю, как там насчет конфет, но ему оставалось довольно прилично, так как пьяным он бывал всегда после сдачи макулатуры, о чем постоянно свидетельствовали приподъездные наблюдательницы.

Поначалу сердобольные женщины пытались как-то его вразумить. Вели с ним беседы, убеждали... Но потом, поняв всю бесполезность своих попыток, махнули рукой и почти перестали обращать на это внимание.

Годы шли своим чередом. Хотя в детстве нам кажется, что они тянутся слишком медленно, ведь очень хочется стать быстрее взрослыми. А когда мы взрослеем, то начинаем понимать, что, наоборот, они слишком быстро бегут, и мы практически ничего не успеваем сделать, так как двадцать четыре часа в сутках — это очень мало и хорошо бы эти сутки раздвинуть. В пожимом возрасте дни становятся похожими друг на друга и мелькают с такой скоростью, что создается впечатление, будто Земля убыстряет ход своего вращения.

Что такое девятиэтажный одиннадцати подъездный дом — это целый мир! Государство, где есть какие-то правила и действуют свои законы.

Это, как у Киплинга, — джунгли с их обитателями. Общество людей в разрезе.

Здесь подрастают дети, оканчивают школу, поступают в институт или устраиваются на работу.

Юноши уходят служить в армию, девушки ищут своих принцев и готовятся к свадьбе. В одном подъезде отмечают юбилей, а в другом кого-то провожают в последний путь. А возле третьего подъезда мужики просто пьянствуют. Вечером во дворе в тени деревьев играют в домино. Из открытого окна второго этажа слышно, как кто-то разучивает сонату Баха, а в другом конце дома на шестом этаже живет большой любитель рок групп «Die Purple» и «Pink Floyd», так как на подоконнике каждый день стоят колонки, и мы слышим попеременно песни этих коллективов.

Малыши в песочнице делают пироги и строят замки, пацаны постарше играют в войну или гоняют на велосипедах, девочки наряжают кукол. Подростки возле школы играют в футбол.

Вот из-за дома идет кто-то зареванный в рваной рубашке, значит, была драка.

Пенсионеры сидят на лавочках, смотрят на все происходящее, вспоминают свою молодость, ведут неспешные разговоры.

Заходя очередной раз в лифт, я не сразу узнал своего соседа Леню. Да и не мудрено. Добротный коричневого цвета костюм, белая рубашка в полоску, в тон ей галстук, завязанный широким узлом. Аккуратная короткая стрижка, а не космы, как обычно, торчащие в разные стороны. Щеки гладко выбриты до синевы, а легкий аромат не совсем дешевого одеколона, вплыв вслед за Леной в лифт, совсем не соответствовал запаху водки, который постоянным шлейфом тянулся за ним.

Я, опешивши, смотрел на трансформацию, произошедшую с соседом.

— Ну, что застыл? Пьяный что ли? Нажимай, поехали,— проговорил Леня, показывая мне руки, занятые сумками.

Я нажал на седьмой. Двери лифта закрылись, и мы стали подниматься.

— Можешь меня поздравить. Я стал пенсионером.— Лицо Лени сияло, и мне показалось, что он как-то помолодел лет на десять.— Сегодня оформил последние документы, так что со следующего месяца буду получать пенсию.

Я, конечно, поздравил его с заслуженным отдыхом и сказал, что — это хороший повод, дабы отметить такое событие.

На это он совершенно неожиданно мне ответил:

— А ты знаешь, я сегодня не буду пить. Я даже водку не покупал. Отмечу это событие по-другому. Мы с сыном поедем жареной картошечки с селедкой, а потом поьем чайку с «Октябрьским» печеньем, песочными пирожными и эклерами. Вон я сколько накопил,— показал он мне две сумки, набитые продуктами.— А то я что-то мало внимания уделял сыну, все некогда было.

Лифт остановился. Двери открылись. Леня вышел и пошел к себе.

Я, не двигаясь, смотрел вслед уходящему соседу и думал: «Что это такое было? Да и Леня ли это был вообще?»

Прошло несколько лет.

Ленин сын Андрей вырос. Отслужил положенные два года. Вернулся, устроился на работу.

Леня пить так и не бросил. Периодически его видели пьяным.

Дни тянулись. Бежали. Мелькали...

Неожиданно Леня умер.

Соседи зашли к Андрею предложить свою помощь и обомлели от увиденного. Они, конечно, были готовы к тому, что увидят поломанный диван, стул без спинки, рваный пододеяльник и подушку без наволочки, но поразило их совсем другое.

Скудная обстановка, и на этом фоне два шкафа и несколько полок, битком набитые книгами. Да еще какими! Об этом можно было только мечтать. Чувствовалось, что собирал их человек с большой любовью.

Здесь были: Рабиндранат Тагор и Эмиль Золя, Пушкин, Некрасов, Достоевский, Толстой, Мандельштам и Ахматова, Шекспир, Рэй Брэдбери, Иван Ефремов и Иван Бунин, Цветаева, Маяковский, Вознесенский и Гоголь. Тут стояли труды Лосева, всевозможные словари и справочники и еще было много всего интересного...

Пьянствуя каждый день, Леня, наверное, понимал, что уже не может остановиться. Понимал, что он плохой отец и ничем не может помочь своему ребенку, но в моменты просветления выкраивал деньги и покупал книги для сына, которые не трогал, даже когда очень хотелось выпить.

Но еще больше поразило людей, зашедших в квартиру к Лене, то, что они увидели в глубине одного из шкафов за стеклом.

Это была Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

Что мы знаем о своих соседях, живущих с нами в одном доме, в одном подъезде, на одной лестничной площадке?

Да почти ничего...

Андрей ВОЛКОВ

г. Тула

Андрей Волков родился в 1987 г. в Туле. Учился на факультете «Русская филология и документоведение» ТГПУ им. Л. Н. Толстого и заочно на специальности «Литейное производство черных и цветных металлов» ТГМК им. Н. Демидова. Писать начал с детства, публиковался в студенческие годы в журнале «Ловец снов», который сам же придумал с друзьями детства. Первая публикация под настоящим именем состоялась в 2008 г. в «Университетской газете» ТулГУ, где посещал курсы журналистики в 2007—2009 гг. Киноман с детства. В 2009 г. стал публиковать в интернете кинорецензии, что и составило в дальнейшем львиную долю творчества. С 2013 г. трудится в сфере металлургии, сначала на АО «Тулачермет», а с 2016 г. на оборонном предприятии «Сплав». В настоящее время пишет о кино и рок-музыке в интернет-СМИ. Автор одного романа, трех повестей, две из которых опубликованы в интернет-журнале «Новая литература», и тридцати рассказов. Имеет личную страницу на литературном портале «Проза.ру», от которого четыре раза получал номинации на премию «Писатель года». Член тульского клуба православных писателей «Родник». Наш постоянный автор.

ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ

*Посвящается памяти Всеволода Станиславовича Харитонова,
кандидата филологических наук, доцента ТулГУ и ТДС,
учителя и наставника
(28. 10. 1956 — 13. 05. 2023)*

*Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие,
и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.
Ап. Павел. Послание к Евреям, 13:7*

1

Я познакомился с профессором Мининым в начале 2000-х, когда учился на третьем курсе биологического факультета МГУ. Он вел у нас общий курс энтомологии, а также спецкурс по муравьям Латинской Америки. Я в тот момент уже принял решение писать дипломную работу по мирмекологии, поэтому с интересом эти занятия посещал. Антон Григорьевич был яркой личностью, немного эксцентричной, темпераментной, но студенты его любили. Строго он не спрашивал, к жизни относился легко и очень много знал о муравьях. У нашего курса сложилось впечатление, что муравьи были всей его жизнью, что ничем иным, кроме как муравьями, он не интересовался.

Конечно, это впечатление было обманчивым. Антон Григорьевич много читал — философию, художественную литературу, книги по истории. Отправляясь в бесчисленные экспедиции, он старался узнать культуру тех стран, в которые ездил. И много рассказывал нам, студентам, мелких бытовых деталей, которые в контексте мирмекологической поездки совершенно не важны, но зато добавляют рассказу живости и придают ореол художественности.

Довольно быстро я стал общаться с Антоном Григорьевичем не только в рамках лекций и семинаров. Иногда мы прогуливались вместе после занятий до его дома и разговаривали обо всем на свете. Порой в таких импровизированных прогулках нас набиралось несколько человек, так что издали мы напоминали толпу античных учеников, окруживших старца-философа и внимавших его мудрым словам.

Впрочем, тогда профессор Минин был совсем не стар. Ему едва сорок пять лет исполнилось, да и профессором он еще не был. Пока мы, студенты, писали под его руководством курсовые и дипломные работы, он сам трудился над докторской диссертацией. Иногда на семинарах он читал куски из своей докторской работы и предлагал нам подумать — стоит ли еще что-то добавить к написанному. Не думаю, что Антон Григорьевич всерьез верил, что мы можем предложить какую-то оригинальную идею для его труда, однако таким неординарным способом он приучал нас к научной работе, которая на пятьдесят процентов состоит из истин, извлекаемых путем научных споров. Профессор Минин утверждал, что курсовая — это первый подступ к будущей диссертации, а потому не стоит относиться к курсовым легкомысленно. Нужно овладеть научным аппаратом уже сейчас, в студенческие годы, чтобы в будущем не тратить время на постижение основ написания научных трудов.

У Антона Григорьевича не было детей — возможно, по этой причине он так симпатизировал нам, студентам. Как он сам говорил, у них с женой никогда не было на это времени, а потом уже и поздно стало — возраст пришел. Его супруга Раиса работала вместе с ним на кафедре и часто ездила в экспедиции, помогала.

Насколько я знаю, диссертацию она защитила на основе эволюции *Mesenchytraeus solifugus*, но затем, скорее всего, под влиянием мужа, переключилась на мирмекологию. Правда, на нашем курсе она преподавала эволюционную биологию и таксономию. Помню, если Антон Григорьевич заканчивал занятия раньше своей жены, то всегда ее поджидал у входа, а затем они шли домой. Их трогательным отношениям можно было только позавидовать, и мы, молодежь, могли лишь мечтать, что и у нас будут такие же крепкие, надежные тылы.

2

Летом 2005 года, сразу после успешной защиты докторской диссертации, Антон Григорьевич собрался в научную экспедицию в Панаму. Обещал привезти нам *Paraponera clavata* и показать в формикарии. Одна студентка, насколько я помню, писала дипломную работу по этому самому опасному, если верить индексу ужалений Шмидта, виду муравьев, а потому особенно жаждала их лицезреть воочию. Я писал дипломную работу не у Антона Григорьевича, хотя очень хотел. Но к тому времени, как я определился с темой своей выпускной работы, у него уже набралось слишком много студентов и для меня места, естественно, не осталось.

Мой научный руководитель профессор Длусский в свое время учил Антона Григорьевича. Геннадий Михайлович был одним из крупнейших мирмекологов мира. Помню, в школе я с особым интересом прочел его книгу «Муравьи рода Формика», которую мне купил отец в ответ на мои бесчисленные расспросы о муравьях. Если вы не читали этот классический мирмекологический труд, то советую вам ознакомиться. Написано просто и даже художественно. Можно лишь пожалеть, что в современной России научные книги не издаются такими тиражами, как в Советском Союзе. Поэтому и народ отупел и готов верить любой пропаганде. Впрочем, не будем о грустном. Ведь рассказ мой и так не будет слишком весел.

Геннадий Михайлович считал профессора Минина прекрасным ученым, но в то же время отмечал, что его особенная страсть к опасным муравьям может привести к беде. Экзотические муравьи часто ядовиты, нужна большая осторожность, чтобы входить с ними в контакт. А профессор Минин иногда так увлекался натурализмом, что мог в восторженном порыве пить чай из термоса прямо перед муравейником, наблюдая за работой очередной муравьиной семьи.

Я писал у профессора Длусского дипломную о вымершем роде «*Armania*». Интересно, что эту группу ископаемых муравьев когда-то обнаружил сам Геннадий Михайлович. В его честь она получила второе именование — *Armania Dlussky*. Профессор Минин, напротив, ископаемыми видами не занимался. Он считал, что на Земле еще много неизученных видов муравьев, поэтому твердо отстаивал научные экспедиции. Сразу после наступления каникул профессор занялся подготовкой поездки в Панаму.

Как известно, чиновники на научные исследования всегда жалеют деньги, поэтому профессор Минин прошел все круги бюрократического ада, чтобы получить надлежащее финансирование. В конце концов, попечительский совет университета сдался и согласился оплатить даже частный самолет из столицы Панамы в Ла-Амистад. Профессора очень впечатлили публикации в международном энтомологическом журнале об обнаружении этих муравьев на высотах тысяча пятьсот километров над уровнем моря, и он желал лично убедиться, что это действительно так. Он также нанял профессионального фотографа, отлично владеющего длиннофокусной съемкой. Еще с ним поехали, помимо, естественно, его жены Раисы, два аспиранта и три студента, которые писали у Минина дипломную работу.

Скажу честно, я тоже думал записаться в экспедицию, но профессор Длусский отговорил меня. Сказал, что в диких условиях может случиться все что угодно, и даже рассказал мне трагический случай смерти своего коллеги, которого укусил какой-то ядовитый паук. Поэтому Геннадий Михайлович рекомендовал профессору Минину взять с собой врача, хотя бы какого-нибудь старшекурсника с медицинского факультета, но Антон Григорьевич отказался. Говорит, и так расходов много — по-минимуму людей берем.

Ничего себе по-минимуму! Если два аспиранта еще куда ни шло — им исследования проводить надо для своих кандидатских, то зачем там целых три студента нужны! Геннадий Михайлович задал Минину этот вопрос, но он серьезно ответил, что им необходимо привыкать к экспедициям, ибо мирмекология — не кабинетная наука. Они сразу должны испытать себя в живой природе. Профессор Длусский понял, что отговаривать своего бывшего аспиранта — дело бесполезное, и отступил, понадеявшись на то, что Антон Григорьевич не полезет в самые непролазные топи, где последний раз человек бывал несколько десятков тысяч лет назад.

Экспедиция профессора Минина отправилась в Панаму в середине июля, когда в Москве стояла особенная жара. В связи с этим Длусский предлагал Минину отложить поездку, аргументируя тем, что как бы кого тепловой удар в дороге не хватил. Но Антон Григорьевич сказал, что в Панаме еще жарче, а кто жару не переносит, может остаться в аэропорту. Естественно, никто не отказался ехать в Панаму — зря что ли готовились целую неделю к поездке. Лишь я убедился, что Геннадий Михайлович был прав. Профессор Минин слишком одержим экспедициями, и ездить с ним может быть опасно.

Антон Григорьевич был счастлив, прямо светился весь от радости и, конечно, с нетерпением жаждал приезда в Панаму. Он всех подгонял, как будто если участники экспедиции пораньше займут места в самолете, то он скорее домчит их до Панамы. Думаю, профессору доставляло наибольшее наслаждение ездить в далекие экспедиции. У него присутствовала страсть к приключениям, которая его занимала даже больше,

чем сама наука. Профессор Длусский был уверен, что это качество опасно для ученого, отвечающего за жизни людей. Будучи прямолинейным человеком, он говорил об этом Минину, но тот не придавал его словам большого значения, как обычно полагаясь на русский «авось». И, надо сказать, напрасно.

3

Первые сообщения о трагическом происшествии в лесах Панамы до нас дошли еще до того, как экспедиция профессора Минина возвратилась в Москву, пробыв на месте буквально три дня. Жену профессора Раису ужалили *Ragronera clavata*, и она умерла от анафилактического шока в местной больнице. Оказалось, что она очень чувствительна к токсину этих муравьев. Профессор, естественно, об этом не знал, иначе бы настоял на том, чтобы она осталась дома.

Участники экспедиции разбрелись по своим университетским местам, говорить о происшествии не хотели. Профессор Минин взял внеплановый отпуск и сидел дома, к телефону не подходил. Геннадий Михайлович пробовал поговорить с ним, когда он приходил в университет писать заявление на отпуск, но Антон Григорьевич лишь скупо поблагодарил его за соболезнования и сразу ретировался. Выглядел он плохо — осунулся, небритый и мрачный. Совсем не похож на жизнерадостного себя из прошлой жизни.

Я решил навестить профессора у него дома, так как беспокоился за его душевное здоровье. Соседи говорили, что он редко выходит из дома, а когда все же появляется на публике, то предпочитает отвечать односложно или даже отмалчиваться.

Итак, не сказав никому, куда иду, я отправился к профессору солнечным летним днем. Минин жил в частном доме недалеко от университета. На двери в заборе висела табличка «Осторожно, злая собака». «Должно быть, чтобы меньше стучали, повесил», — подумал я. Ведь я прекрасно знал, что никаких собак или кошек у профессора не было. У него жили лишь муравьи в формикариях.

Я постучал в дверь, так как звонок не работал. На самом деле я не думал, что профессор откроет, зная его упрямый характер, и уже собирался уходить, решив, что сделал все, что мог. Но в этот момент дверь приоткрылась и в проеме показалось лицо профессора Минина.

— А, это ты, — устало сказал он. — Проходи, раз пришел. — И, открыв пошире дверь, пропустил меня на свой участок.

Профессор Минин, не оборачиваясь, пошел к терраске по аккуратно выложенной белой плиткой дорожке. Я проследовал за ним, на ходу осматривая участок профессора. Он был относительно небольшим, но ухоженным. Чувствовалась женская рука. Ровные ряды яблонь, малина, крыжовник, парник с огурцами и помидорами и красивые цветы на клумбах. Было видно, что хозяйева любят природу, заботятся о ней.

На терраске на специально сделанных широких полках стояли формикарии. Каких тут только видов муравьев ни было! Я подумал, что профессор и *Ragronera clavata* бы привез и поставил здесь же, если бы не трагический несчастный случай.

— Я поставил чай, — сказал профессор, выглянув из кухни, в тот самый момент, когда я особенно внимательно разглядывал его питомцев. Я даже вздрогнул от неожиданности. — У меня он травяной, душистый. Ты такой не пил.

Я прошел на кухню. Вопреки моим ожиданиям, в помещении было чисто, гор грязной посуды не было. Профессор, может, и находился в подавленном состоянии, но не желал превращать свой дом в обитель типичного холостяка.

Антон Григорьевич порезал карбонат, сделал бутерброды с икрой. Мы сели за стол. Первое время молчали, так как никто из нас не решался начать разговор. Но, наконец, профессор сказал:

— Я знаю, почему ты пришел. Беспокоишься обо мне. Боишься, как бы в депрессию не впал да с собой не покончил.

— За вас все переживают, — сказал я. — Вас посетило горе, и что сказать вам я не знаю. От слов и пользы нет. Только время лечит.

— Мы сами виноваты, — неожиданно сказал профессор. — Потеряли бдительность. Слишком близко к *Ragronera clavata* подошли, и они решили, что мы угрожаем их дому. К сожалению, моя жена поплатилась жизнью за нашу ошибку. Но время лечит — ты прав. Значит, будем дальше жить.

— Вы вернетесь в университет? Студенты вас любят и опасаются, что вы уйдете.

— Вернусь, — сказал профессор Минин. — И в память о Раисе продолжу исследования *Ragronera clavata*. Возможно, на будущий год организирую новую экспедицию, уже со всеми мерами предосторожности. Геннадий Михайлович был прав насчет врача. Жаль, что я не послушал. А теперь хватит жалости к себе. Расскажи мне лучше о своей дипломной работе. Что нового узнал в ходе исследований?

Вторую половину нашего разговора мы посвятили науке. Говоря о муравьях, профессор заметно оживился. Научные проблемы, которые надо решать, помогали ему забыть собственное горе. Я был убежден, что Антону Григорьевичу станет легче, если он снова вернется в аудиторию. В совместных занятиях наукой, решении мирмекологических проблем мы спасаем себя от деструктивных чувств. Ведь стоит только начать жалостливую рефлекссию, как моментально утонешь в пучине депрессии. Я сказал профессору об этом, а он ответил:

— Ты прав, надо работать. Я не думаю, что Раиса хотела бы, чтобы я закрылся здесь, как анахорет, и посвятил оставшиеся годы самокопаниям.

Уходил я от профессора в заметно лучшем настроении, чем когда пришел. Да и Антон Григорьевич повеселел, что меня порадовало. Он обещал вернуться к преподаванию на следующей неделе.

В понедельник профессор Минин появился в университете. Выглядел он достаточно бодро, хотя было видно, что работа дается ему нелегко. Горе еще живо в нем, но его уже перебивает желание трудиться. Он сразу включился в преподавание, руководство курсовыми и дипломными работами и, по своему обыкновению, общался со студентами после занятий, интересовался их научной работой и внутренним миром. Антон Григорьевич был настоящий педагог и большой ученый. Очень редко эти качества сочетаются в одном человеке. Мне повезло, что я знал двух таких людей.

Я защитил дипломную работу у Геннадия Михайловича на «отлично». Профессор Минин присутствовал на моей защите и был рад хорошей оценке, пожалуй, даже больше меня. Два моих любимых преподавателя горячо меня поздравили, обняли и пожелали не снижать темпов научной работы, постоянно совершенствоваться. Геннадий Михайлович рекомендовал мне поступать в аспирантуру, но я в этот период получил стипендию для продолжения учебы в Сорбонне по магистерской программе эволюционной биологии. Мне не хотелось уезжать из стен родного вуза, расставаться с дорогими людьми, но родители убедили меня, что не стоит отказываться от такой удачи.

«Ведь что в России ученые получают — крохи», — говорил отец, который сам преподавал отечественную историю в вузе. Геннадий Михайлович тоже отнесся с пониманием к моему решению, так как знал, насколько сильна французская мирмекология. Он мне подарил свою новую книгу по истории биологии и просил передавать привет своему коллеге Андре Вулфу, преподающему в Сорбонне эволюцию муравьев. «И обязательно возвращайся», — сказал Длусский. — «Надо отечественную науку поднимать. Демократы девяностых все развалили, а нынешние чиновники добивают то, что осталось хорошего от СССР».

Профессор Минин меня наставлял на лоне природы. Мы с ним прогуливались после занятий, ведя пространные беседы на самые разные темы, так что не заметили, как забрели на какой-то пустырь. Но Антон Григорьевич быстро обнаружил здесь колонию *Lasius niger*, так что прямо светился от счастья. Их гнездо спряталось между кустарником и фонарным столбом, так что я не сразу разглядел, что так профессор увлеченно рассматривает на покрытой листвой и хвоей земле.

— Я не хочу уезжать, — поведал я Антону Григорьевичу свои сокровенные мысли, — но в то же время согласен с отцом. В Европе больше возможностей для научной работы.

— Потом думаешь в Сорбонне остаться? — Профессор взял тростинку и игрался с муравьями, которые прыгали через нее, как цирковые собачки. — О, смотри, какие кульбиты показывают! Прямо как в бешеном цирке. — Профессор радовался, как ребенок. Верю, что в эти мгновения он забывал и о смерти жены, и о любых неприятностях, которых вдоволь на нашем веку. — Если будешь учить других, помни одну вещь. Ты учитель до тех пор, пока не считаешь себя всезнающим ментором. Я так много общаюсь со студентами не только потому, что молодостью подзаряжаюсь, как некоторые говорят. И точно не потому, что хочу стать своим в кругу молодежи. Я прекрасно знаю свой возраст и не скрываю, что мне не за горами пятьдесят лет. В каждом периоде человеческой жизни есть свои плюсы. Главное, не спешить взрослеть, не набираться снобизма и не считать себя умнее своих учеников. Я люблю узнавать от студентов что-то новое, возможно, не из области биологии, но из других сфер. Например, одна студентка мне недавно рассказала о таком классике американской литературы, как Пол Боулз. Он жил и умер в Марокко и много писал про эту страну. А я, хоть и бывал в Марокко в экспедиции, даже не знал, что там такой великий человек жил. Вот сейчас взял в университетской библиотеке его роман «Под покровом небес», читаю. Я преподаю больше двадцати лет, и если я что-то понял в этой науке, то только то, что педагогика — это взаимное обогащение. Только пока ты сам учишься, ты можешь научить других. Так что я желаю тебе быть именно таким преподавателем и не подводить нашу с Геннадием Михайловичем веру в тебя. Ну а как ученый ты, несомненно, однажды превзойдешь нас.

— Вы прямо как Лев Толстой рассуждаете, — заметил я, вспомнив, что писал Лев Николаевич о своей преподавательской деятельности в яснополянской школе.

— Это единственный секрет успешного освоения знаний, который я понял, и я рад, что Лев Николаевич думал так же, — просто ответил Антон Григорьевич. — Ну а сейчас хватит пафоса. Пойдем в кафе посидим, пивка выпьем. Ты уже взрослый, так что можешь мне составить компанию.

Солнце светило ярко в тот день, но не было мучительной жары. Как по мне, для начала августа стояла идеальная погода. Я был так рад прогулке с профессором, что даже лица прохожих мне не казались по-русски мрачными, а наоборот, приветливыми и счастливыми. Я сознавал, что, возможно, это последний раз, когда я вот так запросто провожу целый день с Антоном Григорьевичем, и старался насладиться этими мгновениями человеческой близости, которые пройдут в череде дней, как летний дождь. От них останутся лишь воспоминания, согревающие душу на чужбине.

Никого уже нет — ни Геннадия Михайловича, ни Антона Григорьевича, да и прочие мои преподаватели потихоньку уходят, растворяясь в воспоминаниях учеников. Теперь я сам профессор, преподаю эволюционную биологию в Сорбонне, а в России бываю наездами. Отца тоже нет, но еще жива мать, которая, слава Богу, чувствует себя хорошо в ее немалые годы. Периодически я читаю лекции в своем родном вузе, в стенах которого, кажется, навсегда сохранились призраки наших наставников, учивших нас не только науке, но и

жизни. Я побывал в Марокко, прочел Пола Боулза и продолжаю мирмекологические исследования. Но, самое главное, я стараюсь видеть людей в своих учениках, интересоваться их внутренним миром. И, по мере сил, наслаждаюсь каждым днем, каким бы он ни был тяжелым. Ведь ушедшее время не возвратит.

Профессор Минин когда-то говорил, что это главное чудо, что мы вообще появились на свет. Смерть неизбежна, неостановимо течение дней, спешащее, как поезд, к конечной станции пути. Но счастье зависит только от нас, и оно, как ни банально, в служении людям. Учитель жив в своем ученике, а добро, сделанное другому, никогда не исчезает, но, возносясь, растворяется в ноосфере, делая этот темный мир хоть немного светлее.

31. 07/7.08. 2023 г.

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

Людмила Дмитриевна Алтунина (урожд. Егуекова), журналист, прозаик, поэт, родилась и выросла в Горном Алтае, в семье инженера — землестроителя — геолога, охотника и рыбака. Там же окончила общеобразовательную среднюю школу, затем — факультет журналистики Казанского государственного университета и высшие редакторские курсы Всероссийского института журналистики (Москва). Около сорока лет посвятила журналистике. Работала на радио и в печатных СМИ. Много лет была редактором вузовской многотиражной газеты ТулГУ и руководителем отделения журналистики студклуба этого вуза. Печатается в региональных, российских и зарубежных журналах и альманахах, в т. ч. тульских; автор и соавтор более десяти книг. В 2019 г. вышла ее книга прозы «Чайка с того света...» — рассказы, новеллы, очерки, эссе (М., 426 стр.), представленная на соискание премии им. Л. Н. Толстого; в 2021 г. — книга «Солдат войны полковник Кутепов», историко-биографический очерк — второе издание, расширенное и дополненное (М., 422 стр.). Это — две книги авторского литпроекта «Лики России», состоящего из нескольких книг, над которыми она работает. Неоднократный победитель литконкурсов разных уровней, включая всероссийский. Награждена многими почетными грамотами регионального и федерального уровней, нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в энциклопедию ТулГУ, в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедию тульской журналистики. Ветеран труда. Член Союза журналистов России, Академии Российской литературы и Петровской Академии наук и искусств. Член редколлегии и зав. отделом литературного альманаха «Ковчег» (Тула) и тульских православных литобъединений. С конца 70-х годов живет в Туле, но тесных связей со своей малой родиной — Горным Алтаем не теряет. Новеллы, представленные в данном издании, — продолжение повествований о малой родине автора, опубликованных в предыдущих выпусках альманаха. Постоянный автор «Ковчеха».

ЛИКИ РОССИИ

ЛЕГЕНДЫ-БЫЛИ

АЛТАЙ — МОЙ КОРЕНЬ ЗОЛОТОЙ!

Я воздаю тебе, Алтай, мой милый!
Лишь маленькую толику того, что должно
Воздаться дочерью отцу, любимый!
Испокон закон сей исполняя непреложно.

Как слиток золота высокой, чистой пробы,
Величественный и прекрасный, Хан-Алтай!
Под дланью российской, соединившей многие народы,
Пленяющий красой нерукотворной, дивный край!

И где бы от тебя вдали я ни была, не забывала об одном:
Здесь — корень мой глубинно в родную землю врос,
Столь драгоценный корень золотой — родительский мой дом!
Ты — колыбель моя! Имя нареченное мое по горным высям
ветерок разнес!

ТАИНСТВЕННЫЙ ПРОВОДНИК

В детстве и юности, прошедших в Горном Алтае, где родилась и выросла, я много слышала интересных, захватывающих дух и воображение рассказов о тайге, горах, повадках диких зверей и неожиданных встречах обитателей тайги и гор с человеком. Привозили эти рассказы мой отец, Дмитрий Алексеевич Егучков; дяди, Иван и Григорий Леонтьевы, мамыны братья — таежники; тетя Дуся — сестра отца, пропадавшая тоже в горах после того, как отхояив в море почти двадцать лет на огромном торговом судне «Советский Союз», вышла на пенсию. Она, по природе своей, как и мой отец-алтаец — горно-таежный человек, бросив квартиру во Владивостоке, в бухте Золотой Рог, с видом на море, вернулась в родные места, в Горный Алтай (ныне Республика Алтай). Тетя Дуся не вылезала из тайги, не спускалась по целому лету с гор вместе со своей подругой, бывшей местной артисткой Анной Артальковой, с которой они начинали когда-то, в юности, в одном самодеятельном театре, но потом каждый пошел своей дорогой судьбы. Подруги-пенсионерки вместе отправлялись то за колбой — так в Сибири называют черемшу, — то высоко в горы, в малодоступные ущелья, за мумием, то за кедровыми орехами на Семинский перевал, то за золотым корнем (родиола розовая) да за целебными алтайскими травами. Без этого она, как и мой отец, просто не могла жить. Видно, генная память, кровь алтайцев-кочевников, текущая в их жилах, тянули на свободу, поближе к природе, в тайгу и горы, причем, чем глуше и выше, тем — лучше для них.

Да и мои дяди по материнской линии, Леонтьевы, хоть и русские, но тоже пропадали в тайге и горах. Проживая в высокогорном селе Иня, дядя Ваня был лесником на Семинском перевале, одном из высоких и опасных для водителей в Горном Алтае. Он с весны и все лето, оставив дома свою многодетную семью, до самых холодов и основательно выпавшего снега, проводил в своей деревянной лесной избушке. На горных перевалах и высоко в горах первый снег выпадает рано, нередко и в августе — сентябре, как в этом, 2023, году почти по колено выпал он в двадцатых числах сентября на Семинском и Ябоганском перевалах. Большую часть года дядя Ваня проводил в своей сторожке, куда мы к нему однажды добирались на военном вездеходе: иначе не проедешь — только верхом на коне или, как мы, — на вездеходе. У них дома, где росли шестеро детей, всегда жил кто-то из диких животных — малышей, пострадавших в тайге или от браконьеров, застреливших их мать, или повредивших себе ногу: медвежата, волчата, маралята, барсучата, сурки, белки и прочая дикая живность, даже рысь, которых они выхаживали, а потом отпускали на волю.

...Слушаешь их таежные рассказы, — не слушаешься, но почему-то совсем уж диковинные их повествования мы в детстве и юности воспринимали как легенды, не особо веря в них. Думали, что, как все охотники, рыбаки, они многое выдумывают, преувеличивают. Особенно с юмором к этим рассказам о необычном относилась моя старшая сестра Валя, которую мы с братом Володей в детстве звали няней, — она была намного старше нас, — и очень любили, но видели нечасто. Она уже давно жила в городе Барнауле; училась там сначала в культпросветучилище на режиссера, а потом — заочно в Томском госуниверситете на юриста. Валя была начитанная, модная, — сама себе, подругам и мне шила и расшивала мулине разные наряды, — общительная, жизнерадостная, оптимистично настроенная, с современными взглядами на жизнь; любила петь, танцевать, знала много песен и стихов; душевно пела, обладая хорошим слухом и мелодичным голосом, отлично декламировала стихи. В общем, по тем временам была очень «продвинутой», как сейчас сказали бы: с разносторонними интересами и широким кругозором. Она не верила ни в какие народные приметы, таежные рассказы о сверхъестественном, говорила, что все это — побаски и легенды. Мы Валю сильно, просто до безумия, любили, с нетерпением ждали ее приездов в гости, в наше большое село Майма, что тянется вдоль Чуйского тракта и прихватывает бурную горную реку Катунь. Мнение старшей сестры было для нас очень авторитетно. И коль она относилась с иронией ко всяким поверьям, «побаскам» о таинственном, то и мы вслед за ней — тоже относились к этому с некоторым недоверием, но я все-таки допускала, что такое может быть на самом деле. Иной раз мне, уже повзрослевшей, она с недоумением говорила: «Сестричка, миленькая, ведь ты — студентка, будущий журналист, как ты можешь этому верить?! Рассуди и найдешь научное объяснение всему...» Правда, с возрастом, она стала иначе относиться ко многим этим вещам и уже говорила мне: «Сестричка, как же ты, настолько моложе меня, куда серьезнее, чем я, относишься и к поверьям народным, и к рассказам о необычном, ведь правду же, наверно, тогда нам папка рассказывал...» А о чем он поведал нам, расскажу ниже.

А ведь тогда мы, в общем-то, несерьезно воспринимали и рассказы отца, и тети Дуся, и наших таежных дядей о какой-то таинственной не то собаке, не то серебристом волке, который-де является неведомо откуда путнику, заблудившемуся в горах, и выводит его на дорогу. Помню, Валя летом как раз гостила у нас, когда папа, спустившись с высокогорных белков, рассказал нам, казалось бы, неправдоподобную историю...

...Но прежде окунуть ненадолго в атмосферу тех, столь дорогих сердцу дней. Летом мы, сделав дома ремонт, побелив стены и потолок, покрасив полы и оконные рамы, жили в сарае, служившим нам летним домиком. Там стояли кровати, жужжали сепараторы, сепарируя молоко; на прохладном земляном полу, под верстаком, за занавеской, стояла вереница банок с молоком, сливками, сметаной, творогом, — холодильников тогда в домах еще не было, а, если и были, то редко у кого. Всю эту молочку мы ели не только сами, но и угощали всех подряд: наших с братом многочисленных друзей и подруг, родственников, соседей; кормили ей телят, собак и кошек — вдоволь было всего от двух удойных коров. Дощатые стены в сарае были увешаны

красочными плакатами на плотной бумаге, чтобы ветер не задувал в щели. На тесовом полу постелен толстый монгольский войлочный ковер из овечьей шерсти, выложенный — вышитый сплетенной тесьмой национальными узорами. Мы такой ковер почему-то называли сармак, хотя, как я узнала, став повзрослее, сармаки — мифические змеи и драконы. На столе — разноцветные вазочки со свежим клубничным, малиновым, облепиховым и ежевичным вареньями, со свежим медом, недавно добытым из сот наших пчел. Вон она, пара пчелиных ульев, стоит в саду, под яблонями; поосторожней надо пробегать мимо, чтобы пчелка-трудяжка ни чикнула.

Любили мы по вечерам, набегавшись, да после баньки, забраться на кровати, уютно усевшись вокруг стола и, поджав под себя ноги, устроившись поудобнее, пить чай со свежими сливками, только что отсепарированными, с вареньем и медом, да со сдобной ароматной маминой выпечкой. Особенно уютно и хорошо было, когда за стеной сарайки бушевала непогода: раскатисто и мощно гремел гром, сверкали молнии, огненными стрелами вонзаясь в землю, дождь льет, как из ведра. А я, вернувшись с горы, куда с закадычной подругой Галей Козловой, которая и поныне живет на Алтае, там же, в Майме,— по-прежнему дружим — почти ежедневно ходили на горы за ягодами: в июне — за земляникой, в июле — за клубникой. И вот-вот прибежали, едва успев до грозы и дождя. Сполоснувшись в саду нагретой на солнце в ведрах, теплой водой,— а, если была суббота, намывшись и напарившись свежим березовым веничком в жаркой бане,— переодевшись в чистое, пахнущее летом и солнцем белье,— сушилось-то на горячем солнце — прыгаю на кровать, закутав ноги в мягкое, старенькое, теплое одеяло, стеганное верблюжьей шерстью.

...Сидим все вокруг стола в сарае, чаевничаем; смотрим в оконце на разыгравшуюся грозу, вздрагивая от оглушительных ударов грома; слушаем шум дождя, неистово барабанищего по тесовой крыше. Как хорошо, что такая гроза не застала нас на горе — там она так страшна! Просто ужас! Не раз, случалось, попадали в грозу, когда от громовых ударов и вонзающихся в скалы молний даже щебень сыпется. Вокруг — все родные, любимые люди: мама, папа, только что вернувшийся на коне из тайги; брат Володя, еще старшеклассник, не уехавший, как потом, учиться в Челябинск, в военное летное училище; сестра, на днях приехавшая в отпуск из Барнаула с пятилетним сыном Геней, которого мы любим, как младшего брата, и делим между собой с Володей: каждому хочется, чтобы на реку Майму купаться он пошел именно с ним. Как хорошо, покойно, уютно! Да еще такие дорогие, желанные гости приехали — праздник, душа поет! И, казалось, так будет вечно. Давно минули те давние, грозные, но такие тихие, милые вечера, с шутками, смехом, зачастую и с задушевной песней. Нет их, родимых, любимых: ни родителей, ни сестры, ни брата на этой земле, но то ощущение уюта, тепла, любви и заботы ближних; какого-то праздника до сих пор ярко живы в моей памяти и согревают душу, возвращая в детство, в родные, столь милые для меня места, к дорогим сердцу людям.

...Вот в такой-то обстановке тогда и рассказал нам отец об удивительном случае, произошедшем с ним высоко в горах, на высокогорном перевале. Попал он верхом на лошади в сильную грозу с проливным дождем — грозы в горах — страшное дело, насмотревшись их в детстве, наслушавшись рассказов о том, как в кого-то ударила молния, увидев, как молнией убило нашего молодого соседа, а у соседки тети Маруси корову, по сей день очень боюсь гроз и молний, хотя здешние грозы, менее сильные и не жуткие, не сравнимы с алтайскими, высокогорными. В момент таких страшных гроз черные, клубами перекатывающиеся и низко ползущие по горам тучи застилают все небо, плотно закрывая солнце; поднимается сильный ветер — ураган, вздымающий пыль с дорог, и даже среди белого дня становится темно, как поздним вечером. В такую-то непогоду, которая не проскочила быстро, как обычная летняя гроза, а продолжалась довольно долго, отец и заплутал на перевале; куда ни кинется — везде пропасть: обрывы с громыхающим, лихо несущимся по днищу ущелий дождевым потоком. А дело-то — к вечеру, а у него с собой и палатки нет: оставил на месте стоянки, думал, скоро вернется. Для отца, почти всю жизнь проведшего в тайге и горах и сам по себе, и в составе Алтайской геологоразведочной экспедиции, где одно время работал топографом (по специальности-то он был землестроителем), отсутствие палатки — не проблема. Он умел быстро соорудить надежный, не промокающий шалаш из подручных средств: веток, деревьев, елового лапника, коры, как делал это и на покосе, где мы жили по нескольку дней. Так было бы даже лучше: сделал бы шалаш, укрылся в нем, переждал грозу до утра, но он не мог оставаться на ночь, потому что на месте стоянки у него был скот — годовалые бычки («торбók» — называют такого бычка алтайцы). Выйдя на пенсию, отец гонял летом к высокогорным белкам бычков для откорма, не только своих, но и совхозных. Оставить их без присмотра на ночь никак нельзя: медведи задерут, и не одного. Маленьких, этой весны отела телят, может и рысь задавить. А за потраву государственного скота он — коммунист с большим стажем, может и партбилетом поплатиться. В те времена — шестидесятые годы прошлого столетия — это было очень серьезным делом, и никто из партийных не пожелал бы себе такой участи — лишиться партбилета. Вот папа и стремился во что бы то ни стало выбраться, найти дорогу и вернуться к месту своей стоянки.

Гроза стала чуть стихать, и вдруг он видит: откуда ни возьмись, появился добродушный, веселый, довольно крупный пес, похожий на серебристого волка и, словно приглашая отца следовать за ним, побежал вперед, то и дело оглядываясь на своего спутника: иди, иди, мол, за мной. Отец слышал рассказы от местных сторожил о такой собаке, являющейся заплутавшим людям и спасающей их, но не очень-то верил этому. Однако ему ничего не оставалось делать, как последовать за ней. Вывела его собака через перевал на безопасный путь и неведомо куда исчезла.

— По алтайскому поверью, слышал я, первого алтайского ребенка спасла и выкормила своим молоком серебристая волчица, от нее как бы и род алтайский пошел. Вот, видно, она-то и спасает людей,— заключил тогда папа свой рассказ.

А Валя, улыбнувшись, тут же ответила ему:

— Папка, как ты — образованный человек, коммунист, можешь верить в эти бабушкины сказки?!

— Да я ж, доча, вам истинные фа-фау-факты рассказываю про то, что видел своими глазами.— От до-сады и внутреннего возмущения — ему не поверили?! — он даже стал заикаться, чего ранее с ним никогда не было.

— Тебе, папа, видимо, от усталости да в грозу-то померещилось: белесый, густой туман, похожий на очертание собаки, наверное, стлался...

— Да нет же! Говорю вам,— собака то была, настоящая! Похожая на светло-серого волка, а кругом ведь за десятки километров никакого жилища нет, я ж те места хорошо знаю: каждый год туда езжу,— осерчал даже отец.

— Ну, мало ли, может, и — собака! Бросил ее кто-нибудь в тайге, вот она и одичала, и прибивается к забредшим туда людям,— спокойно настаивала на своем Валя.

— Но ведь не мне первому, по рассказам местных жителей, она приходит на помощь: выведет человека на торный путь, а потом неведомо куда девается...

...О таинственной собаке-волке мне доводилось слышать рассказы и от тети Дуси, и от дяди Гриши и дяди Вани, от алтайского друга моих детей Алеша Кайбышева, который видел такую собаку, когда служил в тех местах пограничником. К великому сожалению, в марте 2012 года в тридцатилетнем возрасте Алеша умер от сердечного приступа. Царствие ему Небесное.

Помнится, вернувшись из армии в родную Майму, Алексей Кайбышев тоже рассказывал про серебристого волка, величественно сидящего на самой круче скалы, которого он с сослуживцами-призывниками видел не раз, объезжая на лошадях границу. Алеша служил в пограничных войсках на российско-монгольской границе, пролегающей на юго-востоке Горного Алтая.

— Ага, правда,— говорил он тогда, даже как-то небрежно, как о вполне обычном явлении,— сколько раз видели с ребятами, объезжая на рассвете границу: сидит неподвижно огромный такой, серебристо-серый волк на скале; не поймешь даже, то ли статуя, то ли живой. Если бы статуя, то всегда б на одном месте была, а в другой раз едешь, глянешь,— нету, не сидит никто или увидишь на другой скале и всегда высоко, на самой круче...

Тетя Дуся, помнится, тоже сказывала:

— Лезем мы с Анной Алтарьковой в гору, смотрим, а высоко-высоко, на скале волк сидит! Струхнули сначала, но потом — ничего, он же далеко и в нашу сторону даже не смотрит. Сидит себе преспокойно. Так весь и серебрится в лучах встающего из-за гор солнца. Огромный, красивый, неподвижный! Это, решили мы с ней,— хранитель гор. Мы его поприветствовали по-алтайски, разрешения попросили в его владениях мумие добыть. Видать, услышал он нас, удачной была поездка.

Вот только, услышав тогда рассказ тети Дуси, я подумала, что это — бабушкины сказки, выдумки, как говорила моя сестра Валя. Так — чудесная легенда, которую тетя повторяет.

... Давние то были рассказы, в детстве моем; и казалось, затерялись уже в памяти, как вдруг, спустя десятилетия, вновь слышу рассказ очевидца о таинственной, мистической собаке, помогающей в трудной ситуации путникам преодолеть перевал. Рассказ этот выложил в Интернете Алексей Черепов, молодой человек — «технар», москвич, фотолюбитель, вовсе, думаю, не склонный к какой-либо мистике или к бабушкиным побаскам, далекий от алтайских легенд и поверий. Познакомились мы с ним в поезде Москва — Барнаул, когда ехали с моей младшей дочерью Вероникой в очередной раз на малую мою родину. Алексей, обожающий Горный Алтай, тоже ехал туда не впервой, чтобы совершить восхождение к подножью самой высокой в Горном Алтае и Сибири горе Белухе и пофотографировать алтайские красоты. Он — хороший фотограф: свои прекрасные снимки Алтая много лет подряд выкладывает в Интернете — целый фотоальбом, включивший не один десяток ярких фотографий алтайских чудесных видов. Вот и в тот год, после встречи с таинственной собакой в Горном Алтае, он выложил в Интернете свои «Непутевые заметки» с прекрасными фотографиями Горного Алтая. На одном фото — та таинственная собака! Было это в 2009 году. Вот, дословно, что он написал тогда:

«...В этот день дорога оказалась тяжелой: крутые спуски сменялись не менее крутыми подъемами, и им, казалось, не будет конца.

Погодка нам благоприятствовала; было пасмурно, но дождика не было, чему мы были весьма рады.

По дороге на Кара-Тюрек нам встретился неизвестно откуда взявшийся пес, который прошагал с нами всю дорогу и исчез, как только мы спустились с перевала. Точно такой же пес нас сопровождал в 2002 году, когда мы шли через Кара-Тюрек; мистика или это был Ангел-хранитель, кто знает...»

(Из интернетовского дневника москвича-путешественника по Горному Алтаю, неоднократно здесь побывавшего, Алексея Черепова. 30 июля 2009 года).

Вот ведь, Алексей сделал даже фото этой собаки — таинственного проводника попавших в трудную ситуацию путешественников и выложил его в Интернете, выходит, эта собака-волк — не мистика?!

НОЧНОЙ ГОСТЬ: МЕДВЕДЬ ИЛИ... ЙЕТИ — СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК?!

И еще о двух интересных, прямо-таки мистических вещах, слышанных мной от отца и от земляков, хочу поведать вкратце.

Как-то, вернувшись в очередной раз из тайги, с белков, папа рассказал нам о каком-то таинственном, огромном медведе, который ходит на задних лапах и оставляет огромный, похожий на человеческий, след у ручья. А по ночам ходит на задних лапах вокруг палатки и заглядывает на свет в затянутое окно, сильно трясет палатку.

— Хитрый зверь попался, — говорил тогда отец, опытный охотник, на счету которого был не один, им заваленный, медведь. — Все лето выслеживаю его, но не могу подстрелить. Выскочу с карабином, а он уж исчез, будто в воздухе испарился. Только — следы у ручья да притоптанная вокруг палатки трава. Но, судя по его следу, матерый зверина и умный: ведет себя как-то не по-звериному. Вот и думаю: не снежный ли уж это человек, про которого старики сказывали?! Хорошо, хоть телят не трогает, просто любопытничает.

При рассказе папы тогда тоже присутствовала сестра Валя, приехавшая летом вновь погостить к нам, в Майму. Она многозначительно глянула на меня и с улыбкой подмигнула, мол, охотничьи байки простительны. Только спустя много-много лет, когда папы уже не было в живых и когда газеты и телевидение заговорили о снежном человеке, об обитающих на Алтае йети, как здесь называют снежного человека, и местные старожилы стали рассказывать о встречах с ним, Валю вдруг осенило! Читая как-то газету об этом, она воскликнула: «Слушай, сестричка! Помнишь, папка рассказывал про медведя, ходящего по ночам вокруг его палатки на задних лапах и неожиданно исчезающего неведомо куда, так это, наверно, и был снежный человек! И папа тогда высказывал такое же предположение, а я только посмеялась над его словами — байки, мол».

Кто знает, может быть, действительно это был снежный человек, жаль, тогда мы ничего не слышали о таких неведомых обитателях нашей планеты и не поверили отцу; не расспросили его подробнее о таинственном ночном госте, посещающем его. А, выходит, он нам привозил из таежной глуши и с бескрайних алтайских диких гор правдивые истории, как сам он говорил, «истинные факты». И кто знает, сколько еще непознанных тайн хранят дивная алтайская земля — центр нашей планеты Земля, ее дремучая тайга, горы, реки и озера! Лишь немного приоткрывая их человеку, да и то далеко не каждому, а мы зачастую считаем, что это — мистика, байки. Горный Алтай — сакральное место, пуп Земли, находящийся в самом ее центре. Да, древний, волшебнo-сказочный Хан-Алтай много тайн хранит, и много чего там происходит, зачастую неведомого людям...

НЕБЕСНЫЕ СТРЕЛЫ

И еще об одной такой «байке» хочу поведать. Рассказал ее мне Юрий Плесенников, ныне покойный муж моей школьной подруги Ирины Долгих (в девичестве Шабановой). Юра был невысокий, плотный, с золотисто-рыжеватыми волосами, голубоглазый, добродушный и хозяйственный — типичный сибиряк, всегда готовый кому-то помочь. Он много поколесил по Горному Алтаю, по Чуйскому тракту, по алтайским селениям, отдаленным их отгонным пастбищам и кочевьям, находящимся вдали от цивилизации, высоко в горах, среди великолепных альпийских лугов, изобилующих разнотравьем, а по весне — яркими цветами, среди которых жарким пламенем горят цветы огоньки. Русский, но он хорошо знал традиции и обычаи коренных жителей — алтайцев, понимал их язык и даже сам немного говорил по-алтайски, поскольку много общался с алтайцами; навещался, гостил у них, в урочищах, в их юртах и небольших деревянных домиках на отгонных пастбищах в самых отдаленных уголках среди гор и альпийских лугов.

Вот что он рассказал мне в 1991 году.

— ...Был я в Кош-Агаче, в командировке. Летний день, яркое солнце. Оно ж там такое яркое, жаркое, что глаза прямо слепит. Это ж в Горном Алтае и в Сибири — самое солнечное место: там больше всего в году бывает солнечных дней. Местные-то привыкли к такой яркости, а залетному, без привычки, без темных очков не обойтись. Иду я себе, не спеша, по улице, — дела закончил. Вокруг — красота, солнечно — благодать! Вдруг откуда-то из-за гор неожиданно набежала небольшая тучка, не тучка даже — облачко, а из него громыхнуло, молния сверкнула, и в аккурат передо мной вошла она в землю, и, услышал, будто что-то звякнуло о камни. Я так и замер на месте. Постоял, постоял. Тучка убежала, снова небо голубое, ясное. Подошел к тому месту, где молния-то ударила, и что-то железное о камни звякнуло, наклонился, поискал, смотрю — лежит вроде как наконечник от древней стрелы. Я его поднял. Он раскаленный, аж пальцы жжет. Обернул его в носовой платок, положил в карман: думаю, покажу одному знакомому старику-алтайцу. Ему лет под сто, долго пожил — повидал многое, может, растолкует, что это такое? Показал. Дак, старик тот сказал, что такие наконечники с неба падают, якобы это — небесные стрелы, и люди их находили, особенно в прежние времена. Мол, это проявление Божеского знака, посланного людям, чтобы не забывали, кто Господин в мире.

Наконечник тот я этому старику и отдал — мне-то он не нужен. А для него он вроде как талисман — оберег с неба. Старик обрадовался даже.

Юра был убежденным атеистом и, похоже, воспринял услышанное от старика как байку, легенду, потому что рассказывал это с ироничным смешком. Хотя, как сам Юра сказал мне тогда, потом еще не раз от стариков — алтайцев он слышал рассказы про наконечники — небесные стрелы и непонятные металлические монетки, прилетающие с неба вместе с молниями.

Что это? Чудесные легенды алтайского народа? Мистика? Или не познанный нами Божественный мир, дающий о себе знать?..

Прим. авт.:

Кош-Агач — крупный районный центр в высокогорье (почти две тысячи метров над уровнем моря), на юге Горного Алтая (ныне Республика Алтай), граничащий с тремя государствами: Монголией, Китаем и Казахстаном; с резко-континентальным климатом: летним днем жара под сорок градусов, а спряталось солнце — шубу надевай: холодно. Это — преддверие пустыни Гоби и одновременно — зона вечной мерзлоты, приравненная к районам Крайнего Севера: местные жители получают северные надбавки. Растительность скудна, в основном — жесткая трава чий и колючие кустарники. Протекают большая, красивая, горная река Чуя, впадающая в Катунь, и небольшая — Чаганка; много озер с необычно прозрачной, холоднющей и вкусной, «живой», — талой от подземных и горных ледников, — водой. Вокруг Кош-Агача — необыкновенные, прямо сказочные, разноцветные, «марсианские» горы; высокие хребты с вечными, сверкающими, белоснежными вершинами — нетающие ледники — белки, с которых текут прозрачные, чистейшие ручьи и ниспадают поистине хрустальные водопады. И впрямь, места эти — волшебная сказка! К райцентру от г. Бийска ведет Чуйский тракт, длиною более чем в пятисот километров. Здесь, в Кош-Агаче, в русско-алтайской семье родились и я, и мои сестра и брат.

Галина РАЗБАЕВА

г. Самара

Галина Валерьевна Разбаева родилась в 1960 г. в г. Куйбышеве, в семье инженеров. Окончила Самарский госинститут культуры (с отличием), по специальности «Руководитель академического хорового коллектива». Ее эссе и рассказы печатаются в самарской газете «Благовест» и издании «Православная народная газета». В 2012 г. вышла первая книга — сборник рассказов «Дорога», в 2018 — вторая, «Отблески. Записки экскурсовода». Обе книги иллюстрированы автором. Имеет дипломы за литературные работы: 2018 г. — диплом полуфиналиста и диплом финалиста всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь», посвященного 200-летию И. С. Тургенева, г. Орел; 2014 г. — диплом обладателя гран-при межрегионального конкурса «Содружество. Евразийские ART — Диалоги в области искусств», г. Самара; 2006 г. — диплом лауреата за I место в обл. конкурсе «Святые символы России», направление «Журналистика»; 1998 г. — диплом лауреата за I место в обл. конкурсе профессионального мастерства «Учитель года» (за литературно-музыкальные композиции), г. Самара. Член Самарского отделения РСПЛ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВАРЛАМОВ. КРАСНЫЙ САРАФАН

— Антипка, плут, где мои бумаги?

— Барин, Александр Егорович, не извольте беспокоиться, я их убрал. Подальше положишь, поближе возьмешь, — с этими словами слуга протянул нотные листы своему хозяину и, ворча что-то под нос, ушел в свою каморку.

Хозяин нотных листов, морщась и потирая виски, сел к столу. Славно посидели вчера у Цыгановых. Антипке было от чего ворчать: за квартиру не плачено, мясник и булочник отпускают в кредит, а барин по гостям ходит. Нет, чтобы сеть за стол и написать романс — ведь за каждый барину много денег дают, да только не впрок идут они, деньги-то эти. Барин пишет романсы, когда деньги быстро заканчиваются — раздат долги, закатит пирушку для друзей, глядишь, а денег уже и кот наплакал. Нет, был бы у него, Антипки, такой талант, он бы каждый день романсы писал да в журналы носил — давно бы уже свой дом в Москве купил.

Антип тяжело вздыхает. Добрый у него барин, все пользуются его добротой. Вот и «бывшая» его, непутевая Анна, деньги тянет, жалуется, слезные письма пишет...

Меж тем, Александр Егорович, сидя за письменным столом, быстро писал на нотном листе. Мелодия, с вечера родившаяся в его сознании, плавно перебиралась на чистый лист, воплощаясь в кружочки и палочки, непонятные Антипке и так хорошо читаемые его хозяином.

Не прошло и двух часов, как новый романс был готов. Осталось проверить написанное. Варламов взял гитару, чуть подстроил ее, и вот уже зазвучал приятный тенор: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

Как же хороши стихи друга, как они легко ложатся на музыку! Какой получился интересный диалог между дочерью и матерью. Наверняка «списал» ситуацию из жизни Николай Цыганов, сын крепостного актера, сам замечательный актер, поэт и исполнитель романсов.

...Да, славно посидели у Цыгановых. Как пел его друг! «Ох, болит да щемит ретиво сердечко!» Так надрывно звучал голос певца, словно хозяин его с жизнью прощался. А как звучали они в дуэте!

Варламов откинулся на спинку кресла и на мгновение замер. Сцены вчерашнего вечера всплыли с необыкновенной ясностью. Композитор улыбнулся. Вот оно, мгновение неуловимого счастья: друзья и товарищи, понимающие толк в искусстве, женщина, ради которой пришел на этот вечер.

Это она, Мария Дмитриевна Львова-Синецкая, услышав стихотворение Николая Цыганова «Красный сарафан», с очаровательной улыбкой попросила композитора: «Напишите, Александр Егорович, для меня романс в русском стиле». Как мог он ей отказать. Мария Дмитриевна не часто жаловала своим посещением посиделки актеров, но если приходила, то овладевала вниманием всей публики. Вот и на этой встрече в дуэте с трагиком Павлом Мочаловым актриса читала отрывок из «Цыган» Пушкина. Все знали, что скоро премьеры в Большом, и сам Пушкин дал согласие на исполнение роли Земфиры Львовой. А потом она пела. Как божественно звучал ее голос.

Да, славная была встреча! Композитор вновь потирает виски. Сколько романсов он спел в этот вечер в дуэте с Марией Дмитриевной!

— Антипка, подай сюртук! Пойду в издательство, сдавать романс. А там снова за работу. Ты пока перьев приготовь. Мне нынче много писать придется.

Антипка радостно засуетился, встряхнул барский сюртук, смахнув щеткой одному ему видимую пылинку. Наконец барин делом займется.

— Обещал я своим ученикам и поклонникам написать труд для вокалистов, — одевая сюртук, обратился он то ли к Антипке, то ли к невидимому собеседнику, — даже название придумал: «Полная школа пения». Это будет, брат, такая работа, такая работа. — Композитор махнул рукой, не найдя слов. — Все у меня есть уже в голове. Вот только надо сесть и записать. А с этим, брат, сложно.

— Как же не сложно, Александр Егорыч, когда вы — то в театр на репетицию, то к военным — голоса ставить, то в капеллу бежите. Кабы только за все платили хорошо, денег-то нынче сколько нужно: и платье новое покупать пора, и хозяину за квартиру поиздержались...

Антип не успевает договорить.

— Эх, брат, Антипка, вот скоро разбогатею, заживем тогда.

Прошло несколько дней. Едва вышел журнал с романсом Варламова, как его запели в первопрестольной, но не только в светских салонах столичной знати. Каким-то неведомым ветром занесло его в дома обывателей. И вот уже из каждого окна несется под гитару или балалайку: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». С одинаковым удовольствием пели романс и в светских салонах, грациозно перебирая струны или клавиши, и в простых домах, под нехитрое треньканье народных инструментов.

Вот уже и Пушкин, склоняясь к своей обожаемой Натали, исполняющей романс Варламова, шепчет: «Ангел мой, Натали, не слушайте маман, не поступайте как в романсе».

А в далеком Париже, трогательно коверкая сложные русские слова, для Тургенева, в обществе литераторов и музыкантов, исполняет варламовский романс божественная Полина Виардо.

Пройдет еще время, и многие исполнители, забудут имя автора, считая этот романс — народным шедевром.

Так, творчество автора, вышедшего из народа, шагнет опять в народ, сроднив автора с теми, для кого оно предназначено. Великая сила искусства!

ВАМ НЕ ПОНЯТЬ МОЕЙ ПЕЧАЛИ. АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ ГУРИЛЕВ

К этому пациенту давно никто не приходит. Он лежит в палате для душевнобольных, изредка сознание возвращается к нему, и тогда он просит сиделку дать перо и бумагу. Непослушными руками больной пытается расчертить нотный стан, а затем, шепча: «Вам не понять моей печали», — пишет и пишет ноты. Правда, разобраться в них сложно — рука не слушается хозяина, да и разбираться в его музыкальных каракулях некому. Но сиделка, привыкшая к музыканту, не трогает его, вздыхая: «Уж пусть лучше забавляется барин писанием нот, чем молчит или плачет».

«Барин»... Это он для простой сиделки барин, для врача и фельдшера «больной музыкант», а для друзей, изредка его навещающих — Александр Львович, композитор Божьей милостью.

Но все реже и реже приходит в сознание музыкант, все длиннее и длиннее приступы безумия. В такие часы он будто слышит голоса из прошлого. Прошлое светлым лучом проникает в затухающее сознание музыканта.

Вот он маленький, в имении Отрада.

— Саша, Саша, пора заниматься,— усталый голос отца доносится до резвящегося малыша. Отец вручает ему миниатюрную скрипочку и показывает первые упражнения. Папенька, хоть и крепостной музыкант, но человек в имении важный — он руководит большим оркестром графа Орлова. Шестилетний Сашенька тоже хочет играть, как папенька, на скрипке, а еще управлять оркестром и хором.

А вот уже Сашенька играет в оркестре. Музыканты, расположившиеся на балконе, исполняют музыку Гайдна, и у маленького Саши есть своя партия. Он старается изо всех сил. Хотя очень трудно не отвлечься: господа сидят за накрытым столом, обедают, шумно общаются, а музыканты сопровождают трапезу. Какие красивые, дорогие и, наверное, очень вкусные кушанья подают важные слуги в ливреях. Вот бы попробовать!

И вновь воспоминание: граф приглашает юного музыканта заниматься вместе с его детьми. Сашенька очень одарен, это осознает отец, это замечает и граф, Владимир Григорьевич Орлов. Он, в отличие от своих братьев, военных, человек светский, получивший образование в Лейпцигском университете,— не зря его назначили директором академии наук. Всех своих детей он обучает игре на разных инструментах, приглашая лучших преподавателей. Повезло Сашеньке: просвещенный граф обучает и своих талантливых крепостных, гордясь их успехами.

Сашеньке дозволено брать уроки у Джона Фильда. Вместе с барчуками он играет на клавесине, ловко преодолевая все трудные места.

Воспоминания теснятся в голове большого композитора, ярким калейдоскопом кружа и мелькая, не давая покоя, лишая аппетита и сна.

Вот он уже молодой человек. Только что отзвучало его произведение, исполненное оркестром, и он счастлив. Но счастье обманчиво и кратковременно.

Следующая вспышка воспоминаний — торжественные похороны графа Орлова. Молодому Орлову не нужна капелла, не нужен оркестр. У Гурилевых — вольная. Отец и сын Гурилевы в Москве, теперь они уже не крепостные, а вольные мещанского сословия. Ни крыши над головой, ни куска хлеба, зато — свобода.

Александр музицирует в квартете князя Голицына, хоть маленькие, но все же — деньги! А в свободное время он пишет романсы, пьесы, все, что может быть исполнено в салонах знати, а еще переписывает ноты, исправляя чужие ошибки.

Иногда, как будто издали, сквозь пелену, приходит к нему образ рано ушедшей маменьки. «Матушка, голубушка» — шепчет композитор, не замечая, что произносит слова собственного романса. И кажется ему, что он маленький, сидит на лавке, а матушка, занимаясь по хозяйству, тихонько напевает. Мелодия такая печальная, от нее щемит в груди и, отчего-то, всех жалко: и маменьку, и себя, и папеньку, и даже маленького рыжего котенка, который трется об ногу Саши.

Словно луч яркого солнца — воспоминание о девушке. Он часто видит ее в окошке богатого купеческого дома, мимо которого проходит, торопясь на уроки к своим ученицам. Девушка миловидна и приветлива. Так кажется юноше. Она улыбается своей таинственной улыбкой, показываясь в окне с маленькой лейкой, поливая цветы, стоящие на подоконнике. Не может быть и речи, чтобы заговорить с девушкой. Кто он? Бедный музыкант, едва сводящий концы с концами. А она — купеческая дочка. Только и остается молодому человеку поглядывать на красавицу и тихонько вздыхать.

Кстати, попало стихотворение Сергея Любецкого, напечатанное в журнале «Полярная звезда». Как оно было созвучно настроению влюбленного юноши. И совсем неважно, что в стихотворении домик — «крошечка», с маленькими «окошечками».

*«Одинок стоит домик-крошечка,
он на всех глядит в три окошечка.
На одном из них занавесочка,
А за нею висит с птичкой клеточка».*

Мелодия появляется в сознании композитора, она скользит в ритме вальса — легкая, изящная.

Музыкант ненадолго приходит в себя:

— Савельевна,— обращается он к сиделке,— ко мне никто не приходил?

— Нет, барин, не было никого.

— А курьер из нотного издательства не появлялся? Он, каналья, должен был еще неделю назад принести журнал с нотами.

— Придет, барин, придет,— подыгрывает композитору Семеновна. Каждый раз, как только головная боль отпускает Александра Львовича, и он начинает приходить в себя, спрашивает про издателя.

Ждет музыкант, но никто не приходит к измученному болезнью композитору. Его родители давно покинули этот мир; женой и детьми он не обзавелся, боясь не справиться с финансовыми проблемами. Даже

друзья, с кем общался не слишком доверчивый и малообщительный музыкант, и те уже в ином мире: нет композитора Варламова, замерз в степи поэт Макаров, автор слов популярного романса «Колокольчик».

Нет, никто не придет к музыканту, некому утешить его и скрасить одиночество бедного человека, живущего только музыкой.

Долгих десять лет будет тянуться этот больничный кошмар. Десять лет композитор будет жить между больничной реальностью и своими видениями, спрессованными из воспоминаний и мечтаний. Композитор так и не выберется из этого состояния. Больной музыкант будет метаться в горячке.

А в это время романсы и песни композитора Гурилева будут распевать и в домах мещан и в салонах аристократов. «Однозвучно гремит колокольчик» — один из самых популярных романсов, написанный крепостным поэтом и вольноотпущенным композитором отныне навсегда станет самым исполняемым произведением Гурилева. Исполнители, распевая трогательную мелодию под аккомпанемент гитары или рояля, подчас и не догадывались, что это не народная песня — у нее есть авторы.

Композитора не станет 11 сентября 1858 года в день усекновения главы Иоанна Предтечи. Тихо угас композитор. Никого из близких рядом не было. Только через несколько дней после кончины Гурилева газеты поместили некролог. Похоронили композитора за казенный счет на больничном кладбище, вскоре могила его затерялась.

Ничего материального не оставил после себя композитор. Да и некому было оставлять. Его наследство — музыка: фортепианные вариации и пьесы, романсы и песни в народном духе, многие из которых были напечатаны в сборниках, стали достоянием всех любителей музыки. Многие произведения стали поистине народными, утратив авторство, они до сих пор исполняются как народные песни.

«СОЛОВЕЙ» АЛЯБЬЕВА

Тихо поскрипывает перо, неспешно выводя аккуратные бисеринки нот. Да и куда торопиться пишущему? Теперь у него много времени. Можно спокойно записать все, что приходит в голову. «Спокойно» — Александр усмехнулся в ответ на свои мысли: «Какое уж тут спокойствие, в тюремной камере».

Мог ли он, герой войны 1812 года, соратник храброго гусара и поэта Дениса Давыдова, предположить, что окажется узником этой зловещей крепости, да еще и по такому страшному, а потому, нелепому в своей чудовищности, обвинению в убийстве.

На минуту узник Алябьев откладывает перо. Если бы не рояль, который выхлопотали в камеру для него родственники и возможность сочинять музыку, совсем тяжело пришлось бы ему, деятельному, энергичному военному в отставке, а ныне — арестанту Петропавловской крепости.

«Господи, как все нелепо!», — закрыв глаза, шепчет арестант. — И этот суд в присутствии газетчиков! А каков шельмец Пушкин, кто бы мог подумать: устроить ему, подполковнику Алябьеву, показательный процесс, дабы другим неповадно было. Будто не играют в карты военные, не пьют и не выясняют отношений! Раз проигрался — плати, дело чести. Не платишь — вон из порядочного общества. Побои... какие побои?: две пощечины. От этого не умирают. Да и умер этот злосчастный Времева спустя три дня после игры, на постоялом дворе. Как сказано в акте вскрытия — от апоплексического удара. Ну, причем тут пощечины!»

«К черту и этого Времева, и этот процесс вместе с Пушиным. Не может быть, чтобы его не оправдали. Вот и сестра хлопочет, и друзья подключились. Дождется ли его невеста, Катенька Римская-Корсакова? Нежнейшее существо. Да только вряд ли ее маменька теперь захочет связать судьбу дочери с человеком, которому грозит лишение дворянства и всех привилегий... Кто он теперь, певчая птица, запертая в клетку по воле нелепой случайности или чьего-то злого умысла?»

Алябьев вновь опускает перо в чернильницу. Как кстати вспомнилось стихотворение Антона Дельвига:

*«Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах? »*

Вновь перо скользит по бумаге, вновь нота за нотой появляется замысловатое кружево мелодии, выписанное ровным аккуратным почерком. Дописана последняя строчка. Александр отодвигает чернильницу.

Сколько произведений написал за эти месяцы Алябьев! Он передает написанное сестре, навещающей его. Она отдает друзьям, а те исполняют в салонах на светских вечерах. Большинство присутствующих на этих музыкальных «средах» и «четвергах» знает о том, что автор сидит в сырой камере и ждет окончательного решения своей участи. А музыка не дает повода для грусти: его произведения изысканы и светлы по настроению. Часть из них печатается в журналах, но без авторства — не положено, только две буквы «А.А.» разре-

шено поставить под сочинениями популярного композитора.

А меж тем водевили и оперы продолжают исполнять в театрах Москвы, вот только имя автора опять-таки убирают с афиш. Обо всем этом в письмах пишут Алябьеву друзья и родные.

Тишину нарушил резкий скрежещущий звук металлического ключа, открывающего тяжелую дверь в камеру. В дверном проеме показался охранник: «К вам пришли. Проследуйте в комнату».

Сегодня день свиданий. Алябьев в сопровождении конвойного прошел в маленькую комнатенку, предназначенную для встречи арестантов с родственниками.

В комнате сидела сестра Сонечка, она нервно теребила кружевной платок. В больших голубых глазах застыли слезы. Сонечка поднялась навстречу брату. У Александра упало сердце. Никогда еще сестра не была так бледна и растеряна.

— Саша, Саша, тебя не выпустят! Иван Пуцин опротестовал оправдательный приговор! Он написал царю. А нам при встрече сказал: «Пороки надо выжигать каленым железом. Прямо или косвенно, ваш брат виноват в смерти помещика».

— Слава Богу, что сенатор N и князь N.N. представились неделей раньше, а то сидеть бы мне еще и за этих.— Казалось, прежнее насмешливое настроение постепенно возвращается к Алябьеву.

— Саша, у тебя отберут все! Будет гражданская казнь! Тебя отправят в ссылку!

— Ты мне скажи, Сонечка, как Екатерина,— переводит разговор Александр.

Сонечка досадливо морщится.

— Екатерину сватает помещик Олсуфьев, и, кажется, ее маман склонна выдать дочь поскорее замуж за него.

Лицо Александра покрывает испарина. Довольно новостей на сегодняшний день. Александр, словно что-то вспомнив, протягивает нотный лист сестре:

— Передай, пожалуйста, этот романс Верстовскому.

Сонечка недоуменно поднимает глаза: в этом весь Александр — ему сообщают страшную новость, а он думает о каком-то романсе...

— Хорошо,— вздыхает сестра.

Солдат, стоявший возле двери во время всего свидания, краем глаза посматривает на листок, но, увидев на нем ноты, отворачивается — ничего запрещенного...

...Через несколько дней в одном из концертов Большого театра прозвучит романс Алябьева «Соловей», и, хотя авторство музыки будет указано, как и прежде, двумя буквами «А», завсегдаги концертов поймут, что музыка романса принадлежит композитору Алябьеву, который до сих пор томится в Петропавловской крепости. Никакие просьбы и ходатайства друзей сначала к царю Александру I, затем к Николаю I, не помогут освободить пленника из застенков.

Алябьев проведет в тюрьме почти три года. А потом — публичная гражданская казнь, лишение всех званий и наград, приказ к публичному церковному покаянию и ссылка... на родину, в Тобольск.

Много красивой разнообразной музыки напишет несломленный композитор Александр Алябьев. Но главным шедевром, его «визитной карточкой», для всего мира останется трепетный романс «Соловей» — эта проникновенная светлая исповедь, созданная в самые тяжелые годы неволи.

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Багирова Ляман Сархадовна родилась 06.08.1969 г. в Баку. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Член СП Азербайджана и РСР. Издано четыре книги рассказов. Публикуется в журналах, альманахах и газетах. Лауреат, дипломант и финалист ряда известных конкурсов. Наш постоянный автор.

СВЕТ ИЗ ГОЛУБОГО ОКНА

*...Вся блистая,
Знаменуя вечный пир,
Чаша неба голубая
Опрокинута на мир.*

Владимир Бенедиктов

День обещал быть... причудливым. Ни тоскливым, ни хмурым, ни ласковым, а именно причудливым. Первым это обозначило небо, нарядившееся в облака странной тарелкообразной формы. Облака были неподвижны; несведущий человек мог бы принять их за НЛО и перепугаться. Человек с воображением — представить в таких тарелках весь древнегреческий Олимп и тоже перепугаться. Но Мстислав Месутов — биофизик, кандидат наук и младший научный сотрудник Института биологии — знал, что это всего лишь лентикулярные облака — явление, хоть и редкое, но все же природное, а все, что относится к природе, может и должно быть изучено пытливым научным умом.

Надо сказать, что ум Месутова был пытлив не только в науке. Тридцатишестилетний белокурый и чуть лысеющий биофизик был не чужд возвышенных сфер искусства. Он писал стихи и небольшие рассказы, музицировал на рояле и даже сочинял музыку! Правда, собственные композиции никому и никогда не играл, таил их даже от любимой жены и двух дочек.

Так вот, в этот причудливый день, когда над землей словно перевернули голубой таз с приклеенными к нему белыми тарелками, Месутов вдруг ощутил странное волнение. Так бывает или перед большой тоской, или перед большой радостью — душа замирала, но к добру или к худу — неизвестно.

«Свет из голубого окна льется», — вспомнились Месутову слова матери. Та была уроженкой дальней горной деревни, такие облака были там не редкостью, но научного объяснения им никто не давал, а выражались кратко и поэтично — «свет из голубого окна». Нечто подобное происходило сейчас с душой Месутова — словно открылось неведомое голубое окно, и оттуда хлынул свет.

В доме между тем полным ходом шли приготовления к праздничному обеду. Старшая дочка Месутовых — пятиклассница Дарина стала победителем в математической олимпиаде и получила сразу две школьные грамоты — почетную и похвальную. По этому поводу было решено устроить маленькое семейное торжество. Жена сновала из кухни в комнату, вынося закуски, зелень, сыр и свое фирменное блюдо — ля-пуле, представляющее собой фаршированную орехами и курагой курицу. На ее приготовление уходило не менее пяти часов, и жена Месутова — тоненькая веснушчатая блондинка — любила подробно объяснять, как она снимает с куриной тушки кожу чулком, удаляет все кости, потом промалывает мясо в мясорубке, добавляет орехи, специи и сухофрукты и заполняет куриную кожу этим фаршем, придавая ей вид цельной курицы, а потом запекает. Родные и друзья давно выучили этот рецепт, но он повторялся всякий раз, и все понимали, что женщине очень хочется, чтобы ее похвалили за домовитость, и не просто так, а с вздохами, ахами и охами восторга. И честно сказать — на похвалы не скупилась — исходящее ароматом и золотистым свечением блюдо и впрямь было отменным.

— К столу! — веселый голос жены прервал меланхолию Месутова. — Нашу умницу поздравлять! Уже все готово!

За круглым столом на веранде загородного дома собрались шестеро человек: семья Месутовых, отец и теща главы семьи. У дочерей Месутовых был один дедушка и одна бабушка. Летом не было ничего лучше как собираться в загородном доме — гордости старшего Месутова — заслуженного инженера. Каждый камень в доме, был уложен его руками или под его руководством, каждое дерево посажено им.

— Ну, как, хорош стол? — спросила жена Месутова. — И погода выдалась ласковая. Это в честь нашей умнички! Небо тоже поздравляет ее! А вы заметили, какие сегодня облака красивые?

— Лентикулярные, — серьезно ответил Месутов. — Да, редкое явление.

— Ты чего такой задумчивый? — улыбнулась теща. — Все хорошо?

Месутов уже хотел ответить, что, да, все хорошо, но его перебила четырехлетняя Тата — маленькое звонкое чудо с тугими кудряшками:

— А сто такое етикуайние? Сто, сто, сто? — как все избалованные и красивые дети она хотела быть в центре внимания в каждую секунду.

— А это,— пряча усмешку в усах, подхватил внучку на руки дед,— это такие красивые небесные оладушки. Вот как бабушка здесь готовит вам, а там точно такие, только большие и белые.

— А у неба тозе бабушка есть? Она тозе оладушки жайит? — Тата явно заинтересовалась небесно-кулинарным процессом.

— Конечно, есть,— стараясь быть серьезным, отвечал дед.— И бабушка, и дедушка, и папа, и мама.

— И Даля? — Тата называла старшую сестру только Далей! — И Компас? — махнула она рукой в сторону флегматичного белого кота, спавшего на ветке вяза.

— И Даля,— заверила ее бабушка.— И Компас. Ешь, егоза!

За столом смеялись, восхищались кулинарными талантами хозяйки дома, от чего она расцветала, прочили блестящее математическое будущее умнице Дарине, и Месутов улыбался, поднимал тосты за процветание семьи и здоровье близких, весело шутил, но все пристальнее вглядывался в незримый свет из голубого окна своей души.

«Вот,— думал он,— лентикулярные облака появляются, когда в атмосфере есть сильные горизонтальные потоки воздуха. Они образуют волны над горными или холмистыми вершинами. А еще они появляются, когда воздух насыщен влагой и из-за непрерывной конденсации водяных паров облака не меняют своего положения и стоят в небе как приклеенные. То есть какая-то точка предела, до которой перемена невозможна, и все идет как должно, как и полагается. И на этом строится жизнь, как крепкий дом. А если эта точка предела пройдена? Что тогда?»

— Соль передай, пожалуйста.— Жена озабоченно смотрела на свое фирменное ля пуле.— Досолила нормально? Не пресно?

— Все отлично,— Месутов улыбнулся и машинально продолжил жевать.

— Тебе точно нравится? — подозрительно спросила жена— Ты какой-то вялый сегодня.

— Все хорошо.— Месутов перехватил взволнованный взгляд тещи и улыбнулся еще шире.— Сегодня ты превзошла саму себя! Это пища богов!

Тревога в глазах погасла. Веселый смех и шуточки вновь зазвучали за столом. Месутов смотрел на близких и думал:

«Что тогда? Наша жизнь несется дальше, и в ней каждому даны несколько поворотных моментов, когда можно изменить все. Меняются люди, бывает другая любовь и другая ненависть, мы можем изменить рацион, образ жизни, готовить вместо ля-пуле ля-утку или ля-шпинат, можем поменять места жительства, изменить наши искусства и умения, но хуже всего столкнуться с тем, что нужно менять все, чем ты жил, на что привык опираться. Как с облаками: изменится уровень конденсации водяных паров — и все: распадутся облака, и изменится картина мира. И тогда словно переворачивается голова и душа, зачеркивается собственная жизнь. Мы все — воплощение идей, мы несем их с гордостью, мы уверены, что жизнь устроена именно так, как мы думаем, какой она должна быть. Мы верны своим идеям, мы следуем им, мы зависим от них, как лентикулярные облака зависят от конденсации паров, мы сами, в конце концов — эти идеи, и когда мы вдруг понимаем, что все, чем мы жили — ложь, вот тогда это настоящий ад, это огонь, который сжигает душу».

— Папа-а-а,— мелодичным колокольчиком прозвенел голос старшей дочери.— Почему ты так плохо ешь? Мама обижается.

— Я берегу себя для десерта — нашелся Месутов.— Мама так вкусно готовит, что я боюсь лопнуть и не увидеть яблочного пирога! А я так люблю его!

— Епнуть! — взвизгнула Тата.— И я, и я! Я тозе хочу епнуть! С пиегом!

— Лопните втроем,— вновь усмехнулся дед.— Не вертись! Будет вам пирог!

— Конечно,— возликовала жена.— Сейчас принесу.

— Я помогу.— Поднялась теща. Женщины скрылись на кухне.

— Сын? — Отец воззрился на Месутова.

— Все хорошо, папа.— За долгие годы жизни вдвоем, после смерти матери, они научились понимать друг друга с полуслова и уважали молчание друг друга.

«Огонь, который сжигает все живое, переворачивает все с ног на голову. А как же тогда свет из голубого окна, эти облака с их надежной неподвижностью? Она как обещание порядка, уюта, мира. Но ведь их не будет, когда точка предела будет пройдена. Нет! — чуть не воскликнул Месутов.— Только не это. Пусть будут поворотные точки, пусть будут даже точки предела. Но только пусть они будут к лучшему. Пусть не бьют по нашим душам, по нашей любви, по нашим близким, по всему, что нам дорого. Пусть они будут для новых идей, новой энергии, новых дел. Но только не для отчаяния. Пусть ничто не заставит нас отречься от самих себя, пусть не выворачиваются наизнанку души. Душа — не мясо для отбивных; если постоянно испытывать, бить и трепать ее, то лучше она не станет. Мы были, мы есть, мы будем — пусть будет жизнь, наша бесценная, единственная жизнь, как бы не металась она по времени. И пусть вечно струится на нее свет из голубого окна — лентикулярные облака, прекрасные своей неподвижностью».

— Нет, ты какой-то и впрямь странный сегодня,— голос жены звучал встревоженно, в тревоге ее дрожала обида.— Надулся, не радуешься, нормально не ешь, с детьми и то не поговорил. Плохо себя чувствуешь?

— Я Даринке подарок приготовил,— выпалил Месутов и рассмеялся.— Музыкальный этюд. Называется «Свет из голубого окна».

— Что? — почти хором спросили жена, отец и теща.

— Вы же ворчали, что я вам никогда своих мелодий не играю. Вот сейчас сыграю. Специально к триумфу Дарины готовил!

Сказал и подивился сам себе: «Ай, да Месутов, ай да враль».

А вслух прибавил:

— Идемте в комнату, к инструменту.

Расселись чинно как на концерте Вана Клиберна. Маленькая полукруглая комната будто предназначалась для рояля, он идеально вписался в сферическое углубление в стене.

— Эхе-эхе! — шутливо откашлялся Месутов и отвесил такой же шутливый поклон.

Собравшиеся заплодировали, а Тата, так и вовсе, готова была отбить себе липкие от пирога ладони. Месутов, словно фалды фрака, приподнял полы домашней куртки, уселся за инструмент и взял несколько нот.

Мелодии — ласкающей, нежащей человеческий слух, не было. Были несколько протяжных тонких звуков, словно кто-то невидимый посылал издали узкие голубые стрелы, и они не рассекали, а трепетали в воздухе, как волшебные птицы. И все же это была музыка, ее первые шаги. А потом она сама — огромная, накрывающая пространство, хлынула прозрачной небесной волной. Обещала надежду, лелеяла сердца: «Все еще будет хорошо, все, все!»

И эти «все, все, все» падали в тишину серебряными колокольчиками, уносили тревогу, дарили улыбки.

— Какой ты у меня талантливый! — Жена горделиво окинула взглядом собравшихся.

— Папа-а-а! — с восторженным визгом повисли на отцовской шее дети, в глазах тещи читалось спокойствие: «Слава Богу, за хорошего человека дочь выдала, счастлива она». А отец...

Отец чуть шевелил губами, словно хотел что-то сказать и не мог. Наконец, произнес тихо, но в привычной для себя ироничной манере:

— Это ты сам?

Месутов кивнул.

— Назвал как-то?

— Да. «Свет из голубого окна» и...

— Смотрите! — прервал его крик жены.— Смотрите же!

Облака по краю окрасились во все цвета солнечного спектра. Теперь казалось, что в голубом тазу громятся не белые, а розовые, изумрудные, палевые, дымно-красные, вишневые и синие тарелки.

— Чудо какое,— выдохнули взрослые. Дети прыгали и прикрывали глаза рукой от света.

— Какое там чудо,— махнул рукой Месутов.— Обычное явление — иризация лентикулярных облаков. У них она бывает особенно часто. Кстати, ничего радужного такая радуга не предвещает, скоро дождь может пойти, так что не задерживайтесь особо на воздухе.

— Да ну тебя, умник,— усмехнулся отец.— Дождь еще будет или нет — неизвестно. А красота такая — вещь редкая и она уже есть!

И повторил, задумавшись:

— И вправду: свет из голубого окна. Лучше не скажешь!

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

Владимир Николаевич Вещунов публикуется в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег»

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

Рассказ

До аэропортового автобуса оставалось еще уйма времени, и Михаил боялся даже подсчитать: сколько именно. Надо было так растянуть время, чтобы оно прошло как можно незаметней. А теперь ему еще придется идти по родному городу, встречать знакомых, проходить памятные его сердцу места.

По тому пути, по которому несли мать, усталенному еловыми лапами, Михаил и пошел. Сиротская зима...

Он сидел в зале ожидания автостанции. Думы, думы... Как будто и сейчас слышал удары молотка, забивающего крышку гроба матери, отдававшиеся в его сердце. От этих ударов оно вздрагивало, обморочно слабело...

Могила матери начинала новое кладбище большого поля, окруженного невысоким ельником. Сюда уже пришла настоящая уральская зима, со снегом, с холодным пронизывающим ветром. Но зима, видно, настала здесь совсем недавно: могильная охристая земля еще не окаменела.

Гроб стали опускать, но он был слишком большой, полностью в могилу не вошел, и его подняли наверх.

— Не хочет Федоровна в могилу, — кто-то проговорил из родни.

Все сразу оживились, заподдакивали, с печальными улыбками вспоминали покойницу: и песельница-то она была, и чудачка, и выдумщица... Довольно быстро подкопали могильную стенку, и гроб вошел в яму.

Все еще слышались Михаилу гулкие удары мерзлой земли, как по барабану, и ему чудилось, что гроб пуст, что в нем никого нет. Михаилу захотелось впасть в состояние, которое соответствовало бы погребению: уйти в бессознание...

Михаил посмотрел в золотящееся предвечерним светом окно и не поверил. Неужели близится вечер? У него на часах полвторого. Он вскочил из-под фикуса: на вокзальных часах тоже было полвторого. В два отходит автобус.

Какой короткий зимний день на Урале! Поздно светает, рано вечерет. Ему, приморцу, показалось, что и не развиднелось как следует.

Откинувшись в кресле «Икаруса», он с полудремотой поглядывал на привокзальную площадь. В ногах провожающих скользили игривые змеи поземки. Летуче изогнувшись, они, казалось, норовили ухватить друг дружку за хвост. Так расшалившиеся дети путаются в ногах взрослых, пока те прощаются. Дети возле автобуса не играли, и Михаил подумал, что их не взяли из-за плохой погоды. Та жестокая зима, что вчера была на кладбище, только сегодня добралась до города.

Чем бы ни отвлекал себя Михаил, все сводилось к смерти матери, к похоронам, и он тяжело, с детским всхлипом вздохнул, уже не надеясь больше отделаться от мучительных воспоминаний. Он помнил, как остался наедине с могилой матери, и почувствовал страшное одиночество. Теперь он один на всем белом свете. Он сирота. После Нового года надо обязательно отправить жену Ирину на курорт. Пусть подлечится, успокоит нервы, и тогда врачи разрешат рожать. Жаль, что мать так и не понянчила своего родного внука. Ничего, подрастет ее внучок, и приедут они всей семьей на могилку бабушки Нюры.

— Прости, мама. Прощай... — От слов, произнесенных вслух, у Михаила появились слезы, и все перед собой он увидел сквозь огромную дрожащую слезу.

Ночь в самолете длилась долго. Иллюминатор был все черным и черным. Наконец глубокая синь засветилась в нем, и Михаил больше не засыпал.

Впереди, на третьем или четвертом ряду, поднялась женщина и согнулась в проходе над своим креслом; засновали ее крепкие локти, будто она засобиралась выходить.

Женщина ушла. Прошло около часа — она все не появлялась. Кругляш иллюминатора ярко горел синим. Люди дергались в умывальник, ждали, недоуменно пожимали плечами и возвращались на свои места.

Наконец по салону беспокойно пробежала бортпроводница, открыла умывальник, заглянула в него и тотчас же задернулась от салона шторой.

В самолете рожала женщина.

— Нашла где рожать, — недовольно пробурчал сзади мужской голос.

— Наверное, в Хабаровске садиться будем,— обернулась к нему соседка Михаила.

Забегали встревоженные стюардессы, приготовили впереди салона место для роженицы и привели ее.

По самолету объявили, нет ли среди пассажиров медицинских работников. Прибежали две женщины: сельская фельдшерица и студентка мединститута.

— В воздухе будут принимать роды,— удовлетворенно проговорила соседка Михаила.— Таких на свете мало, кто в самолете родился.

— Да-а,— вздохнул мужской голос.— Специально, видать, дотянула, чтоб в небе родить. Про таких в газетах печатают и проездные ихним детям на самолеты дают.

— Да хоть бы все хорошо обошлось,— вступила в разговор соседка Михаила.— Все равно не в род-доме рожают. Того нет, другого нет. Инфекцию могут занести.

Мужской голос снисходительно крикнул:

— Вот раньше крепкие бабы были. Ладно, если за повитухой пошлют, а то и сами выпустят на свет Божий дитенку, уложат его в зыбку — и айда в поле жать.

— То-то детишек много и умирало,— возразила женщина.

По самолету объявили: «Граждане... Товарищи пассажиры, для принятия родов требуется спирт. Если случайно у кого-нибудь имеется, поделитесь, пожалуйста».

Пассажиры оживились, заглядывали друг на друга.

— Без спирта никуда.

— Спирт — дело серьезное.

— Я бы и сам не прочь неразбавленного квакнуть.

— Нашли дураков.

— Э-эх, кабы знать, что такое дело, прихватила бы пузырек: я спиртом пишущую машинку протираю.

— Кучеряво живете.

Молоденький летчик, лейтенант, сидевший от Михаила через проход, полез в парашютную сумку и военным шагом направился в нос самолета.

Раскрасневшаяся, красивые, озабоченные, прибежали стюардессы, одна в задний салон, другая остановилась посреди переднего.

— Товарищи, у кого есть чистые платки, полотенца...

Девушка не успела договорить, как ей помимо платков, полотенце стали передавать недавно купленные наволочки, простыни, а сверху на ворох белья кто-то положил пакет для новорожденного.

— Ой, что вы, хватит, хватит! — засмеялась бортпроводница и остановилась возле Михаила, чтобы не рассыпать белье.

Помогая девушке перехватить руками охапку белья, он прижал рукой сверху свой поминальный платочек.

Розовато-молочные облака плыли под иллюминатором, словно внизу шли куда-то непуганые белые медведи.

Сквозь усыпляющий гул самолета точно взрыв раздался крик младенца, и Михаил облегченно вздохнул. В небе родился новый человек! Это неслучайно. Это все мать. Ее великой души дело, ее прощение и наказ: жить, как живут все добрые люди, и продолжать жизнь.

Люди радостно оживились:

— Кто родился?

— Мальчик? Девочка?

— Какая разница — кто! Человек родился.

Самолет пошел на снижение.

— Товарищи, пристегните ремни. Просьба: после посадки оставаться всем на своих местах и не собирать вещи во избежание запыленности.

Самолет сел и затих.

— Встречающий гражданин Коваль! — послышался взволнованно-радостный голос дикторши.— Поздравляем вас с рождением сына. У справочного окна вас ожидает сотрудница аэропорта.

По салону побежали врач и санитары с носилками.

— Не надо, я сама.— Мать отстранила носилки и встала, словно пробуя свои силы.— Дайте мне сына,— твердо сказала она.

— Что вы, вам нельзя, — заволновался врач, но ребенка матери подал.

Санитары поддержали ее.

А по салону, ошалевший от счастья и внимания, растерянно улыбаясь, медленно шел отец ребенка.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Евгений Иванович Асташкин — журналист, писатель, поэт. Родился в Уральске. Выпускник факультета журналистики КазГУ. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах и альманахах «Истоки», «Муза» (Москва), «Невский альманах», «Приокские зори» (Тула), «Ковчег» (Тула), «Нива» (Целиноград), «Складчина», «Литературный Омск», «Тарские ворота» (Омск), «День и ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Северо-Муйские огни» (Бурятия) и др. Автор двадцати книг. Зам. редактора омского художественного альманаха «Тарские ворота». Зав. отделом прозы журнала «Приокские зори». Член Союза российских писателей. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, седьмого международного литературного конкурса «Они сражались за родину». Действительный член Петровской академии наук и искусств. Постоянный автор нашего альманаха.

ПЕСЧАНЫЙ КАРЬЕР

(Глава из нового романа «Мертвый город»)

О том, что за приречными сопками прячется карьер, Вешке подсказали тоже Нурум с Букеном. Поселковое стадо выпасали сами владельцы скота по договоренности. Когда выпадала очередь Сакена, он порой сажал на лошадь впереди себя кого-нибудь из сыновьев-погодков, когда они были еще совсем мальцами. Так и тряслись вдвоем в седле до самого заката, гоняясь с кнутом то за одной, то за другой своевольной буренкой, чтобы вернуть в стадо. Недаром у степняков это орудие боли издавна считается чем-то сакральным; красиво отделанную камчу не зорно подарить на юбилей и уважаемому аксакалу. Благодаря отцу пацанята не раз видели в детстве песчаный карьер и примерно помнили, где он находится.

В этот жарковатый для зародившегося сентября день Генке вздумалось уговорить погодков сгонять на ту сторону Ишима и поискать карьер. Уроки уже закончились, на дом ничего особого не задано. Можно расслабиться.

Генка опять выжидательно посматривал на дом Сакеновых, где были раскрыты обе широкие двери база. Наконец из база соизволил выйти Букен с выдавшим виды футбольным мячом. Он на ходу перекидывал его с ноги на ногу, не давая приземлиться.

— Букен, кель мында (иди сюда)! — поманил его Вешка.

Тот, не прекращая своих жонглерских упражнений, направился к штакетнику, где его поджидали.

— Что скажем? — вставил между хлопками сосед, вертя почерневшей от солнца шеей.

— Дособирали свой второй велик?

Накануне Вешка видел, что Букен с братом возрождали во дворе из разного хлама еще один велосипед, выпрашивая у знакомых старые запчасти.

— Вчера уже испытали. Сейчас я покажу его.— Пацану не терпелось похвалиться, и он, отпнув в сторону мяч, побежал к сараю. Выкатил оттуда разномастного двухколесного друга — рама зеленая, вилка красная, багажник непонятно какой от ржавчины. Вешка разглядел, что правой педали нет, торчит один штырь. На это Букен махнул рукой — и так сойдет.

— Зато переднее колесо новенькое, обод из алюминия,— поднял вверх палец сосед и, хитро сощурившись, добавил по-свойски:— Позавчера вытащили из одного сарая. Надо бы перекрасить, чтобы хозяин не узнал, это от особого туристического велика...

За братцами водилось такое художество. Вешка иной раз не досчитывался кое-какого инструмента в своем сарае. А топор и вовсе нельзя было оставлять во дворе после колки дров. Сакен прилюдно поколачивал малопослушных погодков, дрессируя их. Однажды после не совсем закончившегося ремонта местного водопровода, тянувшегося под землей от реки, у ближнего смотрового колодца осталась кучка песка. Генка с соседскими пацанами решили в сумерках набрать оттуда по ведру песка — в хозяйстве всегда пригодится. Ведра стали неподъемными, еле их перекаптовывали до дома по полю. Первым оказался в своем дворе Вешка. Оставил песок возле двери. Сквозь редкий штакетник было видно, как Нурум и Букен по очереди с охами-вздохами доволакивали свой груз до база. Вдруг в нем включился свет, и резко распахнулась правая деревянная створка, озарив два подростковых силуэта над ведром.

— Где взяли? — прорычал Сакен.

Братцы замерли от неожиданности, и после заминки послышался фальшивый голосок Букена:

— Нашли...

Генка прихлопнул рот ладонью, чтобы не расхохотаться — придумали, чем оправдаться! Словно ведро с песком торчало на самом видном месте — на-те, воруйте на здоровье! А Сакен, онемев на миг от такого наглого вранья, принялся с гуком раздавать ожесточенных тумачков, только и слышались впечатлительные хлопки по горбам. Наверное, папаша в ту ночь отбил себе кулаки...

Обзаведшиеся вторым велосипедом Букен с Нурумом были не против покататься за рекой. Благо, теперь никому не придется надрывать, сажая кого-то на раму. Надели трико, чтобы штанина не попадала под цепь. Вешка так однажды чуть не угодила под машину. Услышал, что на улице Ленина военные в качестве шефской помощи поселку выложили бетонными плитами всю улицу от Ишима до самого вокзала, и решил полюбоваться на это чудо, сотворенное за пару выходных. Все остальные улицы еще дожидались своего часа быть одетыми в асфальт и поэтому были нещадно изборозжены. В распутицу можно было наблюдать, как то в одном, то в другом месте натужно жужжал мотор полуторки, пытающейся выкарабкаться из грязевого плена. Генка, словно в дистанционную мысленную помощь бедной машинешке, напрягал мышцы живота, видя, как та, проторив себе трехметровую ложбину, откатывается назад, чтобы с разгона преодолеть образовавшуюся кромку, но каждый раз недобирает считанных сантиметров. А тут внезапно появилась в центре поселка ровненькая дорога, куда теперь устремляется на велосипедах пацанва.

Генка тоже рванул туда. На нем были новенькие расклеванные брюки; мать выделила из новой зарплаты червонец, чтобы он заказал их в местном быткомбинате — будет в чем ходить на школьные вечера. Миновал бугристые закоулки, Вешка действительно скоро выскочил на неузнаваемую улицу Ленина — ровной стрелой убегала вверх до самого здания железнодорожного вокзала дорога из серых прямоугольников, в боковых нишах которых прятались железные скобки для захвата крюками подъемного крана. Такими плитами накрывают плоскую крышу многоэтажек.

Он с азартом разогнался — и только стыки равномерно отдавались под шинами. И тут из-за поворота в его сторону повернул самосвал. Не успел Генка дать по задним тормозам, как правую штанину цапнула pedalная звездочка, аж ногу оголило и прижало к цепи. Ни тормознуть, ни соскочить с велика, только подпрыгиваешь, как идиот, на левой ноге, пытаясь увернуться в сторону. Потом потерял равновесие и грохнулся в сцепке с непослушным велосипедом, — хорошо, в нужную сторону, иначе оказался бы под машиной. Шофера все как на подбор бесшабашные, ни за что не погасят скорость, словно лень лишний раз надавить на педаль сцепления. Только и слышишь: там пешего задела бортом, а там и вовсе кого-то переехали. Так что Генка еще и радовался, высвобождая зажеванную штанину, для чего надо приподнимать велик и прокручивать педаль на полный оборот, пока штанина не переместится по большой звездочке до конца. Брюки подпорчены, измазаны солидолом, зато он не превратился в калеку и вообще остался жив.

С тех пор ездил на велосипеде только в трико, не надеялся на прищепку, которой прихватывали брючину другие ровесники, — ее надо вовремя поправлять, чтобы не сползла.

Троица по накатанной полевой грунтовке, делающей зигзаги, двинулась в сторону понтонного моста. Долина была изрисована тропинками, которые сливались и разветвлялись, но ребята знали, какой из них надо держаться. У Вешки на груди оттопыривался карман рубахи — он прихватил на всякий случай бутылек с водой. Вскоре миновали пригорок, на котором виднелись редкие холмики и деревянные загородки могил старого кладбища. Слева на периферии зрения промелькнули отдаленные кустарники угадываемого отсюда в занижении озера.

И вот открылся спуск до заужения реки, а впереди по курсу дощатая полоса поверх ржавых плавучих баржиц. Спешились и повели велики, чтобы не угодить колесами в щели между досок. Мосток-то всего в пятнадцать метров, по бокам свешивают ноги рыболовы с удочками. И Севка с Коляем тут как тут. Прямо болезнь у них, как будто еще не объелись рыбой. Не лень им долгими часами глазеть на поплавок, карауля, когда он задергается. Убивание драгоценного времени, и ничего больше...

— Как вы тогда сморозили, — ухмыльнулся с подковыркой нагловатый Севка, переводя взгляд с Нурума на Букена. — Нашли ведро песка! Потом дядя Сакен так дубасил вас, аж нам было слышно...

Севка, конечно, приврал, этот случай ему Генка передал во всех красках вместо свежего анекдота.

— Что, тоже видели, или все Вешка рассказал? — несколько засмутились погодки.

— Мы в тот день ночевали на сеновале, — опять загибал Севка. — Тоже потом до упаду хохотали. Ну и сказанули — нашли! Шли по полю — и вдруг стоит ведро с песком...

Самолюбие Нурума с Букеном, конечно, было задето. Сами-то они об этом никому не рассказывали — опростоволосились тогда на славу. А тут им напоминают о таком проколе. Не вовремя попался на глаза этот Севка, да еще и мелет языком. Не удержится лишний раз поддеть. Заодно почти выдал Генку.

Конечно, ехать по необрезным доскам тоже забавно, но сразу за мостом довольно крутой подъем, педалями его не возьмешь. Некоторые и оттуда рискуют съезжать на велосипеде, а потом ювелирно лавируют на скорости между щелей. Рисксовая забава, чуть что — и восьмерка на колесе обеспечена.

Преодолели подъем, и вот с возвышенности почти уперлись взглядом в длинное здание бойни. Чуть в отдалении не так давно поставлен шлакоблочный барак, приспособленный под лимонадный цех. Отсюда машинами развозят по магазинам крешон и дюшес.

Налево параллельно реке уходит широкая грунтовка. Ого, это, некогда пустынное место, теперь тоже преобразилось. В полукилometре виднеются разбросанные на берегу бетонные блоки, установлены лебедки — вот это да, начали строить капитальный мост! Он, получается, выйдет к самому военному городку.

Вешка уже мог похвалить себя за предпринятое путешествие. Оно только началось — и уже первое открытие. Здесь будет новый капитальный мост! Значит, через какое-то время перестанут за ненадобностью по весне стаскивать в воду эти понтоны.

Погодки, перекинув ногу через раму, стали водить смуглыми лицами с округлыми чертами, изучая тропинки и прикидывая, как дальше продвигаться.

— На лошади-то можно ездить без дорог,— рассуждал Нурум, посматривая на брата. Тот добавил:

— Помню, что по прямой. Потом отец поворачивал коров в сторону, чтобы они не свалились прямо в карьер. Его совсем не видно, пока не приблизишься вплотную.

— Дорога-то есть, но она подходит к карьере сбоку,— вспоминал Нурум.— Как поедем?

Прямоком по полям и сопкам не с руки — кочки, камни, колючие кустики в занижениях. Решили ехать по дороге, ведущей в Братолюбовку. С нее должно быть ответвление к карьере. Опять надавили на педдали, стараясь не угодить колесами в рытвины. Поселок начал удаляться, лишь элеватор упрямо громадился над постройками. Даже когда домики скрылись за прибрежными сопками, элеватор все так же величественно рвался башней к облакам.

Отъехали на пару километров и стали присматриваться к каждому боковому ответвлению от дороги. Но все они едва проглядывали, покрытые сохлой травой. Во рту стало пересыхать, совсем немоготу. Даже такое осеннее солнце здесь палило и пригнетало из-за суховея. Нурум покосился на оттопыривающийся карман Генки и не выдержал:

— Давай выпьем твою воду...

Каждый сделал по глотку, и вода закончилась. Вешка досадовал на спутников: не догадались тоже прихватить по фляжке. Небось, когда вместе с отцом пасли скот, брали с собой целый термос воды, а то и кумыса. В таких пустынных местах надо быть предусмотрительным, иначе заживо завялишься на жаре.

Дорога все длилась и длилась, но никакого карьера среди просторов не угадывалось.

— Давай уже сворачивать,— занервничал неулыбчивый Нурум,— а то проедем мимо...

Повернули направо и поехали прямо по степи. Колеса подпрыгивали на неровностях, скорость резко уменьшилась. Вскоре выдохлись и решили спешиться, все равно не сильно потеряют от этого, зато транспорт побережется.

— Где-то здесь уже должен быть,— недоумевали братья, тугодумно морщась и снова перекатывая ком в горле; еще бы глотнуть водицы, да негде взять. Что ж так прячется от них этот карьер?..

Плелись, уже ни о чем не думая, машинально перебирая ногами. И вдруг прямо по курсу открылась пропасть — без лишних намеков и предупреждений. Степь резко оборвалась, и они оказались у самого края этого песчаного зева. Отвесные слоистые стены, умопомрачительная глубина, плоское дно, вытянутое вдаль. Недолго и сорваться вниз, если бродить здесь в сумерках. И глупая корова запросто может шархануться в пропасть, если сильно задумается.

Удерживаясь на остром краю без следов осыпей, заглянули вниз. На дне вдали вытянутое пятно — какое-то углубление, заполненное не успевшей высохнуть за лето талой водой. Ноги непроизвольно исходили дрожью. Да, если упадешь вниз, может, и останешься жив, но парочка переломов будет обеспечена. А вон и съезд, он в самом конце.

— Надо было ехать по той дороге, что за бойней,— осознал Нурум свою ошибку в «навигации».

Стали обходить карьер сбоку, отодвинувшись на пару метров — вдруг отвалится кусище, как на том отвесном берегу Ишима, возле Островка. Там после ледостава порой обрушиваются тяжелые пласты глины, и скос все больше разрастается вниз. Скоро тропинку меж тальников засыплет глиной. А на повороте один телеграфный столб уже нависает над бездной. Раньше от него до спуска было метра два. Наверняка через полвека, если не раньше весь обрыв сгладится, можно будет спускаться к воде буквально в любом месте.

Наконец приблизились к спуску. Он был проделан вплотную к левой стене карьера. Свежих следов от колес не видно, значит, карьер полностью выработан. Решили съехать вниз на тормозах, хотя было крутовато. Велосипеды с неподвижными задними колесами все равно неудержимо увлекало вниз, позади чертились глубокие полосы. Края обрыва все круче уходили вверх, ограничивая эллипсом безоблачное небо.

Но вот и дно. Можно прислонить к стене велосипеды. Блестящие стены в нежных цветовых градациях — слои через каждый метр меняют оттенок. Под ногами крупнозернистый розоватый песок в суглинках. Именно такой шел на изготовление раствора для штукатурки стен Вешкиного дома. Он помнил розовые кучи во дворе в пору его дошкольного детства. Со временем неиспользованный песок спрессовывался, корочка поверху твердела.

На дне карьера было пустынно, ни одного механизма.

— Экскаватор, наверное, перегнали в дальний карьер, за Отрядным,— пояснил всезнающий Букен.— Там более мелкий песок.

Генка набрал в горсть песка, больно он притягательный, так бы и насыпал в карманы. Тут еще можно наскрести не один десяток машин, надо взять на заметку...

Бросилась в глаза на дальней стене надпись из огромных букв, выцарапанных с особым прилежанием — С И Н И Л Ь Г А.

Совершенно непредставимо, как можно было забраться на такую высоту — почти с двухэтажный дом, ради сиюминутного озорства. Редкое женское имя ассоциировалось только с одним — недавно прошедшим в

местном кинотеатре фильмом «Угрюм-река». Юная тунгуска с таким именем, вернее, ее дух, мерещится разбогатевшему и потерявшему совесть покорителю тайги, заманивает его в омут на погибель. Так подействовал на кого-то экранный образ притягательной дикарки с необычным, поэтически звучащим именем. Почему-то таким образом все восприняли фильм, хотя по сути это имя принадлежало не юной тунгуске, а мумии.

Никто не пытался комментировать «наскальное» художество, надпись со всей очевидностью выказывала болезненный интерес неизвестного, скорее всего, молодого самца к интимной теме, какой не принято касаться в порядочном обществе; угадывалось томление неутоленной плоти, не более того. Можно было только поломать голову над самим способом написания, потребовавшим скалолазных навыков. Скорее всего, просили поднимать экскаваторный ковш, чтобы с него выцарапывать буквы. Но тогда пришлось бы несколько раз передвигать экскаватор, ведь буквы растянулись метров на восемь и пробелы между ними в полметра.

Вскоре внимание путешественников переключилось на продолговатую ложбинку, заполненную прозрачной водой. Своеобразный бассейн. Хоть воды всего по пояс, но вполне можно поплескаться. Вешке сразу вспомнилось лицо баломутного Севки, который считал, что во второй половине августа заканчивается купальный сезон по народной примете: святой Илья в воду пописал. Правда, выражался братец посмачнее. Да, вода в этой бочажке очень холодная на ощупь, несмотря на то, что здесь затишка от ветра. Но так и тянет окунуться. Можно по-быстрому, раз-два — и на берег. Разве удержишься?..

Вешка принялся молча скидывать обувь, расстегивать рубашку. Прыг — и сразу по грудь в воде. Аж растерялся от неожиданности. Это только кажется, что глубина по пояс, водная среда всегда обманчива. Соседи удивленно оттопырили губы, но потом тоже стали скидывать одежду. Разве они слабаки? Плеск, фырканье. Вот это праздник для души — вода все же дружелюбна, а на речке сразу бы обожгла бока в такую пору.

Генка даже попробовал поучиться плавать, Букен проплыл рядом, показывая неуклюжему переростку, как надо загребать брасом. И — о чудо! — Генке удалось удержаться на плаву, даже доплыл до конца бочажки. Неужели он уже научился плавать? Поплыл назад — точно, уже что-то умеет. Теперь точно не утонет...

Покинув «бассейн», никто не ощутил ожидаемого озноба, когда приходится прыгать на месте, пока не сойдут мурашки на коже. Ветерок веял где-то высоко над головой, а здесь полный комфорт. Даже можно не торопиться натягивать на мокрое тело рубашку, надо сначала обсохнуть...

— Никто не поверит, что мы купались в сентябре, — прикинул Букен, видимо, уже предвкушая, как в школе начнет это преподносить своим приятелям, а у тех будут удлиняться лица от удивления. Самим захочется смотаться в этот карьер. Нурум больше отмалчивался, его чаще подбивало бездумно строить глумливые гримасы, ничего не воспринимая всерьез.

Вверх по песчаной дороге толкать велосипеды было довольно затруднительно, дыхание участилось, сердечко заходило от напряжения. Шажок за шажком, пока не развернулась перед глазами прежняя степная панорама. Остановились, переводя дух. Больше всех, конечно, обессилел самый старший из-за своего хлипкого сердца.

Соседи тоже не торопились домой. Нурум, облокотившись на руль, иносказательно глядел куда-то внутрь себя, зрачки у него были серыми, кипчакскими, как он выражался.

— А давай еще немного проедемся, — внезапно нажал он на педали, и все устремились в степной простор по накатанной дороге, стараясь набрать приличную скорость. Дивное дело — ветерок, неоощуцаемый, когда стоишь или идешь потихоньку, при езде начинает давить в грудь, не давая разогнаться, как следует. Приходится привставать и всей тяжестью тела наваливаться на педали.

Тропинка вильнула налево и стала ровной, протянувшись до самого горизонта вдоль телеграфной линии с деревянными столбами. Теперь только прямо и прямо, лишние вопросы отпадают. Когда впереди показалась небольшая дамба, сооруженная в лощине, чтобы образовался небольшой водоем, друзья порядком выдохлись. Заехав на дамбу, по которой пролегалла дорога, «спешились». Букен болтал руками, согнувшись в три погибели над самой землей, чтобы отдышаться.

За дамбой виднелся ржавый загон бывшей мехдойки. Кое-где сохранились трубопроводы, по которым когда-то текло молоко в бидоны. Всюду под ногами застаревшие коровьи лепешки, превратившиеся в кизяки.

Вскоре путешественников снова стала одолевать жажда. Жаль, что Вешка сразу выбросил свой бутылек, как только он опустел. Можно было бы в него набрать той воды из песчаной бочажки.

Но вот по лицу Нурума скользнула тень недовольства. Он поднял голову и скривился:

— Бляха-муха! Сейчас как ливанет! Надо быстрее рвать назад...

И точно — в стороне поселка, где виднелась на горизонте только верхушка элеваторной башни, клубились облака. Заерепенился ветер.

Друзья повернули назад и опять нажали на педали. Ветер снова давил навстречу.

— Тьфу, шайтан! — сплюнул Нурум. — Всегда так...

По закону подлости ветер внезапно поменял направление и гнал тучи прямо на путников.

За Вешкой увязалась какая-то неотвязная муха. Он махал рукой, старался оторваться от нее, но она упрямо летела за ним, принаравливаясь сесть прямо на лицо. Он уже устал отмахиваться. Подумал, хорошо, что не видит Нурум. Накаркал-таки своей бляхой-мухой. Сейчас еще сморозит, что муха любит садиться на

кизяк. Это по отношению к нему. Умник. С ним надо всегда быть начеку. Проклятая муха жила себе на заброшенной мехдойке, но, видно, благодаря нечаянным путникам решила стать городской.

Неожиданно все пространство вокруг заволочило пыльной пеленой, труха секла глаза, в шевелюру и за шиворот забивалась земля. Ничего не стало видно на расстоянии вытянутой руки.

— Пыльная буря! — услышал Вешка где-то сбоку встревоженный голос Букена. Следом сквозь вой ветра послышалось металлическое клацанье положенных на бок велосипедов. Генка тоже опустил наземь велосипед и присел, закрыв лицо ладонями. Дышать старался через раз, чтобы не забивать легкие поднятой в воздух взвесью. Он уже знал из разговоров старших, что время от времени в здешних местах набравший силу ветер начинает срывать с пахотных полей верхний слой и разносить его на многие километры. Раньше такого явления не было, оно зародилось после освоения целины.

Нос нещадно забивало пылью, Вешка расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и натянул ее на голову. Стало немного легче дышать. Сколько еще так сидеть, ощущая, как по спине колко проходит взвесь?

Постепенно буря улеглась. Все трое стали отряхиваться и отплеиваться. В шевелюру набилась грязь. После такого надо срочно нагревать целое ведро воды, чтобы омыться с ног до головы.

Надоедливая муха куда-то подевалась, не успела за что-нибудь зацепиться, и ее унесло. Но на этом капризы погоды не закончились. Надвигалась новая напасть — прямо над путниками нависли тяжелые тучи.

— Погнали! — опять засуетились погодки, подхватывая велосипеды.

Стали нещадно крутить педали, по опыту зная, что ливень в степи гораздо противней, он может сильнее досадить. Помчались по дороге, ведущей к бойне, она уже показалась вдали.

По лопаткам ударили тяжелые капли, и рубахи сразу промокли насквозь. Колеса заюзили по раскисшей глине, соскальзывали с бугорков. На резину стала налипать коричневая грязь. Еще мгновение, и Вешка уже не мог прокрутить педали. Попытался пальцами отковырять глину с колес, но все тщетно.

— Надо было снять крылья, — сказал Букен. — Все так делают.

Он с натугой ехал по скользкой дороге, из-под колес разлетались комья грязи, попадая и в него самого. У Нурума велик был тоже без крыльев, и он еще мог ехать почти ползком. Вешка потащил велосипед волоком.

Вскоре и у соседей забили колеса. Пришлось смириться с неизбежным — взвалить велосипеды на плечо и брести по сплошной слякоти. Ноги то и дело разъезжались в стороны. Вот и мост, рыбаки уже разбежались. А за мостом та же самая раскисшая грязь.

Так и тащились до самого дома, сменяя нагруженное грузом плечо...

Людмила БРАГИНА

г. Белгород

Брагина Людмила Петровна родилась в 1967 г. в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского госуниверситета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г) молодежной литературной студии «Младость». Автор 4-х поэтических книг, сборника песен, многих коллективных сборников. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член СЖР и СПР. Публиковалась во многих литературных журналах России.

МАЛЬВОЧКА

— Бабулечка, миленькая, не плачь, — уговаривала Лида, обхватив руками бабушку за вздрагивающие плечи...

Сегодня они пораньше справились с домашними делами и решили пойти погулять. День был жаркий, но дул легкий ветерок и все вокруг было по-летнему ярким, трепещущим и разноцветным.

Лида тянула бабушку за руку, увлекая вперед по их любимому маршруту. Миновав сначала школу-интернат с беленым забором и посаженными вдоль него яблонями с созревающими красными плодами, а потом и тенистую улочку с новым и большим магазином «Молодая гвардия», за стеклянной витриной которого пестрели книги, они дошли до кинотеатра «Радуга», расположенного на возвышении и похожего на огромный океанский лайнер.

Вокруг него жались друг к другу маленькие домики, уютно укрывшиеся под зелеными кронами плодовых деревьев. Это были скромные жилища с крохотными огородами, окруженными частоколом цветущих золотых подсолнухов и палисадниками, засаженными астрами «Бабье лето». Такие же астры с мелкими си-

релевыми цветками, похожими на ромашки, росли и в Лидином дворе. Она любила с подружками ловить на них глазастых часиков. Так называли мух-журчалок, похожих на пчел, но не кусачих. Если часика осторожно зажать в кулаке и поднести к уху, то можно услышать, как он тикает.

Бабушка Паша старше внучки на целых шестьдесят пять лет, поэтому она присела отдохнуть на лавочку, а непоседливую Лиду отпустила побегать по ступенькам кинотеатра. Девочке нравилось, поднявшись на самый верх, осматривать, как с капитанского мостика, и просторный сквер с лавочками, похожими на маленькие лодочки, и серые крыши домиков, их дворы, где обычно неспешно ходили куры, грелись на солнышке кошки, сушилось чистое белье.

Но сегодня все вокруг выглядело странно и тревожно. Дома стояли, как будто слепые. Лида внимательно вгляделась и у нее перехватило дыхание: в темных проемах окон, не было ни горшков с цветами, ни белых ажурных шторок, ни стекол, а кое-где не было даже рам. В некоторых домах двери были сорваны и валялись на земле. Исчезли домашние животные, и даже вольные птицы спрятались и помалкивали.

Возле цветущих палисадников, повалив штакетники и поломав кусты сирени, фырчали и плевались сизым дымом два грузовика и бульдозер. Вокруг копошились рабочие в комбинезонах и касках. Они что-то таскали, сбрасывали с крыш в кучу, слышался гомон, работа отбойного молотка, удары кувалды.

Подъехал желтый экскаватор с огромной лапой, заканчивающейся железными челюстями. Они отщипнули кусок крыши и выплюнули его на землю, а потом начали кромсать стены, подняв облако густой серой пыли.

Вслед за ним, лязгая гусеницами и яростно задрав вверх острый ковш, двинулся вперед бульдозер, превратив тихий несопротивляющийся дом в груды обломков, среди которых проглядывала белым боком старая чугунная ванна.

Лида растерянно оглянулась на бабушку, а та, не отрываясь, смотрела на этот разор, прижав к губам конец белого платка. Потом бабушка закрыла ладонью глаза и опустила голову.

Быстро сбежав со ступенек, Лида села рядышком, и сама, чуть не плача от жалости, принялась ее утешать. Бабушка глубоко вздохнула, вытерла платком мокрые от слез щеки, обняла внучку и прижала к себе.

— Сколько жизни людской ушло, Лидонька... Зимой, в мороз бежали в тепло, в стены родные. Вечерами радовались, когда с работы домой шли, а им окошки родные светились. А теперь и детям некуда прийти будет поклониться...

— Бабушка, тут скоро построят новые дома. Видишь, какие они большие и красивые! — Лида повела рукой в сторону книжного и «Радуги».

— А у меня все еще перед глазами домик мой в Кременчуге стоит. Мы его с твоим дедом как раз перед войной достроили, высокий, каменный, чтоб всей семье просторно было. В тот год под окнами так пышно мальвы цвели. Выгляну утром, а они, как на картине — высокие, стройные, каждый цветочек сияет, к солнышку тянется. А осенью немцы нас захватили, самолеты летели, все небо черное было, из пушек били днем и ночью. В наш дом бомба попала... А потом и весь город разрушили, с землей сровняли. А у меня на руках четверо дочечек. Голодно, холодно, сердце за них каждую минуту на куски разрывается, не приведи Бог...

— Ой, бабулечка, как же вы тогда выжили?

— Вышли мы тихонько из города и два дня пешком шли. Все, что на нас надето, то и вся поклажа. Тонечка, мама твоя, самая младшенькая, ей всего пять годиков тогда было, все время плакала, домой просилась. Я ее почти всю дорогу несла, а она ножки сбила, не могла идти. У меня старшая сестра в деревне жила в соседнем Глобинском районе. Приютила нас, а у самой семья — семеро по лавкам, и старые, и малые, и всех кормить надо. С тех пор уже не было у нас своего угла и до сегодня...

Бабушка со вздохом поднялась, погладила Лиду по голове:

— Ну пойдем уже, моя красуня-мальвочка, домой...

Лида с бабушкой и мамой ютились в крошечной комнатке трехкомнатной коммунальной квартиры. В других комнатах жила очень шумная и недружная семья: две сестры-школьницы, которые постоянно ссорились и воровали друг у друга вещи и еду, их пьющий отец и вечно ругающаяся мать.

На выходные соседи уезжали в деревню, а в воскресенье вечером возвращались с сумками, набитыми продуктами. Татьяна, мать семейства, вилкой прикручивала к столу старую чугунную мясорубку и звала мужа. Опухший и осоловевший от деревенского самогона, еле ворочая языком, тот сетовал на жизнь, в которой ему нет покоя и должного уважения даже дома. Но, взглянув на поистине богатырский разворот плеч своей супруги и кухонный нож, которым она обрезала с куска мяса жилы, он пошатываясь брел на кухню, сидел на обшарпанный табурет и вяло крутил ручку. Постепенно его глаза превращались в щелки, бордово-синюшный нос свешивался, движения замедлялись, но тут Татьяна рывкала на него и отвешивала крепкую пробуждающую затрещину:

— Крути, аспид! Котлеты жарь все любят!

Позже, в школьные годы, Лида вспомнила это слово и нашла в словаре, а затем и в энциклопедии. Рассматривая ярких и пестрых гибких змей, она удивлялась и не находила ни малейшего сходства с бывшим соседом — в застиранных трусах и растянутой майке на серовато-бледном, дряблом теле он был лишен пола, возраста и видовой принадлежности.

Разлепив от трубного гласа жены мутные и бессмысленные набрякшие глаза, он лез руками в миску с фаршем и совал его себе в рот, вызывая новую вспышку гнева хозяйки и получая грязной кухонной тряпкой по голове и спине. Тем временем брызги жира над черной закопченной сковородой загорались, чад и вонь горелых котлет заполняли и пропитывали маленькую кухню, въедались в шторы, стены, одежду.

Иногда злобная грызня переходила в яростное побоище, и тогда мама или бабушка хватали Лиду и утаскивали в комнату. Лида пыталась выглядывать, но пресекая неумное и опасное любопытство на корню, ей шепотом коротко наказывали: «Божетебяхсохранитудаходить».

Чтобы хоть немного отвлечь девочку от грохота, воя и матерной ругани, бабушка подводила ее к окну.

А если было тепло, они распахивали раму, вдыхали свежий воздух и всматривались в сгущающиеся сумерки. Они жили на первом этаже, и прямо перед их окном росла вишня. В мае она вся покрывалась белыми душистыми цветами, как молоком облитая, любуясь, говорила бабушка, вторя «самому крестьянскому поэту». Вишня наполняла своим волшебным благоуханием всю их комнатку. Вечером ее лепестки нежно мерцали, и Лида просила не закрывать окно до самой ночи.

В соседней квартире, через стенку, живет любимая Лидина подружка Юлька. С золотистыми хвостиками, задорными веснушками и зелеными глазами она похожа на веселого домовенка. Подружки ровесницы, но днем Юлька ходит в садик, а Лида проводит время с бабушкой. Зато вечером, соскучившись, они вместе бегут во двор, играют, смеются, болтают о всякой всячине и не могут наговориться, пока их не загонят спать.

Юлькины родители работают на заводе инженерами, они чаще бывают в командировках, чем дома. А ее бабушка Оля и дедушка Миша распределили между собой время так: в будние дни воспитанием и хозяйством занимается бабушка, а в выходные культурный досуг организывает дедушка Миша. С утра пораньше он собирает сумку с завтраком, будит внучку, та быстренько умывается, и вот они уже стоят на пороге соседской квартиры.

Лидина бабушка открывает двери, вытирает руки о цветастый ситцевый фартук и улыбается.

— Кто хочет много знать, тому надо меньше спать!

— Кто тебе спать не дает, Миша? И детей ни свет, ни заря будишь.

— Совесть спать не дает. Так всю жизнь можно проспать. Сегодня пойдем в Гагаринский парк. Соберайтесь!

Из-за бабушкиной спины выглядывает Лида и тоже улыбается.

— Да мы готовы уже,— она тихонечко дергает и развязывает бантик на бабушкином фартуке.

Подружки, взявшись за руки, сбегают по ступенькам.

Парк совсем близко, прямо напротив их дома, только дорогу перейти. Это даже не парк, вроде центрального, с широкими аллеями и колесом обозрения, где они тоже бывают, а небольшая лиственная роща с множеством узких утоптаных тропинок. Никаких ракет и космических кораблей здесь, конечно же, нет, а имя первого космонавта носит улица рядом, поэтому и парк тоже заодно называют Гагаринским.

Однажды дедушка Миша привел детей на солнечную полянку, заросшую желтыми, белыми и голубыми цветами, усадил их на поваленное дерево и рассказал, что раньше их город был гораздо меньше, этот парк был окраиной города и назывался Дальним. Во время войны немцы расстреляли и закопали здесь тысячи мирных жителей.

Бабушка горестно качала головой, потом тихо читала молитву обо всех усопших, а притихшие Лида и Юля молча смотрели, как колышутся на ветру листья деревьев и тянут к свету зеленые ладошки и как кивают светлыми головками цветы, похожие на маленьких детей. Потом Лиде всегда было боязно ходить по дорожкам, где каждая травинка напоминала ей об этом страшном рассказе.

Парк заканчивается оврагом, а на самом краю — качели. Это самое притягательное место. Едва их завидев, подружки заволновались:

— Пойдемте скорее, пока никто не занял!

Сиденье рассчитано на двоих, и предвкушая полет, они мигом забираются и отталкиваются, зачерпывая сандаликами песок.

— Качайте! Мы держимся! Крепко-крепко!

Вверх! И их принимает необъятное воздушное море. Вниз! Они возвращаются. Где-то за оврагом виднеются промышленные постройки, дымящиеся трубы, заборы, но на самом деле это далекая волшебная страна, над которой они, как птицы раз за разом взмывают в небо.

У Лиды захватывает дух, сердце бьется от страха и восторга, и она смеется. И Юлька тоже рядом смеется и кричит: «Еще выше!»

Дедушка Миша сменяет бабушку Пашу, они раскраснелись.

— Кач-кач-кач, испечем мы вам калач! Медом намажем! Издали покажем! И сами съедем!

И это называется взрослые. Хотя, когда Лида думает о мамином детстве и сколько приходилось в жизни работать бабушке, недоедать, мерзнуть и бояться, она слушала бы и слушала эти дразнилки вечно.

Вволю накачавшись и перекусив бутербродами с колбасой и сыром, которые ушли влет, все вместе двинулись назад.

Дедушка Миша остановился возле молодой липы и погладил рукой веточку. Потом, загадочно улыbnувшись, достал из кармана перочинный ножик и срезал два ровных прутика. Аккуратно сделал на них надрезы, потом обстучал со всех сторон рукояткой, покрутил и целиком снял кору. Прутики без одежды были белые, гладкие, свежо и терпко пахли.

— А что это будет? — Суют к ним носы все трое его спутниц.

Первой, конечно, догадывается бабушка Паша.

— Ой, что ты придумал?! Это ж... Пропали наши уши!

— Ничего, пусть порадуются! Будут им игрушки природные, живые. Разве сравнить с пластмассовыми или резиновыми?

Он еще повертел прутики в пальцах, сделал ножом еще несколько засечек, снова надел на них кору, поднес ко рту и раздался тонкий звук, живой и переливчатый.

На их глазах произошло чудо, веточки запели.

— Держите подарки!

— Спасибо, дедушка Миша! — хором кричат Лида и Юля, рассматривают свои свистульки, как заморские диковинки, свистят, сравнивают голоса.

— Бабушка, подуй, у тебя тоже получится! — Лиде хочется поделиться своей радостью, которой у нее полное сердце.

Бабушка Паша тихонько дует и все хлопают в ладоши.

Возле светофора случилось происшествие. В ожидании, когда зажжется зеленый свет, Лида рассматривала небольшое деревце, растущее возле самой дороги. И вдруг обнаружила прямо на уровне лица сидящее на стволе длинное зеленое насекомое, размером с ее ладошку. Оно приподнялось, расправило за спиной крылья, расставило в стороны две передние лапы с заостренными шипами, похожими на пилы, с крючками на концах и зашипело. Лида вскрикнула и в ужасе отпрянула.

— Ты чего, Лид! Что там?

Юлька тормозила ее, пока сама не увидела это чудовище. Она взвизгнула, бросилась к дедушке Мише и схватила его за руку. Все переполошились, бабушка прижала к себе внучку, приговаривая:

— Ой, страх! Не бойся, не бойся, Лидуся...

— Да что вы за бояки такие? Это же богомол! Он не кусается.

Насекомое, будто услышав, что его рассекретили, крутануло треугольной головой вокруг своей оси, сделав полный оборот, уставилось на деда Мишу мутными огромными глазами и задвигало челюстями.

— Инопланетянин, — прошептала побледневшая Юлька.

— Без паники, граждане земляне! Жертв и разрушений нет! Добро пожаловать, пришелец!

Дедушка Миша бесстрашно поднес руку к существу.

Богомол направил усы-антенны вперед и сложил крылья, ставшие похожими на длинный плащ. Потом он покачался из стороны в сторону и, медленно переставляя длинные, похожие на ходули, ноги, забрался на ладонь, уселся и миролюбиво сложил передние конечности, как складные ножки.

— Вот, видите, как важно доверять друг другу, а ведь ему тоже было страшно.

Дедушка наклонился и бережно опустил богомола в густую траву, где тот слился с зеленью и сразу исчез.

Все дружно выдохнули. Светофор подмигнул круглым зеленым глазом, и веселая компания, бодро шагая по переходу-зебре, вернулась в свой двор.

Возле подъезда на лавочке сидели два деда и играли в шахматы. Тот, что потучнее, в белой нейлоновой шляпе в мелкую сеточку, с седыми, вечно насупленными бровями и мясистым носом, жил в их подъезде на втором этаже. Похожий сразу на двух генсеков, он был всегда недоволен — яростно стучал своей палкой об асфальт, кричал на пацанов, чтобы они не шумели и не бегали. Мама стригла Лиду очень коротко, а если летом на ней были шортики, порой доставалось и ей за компанию. Сварливый дед, наверное, и ее принимал за мальчика.

Дома говорили, что этот сосед раньше был районным прокурором, и бабушка тихо вздыхала: «Если он, даже на пенсии, детей так ненавидит, то что же с людьми при власти творил».

Прокурор ни с кем из соседей не общался, видимо, считая, что и взрослые в чем-то перед ним провинились, а перед законом уж точно, только пока не раскрыты. Поэтому денно и нощно он осуществлял надзорную работу.

Его партнер по игре неизвестно кем работал и где жил. Видели, что он приезжал на троллейбусе, и шел с остановки сутулый, костлявый, в клетчатой рубашке, истасканном рабочем комбинезоне, черном берете и с шахматной доской под мышкой. Щетинистый и неопрятный, он презирал людей и раболепно внимал каждому слову жестокосердного законника.

Попрощавшись возле грозной и мрачной лавочки, Юлька с дедушкой пошли обедать, а Лида с бабушкой Пашей решили еще немного пройтись.

— Бабуль, а помнишь, там за гастрономом «Восход» маленький такой магазинчик строился? Мы там давно не были. Пойдем посмотрим, вдруг он уже открылся!

И они отправились вверх по улице, оживленно гадая, что там будет продаваться. Название «Ландыш» не оставляло большого простора для фантазии, но варианты были.

— Да, наверное, там будут продавать цветы.

Это, конечно, самый простой и логичный из всех. Но Лида вспомнила белые скромные цветочки на конфетном фантике, а она увлеченно собирала их уже год, и с мечтательной улыбкой сладкоежки выдвинула свою версию:

— Конфеты, печенье, пряники, а может, даже и зефир!

Она проглотила слюнки и прибавила шаг. Бабушка усмехнулась.

— У твоей мамы духи есть «Ландыш серебристый»...

Лида знала, но к духам питала очень смешанные чувства. Не конкретно к этим, а к хранившимся в желтой коробочке на верхней полке шифоньера. Они назывались «Красный мак». Когда мама доставала матовый пузырек с алой шелковой кисточкой на горлышке и открывала притертую хрустальную крышку, Лида внутренне превращалась в слоненка. Она вытягивала шею, а если б могла, то и нос, и упивалась сказочным ароматом, который переносил ее в волшебный мир цветов и трав с кружащимися над ними легкими бабочками. И однажды ей пришла в голову мысль: «А если духи так прекрасно пахнут, то, значит, они такие же вкусные!» Было ей тогда года четыре, поэтому такие глупости посещали ее маленькую стриженную голову частенько. И без дальнейших колебаний, подставив стул, Лида добралась до этого манящего чуда.

На ее крик прибежала бабушка и долго ощупывала руки-ноги, думая, что внучка упала и покалечилась, а Лида редела, обливаясь слезами и высунув красный обожженный язык. Когда выяснилась причина, бабушка потащила ее в ванную под струю холодной воды, потом навела стакан соды с солью и заставила долго полоскать рот. Все обошлось, и на характере повзрослевшей Лиды отразилось не сильно. Разве что волчьи ягоды перестала пробовать после бабушкиной угрозы: «Помнишь, “Красный мак”? Будет так же, только еще и волчий хвост вырастет!»

Вот, наконец, зазеленела вдали большая вывеска с витиеватыми белыми буквами «Ландыш» на одноэтажном магазине, стоящем чуть поодаль от других домов. Бабушка пристально всмотрелась, недоверчиво хмыкнула: «Ганделок какой-то!»

Вблизи магазин оказался небольшим павильоном. Возле входа стояла кучка мужчин помятого вида, которые расступились, пропуская их внутрь. Вдруг один, с папиросой в углу рта, с рубахой на босу грудь и стрижкой под ноль, толкнул другого локтем и хрипло заорал:

— Вот, скажи, приятно, когда дите — вот так за ручку идет и улыбается? Скажи, да!

Лида вздрогнула и прижалась к бабушкиному боку.

Они вошли в полутемный прокуренный зал, остро и неприятно пахнущий рыбой, туалетом и еще чем-то кислым. Ни витрин, ни полок здесь не наблюдалось, стояло несколько аппаратов, таких, как с газировкой, и высокие круглые столики, за которыми мужчины стоя пили пиво из мутных стаканов и больших пузатых кружек. Женщин было трое, вернее две и одна девочка, это Лида с бабушкой, а еще возле прилавка с кассой — толстая завитая продавщица в грязно-белом переднике и кокошнике.

— Держи, Надюха, на кружечку, — корявый мужичок неопределенного возраста протянул ей монетки.

— Ты уже десятую высосал, еле стоишь, я тебя вытаскивать отсюда не буду... — огрызнулась Надюха, бросая ему пластмассовый кружочек.

— Нормас, — еле ворочая заплетающимся языком заверил он, пытаясь попасть непослушными пальцами с жетончиком в щель автомата.

Через пару секунд мужичок его все же обналечил, двумя руками взял кружку и отошел к противоположной стене, где пили «в сидячку». Опираясь на спину, сполз на корточки, сдул пену на пол и сделал долгий глоток. Потом повернулся к соседу в жеванной майке, который сидел рядом и коптил над спичкой рыбий пузырь:

— Друган, а вобла есть?

Получив припорошенную солью рыбью щепочку, блаженно сунул в рот и облизывал пальцы.

— Я за тебя в огонь и воду, ты ж мне как брат, понимаешь? Не то, что эта гнида, на товарищеский суд меня потянул, ептыть... Я ему говорю, мне это нафиг не упало, и дело не в социализме...

— Девочка, а давай я тебе фокус покажу? — раздалось прямо над Лидиным ухом.

Перед ними снова возник расхристанный короткостриженный парень. На красном опухшем лице кривилась хмельная улыбка, в руках он держал обрывок газеты. Он потер его между пальцами со словами: «Ахалай-махалай, ляськи-масьяски, сто-тыщ-тыдыщ...»

И Лида растерянно заморгала. Газетки не было.

А «фокусник» обратился к бабушке:

— Мать, войди в положение, неудобно просить, дай хоть десюнчик на стаканчик!

Маленькая бабушка, крепко ухватив Лиду за руку, нахмурилась, смерила парня сердитым взглядом:

— День на дворе, а ты здесь десюнчики сшибаешь? Я для тебя всю жизнь работала, и в колхозе, и в войну, и детей своих не видела, чтоб ты тут опивки собирал? Иди работай, лыган!

— У меня батя из рабочего класса, отрубил от звонка до звонка, до пенсии не дожил... — бормотал им в спину попрошайка, но бабушка решительно пробиралась к выходу на улицу.

— Ага, ты уже сам батя, не дай Бог...

На улице бабушка продолжала на ходу чихвостить и себя, и «магазины», и алкашей.

— Вот жешь ландыш! Построили они! Хоть бы молочный или хлебный — нет, лучше ничего не надумали! Вся подзаборная пьянь собралась культурно отдохнуть! А у меня совсем болты с резьбы слетели — внучку привела и столбом стоим среди этих «ландышей»!

Им навстречу попалась боевая крепкая бабка, которая сразу вписалась в разговор, развивая тему:

— Все двory и подъезды уже ихним пивом провоняли, где пьют, там и льют, ироды. Клумбы вытоптали. Мы всем домом дежурство организовали, с утра до вечера алкашню гоняем. Будем подписи собирать, чтобы закрыли гадюшник этот!

Она энергично потрясла в сторону «Ландыша» кулаком и поспешила на свой блокпост.

Лида шла молча, внутри было пусто, будто кто-то вырезал острыми злыми ножницами, созданные ее воображением яркие картинки, день стал серым и безрадостным. Уже перед домом она сунула руку в карман и обнаружила маленькую деревянную трубочку. Лида поднесла свисток к губам и дунула изо всех сил. Сразу вернулось золотисто-зеленое утро, просвечивающиеся на солнце Юлькины бантики, похожие на крылья стрекозы, смех и качели. Тонкий серебристый звук разогнал всю муть и хмарь, сердце весело застучало, бабушка от неожиданности ойкнула, а потом заулыбалась.

Только сидящие на лавке деды, застывшие над шахматной доской, как деревянные истуканы, хмуро зыркнули на них исподлобья и что-то просипели, кряхтя и прокашливаясь. Бабушка им кивнула, и они с Лидой зашли в подъезд.

Ах, как хорошо вместе обедать! Бабушка ставит на стол две тарелки горячего бордового борща, отрезает Лиде любимую хрустящую горбушку, чистит маленькую луковицу, разрезает ее на две части, и садится напротив. Она никогда не заставляет Лиду есть, не запрещает разговаривать за столом. Они с аппетитом хлебуют борщ, макают в соль и откусывают по маленькому кусочку сочной лукови.

Сегодня у них столько тем и впечатлений, которые хочется обсудить, но Лида устала, от еды ее разморило и прямо за столом она начинает зевать и клевать носом.

— После сытного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать, — смеется бабушка.

Лида, уже предчувствуя щекой мягкий холодок подушки, кивает и отправляется в кровать, где, забравшись под одеяло, мгновенно засыпает.

За окном верхушки деревьев тревожно шумят, переговариваются, ветви гнутся и скрипят, как будто идет великан. Сильный порыв ветра распахивает окно, Лида хочет вскочить и закрыть его, но обнаруживает, что лежит не на кровати, а в голубой коляске. Во рту противная соска-пустышка и ни одного зуба, да и ходить она еще не умеет.

Она ждет, чтобы кто-нибудь вошел, но в доме тихо. Зато за окном появляется какая-то тень, она движется зигзагами, как будто-то спотыкаясь. Вот на подоконнике с грохотом появляется одна лапа-клешня, похожая на железный капкан, а следом вторая, в виде шахматной доски, которая щелкает, словно вставная челюсть, захватывая черно-белыми створками воздух. За ними возникает большая голова в белой панамке, как у Виталика из первого подъезда, с которым Лида собирала цветные стеклышки во дворе. У головы в белой панамке мутные глаза, похожие на грязный стакан, она бормочет: «десюнчик-свистунчик», поворачивается на тонкой шее, ищет Лиду и вот-вот увидит. Лида выплонула соску и закричала изо всех сил.

И сразу появилась бабушка и зашептала-запела тихонько знакомую, смешную, но непростую историю, которую Лида знала наизусть, но каждый раз задумывалась и не могла рассудить — «Маленького Юрочку обижает курочка. Отняла пеструшечка сладкую ватрушечку. Унесла из спаленки для цыпляток маленьких. Из-за этой курочки без ватрушки Юрочка».

Вот и сейчас Лида отвлеклась, решая все ту же задачку, дыхание выровнялось, и она улыбнулась, представляя, как вытягивают шеи и радостно пищат пушистые желтенькие цыплята и хныкает упитанный розовощекий мальчик Юрочка.

— Пойдем, Лидочка, умоем личико, чтобы глазки блестели, чтобы щеки краснели, — подняла ее с постели бабушка Паша, перевернула подушку и незаметно перекрестила внучку.

Утреннюю тишину нарушил дробный стук в дверь. Лида сразу поняла, что это ее подруга, взрослые обычно звонили. Так и есть, это чистенькая, аккуратно причесанная Юля в розовом платьице с белым воротничком.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровалась она с бабушкой и сразу взволнованно затараторила, — Лида, у тебя свисток свистит? Ты не волнуйся, он не сломался... Это кора высохла! Дедушка сказал, что его в стакане с водой подержать надо немножко и снова будет как новый!

Лида сбегала на кухню, набрала воды и сунула игрушку в стакан.

— А мы сейчас в «Луч» пойдем за продуктами,— похвасталась.

— Ух ты, здорово! Бабушка Паша, а можно с вами?

— Можно, только дома разрешения спроси.

— Я сейчас,— юркнула на площадку Юля, только золотистые хвостики мелькнули.

«Луч» находился улицей выше. Это был большой гастроном, перед которым прямо на земле старушки торговали зеленью, квашеной капустой, сухофруктами, семечками, иногда вяленой воблой.

Первый этаж магазина был продуктовым, а на втором располагался отдел с чудесными тканями. Там был стол с картонными выкройками-лекалами, кусками мела, железным портновским метром и сантиметровыми лентами. Возле него всегда собиралась очередь. За столом стояла закройщица, пожилая серьезная женщина, она сосредоточенно обмеряла, чертила, разрезала самые разнообразные куски материи на будущие платья, блузки, юбки и брюки.

— Разрешили! Еще бабушка Оля дала тебе и мне по десять копеек на семечки.— Влетела в коридор радостная Юлька и сунула Лиде в ладошку серебряную монетку.— Ну что, свисток размок? У меня, вот!

И она дунула, производя громкий веселый звук, от которого бабушка заморгала и закрыла ухо рукой.

— Спасибо! Не знаю, сейчас попробую.

Лида стряхнула воду, поднесла к губам, и свисток ожил, засвистел раскатисто и звонко.

— Да цур вам пек! — рассердилась бабушка Паша, перейдя на украинский.— Марш на улицу гратися, баловницы! Я сейчас сумку и кошелек беру и выхожу. Ждите меня и никуда не уходите.

Подружки взялись за руки и поскакали вниз по ступенькам подъезда. На крыльце они переглянулись, набрали побольше воздуха и, надув щеки сильно-сильно, задудели вместе в свистки.

Прокурорский дед с перекошенным от злости лицом вскочил с лавки, стукнул о землю своей деревянной тростью, выставил ее вперед, указывая на детей, и рывкнул:

— Вот, они, свистушки малолетние! Ни днем, ни ночью покоя от вас нет! Сейчас мы вам покажем, где раки зимуют! Хватай их!

Его приятель в черном берете скорчил страшную гримасу, наклонился, расставил руки по сторонам, как орангутанг и двинулся к девочкам.

— Попались, гы-гы...

Лида и Юля завизжали и метнулись в сторону от него. С другого боку прокурор прищурился и замахнулся палкой, точно как мальчишки, которые во дворе играли в «пекаря», сбивая консервные банки.

— А-а-аааа!

Девочки пригнули головы и кинулись бежать со всех ног.

У последнего подъезда соседнего дома, они оглянулись и с ужасом увидели, что преследователи не отстают, грузно топая и шаркая ножищами.

— Надо наверх, там сад, спрячемся! — задыхаясь выкрикнула Лида и потянула Юлю за угол.

Наверху невысокие деревья с раскидистыми ветвями были густо облеплены листвой и маленькими яблочками.

— Давай сюда, Юля! Яблонька нас не выдаст!

Они наклонились и шагнули, как в шалаш, под зеленую тенистую крону. Вокруг гроздьями росли волшебные плоды, от них шел сладкий, свежий аромат, и, когда солнечные лучи проникали и попадали на них, яблочки загорались золотыми и алыми огоньками.

— Бабушка говорит, что эти яблочки называются райские,— прошептала Лида.

— Значит, мы в райском саду, и никто нас здесь не тронет. Интересно, здесь есть птицы или звери? Смотри, смотри, кто-то шуршит, может, это жар-птица? Или воробей...

А в это время бабушка Паша вышла во двор и не увидела никого, кроме идущих навстречу прокурора с палкой под мышкой, вытирающего с багрового лица пот большим клетчатым платком, и его дружка, который тоже был цвета переспевшего помидора и часто дышал открытым ртом. Она в растерянности направилась к ним.

— А где же дети?

— Побегали куда-то... — прокурор неопределенно махнул рукой в сторону.

— Я же им сказала быть во дворе, только обулась и двери закрыла... Отчего они убежали? — разволновалась бабушка и бросилась на поиски.

Быстро осмотрев двор, она выскочила на улицу и, озираясь по сторонам, громко позвала:

— Лидочка! Юленька!

Ответа не было. Остановившись на перекрестке, бабушка задумалась. Справа проходила оживленная трасса, по ней туда и сюда с равномерным и монотонным шумом проносились машины и автобусы. Слава Богу, ни толпы, ни сирены, ни других тревожных признаков здесь не наблюдалось. Слева тоже дорога, но поуже и потише, она хорошо просматривалась, все тоже спокойно. И бабушка поспешила вверх по соседней улице, ведущей к гастроному.

На полпути остановилась перевести дыхание и поправить сбившийся платок, и тут прямо перед ней выскочили на дорожку испуганные девочки.

— Мы здесь!

Лида кинулась к бабушке на шею.

— Как хорошо, что ты нас нашла! Иди к нам, прячься под яблоньку!

— Деточки мои! От кого прятаться? Да что случилось, куда вы убежали?

— Нас деды хотели схватить! Злые! Палкой замахивались! За то, что мы один раз свистнули.

— И гнались! Мы еле спаслись!

— Деды? Палкой?! А ну пошли назад!

Решительно взяв их за руки, бабушка помрачнела, как снеговая туча, и они пошли обратно.

Во дворе дедушка Миша и бабушка Ольга, взволнованно жестикулируя, о чем-то говорили, с сидевшими на лавочке прокурором и его приятелем.

Еще издали Лида услышала возмущенный голос Юлиной бабушки.

— Разве можно так детей пугать, Василий Петрович?

— У вас дети, как беспризорники, бездельничают целыми днями и на головах ходят,— огрызнулся развалившийся перед ней на лавке дед-прокурор.

— Неправда! Они ждали Прасковью Матвеевну возле подъезда. Мы в окно видели, как вы на детей набросились...— оборвал его дедушка Миша.— Вышли, а уже ни девочек, ни...

Тут бабушка Паша ускорила шаг и вскоре оказалась перед лавочкой, грозно глядя на прокурора.

— Ты, калоша старая, совсем с глузду съехал? Вспомнил, как в молодости за девочками бегал?

Прокурор выпучил глаза, затрясся и застучал о землю палкой.

— С палкой он таскается, был бы такой старый да больной, то не бегал бы. А тут еще и гнался он! А если бы они под машину попали?! Я б тебе на эту палку твои кишки намотала!

Его дружок дернулся половиной лица, скривил тонкий, заросший седой щетиной рот и закричал:

— Ты потише, а то и в суд подадим за оскорбление достойного человека.

— И за угрозу жизни,— сдавленным голосом добавил посеревший сосед.

— Я тебе Верховный суд, душегуб вислоносый!

Бабушка выхватила у него из рук палку и со всего размаху шарахнула ею об лавку, рядом со съезжившимся прокурором. От удара палка раскололась наискосок, и половина отлетела в сторону, а рукоятку с острым концом бабушка крепко держала, как кощееву иглу. Она перевела гневный взгляд на прокурорского приятеля.

— А тебя, прихвостень собачий, чтоб я во дворе не видела больше! Пошел вон отсюда, срамник трухлявый!

— А ну иди домой, старый дурак! Жизнь мою заел, так уже на детей нападаешь! Позорище какое устроил!

Это жена прокурора, услышав шум, вышла на балкон и внесла свою лепту. Через минуту лавочка опустела и воцарилась мирная тишина.

— Мы их победили,— с восторгом прошептала Лида, а Юлька захлопала в ладоши и предложила:

— А давайте все вместе пойдем в магазин!

Дедушка Миша поддержал.

— Давайте! А потом зайдем в «Ландыш» и отпразднуем!

— Думал-думал и придумал! — в два голоса зашумели на него бабушки.

Он поспешил исправиться.

— Все-все! Идем в «Луч» и всем по мороженому!

— И семечек,— пискнули девочки.

Лида шла с ликующим сердцем, держась за бабушкину руку, и чувствовала, как в нее вливаются силы. Она напивалась ими, как цветок после освежающего дождя, что становится от этого выше и крепче.

Бабушка одобрительно посматривала на нее и как бы говорила: «Ты вырастешь, моя мальвочка, красивой и отважной, и больше никогда не испугаешься ни богомола, ни недоброго человека. Будешь радоваться солнышку и радовать добрых людей».

Впереди женщина катила голубую коляску, в которой радостно агукал карапуз, размахивая зажатой в маленьком кулачке погремушкой.

— У тебя тоже такая колясочка была,— с улыбкой кивнула бабушка на них.

Да, так Лида и думала. Откуда-то знала.

— Голубая? Но почему, я же девочка?

— Врачи маме твоей наговорили, что родится мальчик,— бабушка усмехнулась.— Много они понимают, ухогорлоносы недоученные. А она и бантиков голубых накупила, и коляску, и имя тебе другое придумала — Саша. А зачем нам какой-то там Саша, если я ждала вот такой вот цветочек!

И бабушка Паша поцеловала Лиду в шелковистую макушку.

— Бабушка, а скажи маме, что меня не надо больше коротко стричь, пусть у меня будут хвостики, как у Юли или даже косички...

— Будут, сердечко мое! И косички, и бантики, и платяшки самые красивые! А если еще какой-нибудь нехороший человек попытается тебя обидеть, не бойся ничего. Просто скажи: я сейчас позову бабушку. Она с вами поговорит. Даже если меня рядом не будет, я буду тебе помогать. Даже, когда ты вырастешь. Всегда.

Наталья ШЕСТАКОВА

г. Брянск

альманаха «Ковчег».

Наталья Алексеевна Шестакова — член Союза писателей России, кандидат филологических наук. Имеет публикации в периодических изданиях и коллективных сборниках Брянска, Барнаула, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга, Тулы, Орла. Дипломант международных и всероссийских поэтических конкурсов. Автор поэтических сборников «Время липового цвета» (2016), «Цветные светотени» (2018), «Сотворение хлеба» (2020), «ПО тихим улочкам души» (2022). Постоянный автор

АДВОКАТ И МОРКОВКА

История эта случилась в начале шестидесятых годов прошлого века.

Лидия работала медсестрой в поликлинике одного из районных городков, плотным венком окруживших нашу столицу.

Муж Лидии — Арнольд Леонидович Ребенькин — был адвокатом в городской юридической консультации, составляя жалобы, заявления и другие документы по просьбе обратившихся за юридической помощью граждан или организаций.

Размер платы, взимаемой за оказание юридической помощи, был по тем временам стандартным^{1*}, но, как считал Арнольд Леонидович, не всегда покрывал усилия, им прилагаемые, при решении спорного вопроса. К тому же он был глубоко убежден, что его знания и опыт стоят дороже, чем это определено законом.

Там, где происходит оплата живыми деньгами, особенно в юридической сфере, государство устанавливает жесткий контроль. И не приведи, Господи, если обнаружатся нарушения, — мало не покажется.

Арнольд Леонидович это прекрасно понимал и поэтому предпринимал все необходимые меры, чтобы дополнительная благодарность за его услуги никоим образом не становилась известна лицам, заинтересованным в соблюдении социалистической законности. Оплату сверх положенного он брал в пределах разумного, чтобы дающий, если вдруг пожалует отданные деньги, не побежал сообщать куда следует.

Так и жили Лидия и Арнольд Леонидович, не в роскоши, но побогаче других, и растили двух хорошеньких дочек пяти и шести лет. Арнольд приносил к столу дефицитные продукты, покупал в дом хорошие вещи, наряжал жену и дочек.

Лидия, женщина неглупая, понимала, откуда появляются дорогие чайные сервизы, хрустальные графины, балыковая колбаса, добротная дорогая одежда, и не раз пыталась говорить об этом с мужем.

— Арноша, — вздыхала она, когда супруг в очередной раз приносил пакет с продуктами или сверток с дорогим отрезом, — ну сколько можно! Ведь и так все углы забиты. Да и люди не слепые. Молчат до поры до времени. В конце концов не выдержит у кого-нибудь ретивое — напишут, куда следует, и останемся мы, как та старуха у разбитого корыта.

— Не беспокойся, Лидочка, — отвечал Арнольд, довольный тем, что жена за него переживает, — я все делаю по уму — комар носа не подточит.

— Ох, Арноша, есть комары, а есть слепни — кусают больно и до крови. Вот у меня на работе — вроде коллектив хороший, дружно живем, а приду в новой кофте, так некоторые коситься начинают. И потом, город наш маленький, все на виду.

На какое-то время после таких разговоров Арнольд Леонидович прекращал свою незаконную деятельность, но, как только Лидия успокаивалась, все начиналось сначала.

После холодной и снежной зимы наступила весна. Она в этом году была сильная и дружная. Быстро стаял снег, густо зазеленели ложбинки и пригорки, да и погода все время стояла солнечная и теплая. Живи да радуйся.

В дни, когда солнце грело особенно жарко, Лидия выносила во двор для просушки и проветривания

* Размер платы определялся инструкцией Министерства юстиции РСФСР, утвержденной Советом Министров РСФСР.

бархатные покрывала, стеганные атласные одеяла, пышные пуховые подушки, мужнины костюмы и добротную верхнюю зимнюю одежду. Жили они, как и многие горожане по тому времени, в частном доме, а любимый муж постарался обнести свое жилище хорошим сплошным забором, чтоб любопытные меньше видели, что в их дворе делается.

В один из таких вечеров Лидия с Арнольдом Леонидовичем мирно сидели на лавочке возле дома, подставив лица мягкому заходящему солнышку, и строили планы на лето. Арнольд хотел везти семью на юг, вдоволь поесть сладкого крымского винограда и сочных арбузов, а заодно вволю попить знаменитых крымских вин, а Лидия уговаривала совершить экскурсию в столицу, показать детям Красную площадь и Третьяковку. Так ни до чего не договорившись, они отправились спать.

На следующий день Арнольд пошел на службу, а вечером — не вернулся домой. Всю ночь провела Лидия в тревожном предчувствии, так и не сомкнув глаз. Утром она побежала к мужу на работу узнать, что случилось. Возле здания суда ей встретился один из его коллег, который и сообщил, что Арнольда Леонидовича арестовали за взятки.

— Что же теперь будет? — испуганно спросила Лидия.

— Что будет? Конфискация имущества. Что же вы, голубушка, не остановили супруга-то?

— Да я говорила ему не раз. Разве он меня слушал... — Лидия почувствовала, как кровь с силой ударила в виски.

— Вас не слушал — о детях бы подумал, — сочувственно сказал коллега мужа. — Вам должно прийти официальное извещение, что ваш муж арестован. Идите домой, готовьтесь к последствиям.

Со всех ног бросилась Лидия домой. В голове стучала мысль:

— Хорошо, что девочки в детский сад ушли, а я вчера отгул попросила. Как чувствовала, что беда придет...

Быстрая ходьба и встречный ветерок немного охладили пылающее лицо. Лидия стала постепенно осмысливать произошедшее и решила: «Что ж... Пусть случится то, что должно. Ничего прятать не буду. Я тоже виновата. Не смогла убедить».

Новость мгновенно облетела маленький городок. Не было такого дома, где бы не обсуждали эту историю. Кто-то сочувствовал Лидии: как, мол, она теперь детей поднимать будет, кто-то злорадствовал: так и надо этому адвокатишке — захотел красивой жизни, вот и получи.

Лидия по-прежнему ходила на работу. Она старалась делать вид, что ничего не случилось, хотя и замечала и шепоток за спиной, и косые взгляды сослуживцев. Однако женщины, особенно медсестры и санитарочки, ей сочувствовали, потому что понимали, как тяжело ей придется одной с двумя детьми — ведь ее зарплата с трудом позволит сводить концы с концами. А кто-то пожимал плечами: дурак адвокат, не смог кончики в воду хорошо спрятать.

Дочкам Лидия сказала, что папа уехал в командировку.

Месяц тянулось следствие, и наконец состоялся суд. Арнольда Леонидовича приговорили к пяти годам колонии и конфискации имущества. При всей трагичности ситуации где-то в самой глубине души Лидия вздохнула с облегчением. Надо сказать, что по тем временам взяточников осуждали очень строго. В зависимости от величины и состава взятки могли приговорить вплоть до пожизненного или к высшей мере.

Весна набирала силу. Оттаявшая и отогревшаяся земля ждала крепкие крестьянские руки. Подходило время работы на приусадебных участках.

Однажды возвращаясь с работы, Лидия уже издали увидела, что возле ее дома стоит грузовик, а рядом с ним нетерпеливо топчутся трое. Один из них — в милицмейской форме. «Двое других, — догадалась Лидия, — судебные исполнители». Увидев Лидию, они повернулись к ней и стали ждать ее приближения.

«Ну вот, началось», — с тоской подумала Лидия, подходя к ожидающим ее мужчинам.

— Здравствуйте, — усталым голосом сказала она. — Вы ко мне?

— Вы Лидия Николаевна Ребенкина?

— Да, это я.

— Доводим до вашего сведения решение суда о конфискации имущества. Вот постановление.

Судебный исполнитель протянул Лидии листок, на котором, словно бельмо, тусклым голубым пятном выделялась круглая гербовая печать. Лидия, обреченно махнув рукой, взяла документ.

— Проходите...

— Отоприте, пожалуйста, ворота. Мы будем проводить конфискацию.

Она распахнула створки ворот, отошла к забору и села на скамеечку возле дома, где совсем недавно они с мужем обсуждали планы на лето.

Редкие прохожие старались как можно быстрее пройти мимо дома Лидии. Одни, понимая, как ей сейчас нелегко, отворачивались, чтобы еще больше не растревлять чувство стыда хозяйки, другие, наоборот, старались незаметно заглянуть во двор — будет потом о чем рассказать знакомым. За занавесками окон в домах напротив появлялись и тут же исчезали лица соседней.

Конфискация шла полным ходом.

Мимо Лидии несли ковровые дорожки, купленную недавно мебель, постельное белье, почти не наде-

ванную одежду... Вот в кузов грузовика бросили новую белую скатерть, а сверху — закопченные чугушки и кастрюли, вилки, ложки, посуду. Из подпола вытащили несколько мешков картошки...

Лидия безучастно наблюдала за происходящим.

Наконец конфискация имущества закончилась, и грузовик с судебными исполнителями и набитым доверху кузовом укатил восвояси.

Прошло довольно много времени до того момента, как Лидия смогла подняться со скамьи и войти в дом. Там ее встретили голые стены и истоптанный чужими ногами пол. В бывших недавно уютными комнатах остались только старый кухонный стол, пара табуреток, немного посуды да две кровати, с которых сняли покрывала и часть подушек.

Лидия опустила на табуретку и завывала в голос.

Отплакавшись, она стала думать, как жить дальше, как растить детей. Скоро вернутся домой девочки. Нужно будет что-то им говорить. «А,— подумала Лидия,— что есть, то и скажу. Пусть привыкают к правде». Потом мысли ее переключились на повседневные заботы: «Девочек надо кормить и одевать. Хорошо, что рядом с домом есть небольшой огород. Самое время начинать землю вскапывать. А свет не без добрых людей. Как-нибудь выживем».

Вернулись из детского сада дочки. Зайдя в дом, они растерянно остановились посреди зала и стали испуганно озираться по сторонам.

— Мама! А где наши вещи? Их кто-то унес? — стала спрашивать старшая девочка.

— А где папа? — заплакала младшая.

— Идите ко мне, доченьки.— Лидия протянула к ним руки.

Сестры подбежали к матери, она обняла их и прижала к себе.

— Да, мои родные. Наш папа совершил нехороший поступок. За это его арестовали и забрали наши вещи. И теперь мы долго не увидим его. Но вы не думайте, что ваш папа плохой. Он вас очень любит и обязательно вернется. А мы будем его ждать. Так ведь, девочки?

— Да, мамочка. А папа скоро вернется?

На глаза у Лидии навернулись слезы.

— Нет, мои хорошие. Не очень скоро. Но мы его обязательнождемся.

Притихшие сестрички стояли, прижавшись к матери.

Весна набирала силу. Полным ходом шла посевная кампания. Все жители окрестных домов, имеющие приусадебные участки, каждую свободную минутку старались поработать на своем огороде. Сами, недавние выходцы из крестьян или имеющие многочисленную деревенскую родню, хорошо помнили народную мудрость: весенний день год кормит. Радостно было, даже после тяжелого рабочего дня, покопаться на своей земле, сформировать пышную грядку и высадить укроп, петрушку, горох, редиску, лучок на зелень, а как окончательно потеплеет, и огурцы с капустой. А потом приходила родня помогать сажать картошку, потому что та, как правило, занимала почти всю территорию огорода. И это было людям не в тягость, а в радость, потому что родственники собирались вместе, и было им что обсудить, случившееся с последней встречи, а потом — чего греха таить — и отметить.

После работы Лидия тоже брала лопату и шла в огород. Не особенно привычная к тяжелой работе — потому что этим всегда занимался муж, она понемногу, но все-таки одолевала отдохнувшую и достаточно слежавшуюся за зиму землю.

Девочки каждый раз шли на огород вместе с матерью и по мере сил пытались ей помогать. Младшая собирала оставшиеся с прошлой осени засохшие веточки, чтобы маме было удобнее копать, а старшая старалась наибольшими грабельками разравнивать вскопанные грядки.

Семян у Лидии было немного, и она с тревогой думала, где достать картошки для посадки. Той, что осталась в подполе после конфискации, еле-еле хватало на еду. Купить семенной — было не на что, да и не у кого: каждый рассчитывал на свои потребности, а излишки ее пристраивали еще осенью. Смущаясь, Лидия спрашивала у соседей и на работе, есть ли у кого лишняя картошка на посадку. Но те разводили руками:

— Лида! Ты же понимаешь: спросила бы осенью — была бы тебе картошка.— Однако, понимая ее ситуацию, приносили небольшие свертки, и в результате картошки набрался почти мешок.

Лидия с благодарностью принимала помощь и мысленно подсчитывала: «В мешке — почти четыре ведра, значит, должно вырасти картошки ведер пятнадцать — семнадцать. Если ее расходовать разумно, то к следующей весне на посадку можно выгадать два мешка».

Вот с таким невеселыми мыслями вскапывала Лидия очередной кусок земли.

Вдруг в ворота громко постучали.

— Лида! Ау! Ты дома? Это я, баба Таня, подь сюды!

Татьяна возвращалась с колхозного поля, где нынче сеяли морковь.

Она жила через дорогу напротив Лидино дома. И хотя ей было уже за шестьдесят, продолжала работать в прилегающем к городу колхозе. Дети ее давно выросли и жили своими семьями. Мужа она давно похоронила. Сама же Татьяна жила одна, держала коровку и курочек. Она имела небольшой дополнительный доход от молока и яиц, которые иногда продавала соседкам.

С Лидой Татьяна, можно сказать, дружила. Если той нужно было куда-нибудь отлучиться, она с удовольствием бралась присмотреть за девочками — свои внучата были далеко, а так хотелось поинтереситься с малышами! Не скупилась она и на угощение: девчонки с удовольствием пили теплое, только что надоевшее парное молоко, ели сладкие молодые горошины из только что сорванных стручков или грызли сочные полупрозрачные, будто налитые медом яблочки, которые назывались «Белый налив». Бабушка Таня разрешала погладить корову Малку, поиграть с котятками, которые в ее дворе не переводились. Да что говорить, любила она этих девочек, а вместе с ними и их мать.

Лидия очень ценила хорошее отношение бабы Тани и старалась тоже отвечать добром на добро: если нужно, делала уколы, покупала лекарства, которые продавались в аптеке на другом краю городка, помнила день рождения Татьяны и дарила в этот день ее любимые конфеты.

— Лида! Ау! Выходи! — вновь позвала баба Таня.

Лидия с силой воткнула в землю лопату, чтоб не упала, отперла калитку и пропустила Татьяну во двор. В руке та держала большую брезентовую сумку, чем-то наполненную почти до краев.

— Ну как вы, — спросила баба Таня, — держитесь?

— Да вот, огород копаю, только сажать нечего, — вздохнула Лидия. — Кое-что посадила, а что с остальной землей делать — ума не приложу. Картошки-то особо нет на посадку.

— Вот что, девонька, неси-ка сюды мешок какой, что ли, ведро либо наволочку, — командирским голосом приказала баба Таня. — Есть у меня что-то.

Лидия с удивлением посмотрела на Татьяну, но ничего не сказала, а пошла в дом за ведром, которое по причине мятых облупившихся боков судебные исполнители не стали конфисковывать.

— Ставь сюды, — указала Татьяна перед собой, когда Лидия вынесла ведро. Потом раскрыла сумку и стала высыпать в него какие-то мелкие семена. Отсыпав полведра, сказала: — Это морква. Сажай моркву. Все лучше, чем ничего.

«А действительно, — подумала Лидия. — Все лучше, чем ничего». — А вслух сказала: — Спасибо, бабушка Таня! Выручила ты нас.

— Ладно. Прощайтесь, идти надо — Малку доить. Слышите, коровы с выпаса идут. — И баба Таня отправилась домой.

Свободную землю на огороде Лидия засеяла морковью.

Все лето Лидия с дочерьми ухаживали за морковными грядками: пололи, рыхлили, прореживали всходы, если нужно — поливали... И результат не заставил себя ждать. Обычно морковь созревает к осени, а убирают ее в середине сентября. Но у Лидии сочные желтые молоденькие хвостики можно было грызть уже в начале августа. И это было хорошим подспорьем к их небогатому столу.

А когда в сентябре стали собирать урожай, Лидия ахнула: примерно пять центнеров крупных сочных клубней, ровных как на подбор, ярко-рыжими горками лежали в разных концах огорода.

В эту зиму морковка в семье Лидии заменила и картошку, и некоторые другие продукты. Как только ни исхитрялась она в приготовлении морковных блюд: морковка жареная, тушеная, запеченная, морковные котлеты, оладьи, пирожки, морковные салаты и даже морковные конфеты. И дети были накормлены. Не раз вспоминала Лидия добрым словом бабу Таню. Та частенько заходила к ним в гости, приносила то молочка свежего, то немного яиц, а Лидия угощала ее разными морковными деликатесами.

Трудно было с зарплатой медсестры одной вести хозяйство да растить девочек, но Лидия постепенно приспособилась, и их жизнь стала потихоньку налаживаться. Редкие письма от мужа, отбывавшего срок в далекой колонии, добавляли ей силы. «Пусть тяжело, пусть еще и уборщицей подрабатываю, — думала Лидия, — зато дочки здоровы».

Девочки росли, и им была нужна одежда. Если с младшей вопрос как-то решался — донашивала за старшей, то для старшей нужно было покупать новое. Однако мир не без добрых людей. Приходившие в поликлинику на процедуры знакомые женщины приносили вещи своих подросших дочек и передавали их Лидии. Они понимали, как ей сейчас тяжело.

Наступила весна.

Однажды на работе она услышала разговор двух докторш.

— Ну, сезон начался. На приеме увеличилось количество мамаш с больными детьми.

— Да, и мои дети после зимы ослабли. Стали бледными и вялыми. Простудами болеть начали.

— Детям витаминов не хватает... А ты посмотри, какие у Лидки девки мордатые. Щеки круглые и красные, как яблоки. И простуды им нипочем.

— Знать, деньги есть. Лидка точно после своего Арноши что-то припрятала.

Лидия горько усмехнулась: «Пожили бы вы на мое “припрятанное” — по-другому бы заговорили!» Да что людям объяснять — все равно не поверят.

После смены она пришла домой. Ожидая из садика девочек, присела на табуретку и задумалась. Да. Год без мужа был тяжелым. Но он закончился. Было трудно одной растить детей и вести хозяйство. Но она

справилась. Дочки, слава Богу, здоровы. Старшая осенью пойдет в школу. Спасибо людям — помогли зиму пережить. Лидия вспомнила, что осталось еще четыре года ожидания. И вслух сказала:

— Выдержу.

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Белоруссия

Павел Подзоров родился в 1975 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске. Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Рассказы переведены на ряд языков. Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет сертификат творческого работника Министерства культуры Республики Беларусь. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

В НИИЧАВО ЕДЕТ КОМИССИЯ

Необходимое предисловие

Книга «Понедельник начинается в субботу» попала ко мне в руки в возрасте двенадцать лет. И с тех пор стала настольной. Перечитывалась она столько раз, что сейчас я могу процитировать с любого места почти дословно.

Меня всегда интересовала дальнейшая судьба героев — сотрудников НИИЧАВО. Прочел все продолжения как принадлежавшие перу самих авторов («Сказка о тройке»), так и иным («Неделя неудач» С. Лукьяненко). За это время персонажи стали почти родными и просто так забыть о них я не мог.

Ни в коей мере не претендуя на цель «замахнуться» на самих корифеев фантастики — братьев Стругацких, тем не менее попытался проследить дальнейшую жизнь некоторых из главных героев, что и сделал в предлагаемом Вашему вниманию рассказе. Это просто один из множества эпизодов из жизни НИИЧАВО и его замечательных сотрудников.

СНОВА СУЕТА

*В течение текущего рабочего дня
нет ничего
помимо течения рабочего дня
(из «Пути Офис-самурая»)*

*«Нет Бога кроме Бога, а я — Проверяющий Его»
(Евгений и Любовь Лукины «Разрешите доложить!»)*

Осеннее утро ярко, не по-осеннему, светившим солнцем ворвалось в общежитие. Я — Александр Иванович Привалов, старший научный сотрудник отдела информационных систем, кандидат в мастера математической магии и «прочее, прочее» — проснулся в своей комнате от лучика света, нахально светившего в глаз... Попытался передвинуться, но, казалось бы, крепкий сон убежал окончательно. Собственно я о нем не жалел: кому охота в одиночку сражаться с целой толпой змеев-горынычей, да еще приговаривающих голосом Амвросия Амбруазовича: «Так его болезного, так!.. Се ля ви» и другими его любимыми словечками. Просто не хотелось вставать. Но вставать было нужно, и я, сделав ежедневные асаны и напитавшись жизненной энергией (КИ, ЖИ, Прана) по методике Федора Семеновича, умывшись и одевшись, отправился в институт.

Столовая второй месяц была закрыта на ремонт. «По случаю учета шницелей», — как проворчал недавно Витька Корнеев. И я направился на завтрак в кафетерий (бывшую чайную № 2).

Несмотря на изменившееся название, дух чайной остался. И именно это привлекало сюда посетителей. Давно прошло то время, когда я завтракал кефиром. Я заказал салат с семгой, блины с икрой и традиционный чай. Трапезничать здесь было приятно. Кроме моих коллег по НИИЧАВО тут закусывали водители дальнобойщики и девчата из соседнего библиотечного техникума. Разговоры были обширной тематики, часто слышался смех и настроение во время завтрака существенно улучшалось.

Обычно мы завтракали с Витькой и Эдиком. Но Эдик неделю назад женился, и теперь вкушал домашние паровые котлетки и супчик с потрошками. А Витька уже месяц сидел в командировке в Шамбале, на Тибете. Он бы давно вернулся, так как дел у него было от силы на два — три дня (получить рекомендации у ко-

го-то из Архатов по вопросу превращения отработанной каменноугольной руды в пошехонский сыр высшего качества), но проход в Шамбалу возникал раз в определенный период, и ему приходилось ждать...

Вестибюль института встретил меня обычной тишиной. Альфред, переведенный из вивария в вахтеры по причине старости (хотя злые языки поговаривали, что из-за пристрастия к странным чаепитиям), радостно поприветствовал меня, поднеся руку к старой швейцарской фуражке с околышем неопределенного цвета. На самом деле эта фуражка была неудачным вариантом шапки-невидимки — браком из лаборатории Магнуса Федоровича Редькина — и делала обладателя невидимым минут на десять, после чего поочередно сверху начинали проступать части тела и одежды пока не доходило до щиколоток. Тут шапка сохраняла свое действие полностью или частично. Поэтому сперва непривычно было видеть Альфреда то в носках, то босого, то вообще без ступней...

Институт жил своей жизнью... Кто-то из сотрудников уходил, кто-то отправлялся «на повышение» в Китежград. Их место заполняли молодые активные сотрудники, стремящиеся познать все и вся...

Конечно, это не касалось корифеев. Они работали в институте не один десяток лет и собирались трудиться дальше. Их тяга к знаниям, научному эксперименту, направленным на одну цель — дать человечеству и каждому его отдельному индивидууму Счастье — с годами не только не ослабевала, но крепла и приобретала новые формы.

Директор Института Янус Полуэктович Невструев успешно достиг точки после которой заскользил обратно по оси времени. И хотя мы знали, что с ним все в порядке и в прошлом Янусов стало теперь два, институт фактически лишился директора.

На появившуюся вакансию тут же прореагировал Выбегало. Свои заявления он разослал даже в Академию Наук и Научный совет при ООН. Однако, несмотря на большую шумиху, поднятую вокруг него в прессе, в научных кругах хорошо знали результаты научных изысканий Выбегалы и непредсказуемые последствия его опытов и не дрогнули под валом его справок, ходатайств, статей и прочей шелухи.

Пост директора был вакантен, и его обязанности временно исполнял Роман Ойра-Ойра, ставший к этому времени Академиком магических наук. Роман, предпочитавший административной работе свободный поиск, отчаянно противился назначению и даже вгорячах хотел загипнотизировать Академию наук в полном составе, но потом одумался.

Работа в НИИ шла своим чередом. Люди, в большинстве своем, здесь работали ответственные, увлеченные самим процессом бесконечного познания и совершенствования, и открытия сыпались одно за другим.

Так, в настоящее время в Соловецком районе проходило обкатку новое изобретение — анти-сигареты для подростков. Суть его в том, что при изготовлении они проходили через камеру с магическим спецгазом, менявшим их структуру, в результате чего при попадании сигареты в рот несовершеннолетнему она автоматически превращалась в гематоген.

По всему району посевные площади засеивались засухо-влаго-морозо-жароустойчивой пшеницей ускоренного созревания, что позволяло собирать два — три урожая в год при любых погодных условиях. Анти-алкогольное устройство для водителей уже получило свое распространение даже за пределами области. Оно блокировало электропитание автомобиля при малейшем наличии алкоголя в крови водителя и непосредственно в мозг транслировало ему десятиминутную лекцию о вреде спиртного и недопустимости вождения в нетрезвом виде. Самое интересное, что при третьей попытке сесть за руль запускались процессы, напрочь излечивающие водителя от этой пагубной привычки.

Это не говоря уже о снабжении засушливых районов планеты водой за счет пресловутой нуль-транспортировки воды тающих ледников, о заплатках на озоновых дырах, о скоростном восстановлении вырубленных лесов, о стопроцентной утилизации мировых свалок с преобразованием их в товары народного потребления и т. д. и т. п.

Я прошел к себе в зал... Тут тоже многое поменялось... В Серверной стоял и незримо трудился электронный монстр, представляющий из себя по характеристикам миллион таких машин, как мой первый «Алдан». Все машины института были объединены в сеть. Время от времени кто-нибудь из молодых нетерпеливых магов залезал в кабель лично и гулял по сети, стараясь решить свою персональную задачу. От таких мы, с Кристобалом Хозевичем, установили специальный фильтр-накопитель... Он отлавливал нарушителей в сети и водворял их в приемное устройство, где они в цифровом виде парились до моего прихода. Каждое утро я выпускал этих бедолаг на волю и, прочитав соответствующую лекцию, отпускал с миром.

Я погрузился в работу и до двенадцати часов был «глух и нем»... В пять минут первого я вышел в коридор, где меня чуть не сбил с ног дубль Эдика. Судя по его озабоченности и скорости передвижения, совершенно не свойственных для дублей, случилось что-то из ряда вон выходящее...

Я направился в отдел самого Амперяна, но столкнулся с Эдиком возле приемной.

— Ты чего улыбаешься, Сашка? — Он уже вбегал в дверь, но, увидев меня, притормозил. — Можно подумать, тебя это не касается?... К тебе первому и пойдут! Ты же у нас расчетный центр всего и вся...

— Да кто придет-то?

— Ты и правда не знаешь?!.. Во дает!.. Комиссия! Из самой Академии наук. С комплексной проверкой. По слухам, говорят, там кто-то решил нас прикрыть. Дескать, «непонятно кто, непонятно где и непонятно чем занимается». Наши-то наработки широко не афишируются. А там, где используются — мыслеблоки ставятся.

Ну, про это я знал... Положим, внедрят в какой-нибудь отрасли магическую новацию, разработанную нашим НИИЧАВО, и всем причастным соответствующий мыслешлок ставят. И все вокруг воспринимают чудо, как абсолютно обыденную вещь, не бегут писать в «Очевидное-Невероятное» и т. п. А просто используют его во благо, как данность.

— И финансируемся мы хоть и сами,— продолжал Амперян,— но в Академии Наук какая-то статейка на нас выделена. И расходование средств по ней должны проверить. А еще инвентаризацию. А еще аттестацию. Представляешь?.. Знания магов проверять будут те, кто в них по роду службы и по убеждению не верят.

Я обалдело уставился на Эдика. На моей памяти проверки в Институте были всего два раза: один раз — из подшефного рыбхоза, по сверке и учету селедочных голов для лаборатории профессора Выбегало, а второй — из района, когда какому-то новому начальнику отдела из тамошнего исполкома взбрело в голову посетить все объекты района. В первом случае все закончилось благополучно — акт описи съеденных и невозвратно утерянных в результате самоликвидации модели человека, неудовлетворенного желудочно, селедочных голов до сих пор пылился в необъятных архивах Модеста Матвеевича. Во втором — проверяющий не проник дальше проходной, где сунулся в швейцарскую. В районной больнице его галлюцинации (а так назвали увиденных им «макродемонов Максвелла») приписали к отравлению аргоном — которым и была заполнена швейцарская.

И вот теперь нагрянула настоящая Комиссия, да не откуда-нибудь, а из самой Златоглавой. Тут пустяками не отделаешься. Шутка ли сказать: предъявить проверяющим двухэтажное здание, количества этажей в котором — как вверх, так и вниз — на самом деле не ведал никто, показать списки штатных сотрудников, которых по документам человек двадцать, а фактически только живых душ около сотни, не считая не поддающихся учету, домовых, ифритов, ведьм и разной другой нежити...

— И что? — задал я не самый умный вопрос.

— Роман через полчаса собирает совещание. Все члены ученого совета и руководители ключевых отделов. Будем думать коллективно.

— Понятно. Буду. Только к Редькину заскочу.

Мы разошлись в разные стороны ...

За столом для совещаний в кабинете директора было тесно. Сам Роман, принципиально не поддерживающий директорский стиль, в джинсах и свитере прохаживался у окна, изредка любуясь океаном. Дабы не паяльаться на все тот же осточертевший лабаз, он установил сложновыведенную галлюцинацию и теперь мог наслаждаться не только видом океанского прибоя, но слышать его шум, крики чаек и даже вдыхать запах соли и водорослей.

Я, как начальник вычислительного центра, имел право присутствовать на заседании Титанов — ученого совета и администрации, и даже обладал правом голоса. Правда подавал я этот голос довольно редко.

Сейчас, сидя за массивным деревянным столом, покрытым зеленым плюшем, я все еще находился под впечатлением, оставленным недавним разговором с начальником отдела линейного счастья, бакалавром черной магии Редькиным.

— Дело в том, Александр Иванович, что любая наука, в том числе и о счастье человеческом, направлена на постижение Истины.— Магнус Федорович неспешно прохаживался по кабинету. Полы при этом жалобно поскрипывали.— Все исследования, так или иначе, стремятся к познанию Истины или хотя бы ее части. Не так ли?..

— Пожалуй.

— Так вот. Одна из проблем в том, что люди привыкают считать очевидное очевидным, не задумываясь над этим — просто по привычке. Стремление увидеть необычное в обыденном и есть ключ к постижению Истины. Поясню на примере.

Возьмем, к примеру, наши основные органы чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание... — перечислил Магнус Федорович азы школьного учебника.— Весь окружающий мир люди воспринимают через них. В итоге формируется картина мира, точнее человеческого представления о нем. Которое, так сказать, может не вполне соответствовать действительному.

Основная идея — в несовершенстве этих органов восприятия. Вот это, например, какой цвет? — Магнус Федорович указал на свой ярко-красный блокнот, в который он записывал определения счастья.

Я выразился, в том смысле, что, безусловно — красный.

— А откуда вы это знаете?.. Можете не отвечать — сам скажу. Знаете потому, что с детства, глядя на этот цвет, слышали его название — красный. Но нет никакой гарантии, что вы видите его, к примеру, синим, а я совсем иным. Просто с рождения каждого человека приучают, что такой цвет — красный.

— Выходит, каждый может видеть свой, индивидуальный цвет? — удивленно спросил я.— Раньше такая мысль мне в голову не приходила.

— Вот именно. А восприятие может быть индивидуально. Полагаю, что именно поэтому одни обладают так называемым художественным вкусом, а другие нет. Одни находят красивым сочетание цветов одежды, а другие безвкусным. А дело всего-навсего в индивидуальном восприятии. При более широком диа-

пазоне зрения можно увидеть, что этот цвет состоит из нескольких тысяч неуловимых человеческим глазом оттенков.

Да и что такое — цвет? Вы, как технический человек, знаете, что в природе нет такого понятия. Есть отражение света от разных поверхностей и свойства человеческого глаза по его восприятию. Не самое совершенное, заметьте. По сравнению с собакой, видящей мир черно-белым, люди, конечно, имеют преимущество. А вот, например, в сравнении с соколом-пустельгой, видящим стрекозу на расстоянии пятьдесят метров, существенно проигрывают.

То же самое справедливо и для остального. Звук — это вибрация определенной частоты. Диапазон восприятия человека примерно от шестнадцати до двадцати тысяч герц. Звуки выше и ниже по частоте для обычного человека не существуют. А ведь они есть. Все пронизано этими вибрациями. А люди слышат только часть мировых звуков, т. е. только фрагмент мира. Маги, безусловно, имеют более широкий диапазон восприятия, — Магнус Федорович не без некоторого самодовольства погладил себя по животу, — но и они ограничены рамками человеческого. — То же применимо к обонянию, вкусу и даже осязанию.

Здесь я с Магнусом Федоровичем не согласился:

— Цвет, звук, понять можно. Но осязание? — Я потрогал массивный стол с пятнами от кипятка и грудой бумаг. — Вот стол, он из дерева, я трогаю его, чувствую поверхность, твердость.

— Все так и не так, — улыбнулся Редькин. — Из чего состоят все физические тела?

— Из атомов, — уверенно ответил я.

Магнус Федорович оживился.

— Ага! Все вещи состоят из атомов. Это «строительные блоки» вещества, из которого состоят окружающие нас объекты, в том числе и живые. Атомы, в свою очередь, состоят из электронов и ядра — протонов и нейтронов... Если углубляться дальше, до кварков и глюонов и далее, то на микроуровне свойства материи становятся практически неотличимы от свойств энергии.

Следовательно, весь так называемый «материальный мир» — это большой, состоящий из многих образований энергоинформационный сгусток. Просто человеческое сознание воспринимает его части как некие материальные объекты. Ведь и физическое тело — тоже энергия.

Я зрительно представил окружающий мир, с точки зрения Редькина... Сплошной конгломерат энергоинформационных образований, одно из которых я сам. А вокруг меня нематериальные столы, стулья, стены НИИЧАВО, город Соловец и весь земной шар... Картина представилась удивительная. Однако логически — непротиворечивая.

Теперь понятно, как нематериальный Витька Корнеев проходит сквозь нематериальную стену... Да и многое другое эта теория объясняет...

— Спасибо огромное, Магнус Федорович! Вы мне открыли новую картину мира. Есть над чем поразмыслить. А сейчас, простите — бегу к Роману э... Петровичу — с комиссией разбираться.

Под завязку загруженный информацией я выскочил в коридор и, чуть не сбив с ног двух домовых, тащивший гору папок из архива, поспешил в приемную.

Теперь вопрос прохождения сквозь стены представлялся мне совсем в ином свете. Раньше я склонялся к тому, что раз расстояние между атомами во много раз больше самих атомов (как известно, если бы эти расстояния убрать, то человек поместился бы на кончике булавочной головки — и чувствовал бы себя там вполне комфортно), то пройти сквозь материальную преграду, коей является стена, вполне возможно, если пронести свои атомы сквозь атомы стены. Но вот как сохранить, при этом не нарушив, связи между атомами без их разрыва и смешивания и какую энергию для этого использовать — я представлял смутно.

Теперь же, после информации, которой меня щедро снабдил уважаемый Магнус Федорович, все выглядело гораздо проще.

Я в очередной раз вспомнил фразу кого-то из великих: «Чудес нет! Есть тот или иной уровень знаний». В свое время я, как новичок, прикрепил ее в виде плакатика на стене своего вычислительного центра, дабы не изумляться при каждой фантастической выходке сотрудников НИИЧАВО.

Действительно, если подумать, явившийся с работающим телевизором в средние века человек вне всяких сомнений прослышет великим чудесником. Как и тот, кто использовал бы автомат Калашникова против первобытных копий и стрел.

Я, в очередной раз порадовался, что судьба занесла меня в НИИЧАВО, без преувеличения являвшимся самым интересным местом на земле.

Роман прохаживался по директорскому кабинету взад-вперед. Было видно, что ему непривычно в новом статусе. По сути, Роман Ойра-Ойра был ученым-исследователем до мозга костей. Ему претила всякая канцелярщина и административщина.

Дюжий ифрит, в синих панталонах, которого Роман приспособил в роли переплетчика (неподшитой документации накопилось на хороший грузовик, что позволяло надеяться на неплохие результаты в грядущем соревновании по сдаче макулатуры), косил одним глазом в сторону посетителей и сосредоточенно со-

пел. Не обращая на него внимания, приглашенные здоровались с врио* директора и рассаживались за стол.

—Уважаемые коллеги, товарищи! — начал Роман.— Впервые за всю историю нашего института не минула нас чаша ревизии.

Он помолчал.

— Думаю, все понимают, чем может обернуться проверка нашего, мягко говоря — специфического заведения, людьми несведущими, не знакомыми с основами математической магии и прочих чародейных наук. Короче говоря, нам нужно выработать план — как сохранить статус-кво. Прошу высказываться.

Совещание длилось несколько часов и в целом, как официально выразился Модест Матвеевич — «но-сило конструктивный характер». Дело оставалось за малым — реализовать намеченное. На это бросили лучшие кадры института. А попросту говоря, Амперяна, Почкина и вашего покорного слугу.

Под чутким руководством названной команды, или, как громко ее обозвали — штаба по подготовке и приему комиссии, сотрудники НИИЧАВО развернули масштабную деятельность.

В Изнакурнож ноги избы маскировали под стилизованный фундамент, а саму избу закрепляли цепями — чтоб не вставала.

Лифт, который мог занести комиссию в непредсказуемые дали, поставили на долгосрочный ремонт. Несколько бесов, обряженных в комбинезоны лифтеров, создавали правдоподобную картину его наладки.

Институтский виварий замаскировали специальным Заключением, превратившим его в сырой подвал с текущими трубами. Последнее было сделано по наущению бессменного завхоза Модеста Матвеевича Камнедова, дескать, сами видите — без дополнительного финансирования не обойтись.

Полеты и хождения сквозь стены специальным приказом и. о. директора НИИЧАВО были строжайше запрещены. За нарушение, сотрудникам грозило самое серьезное взыскание, а нежити — полная дематериализация.

Часть программ и экспериментов временно свернуты, а магическое оборудование законсервировано — «во избежание».

К приезду комиссии все было готово.

В назначенный день на специально направленном вездеходе с аэродрома «Нелетаево» прибыла комиссия. Проверяющих было трое. Руководитель, по фамилии Кумпячков, а также двое членов — Кудельман Лев Моисеевич, эксперт и ответственный секретарь Е. Кумоватова.

Кумпячков принадлежал к очень распространенному типу под названием «Ответственный товарищ». Слегка примятая фетровая шляпа, под которой скрывалась большая лысина. Весьма солидный животик, на коротких пухлых ножках. И весь он вызывал ассоциации с колобком. Ростом Кумпячков был ниже среднего, от чего и старался смотреть на всех «свысока» и делать серьезное лицо.

Лев Моисеевич Кудельман был похож на постаревшего льва: необъятно грузен, сед и подслеповат, отчего носил большие очки в роговой оправе и часто их протирал. На окружающих он взирал с вальяжной хитринкой, словно хотел сказать: «Нуте-с, нуте-с, что вы там еще задумали? Меня, милейший, не проведешь...» Свои очки он протирал огромным носовым платком с надписью: «Экономика должна быть экономной».

Третий член комиссии, точнее — третья... была женщина по фамилии Кумоватова. Дама слегка за... В строгом костюме, с высокой прической и надменным взглядом. Этот взгляд выделил в толпе встречающих Эдика и уже не отпускал.

После обмена приветствиями и формальностей комиссия приступила к работе. В НИИЧАВО к их приезду практически все было готово, а коррективы вносились по ходу дела.

Так, заметив интерес проверяющей дамы к Амперяну, этим не преминули воспользоваться. Поскольку, как уже было упомянуто, Эдик недавно обрел статус семейного человека, было решено создать его дубль, специально сориентированный на работу с Кумоватовой.

Дубль Эдика, созданный специально для ее сопровождения, был безупречен. Галантен, ухожен, с чувством юмора и приличным денежным запасом. Он возил Кумоватову на личном автомобиле и обещал подарить шубу ко дню рождения. Кроме того, Эдик существенно подкорректировал его фигуру, убрав животик и добавив мышц, да и иные мужские качества дубля — со слов Эдика — намного превосходили самого хозяина.

Дубль возил проверяющую по всему району: они посещали выставки, музеи, рестораны, ездили на пикники и т. д. и т. п.

Немудрено, что Кумоватова не горела желанием просиживать за нудной и кропотливой ревизией, а предпочитала проводить время в обществе такого кавалера, как Эдик (коим она и считала дубль).

Таким образом, одну единицу из команды проверяющих, удалось нейтрализовать.

Лев Моисеевич тоже не проявлял особого рвения. В первую очередь, он был научный работник, и его искренне тяготила роль проверяющего.

* Врио — временно исполняющий обязанности.

Он быстро нашел язык с Федором Семеновичем и Кристобалем Хозевичем и часами пропадал то у одного, то у другого, а чаще с обоими вместе, в научных беседах — под запасы погребка.

Оставался Кумпячков, который проявлял неумную активность и служебное рвение.

Я неслышно приоткрыл обитую выделанной кожей дракона дверь и заглянул в кабинет Хунты. Кумпячков отправился на обед и у «оргкомитета по встрече», как величал нас Модест Матвеевич, образовалась небольшая пауза.

Похоже, я попал как раз к очередному чаепитию с задушевым разговором на тему строения Вселенной. На столах, среди микроскопов, реторт и прочей архаики, стояли дымящиеся чашки, вазочки с конфитюром и печенье. Двое магистров и Кудельман неспешно беседовали.

— ...Но и это еще не все,— продолжал неведомый мне диалог Кристобаль Хозевич.— Мир пульсирует. Причем пульсирует со строго определенной частотой. Это можно сравнить с морганием: миг — и мира нет, миг — и он есть снова... А ведь в момент мига «отсутствия» мира могут присутствовать другие миры. Миры отличимые на незначительную частоту каждый. А значит, их число может быть... — он сделал паузу.

«Бесконечным...» — мелькнуло у меня в голове. Эта беседа мгновенно ассоциировалась в моем сознании с недавней информацией Магнуса Федоровича.

— Именно.— Кристобаль Хозевич прочел мою мысль и с неудовольствием обернулся к двери. Однако, увидев меня, он благосклонно кивнул и махнул рукой — мол, проходи.

Я тихонько пристроился на колченогом табурете. Передо мной из ничего возникла чашка горячего ароматного чаю и блюдо с печеньем.

Разговор продолжался.

Через минуту я был полностью поглощен темой. Глубина открывшейся картины поразила меня. Мне представились прямо здесь и сейчас миллиарды миров, реально существующие в момент фазы «отсутствия» нашего мира. Миров отличных на ничтожно малую величину частоты колебания, но от этого не менее материальных. Если это слово справедливо применять теперь — после того, что я услышал о свойствах материи. Прямо сейчас в этом месте могло находиться несчетное количество предметов и живых существ.

На секунду у меня возникло видение сотен тысяч копий профессора Выбегало, с неизменной кашей в бороде, но я тут же, в страхе отогнал его, пробормотав формулу заклятия от кошмаров первого уровня.

А ведь, пожалуй, есть еще миры со временем, текущим вспять. Именно с таким в свое время наладил связь Янус Полуэктович.

Минула неделя, надо признать, весьма насыщенная и богатая событиями. Проверка подходила к концу. Первоначальный запал комиссии, точнее ее председателя иссяк. Осмотрев рабочие и служебные помещения, перелопатив горы бумаг-отчетов, балансов и прочего — и не найдя в них ничего необычного, Кумпячков, что называется, «сдулся» и оставшиеся дни работал без огонька — по инерции. Он все больше отвлекался на неофициальные разговоры с сотрудниками. Постепенно в ход пошли истории, случаи из жизни и, наконец, анекдоты. Он оказался не глупым собеседником и приятным человеком...

— Эх, люблю я, господа-товарищи, русскую баньку. Да чтоб парилка была пожарче вытоплена, да с веничком,— Кумпячков разглагольствовал, стоя в позе оратора и сжимая в руке чашу с морсом из морошки, и в наряде из простыни был очень похож на римского патриция.

«Знал бы он, что держит в руках самую настоящую Чашу Грааля»,— подумал я. Дело в том, что посуду в баню не захватили, и Роман, дабы не утруждаться, быстро трансгрессировал все, что могло понадобиться из музея «Изнакурнож». Тут были всевозможные чаши, кубки, столовые приборы и блюда из золота и серебра с вкраплениями (иногда весьма значительными) драгоценных камней. Все эти вещи принадлежали величайшим людям истории как известным, так и не очень. Кувшин из платины, по-моему, принадлежал даже какому-то правителю Атлантиды, который вкушал из него вино еще до всемирного потопа.

Так что стол был без преувеличения — царский!

— Проверка, в общем и целом, закончена,— продолжал Кумпячков.— Акт ревизии вышлем в установленном порядке. Не понимаю, почему про ваш НИИ ходило столько слухов. Злые языки дошли до того, что приписывали вам то ли работу на инопланетян, то ли сделку с дьяволом. А, в общем — самое заурядное учреждение (прошу понять меня правильно), ничего сверхъестественного, у нас таких множество.

И с отчетностью все в порядке (Модест Матвеевич гордо приосанился). Главнее хочу отметить — люди у вас замечательные! Отзывчивые, радушные.— Он сделал рукой широкий жест.— А сказки про колдовство, магию, домовых (при этих словах домовый Кузьма высунулся из щели за спиной Кумпяčkова, но увидев страшный взгляд Романа, мигом юркнул обратно), кикимор и прочей нечисти (Кузьма в подполье — обиделся) — пусть остаются сказками. Наше дело — наука. И применение ее плодов исключительно на благо человечества.

— Именно так! Наука! — подтвердил Роман, поднимая свой кубок с морсом — из коллекции Тамерлана.

Остальные присоединились, звонко сдвинув чаши...

А уже через час гусеничный вездеход уносил по чавкающему бездорожью первую, и дай Бог последнюю, комиссию по проверке НИИЧАВО.

Проверяющие были довольны.

Ответственный Кумпячков удовлетворил свое любопытство, проверив все, куда только смог дотянуться (в прямом и в переносном смысле).

Кудельман был доволен общением со столь неординарными и грамотными коллегами. Кроме того, ему преподнесли трость из железного дерева с золотым набалдашником и изумрудами. Старику сказали, что это позолота и стекляшки, и обладатель трости, сравнимой по цене с квартирой в столице, гордо опиравшийся на нее при ходьбе, при посадке спокойно забросил ее в багажный отсек.

Что касается мадам Кумоватовой, то успевшая, вместо утомительного сидения в кабинете, ознакомиться со всеми достопримечательностями Соловецкого района, заметно посвежевшая лицом, слегка пополневшая от массы съеденных шашлыков и щеголявшая в новой шубе, она с грустью покидала это замечательное место, почти не заметное на карте страны.

Институт вернулся к обычной жизни. Присланный Акт комиссии был благоприятным: ничего существенного не выявлено. Были, правда, кое-какие шероховатости организационного толка.

Но это уже совсем другая история...

Юрий СЫЧЕВСКИЙ

г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США

Юрий Витальевич Сычевский родился 9.8.1936 г. в г. Куйбышеве (ныне вновь Самара). Учился и работал в ведущих НИИ и ВУЗах Москвы тридцать лет. С 1992 г. живет в штате Нью-Йорк, США. По профессии — дипломированный кибернетик. Действительный член, сенатор Европейской академии естественных наук. Русская литература — духовное увлечение, пишет рассказы, стихи, сцены, эссе, публикуется в периодической русской печати Канады, США, России, Дании.

Член Клуба русских писателей Нью-Йорка, член Союза писателей Республики Крым. Участник и дипломант международных литературных конкурсов. Постоянный автор нашего альманаха.

ТЯНИ-И-ТОЛКАЙ

Юмористический рассказ

Вся наша панорама — хорошая реклама!

(Телефонный разговор заказчика со специализированной фирмой)

— **Заказчик.** Нелло. Это фирма по выращиванию?

— **Фирма.** О! Да-а! Мы рады приветствовать вас как нашего нового клиента и готовы принять ваш заказ! Я уверен, что вы будете счастливы пользоваться нашей продукцией и нашими услугами!

— **Заказчик.** Я хочу заказать вашей фирме вырастить для меня барашка.

— **Фирма.** О-о-о! Нет проблем! Для шашлыка, для плова, для жаркого? Приготовим для любого стола, на любой вкус! Кстати, у нас уже есть готовые экземпляры: и свежеприготовленные, и свежемороженые. С широким ассортиментом приправ!

— **Заказчик.** Благодарю, но у меня не гастрономический заказ. Мне нужен живой барашек для особого случая

— **Фирма.** О! Я вас понимаю! Наступают праздничные дни, и вы хотите отметить его по восточному обряду — жертвоприношением. Наши мастера покажут вам как это можно эффектно сделать. Р-а-а-з! И готово!

— **Заказчик.** Это здорово. Но вы меня опять не поняли.

— **Фирма.** Одну минутку, не отключайтесь: я хочу посоветоваться со своим менеджером... Стив! Тут какой-то козел хочет барана, но я никак не пойму, для чего он ему нужен.— Стив:— Ну и что? Козел возжелал барана: эка новость! Нетрадиционность и изощренность сейчас в моде и на восходе. Я что должен тебе это

объяснять? Разве ты сам не видишь, что вокруг тебя делает народ сытый? Принимай заказ, пусть он гарантирует оплату. Стоимость — по факту, а там разберемся. Понял?! Действуй!.. — Мой менеджер любезно дал согласие на выполнение любого вашего заказа. Высший класс обслуживания клиентов — наш бренд!

— **Заказчик.** Вы знаете, мне нужен не обычный барашек, а такой, знаете ли, совсем маленький: размером с кошку, чтобы его можно было бы легко взять на руки и положить себе на колени. Дело в том, что я собираюсь сделать своей жене подарок. Она у меня очень любит животных, и я, по традиции, дарю ей их каждый раз к какому-нибудь важному семейному событию. У нас как раз приближается...

— **Фирма.** Эсселлент! Ваша жена будет просто счастлива держать у себя в руках нашу продукцию! У нас как раз имеется один превосходный экземпляр! Правда, он чуть-чуть больше размером, чем вы просите: примерно — с собаку.

— **Заказчик.** Нет. Мне все-таки хотелось бы поменьше.

— **Фирма.** Но мы дадим вам приличную скидку, как нашему новому клиенту!

— **Заказчик.** Все же я бы хотел...

— **Фирма.** О'кей! Нет проблем! Мы всегда идем навстречу пожеланиям наших клиентов! Мы готовы уменьшить его размеры, но это повлечет за собой некоторое увеличение расходов.

— **Заказчик.** И, знаете, надо, чтобы он был такой... беленький...

— **Фирма.** Хорошо перекрасим.

— **Заказчик.** И пушистый.

— **Фирма.** Отлично! Добавим меха.

— **Заказчик.** И чтобы шерстка у него была длинная, мягкая, в завитушках. Ну, в общем, как у барашка.

— **Фирма.** Прекрасно! Нарастим. Помнем. Завьем!

— **Заказчик.** И еще, чтобы он мог прыгать боком, но не лягался.

— **Фирма.** Обучим.

— **Заказчик.** И знаете, чтобы он нежно так бляял: бэ-э-э.

— **Фирма.** Супер! Голос в заказе идет отдельной графой и, как правило, удорожает его. Но я запишью: переучить с «гав-гав» на «бэ-бэ».

— **Заказчик.** Очень важно, чтобы он был именно баранчиком, а не баранессой.

— **Фирма.** Ого! Вы будете у нас первым клиентом с таким заказом. Гордитесь! Недавно фирма приобрела, правда очень дорогую, программу трансгендерного перехода. Она, хотя и с трудом, но прошла свою пробу на людях. В вашем заказе мы как раз и попробуем провести ее новое испытание. Но я вынужден вас предупредить, что у нас нет уверенности в успехе. Дело в том, что у животных все намного сложнее: у них значительно развитее, чем у людей, чувствительность. Их простой заменой белья, раскраской физиономии и разноцветными флажками не обманешь. Они за километр чуют: кто есть «фу», а при встрече еще и обнюхивают друг друга со всех сторон для уверенности, что им не подсовывают какое-нибудь «фуфло». К тому же, если они не хотят, то их и заставить нельзя.

— **Заказчик.** Ну что ж, как говорится, флаг вам в руки. А когда будет готов мой заказ, и я смогу прийти за барашком?

— **Фирма.** Не беспокойтесь! Когда он будет готов, мы вас сразу же оповестим. Вы впервые обращаетесь в нашу фирму. А она имеет давние и славные традиции: вся наша продукция выращивается на основе новейших научных достижений и высоких технологий. У нас широкий круг клиентов. Вот совсем недавно мы выполнили редкий заказ одного миллионера с острова Тука-Матаки, который находится в Океании. Мы вырастили для него «Тяни-Толкая». Господин миллионер прочитал о нем в какой-то детской книжке. У него на острове есть все, а вот такой диковины, вроде Тяни-Толкая, у которого две головы: одна спереди, а другая сзади,— нет. Вы знаете, мы уникальные экземпляры не клонируем, чтобы не создавать нездоровой конкуренции среди наших клиентов. Это наш принцип. Кстати, мы даем на нашу продукцию бессрочную гарантию. Между прочим, я могу предложить вам этого очень симпатичного Тяни-Толкайчика. Я уверен, что ваша жена будет очень удивлена и обрадована одновременно, потому что с какой бы стороны она на него не посмотрела, то увидит теплый, встречный взгляд. Важно к тому же отметить, что она будет иметь у себя то, чего нет у ее подруг. Представьте, какая у них возникнет зависть! Вы с этим согласны?

— **Заказчик.** Да, я-то согласен. Но боюсь, что моя жена будет в замешательстве: с какой стороны этого самого, как его там, кормить: с одной стороны или с обеих сразу. И, вообще, как за ним ухаживать, в смысле гигиены?

— **Фирма.** О-о-о! Об этом не беспокойтесь! Мы дадим вам подробную инструкцию и даже пришлем своего агента.

— **Заказчик.** С двумя головами тоже?

— **Фирма.** Ну что вы!

— **Заказчик.** Но почему же? Если вы выращиваете для других, то что же вам мешает...

— **Фирма.** Юридическая сторона дела. По закону человек может представить себя юридическим лицом. А если у него их будет два? Что тогда? Ведь придется заново переписывать всю юриспруденцию!

— **Заказчик.** Да, это большая проблема.

— **Фирма.** Я могу подсказать вам по секрету, одну потрясающую бизнес-идею. После того, как вы станете владельцем нашего Тяни-Толкайчика, объявите всемирную выставку Тяни-Толкаев! А так как вы будете обладателем единственного и, притом лучшего в мире экземпляра, то соберете все призы! Вы неслышанно разбогатеете! К сказанному я хочу добавить еще одну важную вещь: двуголовость — символ большого ума! Вот в России, например, государственный герб — двуглавый орёл. Великий российский ум в одной голове не умещается, а в двух — без проблем!

— **Заказчик.** А что скажет его основной заказчик? Ну тот, который с острова...

— **Фирма.** Ах! Он от него уже отказался. Пока мы выращивали ему двуглавого Тяни-Толкаев, этот господин начал читать книжку о трехглавом Змее Горыныче. И сейчас мы приступили к выполнению его нового, а для нас почетного, заказа по выращиванию трехглавого Змея Горыныча. Скажу, что в трехглавости тоже есть своя символика государственной власти, показывающая триединство ее ветвей: президента, парламента и суда. А герб — в виде трехголового Змея Горыныча — еще и реальность взаимоотношений между ними. Откровенно скажу, что лучше бы мы отказались от этой затеи: наши первые опытные экземпляры дали отрицательные результаты.

— **Заказчик.** А что случилось?

— **Фирма.** Да эти три головы повели себя точь-в-точь как люди: они перегрызлись между собой, ну прямо как американские столичные власти теперь. Такие же — гневом дышащие. И нам пришлось все начинать сначала. По-видимому, произошел сбой в заложенной программе.

— **Заказчик.** А я уже знаю в чем причина сбоя и могу вам подсказать.

— **Фирма.** Не может того быть! Ну-ка, ну-ка спасайте науку!

— **Заказчик.** Я предлагаю вам включить в технологию выращивания один компонент, который в народе называют: «на троих», и тогда, я уверен, все пойдет у вас как по маслу: никаких конфликтов, а только веселый дружеский «междусобойчик».

— **Фирма.** *(Слышен смех).* Тогда это надо начинать с исполнителей! Но, если говорить серьезно, то наш научный «мозговой центр» оказался в тупике уже сейчас: в нем пришли к выводу, что когда количество голов уменьшается, то происходит концентрация ума в одной голове, и в результате получаются самодуры, — упрямые, не желающие подчиняться даже их создателям. А когда наоборот: один ум рассыпается на много голов, тогда они становятся просто дурами. Притом — во всех отношениях. И что же в этом деле может представлять собой «золотая середина»?

— **Заказчик.** Прямо скажу, что я вашим мудрецам не завидую. Я тут тоже недавно прочитал, правда не в детском, а вполне взрослом журнале о том, что ученые приступили к решению проблемы разгрузки нас, а точнее, человеческого ума от чрезмерной перегрузки в повседневной жизни. Опыт показал, что разные там механические автоматы уже облегчили людям ручной труд. Теперь пришло время освободить человека и от умственной работы. Как я лично понимаю, для того, чтобы он мог без помех сосредоточиться на своих заботах в получении удовольствий и наслаждений. Ученые даже придумали для этого и название: «искусственный интеллект». Принципиальная разница его с нашим состоит в том, что в нем отсутствуют те самые «скандальные» железы, из-за которых, между нами, «любимыми», весь «сыр-бор» и происходит. Но, если мне не изменяет память, я уже встречал таких особей в восточных манускриптах. Они надежно зарекомендовали себя, служа в гаремах. А в общем-то, дело это полезное. Пожалуй, я одного такого заказал бы к себе в дом, а то перестал ездить в командировки: боюсь оставлять жену одну без присмотра. Обязательно к ней кто-нибудь да пристанет.

— **Фирма.** А что она вам жалуется?

— **Заказчик.** Да в том-то и дело, что — нет! Она меня жалеет! Но душа болит у меня самого! Ведь она у меня — послушная и безотказная. Точь-в-точь как автомат Калашникова! В любых условиях.

— **Фирма.** Тогда я вас понимаю. Руководство нашей фирмы в курсе дела и создало спецподразделение. Сейчас идет подбор в него подходящих специалистов таких, как: психологи, нейропсихологи, парапсихологи, а также биокибернетики, биоинформатики и другие «био». А зачем вам долго ждать? Мои знакомые военные летчики говорили мне, что они уже пользуются устройством, которое распознает: кто «свой», а кто «чужой». И если появляется перед ними какой-нибудь «чужой», то они могут работать на его «поражение». Вот и все дела. Обратитесь к ним.

— **Заказчик.** Спасибо за подсказку. Сделаю такую попытку. Возвращаясь к работе вашей фирмы, я полагаю, что благодаря ей в будущем на земле будут бродить одни только безрукие Тяни-Толкаев, Змеи-Горынычи и другие жизнерадостные многоголовки.

— **Фирма.** Это совсем не исключено.

— **Заказчик.** Но давайте вернемся к нашему баранчику.

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Вячеслав Викторович Михайлов родился и вырос на южной окраине СССР, живет и работает в Москве. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Печатался в «Литературной газете», газете и журнале «День литературы», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника прозы «Вызов».

Наш постоянный автор.

ЗАПАДНЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ВОСТОКЕ

В самом начале 1990-х годов, когда Советский Союз угрожающе закрипел и закачался, Андрей Савин, молодой кандидат наук, родившийся в Гулистане, проживающий и работающий в Ташкенте, выбрал на референдуме жизнь в Союзе. Так решило и большинство граждан. Но года не прошло, как решительная противная сторона обрушила-таки громадную страну и вытряхнула Савина в малую — Узбекистан. На шестой части земной суши одновременно занялись самоопределением пятнадцать государств. Широценное одеяло общей экономики было разодрано на куски; наспех принялись латать их да перекраивать, кто как умел. Зябнуть скоро стали «и мал, и велик». Многократно урезали финансирование из госбюджета института комплексных аграрных исследований, в котором Савин трудился завлабом; заключить даже сугубо практичный договор стало почти невозможно. Зарплата в итоге скукожилась, на жизнь не хватало. Люди потянулись из института: кто на производство, кто в чиновники, кто в торговлю. И Узбекистан все больше отдалялся, обособлялся от России, узбекский язык вытеснял постепенно русский из делового обихода, а узбекского Андрей, как и большинство местных славян, не знал, если не считать распространенного в быту скудного лексикона. Так устроена была прошлая жизнь, что обходился без узбекского, окружающие узбеки говорили по-русски, и это казалось естественным, незбылемым. Язык еще можно было осилить, но с растущим отчуждением от России оставалось лишь смириться либо собираться в дальний путь. Узбеки — коллеги, соседи — по большей части сочувствовали, да что они могли поправить. И у самих забот прибавилось изрядно.

В семейном кругу и институте частенько заходили разговоры о растущем оттоке славян и других некоренных жителей из Узбекистана на ПМЖ — постоянное место жительства — в Россию и иные страны. Немало знакомых уехало. Настроения это не добавляло. В общем, тревоги, опасения, отчасти преувеличенные, росли, затеняли раз за разом то теплое и светлое, что привязывало к узбекской земле; чаще приходили думки о переезде: и в России дела не лучше, но надежнее — там корни, родичи, шансов побольше, пожалуй, найти работу приличную по специальности. Но куда конкретно перебираться, ехать на разведку или нет, кто сначала двинется, кто потом, или сразу всем гуртом, когда продавать квартиру — вопросы эти нелегкие страшили, отодвигали окончательные решения.

Неожиданно Савину выпала денежная подработка, и не один раз. Появилась передышка, можно было без лишней суеты подготовиться к отъезду. К тому же впервые довелось посотрудничать с западными европейцами. Кое-что запомнилось.

Используя открывшуюся возможность, Правительство Узбекистана обратилось во Всемирный банк с просьбой предоставить кредит на льготных условиях для обновления агропромышленных предприятий под Бухарой, Андижаном и Термезом. Рассмотрение кредитной заявки, принятие решения о выдаче займа, его размере занимало много времени. Приходилось терпеть процедуру — дешевый кредит того стоил.

По обыкновению, банк вначале решил прояснить для себя, на что конкретно лучше потратить деньги, и, заручившись согласием местной власти, привлек для этого дела известную консалтинговую фирму из Франции. В Ташкент прибыли четверо ее консультантов-французов плюс один англичанин с женой-тайкой. У французам на тот момент не оказалось свободного эколога, и они второпях, не выбирая особо, пригласили специалиста из ливерпульского университета да еще согласились на его условие взять в попутчицы супругу. От местных в команду включили Савина и инженера-механика Рустамова из того же института комплексных аграрных исследований — все стараниями директора. Он подвизывал своих людей к делам банка в стране и мог рассчитывать на часть их заработка. Против дележа никаких возражений не было: месяц работы на банк оценивался раз в двадцать больше, чем в институте.

С экологом французы промахнулись и заподозрили это еще при встрече в вестибюле гостиницы: после долгого перелета рослый ливерпулец едва плелся с ноутбуком на плече, а вслед за ним его миниатюрная женошка катила внушительный чемодан и тащила дорожную сумку. Он оказался не только непоходным совсем

человеком, но и мнительным, капризным субъектом. К тому же не стеснялся ничуть, что его молчаливая вторая половинка — скорее прислуга. «Так типерь у Европа ни редко,— ухмыльнулся как-то Жан-Шарль Пийон, шеф французов, поймав не первый недоуменный взгляд Андрея на этой супружеской чете,— найти паслучни жена отдалеко... от Тайлэнд часта». Савин насмешливо спросил: «И у тебя, Жан, такая?» — «Нет, нет,— засмеялся негромко француз,— Мишель можит на мне бросать тарелка, сараза — Федя от Киев ругать свой жинка так». Французы давно кочевали по свету, хорошо владели английским, а несколько лет назад, когда вдруг появилась работа на постсоветских просторах, отзанимались еще и русским по ускоренному курсу. До этой командировки они уже побывали в Молдавии и на Украине, успели там попрактиковаться в русском, нахвататься обиходных словечек и выражений. И здесь между делом пытались говорить по-русски, веселя всех вокруг произношением, невероятными словесными комбинациями, разгружая переводчиков.

В поездках — то тут, то там — иностранцы открывали для себя новое, и Савин — «узбек» тоже кое-что узнал впервые, не подавая, конечно, виду. Так случилось при посещении бухарского винзавода. Винным знатоком у французов оказался экономист Поль Офрэ. На дегустации, оценив уже несколько вин, он взял очередной фужер — с десертным рубиново-пурпурным «Алеатико», — опытным движением закрутил опять вино, вдохнул аромат, пригубил и, погоняв легонько во рту, проглотил.

— Пикантный привкус цитрона, — похвалил Поль и спросил: — А сколько добавлено сахара?

Представитель завода Юсуп сказал:

— Ни грамма.

Его не поняли, — решил Офрэ, — или вопрос не точно перевели. Снова переспросил. Ответ был тот же. Виноделы в толк не могли взять, чего не ясно чужестранцу.

— Это невозможно! — воскликнул Поль по-английски и перешел на кривой русский. — Не бить можит эти вино бес сахар.

— Не верит он, что ли, не пойму, — шепнул переводчику Юсуп. — Скажи ему, осталось немного этого винограда — «Алеатико». Если хочет, принесем.

Поль довольно закивал головой, выслушав переводчика. Быстро передали блюдо с несколькими гроздьями темно-синего винограда. Француз закинул в рот тройку виноградин, сосредоточенно прожевал их. Потом взял целую гроздь, оглядел ее внимательно, покачал головой и признался, что много раз пробовал этот сорт на родине, на юге Испании, в Португалии, Австралии, но такого сладкого не встречал. Он рассказал, что во Франции делают похожее вино и непременно с добавлением сахара.

— Может это из-за почв? — предположил Поль.

— Да нет, — засмеялся Юсуп, — Николай Палыч, биохимик заводской, говорит, от соленой поливной воды — сахаристость она повышает. Вода солоноватая в тех местах. И дыни там слаще, и фрукты.

Не раз еще потом Поль, кушая виноград, поминал непривычно сладкий «Алеатико».

После завершения намеченных дел вся команда собралась в ресторане на прощальном ужине. Ближе к его окончанию захмелевший хорошо Жан-Шарль ни с того, ни с сего вполголоса сказал Андрею: «Странни ви, русски... Мой дидушка — как нежини эти звуки — дидушка — родиться франсуски Альжир... Он стать социалист, вместе араби он воевать длия свобода Альжир от Франси...». Пийон примолк на мгновение и, подобрав подходящие слова, продолжил: «Потом де Голль дать свобода Альжир, но дидушка ни мог жить Альжир, араби ни хотеть он, ни хотеть его друзия — ни забить прошлии обиди... Дидушка ехать Франси, мало жить после... Узбеки хотеть жить вместе вами, но Русия сама уходит... все бросать! Странни...».

Из Нукуса, каракалпакской столицы, Савин возвращался в Ташкент вместе с голландцем Мартином Слюмером и его переводчиком. Командировка эта была в рамках небольшого проекта помощи Приаралью. Финансировался он из казны Европейского Союза, а заключался в анализе и оценке вариантов создания новых рабочих мест для рыбаков, рыбопереработчиков, крестьян, охотников и прочих здешних жителей, оставшихся не у дел из-за усыхания Аральского моря, Приаралья. Многие из этих десятков тысяч людей уже мигрировали при помощи властей и самостоятельно. Процесс начался еще при Советском Союзе. Но немало осталось, и крушение СССР их положение осложнило.

Регистрация и посадка в безлюдном аэропорту Нукуса прошли довольно быстро. Разговаривали между собой мало — усталость поднакапливалась после путешествий по пустынным углам; километров на двести отъезжали от Нукуса и больше по бездорожью. К тому же очередная поездка в зону Приаралья навевала обычно грусть, особенно если приходилось заезжать на пустынное, морщинистое дно высушенного моря. Завалившиеся на бок, проржавевшие и раскуроченные рыболовецкие суда впечатляли. Издали они походили на истерзанных бурей и выброшенных на берег кашалотов. Невольно набегало чувство вины за беспощадное насилие над природой, печальную участь местного люда. И не ослаблялось это чувство пониманием того, что вода Амударьи и Сырдарьи, отнятая у Арала, дала жизнь новым кишлакам, поселкам, городам, наполнила рукотворные озера-водохранилища, а несколько миллионов среднеазиатских жителей, включая не одну сотню тысяч каракалпаков, обрели работу и новый мир под родным небом.

Летели на Як-40. На входе в последний раз проверили и отметили билеты. Пассажиры расселись по своим креслам. Все места в салоне на тридцать шесть человек были заняты. Зашумели двигатели, и вскоре самолет тронулся; за окном вдали проплыли редкие придорожные деревья, здание аэропорта. Вдруг Як при-

тормозил, остановился. Несколько минут ничего не происходило. Савин с Марином переглянулись: «Что встали — до взлетно-посадочной полосы еще далеко?» В салон вышел пилот, быстро прошагал в хвост и скрылся в багажном отсеке, захлопнув за собой дверь. Самолет шевельнулся — кажется, опустился хвостовой трап. Отдаленно слышались звуки перемещаемых то ли чемоданов, то ли сумок, топтание ног, редкие глухие голоса. Продолжалось так минуты три. Потом все стихло, пилот вернулся в кабину и самолет опять покатил. Когда летчик прикрывал дверь в багажный отсек, насторожившиеся Савин с голландцем дружно обернулись и увидели, что этот закуток Яка просто забит людьми, разными тюками, ящиками. Мартин рас-терян-но и испуганно посмотрел на Андрея.

— «Левый груз», «челноки», похоже, — не сразу выдавил Савин, струхнувший не меньше голландца. Андрей и без того побаивался летать, старался обходиться наземным транспортом насколько возможно.

— Челноки?

— Мелкие торговцы это, Мартин, местного масштаба, — пояснил переводчик Камиль, тоже наблюдавший за выходом пилота. — Тут купили — там продали, там купили — тут продали... Без удобств летят, в тесноте — зато полчены платят. Обычное дело теперь. Только много напихали что-то — оборзели летуны...

— Нужно заявить протест, — дрожащим голосом предложил Мартин. — Мы не можем так лететь. Это небольшой самолет. А если лишний вес взяли? Вы представляете?!.. Странно — все молчат!

— Следующий рейс завтра. И не факт, что билеты будут, — невозмутимо заметил Камиль. — Не идиоты же они, знают свои возможности... Поздно уже задний ход давать.

Мартин умоляюще глядел на Савина. Тот поднялся, прошел к кабине и постучал с надеждой добыть решающий повод остаться, не лететь. Выглянула стюардесса, показался в дверях кто-то еще из экипажа. Через минуту Андрей был на своем месте: «Сказал им, что летит представитель важной делегации Евросоюза, беспокоится насчет перегрузки. Говорят, не волнуйтесь, согласован дополнительный груз — в пределах допустимого... Уверенно говорят».

Голландец тоскливо дослушал и отвернулся обреченно к иллюминатору.

Самолет взлетел, стал набирать высоту. Савину казалось, что подъем Яку дается нелегко, явно с натугой. «Большой вес, избыточный», — крутилось в голове. Пытался сбить тревогу успокоительными рассуждениями, но сердце их полностью игнорировало — лупило всюду. Не зря металось. При едва уловимой перемене скорости зад Яка вдруг заметно просел, а носовая часть приподнялась, да так, что салон хором охнул. Летчики что-то предприняли и с крайним напряжением, которое выдавала сильная вибрация, положение выправились. Скоро ситуация повторилась. Пассажиры переполошились. Недавно хладнокровный Камиль вдавился глубоко в кресло, нервно стискивал подлокотники, а в глазах Мартина и Савина с равной экспрессией отплясывал страх: опасения и дурные предчувствия оправдываются; это лишь начало; сомнений нет — самое ужасное близко. По громкоговорителю стюардесса сообщила о сильном встречном ветре и порекомендовала не расстегивать ремни безопасности до полного набора высоты. Голос экипажа отчасти приглушил волнение в салоне. Ни Андрей, ни Мартин ему, конечно, не поверили. «Врет, стерва», — прошипел гневно Савин.

После третьей зловещей полуприсадки Яка в салоне возник знакомый пилот и неспешным прогулочным шагом направился к багажному отсеку. Савин едва не набросился на бессовестного «сокола». Одно удержало: тот рулил хоть и шатким, надрывно ревушим, но все же летящим Яком. В момент пилот вывел за собой в салон «челноков» — всего тринадцать человек. По преимуществу это были каракалпаки — на вид скорее крестьяне, собравшиеся в город за покупками, чем торговцы. Они расселись в проходе на небольших сумках, прихваченных с собой; сосредоточились в передней части салона. Летчик, вожакom следивший за их передвижением, одобрительно кивнул и исчез в кабине.

Тут встрепенулся голландец, который, казалось, совсем пал духом, следя глазами за миграцией многочисленных безбилетников на борту.

— Нельзя ли попросить алкоголь покрепче? — простучал он зубами.

— Здесь воду давно не подают, — буркнул сипло Андрей, — а ты — алкоголь.

— Мужики! — обрадовано нырнул к себе в сумку Камиль, — забыл, ишак. Я ж в Нукусе пузырь виски взял — дешевле, чем в Ташкенте.

Он вытащил бутылку емкостью 0,7 л. Про стаканы никто не вспомнил, в минуту целительная жидкость разлилась в три глотки.

Савин закрыл глаза. Ждать пришлось недолго: дрожь затухала, стал различим пульс, отступала паника. И Як перестал приседать: то ли передислокация «левого груза» помогла, то ли забрались на нужную высоту и летели уже с постоянной скоростью. Андрей повеселел: кажется, пронесло. Скопился на Мартина. Порозовевший голландец с интересом разглядывал своих новых соседей, дивясь их внешней безмятежности.

— Живем, Мартин, — улыбнулся Андрей.

— Что вам жизнь! — неожиданно резко откликнулся тот. — На чужую плевать, своей не дорожите. Глупый риск... И с природой так же. Угробили море, выбросили вон людей...

Андрей разозлился:

— А тебе дома не говорили, что ехать сюда работать — глупый риск?

Голландец осекая, замолчал. Но подогретому Савину хотелось потолковать, отвлечься от полета — лететь еще минут сорок.

— Значит, говорили. Но ты здесь. Так что мы с тобой ближе, чем ты думаешь. А море... Ты зол — и оценка злая, неверная. Сам знаешь отлично: Арал — большая трагедия, тяжелый выбор.

— Дурной выбор.

— Ничего подобного, — вынужденный! И вполне в западном стиле... Чем лучше, скажи, была вырубка лесов в Европе? Почти все извели. Разве что во времени процесс растянулся, а Арал иссох на глазах одного поколения... Росли числом европейцы, добывали древесину, расчищали землю под пашню, деревни, города. Нужней им была земля без лесов, выгодней. И секли их, не глядя, что кормили они кого-то, были чьим-то домом, природой живой... Горевали, конечно, по зеленке, как не горевать. Но жить-то надо, и желательно получше. Секли да резали, резали да секли... И у Арала воду забрали туда, где она нужнее оказалась, где выгоды от нее больше — «дежавю», не иначе, и «се ля ви».

— То давно было. Теперь мы леса возвращаем местами, живность там разводим, парки новые разбиваем.

— Так время пройдет и Арала восстановление начнется.

Спор разошелся, отскакивал в новые темы и продолжался пока, наконец, Камиль не толкнул Савина в плечо: «Садимся». Через несколько мгновений Як уже мягко коснулся бетонного полотна, заревели с удвоенной силой тормозящие моторы.

Англичанин Майкл Лоутон работал экономическим консультантом в проекте содействия рыночным реформам в сельском хозяйстве Средней Азии. Деньги на проект выделил опять же Европейский Союз, а сводился он к выработке рекомендаций. Лоутон поначалу исправно пропагандировал давнишний европейско-американский опыт, отработывая хорошую зарплату, как и большинство зарубежных спецов. Но, вникая мало-помалу в аграрные дела региона, стал корректировать свою позицию — не без помощи местных кадров. В конце концов и вовсе выступил против «фермеризации» — дробления действующих крупных сельхозпредприятий на мелкие, — которую европейское проектное начальство было настроено хвалить, советовать. Цифрами Лоутон доказывал, что обернется она ростом производственных затрат, что не перекроется удорожание производства эффектом от усиления конкуренции. В итоге поплатился: инакомыслящего уволили до подготовки финального отчета.

Как-то, по истечении одного из промежуточных этапов проекта, ташкентские участники организовали небольшой стол и пригласили Майкла с переводчиком. Когда водка уже поработала, сблизила и выровняла, агроном Назир Эргашев задал Лоутону заготовленный наверняка заранее вопрос: «Майкл, а вы там у себя собираетесь вот так на работе: посидеть, поговорить по душам?». Зная прямоту англичанина, Назир предвидел, что тот ответит и приготовился прокомментировать. Майкл все понял и подыграл: «Нет, по существу, у каждого свои дела, проблемы». Удовлетворенный Назир воскликнул: «Как же вы там живете?!».

— Поэтому я там и не живу, — улыбнулся озорно Лоутон.

Елена КУТЬИНА

г. Белев Тульской области

Кутьина Елена Вячеславовна родилась в Туле. Окончила факультет русской филологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого по специальностям «Русская филология» и «Культурология». Работала в рекламном агентстве; корреспондентом на ТВ и в печатных СМИ. Многодетная мама, занимается воспитанием детей. Живет в г. Белеве.

ТЕМНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИТЕЙСКИХ БУДЕН

«БОМБОЧКИ»

**(из откровенного рассказа одной обманутой жены; от ее лица,
с ее согласия, но без упоминания имен)**

— Я — к маме. За продуктами не успеваю. Денег переведу, сходите? Как горло?

— Почти не болит, было хуже. Не беспокойся, осенью всегда — так.

— Ох, вот кому по-настоящему идет дорогое нижнее белье! Ты что выскочила так, оденься, еще хуже

простудишься.

— А кому не идет?! — С ходу вдруг больно кольнула догадка: муж сравнивает меня с какой-то другой женщиной, которую недавно видел тоже в нижнем белье.

— А, да это я так сказал! Чего цепляешься? Давай, держись тут. Постараюсь приехать пораньше.

— Пока... А когда?

— В воскресенье постараюсь. Вечером. Погуляйте тут.

— Конечно, сейчас соберемся. С тобой бы вдвоем куда-нибудь сходить. На фотовыставку хочется очень.

— Ну а когда нам: постоянно занят. Вот дети вырастут, тогда сходим обязательно.

— Ха! Когда дети вырастут, мне шестьдесят лет будет. Ключи есть?

— Есть.

— Не забыл?

— Нет, вот они.

— Открой сам, если приедешь ночью. И поужинай; я оставлю ужин, как обычно. На завтрак каша в мультиварке будет, теплая. Также не забудь, если будешь уезжать рано.

— Хорошо... Ничего не забыл я?... Открою, конечно. Так, дети, давайте, пока, я поехал... к бабушке.

— Пока, пап!

— Погуляйте.

— Ладно.

— Не играйте в телефоне целый день!

— Ну ладно.

— Смотри, чтобы они не сидели целый день в телефонах.

— Обязательно. Мы сейчас на улицу пойдем.

— Дай канистры для воды... Ну — все! Давайте тут. А, да... Это она не любит, не будем никого шокировать, она не знает, что я женат... — И с улыбкой с безымянного пальца было ловко скручено тоненькое обручальное кольцо и засунуто в задний карман джинсов.

— Не потеряй.

— Не потеряю. Ну, все, давайте тут...

Легкий поцелуй на бегу, грохот пустых канистр в подъезде и щелчок замка.

— Дети, не играйте целый день! Давайте через час гулять пойдем. Сейчас надо покушать, Маша поспит и пойдем.

— Хорошо...

Крошечная хрущевская кухня, два слоя истоптанных ковров на полу съемной квартиры, серое московское небо непонятного времени года в окне и кивающие длинные ветки, заслоняющие скудный свет. Двенадцатая по счету съемная квартира. Все будет хорошо, все будет хорошо... Сигнал мультиварки.

— Дети, кто будет кашу?

— А какая там?

— Рисовая.

— Я буду.

— И я.

— ... Я не люблю кашу.

— Что-нибудь другое съешь.

— А что?

— Ну посмотри там... бутербродик будешь?

— Да.

— А чего ты не хочешь кашки? Смотри как Маша ест!

2.

— Я не люблю. Меня тошнит.

— Тогда не надо. Даже доктор сказал, лучше растительную пищу. Капустки пожарить вечером?

— Да, да!

— Блин, нам в магазин еще зайти надо... давайте, не копайтесь тут... Ох, он же денег забыл дать... Алле, любимый...

— Тебе денег надо? Извини, забыл, две тысячи хватит?

... Душный зал дешевого магазина, я не одна, которая хочет экономить. Московские старухи мнут пальцами хлеб и пачки творога, азиаты пробуют грязный виноград прямо с витрины, затертые до сального блеска рукава черных курток и надвинутые на глаза шапки «армани» провинциалов, обтянутые ляжки и выкрашенные кудри приехавших покорять Москву барышень из глубинки бросаются в глаза. Повышенные тона, жаргонные словечки, желтый и голубой свет одновременно в лампах дневного освещения в зале.

— Мам, а можно мне это?

— А сколько это стоит? Да зачем тебе? Возьми с распродажи, там то же самое, только дешевле... И посмотри еще недорогое масло.

Бесконечная очередь к кассе: пожилая азиатка в обмотанном несколько раз по-деревенски вокруг головы, пестром платке и широкой длинной куртке с золотой отстрочкой вывалила молодому пацану-кассиру две горсти мелочи. Он начал считать, апайка виновато озирается; пакет, полный дешевого хлеба, картошка. Стоящие за ней недовольны, но кассир терпеливо отсчитывает, объясняя плохо понимающей по-русски сколько надо.

— Будете орать, закрою кассу! У самих что ли такого не было? Давай, мать.— И она снова протягивает ему горсть мелких монет разного достоинства.

Это длится долго. И есть еще народ. Но уже можно выложить товары на ленту. Наконец-то впереди только серенькая, как сушеная моль, бабушка с кефиром. Осталось только заплатить.

— Ой, а здесь срок годности какой-то...— И, неподдельно вдумчиво разглядывая все свои товары, принимает решение:

— Подождите, я сейчас в отдел схожу.— И, пробив одну пачку, медленно, через весь огромный зал возвращается выбирать хороший товар.

Душно. Я вспоминаю, что не поела, как следует. В глазах начинает мутиться и, пока я еще не упала в обморок, с последними силами вытаскиваю ребенка из сиденья тележки, за которую он зацепился застрявшими ножками, коротко приказываю старшим детям идти на улицу и мимоходом кассиру:

— Мне плохо, извините, верните, пожалуйста, товары в зал...

На воздухе, возле магазина, мне чуть лучше; надо как-то дойти домой, опять не купили еды. На бетонном парапете — алкаши, но не до этого: лишь бы не упасть, прислониться, посидеть, опустить голову вниз.

— Я закрыл кассу, вы как тут?

— Спасибо, кажется, хорошо.

— Давайте карту, я все пробью, оплачу и вынесу.

— Серьезно?! Спасибо огромное. Я рухнула, не знаю что со мной.

— Старики эти, чем только думают. Давайте карту.

... Весенняя уборка. Гора зимней обуви на полу, в ванной; пуховики и пальто свалены в кучу; свитера, джинсы и теплые вещи отправлены в стирку, не забыть бы что-нибудь в карманах! Однажды постирала паспорт в своей дорожной сумке, в другой раз — деньги и какой-то адрес в его джинсах. Не люблю я лазить по карманам, да и время это отнимает, но придется. Вот, в дубленке что-то нашла. Полоска бумаги. ЦУМ. Духи. От руки модным летящим почерком написано Tarifa Kelko. ЦУМ? ЦУМ... ЦУМ!

Сразу веселая, предлетняя уборка превратилась в тягостную повинность, а наши вещи, приготовленные на хранение к следующему сезону, в гору хлама. Тарифа. ЦУМ. Стало мало воздуха, мало места, мало слез. Тарифа. ЦУМ. Селективный парфюм, коллекционная винтажная серия. Тридцать тысяч рублей, 75 мл. В его дубленке этот пробник?!

Я сразу вспомнила его, случайно попавшиеся фото с «коллегой» на концерте; их селфи на зимней улице; утро того дня, когда помогала подбирать ему образ: крутился перед зеркалом, примеряя разные вещи и спрашивая моего совета, что лучше надеть. Я участливо советовала, думая, что у него какое-то важное мероприятие; гладила ту самую черную рубашку, в которой он теперь запечатлен на ее страничке. Вспомнились его жалкие слова: «Это — просто коллега. Да она меня бесит. Она же страшная, с кем тут?.. Это нас послали по работе. Я же тебя люблю, неужели ты не чувствуешь?».

Но страничка ее хвасталась их совместными фотографиями с выставок, концертов, ресторанов, поездок на дорогие подмосковные курорты. Кадры, рисующие эту женщину в самых лучших ракурсах, были сделаны — нет сомнений — моим мужем: сложно спутать стиль. Фотография с дня ее рождения, где она хвалится дорогим колечком с гранатами, удивительно совпадает по датам с покупкой, которая отобразилась на моем аккаунте ювелирного магазина. Подвеска с бриллиантом. Сколько же денег! А я-то думала: у нас их нет и хватает только на базовые нужды. И это бы еще полбеды. Как пережить?! Как понять?! Как уместить, что все, что было сделано тобой ради семьи, на самом деле было... Нет, нет, нет! Все — не так. Надо посмотреть его сети и все уладится. ВК: два аккаунта на одно и то же имя. На одном — паспортное фото и я — в друзьях, на другом я заблокирована и одни — женщины. Нет. Нет. НЕТ! Последняя ниточка — его браузер: виагра, купить с доставкой, массажный салон «Алые паруса», индвидуалки, тиндер, разовые встречи, Сергей, 45 лет (Сергей?! 45? Ему больше!), ПорнХаб, извращенный секс, групповуха, малолетки, по принуждению... Затошнило меня.

— Мам, ты что? Мам, что-то случилось?

— А-а... голова кружится.

— Ты отдохни. Чайку попей...

Ну ладно, не святой. Но ведь мы же есть у него. Или нет?! Его телефон: Вика, Ангелина, Регина, Анна, Света. Мессенджеры — он:

— Привет, Стас, Маша есть?

— Да. Мы в кафе, ждет тебя, ты там скоро?

— Скажи, я не заеду. Я с женой. Она задолбала уже: везде за мной ходит, никуда не пускает меня. Выйди, передам диск, мне еще в больницу к дочери надо.

Лада:

— Поедешь домой (домой?!), купи лосьен (так и пишет это слово, а еще с высшим образованием и на такой должности). Смотри, какие кудряшки мне стилист сделал.

— Растрепать бы их в постели!

— Прилетай.

— Прилечу.

— Слушай, а когда мы уже уедем?

— Да, пора валить уже. Задолбала вся эта семейная жизнь. Поищи куда.

— А я уже нашла! Смотри, как — там! А это будет наша еда! А это — я!

— Вау, офигеть!

— А у меня еще и секси-фоточки есть.

— Обалденно!

— Чья это девушка красивая, не твоя, случайно?

— Да! А у тебя и подружка симпатичная.

— Да, у меня все подруги — красивые. Когда прилетишь из командировки, сходим в кафе-мороженое?

— Не-а, сегодня не могу, давай в пятницу!

Пятница, пятница, пятница. Этот ненавистный мною день, когда где-то среди веселых, пьяных, флиртующих толп народа — твой любимый человек, которого ты ждешь дома, с детьми.

— Чего так поздно?

— Ну я же пришел! Что не так?

— И все? А мог бы не прийти? Мы должны радоваться? Приз достался мне?

— Ну я же люблю тебя, неужели ты не чувствуешь?

— Чувствую, наверно... но это вот все — что такое?!

— Ну ты пойми, это — игра такая!

— Игра?! Такая?! А ничего, что я с этой вашей игры чуть в окно не вышла?! Секс годами, как у мух: три секунды, чтобы напряжение снять, а чужие чулки с шампунем на заднем сидении нашей машины, где дети наши ездят, это — тоже шутка такая? Моя жизнь вам — тоже игрушка? Наша жизнь!

— Ну не относись ты так серьезно! Ну мне так жаль, что ты так огорчаешься!

... Уборка в ванной. Истрепанная фиолетовая коробочка с чем-то странным внутри. Пудра? Тесто? Бомбочки для ванны! Бросишь одну в воду, она пузырится, пузырится, шипит, пенится, пахнет, воду красит в фиолетовый. Откуда у меня они? Муж подарил. На 8 Марта. Помню, как радовалась я его вниманию каждый праздник!

Любовнице — коллекционные духи за тридцать тысяч рублей, а мне... — бомбочки для ванн; ей — набор элитной косметики, а мне — набор масочек против старения с улиткой; у нее — дизайнерское кольцо с гранатами, а у меня — крем из дешевого магазинчика; ее шею украшает подвеска с бриллиантом, а мне — кожаный ремешок, который дают за покупку дорогой ювелирки бесплатно; распутнице — набор дорогого белья, а мне — торт с распродажи.

Бомбочки... Масочки... Жене... Матери своих детей...

Господи, почему так смешно-то?! Не обидно уже, не больно, нет больше зла; как от хорошей шутки, — смешно: вся наша семейная жизнь с ее страстями и его коварством превратилась в бомбочки...

И впервые за долгие годы я смогла не заплакать, а искренне, в голос, рассмеяться...

Галина МАМЫКО

г. Симферополь, Крым

Галина Леонидовна Мамыко — прозаик, член РОО «Союз писателей Крыма». Выпускница Калининградского государственного университета. Работала в Крыму — учителем, журналистом, пресс-секретарем Председателя Верховного Совета Крыма (1998—2002 гг.), помощником народного депутата Украины (2002—2010 гг.) В 2003 г. по совместительству — пресс-секретарь Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря. Автор рассказов, повестей, романов, публицистических очерков, статей, а также автор стихов и сказок для детей. Публиковалась во многих российских литературных журналах и альманахах. Лауреат газеты Союза писателей России «Российский писатель» за 2022 год (рассказ «Послушание»). Дипломант международных литературных конкурсов «Молитва» (2021), «Хижицы» (2021), «Гранатовый браслет» (2022) и др. Лонг-лист Горьковской литературной премии — сборник сказок «Мармеладный домик» (2017). Персональный писательский сайт <http://eko-men.ru/proza/>. Наш постоянный автор.

АРСЕНЬЕВА ЛЮБОВЬ

Рассказ (в сокращении)

Людмила Андреевна Любомирская по происхождению, как говорили, была полькой, очень красивой. Поговаривали, якобы из древнего аристократического рода, но утверждение было бездоказательным. Ее ладная фигура в длинном суконном платье в талию, выразительные синие глаза и весь милый облик запали в душу молодому казаку Арсению Кавуну, гостившему в том селе у родственников. Приметив красавицу на воскресной службе в местной церкви, казак стал искать встреч. Когда народ шел к обедне да когда по окончании ее на паперть вытекала толпа, Арсений уже стоял поблизости, вытянувшись как на плацу, горя надеждой уловить желанный его сердцу взгляд. В церкви же выбирал позицию поближе к своей избраннице, прямо на женской половине, слева, и стоял, не обращая внимания на условности. Ну и что с того, церковный устав нарушает, чай, не фарисей мы. Так что уже очень скоро Людмила заметила хлопца с горячими глазами.

Родители неласково встретили жениха, слышать не желали речей о сватовстве, сурово выпроводили со двора и приказали на глаза им не попадаться. Для восемнадцатилетней дочери они имели на примете молодого и далеко не бедного вдовца-помещика. Ночью девушка, укутанная в шаль, с узелком в руках, обмирая от страха перед родительским гневом, после многих колебаний, с тяжелой душой, раздираемой противоречиями между любовью к суженому и дочерним послушанием, таки выкралась из отчего дома. Поблизости уж заждался Арсений в казачьем башлыке, с бьющимся сердцем и пылающими щеками, он сидел наготове, в сильном напряжении, в запряженной двумя лошадьми бричке с откидным верхом.

Революция вмешалась в жизнь каждого, а тем более коснулась семей зажиточных крестьян, каковыми они стали. К тому времени, когда свои бунтарские настроения сторонники революции перестали скрывать и уже в открытую держали себя в обществе с уверенностью хозяев, Арсений вынужденно оставил казачью службу — не только из-за отречения царя от престола, что сильно разочаровало молодого казака, имевшего крепкие верноподданнические чувства, но и вследствие необходимости быть с семьей и работать на земле.

Молодые с удовольствием погрузились в быт семейной жизни, все хотелось как можно лучше и добротнее обустроить, каждую мелочь воспринимали как подарок судьбы. Они усердно лелеяли и свою любовь друг к другу, и свою усадьбу с землями и садом.

Это был немалый отрезок их успешной жизни. Взаимная любовь окрыляла и переполняла. Радость рождения и воспитания детей укрепила и еще более воодушевила их счастье. Воскресные и праздничные дни они посвящали церковному богослужению и раздаче щедрой милостыни.

В 1918 году они чуть было не лишились земли, Совет крестьянских депутатов вознамерился отбирать лишние земли у богатых в пользу малоземельных крестьян. Но осуществиться этому решению на тот период не удалось из-за прихода германо-австрийских войск. Спустя полгода их сменили денкиинцы. А там началось... Махновцы, красные, белогвардейцы... Вели подрывную работу партизаны из подполья местных коммунистов. Перестрелки, восстания, поджоги, взрывы, воздушные бои. В селе видели конников Эстонской стрелковой дивизии, бойцов Червоного казачества... Жители: кто за коммунистов, кто против, все смешалось в той буре.

Арсений духом и сердцем был на стороне белогвардейцев, но старался не лезть на рожон. Мысль о

семье сдерживала. В один из периодов смуты, летом 1920, он чуть было не встал в ряды пришедших из Крыма врангелевцев, поверив в незыблемость их победы. Жена, оплывшая после недавних родов, с прижатым к налитым молоком щипкам младенчиком, неловко кособочась, припала, кланяясь, к мужниным ногам, в плаче заклинала ни во что не встречать. Все зыбко, ведает сердце, и эти не сегодня-завтра подрапают, говорила Людмила. Так и случилось.

Не прошло полгода, новые ураганы накрыли Чаплынку, принесли на смену белогвардейцам красных кавалеристов. Дом волостной управы отошел под штаб стрелковой дивизии во главе с Блюхером. Сюда же, торопясь, прибыл командующий фронтом Фрунзе, подтянулись его люди, пошла каша за кашей. Загнулись в черном дыму пахучие яблоньки, ахнули оглушенные грачи, замельтешив кипучим месивом в огненных перебранках в тучах и под тучами, перемешалось в небе светлое и темное, и было такое изумление вокруг в природе, что и куры с гусями, бабка Настюха Гранькина слышала, да, куры с гусями вскричали бесовскими голосами. Народ плескал руками, не зная, что думать, чего ждать. Деда терли чубы, запахивали губами табачные самокрутки, зажимали кустистыми бровями слезливые по старости очи, им вовсе не хотелось думать или гадать по поводу приспавших пакостей, у мужика заботы о другом. Землю наяривать, вот дело, земля — так та же баба, все на сносях, а военные дела эти, политика, нет, это не дело, гутарили деда, смотрели по сторонам искоса, осторожничали, нет ли ушей чужих, расходились степенно по хатам, учуяв подозрительные шевеления в атмосфере.

Арсений сидел большей частью дома в сильном расстройстве духа, надежд ни на что хорошее у него не осталось. Людмила с сердечным соболезованием наблюдала, как мужнины руки поглаживали дорогую его сердцу награду — Георгиевский крест, налюбуется с тяжелой горечью своей забавой да полезет, вздыхая, по деревянной лестничке в погреб, схоронит под досками. Там же и наручные часы именные тайл, полученные им из рук самого Государя, с дарственной надписью за доблестное служение Царю и Отечеству.

Его чуйка сбылась. У зажиточных крестьян взялись отбирать излишки земли в соответствии с новым законом Всеукраевкома. «Ничего, мы и так проживем, главное, ты не перечь, видишь, какие они, лучше не связываться», — говорила Людмила, настороженно поглядывая на смурного мужа. Правду сказала, еще почти десять лет Кавуны держались, хоть и отрезали по живому у них лучшие, сочные уголья, но что-то да осталось для продолжения земледелия. Чи не смерть, лопотала, ластясь ночью к мужу, Людмила, надаривала поцелуями, дабы не заскучал совсем не в меру, дабы не закаменел. Куда там, разве мог Арсений закаменеть рядом с Людмилой, он и любые грозы мог пережить, зная под собой ее, медовушку горячую, тут и лихо не страшно, и беда не горька.

Однако подковыляло совсем уж смятенное время, взбрыкнули по селам угрозы шибануть в сбрую кулацкие хозяйства, пошли сыпаться обещания учинить буржуям такое, что сразу побачут, кто тутось головний. Треба тикать, Людмилушка, кликнул думку жене Арсений, и тут разве ж можно видказаты, когда шалят, ой, шалят, хиба же не ясно.

В одну из напоенных теплыми повитрями ночей 1930 года, отлупились к ляху Кавуны, как порешили за их участь на своем уличном совете провонявшие махоркой старейшины. С Кавунами все зрело, балакала голытьба, набилось бедняков в опустевшие кавунские хоромы, засудачили про дележ, в рукопашную пошли вопросы решать, покуда красные командиры не огрели плетками. Разбежались, сгорюнившись, голодранцы, не удалось понагреться у легкой наживы. Опечатали пригожий дом бумажкой с подписью комиссара, до времени притихло опустевшее жилище. И молчало тут все, еще вчера пригодное к семейной жизни, и ничто из теплого кавунского гнезда не рассказало никому, как Кавуны в последнюю для них ночь в родном селе, слезно помолвившись в дорожку, поклонами ублажили матушку-земельку колешками да и потекли, крестясь, в надежде обрести если не землю обетованную, то хотя бы клочок той райской земли. Грели мрию сховаться от тяжелого духа, этого морока, что давил на них в Чаплынке. Как это случается с людьми, им казалось, что где-то, где их нет, там-то уж точно живется не так, а значит, и угроз спокойствию меньше, и буде им гаразд, буде гарно.

Они, и больше Арсений, нежели Людмила, с готовностью поверили в слухи, что будто бы самым надежным местом в отношении будущего теперь стал Крымский полуостров, где, опять же по слухам, должно было вот-вот начаться что-то такое, что обязательно вернет прежние порядки, а красных отбросит назад на материк. Нам терять нечего, решил Арсений, а попытать счастья можно, коли здесь, в Чаплынке, нас грозят сослать в Сибирь, то хуже точно не будет. Ох, как жалко было Людмиле расставаться с любимым селом, с близким отсюда морем, горевала вместе с матерью старшая дочь, пятнадцатилетняя Наташа. И всю жизнь потом они обе будут вспоминать с огромной печалью свою любимую родную Чаплынку и сожалеть, что тогда решились покинуть насиженное место.

Вместе с Кавунами в дальний путь отправились корова, да две лошади. Что удалось взять, то и взяли. Дремали рядом с родителями в повозках Наташа и десятилетняя Жанна, спал на руках матери годовалый Алексей.

Не без трудностей пришли на Крымскую землю, к двоюродному брату Арсения в Джанкой. Николай выделил им половину дома. Арсений устроился на работу в конюшню. Он прекрасно разбирался в лошадях, знал толк в своей работе, с детства имел навык управляться с лошадьми, а в казачестве его закрепил.

Жизнь снова приняла внешнее благополучие. У реки взялись всей улицей строить саманные домики, как гнезда ласточки, лепились по цепочке над бегущей водой, обнадеживали душу думами. Так обзавелись Кавуны глиняным домом с дверью на крючке, как у всех. Отдыхали душой после пережитого в Чаплынке,

наслаждались тишиной. Хлопотали на клочке земле, ухаживали за деревьями, дочери смотрели за птицей, коровой, помогали по хозяйству. Людмила, будучи способной портнихой, ходила по домам, брала заказы, до поздней ночи в их саманном домике строчила ее швейная машинка.

В душе Арсения не было лада. Сердцем не мог примириться с большевистской властью, не мог слышать новости о доносах, арестах, закрывающихся церквях, претила чуждая его духу, как он говорил, боготорческая идеология, взятый в стране курс на уничтожение богатых. Ненависть съедала его: «Когда слышу рассказы о строительстве коммунизма, в глазах темнеет. Так бы и бросился в драку. Чуть не плюнул в лицо одному из них» — «Мы вполне хорошо живем, что еще нужно, смиришься. Благодарю Бога, что живы и не сосланы на Север», — говорила Людмила.

Он все еще надеялся на падение ненавистного строя.

Война усилила эти надежды, особенно, когда Джанкой оказался в зоне влияния немцев.

Арсений, не веря предчувствиям жены (Людмила пророчила зыбкость оккупации), отправился на поклон в немецкую комендатуру, прихватил с собой в качестве доказательства приверженности царскому строю именные награды от Николая II. За исповедь о неприязни к коммунякам его похлопали по плечу и оставили работать в конюшне.

Но о суровом предсказании Людмилы вспомнить пришлось-таки. С наступлением Красной Армии и стремительно приближающимся освобождением полуострова требовалось спешно решать: уходить Арсению вместе с врагами русских, или дожидаться, может быть, расстрела. Он хорошо понимал, что с ним будет.

Людмила не пожелала оставить родную землю, а тем более оказаться в эмиграции. Взрослые дочери поддерживали ее.

Под грохот канонады, в зареве огней, пожаров, под полыхающим ночным небом, прощались Арсений и Людмила на всю жизнь, больше никогда не было им суждено встретиться. Подошла к отцу для прощания старшая Наташа с двумя малыми дочерьми, из-за ее спины смотрел с сочувствием на своего тестя Борис. Арсений подхватил на руки внучек. Заплакала Наташа. Следом Жанна. Предчувствовали, теряют отца навсегда. Алексей во двор не вышел, он сидел на топчане, к которому тулились самодельные, сделанные батей, подогнанные по росту костылики. Отец вернулся в хату, сын сдерживался, чтобы не плакать, ему уже исполнилось пятнадцать лет, у него пробивались усы, и он заметно возмужал. Обнявшись, оба заплакали.

Доносились всхрапывания лошадей, приглушенная немецкая речь, по дороге шли в темноте солдаты нескончаемой цепью. Арсению прокричали по-немецки, он махнул рукой оставшимся во дворе, и побежал с тяжелым сердцем в сторону конной части обоза.

Отъезд мужа оставил в душе Людмилы такую рану, такую пустоту... Не было сил плакать, не было желания жить. Ночами она видела одно и то же: последнюю минуту расставания с Арсением. Она сказала ему тогда: «Что же ты наделал», и все, говорить больше ничего не могла. В ее потемневших глазах он прочел ту самую обиду, которая засела в ней потом на многие десятилетия, обиду на того, кто променял их любовь на какую-то глупую, дурацкую политику, так она считала.

Она не могла объяснить себе подобные поступки. Она считала, что нет на свете ничего важнее любви, семьи, а государство, власть, это дело второстепенное. Да гори оно все огнем, лишь бы у нас в доме были мир и лад, думала она. Она не воспринимала разговоров о «государственных идеалах», о которых толковал муж. Его идеи патриотизма, верности царю-батюшке и многое другое она, может, и приняла, если бы это не шло в ущерб семье.

Ее мнение в отношении власти большевиков было однозначным: что случилось, то случилось. Плохо или хорошо — не нам судить, мы люди маленькие, нам детей надо растить и любить друг друга. Тот пламень ненависти к красным, что сжигал сердце ее мужа и толкал, как она считала, на безумные поступки, был ей чужд. Она могла понять лишь одно пламя, которое должно гореть в сердце человека, это любовь. Но уж никак не вся та чушь, как она это называла, что сделала в итоге ее мужа изгоем, оставила без Родины, а главное, без семьи.

Успокоение появилось в ней вместе с пониманием: ее муж — предатель. Это открытие, что она сделала, давно вызревало в ее душе, и это не имело отношения к той Родине, о которой говорил муж, ради которой он приветствовал немцев как «освободителей» и от которой, в конце концов, уехал на чужбину. Для Людмилы понятие «Родина» было, в общем-то, довольно абстрактным, не имеющим отношения к сердцу, к чувствам, это было само собой разумеющимся, как дом, огород, без чего просто нельзя жить. В ее голове не укладывалась, что можно уехать из родного места, оттуда, где корни, где вся жизнь, и променять это на неизвестно что, а в итоге оставить семью.

Поняв смысл его поступков и обозначив для себя это глупостью и предательством, она поставила крест на прошлой семейной жизни, обозначив ее как собственную большую ошибку, и этой ошибкой был ее супруг. «Я принимала его за другого человека, он оказался не тем, кем я его считала», — так она решила для себя.

О себе Арсений напомнил родным десять лет спустя, к тому времени семья Кавун навсегда покинула Джанкой, переехав вскоре после освобождения полуострова в С. Переезд состоялся благодаря повышению

по службе начальника Наташиного мужа, который пригласил ехать с ним своего водителя и предложил ему на выбор любой из многих домов, пустовавших после депортации татар. Кавуны облюбовали на улице Старопроточной просторный дом на две семьи с садом и огородом.

И вот тогда и дал знать о себе Арсений.

59-летнюю Людмилу вызвали в особый секретный отдел, протянули письмо от мужа из Австралии. Она смотрела на исписанную мужниным почерком дорогую белую бумагу, в первые секунды ничего не могла понять от волнения, некоторые строки в письме вымараны черным. «Мы зачеркнули те места, где указывается адрес нахождения вашего мужа и как к нему добраться»,— пояснили. Из слов чекистов она узнала, письмо долго плутало из-за смены жительства адресата. Когда она вникла в суть, то еще больше испугалась. Арсений писал о своей любви к ней, утверждал, что сильно скучает по семье, но это все ничего, если бы далее он не сообщил, что разбогател, стал владельцем двух фабрик, у него огромное состояние, он надеется, Людмила с детьми и внуками переберется к нему в Мельбурн.

«Я не знаю, кто это писал, и не хочу знать, уезжать куда не собираюсь»,— она постаралась говорить решительным голосом. Такой ответ вполне устроил чекистов, ее отпустили и больше не вызывали. Она надеялась, на этом все, о бывшем муже никогда больше ничего не услышит. Однако ошиблась.

Спустя год в один из дождливых осенних дней Гарус громким лаем известил о посетителе, Людмила выглянула с веранды, услышала сквозь шум ливня, да, стучат. Накинула платок, пошла смотреть. Незнакомый мужчина, с окладистой седой бородой, в широком плаще, с черным зонтом в руке, в резиновых галошах поверх ботинок. Он был немолод, и видно, что устал, пока шел в горку по длинной, вымощенной старинным булыжником, неровной дороге. Однако он отказался пройти в дом, остался у ворот, держал зонт над головой Людмилы и совсем малым краешком над собой. С заметным сочувствием смотрел на Людмилу. Он привез письмо от Арсения, в молодости был знаком с ним по казачьей службе. Письмо получил через третьи руки, и чудо, что получилось провезти через границы и досмотры. Людмила стала отказываться, она боялась подвоха от чекистов. Гость сунул ей в руку конверт и, передвинув на себя зонт, с полупоклоном, ушел.

Арсений писал примерно то же, что и в предыдущем письме. Только на этот раз строки с указанием адреса не были вымараны.

Разве может любящий человек, как он о том написал ей, разве может любящий свою жену, свою семью человек так глупо поступать, навсегда теряя и жену, и семью, и любовь... Ради той Австралии, в которой оказался, и эта Австралия, и новоприобретенные там богатства, фабрики и заводы, оказались в итоге еще одной, новой, большой пустотой, потому что в этой новой для него жизни не было больше главного — самой для него дорогой и самой любимой женщины и тех детей, которых эта женщина ему когда-то родила. Письмо из Австралии убедило ее в том, что бывший муж оказался идиотом. В ней окончательно вместе с успокоением относительно прежней семейной жизни родилось равнодушие и к этой жизни, и к тем идеалам, которые воспевал Арсений. И вообще к любым идеалам.

Она стала смотреть на бытие глазами человека, потерявшего все, что можно было потерять. Жизнь утратила для нее прежние смыслы, когда думалось обо всем легко, высоко, чисто. Она стала больше проводить время у плиты, в саду, в огороде, думала о дочерях, внуках, ее заботы по дому заполняли ей душу, в ее душе осталось место для того, что окружало ее, видимое, близкое, это заботы, суета, дела, дни, ночи, куры, утки, поросята, приготовление домашней колбасы, домашнего вина... Она согласилась выйти замуж за того человека, который приходился Арсению двоюродным братом.

Как и она, Николай был далеко не молод. Может, он ее полюбил, может, просто привык. Кто знает. Но они видели друг в друге людей порядочных, надежных, без задних мыслей. И это обоим устраивало. Ему нравилось, что она в хлопотах по хозяйству. Ей нравилось, что он точно такой же, как и она, все дни отдает делам домашним, всюду его руки, все успевает, и поглядывает на нее по-доброму. Она кормила его сытно, вкусно, они любили сидеть вместе за столом, а когда он болел, она ухаживала за ним, укутывала одеялами, отпаивала травяными чаями. Во всем этом она нашла то, чего ей хотелось: тишину, а еще уверенность, что эта тишина будет и завтра, и послезавтра. Для нее было важным, что ее второй муж не имел в голове никаких политических идей, не был одержим этими идеями, и вообще был равнодушен к властям, а заодно и к любым идеям, несовместимым со спокойной семейной жизнью. Он просто не думал ни о чем таком, а тем более не говорил. Ему не было ни до чего дела, кроме того, что он видел вокруг своего дома. Он говорил о погоде, о том, что надо забить свинью, сделать домашнюю колбасу, говорил о садовых и огородных делах, и шел в сад, шел на огород, и она видела его спину, как он трудится, как он наклоняется то и дело к земле, что-то там делает, и она любила эту спину. Этот его голос. Эти натруженные руки. И то, что он обычный, простой человек без всех тех завихрений, что были у Арсения и погубили и его, и их любовь.

Впоследствии письмо Арсения таили как реликвию взрослые внуки и высказывали полушутливые надежды, что когда-нибудь их найдет богатое наследство из Австралии. У одной из них конверт находился в диване среди запыленных стопок книг. Предчувствуя в старости близкую кончину, она сожгла письмо.

Август, 2023 г.

Евгений СКОБЛОВ

г. Москва

Евгений Маркович Скоблов — прозаик, член Союза писателей России, председатель правления Академии российской литературы. Главный редактор Вестника АРЛ — литературного альманаха «Московский Парнас». Автор двадцати семи книг художественной прозы, руководитель четырех проектов коллективных сборников публицистики. Участник более ста российских и зарубежных литературных периодических изданий. Лауреат российских общественно-литературных премий и дипломант отечественных и международных литературных конкурсов. Обладатель ряда литературных наград Московской городской организации СП России. Наш постоянный автор.

КОЛЬЦО 85

В 1985 году мне во второй раз подряд выпало счастье отправиться в отпуск летом. В тот год я был буквально раздавлен проблемами. Шел четвертый год моей офицерской службы, совсем недавно состоялся развод с женой. Обычные служебные дела постепенно трансформировались в беспросветное, безвременное существование, без дней недели, без времен года, без праздников и выходных. Разумеется, они где-то были и для кого-то очень даже существовали, но только не для меня. Как-то так уж складывалось мое бытие, что ответственность и напряжение вытеснили все остальное из повседневной жизни. Быстрая женитьба и скорый развод достаточно сильно повлияли на мои внутренние установки и мотивацию, хотя по молодости я старался не придавать особенного значения этим, совершенно незаметным разрушительным влияниям.

Единственным отдохновением в редкие выходные дни было посещение ресторанов города Костромы, где мне выпало совершать свои служебные подвиги и мимолетные влюбленности с женщинами из этих ресторанов. Быстро встретились, быстро «полюбились», быстро разошлись, вот и вся недолга...

И вот, отпуск. Совершенное, неоценимое и долгожданное счастье. Тридцать дней безделья, которое в то время было для меня почти свято. Я приехал к маме в Хмельницкий и первые три или четыре дня предавался всяким маленьким удовольствиям: бродил по городу, пил кофе и сухое вино в маленьких кафешках, встречался со школьными друзьями, которые тоже оказались в это время в городе. Но в основном, выходил из «состояния грогги» и усталости, накопившейся за год. А потом мама сделала подарок — путевку на круизный лайнер «Адмирал Нахимов», отправлявшийся в рейс из порта приписки в Одессе 14 июня.

Это была почти фантастика, которая однажды уже случилась годом раньше. И тогда неделя, проведенная на корабле вернула меня к жизни. Прекрасное плавание, прекрасная компания, прекрасный лайнер — это как раз то, что мне было совершенно необходимо сейчас. Я бы сказал, крайне необходимо, поскольку, несмотря на относительно юный возраст, я действительно чувствовал, что начинаю терять вкус к жизни...

Путевка! Это был бонус, но, как оказалось, еще не весь. Мой друг детства и сосед по дому Андрей как раз в это время приехал в отпуск из Монголии, где проходил службу. Он быстро сориентировался и сумел за один день раздобыть в городском турбюро путевку на этот же рейс!

В день отъезда, после ужина я еще раз проверил документы и вещи, которые собирался взять с собой в поездку. И тут мне на глаза попались мамины золотые украшения — они кучкой лежали в вазочке на журнальном столике — серьги, цепочки с кулонами и кольца. Одно из них имело особую ценность. Это было широкое, массивное и при этом очень изящное золотое кольцо. А главная ценность заключалась в гравировке в виде замысловатого орнамента, в центре которого была помещена буква «М». Это кольцо, сделанное на заказ, бабушка, мама моего папы подарила когда-то моей маме. А буква «М» считалась нашей семейной буквой, поскольку маму звали Марией, а папу Марком. И еще она что-то означала, о чем я не знал. Мама очень дорожила этим кольцом и выделяла его из остальных украшений.

В тот вечер я совершенно произвольно надел кольцо на мизинец и почувствовал, как легко и мягко оно пришло. Еще мне показалось, что от него исходит тепло. Мы с мамой посмотрели друг на друга и я сказал:

— Мам, а дай мне это кольцо в поездку? Очень красиво смотрится...

Я думал, что мама не позволит мне взять кольцо, мало ли что может случиться в путешествии дальнем. Вариантов много, например я могу познакомиться с женщиной, а потом от щедрот душевных, подогретых массандровскими винами, и, особенно, если ночь была удачной, подарить ей на добрую память. Или, например, будучи на стоянке корабля в каком-нибудь из портов посещения, полезть купаться в море, и его совершенно незаметно смоев в соленой прохладной волне с пальца. А могу и просто потерять по пьянке, поскольку молодость, и круиз предполагал море вина, океан пива, а главное, множество интересных, «круиз-

ных» краткосрочных и приятных знакомств...

Отдых как-то сразу не задался. Еще в поезде по пути в Одессу к нам с Андреем прицепился очень ловкий, при этом невнятно-мутный и весьма пронырливый тип, примерно нашего возраста из нашей группы. Он, по его словам, служил в Южной группе войск (в Венгрии), бесстыдно набивался в друзья, встречал в наши разговоры. А наутро, как-то странно оглядев нас с ног до головы, сообщил нам наши фамилии, звания, должности... Я был очень неприятно удивлен, и в голову пришла какая-то влажная и скользкая мысль, что этот парень, возможно, засекреченный сотрудник КГБ, который специально приставлен к группе для того, чтобы следить за всеми... И особенно за теми, кто военный и при этом служит в специальных войсках. Хотя это была не заграничная поездка, а всего лишь круиз на советском теплоходе в советских территориальных водах. Охладел он к нам только на третий или четвертый день круиза, попросту куда-то исчез. Позже мы его несколько раз встречали в компании с каким-то туповатым верзилкой, вероятно, его однокашником по училищу. Но до этого он успел изрядно подпортить мне настроение и в целом весь отдых.

Андрей попал в каюту второго класса и, странное дело (!), делил ее с какой-то женщиной с ребенком. Я же обретался в третьем классе, на самой нижней палубе. Оказалось, что все дело в цене путевки, у Андрея она была дороже.

Но в целом мы получали от круиза огромное удовольствие, в каждом порту угощались вином и пивом (несмотря на то, что в силу уже вступил «сухой закон» Горбачева), наслаждались красотами курортов СССР, фотографировались в красивейших местах черноморского побережья. На корабле в буфетах и барах подавалось только пиво, но мы как-то не очень от этого страдали, поскольку были опьянены краткосрочной свободой, молодостью, морем и наблюдением прекрасных женщин — наших спутниц по круизу со всех уголков необъятного Советского Союза. Хотя к четвертому дню плавания нам так и не удалось познакомиться ни с кем из них поближе, на Андрея, насколько я понял, «положила глаз» та самая его соседка по каюте. Впрочем, Андрей к ней интереса почему-то не проявлял. Какое-то время около нас крутились две девушки из Эстонии, но когда мы попытались с ними познакомиться, они почему-то исчезли. И я совершенно не удивился, когда обнаружил их в компании нашего «кэргэбэшника» и его дебильного друга.

В один из дней, я, после плотного завтрака (кухня на корабле была отменной) и пары бутылок прекрасного чешского пива, отдыхал на палубе, с удовольствием покуривая лучшую сигарету из производившихся в СССР, марки «Космос». Обратил внимание на то, что рядом со мной вот уже не в первый раз оказывается высокая блондинка. Я бы не сказал, что вижу перед собой красавицу с обложки модного журнала, но женщину безусловно эффектную, яркую и интересную, с налетом какого-то не советского, но европейского шарма я перед собой, конечно, видел. Лана, как мне показалось, была лет на пять или семь старше меня, что в полной мере и совершенно соответствовало моим тогдашним представлениям о легком курортном увлечении. Она была дочерью Латвии и коренной рижанкой. Немного позже, а именно этим же вечером, я узнал, что она мама двух малолетних детей, которые на время круиза оставлены на попечение бабушки и дедушки. А вот с мужем было что-то непонятное, а возможно даже и трагичное... Именно поэтому здесь, на круизном лайнере она восстанавливает свое душевное здоровье. Так или иначе, мы понравились друг другу, а Андрею понравилось то, что я, наконец, кому-то здесь понравился. В тот момент его больше увлекала фотография и он везде щелкал своим «ФЭДом». А однажды запечатлел нас с Ланой на фоне береговой линии за кормой и парящей чайкой над нами.

С самого начала плавания на корабле проводилась масса всяких развлекательных конкурсов, игр и других занимательных мероприятий вроде Дня Нептуна или «Мисс Круиз-85», «Вечера бардовских и других хороших песен».

В один из дней ко мне, когда я отдыхал в шезлонге на палубе, подошла какая-то тетка.

— Молодой человек, — сказала она, ощупывая меня не очень-то и скромным взглядом карих, слегка навывкате глаз, — вы такой симпатичный и выглядите вполне умным...

— А в чем дело, — насторожился я. С минуты на минуту должна было подойти Лана и мне не хотелось чтобы она меня обнаружила в компании с этой дамой.

— Я вас очень... Очень! Прошу...

— Я сейчас никак не могу, — попытался отшутиться я, — у друга свадьба, а мне нужно успеть заказать столик в баре. Я — свидетель, понимаете?

— Понимаю... Но и вы поймите меня. Вам же очевидно известно, что завтра здесь, на корме будет проводиться конкурс «Мисс Круиз»?

Я повнимательнее оглядел тетушку. Неужели она...

— Мы здесь отдыхаем с дочкой, и она очень хочет принять участие в конкурсе. А, по условиям, у нее должен быть кавалер...

— ... А я, значит...

— Да, да, да! Именно вы! И я очень вас прошу. Вы подходите и на вас одна единственная надежда.

Потом как-то заговорщицки подмигнула и добавила:

— Ну мы же с вами не можем обидеть бедную крошку...

Тут, кстати, как раз подошла и «крошка», девушка лет 17—18. Скорее всего, она была где-то рядом, среди отдыхающих. Ничего особенного, таких много, особенно среди учащихся профессионально-техничес-

ких училищ. Она «сделала» глаза и очень выразительно, по ее мнению, посмотрела на меня.

Конечно, мне следовало их тут же отправить на поиски другого кандидата, поскольку выходить без подготовки и тренировки, без малейшего понятия о содержании конкурса на всеобщее обозрение было по меньшей мере глупостью. Но я согласился.

Уже по ходу конкурса выяснилось, что по условиям от меня требовалось исполнить серенаду (отрывок любой лирической песенки) для «прекрасной дамы», станцевать с ней танец (по ее выбору) и совершить круг почета после окончания. Кроме нас было еще пять или шесть пар, в которых участницы, одна краше другой, с ехидством и презрением поглядывая по сторонам, вероятно оценивали шансы соперниц на победу. Я не запомнил, в каких конкурсных заданиях принимала участие моя девушка, но когда настала моя очередь проявить таланты партнера — галантного кавалера, я исполнил в микрофон, насколько хватило памяти, припев из песенки помощников графа Калиостро («Формула любви» вышла на экраны страны в апреле этого года) «уно, уно, уно, ун моменто...». Вроде бы спел неплохо, разумеется пару слов, напоминающих итальянские, выдумав на ходу. И если всем, кто пел до меня, вежливо похлопали, то после моего выступления раздался шквал аплодисментов, чуть ли не переходящий в овацию. Где-то из-за бассейна раздалось одинокое «браво»...

Когда наступило время танца, моя «принцесса», разумеется, выбрала так называемый «современный танец», поскольку из «танцевального» умела только то, что умели все школьники и студенты на широких просторах бесчисленных дискотек Советского Союза. Собственно, а на что я рассчитывал? Вальс? Танго? Хотя другие пары именно эти танцы и выбрали... А одна из пар даже сбацала тарантеллу, ансамбль в качестве сопровождения сыграл мотив песенки «Как хорошо быть генералом», которую когда-то с успехом исполнял Эдуард Хиль.

Когда настала наша очередь, ансамбль заиграл какой-то «забойный» рок-н-ролл и мы с Наташкой пустились в пляс. Ни до, ни после я не танцевал, как в тот раз. Каблуки моих туфель взлетали выше головы, руками я выделял разные кренделя, словом, как на шарнирах двигались все части тела, и я теперь не могу понять, как мне удалось удержать равновесие. Однажды, еще в курсантские годы, так умел танцевать мой лучший дружок, Юрка Савчук, и я, припомнив его движения, как мог воспроизвел их в тот момент. Публика одобрительно загудела и принялась в такт прихлопывать, что еще больше меня подзадорило. Моя «мисс» и тут особенно ничем не выделилась, она была скованна и почти неподвижна, танцевала лишь одним корпусом, изредка взмахивая ручонками и подергивая попой. Ни дать, ни взять — скромница на дискотеке в поселковом доме культуры. Круг почета — это было просто: я взял на руки свою «крошку» и, слегка пританцовывая, прошелся мимо зрителей, что тоже очень понравилось публике.

Наконец все закончилось. Наша пара заняла второе место и ведущий, прекрасно понимая, что были девушки куда более достойные, пояснил публике, что именно благодаря партнеру, Наташке (а может быть ее звали и не Наташка) присвоено почетное звание «Мисс второе место Круиза-85», а в общем-то все были, конечно, прекрасны!

Ну, и что моя «принцесса»? А ничего... После того, как ей вручили приз, они с мамой подошли ко мне, как-то стараясь не смотреть в глаза и без особой радости, поблагодарили и растворились среди туристов. Больше я их не встречал. Я был разочарован. Многого я, конечно, не ожидал, но приглашения на чашечку кофе в бар безусловно заслуживал. Меня очень изысканно поздравила с успехом моя рижанка Лана, а Андрей как-то кисло усмехнулся и сказал, что я «уж слишком выделялся»,

дескать, не стоило того.

На следующий день корабль пришел в порт Сочи. Мы с Андреем пошли гулять по городу, не проходя мимо ни одного киоска, в котором разливалось немного кисловатое, но в целом свежее и холодное сочинское пиво. Опоздать к отплытию мы не опасались, «Адмирал Нахимов» стоял в Сочи сутки. В конце концов, дорога привела нас в портовый ресторан и несколько бутылок «Совиньона» легли на несколько литров пива.

И поскольку мы нагрузились как следует, то решили сходить на пляж, чтобы освежиться.

Я прекрасно знал, что в состоянии, близком к сильному опьянению, в воду даже заходить не рекомендуется, не то что пытаться плавать. Да и пловец из меня весьма и весьма посредственный, если не сказать, что просто плохой. При сдаче нормативов в бассейне я всегда едва вытягивал на тройку и в общей сложности мог проплыть не более двух, двух с половиной километров...

Но вот зайти по пояс при небольших волнах было в самый раз. Я немного попрыгал, понырял на мелководье, и это, в общем-то, не очень помогло. Голова так и не прояснилась, а до желанного протрезвления было еще далеко. Когда я, наконец, выбрался на берег, то с ужасом обнаружил, что мамино кольцо, нашей драгоценной фамильной реликвии у меня на пальце нет. Все произошло просто и грустно. В холодной воде палец сузился и кольцо тихо и незаметно ушло. Оно покинуло нас... навсегда. Я бросился в

воду, очень долго нырял, искал, но найти такую вещь на дне в гальке практически невозможно. Невозможно никогда.

Еще немного побултыхавшись, я, наконец, окончательно выбрался на берег, и мы с Андреем побрели обедать на корабль.

Это было ужасно, и особенно на следующее утро. Я чувствовал себя не просто разбитым и раздавленным, а убитым и самим же собой растерзанным.

Корабль отправлялся после обеда, и я сбегал на почту, с которой отправил маме телеграмму, смысл которой сводился к тому, что все, в общем-то, хорошо, за исключением одной маленькой неприятности. Море забрало наше кольцо.

После этого я почувствовал себя немного легче, но дальнейший круиз утратил для меня прелесть. Честно говоря, я с нетерпением ожидал его окончания, а главное, мне хотелось поскорее увидеть маму и повиниться. Не только за утрату дорогой вещи, но и, вообще, за все. За свое периодическое, но безудержное пьянство в отпусках, за свою неудачную женитьбу, которая с самого начала доставила ей немало горьких дней и ночей, словом, за все.

В общем я страдал, хотя вида старался не подавать, чтобы не портить настроение другим, теперь уже знакомым участникам круиза. Моя рижанка в итоге лишь позволила себя пару раз поцеловать, хотя и приглашала в гости в Ригу. В конце плавания мы обменялись адресами, телефонами и тут же забыли друг о друге. «Кэгэбэшник» сдулся и пропал из поля нашего зрения до самого поезда.

Наконец, круиз закончился, хмельницкая группа добралась до железнодорожного вокзала и погрузилась в вагон, все усталые, но очень веселые. Для всех, кроме меня, плавание оказалось великолепным, и я с тоской вспоминал прошлогоднюю поездку, в которой все было по-другому. Правду говорят: где был счастлив, туда не возвращайся...

Я тихо грустил, глядя в окно отъезжающего поезда и думая о том, что, возможно, появлюсь здесь в следующий раз очень не скоро. Ко мне с каким-то вопросом подсел наш «кэгэбэшник». Я, не дослушав его до конца, послал нахер, и он тут же отвалил. К органам, как выяснилось позже, он никакого отношения не имел, а в начале поездки просто подсмотрел у руководителя группы наши с Андреем удостоверения личности и все данные узнал из них. Надо же, сколько лет прошло, а я его все еще помню. Есть же такие люди, оставляющие свой след в душе... часто липкий и неприятный.

Домой я приехал поздней ночью, мама не спала и ждала меня. Она очень обрадовалась моему приезду. Я вернулся целым и невредимым, а это было для нее самое главное. К потере кольца она отнеслась философски. «Вещи просто так не пропадают,— сказала мама,— значит, это плата за что-то... Если, конечно, ты его не подарил какой-нибудь подружке».

Я заверил маму, что говорю правду и ничего кроме правды, а если что, то и Андрей может подтвердить. Но подтверждений мама не потребовала. Конечно, определенную роль сыграла вовремя посланная телеграмма. Мама сказала, что когда получила ее, то сначала очень расстроилась. Она не сказала, о чем подумала в первую очередь, когда позвонили в дверь и сообщили, что пришла срочная телеграмма. Просто, когда прочла ее, то, вероятно, вздохнула с большим облегчением.

Все оставшееся время отпуска я вел более или менее здоровый образ жизни, избавившись к концу от многих своих переживаний. Затем вернулся в Кострому на службу и погрузился в работу.

До крутых изменений в моей судьбе было еще больше года, и в следующем, 1986 году я пошел в отпуск в феврале. Хотя, если честно, мне через некоторое время очень захотелось снова на корабль, в эту атмосферу бесконечного праздника, свежего морского воздуха, женских улыбок и безграничной семидневной свободы...

После отпуска меня отправили в длинную и очень тяжелую командировку, затем я принял (и успешно) участие в учениях, за которыми наблюдала комиссия Управления из Москвы. В награду за это, меня в конце августа отпустили на пять дней в отпуск. А первого сентября по центральному телевидению в новостях сообщили об ужасной катастрофе, которая произошла с «Адмиралом Нахимовым» в тринадцати километрах от морского порта Новороссийска. В результате столкновения с сухогрузом «Петр Васев», теплоход затонул за восемь минут, в результате чего более четырехсот человек погибли. Это горе потрясло страну. Лишь в апреле грянул Чернобыль, и в точности не было известно, какие это будет иметь последствия, а тут еще и «Адмирал Нахимов».

Конечно, мы с мамой вспомнили и мою прошлогоднюю поездку и о кольце тоже, но особенно не обсуждали, слишком уж нереальным и беспощадным все это выглядело. Полагаю, особенно сейчас, сквозь время, мы тогда думали об одном и том же: вещи, а особенно очень дорогие и особенно ценные вещи, просто так не пропадают и не теряются...

Мамино кольцо было заряжено доброй энергией и согрето теплом памяти о всей нашей семье, поскольку к этому времени ни бабушек, ни дедушек, ни моего папы в живых уже не было. Мне кажется, что тогда, перед поездкой, оно совсем не случайно попало мне на глаза, и я подумал о том, чтобы взять его с собой. В голове в тот момент крутились тысячи суетливо-чемоданных и всяких других мыслей, но именно эта — вполне возможно, определила дальнейший ход очень многих событий в том и в следующем году...

Добавить к этому больше нечего, кроме того, что, возможно, именно благодаря воспоминаниям о ма-

мамино кольцо, я вспомнил и о тех очень разных людях, кто был рядом, жил и радовался вместе со мной много-много лет назад... В другой жизни.

25 сентября 2021 года

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Николай Алексеевич Макаров — гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член СПР, Российского Союза ветеранов Афганистана, Тульского общества православных врачей, редколлегии журнала «Приокские зори». Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, литературной премии Правительства Тульской обл. им. Л. Н. Толстого и премии им. С. И. Мосина (дважды).

СКАЗКИ О БЕЛОЗЕРЕ

(пятая часть)

*Иногда — сказки,
а иногда — и не сказки.
Иногда — для детей,
а иногда — и не для детей.*

Много ли, мало ли прошло или пролетело времени, но однажды автор вновь встретился со Светланой. Встретился и услышал от нее много интересного о, казалось бы, простых, повседневно встречающихся вещах и событиях.

ОДЕЖДА

— Мы так привыкли к своей одежде, — начала рассказ Светлана, — что совсем даже не задумываемся о значении, назначении и понимании сущности первой защиты человека от воздействия не только природных катаклизмов, но и от всякого негативного влияния.

— На Руси считалось, — продолжает Светлана, — что прясть нити могут только женские руки, так как само прядение является сокровенным действием сродни рождению ребенка. Ткачеством, кроем, шитьем вышивкой занимаются только женщины.

Но и мужчины, в определенных обстоятельствах, обеспечивали себя и свою семью одеждой. На Руси всегда существовала каста мастеров-ткачей.

Одежда защищает нас от холода и жары, от дождя и ветра, от острых предметов и отрицательных энергетических воздействий (сглаза, порчи).

Наши предки всегда знали, что человеческое биополе впитывается в одежду и задерживается в ней, поэтому наместе порчу или сглаз можно по одной нити, выдернутой из одежды. Поэтому свою одежду чужим людям обычно не отдавали.

Одежду всегда делали прочной и удобной в носке, и она соответствовала роду занятий (для дома, поля, леса, воинская одежда, обрядовая). Одежду делали ладно скроенной, опрятной и ее обязательно украшали.

И еще: хорошую одежду изготавливали — да, и сейчас изготавливают — только из природного сырья, подпитывающего биополе человека: льна, конопли (повседневные рубашки и штаны), крапивы (лечебные одежды), шерсти (для холодного времени года), хлопка, шелка. Для окрашивания нитей и тканей брались только природные красители: растительные и минеральные.

Одежда из синтетических материалов искажает биополе человека в худшую сторону.

БРЮКИ И САРАФАНЫ У ЖЕНЩИН

— Современная эмансипация в моде, — Светлана задумалась, — вредит нашему здоровью.

Но как мы знаем, мода — демонический способ управления сознанием несведущих людей, навязывание ложных ценностей для обеспечения существования общественных паразитов.

Эта так называемая мода неотделима от эмансипации женщин, которая в свою очередь является демонической идеей уравнивания мужчин и женщин в правах и обязанностях. Природа наделила мужчин и женщин различными телесными и психическими особенностями и способностями, потому что их природное предназначение различно.

Пройдись по улицам любого города, поселка: всюду — женщины в брюках.

Если женщина постоянно ходит в брюках, то не вздыхайте о потере женственности и материнских черт в характере, что, конечно же, влияет на ее гормональное состояние, а значит — на устойчивость к заболеваниям.

Забыты длинные, широкие сарафаны, юбки, платья. Ведь такая одежда помогает женщине накапливать нужную положительную энергию стихии Земли для постоянного хорошего настроения, долголетия, для успешного преодоления стрессов, что дают ей дополнительные силы и защиту для выполнения основного предназначения — вынашивания детей.

Другая сторона медали — короткие юбочки с разрезами, шорты служат причиной потери собственной жизненной силы девушек и делают их легкой добычей сексуальных влечений не только маньяков и сексуально озабоченных мужчин.

ПЕЛЕНКИ

— Наверное, многие забыли, а большинство современных людей даже и не знают,— начинает очередную рассказ Светлана,— что первая одежда детей — пеленки — считается обережной.

Пеленки бывают разных видов: простые или повседневные, на выход, обрядовые и праздничные. Все они используются для детей только раннего возраста.

Простые пеленки обычно делаются из старой (ношенной) отцовской и материнской одежды, и ткань не отрезают, а отрывают так, чтобы не было швов. Такие пеленки подпитывают ребенка мужской и женской энергиями, родительской любовью.

Пеленки на выход также обязательно делаются из ношенной родительской одежды с каким-либо украшением. Такие пеленки — это обереги от лишних взглядов, сглазов, наговоров, порчи. Ими пользуются и дома, когда приходят гости.

В праздничную, нарядную, сделанную из тонкого, нового белого полотна пеленают для участия ребенка в семейных и больших праздниках.

Обрядовую пеленку делают нарядной и обережной, для чего ее вышивают красным крестом или другими особыми швами.

— Нынче такие пеленки,— вздыхает Светлана,— в магазинах и на ярмарках не купишь...

ЖЕНСКИЕ САРАФАНЫ

— Какой же красивый у тебя сарафан! — воскликнул я при новой встрече со Светланой.

— Сарафан,— она начинает свой рассказ,— один из основных видов женской одежды, который с древнейших времен и до наших дней не потерял своей привлекательности.

Сарафан надевается обычно поверх длинной рубашки с рукавами. По покрою, способам украшения, используемых тканей различают: детский, девичий, женский, старушечий.

Изо льна и однотонного ситца шьют повседневные сарафаны. Праздничные сарафаны украшают вышивкой, жемчугом или драгоценными камнями. С такими сарафанами обращаются бережно. В старину их хранили в деревянных сундуках или коробах из липы. Перед тем как сложить сарафан его выворачивали наизнанку и раскладывали на полу передом вниз; затем с середины складывали в мелкую складку. Сложенный так сарафан, перегибали по длине и связывали тесемками и заворачивали в чистую холстину. Праздничные сарафаны передавались по наследству.

Самые красивые — свадебные сарафаны, которые шились чаще всего из ткани красного цвета и считались оберегами.

Кроме того, сарафаны делятся на летние и зимние. Летние сарафаны шьются из легких, нарядных ситцев и сатина; зимние — из тяжелых, плотных тканей, чаще — на подкладке.

— У тебя, надеюсь, имеются в гардеробе все виды сарафанов?

— Все, все.— Светлана улыбнулась.— Кроме свадебного, который только недавно начала шить...

Пословицы и поговорки о сарафане:

Был кумачный, да променял на бумажный (сарафан).

Везде сарафан пригожается, а не надо сарафан — под лавкой навалается.

Весной — в цветном сарафане лежит.

Гуси в гусли, утки в дудки, вороны в коробы, тараканы в барабаны, коза в сером сарафане, корова в рогоже, всех дороже.

Красна девица до гряд в сарафане до пят.

Молодец в кафтане, девка в сарафане.

*На его бабушке сарафан горел, а мой дедушка пришел да руки погрел.
Нет талану, не пришьешь к сарафану.
Сказка, присказка, прикована невестка к сундуку за ручку, за ножку, за синь сарафан.
Смалчивай, невестка, сарафан куплю.
Снову сарафан на все пригожается, а обносится — по подлабочью навалается.
Это суцая коза в сарафане.
Этот кафтан (сарафан) вам не к рукам.
Этот сарафан давно по ниткам разобран.*

ЮБКА

— Юбка, как и сарафан,— часть женской одежды.— Светлана показывает свои наряды.— У русских девушек юбка оставляет открытыми ступни, у женщин — юбка до пят. Такие юбки помогают накопить собственную жизненную силу, а тело сохраняют от сглаза и похотливых взглядов.

Верхние юбки, как и сарафаны, шили и шьют широкими из цветного ситца, а нижние — из холста. Зимой носили шерстяные юбки, а для тепла надевали стеганную на вате юбку.

Юбки начинали носить после двенадцати лет. Повседневные юбки оставались от старших сестер, и только праздничные юбки были новыми.

— А у тебя?

— У меня — все новые! — Светлана на секунду задумалась.— У меня, к сожалению, нет ни братьев, ни сестер...

Пословицы и поговорки про юбку:

Береги брюки сзади, а юбку — спереди.

Кофта посконна да юбка суконна (приданое).

Несподручно бабе с медведем бороться; того и гляди юбка раздерется.

Сидит тупка в семи юбках (луковица).

Смотри на девку, а не на юбку.

Суббота дольше воскресенья (или: пятница субботы, говорят, например, если из-под платья видна юбка).

Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, да всех дороже.

У юбок больше побед, чем у френчей и эполет.

Чем короче юбка у девочки, тем длиннее руки у мальчишки.

Чем короче у девушки юбка, тем провинциальней город.

Чехол дороже платья (чехол, атласный подбой, юбка).

ПОЯСА

— Обязательная принадлежность русской народной одежды,— продолжает рассказывать Светлана,— пояс. Пояс разделяет верхнюю и нижнюю часть тела человека. Пояс связывает верхнюю и нижнюю части одежды, пояс также отделяет и связывает одновременно высшие и низшие начала в человеке.

В обрядовой жизни русского народа пояса имеют большое значение. На свадьбу обязательно дарили пояса; поясом повивают новорожденного, перевязывают первый сноп, перевязывают покойника, провозжая в последний путь, завязывают пояса на березах при расставании.

Пословицы и поговорки про пояс:

Все мы по пояс люди (т. е. наполовину, а там скоты).

Дураку по пояс, а умный сух пройдет.

Жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь).

Заткнуть за пояс.

И наго, и босо, и без пояса.

Ишь распоясался!

Креститься поперек пояса грешно (т. е. ниже, через пояс).

Лишить пояса.

Любого за пояс заткнет.

Мужу не покор, что за поясом топор, невелик, да горы копает.

Он ему в подметки не годится. Он его за пояс заткнет.

Помилуй, Господи! А за поясом кистень.

Рукавицы за поясом, а он их ищет.

Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу (в старину невеста говорила: хочу — вскочу и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку).

Яким — простота: две рукавицы за поясом, а третьей ищет.

ЛЕН

— Как я уже говорила, — продолжает Светлана, — наша одежда — не вся, конечно, — шьется из льна. Льняные ткани зимой хорошо сохраняют тепло, а летом дают телу прохладу. Да и народная медицина утверждает, что льняная одежда сохраняет здоровье человека.

У наших предков — древних славян — лен считался символом верности в любви, нежности, женской застенчивости и безхитрости.

Существовал обычай, при котором женщины ходили на льняное поле, раздевались и показывали льну свое нагое тело — считалось, что тогда лен хорошо уродится.

Лен — это травянистое растение, из стеблей которого получают прядильное волокно, из семян — масло. Из прядильного волокна получают нитки, ткань. Кроме того, лен помогает в строительстве и хозяйстве в виде пакли и веревок.

Про лен существуют пословицы и поговорки:

За лен держись — обеспечишь жизнь.

Кто в лен одет — доживет до ста лет.

Кто посеет лен — пожнет золото.

Лен выматает, лен и озолотит.

Лен да клевер, клевер да лен, кто их сеет, тот и умен.

Лен две недели цветет, четыре недели спеет, на седьмую семя летит.

Лен для льноводов — золото: с ним и старые дышат молодого.

Лен — доходная культура, это деньги и натура.

Лен золой удобряй — получишь урожай.

Лен любит поклон.

Лен не жнут, не косят, а теребят.

Лен не косят, не жнут, а рвут.

Лен не родится — и мочало пригодится.

Лен по клеверу посеешь — урожай уже имеешь.

Лен ручки любит.

Лен тем и силен, что всех одевает он.

Мни лен доле, волокна будет боле!

Мни лен дольше, волокон будет больше.

Много льна — денег закрома.

Не домнешь мялкой, так вспомнешь за прялкой.

Удастся лен — так шелк, не удастся — зубами шелк.

У льна-долгунца два лица: семя на племя, а нить на ткань.

Хороший ленок — денег закромок.

Чем ленок дольше, тем доход больше.

И загадка о льне, записанная В. Далем:

Били меня, колотили, во все чины производили, на престол царем посадили.

КОНОПЛЯ

— Конопля нашими предками использовалась не только для получения конопляного масла, — показывая мне различной толщины веревки, начала Светлана о новом для меня знании, — не только для производства — витья — веревок и канатов, но и применялась для изготовления тканей.

Такие ткани из конопли назывались «замашными» или «посконными» — и то, и другое по названию мужских растений конопли.

Именно в мешки, сшитые из старых «замашных» штанов, старались класть конопляное семя во время весеннего сева.

И надо отметить, что конопляные (пеньковые) веревки и канаты очень славились не только на Руси.

Тем более что конопляная или пеньковая нить очень крепкая, и получаемые из нее ткани отличаются прочностью. Пенька считалась и считается одним из лучших материалов для канатного и веревочного производства.

И еще — пеньковые канаты и веревки отличаются прочностью к соленой воде и не изнашиваются при контакте с морской солью. Поэтому канаты из пеньки используются в морском деле.

А в Средние века доспехи из пеньки, благодаря своей прочности, использовали в качестве дешевых доспехов.

Последний известный случай применения пеньки в качестве «брони» относится к обороне Севастополя в ходе Крымской войны: пеньковыми канатами закрывали амбразуры русских укреплений. Они

останавливали вражеские пули и при этом их легко можно было раздвигать в стороны для выдвигания пушек из амбразур.

Пословицы и поговорки про коноплю:

Господи, Господи, не бей нашей поскони, а льна да конопли хоть все примни!

Конопляник, конопник — огород или поле, засеваемое коноплями; обычно это лучшая и удобряемая земля, на задах, промеж двора и гумна.

Конопляна — конопляное молоко, для забелки пустых щей.

Коноплястый, конопатый — весноватый, в веснушках.

Кину с блошку, а вырастет с лутошку (конопля).

Кинуть с блошку, а вырастет с лукошко (конопляное семя).

Куда ж ты с посконным рылом в суконный ряд.

Летом сосенка — зимой коровка (конопля).

Посеешь с крошечку, а вырастет с лутошечку (конопля).

Посеешь — родится, а на семена не годится (посконь).

С посконной рожей да в красный ряд.

КРАПИВА

— Одним из древнейших волокон,— продолжает меня просвещать Светлана,— является волокно крапивы, из которого шили волшебные рубашки, обладающие сверхъестественной силой. Вспомним сказку Андерсена «Дикие лебеди».

Крапива, по мнению специалистов, очень неплохое волокнистое растение, и встречается повсеместно рядом с жильем человека.

Из волокон крапивы еще в каменном веке на берегу Ладожского озера плели рыболовные сети, которые были найдены археологами.

Ткань из крапивы имеет широкую область применения. Она мало изнашивается благодаря прочным волокнам, получаемым из стеблей растений. До покраски полотно имеет белоснежный цвет и слегка блестит на свету. Благодаря этим свойствам ткань быстро набирает популярность.

Ткань из крапивы носит название «рами». Она полностью состоит из натуральных ингредиентов, которые не выцветают на солнце, в отличие от других материалов природного происхождения. Ткань из крапивы требует больших временных затрат на производство. По этой причине цена на изделия из рами такая высокая. В процессе создания одежды используются различные красители, так как натуральный цвет полотна — белый. А вот рисунки и принты на изделия из крапивы не наносятся.

Рами появилась в Китае еще в III веке до нашей эры, когда крапиву стали использовать для создания одежды. Позже идея приобрела популярность в Корее и Японии.

В настоящее время рами пользуется спросом среди производителей экологичной одежды для дома. Спрос так вырос благодаря тому, что люди ищут новые способы сохранения окружающей среды, а ткань из крапивы является безопасным натуральным материалом без добавления химических веществ.

Пословицы и поговорки о крапиве:

Доброму работнику — блины с кашей, лентяю — крапива.

Жгуча крапива родится, да во щах уварится.

Жжется, как крапива, а колется, как еж.

Злое семя крапива, не сварить из него пива.

Кабы на крапиву не мороз, так бы с нею и ладов не было.

Крапива и молода, а уже кусается.

Крапивник — жгуч, терновник — колюч.

Кто пораньше встает, тот грибки себе берет; а сонливый да ленивый идут после за крапивой.

Лиха крапива, да мороз ее будит.

Любовь — крапива стрекучая.

На жгучую крапиву есть лютые морозы.

На лицо красива, а на язычок — крапива.

Не всякая мачеха — крапива, не всякая падчерица — маков цвет.

Не садись под чужой забор — а хоть в крапивку, да под свой.

Ожгется, ровно на крапиве.

От крапивы крапива и родится.

С иным водиться — что в крапиву садиться.

Узнаешь, чем крапива пахнет.

Хороша слобода, да крапивой поросла.

ЛЫКО

Лыко — луб не только молодой липы, но и вяза, ивы. В основном применялся (может, и сейчас где применяется?) для плетения лаптей.

В России из лыка плели также корзины, короба, кули, туеса, кресла и столы. А до XV века в снаряжение русских войск включались кольчуги из дубового лыка и лыковые щиты.

Из луба старых деревьев заготавливали и заготавливают поныне мочало, из которого получают грубые изделия: рогожи, канаты, решета.

Выражение: «Не всякое лыко в строку» происходит от лапотников: настоящий мастер знал, какое лыко в какую строку, то есть в какой ряд вплести.

Поговорки и пословицы про лыко и рогожу:

Борода велика, а ума ни на лыко. Ус соминый, да разум псиный.

В лыковце четыре, во ржавце два (вымя у коровы и у козы).

Врать, что лыки драть (прибавка: лыко за лыком тянется).

В рогожу одеться, от людей отречься.

Горе лыком подпоясано.

Дери лыко, поколе дерется.

Кнутовища негде вырезать. Лыкодеры есть, да не с чего драть.

Кричит, будто черт с него лыко дерет.

Лыка не вяжет.

Лыко да мочало, а далеко умчало (об упряжи).

Лыком по парче не шьют.

Лыком шит, оборничком подпоясан.

Людей хулит, а сам лыком шит.

Не всяко лыко в строку.

Не запасишься лыком, ходить в ошметках.

Не лыком шит.

Не путайся в чужое лыко!

Не путайся в чужое лыко! Не суйся, Оленка, где не спрашивают!

Ошибка в слове — не спор. Не всякое слово (лыко) в строку.

Ошибка в фальшь не ставится. Не всяко лыко в строку.

Под венец молодые от уроков опоясываются лыком (или сеткой, вязаным в узлах поясом).

По ненастью лыко драл, по ведру лапти плел.

Пошел гору на лыки драть.

Пропадай собака и с лыком — лишь бы не судиться. Хоть мылом мыт, да лыком шит.

Рад бы сердцем, да живот, что лыко.

Сосна кормит (мезга), липа одевает (лыко).

Тот тужи, у кого ременные гужи, а у нас лыко да мочало — туда же помчало (ременные дорогой оборвутся — не свяжешь).

Хоть лыком шит, да барин.

Хоть лыком шит, да мылом мыт.

Хоть лыком шит, да начальник.

Хоть лыком шит, да сосед. Соседа держись.

Худо шить лыками по золотой земле.

Хуже лапотного лыка.

Чигирики, мигирики, шаранды, баранды по мосту, по мосту, по лыкову мосту, шишел, вышел, вон пошел.

РОГОЖА

Первоначально рогожа производилась из волокон рогоза, а затем из луба старых лип (мочала), соответственно в тех местностях (краях, странах), в которых находилось их естественное распространение, отсюда и появились рогожный или мочальный промыслы, которые занимали много рабочих рук местного населения. Из такой ткани изготавливались кули (рогожные мешки, большой рогожный куль — рогозина, половики, грубая упаковочная плетеная ткань из мочала и т. д.

В рогожу одеться — от людей отречься.

На рогоже сидя, о соболях не рассуждают.

Рогожка рядная — словно матушка родная.

Рогожный парусок лучше крашенных весел.

У меня рогожка — та же одежда, да куль праздничный.

Широка рогожа, да грош ей цена.

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПОДОБНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

Случилось в моей жизни так, что сын моего соседа по коллективному саду оказался моим прямым и непосредственным начальником. Городок наш, конечно же, небольшой. Но тем не менее десятка три таких садовых товариществ наверняка наберется, а то и поболее. И в каждом из них человек по сто с гаком, членов этих самых товариществ. Предприятий же, организаций, всяко-разных, как ни крути, в городе уйма. Да и в нашем заведении работало человек вот так двести — не меньше. И вот надо же, отец под боком и сын, можно сказать, прямо на голове у меня сидит!

По характеру оба упертые, твердолобые. Но если сын взрывной, эксцентричный, то отец, наоборот, угрюмый, нелюдимый.

И вот берет этот самый папа нехороший и залезает на мою территорию, на дальнем конце метра так на полтора. Участки у нас длинные, узкие — метров восемь ширина всего-то навсего. Так что получается довольно-таки существенный наезд-заезд. Что меня возмущало до не возможности. На все мои вопросы он лишь тупо бычился, злобно сдвигал густые брови, разворачивался задом и уходил к себе, в садовую будку. Дважды создавалась комиссия для решения спорного вопроса. И дважды неуклонно приходила к выводу, что мой сосед неправ. Но, и после второго раза, он снова залез на мой участок. А когда же я пресек эту его попытку, что называется, на корню, пожаловался своему эпатажно-амбициозному сынку.

Ой, что тут началось!

Сразу же после этого, его знакомый сантехник под видом ремонта трубопровода вставил в мой отводок чопик. Ну, это, я вам скажу, изобретение, так изобретение — патент можно выдать без всякого раздумья! Такая-вот немного заостренная с одной стороны деревяшка-кругляшка. И чем сильнее открываешь кран, тем сильнее давит поток воды на ее широкий конец и тем плотнее узким концом прилегает она к отверстию крана. У всех соседей напор, так напор, а у меня еле каплет — поливать нечем.

Когда же я этот чопик выудил, пошли постоянные придирки, жалобы вышестоящему начальству. Ну, а вышестоящее и без того не шибко сильно расположенное к моему герою, видимо, решило, что у нас творится сплошной бардак. И мне врезать стало, и про него тоже не забывало. Ну, а стезя у нас и без того нервная была — с людьми работали. Причем люди эти были, ну, так скажем, слегка подпорченные. А тут еще мой начальник-радиотехник постоянно вызывал огонь на себя. В результате чего, через пару лет, я имел полный джентельменский набор, начиная с объявления замечания, вплоть до предупреждения о неполном служебном соответствии.

А перед этим меня на предыдущей работе сократили, и не просто сократили, а по беспределу сократили, да, да, в натуре по беспределу! Потом меня еще выгнали из партии. Причем выгоняли аж целый год! Тянули нервы, что называется, по ниточке. То так на меня посмотрят, то вот этак. В конце концов объявили левым оппортунистом. Это меня-то оппортунистом? Ведь я же в те годы во Владимира Ильича Ленина верил как в Иисуса Христа! Да к тому же еще и каким-то левым (ну я-то знал, кто такие левые оппортунисты, а вот они — навряд-ли). После чего меня с размаху долбанули пинком под зад, и вот с той поры и качусь кувырком по жизни, как заяц под гору. Но зато я теперь не верю ни в черта, ни в Бога, ни в партийных лидеров.

Тогда же, в течении трех лет, друг за другом ушли из жизни мои бабушка, мама и отец. Особенно тяжело и мучительно умирала мама — это меня потрясло, реально потрясло — вся жизнь перевернулась вверх тормашками!

Жена у меня была молодая, неопытная, и во всем полагалась на своих многочисленных родственников, которые жили поблизости. Ужо мне эти родственнички! (Ничего кроме ненормативной лексики мне в голову не приходит, когда я о них вспоминаю). Одним словом, занудные скандалы и эти бесконечные упреки: твоя работа, твоя работа... И при этом она совершенно забывала, что эта моя работа кормила нашу семью — у нее-то зарплата была курам на смех!

Короче говоря, не вынесла душа поэта... ну, нет же, тут я несколько подзагнул, стихов я тогда еще не писал. Хотя... незадолго до этих событий, в конце сентября — начале октября, когда стояла блистательная, но слегка унылая осенняя погода, я сочинил восемь песен. Да и во время срочной службы в армии десятка три поэтических наброска сделал. Возможно, стал бы писать и дальше, но тут... вот тут-то у моей бабушки и отказало сердце, настрадавшееся на фронте в Великую Отечественную. После чего и закрутилась вся эта че-

харда. А что такое восемь песен? — На смех тем же самым курам! Скажем так: душа будущего поэта. Но вот в этом какой-то смысл все же есть. Потому, что душа у меня действительно как у всех поэтов... ну это самое... как бы это покоррекней... поделикатней... ну, с заскоками она, с причудами!

И как ни странно, после того, как я написал рапорт, меня стали уговаривать. Но разве можно меня уговорить? Увы, я из той породы, про каких говорят: пацан сказал — пацан сделал.

А что же сынок моего соседа? Пошел на понижение, на должность, аналогичную моей. Держался он молодцом! Старался делать вид, что ничего существенного не произошло. Но я же знал его, и весьма неплохо знал. И поэтому-то прекрасно видел, что переживает он, да к тому же очень сильно. Это был конкретный удар по его амбициозному самолюбию. А тут еще жэкээшники не меняли ему прогнившие трубы, согласно нормативным документам. Кстати сказать, они всем не хотели менять трубы, не только ему. Но, он — это ОН! Долго длилась у него с ними свара, а это опять нервы, нервы и нервы. Но тем не менее они все-таки не выдержали его эпатажного наезда — сдались, и трубы ему все-таки поменяли. Что и говорить, в деле он был красавец! Этого у него никак не отнимешь! Причем поменяли трубы только лишь ему. Ну, я же вам уже говорил, что он это был ОН!

Вода пошла по новым трубам горячая-прегорячая!

И вот как-то раз, придя с работы не в лучшем расположении духа, решил он принять ванную. Открыл кран горячей воды, а кран холодной воды открыть не успел. И в этот самый момент у него возникла проблема с сердцем. Представьте себе, оно оказалось таким же слабым, как у и моей бабушки — не выдержало нервных нагрузок. Вот так и сварился живьем — вода-то была девяносто градусов! Какая неожиданная и невероятно нелепая смерть такого с виду не убойно-пробивного человека!

Прошло с той поры уже немало лет. И вот как-то подходит ко мне сосед по саду, чего с ним никогда за всю жизнь ни разу не происходило, и заводит со мной разговор. Он и раньше-то красноречием не отличался, а тут постарел, ослаб, стал шепелявить. Но я поднапрягся, и все-таки его речь разобрал. Оказывается, когда-то давным-давно он привез на свой участок навоз, для длительного использования, и решил его оградить. Первый уголок он вбил строго на границе наших участков. А вот второй — на глазок, видимо решив, что у него великолепный глазомер! И вот этот, второй уголок ушел в сторону моего участка всего на несколько сантиметров. Но это на расстоянии чуть больше метра. После чего он сделал пристрелку, то есть мысленно провел прямую линию между этими уголками и продолжил ее в сторону дальней границы наших участков, и там, на расстоянии пятидесяти метров, линия ушла в сторону уже на полтора метра. Таким образом, у него образовались два подобных треугольника. Сторонами первого из них стала небольшая часть границы наших участков, от дороги до дальнего, от той же дороги ограждения навоза (ближнее ограждение было практически у самой дороги); ограждения навоза с моей стороны; и участок дальнего ограждения навоза в несколько сантиметров, на которые ошибся этот «матерый геодезист». Стороны же второго треугольника образовала граница наших участков; линия пристрелки которую он продолжил до дальней границы участков; и те полтора метра, на которые увела его в сторону моего участка неверная пристрелка, сделанная наобум. Но, по всей видимости, школьную программу он то ли забыл, то ли вовсе не учил, а то, что пристрелку можно вести только по очень точно установленным ориентирам, тоже видимо не знал. И только вот сейчас до него дошло, что он совершил грубую ошибку.

И в заключение он уже со слезами на глазах сказал: «Прости меня, дурака старого — жить-то мне уже недолго осталось». И умоляюще посмотрел мне в глаза, видимо, это мое прощение было для него чем-то очень важным.

Услышав его слова, я поначалу весь запылал гневом, осознав, из-за какой несурзной глупости накрылась медным тазом моя карьера. Но вдруг вспомнив, как сварился в ванной его сын, с которым они были тоже подобными, но... нет же, не равнозначными треугольниками, остыл и ответил: «Прощаю тебя старик, прощаю — Бог с тобой».

И действительно, с той поры я его больше никогда не видел. А его участок постепенно пришел в запустение. Но уголки, по которым он сделал эту свою несусветную, сумасбродную пристрелку до сих пор стоят. Черным сборщикам металлолома они почему-то так и не приглянулись.

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Галина Алексеевна Солонова родилась 8 марта 1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. в учительской семье. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член МСПМИ. Наш постоянный автор.

ГЕРОИ СВО

ДОСТОЙНЫЙ СЫН СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА

Рассказ-очерк

Максиму Игоревичу Васюкову посвящаю.

Раннее летнее утро. Река лениво несет свои воды, в которых отражается безоблачное небо. Тишина. Закинув удочку, Максим сидит на берегу, смотрит на мелкие ребристые волны вокруг дергающегося поплавка и не реагирует. Его взгляд устремился на противоположный берег, где плакучие ивы окунули свои зеленые косы в водную гладь. Максим улыбается. Ему вспомнилось детство. Начитавшись книжек о Великой Отечественной войне, он представлял себя героем-разведчиком, когда играл с мальчишками в «войнушку». «Максимка! — звала бабушка, — ужинать пора. Домой иди!» — «Подожди, бабуль! Разведую позицию врага, — отвечал Максимка, — тогда и приду».

Любуется Максим утренними лучами солнца, что купаются в реке, а мысли и воспоминания неумолимо бегут дальше. Вот и школа позади. «В технический ВУЗ поступай», — рекомендовали мама и бабушка. — «Нет! В военное училище пойду, на разведчика», — уверенно отвечал Максим — «Правильно, сынок. Армию надо укреплять, и Родине честно служить», — поддержал отец. Вспомнился и дедушка, который часто напевал марш «Прощание славянки». Запомнил внук слова: «Если в поход страна позовет, за край наш родной мы все пойдем в священный бой».

Неожиданно заныло бедро: сказывается полученное минно-осколочное ранение. Потирая ладонью больное место, (Как же быстро бежит время!) старший лейтенант, командир разведывательного взвода, Максим Игоревич Васюков в специальной военной операции участвует с самого начала. Героически добывало его подразделение особо важные сведения в тылу противника... Посуровело лицо Максима, вспомнил: нелегко дались в марте бои под Харьковом. «Есть враг, и его надо уничтожить! А для этого все нужно разведать!» — такую задачу ставил командир перед своими разведчиками.

На всю жизнь запомнил Максим ту узкую лесопосадку. Обнаружили позиции противника. Со всех сторон гремели взрывы, летели пули и осколки. Рельеф местности был сложным, поэтому отрицательно влиял на скорость передвижения группы. Велик был и риск прямого контакта. Завязался бой. В какой-то момент Максим почувствовал удар в бедро, нестерпимая боль пронзила тело. Прижавшись на несколько секунд к земле, заметил, как один из его разведчиков опрокинулся навзничь.

— Держись, Андрюха! — кричал Максим, подползая к товарищу. Безжизненную кисть правой руки Андрей прижимал к груди. Нечеловеческую волю и храбрость проявил раненый командир. Уколов тяжело-раненому товарищу обезболивающее (разведчики все умеют), оттащил его с поля боя в более безопасное место...

Молчит Максим. Смотрит на водную гладь реки, на ее плавное течение, вспоминает, как лечили его в госпитале, как наградили медалью «За отвагу». Тяжелую думу думает командир разведгруппы: «В отпуске нахожусь после ранения, тишиной наслаждаюсь, на утреннем солнышке греюсь. А душа моя болит. Как там ребята мои, товарищи боевые?».

Короткое время понадобилось Максиму для восстановления необходимых сил организма. «Я — разведчик душой и телом, — мысленно похвалил сам себя Максим. — Я снова в боевом строю».

— Готов ли ты, сынок? — тихо, по-отечески спросил командир батальона.

— Всегда готов! Я военный разведчик, и это моя работа, — также тихо, но твердо отчеканил командир взвода.

Предстояла новая героическая работа — Бериславское направление под Херсоном. Говорят, что люди военной разведки — это крутые ребята.

— Мы, ребята, готовы? — задал вопрос командир своим товарищам-разведчикам.

Хором все отрапортовали:

— Готовы!

— А раз так — любые задачи нами выполнимы!

Подразделение разведчиков Максима Васюкова выполнило приказ: проникло в тыл противника. Было ясно: противник сосредоточил достаточное количество боевой техники и личного состава ВСУ для наступления. Главная задача нашего командира — с помощью специальных средств связи передать все координаты. И это получилось — в очередной раз сработал опыт и боевой дух разведчика. Одно беспокоило Максима: не успеют наши военные оказать достойное сопротивление: численность личного состава по сравнению с ВСУ в данном направлении недостаточна. Приказ командира: работать на пределе человеческих возможностей, восприняли разведчики с готовностью. Есть приказ — «Надо!», значит, надо. Вступили в бой. Ни один бой не похож на другой. Ребята и раньше испытывали на себе обстрелы из минометов, дальней артиллерии, «градов», шрапнели. А в этом бою еще и гранаты летели с квадрокоптеров. Но разведчики, кроме силы, отваги, ловкости, слаженности действий, обладали еще и хитростью. В течение суток девятнадцатого октября разведчики сдерживали контрнаступление превосходящих сил противника... Поутихли ВСУшники. Появились три вражеских танка. «На подмогу спешите? — усмехнулся про себя Максим. — Всего-то три?» (Вот это разведчики! — Даже в такой ситуации не теряют бодрость духа). Текущая обстановка была незамедлительно доложена командиру батальона. Последовал термобарический удар. Танки противника были подбиты. Из одного выбрались танкисты ВСУ и сдались в плен. Удивились разведчики, почему из подбитых двух остальных танков никто не попытался выбраться. Подползли, осмотрели машины, изнутри доносились отчаянные призывы о помощи. Возмущению не было предела: все люки танков были заварены снаружи.

— Немцы! Фашисты! — невольно вырывалось из груди.

Достоинно выдержали эту военную операцию разведчики во главе со своим командиром. В результате было ликвидировано более взвода противника. А самое главное: противник так и не прорвал нашу линию обороны.

За отвагу и личное мужество, проявленные в военной операции под Харьковом, разведчику Максиму Игоревичу Васюкову вручили медаль За отвагу. Очередную награду — медаль Жукова — ему присвоили и предоставили краткосрочный отпуск за бои под Херсоном. Домой к родным! Пролетели эти дни в конце ноября. Снова провожает вся большая семья в новый военный поход своего героя.

Крепко обнимают Максима родные:

— Ждем тебя живым, здоровым и с победой!

С восхищением и гордостью смотрит младший брат на Максима, заглядывает ему в глаза, прижимается к нему всем телом и шепчет:

— Я тоже стану разведчиком.

Покидая родительский дом, Максим Игоревич знает: по прибытии в свою воинскую часть ему предстоит ответственная работа по формированию и подготовке новой команды разведчиков — об этом сейчас все его думы.

Запад готов воевать до последнего украинца. А сами украинцы это понимают? Нацистов воспитали. В услужение Западу пошли. Наши разведчики — народ боевой, всегда впереди, всегда первые. Приходилось им встречаться и с иностранными наемниками, воюющими на Украине. Только нет у них человечности и патриотизма. Да и не было никогда. Мы, русские, генетически заточены на победу. Лозунг «Победа или смерть!» — это про нас, про народ России всех национальностей. Родину нашу, людей наших, где бы они ни были, не бросим, защитим.

Сила, смелость, выдержка, упорство, чувство долга быть на защите интересов своего Отечества — это все о Максиме. С радостью узнали: указом Президента РФ В. Путина наш земляк Максим Игоревич Васюков получил третью награду: медаль Суворова.

Март 2023 года.

ЖИЗНЬ, КАК ЯРКАЯ КОМЕТА

Рассказ-очерк

Руслану Дерменжи посвящая

Руслан сосредоточенно слушал по телевизору обращение Президента России о начале спецоперации на Украине. Он горячо разделял тезис президента: «Если драка неизбежна, то бить надо первым».

Руслана омрачили: думал об украинских детях: «Это их воспитывали нацисты в духе ненависти к России, учили ненавидеть своих прадедов, которые в годы Великой Отечественной войны защищали Украину от фашизма. Все забыли?! В услужение Западу пошли?! А дети непризнанных республик? В чем они виноваты? Вы, украинские нацисты, “долбите” их восемь лет!»

Добровольцем на войну Руслана не взяли, находились веские причины: то здоровье подкачало, то на работе был незаменим.

Наконец, в начале сентября по повестке прибыл на призывной пункт. Общительный по натуре, Руслан быстро сплотил вокруг себя группу призывников, они и стали близкими друзьями. С призывного пункта отправили их в Белгород на недолгую переподготовку. Рядового Дерменжи Руслана Ивановича определили гранатометчиком гаубичного артиллерийского взвода одной из воинских частей.

Военные события разворачивались в Луганском направлении. Украинские нацисты всеми силами цеплялись за каждый населенный пункт. С первого октября вместе с командиром взвода ребята, ранее служившие в ВДВ, оказались на первой линии наступления... Передовая — это небольшая лесополоса, в ней закрепились наши бойцы. Впереди — нейтральное поле, которое обстреливалось противником. Нацисты затаились в окопах противоположной лесной полосы.

Поступил приказ командования продвигаться вперед, теснить ВСУшников вспять.

— Будем окапываться,— приказал командир. Между собой подчиненные звали его «Батя».

Копать окопы лопатой в твердом суглинке было нелегко, да еще встречающиеся корни деревьев приходилось рубить топором. «Это тебе не с бабушкиным огородом управляться»,— подумал про себя Руслан. Громко говорить было нельзя, а для друзей прошептал:

— Полезная работа, пацаны! Налегайте на лопаты, тренируйте мышцы! Пригодится в схватке с украинцами! — И пошла гулять Русланова шутка от бойца к бойцу.

Стемнело. Вдали гремели артиллерийские орудия, время от времени вспыхивали и сверкали огни боевых машин. Приходилось таиться, распластавшись на земле.

— Веселитесь, ребята. Яркую дискотеку устраивают нам украинцы. Ишь, фейерверки какие! — Зная шутливый характер «Малова» (наградили сослуживцы Руслана позывным за молодой возраст), ждали от него новую остроумную шутку...

Находясь в окопе, прорабатывал «Батя» план наступления, определял места и кто, где должен находиться и как будет передвигаться. После интенсивных перестрелок, обстановка прояснилась: численность противника многократно превышает взвод в тридцать человек. «Надо срочно по связи докладывать “Мобилу”,— торопилась мысль командира взвода.— Придется подождать немного нашу артиллерию и танки»...

Начался интенсивный обстрел укреплений противника. Наша артиллерия открыла шквальный огонь по вражеским позициям. Со свистом летели снаряды. В атаку пошли танки.

— К бою! — скомандовал «Батя».

С криками «Ура! Ура-а!» выскочили наши ребята из окопов. Знали: мир от нацистов защищают, семьи свои, детей своих. Завязался жестокий бой: артиллерия открыла ураганный огонь по врагу. Шквальным огнем ответила артиллерия противника. Со свистом летели гранаты, мины, пули. Страшный грохот, огонь, земля дыбилась. Руслан почувствовал, как заложило уши, взрывной волной откинуло его в сторону. На несколько минут он потерял сознание. Очнулся. Тишина. Лежит пластом на земле. «Что это? — Понял:— Контузия. Где мой гранатомет? — мгновенно пролетела мысль.— Вот он, рядом. Нет! Не сдамся!» Заметил: вражеской волной подбросило нашего бойца. Как муравей подполз к нему, схватил за шиворот и потянул ползком к окопу. Успел Руслан семь раненых товарищей вытащить с поля боя. Поутихла нацистская злобная сила. Повернула вспять...

Поселок, куда вошли наши воины, был небольшой. Тишина, будто вымерли все. По приказу командира с осторожностью осматривали жилые помещения. Из подвалов и погребов выводили испуганных жителей: женщин, детей, стариков. Подошли к полуразрушенной школе.

— Осмотреть! — прозвучал новый приказ командира.

— Ты свою школу помнишь? — спросил Руслан своего боевого друга «Фила», как всегда оказавшегося рядом.

— Конечно, помню,— ответил он, оглядываясь по сторонам.— Смотри-ка, «Актальный зал»,— прочитал «Фил» табличку.

Дверь послушно отворилась, вошли. Окна выбиты, штукатурка от стен отлетела. С удивлением Руслан обнаружил стоящее в углу пианино: «Надо же, жив инструмент!» — подумал он радостно.

Соскучились его огрубевшие пальцы по клавишам. Подошел к фортепиано — затрепетала душа. Коснулся клавиш, зазвучала «Лунная соната». Друг «Фил» рот раскрыл от удивления. На звуки музыки весь взвод собрался. Плачет волшебная соната, пронизывает душу солдат и любовью, и ненавистью. То улыбкой и счастьем светятся глаза пианиста, то мечутся молнией и вспышками света. Вспомнился ему конкурс пианистов, где он занял первое место. Потеплела душа Руслана: пронеслась в памяти картина праздника «День матери». Играли они тогда с мамой на концерте в четыре руки... Последние звуки неземного мотива, и... восторженные аплодисменты.

— Ладони не отбейте, пацаны! — произнес Руслан в своей шутливой манере.

— Ну, ты, «Малой», даешь! — восхитился «Фил». — Тебе надо в концертном зале находиться, а не в окопе на поле боя с оружием в руках.

— Вот победим, тогда и в концертном зале когда-нибудь выступлю.

Командир подошел, в глаза заглянул, вздохнул, руку пожал:

— Спасибо, Руслан. — И тут же, повернувшись к собравшимся, произнес: — Выходим: народ ждет во дворе.

Голодные, уставшие, измученные страхом местные жители освобожденного поселка толпой стояли во дворе школы и заворожено слушали музыку. У многих на глазах были слезы.

Громких речей благодарности не было. Женщины попросту подходили к солдатам, обнимали и говорили: «Спасибо, родные. Спасибо, сынки, что освободили нас от нацистской нечисти. Берегите себя»...

Приятны были часы тишины. «Грузин» (позывной повара, он и по национальности был грузином) хлопотал, готовил еду в полевых условиях.

— Волнуюсь: понравится ли сегодня моя грузинская еда русскому человеку, — услышал Руслан опасения повара.

— Независимо от разреза глаз и цвета кожи, мы все — россияне, братья. Ты, «Грузин», хоть и от мамы чужой, но, не сомневайся, брат ты нам родной, — громко произнес «Малой». Оценили сослуживцы правильную Русланову мысль. Весь обед прошел с этой фразой и стал лозунгом взвода...

С боями медленно продвигались вперед. Было это в одном освобожденном пригороде. Октябрьская погода не радовала. Прохладно, накрапывал дождик. «Батя» разрешил найти продуктовый магазин. Настроение улучшилось.

— Есть что тратить, — произнес Руслан, обратившись к «Филу», указывая на внутренний карман армейского бушлата. — Ребятам подарки принесем.

У входа в магазин увидели детей: девочку и мальчика лет семи-восьми. Худенькие, глаза печальные, старенькие курточки были явно с чужого плеча.

— Вы одни? — участливо спросил Руслан.

Девочка застеснялась, голову ниже опустила. Мальчик откровенно взглянул Руслану в глаза и посмотрел в сторону. Там стояла молодая женщина. Увидев армейцев, смутилась и отвернулась.

— Дети, наверно, голодные, — шепнул «Фил».

— Раскошеливайся, — также тихо произнес «Малой» и расстегнул бушлат. Разнообразием продуктов пожилая женщина-продавец похвастаться не могла.

— Соберите нам, пожалуйста, в пакет продукты. Дети голодные стоят у вас на крыльце. Хлеб, тушенка, консервы, крупа, печенье, конфеты, — перечислял вслух Руслан. — Все, что есть.

— Денег хватит? — спросила продавец, взглянув с любопытством на вошедших.

— Не волнуйтесь, — в один голос заверили «Малой» и «Фил».

Вышли из магазина. Дети стояли на прежнем месте.

— Вам подарок от нашего взвода, — подал Руслан пакет мальчику.

Дети оживились, подбежала мама:

— Простите нас. Беженцы мы. От войны убегаем, — взволнованно заговорила женщина, вытирая ладонью набежавшие слезы. — Спасибо, что вы есть, что нас защищаете...

Середина ноября. Луганская область. Взвод снова на передовой. Нацисты готовились сокрушить российские позиции в направлении Кременной. Продвигаются вперед бойцы штурмовать окопы ВСУ. Бронегруппа бьет на ходу. Вот уже слышится речь противника, да разобрать невозможно: иностранная ли она. Лавина противника неожиданно двинулась на наших ребят. Мало наших, а вспять уходить не хочется. Неравный был бой. Понимал «Батя» ситуацию: «Как сохранить жизни своих подопечных?» Понимал сложившуюся ситуацию и Руслан, который был впереди группы наступающих наших бойцов.

— Пацаны! — Во всю мощь своего голоса приказным тоном закричал Руслан. — Отходите! Я прикрою вас!

Яростно загремел Русланов гранатомет.

Какая-то волна, как нечистая вражеская сила, принесла град смертельных острых осколков. Сделали вражьи осколки свое подлое дело.

Подоспела наша артиллерия. Несколько часов длился этот тяжелый бой. Не выстоял противник. Отступили наемники, не желая умирать за чужую землю...

Собрали с поля боя раненых и погибших — никогда наши не оставляют тела своих братьев на глумление врагу. Руслан был смертельно ранен осколком в легкое. Душа его вознеслась в синие небеса и засветилась оттуда звездочкой ясной.

Склонили головы воины перед героем, смелым бойцом, надежным и преданным товарищем, талантливым музыкантом, веселым человеком Русланом Дерменжи. Четыре флага развеваются над его могилой.

Пронзительным взглядом смотрит Руслан с портрета памятной мемориальной доски, установленной у входа на стене его родной школы.

Яркой кометой пронеслась жизнь Руслана, оставив добрый след в сердцах родных, близких, учителей, друзей.

Руслан Дерменжи — герой маленького российского городка с названием Сельцо. Герой славного Отечества! Защитник Родины своей! Защитник семей наших, детей наших!

Россия — страна героев, а герои не умирают.

Апрель 2023 года.

ТВОЮ УЛЫБКУ БУДЕМ ПОМНИТЬ ВСЕГДА

Рассказ-очерк

Александру Хохлову посвящая

Я вглядываюсь в его портрет и долго не могу отвести взгляда. Скромная аккуратная темно-русая прическа, высокий благородный лоб, слегка вскинутые брови, лучистый взгляд голубых глаз, гордые губы и вместе с тем застывшая открытая щедрая улыбка озаряет его лицо. Это Александр Хохлов.

Инженер-конструктор Брянского электромеханического завода после объявления Специальной военной операции всю ночь провел без сна. Мама, учитель начальных классов, чувствовала настроение сына и с волнением ждала...

— Мама, я должен быть там,— услышала Нина Михайловна вскоре за завтраком.

Материнское сердце замерло. Не сразу она произнесла:

— Зачем? Почему? У тебя, сынок, бронь. Не отпустят тебя с работы.

— А кто, кроме меня, мамочка? Я пока один, у меня нет детей, а рядом со мной мужчины, у которых есть дети, семьи.

Сердце матери забило в тревоге.

— Сынок! — только и смогла произнести Нина Михайловна.

— Десантник я. Легких жизненных путей не искал никогда. Таким ты меня сама воспитала.

— Но ты же еще на больничном...

— Больничный сегодня заканчивается. В военкомате я уже побыл. На работе не сообщал — знаю, меня там поймут...

— А-а... — Нина Михайловна хотела еще что-то спросить, но не успела.

— Я так решил, мама!

Нина Михайловна проводила сына до входной двери. В ее сознании отложилась фраза: «Я так решил, мама!». Возникшая в сердце тревога не покидала. Она взяла Сашин альбом, открыла страницу: «Вот он, мой сыночек-первоклассник. Белокурый чубчик, голубые глазки светятся радостью: в школу, в первый класс пошел.— Учился хорошо — способности были отличные,— плавно текли воспоминания Нины Михайловны.— Дружбу ценил.— Наконец улыбнулась она, разглядывая фото сына с незнакомым мальчуганом. “Ты кого привел домой?” — “Это друг мой, мама” — “Давно вы познакомились?” — “Да только что в лифте”.— Вспомнился эпизод из жизни семилетнего сына. — С ним все хотели дружить. Настоящих друзей, дружбу очень ценит Саша. Всегда готов поддержать, никогда не отказывает им в своей помощи... А это уже старшеклассник: очень серьезно занимался большим теннисом, футболом. Часто участвовал в различных соревнованиях, и не безуспешно: грамоты, медали получал за призовые места.— С радостью разглядывает мама, очередной фотоснимок. Теплые воспоминания, наконец, вытеснили тревогу из сердца.— Это фото Саши на рыбалке. Удочкой карасика поймал. Рыбачит часто, но редко приносит кошке небольшую рыбешку, а остальных отпускает назад в воду.— Улыбается Нина Михайловна.— Особая у сыночка любовь к природе. Бывая у бабушки, ранним летним утром все лесные и луговые тропинки обойдет вместе с Трезором.— О! Удачный снимок. Это дочь Танюша успела заснять Сашу за чтением. Пристрастился он к чтению. Особенно любит читать историческую и философскую литературу. Читает не только на русском, но и на английском языке,— с гордостью за сына думала Нина Михайловна.— Да, сын мой стремился всегда и во всем быть первым.— Вдохнула, разглядывая снимок Саши после очередной сдачи крови.— Много лет был мой сыночек донором. “Кому-то моя кровь сейчас нужна, мама”.— Вспомнила она его слова.— Все старался пользу людям приносить».

Страницы альбома листались, давая матери приятные воспоминания о пройденной жизни сына. Очередная фотография напомнила об окончании Брянского государственного технического университета.— «Это было двадцать восьмого июня две тысячи одиннадцатого года,— вспомнила Нина Михайловна.— А

через три дня его провожали в армию в десантные войска на срочную службу. Тогда я не особенно волновалась: сын физически развит, морально подготовлен, служить шел с радостью. Он гордился дядей (моим братом, кадровым военным), и дедушкой, участником Великой Отечественной войны. Службу нес достойно, поэтому и доверили ему участие в Параде Победы на Красной Площади в Москве. Не допустила ли я ошибку в тот момент (Нина Михайловна всматривалась в армейский снимок), когда Саше предложили сверхсрочную службу в армии? — вспыхнула тревожная мысль. — Сын спрашивал моего совета, а я ему ответила категорическим “нет”. “Ты у меня один сын. Нет!” До сих пор помню эту фразу. А ведь он всем сердцем принял армию. Эгоизм мой тогда пробудился: дочь училась в Мюнхене, мама умерла, муж был серьезно занят неотложными делами. Очень хотелось, чтобы сын находился рядом со мной. Теперь вот оправдываюсь. А может, все к лучшему? Саша занимает ответственную должность на заводе, уважают, ценят его профессионализм, любят за веселый жизнелюбивый нрав, неунывающий характер. Что еще-то надо! Одно тревожит: не женат, не нашел вторую половину: большой однолюб. А с каким удовольствием проводит свободное время с де-тишками своих друзей, с племянниками! Дождаться бы Сашиних внучат!»

Нина Михайловна закрыла альбом, любовно погладила ладонями его синюю обложку. Задумалась: опять колыхнуло душу беспокойство...

После объявления Специальной Военной Операции Александр Хохлов в первых рядах отправился добровольцем на защиту Родины.

— Ты будешь гордиться мной, мама! Я обязательно вернусь,— сказал сын в минуту расставания, за-глушая своей ослепительной улыбкой нестерпимую материнскую тревогу...

Группа мужественных и решительных добровольцев собралась в военкомате. Недолгое общение, еди-ная цель быстро обозначили симпатии друг к другу. Сразу определился в группе и лидер: он был старше остальных, опытный собеседник, уверенность, умный взгляд и располагающая к себе доброжелательная улыбка. Это был Александр.

Судьбоносной встрече с Александром считал Василий, такой же по возрасту, тоже доброволец. Стали они близкими друзьями. Остальные ребята были помоложе.

После пятидневного пребывания в городе Валуйки Белгородской области отправили бойцов в Луган-скую Народную Республику на линию обороны.

Мобильные штурмовые группы ВСУ, в составе которых много иностранцев, прощупывают нашу обо-рону, пытаются измотать российские силы непрерывными атаками.

На Сватовском направлении к очередному наступлению украинское командование стягивало свои си-лы, старались загнать группу бойцов в ловушку. Враг хитер. Но младший сержант Александр Хохлов был очень находчив, быстро и правильно оценивал сложившуюся ситуацию. Сам отважный, решительный, он в трудные минуты своим младшим сослуживцам умел сказать слова поддержки, поэтому выходили из окруже-ния без каких либо потерь.

Гордился Василий своим другом:

— Ты классный гранатометчик, Александр. Что ни выстрел — точное попадание в цель. Бьешь без промаха. Учитесь, ребятки, у своего командира,— высказывался в минуты затишья Василий.

— Не возражаю. Учитесь,— отвечал шутливо Александр, расплываясь в своей искренней улыбке, по-сылая тем самым заряд бодрости молодым бойцам.

Настал момент, когда подразделение Александра перебросили в другое место, в район села Куземовка Сватовского направления.

Наши войска укрепляют позиции, противник здесь обладает превосходством в живой силе. У ВСУ много артиллерии и беспилотников. Враг не перестает наносить удары из стапятидесятипятимиллиметровых гаубиц французского и британского производства, а также американских реактивных систем «Хаймерс». Наша артиллерия, авиация: штурмовики, бомбардировщики, вертолеты поддерживают пехоту.

Александр со своим отделением в четырнадцать человек занял позиции в лесопосадке. Не раз по ним били минометы. Саша, как и раньше, всячески поддерживал боевой дух ребят. В двадцатых числах октября пошла массированная атака ВСУ на прорыв нашей обороны. По лесопосадке били и минометы, и артилле-рия, из квадракоптеров летели гранаты. Начались и ближние бои. Отстреливались до последнего. Наступило неожиданное затишье. Притаились наши бойцы: «Укронацисты успокоились, отступили?». Но ситуация обострилась вновь. Снова начался мощный артобстрел. Плотный огонь пылал со всех сторон.

Вскипела кровь у младшего сержанта, когда увидел, что в его группе появились двое тяжелораненых. Отчаянно гремел его гранатомет, бил по цели без промаха. А враг остервенел еще больше, чувствуя свое превосходство в живой силе.

— Еще один раненый! — заорал что есть сил Василий.

— Сообщай по радиации: нужна поддержка бомберов и вертолетчиков!

По радиации передали, что требуется помощь. Ответа не было: видно, ситуация была сложная. Преобра-зилось лицо Александра — гневом пылала душа.

— Давай отступим и вместе уведем ребят из окружения! — настаивал Василий.

«Что? Покинуть позицию и получать в спины удары ликующих врагов? Ни на шаг не пропущу вражину на нашу позицию! — кипели мысли в голове командира.— Не отступлю: прикрою ребят!»

— Уводи ребят! Уводи немедленно ребят! Это мой приказ! — кричал Александр.— Никто тут из врагов не пройдет!

С необычайной силой заработал его гранатомет, вызывая огонь на себя. Несколько минут длился этот огненный смертельный поединок...

Василий выполнял приказ младшего сержанта: уходили ребята от вражеского огня, уносили с собой раненых товарищей. Наконец, все затихло. Василий рванулся к месту, где оставался Саша. Неожиданно очередной разрыв снаряда, оглушив его, опрокинул тело... Очнулся. Тишина. Ползком устремился вперед. «Вот он — друг мой! — заслезились глаза Василия.— Навзничь лежит, все тело изранено осколками. А гранатомет крепко прижимает руками к груди. Взгляд открытых глаз устремлен в небо, на лице сияла улыбка, словно говорила: «Я спас вас, ребята».

— Ценой своей жизни, Саша, ты спас наших пацанов. Буду жить, воевать, отомщу врагу за твою смерть! — шептал свою клятву Василий.

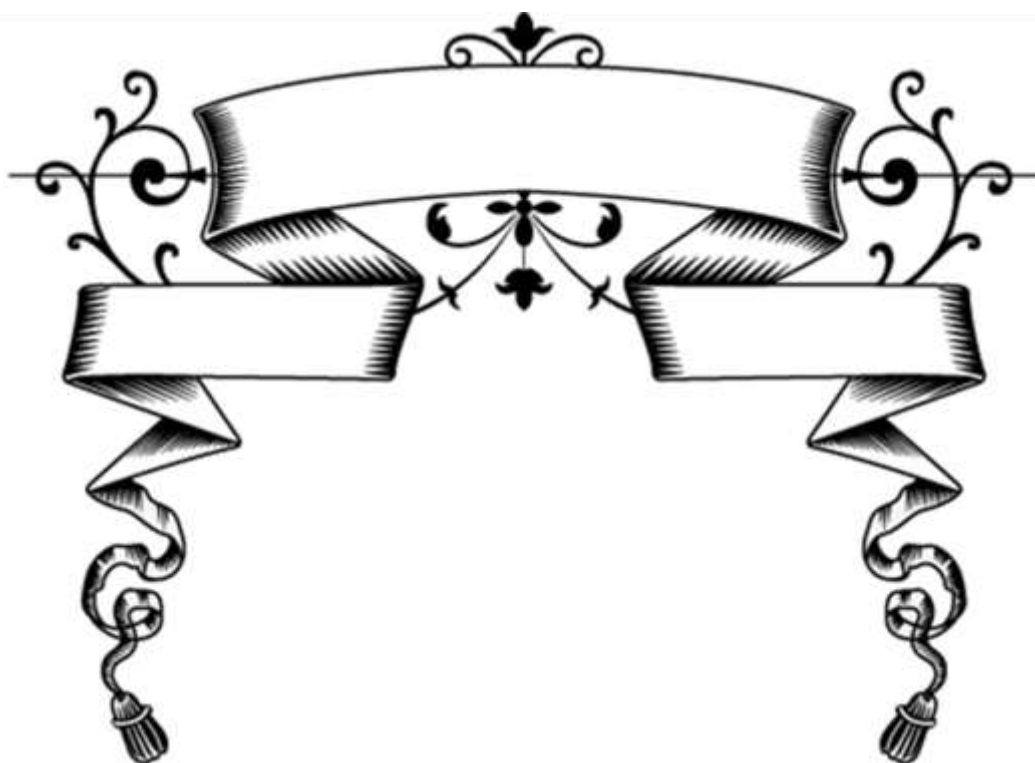
На местном кладбище города Сельцо Брянской области, на Аллее Славы, развевается флаг России и флаг ВДВ, на котором надпись: «Никто, кроме нас!». Здесь покоится Александр Хохлов — защитник Земли Русской, Герой СВО, награжденный орденом Мужества. Смотрит с портрета Александр, улыбка озаряет лицо, отражая его богатый внутренний мир.

Знаем: Родина одна! Нет ничего превыше ее интересов! Нет ничего превыше имени Россия!

Июнь 2023 г.

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ЮЛИЯ ЗИМИНА-КОНДАКОВА
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
СЕРГЕЙ МИРОНОВ
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА
ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ
ИГОРЬ ЕГОРОВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
ВЯЧЕСЛАВ ДЕВЯТКОВ
НИКОЛАЙ ДЕНКЕВИЦ
ЕЛЕНА БАРАХОВА
ВИТАЛИЙ КУЗНЕЦОВ
СОФИЯ МАКСИМЫЧЕВА
ВЛАДИМИР ПОРЯДОЧНОВ
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
БОРИС РЯБУХИН
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ

ВИКТОР МЕДВЕДЕВ
МАРИНА ЩЕНЯТСКАЯ
ЯКОВ ШАФРАН
ВАДИМИР ТРУСОВ
ДИНА ЮДИНА
ТАТЬЯНА ПАНОВА
ОЛЬГА АРТЕМОВА
НИКОЛАЙ ЕРМОХИН
ВАЛЕРИЙ СУХОВ
НИНА ГАВРИКОВА
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
АЛЕКСЕЙ СЕМИН
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЕНКО
ЛЕОНИД ЗОЛОТУХИН
ВЛАДИСЛАВ БУСОВ
ОЛЬГА КАРАГОДИНА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ЕЛЕНА КУЛЕШОВА
АННА БАРСОВА
АРКАДИЙ ПОЛЬШИН

К 130-ЛЕТИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРКА ТУЛЫ

130 лет назад, в 1893 году Тульским санитарным врачом, общественным деятелем, доктором медицины П. П. Белоусовым был заложен парк в г. Туле, ныне Центральный парк культуры и отдыха им. П. П. Белоусова.

Валерий ХОДУЛИН (1937—2022)

Валерий Георгиевич Ходулин с пятнадцати лет работал на Оружейном заводе. Военскую службу проходил в 1956—1958 гг. на крейсере «Аврора». Тогда же появились ранние публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965 г. на пятом курсе Литинститута им А. М. Горького, который окончил с отличием. Много лет работал старшим редактором Приокского книжного изд-ва, председателем Тулоблотделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Автор многих поэтических и публицистических сборников. С 1972 г. был членом СП СССР, с 1995 г. был членом СПР. Имел звание Заслуженного работника культуры России, Почетного гражданина города-героя Тулы. Являлся лауреатом многих литературных премий, лауреатом Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Был членком Петровской академии наук и искусств. Награжден многими медалями. Являлся членом Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

Подробная биография размещена на сайте ТПО СПР <http://tro-spr.ru/member-hodulein/>

СТОЛЕТНИЙ ПАРК

Ты что грустишь, мой друг столетний?
Что хмур ветвей твоих изгиб?
Все это ложь, все это сплетня,
Что ты засох, что ты погиб.

Вот я с тобой веду беседу.
Мы с давних пор с тобой близки.
К тебе, как к доброму соседу,
Приходят в гости земляки.

Судьбой завидной наделенный,
Ты с каждым годом все милей.
Извечно белым и зеленым
Мне светит даль твоих аллей.

Твоей красой я наслаждался,
Был каждой новой встрече рад.
В твои пруды я погружался
И в летний зной, и в зимний холод.

Пускай они не будут мелки,
Пусть будет вечен твой уют.
И пусть пронырливые белки
В твоих ветвях вверх-вниз снуют.

Пускай веселых птиц семейки
Поют, когда придет весна,
И будут заняты скамейки,
И будет музыка слышна.

И пусть нас лечит воздух пряный,
Недуги гонит все подряд,
И пусть все клумбы, все поляны
Цветами яркими пестрят.

Во всем своем великолепии,
Листовою свежее шурша,
Вошел ты в новое столетье
Степенно, гордо, не спеша.

Так не грусти, мой друг старинный,
Живи под солнцем и дождем,
И мы к тебе на именины
Лет через сто еще придем.

Памятник Петру Петровичу Белоусову (23 января 1856, Скоморошки, Тульская губерния — 2 августа 1896, Тула) — русскому ученому, первому санитарному врачу Тулы, создателю Петровского парка — ныне Центрального парка культуры и отдыха имени П. П. Белоусова, входящего в десятку крупнейших парков Европы.

Виктор МЕДВЕДЕВ

г. Алматы,
Казахстан

Медведев Виктор Николаевич — поэт, прозаик, журналист. Родители переехали из Казахстана в Россию в 1931 г.. В 21 год опубликовал первые стихотворения в городской газете. Более 10 лет являлся одним из постоянных авторов в коллективных сборниках «Лики земли», «Ступени», «Горизонт» и другие. На радио вел рубрику «Стихотворения в прозе». Первый сборник стихов «Мельница времени» вышел в 1988 г. По инициативе кукольного театра им были созданы пьесы для детей «Тяп-ляпы», «Волшебная книга Элли» по Волкову, «Звери на шести этажах» и другие. Является автором либретто оперы о Ходже Насреддине по Соловьеву. Некоторые стихи были положены на музыку композиторами Казахстана. Написал более 20 рассказов для подростков о приключениях друзей в горах Тянь-Шаня, постоянно попадающих в невероятные по драматизму и загадочности обстоятельства. Победитель многих литературных конкурсов. В течение трех последних лет стал лауреатом Четвертого международного литературного конкурса «Славянское слово» (2021 и 2022 гг.) в номинациях поэзия и детская литература. Отдельную награду получил за выражение народных традиций (сказка в стихах). В 2020 и 2022 гг. стал лауреатом конкурса патриотической поэзии имени поэта и воина И. Григорьева.

В ХРАМЕ

У иконы бабушка стоит —
Кланяется, крестится и молит...
Что ей в сердце старенькое колет,
За кого душа ее болит?
Вымолить ей надо благодать,
Не себе, конечно же, сердешной...
Просто сон вчера приснился вещий,
Надо грош убогим бы подать.
Да просить заступницу свою
За сыночка нынче заступиться...
В немощи одно дано — молиться,
У пути земного на краю.
В храме тихо, радостно, светло.
Кто-то хвори, кто-то душу лечит,
И горят под образами свечи,
И течет небесное тепло...
Льется с неба колокольный звон,
Заглушая шепот и рыданья...

Вечные, живые изваянья —
Хрупкие старушки у икон.
Я за них в сторонке помолюсь —
Мне бы жизнь такой же мерой мерить,
Как они уверовать и верить
До предела человеческих чувств...

РУСЬ

Здесь отчий дом — бревенчат, низок,
Зато вокруг полей размах,
Здесь храмы древние — как в ризах,
Стоят сурово на холмах.
Здесь исцеляла боль Россия
И в годы смуты,
И войны,
Здесь принимали бой святые —
Простые воины страны.
И здесь вначале было Слово,
Что не избыть и не забыть,
Являя горько и сурово
Два смысла —
Быть или не быть.
Слова рождались и мужали,
Не рассыпались страхом в прах,
Творили вечные скрижали
«Спаси — помилуй»
На крестах.
И здесь от вечного, родного,
По сущей правде наших уст,
Огромный мир возрос из слова,
Как свист меча на битве —
Русь.

СИРЕНЬ

Полыхнула сирень из дождя, из дымящейся зелени,
Подожгла подоконник за мокрым, в дождинках,
стеклом.
И в стакане окна заплясало горячее зелье,
Будто дождь нипочем и весна заждалась за углом.
Бьются листья в стекло молодыми весенними
птахами,
Они просят впустить — и рука уже тянется в сад,
В этот ворох сирени, что ветер хватает охапками,
Где в зеленом развале цветы факелами горят.
За окном все дрожало, кипело, дышало, смеялось,
Захлестнула полмира волна самовольных цветов,
И душа, как девчонка, к стеклу удивленно
прижалась,
Хохоча от восторга, задыхаясь от замерзших слов.
А по комнате бегали блики и смутные тени,
Дом скрипел и качался, будто облаком плыл
в синеве,
Погружаясь то в сумрак необъяснимой сирени,
То в факельной свет, заплутавший
в счастливой листве.
Мне уткнуться бы лицо в эти свежие мокрые ветви,
В этот парус зеленый, поутру окрыляющий сад,
И на вкус ощутить на сирени настоящий ветер,
И за вольною волей бездумно уйти наугад.

СЛЕПОЙ

Он стар и слеп. Его зовут Старик.
Он сам с собой о чем-то говорит,
В руках лишь посох — все его добро,
Но в волосах, без меры, серебро.
Живет он — ни кола и ни двора,
Нет у него и пса — поводыря,
И нет друзей, а значит, нет врагов,
И сам он тих, как звук его шагов.
Но он не прост... Он в памяти хранит
Звон палочки о сталь и о гранит,
Скрип дерева усталый на мосту,
Скрывающий от зрячих пустоту.
Когда идет по городу слепец,
Он слушает биение сердец,
Он слышит нашу жалость или страх
И замерзшее слово на устах.
А майским днем, восторга не тая,
Он различает в трели соловья
Два голоса — то флейту, то свирель,
Как будто их упрятали в сирень.
Он зряч глазами собственной души,
Но мир его для нас непостижим —
Как дальше жить, когда весь свет погас?
Как полюбить, когда не видишь глаз?
Он жизнь учил не так, как мы урок,
А пальцами, и вдоль, и поперек,
Всегда на ощупь, постигая суть,
Как в бесконечность, проникая вглубь.
Я спорил с ним... Я слушал и молчал.
Прощался с ним и заново встречал,
И тяжелели все его слова,
И серебро роняла голова.
В какой-то час, в какой-то странный миг
Я вдруг прозрел, я главное постиг,
За что судьбой на свете он храним —
Он зряч один. Мы слепы перед ним...

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

Печальной гравюрой застывший ноябрь —
На ткани тумана, холодной и синей.
Он создан дождем на закате, как встарь,
Из мокрых, косых, из немислимых линий.
А дальше, в тумане, тоска ноября
Уже нацарапана дугами сучьев.
И где-то вдали леденеет заря
В жестоком ознобе зимы неминуемой.
А вот и зима в ореоле окна —
От черных стволов и до белой короны.
Написана царственно за ночь она
Неяркими красками древней иконы.
Таинственной температуры теплая плоть
Рисует изгибов живую небрежность,
И всюду — то иней, то снега ломоть,
То ветра порыв и морозная свежесть.
Распахнуты окна — и утренний свет
Врывается жаркой струей акварели,
Сплетаются ветви в старинный багет
И бережно ловят этюды апреля.

А может здесь ветер листает альбом,
Слетев к подоконнику с низенькой крыши...
И заново выбелен старенький дом
Сегодня с утра лепесточками вишен.
Божественный август нисходит с холстов
На наше крыльцо, на дорожку у дома,
Теряется в пестрых куртинах цветов,
Грохочет над крышей раскатами грома.
А после взлетает под небо тайком,
Всю ночь звездопадами там хороводит...
И утром, неслышно, всегда босиком,
По Млечной дороге куда-то уходит.

Юлия ЗИМИНА- КОНДАКОВА

г. Тула

Юлия Александровна Кондакова родилась в г. Туле. В ТулГУ получила высшее техническое образование. Работает инженером-конструктором. Лауреат конкурса молодых поэтов г. Тулы (1998 г.), участник конкурса литературного альманаха «Тула» в номинации «Поэзия» (2022 г.), участник творческой лаборатории литературного альманаха «Тула» (2023 г.), номинант национальной литературной премии «Поэт года» за 2023 г. Принимала участие в литературно-музыкальном квартирнике в рамках мероприятия «Ночь искусств — 2022» в Тульской областной научной библиотеке. Автор сборника стихов «Рецепта переделать меня нет» (1996 г., самоиздат). Имеет публикации в периодических изданиях г. Тулы, в альманахах «Гриф и странник», «Голос», антологии «Свет, облегающий грани», в «Сборнике стихов молодых поэтов г. Тулы». Член областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева г. Тулы, руководитель — В. Ю. Ткач, член Союза российских писателей.

В ЦЕРКВИ

В уютном храме небольшом
Дрожали свечи,
Просили Бога, кто о чем,
В дождливый вечер.
Вдруг вижу: тихо у колонн,
Молясь упорно,
Не сводит парень глаз с икон
В десантной форме.
Ему, быть может, скоро в бой,
Где смерть без правил,

И к Божьей Матери с мольбой
Он взгляд направил...
И я застыла со свечой,
От чувств немея,
Пред верой трепетной святой
Благоговя...
Молитву губы все твердят
Мои упорно
Теперь за всех таких ребят
В военной форме:
«О, Пресвятая! Защити
Своим Покровом
В пылу сражений их, в пути,
Под чуждым кровом...»
В уютном храме вновь свечу
Я зажигаю,
Молитву искренне шепчу —
Поможет, знаю!

ЦЕРКОВЬ НАД МОРЕМ

Здесь часты бури. Шумно бродит пена
И закипает в стонущей волне,
А на скале — торжественно-смиренна —
Заброшенная церковь в вышине.
Она светлеет над морскою вьюгой,
Как будто Бог над пляской колдовской,
И много лет соседствуют друг с другом
Взбешенная стихия и покой...
Но вверх стремятся горестные волны:
Они спешат замаливать грехи.
Так люди в море жизни, страсти полной,
Подчас к тиши божественной глухи,
Но, задыхаясь в буре, ждут спасенья...
А волн все возрастает крутизна,
Надежда их — на это восхождение
Туда, где встретит церкви белизна...

ВАЛЬС «ОЖИДАНИЕ»

Видно, мир так устроен, что в нем
Нам скучны с настоящим свидания,
И в душе, будто ночью и днем,
Разливается вальс «Ожидание».
В зимний вечер, когда в тишине
В белых звездах купаются здания,
Наши сны — о далекой весне,
И звучит снежный вальс «Ожидание».
Даже летом и нежной весной
Есть минуты: измучат страдания,
Но живительной теплой волной
Прикасается вальс «Ожидание».
Он дыханье надежды несет...
Над осенней страной увядания
Вместе с ветром летящим поет
Нестихающий вальс «Ожидание».
Своей грусти не скрою от вас:
Наша жизнь — только миг в мироздании,
Она вся пронесется как вальс,
Как стремительный вальс
«Ожидание»...

ФЕВРАЛЬ

Как радостно из тьмы воскреснуть снова,
Завороженной блеском февраля,
Довериться игре волшебной слова...
Я сердце от печалей берегла
Дыханием ночей прозрачно-звездных —
Границ между мирами будто нет —
И дней так ослепительно-морозных,
Что кажется: весь город — только свет,
Который заливают снег безбрежный...
Но улицы уже изумлены
Каким-то уловимым еле, нежным,
Рождющимся запахом весны...

ТОПОЛЯ

Я люблю это время — цветенья разбег,
Ароматами бродит земля.
Мы идем, и к ногам стелют нам теплый снег —
Свой нетающий снег тополя.
Мы все время спешим, но никто не постиг,
Для чего мы спешим и куда,
А к нам мягкая белая с веток густых
Опускается тихо звезда...
Я люблю это время: летающий пух
На границе у лета с весной,
Мир становится призрачно-ласковым вдруг,
Тополиной объят пеленой.
Так бывает заманчив и краток покой —
В наши дни суета вплетена —
Только вдруг прикоснется пушистой рукой —
Тополиной
рукой
тишина...

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Летний вечер. Жары дневной нет,
Тихо дремлют над прудом ракиты,
И шатер, полный звезд и планет,
Над Землей скоро будет раскинут.
И пленительный белый жасмин
Льет духи свои в воздух согретый,
И час сумрачный тайной томим,
Он теней не раскроет секреты...
Как хорош летний вечер такой!
Бархатистые милые краски
Нежно дарят душевный покой,
Ощущение счастья и сказки...

ПРЕДОСЕННИЙ ЛИВЕНЬ

Ливень осень вызывает —
Я рыданья проглочу...
Слезы неба заливают
Лета яркую свечу.
И спускаются к нам струи
С неоглядной вышины,
Словно трепетные струны

Тайной музыки полны.
 То отчетливей, то глуше,
 Но чарующе всегда,
 Все звучит и входит в душу
 Песня грустная дождя...
 Скоро с ветром золотистым
 Станет лес прозрачно-пуст...
 Что так жизнь проходит быстро?
 Жизнь проходит... Ну и пусть!
 Ливень осень вызывает —
 Я рыдания проглочу...
 Листья наших лет срывает
 Кто? Зачем? Понять хочу...

Марина ЩЕНЯТСКАЯ

г. Белгород

Марина Александровна Щенятская родилась в 1984 г. в Белгороде. Окончила Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова; кандидат экономических наук, доцент того же вуза. Автор книг стихотворений «В сети волшебных лабиринтов», «Из солнечных ладоней». Стихи публиковались в литературных журналах «Молодая гвардия», «Александръ», «Приокские зори», «Краснодар литературный», «Звонница», «Южная звезда», альманахах «Чаша круговая», «Ковчег» и других изданиях. Лауреат литературных конкурсов и фестивалей. Член Союза литераторов Белгородской области. Постоянный автор нашего альманаха.

БАБОЧКА

Бабочка первая, неба посланница,
 тайною Божьей мелькнет —
 и, словно в детстве, на сердце останется
 радости тихой полет.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Сирень в дожде, а в небе — словно крылья
 из облаков.
 И я одна — меж небылью и былью,
 где нет оков.
 Ни лишних слов, ни сожалений,
 ни прошлых лет.
 Лишь утихающий весенний
 закатный свет.

Акация цветет
 душистая,
 соловушка поет
 неистово.
 Для сей земной красы
 в жестокий час
 помилуй и спаси,
 Всевышний, нас...

Речка прощается с золотом солнца.
 Падает на воду листьев янтарь.
 Выпита нежная осень до донца.
 Зябнет зовущий в ноябрь календарь...
 «Все повторится,— шепчет мне ветер,—
 летние дни и дождь на рассвете...»
 Тихо промолвлю я ветру в ответ:
 «Все повторится, а жизнь моя — нет...»

Слова в молчанье раствори,
 здесь и сейчас замри! — Смотри,
 как пламя радостной зари,
 смедея, гасит фонари,
 как снег румянят снегири.—
 ...И счастье теплится внутри!

ВЕСНА

Солнце греет воздух все сильнее.
 Проглянул подснежник подо пнем.
 На деревьях почки — зеленее
 и заметней с каждым новым днем.
 Птичьи голоса звучат дружнее.
 Радостен за лесом окоем.
 И весна плывет ко мне, смедея,
 по ручью бумажным кораблем!

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Олеся Ивановна Маматкулова родилась 19 февраля 1980 г. в г. Щекино Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор четырех сборников стихотворений: «Волшебный лепесток», «Почерк души», «Мысли и чувства», «Заповедная тропа» и сборников пе-

сен «Серебряный родник» и «Звонкие капельки». Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член областного музейно-литературного объединения «Муза». Член СПР и АРЛ. Награждена медалью им. И. А. Бунина «За верность отечественной литературе». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

Хороводит ветер ночью у дорог,
И высокий месяц звезды караулит.
Испеки мне, мама, яблочный пирог,
Как в далеком детстве, в розовом июле.
Пусть коснется сердца счастья летний вкус,
Где кусочки яблочка, чуточку с кислинкой,
Самоцветы, словно с нитки твоих бус,
Пропитали солнцем сладкую начинку.
Посидим немного вместе за столом,
Вспоминая годы тихим, добрым словом,
И в кусочке каждом рук твоих тепло
И твою заботу я узнаю снова.
Постучится ветер веткой ледяной,
И качнет вздыхая мама головою ...
Хорошо, что в этот поздний час ночной
Ты, моя родная, рядышком со мною!

Заржавели плоды у рябины,
Смолкли песни мохнатых шмелей,
И справляет опять именины
Месяц-август — владыка полей!
Все в природе и к месту, и к ряду —
По житейским законам Земли —
Вот рябина богатым нарядом
Зиму долгую нынче сулит...
Ветер зной над пожнивом разносит,
И бежит по равнине волна...
Гнутя спины тяжелых колосьев
От налитого солнцем зерна.
То ли кажется сном, то ли явью
Тишина, что нарушить нельзя...
Утопает межа в разнотравье —
Прямо к синему небу стезя!
И покой, и пшеничное море,
Уходящего августа миг,
Будто людям настойчиво вторят:
«Берегите наш красочный мир!»

И будет лет круговорот
Пестрить расцветкой черно-красной,
Где календарь всей жизни срок
Сочтет подневно, безучастно.
И станет осень без цензур
Менять на сталь и мазать в кобальт
Небес высокую лазурь,
Переиначить чувства чтобы.
Наступят дни, когда зима
Придет натурой нервно-склочной,

Когда метелей белых хмарь
Начнет испытывать на прочность.
И вновь весна заголосит
Оркестром птиц, живым и мощным!
Засеребрятся сгустком сил
Ручьи вдоль хлябистых обочин.
Возьмется лето норовить
Остаться в памяти и в строках...
Всему черед, и путь тернист...
Все возвращается к истокам.
И будет лет круговорот...

Босиком пройтись бы, не боясь занозы,
По траве зеленой, где журчит ручей.
Где влетает солнце молодой березе
Невитые нити золотых лучей.
Погулять бы вволю на дневном припеке,
Наиграться с ветром, разум прояснив,
Да взбежать вприпрыжку на бугор высокий,
Надышаться чтобы запахом весны.
Облаков коснуться, будто мягкой ваты,
Постучаться робко в старый отчий дом,
Да стакан компота выпить прямо залпом,
Вытирая губы мятым рукавом!
На крылечко выйти, да вздохнуть всей грудью,
До чего ж красиво! Не сыскать и слов!
То коснулась сердца легкой, светлой грустью
К моей малой родине чистая любовь...

Дождь отмыл грозовой небосвод,
Пышет полдень тропическим зноем.
Будто в зыбке качающих волн,
Мне с тобой так легко и спокойно.
Бьет челом полевая трава,
Пижма славит погоду салютом.
Мягким ветром слетают слова:
— Мне с тобой так тепло и уютно.
Шепчет сказки речная вода,
Но сюжет их походит на правду.
Даже словом нельзя передать,
Как с тобой мне светло и отрадно.
По тропинке идем не спеша.
Нежен взгляд твой — доверчиво-чистый!
Хочет верить живая душа,
Что так будет и ныне, и присно.

Плесну в бокал прохладных рос,
Добавлю зори и закаты,
Кусочек неба, каплю гроз,
Немного ягод, мед и мяту.
Не стану медлить! И, вкусив
Коктейль из чувств к теплу и свету,
Пойду по улице Любви
Бродить в обнимку вместе с ветром.
Пока не сложит в тьме ночной
Луна витраж больших созвездий,
Но и тогда спешить домой
Не стану! Пусть душа воскреснет!

Нам будет с ветром по пути
Тропой Мечты и стезжкой Счастья,
Пока рассвет не возвестит:
«Настало время вам прощаться...»
Я вновь плесну в бокал росы.
Разлита в небе розоватость...
Быть может, в том и жизни смысл —
Нести по свету мир и радость!

Яков ШАФРАН

г. Тула

Я душой нахожусь на
донецкой аллее
Возле сотен имен
убиенных детей.
Разве может что быть на миру тяжелее,
Продолжать старику жить в подобной беде?
Я душой нахожусь у могил тех героев,
Кто погиб за свободу родимой земли,—
Кто от пули злодейской, кто в огне среди боя,—
Тяжкий крест, не щадя своих жизней, несли.
Вы не дожили дни, кто-то месяцы, годы,
До великого дня возвращения домой.
Но посев ваш велик и живучи все всходы,
Урожай будет годен для сраженья со тьмой.
Вы, взирая с Небес, из Надземного Рая,
Льете радость свою на людей, на Донбасс.
И, энергии ваши душою вбирая,
Свой для боя готовлю я боезапас.
Мое сердце стучит в *такт* донецкой победы.
Поднимаю бокал, посылаю свой тост.
Но еще не закончились битвы и беды,
Потому возвращаюсь на доверенный пост.

Стихами душа ловит боль тяжелой сечи,
Где многоязыкие снова идут,
Идут издалече, жестоки их речи,
И ясен их зуд, и понятен маршрут.
Там стонет земля от огня и от взрывов,
Где плоть человечья оцѣнена в грош.
Там отдыха нет, как и нет перерывов,
Там день, если жив, так на адский похож.
Но жалость не к тем, кто пришел на зарплату,
Не к тем — поохотиться кто только рад,
А к нашему русскому брату-солдату,
Кто землю спасает не ради наград.
А жалость к обманутым ложью чумною
И к тем, кому легче от братской руки
Погибнуть, чем встать перед волею злою,

Бесстрашно восстать тьме и злу вопреки.
А жалость к обычным, простым мирным людям,
Что гибнут и с этой, и с той стороны.
Победа придет, только мы не забудем
Безвинные жертвы сей страшной войны.

Хаос бушует. Волнение стихий
И в душах людских, и в природе.
Как видно, великие наши грехи
И рядом Взыскующий бродит.
Вот лето не лето, зима не зима,
Гармонии нет и в помине.
Порядок нарушен, внедряется тьма:
Ведь следствия — дети причине.
Покоя ни в чем, равновесье во всем,
И Нечто нас душит напором.
Неблагополучно ни ночью, ни днем,
И даже порой с перебором.
Но в спокойствии ключ, чтоб закрыть на замок
Себя и вокруг от психоза.
Скалою стоять, дав сердечный зарок —
Не дрогнуть под этой угрозой.

Туманы сирени, каштановы свечи,
Земля вся цветет, ароматы кругом,
И желто-зеленый ковер душу лечит.
И радуюсь я, красотой влеком.
И люди так рады и теплой погоде,
И легкой одежде, и дивной красе.
О, как им не хочется знать о невзгоде,
Не хочется знать о военной грозе!
И вдруг я увидел за дымкой сирени
На улице тихой внезапно обрыв
И дальний, похожий на действие на сцене,
Грохочущий гибельный ядерный взрыв.
Душа встрепенулась, и сердце забилося,
И разум восстал перед этой бедой.
И к Богу воззвал я: «Яви Свою милость,
Не дай спровоцировать ядерный бой!»
В ответ мне послышался внутренний голос:
«Нельзя воевать — тут, немножко, чуть-чуть.
Потребна уверенность, если ты — колосс,
Потребно скорее закончить всю жуть!»

Так случилось, не нужно жалеть ни о чем,
Ведь у времени нет возвращения обратно,
И тогда, когда так получилось неладно,
Тем тяжелым и горьким, мучительным днем.
Хорошо бы, конечно, прозреть всем слепым,
Обрести бы предвиденье грозных событий,
Избежать бы обилия кровопролитий,
Чтоб однажды не стал весь итог роковым.
Батальоны нацистов стремятся в прорыв,
И все мысли солдат отштампованы в пули.
Их в «европах» учили, «нах ост» развернули,
Сделав пушечным мясом чужих директив.
А в селеньях, оставленных, месть и террор,
И нет места, чтоб не было стоны и крови,

Где все дело творят на предательском слове,
Где нацист и наемник — судья, прокурор.
Нет обещанных благ, нет защитного зонта.
Остается лишь там всем сжимать кулаки.
И ответ на вопрос: «Не уйдете, сынки?»
Не дойдет до ушей из-за линии фронта...
Планировщику скучно — так тянется день,
Не поможет игра на бумаге в войнушку.
А таможня опять не пускает «игрушку»* ...
Но появится солнце и сгинет вся тлень**!

* «Игрушка» — квадрокоптер с камерой продается
в интернет-магазинах как игрушка.

** Тлень — то, что тлеет, гниль.

Творили на кухоньках жены.
Как долги в тоске вечера!
Глядели в окно напряженно,
С надеждой на святые иконы.
Вертелась рядком детвора.
А где-то в безрадостной дали,
Где метр ползком, как верста,
Где взрывами дыбом вставали
Земля и бетон, там в отвале
Текла чья-то кровь, как вода.
И дети тоскуя глядели
На свой «боевой» арсенал.
И в играх, стреляя по цели,
Душой ежедневно летели
Туда, где отец воевал.

Вот еще один день канул в вечность.
Что с собой он принес, иль унес
В скоротечности — зло иль сердечность,
Больше радости или же слез?
Юго-запад глядит в мои окна.
Приглядишься, и видишь — стена
Грозных туч; вал, зарницами огнен.
Только то не гроза, а война.
Там, что день, то суров и кошмарен —
Смерть ведет ею ведомый счет.
Вот еще там погиб один парень,
И еще, и еще, и еще!
И уходит от нас самый лучший,
Самый честный, отважный, — орел.
Не понять среди благополучий,
Что есть подвиг, а что только роль.
Слышу гром не грозы, а набата, —
То грядет осознания час:
Дни летят и уходят ребята.
Не ушла бы Россия от нас!

Отчизна, люблю Тебя Матерью звать,
Люблю, хоть не русским рожден.
Люблю за тебя каждый день воевать
Среди неспокойных времен.
Люблю и тогда, когда нет уже сил, —
Вокруг все пророчат беду.

Когда уже парус поник без ветрил,
Но сильный позыв к труду.
Люблю, когда правды дорогу ищу,
Чтоб лучше Тебе помогать.
Беру и несу то, что мне по плечу
В походе на темную рать.
Люблю, когда память моя жива
О наших бессмертных полках.
Люблю и когда не найти слова
О бедных твоих стариках.
Люблю и за детства в душе теплоту,
И в сердце родной очаг,
За всю красоту и Твою простоту,
За то, что не любит враг.
Люблю, даже если когда-то погиб
И кто-то родной без вины —
На все ведь способны лихие враги
Для бури гражданской войны.
Люблю, когда возгласы днем ребятни,
Что щebetу птиц сродни.
Люблю, когда вечером шелест страниц
Потрепанных временем книг.
Люблю, когда бега свободный полет
По роще иль парку с утра,
И радость на сердце в дорогу зовет,
Пусть и не попутны ветра.
Отчизна, как можно словами сказать,
Как сильно Тебя люблю?
Родная, любимая Родина-Мать
Для счастья Тебе все стерплю!

Обиды, гнев, неравновесье
Царят у множества в душе.
Отсюда беды в Поднебесье —
Земля стоит на рубеже.

Но мир в душе хранить от злобы
И всеми силами беречь
Всегда обязаны мы, чтобы
Не попадать под кары меч.

Ведь нужно быть на связи с Небом,
Чтобы питать надсущным хлебом
Души серебряную нить.

Ведь нужно не лишиться Света,
Не оказаться чтобы где-то,
А с Богом в Вечности нам быть.

Торопясь, как обычно, по делу,
Часто вижу старушку одну.
Та глядит так тоскливо, несмело —
Одинокая, зная, по всему.
В перештопанной старой одежде,
И в морщинах глубоких лицо.
Совершенно не видно надежды
В затуманенном взоре ее.
И частенько берет в магазине
Только хлеб и пакет молока.

И гнетет ее долу кручина —
Видно, пенсия не велика.
А однажды ее у помойки
Повстречал — там пыталась искать...
Стало вдруг мне и стыдно и горько,
Будто встретил родную я мать!

Ты — наше спасение, русское слово,
Для тех, кто по духу рожден,
Ты — щит, ты оружие снова и снова
Для тех, кто тобой осенен.
Ты — наше спасенье среди пустословья,
Как берег желанный средь волн.
И сердце мое по-сыновьи, с любовью
Проносит тебя средь времен.
Предостерегаешь ты нас не напрасно
От грез, словоблудья, от зла.
Нейтральности нет, как ты живо и красно,
Порою разишь как стрела.
Как резус для крови, ты — значимый фактор
Для жизни души, мой язык.
Ты — сила великая, действенный актер,
Ты — наш боевой броневик!

**Актер — действующий субъект.*

С Сергеем Есениным

Мы о прошлом так часто тоскуем
И мечтаем — вот если б теперь!
Но порой констатируем все:
«Много в жизни смешных потерь».
В дальний путь часто бодрой походкою
Мы идем и, встречаясь с бедой,
Я «люблю тебя, родина кроткая», —
Говорим, и не нужно другой.
Неприятие встретим вдруг снова —
Мол, не наш, но ответим скорбя:
«Ты мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя».
Иногда будет лишней крылатость,
Не мешала бы тишь нам да гладь —
«Где ты, где, моя тихая радость.
Все любя, ничего не желать».
То искусство — в миру одиноким.
Повторю, зажигая свечу:
«Я хочу быть тихим и строгим,
Я молчанью у звезд учусь».
Искривляются времени оси.
Страшно, цель не достигнув, умру.
Слышу: «Глупое сердце, не бойся,
Уж лучше сгореть на ветру».

Давно у меня уже говор московский.
Но в памяти живы Санек Зеленковский,
Авраменко Коля и Сашка Драчев,
И Семки Рожавского рядом плечо.
Поселок под Гомелем. Детство сурово.

Войны еще эхо звучит с каждым словом.
Но липы вдоль улицы в окна глядели
И не самолеты, летали модели.
Однажды, когда закрутилась поземка,
Уехал Санек, уехал и Семка
В большие далекие жить города.
Казалось на время, но нет — навсегда.
О, где же те годы и где мое поле?
Остались в поселке Драчев мой и Коля.
Когда снова вьюжные ветры задули,
И сам оказался я в городе Туле.
Где липы вдоль улиц, поселок и дом мой?
Гудок паровозный, и я, вдаль влекомый.
Зачем же ты, время, промчалось тайфуном?
Зачем же ты стерло тот жизни рисунок?
Эх, снова б увидеть ребячьи те лица!
И сердце мое в тот поселок стремится.
Санек Зеленковский, Авраменко Коля...
Ушло, все ушло, и не будет уж боле.

*Посвящается Евдокии Дмитриевне Авраменко —
моей дорогой учительнице 1—4-х классов школы №2
г. Брагина*

Учительница первая моя,
Добро твоих лучистых глаз
Всю жизнь мне, как нетленный Спас!

Учительница первая моя,
Охалки нежные цветов
Тебе дарить всегда готов!

К тебе, в тот самый первый класс
Коротких чубчиков, бантов,
Я рвусь душою каждый час
Услышать музыку из слов.

Учительница первая моя,
Твоя спокойная любовь
Всю жизнь звала меня под кров!

Учительница первая моя,
Навек грудной сердечный глас
Скрепил с добром незриму связь!

К тебе, пройдя свой путь основ,
Я сесть за стол готов сейчас,
Народной мудрости остов
Впитать хочу, как в первый раз.

Учительница первая моя,
Ты — наша школьная семья,
Ты — наша совесть, наше «Я»,
Учительница первая моя!

Октябрь за окном и дожди.
Но облик твой близок и светел,
Как в день, когда я тебя встретил,
В тот день, когда все впереди.

Влюблялся в тебя я с тех пор,
Красой опьянялся твоею,
Берег, как в саду орхидею,
Ловил, как награду, твой взор...
Твой облик из дали бескрайной —
Души золотой идеал —
Я в женщине каждой искал,
Моя Незнакомка и Тайна.

2022—2023 гг.

Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ

г. Тула

Эдуард Павлович Георгиевский — член СПР, заместитель руководителя Тульской региональной общественной организации «Школа литераторов им. писателя В. Ф. Пахомова «ПЕГАС», гл. редактор альманаха «На крыльях «Пегаса». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

ВЕТКА ЗЛОТИСТАЯ КЛЕНОВАЯ (Песня)

Осень. Небо — синее. Воздух, как стекло.
Подойду к осине я тихо. Мне тепло.
А потом увижу клен — весь он золотой,
И сломаю ветку я, унесу с собой.

Припев:

Ветка золотистая кленовая,
Сколько в тебе солнца и тепла
Может быть, и жизнь начнется новая,
Может, и любовь ко мне пришла.

Подарю я ветку той, что мила душе,
Той, с которой радостно даже в шалаше.
Скоро, скоро встречу я милую свою,
И слова сердечные вновь ей повторю.

Ветку золотистую я ей подарил,
а за то, что приняла, отблагодарил.
У нее не видел я раньше ярких щек,
И она мне шепотом: «Повтори еще!»

Припев:

Ветка золотистая кленовая,
Сколько в тебе солнца и тепла.
Правда, что и жизнь начнется новая,
Правда, что и к нам любовь пришла.

МОНАШКА

В переходе подземном монашка стоит,
У монашки на шее жестянка висит —
Деньги храму Господню собирает она,
Никогда не бывает жестянка полна.
Бога что ли забыли, все спешим, а куда?
Все под Господом ходим, без него — никуда.
Опустите монету возвести Божий храм,
И когда-то воздастся обязательно вам.
В переходе подземном монашка стоит,
У монашки на шее жестянка висит.
Опустите монету возвести Божий храм,
И когда-то воздастся обязательно вам.

Вадимир ТРУСОВ

г. Санкт-Петербург

Вадимир Вадимович Трусов — поэт, автор-исполнитель, публицист, прозаик, критик, член Союза писателей России. Заведующий отделом критики и литературоведения литературно-художественного журнала «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017г.) и Премии Губернатора Мурманской области «За особый вклад в развитие культуры и искусства (2021г.). Лауреат международных (2013 г.) и всероссийских (2010, 2017, 2022 гг.) конкурсов авторской стихов и прозы. Постоянный автор журналов «Приокские зори», «Север» и альманаха «Ковчег».

Всем, оцарапавшим землю в полете крылом,
Всем, свою жизнь превращавшим в металлолом,
Всем, захромавшим со старта на обе ноги,
Только рванул, в перепонках приказ: — Беги!
Всем, от рождения напрочь лишенным крыл,
Кто лишь поэтому ревностно землю рыл,
И оказался в яме, считай, на дне...
Я говорю: — Вы сумеете быть вполне!
Очень возможно, к примеру, летать под землей,
Ежели отыскать подземелье свое,
Ежели не торопиться играть с петлей

Или, тем более, с бритвой, да ну ее...
Чем кардинально счета сводить с судьбой,
Дабы пропели трубы тебе отбой,
Более ведь и не выгорит ничего,
Лучше хранить до времени «статус-кво»,
Пусть потешаются, дескать, каков урод!
Ты городи потихонечку огород,
То есть ищи подходящий тебе подвал,
Тот, где, возможно, никто еще не побывал.
Есть еще, есть, неизведанные места,
Там и взлети, и не главное — высота,
Главное — сам отрыв под любой предлог,
И абсолютно начхать тогда на потолок,
Просто скользи над полом, поймав кураж,
В стену ладонью, вписываясь в вираж,
Это и есть полет. Повторяю, в высь
Необязательно, словом, пока не рвись.
Те, что кичились вояжами за облака,
Здесь, в подземелье, притормозят слегка,
Им затхлый космос, видишь ли, маловат.
Пусть ухмыляются, ты же и вправду хват,
И твой полет — небожителям в печень гвоздь,
Скептики не оспорят. Кручину брось
И не стони, хоть повод найти — пустяк.
Хватит шататься на четырех костях,
Ибо подняться сам над собой сумел,
Значит, способен, значит, не просто смел,
Значит, не просто верил, а точно знал,
Ради чего предусмотрен такой финал,
То есть теперь в ответе за свой успех,
Хоть и устроит он далеко не всех,
Ну, а кому-то покажется ерундой...
Впрочем, ты же по-прежнему молодой,
Крепко взнуздавший бывшее. Считаю, свезло
Больше, чем просто вставшему «на крыло».

ТАКАЯ ВОТ ПЕСНЯ

Истекало времечко кровью Новороссии,
Коротко ли, долго ли, а за годом год.
Все-таки, в конце концов, мы своих не бросили,
Вновь с нацистской нечистью бьется наш народ.
С нами Бог, хоть каждый бой и кровав, и страшен.
Но святая ненависть силу придает,
Ведь Аллея Ангелов в каждом сердце нашем
Пролегла незыблемо, не свернуть с нее.
Сколько братьев и сестер головы сложили!
Этот полк заоблачный и теперь, и впредь,
Не забудем, не простим, ни одной вражине!
Падали бандеровской всей в аду гореть!
Надо только здесь, в тылу, фронту неуклонно
Помогая, прищемить либеральный хвост.
Чтобы злобной клеветой пятая колонна
Захлебнувшись до ноздрей сгинула всерьез!
Мы за мир, за Родину, за любовь, за правду!
И российский флаг не знает подлости и лжи!
Нам, в Победу полную — лучшую награду
Беззаветно веруя, «любо, братцы, жить»!
Что ж, победа никогда не давалась даром.
Нынче цену тяжкую выпало платить.
Оттого-то нам с тобой, молодым и старым,
Средь дорог назначенных нет назад пути.

УЕХАВШЕЙ БОГЕМЕ

Всей богеме, за кордон свалившей,
Впору бы сказать спокойно вслед:
— Коли вам Россия стала лишней,
И для вас в России места нет.
Оставайтесь там, куда рванули,
В «звездочных» отелях у морей,
Чтобы здесь вас впредь не помянули,
И забыли напрочь поскорей.
Побирайтесь, ведь чего иного
Кто же вам позволит повернуть!
Кайтесь, дескать, русские, виновны...
Только вы не русские отнюдь...
Землю себе выбрали другую?
Там и околете гурьбой.
Родиной, известно, не торгуют.
Вам осталось торговать собой
И душонкой, что грязнее грязи,
Навсегда утратившим лицо.
И назад не помышляйте, мрази,
Вы для нас мертвее мертвецов.
Слышите? И ладно! Брошен жребий.
Рубикон остался за спиной.
Славно, что подобному отребью
Не бывать с народом и страной.

Красную книгу возьми, проверь,
Глупая детвора.
Мальчик со шпагой, реликтовый зверь,
Умер еще вчера.
Едва ли об этом никто не знал,
Едва ли кто удручен,
Ни власть, ни тем более криминал,
Конечно же, не при чем.
И ты геройство и скорбь отшей,
Как прочий честной народ.
Болезни роста гони взащей
Без жалости, за порог.
И бредни благие зафитили
Куда-нибудь заодно.
Тогда, хоть на самом краю земли,
Хоть в центре, предрешено,
Рванут вприпрыжку твои дела!
Научись, молодой,
Фортуны, чтобы не подвела,
Лобзать поперек и вдоль.
Ощерится сверху крылатый бог,
Не все же ему стрелять!
Вполне приемлемая любовь,
Во благо, во имя... для
Тебя и многих иных господ.
Решайся, дружок, телись!
А фехтование — гиблый спорт,
Лишь узкому кругу лиц
Дуэли нравятся, хоть убей.
Такие кромсают вдрызг.
Но в мирной жизни они слабей
Обычных конторских крыс.

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

Вячеслав Васильевич Алтунин родился в 1951 г. в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл., в семье сельских учителей. В Белеве окончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского госуниверситета, после окончания которого работал в р-ных и обл-х газетах Тульской обл., отдав журналистике более сорока лет, будучи одним из ведущих журналистов Тульской обл. Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор и соавтор нескольких книг поэзии и прозы; публикуется во многих литературных альманахах и сборниках, активно участвует в коллективных творческих проектах, проводит авторские творческие встречи в Туле и обл. Выпустил шесть авторских сборников стихов и прозы: «Единственная жизнь» (Тамбов, 2002), «Корни» (Тамбов, 2005), «Перед Небом» (Тула, 2013), «Святая Русь», «Поэмы в стихах» (Москва, 2016); повести: «Контора. Повесть о газете и газетчиках» (Москва, 2018), «Провинциалы» (Москва, 2020). Повести — из его авторского литературно-художественного проекта в пяти книгах (пенталогия) «Хлеб и душа». Подготовил к печати еще несколько новых книг прозы и стихов. В своем творчестве автор, главным образом, размышляет о судьбе России; о душе; о жизни и смерти; об истинных и ложных ценностях; о пути к Богу, к вере; о любви и семье; о предназначении человека на земле. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России», победитель литконкурса «Золотое перо — 2020» (Тула). Член СПР и СЖР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДУХОВНЫЕ БДЕНИЯ (Из цикла стихов)

«Смотри в душу свою»...
(Святой Антоний Великий)

НОЧЬ МОЯ

О, ночь моя! Горят кристаллы боли.
Болезненные сны. Кипенье бед.
О, ночь моя! Явление Божьей воли.
Из тьмы духовной воссиявший свет!

Душа моя — былинка в чистой поле —
Дрожит под ветром сумрачной Руси.
Но все-таки и в самой тяжелой боли
Кричит и плачет: «Господи, спаси!»
А тучи надо мной все ниже, ниже.
А вот уже и плакать нету сил.
Но, слышит меня Бог или не слышит,
Я — вопию: «О, Господи! Спаси!»
Я нерадив, ленив и малoverен.
Я худший, может быть, на всей Руси.
И за грехи мне не откроют двери.
Но все ж стучусь в них: «Господи! Спаси!»

ЛУННЫЕ СОБАКИ

Лают лунные собаки,
По окрестностям бегут.
Серебристые во мраке, —
Там и тут, и там, и тут!
Удивительные звери!
Как? Откуда? Не поймешь.
Кто не видел и не верил,
Тех охватывает дрожь.
К небу поднятые морды.
Не пугайся, а внимай.
Что за дивные аккорды —
Гармоничный, яркий лай!
О, таинственные знаки
Среди бед и суетни!
Лают лунные собаки...
Знать, учуяли они
То ль несчастье, то ли чудо
Во вселенской синей мгле...
Что-то грозное оттуда
Приближается к земле.

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Гончару Денису Коханову

Пусть в этом мире лучезарном
Сегодня музыка не та, —
Пока вертится круг гончарный,
Встает и светит красота.
И, как симфония, сияет
Из глубины в заветный час
И этот грешный мир спасает
В который раз, в который раз!
Земля цветет, струятся воды,
И Светоч Жизни не потух.
Ведь жив круговорот природы —
Гончарный круг, гончарный круг!
Что истинно, то и нетленно.
Глядишь — и замирает дух:
Коловращение Вселенной —
Гончарный круг, гончарный круг.
Сырая глина. Прах и Вечность.
Все в нем соединилось вдруг:
Труд, вдохновенье, бесконечность...
Гончарный круг, гончарный круг.

В погожий день или в ненастье,
Во тьме, в сиянии ль зари
Творит свои изделия мастер,
Как Бог из глины мир творил!

ЧУДО

В мире свершилось великое чудо:
Нас отвращая от бед и тревог,
Осень картины развесила всюду.
Здесь Левитан, там — Гоген и Ван Гог.
Ближе — Саврасов, подальше — Поленов...
В светлых осенних загадочных снах
Между березами бродят олени...
Сроду их не было в наших краях.
Зыблется Вечность и дышит, и манит.
К небу стремится сияющий сад.
И в облаках на органе играет
Бах. И этюды Шопена звучат.
Райские птицы несутся, блистая.
Времени — нет. И в светящейся мгле,
Полный пространством, стою и не знаю:
Где я? На небе? Или на земле?

СЛОВО

Жизнь разорвана в клочья,
И слепая душа
Плачет днем, плачет ночью,
Дымным ветром дыша.
И не видит исхода:
Ни звезды, ни костра.
Лишь гремит непогода,
Разгулявшись с утра!
Судеб хитросплетенья.
Серый дым — небеса.
Тени, отзвуки, тени...
Голоса, голоса...
Но в бессилии черном
За глухую пургой
Душу светом наполнил
Сшедший с неба огонь!
Светоносное слово
Блещет ярче зари.
И душа моя снова
И цветет, и горит!

ТРАВЫ ОСЕНИ

Травы осени цепко хватили за ноги.
Травы осени густо легли на дороге.
Не давали прохода, послушать просили,
Что-то там шелестели о силе бессилья.
И о былях небес, о подземных беседах,
Что-то очень хотели сказать напоследок.
Травы осени с плачем хватили за ноги,
Умоляя их выслушать и не спешить.
Травы осени густо легли на дороге,
Непрестанно твердя про Небесную Нить.
Я не выслушал их, закурился в заботах.
Только мысль обжигает опять и опять:

Ведь, конечно же, тайное, важное что-то
Мне они умирая хотели сказать!
Это все — из глубин, это все не случайно.
Это голос Земли. откровенье и тайна.
Неужели меня суета разучила
Понимать их язык, слышать голос глубин?
А когда-то была во мне светлая сила,
Расцветал я душою и пел, и любил.
И меня понимали деревья и воды,
И я сам понимал разговоры природы:
Птиц, зверей, рыб, цветов, звезд, зарниц полыханье
И, как лучшим друзьям, отвечал им стихами!

РАДИАЦИЯ ДУХА

Радиацией духа пронизаны вещи
И горят они ночью таинственным светом.
Так в быту обитает родимая Вечность,
Ясно зримая детям, святым и поэтам.
Они слышат далеких времен разговоры,
Ощущают неведомых душ излученье.
И в глухую, ночную, ненастную пору
Просыпаются плача в огне озаренья!

СТИХИ

ОБ УХОДЯЩИХ ДРУЗЬЯХ

Уходят, уходят, уходят друзья.
И мне уж до них докричаться нельзя.
И вот уже лица их смутно видны,
И речи так глухо, невнятно слышны.
Уходят, уходят... И не удержать.
Вокруг — полевая белесая гладь.
На стылом проселке, среди синевы
Меня на кого же покинули вы?
Ни слова, ни взгляда. Кругом — тишина.
По полю багровая бродит луна.
Ушли, растворились среди звезд. Ни души.
А я — с болью сердца в холодной глуши.
Вы — светочи духа. Вы — времени цвет.
И в мире оставленном равных вам нет.
Но чувствую все ж, оставаясь во мгле,
Что всех вас обнять суждено еще мне!

ХУДОЖНИК ТВОРИТ

В высоком утвердись порядке
И созерцая Красоту,
Творит художник без оглядки
На деньги, мир и суету.
И с ним беседуют планеты.
И в нем хотя б на пять минут
Цветут неведомые светы,
Миры из бездны восстают!
Ему дано от жизни тленной
Уйти и к вечному припасть
Установил он со Вселенной
Свою — мистическую — связь!
Душа возносится все выше,
И вот уже, в мирах иных,

Сам Бог его напевы слышит,
Благословляя кисть и стих.

СВЕЧА

Глухая ночь. Зажег свечу.
И тьма еще плотнее стала.
В ней блеск небесного металла.
Коснусь — невольно закричу!
Вокруг такая тишина,
Что слышен шепот душ далеких.
И как в душе роятся строки,
Как шлейфом шелестит луна.
И разговор я слышу вдруг
Вещей...
Болезненные песни
Далеких бед. И странный звук —
Потрескивание созвездий!
И я почувствовал тогда
Сквозняк вселенский.
Остро. Сыро.
И вижу, что свеча — звезда —
Горит, дрожа под ветром мира.

ТИШИНА

«Слушай. мой друг, тишину!»
(Федерико Гарсиа Лорка)

Послушай тишину полей
И вод, и леса, и тумана.
Отхлынут страсти и обманы,
И станет на душе светлей.
И даже если в городах
С тоской непреходящей, с болью
Ты погружен в житейский прах,
Послушай! Тишина с тобою.
Она горит сквозь тьму и боль,
Цветет великими стихами.
И даже в мелочи любой
Услышишь Вечности дыханье.

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина
родилась в г. Щекино
Тульской области. В ТулГУ получила высшее юридическое образование. Произведения опубликованы в ряде сборников и альманахов г. Тулы и г. Москвы. Автор трех сборников стихотворений «Рифмы повседневности» (2019г.), «Рифмы путешественника» (2021 г.) и «Рифмы поколений» (2023 г.). Третья премия в рамках Четвертого международного литературного тургеневского конкурса-фестиваля «Бежин луг» в номинации «Поэзия» в 2021 г.

Щедра осенняя пора
И плодом, и листвы тонами.
Церковный колокол с утра
Звучит как вестник меж мирами.
И по Октябрьской вперед
Под своды Сергиевского храма
Идет со всех сторон народ:
И старичок, и дочка с мамой,
И я иду... Мне не понять
Себя, порыва назначение.
Ногам прийти и здесь стоять!
И полюбить все в заключении...
И выйти в мир, и быть собой.
И видеть небо, город, скверы!
Едва знакомою тропой
Всю жизнь иду под своды веры,
Но как ребенок до сих пор —
Добро я поздно замечаю.
Приду к тебе, зайдем во двор
И наконец напьемся чаю...
Как яблок падающих звук
Сулит пирог и разговоры,
Так встреча глаз, объятия рук
Простят былую боль и ссоры.

Я кланяюсь спокойствию свечи:
Ее дыханью ровному простому,
Мерцанию в всевидящей ночи,
Что дарит жизнь и свет всему живому.
Мне мягок взор ее и сладок пляс,
И желтизна, и тонкость нитей света.

Глядят в нее через хрусталик глаз
В тоске по свету все глаза Планеты.
Благодарю, и плачу, и смеюсь,
Ведь целый мир в одной свече узрела...
Да будет свет! Об этом и молюсь.
Да будет мир ума, души и тела!

ЛИСТОПАД

Клены оделись в златые доспехи,
И я надеваю свою броню.
Что есть у меня? Лишь мои успехи,
Стремление жить и вера в семью.
Желтеющий клен мне тебя напомнил...
Все листопадом к земле сорвалось.
Пускай ты уже мне никто. Никто мне!
Рада, что встретить тебя довелось.
Иду, каждый лист собирая тихо.
И в каждом мечтаю увидеть нас...
В тот миг, когда в сердце бушует лихо,
Я часто стараюсь сокрыться с глаз.
Ах, как же сегодня прекрасны клены!
В минуты печали резво шумят.
Ведь знают, родные, мне быть влюбленной,
Когда я смогу пережить листопад.

СВЯЩЕННАЯ СУДЬБА

А жизнь правдива, думала иначе:
Нас развели, считав с сердец печаль,
Я даже в этот страшный миг не плачу,
Хотя твоей любви мне очень жаль.
А жизнь красива, ведь мы были вместе:
Смеялись, ты будил меня к утру.
Уход не сделает мне много чести,
Зато пойму — одна я не умру.
Жизнь справедлива! Мы починим крылья,
Вновь полетим: ты к югу, я домой.
Дорога наша станет звездной пылью,
А прошлое — священной судьбой.

САРИ

В России, где березы черно-белы
И снегом белым устлана земля,
Себя я представляю загорелой
И в рисовые путь держу поля...
Как нравилось я себе в индийском сари!
Браслет на ножке, трикути на лбу.
Душа, здесь верят, есть у каждой твари,
Благодарят за всякую судьбу.
Как могут девять метров желтой ткани,
От плеч до стоп обернутой вокруг,
Метушееся изменить сознание
И мудрой и счастливой сделать вдруг?
Благословен очаг во всяком доме,
Чуть слышная молитва с губ слетит...
Идти продолжу в сладостной истоме,
И снегом Родина благословит.

ЯНВАРСКАЯ БЛОКАДА

Дни сливаются в большую ночь:
За окном «январская блокада».
И теперь не в силах мне помочь
Скрыть усталость яркая помада.
По утрам лимон и черный чай,
Вечерами — кофе, свечи, книги.
Грусти нет, но вновь живет печаль
О летящем к югу птичьим крике.
От того, что далеко от гнезд,
От родных их унесла дорога,
Мне захочется рыдать. А звезд,
Посмотри, как звезд на небе много!
Снова плачу. Можно ль изменить
Совершенное тобой когда-то?
Или принимать и значит жить?
Ну а большего, пожалуй, и не надо...

ПОДРУГЕ

Я чувствую тебя, я знаю твою душу,
И все, что в ней болит, и колет, и гнетет,
Твою способность жить и в засуху,
и в стужу,
Твое умение ждать того, кто не придет.
Ах, сколько нас таких Россия раскидала,
Как бусины сверкать, чтоб сделать день добрей.
Хочу я, чтобы ты от зла не пострадала
И мир свой сберегла для близких и друзей.
Остался белым снег и сердце стало чистым,
Когда узнала я души твоей тепло.
Пусть бережет Земля твой смех, твой взгляд
лучистый,
Куда бы нас с тобой судьбой не занесло!

ЙОГА

Сложила руки у груди,
Ладонь прижав к ладони —
Полоска моря впереди
Блестит как дар Господний.
Под солнцем ласковым стою,
Вдыхая воздух свежий.
«Ом Манэ падмэ хум» пою
И думается реже...
Ненужных мыслей череда
Осталась после ночи.
Сознание — чистая вода,
А капля камень точит.
Песчинкою среди огней
Живет моя Вселенная.
За простоту спасибо ей,
Она обыкновенная.

СНЫ О ПУСТЫНЕ

Я хочу стать верблюдом в пустыне,
Чтоб песок мои ноги сжигал,

И хозяин в тюрбане о сыне
 Молчаливо в пути вспоминал.
 И худыми ногами ступая,
 Я бы шел, сам не зная куда,
 А слуга, посох в землю вонзая,
 Меня б в разные вел города...
 По-верблюжьи я нюхал бы финик
 И водил бы меж щек языком,
 Знал бы точно, как выглядит рынок,
 И любил бы плеватьсь тайком.
 Моя ноша меня б не тянула,
 Ведь я знал бы зачем я рожден.
 И в соседстве чернявого мула
 Посещал бы меня дивный сон:
 Мне приснились бы улицы Тулы,
 Где в руках у девчонки смешной
 Книга «Все о верблюдах и мулах».
 А еще пахло б сочной травой...

ГОЛУБЫЕ СНЫ

Когда вопросов больше, чем ответов,
 И сложно даже просто устоять:
 Не говорить и не просить советов,
 А сесть и взяться что-то вышивать.
 Дорожку, церковь, пруд, мужчину с дамой —
 Все свяжут нитки здесь, на полотне.
 И то, что в глубине, под сердцем самым,
 Проявится как в самом ярком сне.
 И новые пути искать, и ниткам
 Проследовать все дальше за иглой.
 И пользоваться правом на ошибку:
 Не тот стежок мы сделали с тобой...
 Прощать и продолжать свою работу,
 Не ссориться, не выяснять причин.
 Ведь за тебя я благодарна Богу,
 Как много снов — а ты такой один.

Сергей МИРОНОВ

г. Калининград

Сергей Миронов родился в г. Калининграде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Публикуется в литературных журналах и альманахах: «Нижний Новгород», «Волга» (Саратов), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Белая скала» (Симферополь), «Ротонда» (Киров), «Традиции и авангард», «Царицын» (Волгоград), «Родная Кубань» (Краснодар), «День и

ночь» (Красноярск), «Отчий край» (Волгоград), «Литературные знакомства», «Новая Немига литературная» (Минск), «Образ» (Москва), «Литературный Кисловодск», «Рукопись» (Ростов-на-Дону). Финалист премии им. Фазыля Искандера (2020, 2021, 2022 гг.). Лауреат всероссийской поэтической премии «От фонаря» (Тольятти, 2022 г.). Лауреат 7-й литературной премии им. Куприна (2020 г.). Постоянный автор нашего альманаха.

ЗОЛОТАРНИК

Безмятежное небо плывет над тобой.
 Ты лежишь в невысокой траве.
 Не убитый, не раненый. Дышишь, живой.
 Слышишь бабочек трепет в листве.
 О тебе в этот час и не вспомнит никто,
 Ибо каждого помнить нельзя.
 В ровном поле дрожит золотистый цветок,
 Будто к осени ранней озяб.
 Он хозяин дорог, заметенных песком,
 В бездорожье нетронутый скарб.
 Для тебя это поле за редким леском,
 Где один, как упавший Икар,
 Дремлешь ты, расставаясь с непрожитым днем,
 От которого нет и следа
 Под нетронутым желто-зеленым шатром,
 Уходящим в осеннюю даль.

Пахнет все еще в воздухе летом,
 Сладким соком надтреснутых груш.
 Вьется рябь убегающей лентой
 По зеркальной поверхности луж.
 Статен Шиллер и строг у театра.
 Безупречен его силуэт.
 Осень здесь, осень будет и завтра
 В этом городе, где столько лет
 Льют дожди сквозь небесное сито,
 Валил мокрый рассыпчатый снег.
 Мы с тобою как будто забыты,
 Нас как будто с тобою тут нет,
 Только бризом морским продувает
 Шпили храмов и выступы крыш.
 Непогоды пружинящий вантуз
 Поглощает вселенскую тишь,
 И с тобою мы вновь в эпицентре
 Бьющих точно по цели стихий:
 От деревьев поваленных в метре,
 В круге ливней балтийских лихих, —
 Из кафе за малиновым чаем
 Наблюдаем сентябрьский закат,
 Розовеющий дивно над краем
 Старых вязов, посаженных в ряд.

УТЕС

Ты увидел эту реку,
 Шхун рыбацких паруса.
 В огоньках манящих резких
 У воды читался сад.

У воды росла осока,
На причале пес дремал.
На утесе на высоком
Постучалась ночь в дома.
Постучалась — отворились
Окна. Двери распахнул
Свежий ветер. Обессилев,
Он в молчании заснул.
Ты стоял на том утесе.
Реку видел, и залив
Утопал во сне белесом
В необузданной дали.
Замирали в небе звезды,
Вдруг погас во тьме маяк.
Ты вдыхал подвижный воздух,
Не спалось тебе никак,
Будто грезилось развидеть
Перст божественный средь туч.
Где-то тут живет провидец,
Наблюдает с дерзких круч
За рыбацкой старой шхуной,
За заливом и рекой.
А ты стой под вишней юной
И маши ему рукой.

Выйдешь к реке ранним утром.
Бьется вода о причал.
В лодке качаются утлой
Весла, и берег песчан,
Устлан зернистой мозаикой,
Выглажен легкой волной.
Смело проносится чайка
Над черепичным панно.
Аист в гнезде шевелится,
Гнет ветерок камыши.
Нитками ивовых листьев
Пирс деревянный расшит.
В узкой отчетливой сини
Шхуна рыбацкая спит.
Здесь, на обочине жизни,
Всеми ты брошен, забыт.
Видишь круженье кувшинок,
Игры блестящих стрекоз,
И все идешь тропкой длинной
К дому среди диких роз.

Порою смотришь в небеса,
в колодцы облачных прогалин.
Под домом летний палисад
плывет в непрошеной печали,
и тускло льет в округе свет
фонарь на рыхлую дорогу.
Идет качаясь человек
и смотрит ввысь, взлетая к Богу
в нелепых мыслях и мечтах.
Лохматый пес сидит у бровки.
Сверчок заводит песнь в кустах,
и вечер катится неброский
по лужам топким, по двору,

его ухабистым сюрпризам,
и кто-то, вымокший по грудь,
сидит под стройным кипарисом,
вдыхает сладкий аромат
бутонов замшевых жасмина,
и в Черном море тонет взгляд
звезды над берегом пустынным.

Снился тебе Могадишо,
Снился тебе Монтерей.
Снился улыбчивый рикша
И бесконечный Бомбей.
Снился песчаный Маврикий,
Стаи дельфинов заплыв.
Снились фламинго на Кипре
В бухте у белой скалы.
Снились тебе Гималаи,
Грезился горный Тибет.
Снились святылища майя,
Снился ночной Хаммаммет.
Шел ты во сне через Гоби,
Розу пустыни искал.
Видел в гремящем Найроби
Масок туземцев оскал.
Плавал вдоль рифа Большого
В жгучей мозаике рыб.
Плыл к тебе скат двухметровый,
Весел и в меру игрив.
Встал, поутру вышел в поле.
Явь — не заманчивый сон:
Ветер гуляет на воле.
Был ты в Россию влюблен.

Пройдет и лето, подожди.
Есть у тебя другая радость.
Ты любишь теплые дожди,
И ничего тебе не надо,
Когда стремительный сентябрь
Гоняет птиц по чистым лужам,
Круги в послании чертя,
И ничего тебе не нужно,
Когда в преддверии зимы,
Под град любви с высоких звонниц
Залеплен снегом и размыт
Оскал войны на небосклоне,
И хлопья белые летят,
Касаясь щек краями кружев.
Пройдет и это. Будет март
Хрустеть ледком в купели лужиц.

Петляет пыльная дорога,
Летят лохмотья облаков
Из-под колес на грунт убогий,
И где-то в поле далеко
Ковер люпинов фиолетов,
Широк звенящий горизонт.
Раскрыло вкрадчивое лето
Над бездорожьем тонкий зонт.

Вдали дощатые причалы,
Мозаика бурых черепиц.
Давай скорей с тобой отчалим
С песков речных под пенье птиц.
Уйдем в залив на быстрой лодке,
Догоним старенький баркас,
С кормы рыбак на вид неброский
Посмотрит пристально на нас.

Куст рубиновой малины.
Гроздь спелой алычи.
Вечер теплый, вечер длинный.
За кустом ручей ворчит.
Шепчет с берега другого
Вишня что-то. В темноте
Лунным светом отшлифован
Дачный дом, и в пустоте
Осязаемой, зеркальной
Засыпает летний сад.
Будто росписью наскальной
Мегит дикий виноград
Окна черные веранды,
К чердаку, резвясь, ползет.
У крыльца растет лаванда,
Роет землю сонный крот.
Никого. И ты случает
Среди яблонь. Вечна высь.
Силуэт твой зыбкий тает
В плавном шорохе листвы.

Пора, мой друг, давно пора
Рюкзак забросить в скорый поезд.
Пусть говорят, что жизнь — игра,
Но мы, серьезные с тобою,
Вот-вот зайдем в пустой вагон,
Объятый странным ароматом,
И станет матовый перрон
Такой желаемой утратой,
Что городские рубежи,
Заборы в краске грязноватой,
Вся эта скомканная жизнь
На оконечности горбатой,
Отступит в прошлое, уйдет
На время в вымысел нестойкий,
И сахар пустится в полет
На дно стакана в чай чуть горький.

Татьяна ПАНОВА

г. Красноярск

Татьяна Сергеевна Панова — автор нескольких поэтических сборников, член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

А снег ни в чем не виноват,
Следы вчерашние засыпав,
И долгий вздох, и долгий взгляд,
И запоздалое «спасибо».
А снег ни в чем не виноват,
Собою прошлое загладив,
Сменив горящий листопад
На белоснежные заплаты.
А снег ни в чем не виноват,
Переболев сладчайшей болью,
Ложась наощупь, наугад
На эту землю под собою.
А снег ни в чем не виноват,
Ослабив запахи и звуки,
Стирая горечи утрат
И размыкая чьи-то руки.
Не виноват, сокрыв мосты.
Не виноват, что ныне властен —
Он, убивающий цветы,
Так удивительно прекрасен.
Не виноват, не виноват
В том, что ему нельзя иначе,
Что «это все» за далью дат
Он сам когда-нибудь оплачет.

Посмотри. Вот и новые дали
Средь просветов в окне.
Может, и не о том мы мечтали
И в другой тишине.
Но порывы холодного ветра
В эти дни — до конца
Оголяют не только деревья,
Оголяют сердца.
И не скрыть ни печаль, ни тревоги,
И не сжатость в груди.
Только ты меня слишком уж строго
Не суди, не суди.
Не сравнятся средь этих просветов
Горький всхлип, горький смех
С безнадежностью листьев и веток,
Разлученных навек.

Ну, здравствуй, новый день.
Ну, здравствуй, мой хороший.
В смущении сирень
Глядит в мое окошко.
И лучики тепла
Протягивает солнце.
Ну, здравствуй. Я ждала
Вот этих перезвонцев.
Награды и грехи,
Шаги и серенады.
О, день, еще легки
Обманы и улады,
И боль моя, и грусть,
Моя большая радость...
А я в тебя гляжусь,
Улыбок не стеснясь.
И ты гляди, родной,
Как ласков и свободен
Твой лучик золотой
В моих лежит ладонях.

Наталья АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Наталья Викторовна Артемова — член Союза писателей РФ с 2010 года. Лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша»; победитель всероссийских конкурсов «Парус одинокий», «Пуская в свет мои мечты»; призер всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ»; лауреат международного литературно-педагогического конкурса «Добрая лира», международного конкурса современной духовной литературы «Молитва», международного конкурса им. С. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков, открытого литературного конкурса «Хозяин земли», всероссийского конкурса «Герои Великой Победы»; дипломант международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», всероссийского конкурса «Голоса цветов»; победитель и призер ряда областных конкурсов. Награждена дипломом Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии»; Благодарственным письмом правления Союза писателей РФ; Почетной грамотой правления Союза писателей РФ, Благодарственным письмом Государственной Думы РФ. Произведения печатались в издательстве «Эксмо» (Москва), в коллективных сборниках в

Санкт-Петербурге, Москве, Орле, Твери, Волгограде, Туле, Голыятти, Курске.

Заняться простыми делами:
Укрыть наши розы к зиме,
Оклеить оконные рамы
И сердце отдать кутерьме
Веселых, предпраздничных, льдистых,
Почти что младенческих дней,
Немного побыть аферистом
Судьбы бестолковой своей.
И ветер, холодный и колкий,
Не станет меня отрезвлять,
А будет, как в детстве ребенку,
Усталые руки лизать.

А глаза твои рыжие-рыжие
Цвета пятен на белой шкуре,
Я не знаю, как они выжили
В этом мороке зла и дури.
Где машин нескладные лодки
С мерзким визгом таранят тьму,
Где проходят толстые тетки,
Равнодушные ко всему.
Где шипит тротуар и горбится
Ледяной колючей губой,
Где влезашь в подобие гробика
Ты за старой ржавой трубой.
Где с утра с надеждой таращишься
В магазина тупую дверь,
И тебя, от страха дрожащего,
Называют «опасный зверь».
Мне бы дать тебе радости горсточку,
Чтобы сердце твое срослось,
Выношу тебе утром косточки,
Ты ведь просто бездомный пес.

Мир устал. Но вспархивает бабочка,
Робкая приспешница весны,
И, наверно, и, наверно, надо бы
Ей помочь: «Ты больше не усни!»
И, наверно, и, наверно, надо бы
Разорвать прижизненную хмарь,
И испить целительного снадобья,
И в весенний броситься пожар.
И, наверно, и, наверно, надо бы
Желтых верб с липучею пыльцой
Наломать и, даже пусть, нерадостно
Прикоснуться к ним на миг лицом.
И, наверно, и, наверно, надо бы...
Только мир устал и спит давно.
И над ним разорванными кадрами
Бабочки проснувшейся кино.

Ольга АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Ольга Викторовна Артемова — член Союза писателей РФ с 2010 г., лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша»; победитель всероссийских конкурсов «Парус одинокий», «Пуская в свет мои мечты», «В каждом человеке солнце», международного — «Преодоление»; призер всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ»; лауреат международного литературно-педагогического конкурса «Добрая лира», международного конкурса имени С. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков, открытого литературного конкурса «Хозяин земли»; дипломант международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»; всероссийского конкурса «Голоса цветов»; победитель и призер ряда областных конкурсов. Награждена дипломом Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии», Почетной грамотой правления Союза писателей РФ, Благодарственным письмом Государственной Думы РФ. Произведения печатались в издательстве «Эксмо» (Москва), в коллективных сборниках в Санкт-Петербурге, Москве, Орле, Твери, Волгограде, Туле, Тольятти, Курске. Постоянный автор нашего альманаха.

Снег, как дар, как откровенье.
После дня серее ночи
Так ярки его камни.
Красит жизнь белорабочий.
Он прошел границы, страны
Без контроля и без визы.
Фрака белого карманы
Светлые таят сюрпризы.
Он опять меня научит
Быть веселой, но холодной:
Пыль серебряную — в тучи
Вместо слез обиды черной.
Снег — кудесник. Снег — молчальник.
Снег — художник лучший года.
Снег — полей прекрасный данник.
Снег. Иллюзия свободы...

Бьюсь! Тщетою слов простых,
Сказанных страдания прежде.
Бьюсь! Последней из земных,

Самой призрачной надеждой.
Я стучусь! Откройте мне
Ум и трепетное сердце.
С чувством, выросшим в огне,
Слов моих биенье сверьте.
Не на срок, что я жила,—
С теми, кто грустит от счастья,
Кто мечтал сгореть дотла,—
Мне позвольте задержаться.

Река срывает с силою бинты
И из больничной духоты молчанья
В неистовство и грохот. На дыбы.
В слиянье с миром, и его сиянье.
Она войдет, конечно, в берега,
Как складывает крылья тварь живая,
И потечет упрямо сквозь века,
Волной тихонько души задевая.
И, может, отражение мое
Отправится сквозь жизнь и смерть. Кто знает.
Ведь говорят, что мы еще придем
И ничего совсем не умирает.
И мною кто-то жажду утолит.
И мной излечится — великим эликсиром,—
Сорвет с души, от боли морщась, бинт
И потечет, сливаясь робко с миром.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ

г. Санкт-Петербург

Любовь Сергеевна Сердечная (г. Санкт-Петербург) — автор одиннадцати книг поэзии. Печатается в поэтических альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Красноярска, Белоруссии, Украины, Чехии и др. Лауреат национальной премии «Поэт года» за 2017 г. в номинации «Песни». Лауреат и член жюри многочисленных фестивалей и конкурсов поэзии и авторской песни. Руководитель Смоленского областного литературного объединения «Родник» им. Юрия Паикова (2013—2021 гг.) Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РОССИЮ НЕ СЛОМИТЬ!

Разве остановишь Солнце?
Разве ты поймашь ветер?

Разве ты удержишь море?
Разве победишь грозу?
Никому не сдвинуть горы.
Не вернуть к истокам реки.
Не сдержат Земли вращенье.
И Россию не сдержат!
Разольется, словно море,
Разгуляется, как ветер,
Воссияет, будто Солнце,
И повергнет всех врагов!
Не ходите к нам с наветом!
Не мешайте жить нам мирно!
Не сломить вам нашу волю!
И Россию не сломить!

Я РУССКАЯ

Я русская! За мной моя страна!
Не вам судить: хорошая — плохая,
Не вам кричать, хуля и злопыхая,
Как относиться я к стране должна.
Я русская. И говорю о том,
Хотя я по рождению белоруска.
Не вам судить поверхностно и узко:
Вам не понять, что значит два в одном!
Мы русские: татары и манси,
Грузины, гагаузы и таджики,
Китайцы, украинцы и калмыки...
Мы русские! Ты хоть кого спроси!
Да, я скучаю по другой стране,
Где все друг другу как родные братья
И где за пазухой не камни, а объятья...
И пепел той страны стучит во мне!
И пепел не дает спокойно спать:
Зовет сомкнуть ряды, сильнее сплотиться.
Мы русские! И нам не измениться!
Я русская! И мне другой не стать!

СВОИХ НЕ БРОСАЕМ

«Никто, кроме нас!» и «Своих не бросаем!»
Мы помним! Мы любим! Мы верим! Мы знаем!
Проходят эпохи, столетья, года —
Так было, так есть и так будет всегда!
Лишь лучшие парни готовы собою
Другого прикрыть среди смертного боя.
И лихо рубаху рванув на груди —
С гранатой под траки! Врагу не пройти!
Герой, кто сумел у беззубой в объятьях
Спокойно промолвить: «Работайте, братья!»
Работайте, братья, спокойно! Мы с вами!
Молитвами, мыслями, снами, делами.

Мы помним, мы любим, мы верим, мы знаем:
«Никто, кроме нас!» и «Своих не бросаем!»

ВЫСТОИМ

«Сын мой, кровиночка! Бога проси!
Выстоим!»

Так провожали сынов на Руси
Исстари.
Жарко молились: «Храни их от бед!» —
В горнице,
И улетали за ними вослед
Горлицей.
И сыновья поднимались на бой
Праведный
И матерей заслоняли собой.
Правильно:
Это же их прижимали к груди
Крошками,
Их поднимали, шептали: «Иди
Ножками!»
В мир отпускали подросших птенцов
Ласточкой:
«Не забывай про победы отцов,
Мальчик мой!
Не утрашись! Налетай на врага
Соколом!
Я буду рядом. Я буду всегда
Около».
Снова беда подступила к стране
Вороном.
Встали сыны, чтоб схлестнуться в огне
С ворогом.
Мы победим черноту воронья!
Истинно!
Матери, деды, отцы, сыновья,
Выстоим!

НОСКИ БОЙЦАМ

Петелька — к петельке, петелька — к петельке:
Вот и готовы носочки для Петеньки...
Ты сохрани его, Боженька святой!
Пусть невредимый вернется обратно!
Ниточка — к ниточке, ниточка — к ниточке:
Вот и готовы носочки для Виточки...
Убереги его, праведный Боже!
Пусть ему эта молитва поможет!
Не подведите уставшие пальчики:
Будут носочки носить наши мальчики ...
Да не коснется их меч супостата!
Ворогов да не минует расплата!
Тут вот остатки: моточки, клубочки:
Теплые будут мальчишкам носочки...
Да не оставьте мальчишек, Святые!
Пусть не познают утрат их родные!
Спицы, как шустрые птички-синички:
Вот и готовы уже рукавички...
Господи, дай богатырскую силу
Мальчишкам тем, что спасают Россию!

КОНЦЕРТ В ГОСПИТАЛЕ

... А он боялся, будет ли концерт.
Высокий сильный. Может все на свете.
Вот для таких, как он, и солнце светит...
А тут боялся, будет ли концерт.
— Начнется скоро? Можно покурить?

— Есть семь минут. Успеете, конечно!
— Сейчас приду,— и поглядел сердечно,—
Мы ждали вас... Да, что тут говорить...
Ушел курить. Потом сидел в углу.
Ловил слова, нас поедал глазами,
Шутил, притих. А кончилось слезами.
Вскочил. Ушел: «Я больше не могу...»
А я себя винила: «Что же ты?!
Не те стихи читала! Виновата!»
Но мужества хватило у солдата:
Вернулся в зал. И притащил цветы!

СТЕПЬ

Заставлена палатками,
Затянута заплатками,
Утюженная траками,
Степь заалела маками!
Но больно ей, поверьте,
Что снова пахнет смертью...
Но только жизнь — сильнее!
«Косой» не сладить с нею!
Полынная, душистая
Степь ало-серебристая,
Степь маково-ковыльная,
Бескрайняя и сильная,
Степь в этот грозный час
Горой стоит за нас!

НА ТЕРРИКОНЕ

*г. Краснодон, ЛНР. Мемориальный комплекс «НЕ-
ПОКОРЕННЫЕ», установленный на месте казни
членов подпольной организации «Молодая гвардия».*

... А с террикона видно все на свете:
Вот солнце светит, вот играют дети,
Вот шахта, вот речушка, вот сады...
И кажется, что не было беды.
Но обелиск, вырываясь в небеса,
О подвиге героев рассказал.
На терриконе не стихает ветер...
Они же были дети, просто дети.
Хотели жить, мечтать, любить хотели...
Но на податливом и нежном теле
Фашисты детям звезды вырезали,
Ломали кости, в шурф живьем бросали...
На терриконе в зной — мороз по коже.
Кто описать злодейства эти сможет!
Четырнадцать, шестнадцать... Жить, да жить:
Любить, учиться, Родине служить.
Служили. Служат! «Гвардия» в строю!
Пусть молодогвардейцев воспитают
И террикона красная порода,
И обелиск... Пусть в памяти народа
Хранится вечно подвиг краснодонцев!
О них расскажут и дожди, и солнце.
О них поют, не умолкая, птицы:
Знать! Помнить! Верить! Не предать! Гордиться!

В ЛУГАНСКЕ

*У памятника жертвам авиаудара ВСУ
02.06.2014.*

*2 июня 2014 года ВСУ обстреляли с самолетов
Областную государственную администрацию
(ОГА) в Луганске. Жертвами стали 36 мирных жи-
телей, восемь из них погибли. В сквере перед здани-
ем администрации нашли две неразорвавшиеся не-
управляемые авиационные ракеты. Всего по Луган-
ску в тот день выпустили около 20 боеприпасов.*

В этом городе воздуха много,
Но нечем дышать...
Здесь давно поселилась тревога,
От нее не сбежать.
Извивается, стонет дорога,
Не в силах понять,
Как же могут фашисты-уроды
По людям стрелять!
Но летели, летели ракеты
И сеяли смерть.
Разве может дорога на это
Спокойно смотреть!
И хватала ракеты дорога,
Пыталась держать...
В этом городе воздуха много,
Но нечем дышать...

ДОНБАСС

Набатом гудишь ты сегодня для нас,
Гордый Донбасс!
Ты всех разбудил в тот решающий час,
Грозный Донбасс!
Один ты восстал против бешеных масс,
Воин-Донбасс!
К себе приковал взгляды верящий глаз
Дерзкий Донбасс!
Из пепла, как Феникс, вставал ты не раз,
Славный Донбасс!
Ты полон надежды, любви и сейчас,
Вольный Донбасс!
Ты ближе нам стал и родней в сотни раз,
Брат наш Донбасс!
Вперед! Поднимайся! Цвети! В добрый час!
Русский Донбасс!

СПАСОВЫЙ АВГУСТ

31 ИЮЛЯ

Как же быстро дни летят:
Каждый — пуля.
Вот последний, говорят,
День июля.
Пахнет мятой, чабрецом,
Свежим сеном.
Завтра август на крыльцо
Непременно

К нам подсядет. Заведет
Разговоры.
Их поддержит-подпоет
Дождик спорый...
Постарайся не спешить,
Август милый.
Дай нам силы дальше жить.
Дай нам силы.

1 АВГУСТА

Август расщедрился! Нам в утешенье
Дарит подарки на свой день рожденья:
Мед и антоновку, звездное небо,
Яшму орехов и золото хлеба...
Низкий поклон тебе, месяц-заботник,
И хохотун, и плясун, и работник,
Добрый и щедрый, душистый и яркий,
Все еще летний, все еще жаркий...
Август.
Звезды — гирляндами в бархатном небе.
Скрипки цикад — в созревающем хлебе.
Манит куда-то, зовет Млечный Путь.
Август не даст нам уснуть...

А В АВГУСТЕ МОЕМ

А в августе моем такая тишина,
Что все звенит, звенит и не смолкает...
А в августе моем такая вышина,
Что низость до нее не долетает.
А в августе моем созрело столько звезд,
Что можно их вычерпывать горстями...
А в августе моем все беды — не всерьез:
Всерьез лишь то, что было между нами.
А в августе моем такая красота,
Что сердце разрывается на части.
А в августе моем такая чистота,
Что принимаешь каждый миг как счастье!

СПАС МЕДОВЫЙ

Спас медовый. Губы липки.
Сладок поцелуй.
Самовар стоит у липки.
«Ваня, не балуй!»
Пахнет медом. Воздух зыбкий:
Не дыши — смакуй!
В травах не смолкают скрипки.
Хоть кадриль танцуй!
Не могу сдержать улыбки:
«Самовар раздуй!»
Август, ты прости ошибки...
Счастье нам даруй!

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Август. Жара. Утомленные пчелы.
Сено. Кузнечиков пляс.
Радостный, вкусный, душистый, веселый

Яблочный Спас...
Звезды, как яблоки, тоже созрели:
Падают прямо на нас.
Кружатся, кружатся звезд карусели.
Яблочный Спас.
Яблоки зреют и звезды... И души...
В этот Божественный час.
Как же ты вовремя, как же ты нужен,
Яблочный Спас!

СПАСОВЫЙ АВГУСТ

Зреют орехи и падают в травы...
Август прорехи латает исправно:
Дыры обид, от упреков потертости,
Край обгоревший израненной гордости...
Нитями ливней, заплатками радуги,
Всем, что мы любим, всем, что нас радует;
Всем, что имеет, всем, чем богат:
Медом, антоновкой, песней цикад,
Гроздьями звезд и охалками лилий
Штопает, шьет то, что любим. Любили.
Ты притаись, присмотришь и послушай:
Спасовый август латает нам души.

Николай ЕРМОХИН

с. Екатериновка Приволжского
района Самарской области

Николай Андреевич Ермохин родился 14.10.1955 г. Образование среднее техническое. Поэт, член РСПЛ. Призер и лауреат двух международных конкурсов. Печатался в ряде журналов и альманахов. Изданы четыре книги. Постоянный автор нашего альманаха.

ПОГРЕМУШКИ

К природе

Счастье мое, что тобою живу,
Вижу и слышу и рощи, и воды,
Что о тебе я стихи напишу —
Выражу чувства любви и заботы.
Счастье, что слышу и дождик, и гром,
Голос и птицы, и всякой зверушки,
Мне они в жизни — раек пред дитем:
Самые звонкие в ней погремушки.
Музыкой легкой звучат предо мной,

Радуя россыпью сочных созвучий,
Будто бы спорят в игре заводной:
Кто из них радужней, звонче и лучше.
Шумно, немолчно живут на виду,
Часто меняя и ритмы, и звуки...
То ли не счастье — жить с ними в ладу,
К ним, как к отрадам, протягивать руки!
В толще веков их не гаснет краса,
Нет сердцу радостей в жизненном ходе —
Слышать природы родной голоса,
Душу безгрешную божьих мелодий!

ЦЕЛЕБНЫЙ ХРАМ

Природа — мой целебный храм,
Что тихо правит жизнь от сбоев,
Снимает боль обид и ран,
Несет свет мира и покоя.
Отраден вид ее столпов:
Степей, лесов, озер и речек,
Что без микстур, уколов, слов
Влекут, притягивают, лечат.
И шум дождя в ночной тиши,
И звоны листьев в позолоте —
Нет лучше песни для души,
Полезней, благодней мелодий!
Как мудр, как близок этот круг —
Полынь, ромашка и крапива!
Сведет на нет любой недуг
Сей вид природной терапии.
Сильней, могучей нет врачей,
Что гонят прочь любую муку,
Чем по весне прилет грачей,
Что будят сонную округу.
Едва раскатистый их крик
Услышишь радостно из дома,
Воспрянешь духом в тот же миг,
Светясь от бодрости, подъема!

СОСЕДКА

И светлым днем, и в непогоду,
И в ранний час, в ночной тиши —
Всегда я слушаю природу
Как житие родной души.
Ранет, куст сливы, вишни ветка,
Журавль над крышей, солнца круг —
Она твой друг, твоя соседка,
Что красит жизнь твою вокруг.
Звенит дождем, шумит ли садом,
Болезнь, иль бедствий полоса —
Всегда с тобой, все время рядом
Ее утешат голоса.
То неба синь, то тучи, тени,
То лета жар, то стужи лед —
Чредою разных потрясений
Палитрой чувственной живет.
Живой, с певучими чертами
Ее язык общений прост:
Тревогу выразит ветрами,
А радость — заревами звезд!

Хандра, недуг — дождями ляжет,
Весна — любви и счастья пыл!
Всегда естественно расскажет
Все-все превратности судьбы.

ОСЕННЕЕ СЧАСТЬЕ

Летних дней отошла суета.
Вот и скромная осень приспела:
И в полях, и в душе пустота,
Тишь блаженная — милое дело!
Ни тревог тебе нет, ни забот,
Есть лишь ровность, покой, безучастье...
Так и хочется вымолвить — вот,
Вот оно, долгожданное счастье!
Будто был тяжким грузом пленен,
А теперь его взял да и сбросил...
Счастья свет!.. сколько думал о нем,
А оно — просто поздняя осень,
Где сжигаются с прошлым мосты,
В новый мир украшают дорогу:
Золотистые стелют листья,
Чтоб по ним ты приблизился к Богу,
Чтоб сказать, что несправедно жил,
Перед ним обнажить как на длани
Дивный образ хрустальной души,
Ее свет всех узоров и граней.

ИСКРА ЖИЗНИ

Желтая осень — знак горькой печали,
Красочный сказ о финале пути,
Что твои песни уже отзвучали,
Время пришло покою обрести.
Время твое очертила природа,
Вывела линии строгих границ,
Меж, за которые нет тебе хода —
Место для новых талантливых лиц.
Птицей бескрылой томишься у края,
Редко скупой согреваясь строкой,
Тихо остатками чувств догорая,
Ровно, как лес догорает листвою.
Быстро промчалось, прошло наше лето,
Выстудив пламя любви и тепла,
Будто в огне пролетела комета,
Мир озарив и сгоревши дотла.
Искрой сверкнула в пространстве великом,
Канула в Лету, едва воссияв,
Будто вполне ей хватило и мига
Горя и счастья вкусить жития.

ВРЕМЯ ПРИЗНАНИЙ

Красное лето ушло с теплотою,
В долгой осаде ветров и дождей
Плачут деревья листвою золотою,
Сущность и смысл обнуляют ветвей.
С яблони, с груши, с осины, с березы,
Множеством сотен, одна за другой
Медленно падают листики — слезы
Падают общей осенней бедой.

Капля за каплей уходит их счастье,
День ото дня его тает запас...
Время настало безмолвно прощаться
С тем, что манило и сердце, и глаз.
Время пришло, чтобы трезво, без пыли
Суетной жизни сорвать пелену,
К жизни измерить любви своей силу,
Прочность ее, всю ее глубину,
Что под напорами холода злого
В сердце любви не осыплется куст,
Что он — твой остов, опора, основа,
Всех добрых дел твоих, мыслей и чувств.

В ПЛЕНУ У РОДИНЫ

Снегов вокруг немерено
Раскинулся навал.
Легко зима, уверенно
Вошла в свои права.
Утратив мыслей молнии,
Пыл чувств, мечты волну,
В покое и безмолвии
Живу в ее плену.
Живем смиренно с родиной,
Отбросив важность слов,
Что кротость дней коротеньких
И длинных вечеров.
Всегда в работе песенной
Наполнишься ты с ней
Душевым равновесием,
Без пафосных огней.
Отрадно нам — под стужами,
Вдали от звона муз
Невольно слиться душами,
Теплом жить кровных уз.
Поля ее и рощицы —
Спокойствия исток.
К ним сердце часто просится
Не ради этих строк.
Родной сторонки радости
Глазами не прочесть.
Живем за дружбу ратуя,
Что у друг друга есть.

ЖИЗНЬ-КАЛЕКА

На душе пустота, душа — голая ветка,
Что зеленой листвою отшумела давно.
Тих и мрачен мой дом — незакрытая клетка,
Где неслышно живу, молча глядя в окно.
Без мечты, без огня длится жизнь как калека,
Отрешенный, немой ее жалостен вид:
Замерла в наготе, как земля та без снега,
Что холодной зимой, вся промерзнув, звенит.
Толь от скуки поет, толи плачет от боли,
Не познав среди зимы теплых, радужных снов,
Что желанных снегов не дожидаться ей больше,
И, как раньше, больших не взрастить ей хлебов.
Отомрут без воды корней тонкие нити,
Когда сушь обожжет их горячим песком,
И росту из земли на свет Божий не выйти,

Не звенеть на ветру золотым колоском.

БЛАГО БЛАГ

Личных благ не жду от мира,
И без них жизнь хороша!
Лишь во мне б звучала лира,
Стихом грезила душа.
Лишь бы к родине заветной
Лился чувством горячо,
Чтоб подставить ее свету
Стихов крепкое плечо.
Чтобы в жизни яркой, броской
Красотой не убыла,
Волгой, кленом и березкой
Сто веков еще жила.
Чтобы, слава Богоматерь,
Как носителей добра,
Целовать и целовать их
Острым кончиком пера.
Образ их всех денег выше,
Хоть тебе и дан за так,
И писать, читать их, слышать
Добрим сердцем — благо благ!

НА КРЫЛАХ ЛЮБВИ

Без тебя и жизнь моя глуха,
Скорбная, последняя страница...
Где ж ты, кончик, ниточка стиха,
Дай же за тебя мне уцепиться.
Ты — мечта души моей и рук,
Без тебя я — одинокий остров.
Возврати спасательный свой круг,
Жизни всей отдушину и остов.
Дай мне страсть почувствовать в крови,
Чтобы вновь и радужно, и ново
На крылах и веры, и любви
Строить мир живительного слова!
Тебя нет. Твой образ растворен.
Зреть его — нелегкое искусство...
Сотворю тебя я из имен:
Зоркости, Фантазии и Чувства.
Этим сестрам верю я сполна.
Их душа с лихвой стиху отпустит,
Чтобы к людям шел он, как волна,
Мир стозвонный радости и грусти.

Игорь ЕГОРОВ

г. Омск

Игорь Владимирович Егоров родился в 1951 г. в г. Омске. Окончил омскую СОШ №19 (в настоящее время гимназия № 19), Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Серебряный лауреат XV и лауреат XVI международного конкурса «Золотое перо Руси», лауреат Премии губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства им. Л. Н. Мартынова, дипломант всероссийского литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского, дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры (при участии Омского отделения СРП) «Лучший рассказ XXI века». Некоторые стихи переведены на болгарский язык современным классиком болгарской литературы Красириком Георгиевым и на украинский язык талантливым украинским поэтом и переводчиком Петром Голубковым. Стихи также переводились на английский язык (перевод Ольги Сумановой (Омск) и Бориса Духона (Москва)). Член СРП и ПАНИ (Санкт-Петербург). С 2011 г. главный редактор литературно-художественного издания-тандема: альманаха «Тарские ворота» и журнала «Иртыш» — Омь». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДВА ТРИПТИХА

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

Осень, хмурая осень настала.
Отшумели густые леса.
По заголью листву разметало,
Смолкли с холодом птиц голоса.
Над лощиной, где легкая просинь,
Паутина, как луч на стекле,
Дышит блеском под пение сосен,
Словно памятью о тепле...

Редеет лес, омытый тишиной.
Не дрогнет ветка, не прольется звук.
Лист потемнел, лежалый и сырой,
И дерн под ним, как зимний наст, упруг...
Уходит осень. Зреют холода.

Равнинам снится снежная печаль.
И неба синь сгорает без следа,
Но теплый свет еще тревожит даль!..

Вот и холод недвижный, осенний,
Точно воздух безветрен и пуст.
Все в природе намеком течений,
Отголоском — шаги или хруст...
И ложится листва на прощанье
На уже прибывающий снег,
И природа щедра на молчанье,
Как постигший себя человек...

ЗИМНИЙ ТРИПТИХ (Стихотворения в прозе)

Тишина

Тишина нависает над головой, как тяжелые от снега ветви сосен. Иногда только дятел нарушит ее, и она вздрагивает при каждом его раскатином: «дуг-дуг».

В лесу торжественно: даже неказистые кусты в серебре инея издалека похожи на царские короны! Слоистое солнце стынет в промежутке меж ветвей. Смотрю сквозь пар дыхания на иссиня-розовое обрамление бледнеющего светила, и воздух кажется вязким! Поднимаю голову. Хочется прислониться к морщинистой коре сосны, смотреть на высокие вершины и легко плыть вместе с ними по белесой морозной голубизне!..

Над оврагом

Даже зимой мох на стволах сосен остается зеленым. Может быть, он и вовсе не умирает? Иду вглубь леса. Лежащий снег кажется плотным, но как наступишь, тут же рассыпается! Взгляд постепенно привыкает к прозрачному светлому сумраку. Над самым краем оврага одна сосна обняла стволом другую — вспоминается «Поцелуй» Родена. Я останавливаюсь перед ними. Мне жалко, что я не художник...

Зимнее утро

Из пепельно-золотистого, будто тлеющего облака вырвалось янтарно-огненное зимнее солнце. Заискрилась хвоя сосен.

Утренний лес еще хранит молчание. Но клинопись сорочьих следов выказывает присутствие в нем беспокойной жизни. Кажется, вот-вот упругая ветка осыплет снег под толчком лап белобокой хохотуни, откликнутся ее подруги и без умолку начнут хвастаться друг перед другом своими переливающимися на солнце шлейфами-хвостами!

Но лесу все-таки не до них: просторная тишина еще долго будет напоминать ему о первых утренних лучах...

Валерий СУХОВ

г. Пенза

Сухов Валерий Алексеевич родился 22 декабря 1958 г. в с. Архангельское Городищенского р-на Пензенской обл. Окончил в 1980 г. Пензенский государственный педагогический институт им В. Г. Белинского, а в 1996 г. — аспирантуру при Московском областном университете. Кандидат филологических наук. Член СПР, член правления Пензенского отделения СПР, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор поэтических сборников «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008), «Холмы земные» (2019), «Треугольный парус из бумаги» (1920). Стихи публиковались в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Подъем», «Русское эхо», «Простор», «Армак», «Нижегородская провинция», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Волга XXI век», «Симбирскъ», «Пять стихий», «Невечерний свет», «Белая скала», «Второй Петербург», «Царицын», в альманахах «День поэзии XXI век» и «Ковчег». Лауреат всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, международной премии имени С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня». Постоянный автор нашего альманаха.

СВОЙ СЛАГАЯ «СОРОКОУСТ»

ОЖИДАНИЕ

Золотые сердечки березы
Засыпают могильный холм.
Вспомнил я материнские слезы
И родительский старый дом.
Не вернуться мне больше туда.
В пору сердцу с тоски разорваться!
Не прощу себе никогда
То, что с мамой не смог попрощаться.
У могилы повинно стою.
Душу ломит невыносимо!
Где ж ты, мама? Наверно, в раю
Золотым своим сердцем ждешь сына...

ПОКАЯНЬЕ

Травую заросла могила.
Я не был больше года здесь.
Пусть мать меня за все простила,
Но головой качает лес.
И смотрит сумрачно, с укором:
«Совсем забыл свою родню!»
Мне горький ком не лезет в горло.
И самого себя казню.
Стою один под облаками
Я на коленях — блудный сын...
Осот весь выдрал я с корнями.
Оставил горькую полынь.

ХОЛМ МОГИЛЬНЫЙ

Мне опять живой приснилась мать.
Подошел, хотел ее обнять.
Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...
Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, березы листья сбросили...
Снег теперь хранит ее покой
Долгою холодною зимой.
А весной ей птицы будут петь.
Летом — сосны на ветру шуметь.
На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.
Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.
И всплакнет береза надо мной,
Осыпая золотой листвой...
Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка — крылата!
От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

СИРОТСТВО

Пронзает осознание сиротства,
Когда застынешь над могильной ямой.
Среди березок на краю погоста
Отца похоронили рядом с мамой.
И, как листок березовый, кружится
Душа его над нами на ветру.
Дождь моросит с утра, и небо мглисто.
С трудом слова молитвы подберу.
Жил по-людски. Хоть и не верил в Бога,
А был по сути Божий человек...
На холм к родителям теперь одна дорога.
Накроет скоро их могилы снег.
Родимый край окину долгим взглядом.
Пронзительна березовая Русь...
Я на родном погосте лягу рядом
И навсегда на родину вернусь!

РУБАХА

На двери висит рубаха
Без малого сорок дней.
И не могу без страха
Я прикоснуться к ней.
На память отец повесил
Перед тем, как уйти...
В окна врывается ветер —
Рубаха по дому летит.
Гнусавит осень-старуха
«Сорокоуст» на помин.
«Слава Отцу и Сыну
И Святому духу...
Аминь».
Ложится рубаха на пол,
Тепло храня до конца.
Пота родного запаха
Переживет отца.

ГОДИНА

Все ясней осознание конца.
Год прошел после смерти отца.
До последнего вдоха, болезный,
Заслонял он от ветра из бездны.
Не прижаться к родному плечу.
Ни к чему обращаться к врачу.
От любви и от боли — инфаркт.
Как же я перед ним виноват!
Знаю, где-то: невидимый — рядом
Смотрит он укоризненным взглядом.
Выбирай: или рай или ад?
Перед Господом всяк виноват.
Все мы ляжем в родимую землю.
И любую я участь приемлю.
И когда я замру, не дыша,
Слышу: дышит отцова душа...

СОРОКОУСТ

Лес угрюмо шумит на холодном ветру,
Засыпая листвою погост.
У могил двух родных я стою на юру.
Задаю молчаливый вопрос.
Я у ветра спрошу: где мои старики?
Где моя «уходящая Русь»?
Слишком дорого я заплатил за стихи,
Свой слагая «Сорокоуст».
И качаюсь, как дерево, я без корней
На сожженной родимой земле,
Потеряв тех, кто был всех на свете родней.
Только кружится пепел во мгле...
У могил, как молитву, шепчу я стихи,
Свой слагая «Сорокоуст».
Молча мать и отец мне прощают грехи.
Светит святыми в сумраке Русь.

ПОГОСТ

Высокий холм вздымается в крестах.
И слезы застывают на глазах.
Богатый смерти выдался покос.
Родней села становится погост.
Качнусь от горя я — без водки пьян.
И поминальный уроню стакан.
Скрестила руки на груди родня —
И ждет не в гости — насовсем меня.

РОДНЯ

Срок настанет — и родня
Хоронить пойдет меня.
На горе стоит погост.
Он крестами в небо врос.
Крепче нет его корней.
Мертвые живых родней.
Тихо мать вздохнет: «Сынок,
Снова ты под сердце лег».

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Ольга Михайловна Борисова — поэт, переводчик, писатель, публицист, общественный деятель. Член СПР, организатор международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Автор 18 книг поэзии, прозы и публицистики, а также на ее стихи издан сборник романсов (ком. Г. Разбаева). Победитель и призер многих международных и российских фестивалей и конкурсов. Песня на ее стихи стала победителем в конкурсе на радио «Новая песня — 2023». Книга рассказов «Калиновка и ее обитатели» стала серебряным призером на международном конкурсе «Лучшая книга года — 2023». Лауреат шести международных литературных премий. Дважды стипендиат Министерства культуры РФ. За заслуги в литературе и культуре награждена медалями и грамотами. Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Переводит с восьми европейских языков. Кроме России публикуется во многих странах Дальнего и Ближнего Зарубежья. Член Европейского конгресса литераторов, руководитель Самарской РО РСПЛ, главный редактор литературно-художественных и публицистических альманахов «Параллели» и «Крылья», журнала «Параллельки», член редакционного совета

журналов «Белая скала», «Царицын». Член ЛИТО «Точки» при СПР. Участник документальных фильмов, показанных российским и болгарским ТВ. Рассказ »Черные птицы» прозвучал на радио «Гомель-Плюс» (Белоруссия). Член международного жюри литературных конкурсов и фестивалей. Постоянный автор нашего альманаха.

НА МОСТУ

Взошла на мост. Опершись на перила,
Смотрю я вдаль на резвый бег волны.
Громадой вод какая движет сила,
Какая мощь идет из глубины?!
Как неоглядна водная пустыня,
За окомом скрыты берега.
А надо мной небесная твердыня,
Течет под сводом вечности река.
Я замерла, охваченная чувством
Смятения и страха, и беды.
Во мне растет нелепое безумство:
Нырнуть с моста в безбрежие воды,
И стать сильней, не покориться силе
Ее теснин глубоких и стальных.
Но высоки железные перила,
И дрожь берет от всплесков ледяных.

ЭЛЕКТРИЧКА

Я вошла в электричку с названием «Жизнь»,
Мне билет подарило дождливое лето.
И летим мы теперь сквозь судьбы виражи,
Через зимы и весны, закаты, рассветы.
Где пристанище сыщем? С каким багажом
Мы сойдем на последнем глухом полустанке?
Оглянувшись, пойдем, что считать миражом,
И на мир поглядим не с лица, а с изнанки.
А пока еще поезд проносит состав
По зигзагам судьбы сквозь беду и печали,
Мимо станций чужих, мимо ложных застав,
С неизвестным маршрутом в туманные дали.

НА ЛИСТЕ

Годы сшиваются новыми днями,
Как лоскуты у портного в руках.
Дни, словно птицы порхают над нами,
Путь обозначив стежками в строках.
Строки плетутся рифмованной нитью,
Вяжут поэты из них полотно.
Что-то из жизни, а что по наитью —
В мире сюжетов извечных полно.
Зимы и весны, и звезды на небе,
Алый восход и лиловый закат.
Ночи безлунные, всякая небыль,
Грома трескучего грозный раскат.
Что-то рисуют поэты упорно
На белоснежном и чистом холсте.
Мыслей сплетенье рождает, бесспорно,
Свет на нетканом бумажном листе.

ПОЛОВИЦЫ

«Я ушел, а за спиной тихо ныли половицы».

В. Юрков

Тихо ныли и ворчали за спиной половицы,
Когда в путь идти далекий, вдруг пришла моя пора.
Мне казалось, обсуждали иль слагали небылицы,
Издавая звук протяжный, провожая со двора.
И прощаясь все ворчали, и не только половицы,
Дверь пружинилась, скрипела, громко хлопала
вослед.
И парили надо мною, и кричали громко птицы,
Уберечь они хотели от грядущих многих бед.
Но ступали шумно беды, по следам моим шагали,
И сломить скорей хотели, больно жалили меня.
Но крыла я распускала и парила в синей дали,
Опускаясь путь торила, по тропинкам семени...
Отчий дом в туманной дымке, за далеким
поворотом
Как и раньше, так и ныне смотрит окнами в рассвет.
Провожает и встречает — не меня...
Живет в нем кто-то.
И скрипят вновь половицы, и таят ушедших след.

ВЕСЕННЕ-ПОБЕДНОЕ

Меняю шубу на пальто, сама меняюсь.
Смотрю в окно и жду домой пичужек стаю.
Быть может, птицы принесут благие вести,
И будем славить мы весну с сынами вместе.
А во дворе шагает дождь по серым лужам,
Прошелся он и по судьбе, и нашим душам.
Внезапно выветрил сквозняк былую память,
Слизало прежнее житье чужое пламя.
Но будет новая весна, в нее я верю!
И будет, и должна стоять за нашей дверью!
И расцветут во всю красу весной тюльпаны,
Залечит время, скроет век живые раны.

Во дворе стоит жаркое лето,
И люпины разбрызгали цвет.
Красотой мое сердце согрето,
Есть надежда, что будет рассвет.
Новый день возгорится во славе,
Русь найдет среди мрака пути.
От порога — к великой державе
Ей осталось сквозь бури пройти.
Распрямит она мощные плечи,
Одолеет пришедшее зло.
Раны прежние время залечит
И единство завяжет узлом.

ОКРАИНЕ

Дожди окутали просторы,
И скрылся город в серой мгле.
Отдвигаю шумно шторы,
Как все печально на земле.
Как эта серость — думы наши,

На Русь ползет опять хула.
И, кривдой наполняя чаши,
Стозвоном злу летит хвала.
Опять кресты встают рядами,
Проснись скорей, славянский брат!
Затеяв смуту между нами,
Гордыню тешит демократ*.
Как ты посмел унижить храмы,
Забуть наказ своих отцов*?!
И, став участником сей драмы,
Как вдовам глянешь ты в лицо?..
А дождь все льет, не унимаясь,
По душам небо слезы льет.
Нам бы дожить с тобой до мая,
Не оборвав земной полет.

** Под видом демократии насаждается зло.*

** ВСУ стреляют по православным храмам, а власти отдали Лавру на поругание.*

ЛЕНТА

Черно-белую лентой проносится в памяти жизнь,
Кадры, быстро сменяясь, дают ощущение счастья.
За спиной моей поднимаются в рост миражи,
И все больше тревожат настигшие будни ненастья.
Собираю в копилки ушедшие в прошлое дни:
Я девчонкой бегу по степи и срываю тюльпаны.
Где-то там вдалеке засветились селенья огни,
И ползут над землей низко-низко седые туманы.
Ну, а летом привычно прохладною манит река,
Мы стремимся скорей окунуться в прозрачные воды,
И над нами плывут по небесным морям облака,
И, раздув паруса, поднимают небесные своды.
Все бесследно проходит, но жизнь не пройдет никогда.
Будет девочка рвать золотые, как солнце,
тюльпаны.
Ту, другую, что ждет? Что подарят ей дни и года?
И какие у неба на девочку выбраны планы?..
Ну, а мне светотень, что лежит на рабочем столе
Вдруг напомнит о доме, и лента прокрутится снова.
Вспомню ласковый день и сирень в голубом хрустале,
Поцелуй и любовь, и величие первого слова.

ДОЖДЬ

Чертит дождь тире и точки
Тонкой кистью на стекле.
Желто-рыжие листочки
Душу греют в хрустале.
А моя душа в заплатках,
Много вынесла обид,
Стала робкой, не крылатой,
Каждый рубчик в ней болит.
Дождь усилился и ноты
Выбивает на стекле.
Что ему людей заботы,
Чай остывший на столе.

Чьи-то радости и беды,
И ненастная пора,
И что с ним веду беседы
Об унылости двора...
Дождь стихает. Снова точки
Появились на стекле.
Желто-рыжие листочки
Оживились в хрустале.

ЛИСТЬЯ

Закутавшись в листья, бреду по аллее.
На серых тропинках листочки алеют.
Они распрощались с рябиной и летом,
Летят по дорогам, гонимые ветром.
Печальные листья — весенние гости.
Я их наберу себе полные горсти,
Поставлю букет на рабочем столе,
Еще поживут в голубом хрустале.
Вы слышите, листья, судьбою мы схожи,
На землю слетели, уйдем с нее тоже,
В назначенный час по Божественной воле,
Оставив дела, отыграв свои роли.
Летите листочки в безвестные дали,
Сегодня не нужно ни слез, ни печали.
Задумчивой осени праведна грусть,
Я в ливни из листьев сейчас окунусь.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Оплетенный бульварами город
Засыпает лимонной листвой.
Лист кленовой свалился за ворот,
Покружив над моей головой.
Вот и осень... Навяела скуку...
Бабье лето бредет по стопам,
Извещает о скорой разлуке
Рыжим скверам, бульварам, цветам.
И во всем — неизбежность покоя.
В уходящем — немая печаль.
Но цветут еще пышно левкои
И светла заоконная даль.
Не тревожь меня осень тоскою,
Слез прощальных напрасно не лей.
Я стихами тебя успокою,
Ты в строке утвердишься моей.

НОЯБРЬСКОЕ

Смотрит небо исподлобья на притихший двор,
То ли дождь, иль снега хлопья затевают спор.
Тонет город в дымке серой, опечален день,
Мне сбежать в весну хотелось, где цветет сирень.
Где не бродят стаей тучи и лазурна даль,
И не сыплет снег колючий, принося печаль.
Она грустью точит души и тревожит нас,
Как змея, петлею душит многих в этот час.
Капли первые упали, закружился снег,
Под зонтом, что цвета стали, ускоряю бег.
С улиц хмурых — в дом уютный и в его покой,
Где по стеклам бесприютный водит дождь рукой.

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол Вологодской области

Нина Павловна Гаврикова родилась в г. Соколе. На пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член АРЛ, ЛитО «Сокол» и МСТС «Озарение». Награждена медалью за заслуги перед МСТС «Озарение». Руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона». Публикуется в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет три авторских сборника стихов и рассказов. Постоянный автор нашего альманаха.

НАУМОВСКИЙ ВЕРЕТЕНЬ (из сборника стихотворений)

БЕССОННИЦА

Царит предутренний покой.
Из дома гонит прочь бессонница.
Туман кудрявый над рекой
И над полями за околицей.
В кустах, в сплетении ветвей,
Тревожит душу серенадою
Сладкоголосый соловей.
А ночи белые с прохладой!
Под снежно-кремовой фатой
Подруга-вишня заневестилась.
На Вологодчине родной
И я с тобой когда-то встретилась.
Колосья дней из года в год
Бросала в жернова скрипучие,
Перемололся прах невзгод —
В воспоминаньях только лучшие!

ПОЛНОЛУНИЕ КЛУБНИЧНОЕ

Туман седой дорогой млечною
Зовет в неведомую даль.
Бредем сторонущкой заречною,
С собой не в силах совладать.
Давно ли плач гитары пламенный
Небрежно душу бередил.
Судьбы суровые экзамены —
Не знали, что ждет впереди.
Жизнь с воскресеньями и средами
Не виртуальный черновик,

Быть не с руки нам домоседами:
В душе пульсирует родник!
Стезя с ухабами глубокими
Сквозь бед российских бурелом
Ведет на берег босоногими,
На «Пристань детства», напролом.
Ночь! Суперлуние клубничное.
Эмоций не сдержать в узде!
Ах! Настроенье романтическое!
Собрать бы у костра друзей...

РЯБИНОВЫЙ РАССВЕТ

Словно на ладони вся округа.
Неба полыхает оком,
Свет зари рябиновой над лугом,
Над рекою, лесом и жнивьем.
Долгая дорога тянет в детство
В нашу деревушку за мостом,
Где осталось главное наследство:
Ласточек гнездо и старый дом.
Памяти счастливые мгновенья
Как источник радости и сил.
Новое сменилось поколеньем.
Край родной, ты — часть святой Руси!

ПРОГУЛКА

Разносит эхо крик по сосняку.
Кукушечка горластая не дремлет,
Как караульный, вечно начеку —
Считает каждый шаг и сколько лет мне.
Я и сама запуталась в годах.
Эх! Сколько их хороших и не очень
След оставляли горький на губах,
Заставив проглотить судьбины сочень.
А осень жизни, будто матч-реванш,
Предоставляет временно отсрочку,
Использовать пора последний шанс,
В работе рановато ставить точку.

Облаков белоснежных нить —
Нет ни гребня и ни кудели,
Пряхи нет эту нить завить.
Красоту для кого хранить?
Деревеньки-то опустели!
На полях колеи да грязь,
Солнце жгучее землю сушит.
Коротка над природой власть.
Те поклоны должны бы класть,
Кто уклад мировой разрушил.
Полыхает вдали гроза,
Едкий дым над Россией стелет.
Уповаем на образ.
Светлый ангел пришел сказать,
Что войны рев — не юбок шелест...

ОТОГРЕТЬ БЫ РУССКИМ ДУШИ

Деревенский быт понятен:
Все сельчане на виду!
Но и солнце не без пятен,
Жили с совестью в ладу!
Аромат цветущих яблонь —
Целый мир без войн и бед.
В доме деда старом, дряблом
Разговоры тет-а-тет.
С материнскою любовью
Мы впитали соль земли
И за дело, за любое
Взяться, кажется, могли.
Тяжело бывало, трудно,
В город часто шли пешком.
Стало тихо и безлюдно...
Не прикроешь Русь платком —
Стон родимых деревушек
Слышен в дальней стороне.
Отогреть бы русским души,
Проросло б «зерно» в стране.
Деревенский быт не сложен —
Все удобства во дворе,
Изменить их всякий сможет,
Сделать из избы «дворец».

ОТПУСК

Вновь приехали в деревню.
Растоплю проворно печь,
Бересту сверну к поленьям,
Чиркну спичку, чтоб разжечь.
Молоко предам томленью,
Сяду рядышком стеречь.
Чай с мелиссой и вареньем
Снимет в миг усталость с плеч.
Тишины успокоенье,
Наслаждение души,
В те минуты вдохновенья
Просится: «Давай пиши!»
Пахнет ладан воскресеньем,
Отпуск, некуда спешить.
А с хорошим настроеньем,
Прямо скажем, легче жить!

ЗИМНЕЕ УТРО

Деревня дремлет под сугробом.
Снег налепью на проводах.
Мороз по стенам бил ознобом.
Дом выстудил: «Вот это да!»
Ворчливо стукнула щеколда.
Бегом в сарай. Охалку дров
В печь заложу. Не до рекорда —
С утра зарядка будь здоров!
Тропинка спряталась, по вешкам
След в след шагаем в целине.
У солнца милая усмешка:

— Зимой вода в большой цене!
В колодце наледи до верху —
Рубить придется топором.
Вспорхнул воробушек в прореху:
— Пришли, устроили разгром.
Мы покраснелись, стало жарко!
Кто жил в деревне, тот поймет,
Что сил, потраченных, не жалко,
Наполним флягу и вперед!

Игорь МЕЛЬНИКОВ

г. Тула

Игорь Мельников
— участник литературно-музыкальной студии «Вега». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации «Поэзия». Автор поэтических сборников. Стихи опубликованы в литературных журналах. Наш постоянный автор.

Навострились глаза.
Шевелятся веселые уши.
Можно глупость сказать
Или глупость внимательно слушать.
Быть серьезным шутя,
Как в сырую погоду простуда.
Абсурдистов прочтя,
Осознать себя в мире абсурдном.
А протест — чепуха.
Просто логика слишком бесцветна.
И в хороших стихах,
Что живут на бумаге газетной,
Вместо логики есть
Воплощенная в слове идея.
Написать и прочесть,
Но в уме и немало умея.

Сочинялись дурацкие перлы
И овчарней ревел потолок.
А под утро сирень закипела!
Значит, будет крутой кипяток
У тебя для овсянки и кофе.
В отражение зеркала глянь —
Сонный взгляд и классический профиль.
Ты такой в эту раннюю рань.
Многословность манера поэтов.
Кто из них на сквалыгу похож!?

Ведь достаточно маленькой лепты,
Это больше чем ломаный грош.
Но они до копейки! Транжиры!
Фанатично стремятся воспеть
Красоту и убожество мира.
И на время слегка обеднеть.
Чтобы строчки как топливо печке!
А потом несомненный шедевр!
Посему и не прячешь словечки
И ворчишь на старинный манер.

Типичная для осени погода.
Погодой подкрепленная хандра.
Горящая листва да нету брода,
И тучи хнычут с самого утра.
В саду плодоносящем запах винный,
Ничуть не причиняющий вреда.
Здесь бусы старомодные рябины
По вкусу свиристелю как еда.
А яблони из детства одряхлели,
Состарился заметно сельский дом.
Но яблоки отнюдь не надоели
И детство — просто спряталось в альбом.
Вперед идти — такое жизни свойство.
Зачем же сокрушаться, что сейчас
Играет не пластиночка — устройство?
И грайм звучит, к примеру, а не джаз?

От снега ночь светлее кажется.
Морозно, как в степи глухой.
Кто выйти в этот час отважится,
Тот отморозок и герой.
Заиндевила наша улица.
Так намело, сойти с ума.
В окошко глянешь и почудится,
Что это вечная зима.
Такие трудности погодные.
Успел укрыться — повезло!
В сей час голодные животные
У теплотрасс нашли тепло.
Давно в домах уснули жители.
Трава под снегом тихо спит.
И только с неба месяц бдительный
На крыши города глядит.

Недотепа поэт, не умеющий выразить мысли.
Да и чувства свои облакающий в фантики слов,
Что годятся в утиль, как фрагменты надуманных истин,
Как пылящийся хлам, в виде старых латунных призов.
Тихо курит в тиши, улыбается, видя абсурдность —
Понял метамодерн и прекрасного главную суть,
Но стихи извлекать из пространства по прежнему трудно.
Просто будней хомут запрещает свободно вздохнуть.

Зимний ветер гудит за окном, порождая сонливость.
А под боком вагон недочитанных, правильных книг.
Ждать успеха любя. Если будет особая милость,
Можно смело сказать, что гармонию жизни постиг.

Дремлет мир и древняя механика
Отдыхает ночью от жары.
Ты сидишь у дерева с фонариком —
Маяком крылатой мошкары.
В городах мелькают лица скучные,
А у яблонь время расцветать.
И жужжит флотилия воздушная!
Даже мысли учатся летать!
Потому-то дышитесь и слышится,
Что идея жизни — тишина.
В деревнях, в медлительной провинции,
Где плоды достанешь из окна.
Погляди же — звездная мозаика!
Есть сады небесные и там,
Средь листвы, горящие фонарики,
Как подмога искренним сердцам.

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

Трещев Евгений Иванович — инженер, член СПР. Действительный член ПАНИ. Член Правления Тульской региональной общественной просветительской организации «Знание». Член щекинского ЛИТО «Приуспенские просторы» и Российского военно-исторического общества. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный учитель. Почетный строитель. Ветеран газификации Тульской обл. Ветеран труда. Награжден девятью медалями, «знаком Ордена Доброты», знаком «Герой энциклопедии «Лучшие люди России»», «Почетным знаком» Российского Союза Ветеранов и др. Почетный гражданин Чернского р-на Тульской обл. Автор 31 книги, в том числе первых в Тульской области муниципальных учебников «История родного края» для 7 и 8 классов, учебных пособий, биографических справочников «Щекино в лицах» и «Известные люди Щекинской земли». Имеет более четырехсот публикаций в альманахах, журналах, коллективных сборниках, газетах. Главный редактор и составитель альманахов «Приуспенские просторы»,

«Солова», «Отчий край», «Дым Отечества. В поисках утраченного», редактор книг «Щекино. Прошлое и настоящее», «Плавание сквозь годы», член редколлегии альманаха «У засечной полосы», газеты «Тульский литератор» (2015). Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, В. Г. Лаврика, всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ТРО Союза писателей России, лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Награжден специальной грамотой 6-го международного поэтического конкурса ПАНИ «Россия, перед именем твоим...» в номинации «За пейзажную лирику» и дипломом 7-го международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим...» Постоянный автор альманаха «Ковчег».

НЕ ВОРОТИШЬ ЖИЗНИ ПРОЖИТОЙ НАЗАД

*Посвящается светлой памяти моей
жены Валентины Ивановны Трещевой*

СУДЬБА

Все чаще в бессонные ночи,
В ночной благодатной тиши
О прожитой жизни, о счастье
Пытаюсь сложить я стихи.
Нелегкая это задача
Прожить свою заново жизнь.
Припомнить потери, удачи,
По улочкам старым пройтись.
Ошибок наделал немало.
Я их исправлял. И потом
Судьба с благосклонной улыбкой
Ко мне повернулась лицом.
Судьбу на коне не объедешь —
Усвоил я это давно.
Что сделано — в миг не изменишь:
Схватился, а время ушло.
Поставлены цель и задачи,
Намечены планы — все бред.
В заоблачных призрачных далях
Написан всей жизни сюжет.
Наш выбор, увы, ограничен:
Готовься за все заплатить.
И горькую эту проблему
При жизни придется решить.

УТРО НА ОКОЛИЦЕ

Мигают звезды в небе сером.
Чуть слышно шелестит листва.
И звук в промозглой темной ночи
Распространяется едва.
Дымится пруд белесой дымкой.
Немножко холодно, сыро.
А ветерок вдруг налетевший
Заставил кутаться в пальто.

На небе светлая полоска
Растет, алеют облака.
Вот воробьи загомонили,
Собравшись кучкой у скирда.
Светает быстро. Лучи солнца
Упали косо на траву.
И заискрились, заиграли,
В алмазы превратив росу.

НА ЗАРЕ

Месяц бледный мал и узок.
Ночь безлунная темна.
Блекнут звезды в черном небе
В ожидании утра.
Все затихло ранним утром.
Все заснуло крепким сном.
Наплывает запах сennyй
С набевшим ветерком.
Забелелось на востоке.
Зарумянилась заря.
Притаилась в неге томной
Отсыревшая земля.
Небо на глазах синело,
Пробуждались облака,
И мигали тихо звезды,
Пропадая в никуда.
Потекли потоки света:
Алый, красный, золотой.
Травы в жемчуга оделись,
Обагранные зарей.

ВЕЧЕР НА БЕРЕГУ (сыну)

Догорает летняя заря,
И бледнеют угасающие краски.
Солнцем разогретая земля
Остывает от небесной ласки.
Ночь приходит. В небе — чернота.
Россыпь звезд ярка и бесконечна.
И заливиная песня соловья
Так чиста, задорна и беспечна.
Свежестью чуть тянет от реки
С неумолчным лягушачьим стоном.
А чарующие трели соловья,
Как сигнал любви летят над Доном.

ВЕСЕННИЙ ЛЕС

Утро. Лес в прозрачной дымке.
Тишина...
С веток, если прикоснешься,
Капает роса.
На стволах потеки сока.
В воздухе весна.
Листья пахнут распускаясь,
Чуть горчит ольха.
Аромат цветов струится,
Ландышей пора.
А в низинках притаилась,

Как слеза, вода.
С солнцем лес ожил мгновенно
В перекличке птиц.
Гимн любви звучит повсюду.
Нет для ней границ.

ВСЕХ ПРЕКРАСНЕЙ РОДИНА МОЯ

Ты бывал в Париже и Пекине,
Серым смогом в Лондоне дышал.
Зыбким утром летнего рассвета
Обнимал тебя Индийский океан.
В древнем и далеком Лиссабоне
Замки ты рассматривал в тиши.
Как прекрасны ранним летом Пиренеи!
Правда, Альпы тоже хороши.
Мексика, Бразилия и Чили –
Ты везде, дружище, побывал,
Видел ты лазурные заливы,
И сирокко тебя жарко обнимал.
Но звучит струна светло и тонко:
Нам милей родные города,
Ведь на нашей голубой планете
Всех прекрасней русская земля!

Вячеслав ДЕВЯТКОВ г. Тюмень

Вячеслав Владимирович Девятков — тюменский журналист, поэт, литератор родился 23 марта 1969 г. в таежном северном с. Болчары Тюменской обл. Служил в армии, учился в Тюменском ГУ. Затем семь лет отслужил в пресс-службе МВД. Трудился в областных печатных изданиях обозревателем, ответственным секретарем. Выступал на различных площадках с концертами бардовской песни, участвовал в фестивалях. Выпустил четыре сборника стихов. В настоящее время — шеф-редактор газеты «МК в Тюмени».

...И ПОД ЗВЕЗДОЙ ПЛЕНИТЕЛЬНО СЧАСТЛИВОЙ

ОСЕНЬ В БОЛДИНО

Ах, я люблю шуршать листвой опавшей!

Мелодию любви в душе уставшей
Услышать и запомнить, сохранить.
И под звездой пленительно счастливой
Бродить в обнимку с осенью дождливой,
И волосы, и ноги промочить.
И чтобы ветер наигрался вволю
Кленовой и березовой листвою,
Утих, преобразив весь мир вокруг,
И чтобы все в душе перевернулось,
Все самое сердечное вернулось,
И ночью позвонил старинный друг.
Ах, я люблю и шалости, и песни,
И добрые, немислимые вести,
Которые в дождях растворены...
Мы очень мало радуемся жизни,
И если осень ярким светом брызнет, —
Успей наполнить им и жизнь, и сны.
2022

ДОЖДИК — НЕРАЗУМНАЯ ДУША

Хочешь, я пришлю тебе дождя
В маленькой коробочке июля?
Он обнимет ласково тебя,
Прыгая, танцуя и ликуя.
Будет ноги нежно целовать,
Волосы и поднятые руки,
Листьями кленовыми шуршать,
Велушиваясь в тающие звуки.
Дождик — неразумная душа!
Все б ему влюбляться да резвиться.
Хочешь, он легко и не спеша
В ливень благородный превратится?
Дождик — безусловный дар небес!
Милое и доброе создание!
Думаю, что нет на свете мест,
Где бы он остался без вниманья.
С грустью мы расстанемся шутя,
Станем жить, как ангелы, ликуя...
Хочешь, я пришлю тебе дождя
В маленькой коробочке июля?
2023

КОПИЛКА ВЕЩЕЙ СНОВ

И вот горячий кофе на столе,
И мир такой огромный и счастливый.
И золотом горят леса и нивы,
И стелются туманы по земле.
И вот горячий кофе на столе.
А молодость прекрасная прошла!
И зрелость незаметно подступила:
Ресницы в полумраке опустила,
Сложила два невидимых крыла.
А молодость прекрасная прошла!
Как долго я летал в моих мирах!
Меня не принимали птицы в стаю,
Но я во снах по-прежнему витаю,
И верю, что душа моя — в цветах.
Как долго я летал в моих мирах!

Душа моя — копилка вещей снов.
Разгадывать, увы, не научился.
Я просто в эту искренность влюбился!
В чарующие крылья облаков!
Душа моя — копилка вещей снов.
Люблю мое волшебное житье!
Кофейный дух, и сны, и разговоры,
И лето, и осенние просторы,
И даже одиночество мое!
Люблю мое волшебное житье!
2023

ЧЕРДАК

На чердаке — Страна Чудес.
Там вечный снег летит с небес,
Бегут ручьи, растет трава,
Былого музыка жива,
Как прежде звезды горячи,
И солнце льет свои лучи.
Открой сундук — в нем пыль времен,
И старый вальс «Осенний сон»,
И лица женщин так светлы, —
И ночи летние белы.
Там звуки, краски, голоса,
К стеклу прилипшая оса,
Игрушки, марки и значки,
Любимой бабушки очки,
Портрет семейства за столом,
И подступивший к горлу ком.
2023

Алексей СЕМИН

с. Архангельское Каменского района
Тульской области

Алексей Валериевич Семин родился 18 июня 1989 г. в г. Чугуеве (Харьковская обл., Украина). Но малой его родиной по праву является Тула, где прошли детство и юность поэта. Здесь в возрасте пятнадцати лет у него зародилась мечта стать хорошим врачом. С детства привитая любовь к музыке и пению вылилась в посещение занятий церковного хора. Окончил одиннадцатый класс школы с серебряной медалью. Далее он учился в медицинском институте, окончив который проходил интернатуру по специальности «Педиатрия». С 2013 г. работает участковым педиатром в с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл. Выйдет в свет первый альбом песен «Держись

за Жизнь». Член ТО «Каменка». Постоянный автор нашего альманаха.

ДРУГУ

Осколки отношений можно склеить,
А проще доломать их до конца;
Мы в праве мысли добрые лелеять,
Но лучше воля Господа Отца.
Любить мы, к сожаленью, не умеем,
Но Бога в сердце можем пригласить,
И всепрощенья радостным елеем
Всевышний восстановит счастья нить.
Поверь: твои молитвы не напрасны, —
И в самый горький, в самый страшный час
Узришь: горят доверием прекрасным
Два огонька твой взгляд искавших глаз!
21 апреля 2013 г.

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ ХРИСТА

Когда Иисусу было восемнадцать,
Он обличал безумный Назарет,
Старался незапятнанным остаться,
И всякому греху твердил Он «нет».
Пред взором мгла разврата и порока.
Казалось, невозможно устоять.
Душа спасалась лишь Небесным Богом,
Святой огонь не прекращал сиять.
Сиять и греть заблудшее творенье,
Учить любви упрямые сердца.
О сколько боли, голода, смиренья
На долю выпало великого Творца.
Он нес позора крест и унижений,
Ни разу никому не угрожал,
Среди труда, болезней и лишений
Отца и мать всегда Он уважал.
Работал много, сочиняя песни,
И сладко пел Небесному Отцу.
И жизнь простым казалась интересней,
Бежали слезы счастья по лицу.
Умри, тоска, депрессия, тревога.
Воздайте славу Богу, небеса.
Пусть нелегка Спасителя дорога,
Но вечный Бог свершает чудеса.
20—21 апреля 2018 г.

ПОСМОТРИ

Посмотри на цветущую лилию,
На красу ее несравнимую,
Обними нежным взглядом подснежники.
Облака словно замок подсвеченный.
Соловьи сладким пеньем приветствуют,
Погружаюсь в медовое детство я.
Палисадник манит ароматами —
Поголяем сегодня с ребятами.
Окупись в синеву превосходную,
Полюби безмятежность природную,
Стройных елей и сосен обители,
Что стоят на посту как смотрители.

Голубочки воркуют влюбленные,
Слезы счастья рождаются соленые,
Не сравнима ни с чем моя Родина,
Хоть и много дорожек пройдено.
Посмотри на цветущую лилию,
На красу ее несравнимую.
На трудящихся пчел одеяние
Посмотри, обрати ты внимание.
28 апреля 2020 г.

ТИХАЯ МОЛИТВА

Весенним дождем мое сердце поет
Под струны гитарные тихой молитвы:
Спасенья мы ждем, и Спаситель дает
Его победителям истинной битвы.
Ты гладишь мне волосы, словно рукой,
Пронзая их струями ветра эфира,
В душе растворяются мир и покой,
Скрывая ее от безумного мира.
Я знаю, Ты рядом, Ты в сердце моем
Свершил это чудо ценою распятия,—
Творцу всей Вселенной хвалу воспоем
И склоним колени, о, сестры, о, братья!
Однажды в раю мы увидимся вновь,
И слезы польются из глаз благодарных...
Мой Бог, моя Вера, Надежда, Любовь,—
Навек исцеляющий старые раны.
30 апреля 2013 г.

ГРОЗА

Гроза. Подъезд. Уборка. Мусор.
Дождя рыданья за окном —
Домой в сей ливень не вернуться...
Но что же делать? Эй, рискнем!
Великолепная идея:
Приют у ближних попросить,—
Чуть улыбаясь, чуть балдея,
Звонком я начал голосить.
— Кто там? — Уборщик. — Вы так поздно...
— Друзья, там мокро и темно;
Позвольте нынче, если можно,
У вас погреться, хоть немного...
— Да заходите, ради Бога,
Да не стесняйтесь, все свои!
Какой вы скромный: «...хоть немного»;
Мы дети все одной семьи.
— Благодарю, весьма приятно:
Осталась вера на земле;
Однако все же непонятно:
Родные люди как во мгле.
Мы недолюбливаем брата,
Ведь недостатки так близки.
Обидел, может быть, когда-то,
Не постирал свои носки...
И вроде мелочь, но в итоге
Нас разделяет сто причин,
И забываем мы о Боге,
Потом в истерике кричим:
«Прости нас, Отче Вездесущий,

Что не умеем мы любить;
Спаси, помилуй, Всемогущий,
Сосуды зла даруй разбить!»
Чем ближе друг, тем горче слезы,
Размолвки тяжелей недуг,
И чем белей общенья розы,
Тем больше ссора ранит дух.
Зашел в квартиру и разулся,
Умыл лицо, вздохнул свежей,
Присел на стул, вновь улыбнулся,
Уют почувствовав уже.
— А я немного педиатр,
Чуть-чуть поэт, слегка певец;
И если ваш «кинотеатр»
Теперь умолкнет, наконец,
То я прочту стихотворенье,
А захотите,— даже два.
В глазах читаю умиление —
Мои понравились слова.
Под громогласные раскаты,
Мерцанье света над головой
Звучало: «Жизнь не для зарплаты;
Лечить во сне нам не в первой».
«Ты родилась...» — чудесной сказкой
Лились созвучья теплых слов,
И даже дважды «путь опасный»
Венчает светлая «любовь».
«Моей возлюбленной» красиво
Парили строки над землей.
Любовь — вот истинная сила!
Любовь — вот истинный покой!
Мы на прощанье помолились
И ощутили Дух Святой,
И долго ночью детям снились
Лучи с небесной красотой.
31 мая 2013 г.

ЛЕТО

О, разнотравья щедрые просторы:
Прильну к природе светлою душой!
Дыханье ветра, листьев разговоры,
Привет из детства — радостью большою.
Жемчужный бархат праздничного неба,
Ночных созвездий чудное сиянье,
Среди колосьев зреющего хлеба —
Святых Небес и брения слиянье.
Рассвет — свирель души и птичье пенье,
Лучами разгоняется тревога,
В молитве обретается смирение,—
И не пугает трудностей дорога.
2 июня 2013 г.

ПРОСЬБА

Миром свято Господу помолимся,
Исповедав честно душу грешную,
Его правдой чистой омоемся
И получим силу бесконечную.
Силу побеждать обман и похоти,
Верить только Господу Всевышнему

И бежать не по наклонной плоскости,
А идти по полю, по пшеничному.
На издевки отвечать смирением
И молиться так за обижающих,
Чтобы с каждым часом и мгновением
Больше было мыслей утешающих.
Святой Боже, Милостивый, Праведный,
Защити рабов Твоих смирением,
Дай душе во всех грехах раскаянье,
Чтобы дорожить последним временем.
Каждый день да будет замечательным,
Чтобы не краснеть потом за прошлое.
Перед днем победы окончательным
Будем приносить плоды хорошие.
19—20 ноября 2019 г.

ВЕЛИКОЛЕПИЕ

Трудно передать души торжественность,
Тихий, нежный в сердце звук любви.
В стройных облаках заката женственность
Красками касается земли.
Теплый дождь накрапывает шепотом
И смывает боль былых невзгод.
Встретишь благодарностью или ропотом
Самый чудный високосный год?
Словно струны арфы ленты радуги
Украшают свежий небосвод.
Трелями весенние кустарники
Живо избавляют от забот.
Жены-мироносицы, возрадуйтесь:
Иисус воскрес, покинув склеп.
От спасенья бедных не откажетесь,
Миру разнося духовный хлеб.
Для великолепия мы созданы —
Зрелых мыслей приносить снопы.
Будем восхитительными розами,
Прикрывая листьями шипы.
26 апреля 2020 г.

СНЕЖНО-ДОЖДЛИВО-СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Наутро снег лежал на почве теплой,
Зимы итоги ветер сладко подводил.
Я никогда не видел день подобный:
Микс снежно-дождевой надежду пробудил.
Земля давно от ветра высыхала,
Наполниться желала влагой до краев.
Под солнцем стая в снегодождь порхала:
Вот лейка для полей на фоне соловьев.
Весенняя капель в лазури неба
Как колыбельная для пасмурных тревог,
Сулит селу обилье трав и хлеба,
Напоминает людям: вечно с нами Бог.
И посемя, душа, ветров не бойся:
Они прогонят тучи, станет мир ясней.
За землю-мать свою не беспокойся,
Ведь око Бога Всемогущего над ней.
Последний дождеснег и скоро лето.
Не в городе живем — нам крупно повезло.

Зальются соловьи, запахнут ветки,
И гулом радостным наполнится село.
16 апреля 2020 г.

ЗДОРОВЬЕ

Чтобы не возникли муки
При движениях в спине,
Разминаем шею, руки,
Прислоняемся к стене.
Выпрямляем мы осанку
В освеженной тишине
И наклоны спозаранку
Выполняем на волне
Позитива, мира, счастья,
Осознания новых сил.
На правах дееспричастья
Мелкий дождь заморосил.
То разминка перед ливнем,
Тренировка пред грозой.
Дождик тоже будет сильным:
Гром раздастся над землей.
Ну а мы в спортивных шортах
Приседаем не спеша,
Чтобы в старость на курортах
Не валяться чуть дыша.
Мы в походах отдыхаем,
Ввысь детей влечет судьба.
Воздух смелости вдыхаем.
Скандинавская ходьба —
Это наш оздоровитель,
Межсезонный сил прилив,
Трудолюбия учитель
И бесплатный позитив.
Вклад в здоровье — современно,
Модно, правильно, легко.
Кто так мыслит — непременно
Тот прорвется далеко.
15 декабря 2019 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ты дивный мир душе открыл,
Когда я был еще ребенком,
И радость счастья подарил.
Слепым неопытным котенком
Бежал к тебе, когда Ты звал,
И пил из рук Твоих всеильных;
Я никогда не замерзал
В лучах весны любвеобильных.
А помнишь: девять лет назад
Встречали вместе мы рассветы? —
Души моей заросший сад
Теперь залит небесным светом.
Поговорить в ночной тиши
Твой Дух будил меня в два ночи;
Как стих слагали камыши,
Любил я слушать, даже очень.
Читали вместе мы Псалтырь,
Встречаясь вновь при лунном свете,
Что заполнял собой пустырь,

И размышляли о Завете.
Ты научил меня любить,
Моей Ты первой стал Любовью,
И никогда мне не забыть,
Что каждый грех искуплен Кровью.
Зачем мнутся племена
И ложь творят цари земные?
Теперь другие времена,
Но правит миром змей доньне.
Спаситель, дай уразуметь,
Что значит жить под сенью правды,
И если надо — умереть,
Как умер Ты за нас когда-то.
19 марта 2013 г.

Николай ДЕНКЕВИЦ

г. Самара

Николай Эрнстович Денкевиц родился в 1954 г. в г. Куйбышеве. В 1976 г. окончил Куйбышевский политехнический институт им. В. В. Куйбышева, в 1991 г. — экономический факультет Всесоюзного заочного финансово-экономического института. Инженер-электрик, экономист. Много лет работал на Куйбышевском нефтеперерабатывающем заводе, прошел путь от электромонтера до главного энергетика завода. Ветеран труда. Почетный энергетик России. Стихами увлекается с юности. Поэт. Член РСП. Автор поэтического сборника «Душа». Печатался во многих журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет публикации во Всероссийском поэтическом обозрении «Красная строка». Участник Второго открытого чемпионата Балтии по русской поэзии (2013г.). Номинант национальной литературной премии «Поэт года». За вклад в развитие русской литературы награжден медалью «Александр Пушкин. 220 лет».

*Если мы хотим пользоваться миром,
Приходится сражаться.*
Марк Туллий Цицерон

И день уж на излете, догорает.
Война как тяжкий груз людских грехов,
Но раздастся звон колоколов,
Гоня мечту утраченного рая.
На поле боя солнца луч играет,
И неба синь, и стая облаков,

И «Град» разит безжалостно врагов,
Закат в крови — он тихо умирает.
«Гремит оружие, молчат законы».
И к миру двух враждующих сторон
Зовет печальный колокольный звон.
Приказ понятен: «Не жалеть патроны».
За хрупкий мир заплатим мы сполна.
Запели птицы и пришла весна.

* РСЗО «Град» — советская и российская реактивная система залпового огня (РСЗО) калибра 122 мм.

Здесь случайность витает над всеми.
На войне нет хороших людей,
Погибает красивое племя,
И становишься жестче, грубей.
Не жалеешь, что стал добровольцем,
И подарка не ждешь от судьбы,
Ты нашел свое место под солнцем,
Не свернуть уж с военной тропы.
Перед боем так тянется время...
Нужно выжить, охватит озноб,
Застучат тебе мысли под темя,
И покроет испарина лоб.
Выживает в бою расторопный,
И летят твои быстрые сны,
Вспоминаешь в трясине окопной
Интересную жизнь до войны.

«ЗА ЛЕНТОЧКОЙ»

«За ленточкой», здесь птицы не поют,
И дроны — голуби войны летают,
Здесь с Богом на устах на смерть идут
И молча за Россию умирают.
Твой дом далек, и за спиною срок,
В дорогу взял лишь оберег — иконку,
На кон поставил жизнь свою, браток,
Ты не вернешься на родную шконку.
Когда идешь по лезвию ножа,
В крови азарт, и с юморком на дело,
И от осколка только кровь свежа,
И радость — мимо пуля пролетела.
Здесь не бросают раненных в бою
И бьются до конца всегда бесстрашно.
Здесь братство и единство — все в строю.
В аду, пожалуй, будет жить не страшно.
«За ленточкой», здесь птицы не поют,
И дроны — голуби войны летают,
Здесь с Богом на устах на смерть идут
И молча за Россию умирают.

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

Плывут по небу облака.
Куда вас гонит ветер странствий?
Жизнь — это вечная река,
Не существует постоянства.
Грустит бездомная луна,
Блуждая в черной бездне ночи,

По жизни ты всегда одна,
И лишь костюм твой позолочен.
Бродяга — ветер — пилигрим,
Для всех приносишь перемены,
И вдаль уносишься, как дым,
Храня от глаз свои измены.
Твоя душа и только ты,
Какой тоской всегда томишься?
Ведь помыслы твои чисты,
К Творцу, наверное, стремишься.

РОНДО

Зачем страдать? Идешь с толпой крикливой,
Страдаешь ты душою сиротливой,
И видно: любит боль тебя всерьез
И ранит душу, как шипы от роз.
Прожить страдание — наш путь тоскливый.
Душа болит, ты не юнец сопливый,
И к жизни твой подход довольно прост.
Страдать иль не страдать — вот в чем вопрос.
Зачем страдать?
Мы все уйдем из жизни суетливой.
В страдании ты видишь мир счастливый?
Раскрыться боли дай, уйди без слез,
Как чашу с ядом мимо рта пронес.
Теперь ты знаешь, гордый, молчаливый,
Зачем страдать.

ПРОЩАЛЬНЫЙ БЛЮЗ

Прощай, его увез Харон,
Одна тоска от похорон.
Прощай, наш брат, сыграем блюз,
Был у него отменный вкус.
Он жизнь любил, теперь вот тлен,
Одна тоска от черных лент.
Играй, гитара, старый блюз,
Трубач надулся — важный туз.
Не плачь, гитара, старый блюз,
Его любили много муз.
Творцом был дан ему талант:
Был виртуозный музыкант.
А осень мечет желтый лист
И хулиганский ветра свист.
А осень мечет желтый лист,
Не скажет он: «Ребята, вист!».
Последний гвоздь вбил молоток,
На гроб упал земли комок.

НИКОГО НЕ ВИНИ

*Перенеси с достоинством то,
что изменить не можешь.*
Луций Анней Сенека

Жизнь жестока порой,
Оставайся собой,
И не жди от нее ты улады.
Как ты можешь судить?
Трудно все изменить,

И от зноя не требуй прохлады.
Смерть нельзя отменить.
Блиzkих нет. Надо жить,
Не беги от продажного века.
И с душою не спорь,
И себя не позорь,
Береги ты в себе человека.
Никого не вини
И судьбу не кляни,
Твоя песня еще не допета.
Честно крест свой носи,
Никогда не проси,
И не жди ты от Бога ответа.

СТАРИК

Зачем ты душу рвешь свою, старик,
И подвести пытаешься итоги?
И, как слепец, не видишь: проводник
Ведет Россию не по той дороге.
Ты жил в бараке, поднимал страну,
Народ стремился сказку сделать былью,
Но пробил час: корабль пошел ко дну,
Идеи коммунизма стали пылью.
Твоя душа, как выжатый лимон.
Старик усталый никому не нужен,
Жизнь пролетела, словно чудный сон,
На кухне ждет тебя холодный ужин.
И за собою зло ведет вождей
В стремлении к богатству и всеилию.
И нет конца страданиям людей.
Ты скуп на слезы — это от бессилия.

ВРЕМЯ

Время течет, и есть мера движения.
Время не ждет, совершает свой ход,
В мире рождает злодея и гения,
Годы летят, продолжает твой род.
Крутит оно колесо всей истории,
К власти стремятся другие вожди —
Умные, сильные знают теорию,
Только на практике счастья не жди.
Время безжалостно — смута и почести,
Славят его — золотого тельца.
Люди забыли про Божье пророчество,
Он уготовил им место слепца.
Мы же убого плывем по течению
С верой в сердцах своих, но без знамен.
Дело отцов мы предали забвению,
Властно разрушили нити времен.

ЦЫГАНСКАЯ ГРУСТЬ

Город вымер. Ни души.
Это все «корона».
В гости к Богу не спеши,
Просто нет резона.
На дворе в грязи листва.
Сумрачны рассветы,
Но душа твоя жива,

Ждет прихода лета.
Ты ушел в загул лихой.
Где же Божья воля?
Воет только ветер злой.
Рабья наша доля!
Словно, это не с тобой,
Плачет горько скрипка,
И горит душа тоской,
Под ногами зыбко.

БОСЯК

Легковерных надежда зовет за собой,
Но тебя не спасет даже чудо.
И тебе жизнь казалась уж слишком простой,
Но разбилась, как бьется посуда.
Ни кола ни двора за душой босяка
И свободен по жизни, как птица.
Отсидел ты свой срок от звонка до звонка,
Словно вырвал из жизни страницу.
Разорвать ты не в силах свой замкнутый круг,
Вот как лодка, привязан к причалу,
А причину тебе осознать недосуг:
Плохой плод от плохого начала.

*Свобода — это не то, что вам дали.
Это то, что у вас нельзя отнять.*
Ф. Вольтер.

Поэт свободе посвящает оды
И страстно воспеваает бунтарей,
И называет их «гроза царей».
Свобода и сегодня входит в моду.
Майданы не дадут тебе свободы,
Ты только пешка в шахматной игре,
Где власть невежд глаголет о добре:
В крови готова утопить народы.
Как госпожа ведет себя судьба,
Прожитый день тобой чернее смолы,
И на устах застыла лишь мольба.
Не плачь, мой друг, не жалуйся на долю.
Ты вытрави из разума раба
И душу отпусти свою на волю.

СТАНСЫ

*Не бойся смерти: пока ты жив — ее нет,
когда она придет, тебя не будет.*
Эпикур

1.
Шалит дитя, и мать корит его не строго,
В ее глазах — любовь к нему видна.
Дитя! Чудесно время детства золотого!
Свою ты душу сохрани, пройдут года,
В конце пути яви ее до Бога,
Прозрачную, как родниковая вода.
Рожденная душа лишь чистый лист бумаги.
Не написала жизнь пока суровой саги.

2.
Играючи парит над Волгой высоко
Воздушный змей в лучах волшебного заката,
И после дождика так дышится легко,
И грома слышатся далекие раскаты,
Плывут по лужам стаи белых облаков,
Пьянящей свежестью природа вся объята.
И, как воздушный змей, моя душа не чувствует года.
В моих мечтах она беспечна, молода.

3.
Луч солнца золотой играет на деревьях,
Блестит чуть серебром пожухлая трава,
Обходит ветер ледяной свои владенья
И голый лес. Природа вся мертва.
Поникла осень, проиграв сраженья.
Спешит зима вступить в свои права.
Луч солнца золотой, как нити судеб,
«А смерть когда придет, меня уже не будет».

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

Евгений Викторович Шепеленко родился 15.02.1958 г. в Белгородской обл. Детство и юность прошли в г. Мурманске. Окончил Самарский госаэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литжурналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат Третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013 г.), дипломант Пятого международного конкурса, посвященного С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы. Член РСПЛ. Стипендиат Министерства культуры РФ. Наш постоянный автор.

ОТЧЕГО

Тучи осенью серой плесенью
Околесено разрастаются.
Отчего-то мне так не весело,
Отчего-то мне не мечтается.
Мысли дерзкие, мысли скромные
Не живут во мне, не рождаются,
Лезут змеями в щель укромную,
В темноте сидят мысли, маются.
За порог ступлю — всюду месиво,
Краски темные грязью плещутся,

Оплеуху осень отвесила,
И ведет себя, как помещица.

СТРЕЛЕЦ

Шагнуть из осени да в зиму,
Под своды белого дворца,
Пора настала пилигриму
Под знаком меткого стрельца.
И пролетая по орбите,
Минуя запад и восток,
Его Юпитер-покровитель
Очередной пройдет виток.
Снегов нетронутая пашня
Взойдет дарами декабря,
И провожая день вчерашний
Займется новая заря.

БЛАГОДАТЬ

Под еловым одеялом,
Под покровом темноты
Путник прячется усталый
От дорожной суеты.
Спит домашнее подворье,
Не горит огонь в печах,
Вдалеке высокогорье
Небо держит на плечах.
За стеной чеканным шагом
Ходят старые часы,
Горизонт алеет стягом
Ярко-красной полосы,
Ткет фату Весне-невесте
Паутиновая рать,
В позабытом Богом месте —
Неземная благодать!

КУРИНЫЙ ГОД

Куриной походкою ворон
По первому снегу идет,
По тайным лесным коридорам,
В куриный семнадцатый год.
Там жирные, важные куры
Степенно гуляют в саду,
И дворник нетрезвый и хмурый
(такой же, как в этом году).
Он душу свою открывает
Блохастому рыжему псу
И водки себе подливает,
И режет на хлеб колбасу.
И что-то такое бормочет,
Чего не понять самому.
И песни орет среди ночи,
И плачет, жалея Муму.
Декабрь 2016 г.

ЧУДАКИ

Он был чудаком и людей сторонился,

Подолгу на небо смотрел и луну,
А как-то однажды решил и женился
Уже и не помнил, в какую весну.
Его раздражали домашние твари,
Капризные дети и голос жены,
Но очень душевно товарищ Гагарин
Всегда улыбался ему со стены.
И думал чудака о просторах Вселенной:
Что где-то на небе живут чудаки
И тоже мечтают и ночью и денно
О чем-то великом, и воют с тоски,
А утром, лишь только рассвет замаячит
И небо нырнет в зазеркалье реки,
Мы станем мудрей и духовно богаче,
Поскольку такие у нас чудаки.

Елена БАРАХОВА

г. Тула

*Елена Барахова
родилась 26 июня
1978 г. в г. Туле.
Окончила: школу №
60, Тульский сельхозколледж по специальности
«Экономист по бухгалтерскому учету» (с красным
дипломом), Тул ГУ по специальности «Системы
управления летательными аппаратами». В универ-
ситете окончила курсы журналистики под руковод-
ством Алтуниной Л. Д. и три года сотрудничала с
университетской газетой «За инженерные кадры».
В это же время стала членом областного литера-
турного объединения «Голос» под руководством
Адрианова Л. Б. Пишет стихи и прозу. Печаталась
в газете «За инженерные кадры». В 2002 году вы-
шла совместная с папой (Игнатовым А. М.) книга
«В период просветления». В нее вошли её стихи и
один рассказ. Участвовала в реконструкции сраже-
ния 1380 г. на Куликовом поле. Член областного му-
зейно-литературного объединения «Муза» при До-
ме-музее им. В. В. Вересаева под руководством В.
Ю. Ткач. Номинант на соискание национальной ли-
тературной премии «Поэт года» за 2023 г. и в до-
полнительной номинации «Дебют» за 2023 г. В
настоящее время работает в АО «КБП» ведущим
инженером-исследователем. Мать двоих детей.*

ПОСЛЕ... ПОБЕДЫ

Отполированы до блеска
Из грубой кожи сапоги.
И выстрел не раздастся резко,
Ведь все повержены враги.

Блестит медаль на теплой куртке,
АК-12 снят с плеча,
Не кофе заварили в турке,
Ведь наша встреча горяча.
По-братски вспомнить все, что было,
Про тех, кто с нами шел плечом,
Как в сердце что-то тихо ныло,
Как разобрались с палачом!
21.02.2023г.

Насте и Васе посвящается

Не проси «пять секунд услышать» у Бога
Проси лучше «Много...»!
Много дней и часов разговора,
Много ярких, счастливых лет,
Много мудрых слов или вздора,
Много нежности в ответ...
Много веры в лучшее время,
Много жизни, чтоб не взаимы,
Много силы — выдержать бремя.
Чтоб живым вернулся с войны!
Отправляясь на задание или в бой —
вернись, родимый, живой!
02.03.2023г.

Моему двоюродному брату Васе посвящается

Ты был нежности не обучен,
Ошибался, падал, вставал,
Жить по чести только приучен,
Всюду истину искал.
Дни летели мельканьем небрежным,
Пролетели куда-то года...
Нет, наверно, ты не был успешным...
Две жены, ну и сына-то два...
Не сложилось, не смог, не поверил,
Избежать боль разлук не дано.
Все же счастье ты сердцем измерил,
Хоть и кажется — было давно...
И сейчас среди земли и разрухи,
Среди холода, взрывов, могил...
Среди войны и победы (не слухи)
Любишь ты и Любимкой любим.
04.04.2023г.

Посвящается Саше (позывной «Поляк»)

Жизнь разделил на «до» и «после» случай:
На «до войны» и «после» разделил.
Страны избранник, вроде бы везучий,
За мир в России долгом отплатил.
Передний край, атака, оборона...
Дуэль снарядов, очень чуткий сон,
А в синем небе черная ворона,
И под ногами... мина... стон...
Жизнь разделил на «до» и «после» случай:
Осколки в теле, нет одной ступни,

Луганск, Москва... врачи: «Ну ты везучий!»
Протез и боль, кошмары, а не сны.
Учиться жить, жить заново учиться,
Поверить в то, что можно мирно жить,
Ведь невозможно в солнце не влюбиться,
Как невозможно и войну забыть!
12.04.2023г.

Леонид ЗОЛОТУХИН

Заокский район Тульской области

Золотухин Леонид Николаевич родился на Дальнем Востоке, школьные годы и большую часть сознательной жизни провел в поселке на берегу Охотского моря. Трудился электромехаником на телеграфе, в комсомольских, советских и партийных органах, на судах рыболовного флота. В 1991 г. переехал в Заокский р-н Тульской обл. Печатался в районной и областной периодике, во многих коллективных сборниках и альманахах, в «Приокских зорях», «Ковчеге» и в хрестоматии «Три века тульской поэзии». Выпустил три книги стихов. Член РСП. Постоянный автор нашего альманаха.

КРЫМСКИЙ МОСТ

(цикл)

МАХНЕМ НА ЮГ

Махнем на Юг. Себе дороже
Нам пекло в Туле коротать.
Пусть Провидение поможет
В пути поломок избежать.
От нас отводит непонятки,
Разборки с местною шпаной.
И непременно неприятность
Дорожной службы поставой.
Тогда недолгая дорога,
Всего каких-нибудь два дня,
Таит в себе открытий много
И постижений бытия.
Мелькнут воронежские дали
Ростовский Дон, и, наконец,
Дорога близится к Тамани,
И Крымский мост — пути венец.

ТАМАНЬ

С Тамани веско
Урчат колеса.
Уже известно
Прибудет в восемь.
Мелькают арок
Ажурье кружев,
Мостом недавно
Пролив обужен.
Полетом часек,
Дельфиной стаей,
Туманом чалым
Нас Крым встречает.
Ну, здравствуй снова,
Российский Крым.
Хвала приборам,
Горам твоим.
Раздолье моря,
Небес лазурь
И водопадных
Прозрачных струй.
Героев раны,
Тоска поэтов
И Зурбагана
Руины где-то.
Но первым делом
Взойдем, Бог даст,
К вершине смелых,
На Митридат.

КОКТЕБЕЛЬ

Чудным названием
поселок манит,
петлей дорога
на Карадаг.
Виденьем моря,
мечтой обманет,
здесь все немного
совсем не так.
Поселок будто
слегка взъерошен,
нет середины,
все накосяк.
Прославлен миру
поэт Волошин
и Черубина
де Габриак.
К вершинам горным
потоком взмоют
на звонких крыльях
планеристы.
Внизу же рвутся
купаться в море
сверкая ...опами
нудисты.
Понять не сложно
весь Коктебель:
закрытость душ,
открытость тел.

СУДАК

По серпантину бежит машина,
Точнее, тащится едва.
Дорога вверх нещадно бита,
Одна сплошная колея.
Напрасны тещины старанья
Нас языком не испугать.
Но для машины испытанье
Таким асфальтом проезжать.
То вверх, то вниз, но все же выше,
Манит вперед Драконий Зуб.
Взят перевал. А дальше? Тише,
Лиса дорогу «держит» тут.
Пригелась рыжая плутовка,
Дань собирая с новичков.
Кто платит, вывернется ловко.
Дал по газам и был таков.
А нам проезд загородила,
Хвостом, как жезлом, повела,
К обочине остановила
И путь надменно перешла.
С лисой не стали спорить боле,
Быть может, это свыше знак.
Вернулись взад по лисьей воле,
Так и не видевши Судак.

СТАРЫЙ КРЫМ

Старый Крым и новый Крым,
Вместе вам не тесно,
Коль под воздухом одним
Старитесь совместно?
Магистралью шины мчат,
Молодость играет.
Звон копыт былых крымчан
Город забывает.
Вдоль дороги тополя,
СТО, заправки
Поменяли почем зря
Лошадей на авто.
Здесь на улице одной
Церкви и мечети.
Уживаются давно
Добрые соседи.
Но гляди по сторонам,
Нового приметы:
Замечаю тут и там
Лавки да маркёты.
Зазывают посетить,
Приглашают в гости,
И в музее побывать,
Городском погосте.
Город новый не забыл
Времени седины.
Старый Крым и новый Крым,
Вы теперь едины.

НА СТАРОКРЫМСКОМ КЛАДБИЩЕ

Напрасно ищешь непокая
На старом кладбище в Крыму,
Здесь, чуткий сон оберегая,
Листва трепещет на ветру.
Покойно все, бывшие страсти
И бури чувств укрощены
И безмятежно, безучастно
Цветов головки склонены.

1. У могилы А. Грина

Манящий в неизвестность
И путешествий грез,
В деревьях обрамленье
И окруженьи роз.
Пленительный мечтатель,
Таинственный моряк
И кормчий, и создатель
Стремящихся к морям.
Нас вырвавший из плена
Привычной суеты,
Безвременья и тлена,
Поверивших в мечты.
В Бегущую по волнам
И к Алым парусам,
Чтоб ветрами наполнить,
Их курс на чуда.

2. Юлия Друнина

Солдатская мадонна
Как совесть прежних лет,
Стихами окрыленна,
Струит волшебный свет.
С неженскою судьбою
И ношей боевой,
Где жертвуют собою
За будущий покой,
Где судьбы на изломе,
На грани бытия
И в вечном непокое
Не ведают вранья.
Всего-то нужно б место
И время для тепла,
Чтоб рядом повсеместно
История жила.
Но это много слишком
Для власти роковой.
... Ушла к своим братишкам
Сестричкой фронтовой.

НОВОФЕДОРОВКА

На улице Героев —
Героев имена.
Казалось бы, давно уж
Закончилась война.

Но прошлого уроки
Не всеми учтены,
И новые полеты
Тревожат чьи-то сны.
А новые Герои
Стремятся к прежним в ряд,
Бороться за святое
И правое хотят.
Стоят в строю едином
Герои прошлых лет,
Лишь тусклая патина
Сегодняшнего след.

ХЕРСОНЕС

Былинного расцветы,
Знаменья смен эпох,
В камнях Херсонеса
Трагедия веков.
Над бухтой и над стройкой,
Лесами приодетой,
Опять кружится тройка
Российских вертолетов.
Слегка насторожилась
Тревогой тишина,
Вверху радара крыльев
Размашистость видна.
А рядом поэтажно:
И выше, и в длину
Дома растут протяжно,
Подвинув старину.
Парад самозабвенья,
И золотой налет!
От времени теченья
Вас роскошность не спасет.

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Звездное небо над Крымом,
Ночь и тепла и тиха.
В легком тумане залива
Чья-то шаланда плыла.
Падали звезды сгорая,
Может, успел загадать
Кто-то влюбленным свиданье,
И пожелания ждать.
Мерное моря мерцанье,
Вдаль уплывают огни.
А над заливом звучанье
Древнего, вечного: «Жди!»

ПРОЩАЙ, КРЫМ

Ну что ж, прощай. Навряд увижу
Тебя когда-нибудь еще.
Спасибо за приют, за крышу,
За лунный свет и за тепло,
За легкость строк. Душа в порыве
Восторги в строчки облекла.
За домик Грина в старом Крыме,
За лисий след у Судака.

За моря шепот под ногами,
Дельфинов стаи, паруса,
За то, что две недели с нами
И сказка, и мечта жила.
Спасибо, Крым! Твои Герои
И повесть беглая о них
Так много в нашей жизни стоят,
Им место в памяти живых.
Спасибо, радостным событиям
И ярким солнечным лучом
Наполнил августовский быт мой,
И долгой памятью о нем.
август 2023 г.

Виталий КУЗНЕЦОВ

г. Новочеркасск Ростовской области

Виталий Владимирович Кузнецов родился 24.02.1955 г. в г. Таганроге Ростовской обл. По отцу — донской казак. Отец из станицы Вешенской — родины М. А. Шолохова. По матери — туляк. Образование: Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Долгие годы работал по оборонной и космической тематике в ОКБ «Орбита» (г. Новочеркасск). С начала 21-го века работал в области электросвязи в филиале компании «Ростелеком». Стихи начал писать поздно — в зрелые годы. Печатался в нескольких сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске, Гомеле, Северо-Муйске. В 2013 г. в Новочеркасске вышел сборник стихов «Прощание с миром». В 2014 г. вышло повторное и расширенное издание. Наш постоянный автор.

ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Дни разгораются длинные
Летнего солнцестояния.
Улицы странно пустынные —
Чувство такое, что я не я.
Чудится, видится — я плыву
Медленно, медленно, медленно.
Словно во сне я — не наяву:
Нет меня, нет меня, нет меня.
Будто бы раненый ранее
Молча бреду я сквозь марево.
Быстро прошло утро ранее —
Скоро вечернее зарево.
Жизнь обративший в пустыню я,

Жду и надеюсь пока еще...
Но далеко небо синее —
Близко земля так пугающе.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Самые короткие дни,
Самые тревожные сны.
Стужу предвещают они —
Словно и не будет весны.
Где-то заблудился рассвет.
В гамме цветовой темный тон.
Черный вместо белого цвет.
Давит угнетающий фон!
Словно неизбежен кошмар,
Землю что захватит в полон.
...Маленький смешной круглый шар
Злу открытый с разных сторон!

ДУША

Все отлично, и жизнь хороша!
Просто хочется петь и лететь.
Ничего не болит — разве только душа,
Но душе и пристало болеть.

ВЕСЕННИЙ ЗАКАТ

Весна запоздалая.
Стоит вода талая.
Полоска закатная
Тревожная, алая.
Закатное зарево —
Как жизнь разбазарена!
Порою занятая,
И все ж неудалая.
Наполнено холодом
Закатное золото.
Погода невнятная,
Природа усталая.
Сойдет вода талая.
Как жажду начала я:
Дорога обратная,
Судьба небывалая!
Весна запоздалая,
...Вся жизнь — запоздалая!

О ЗЕМНОМ И НЕБЕСНОМ

Навстречу друг другу мы шли
Дорогой тревог и ошибок.
Хотелось нам твердой земли,
А путь был извилист и зыбок.
И так нам хотелось взлететь,
От топей гнилых отделиться!
Остаться внизу — это смерть.
Взлететь — ближе к Богу стремиться.
И вот мы друг друга нашли.
На своде небес повстречались.

Печальные лики Земли
В отринутом прошлом остались.

СМЕРТЬ ПИИТА (иронические строки)

«Все перепуталось, и некому сказать...»
О.Мандельштам

Великое стихотворение,
Нечаянная благодать,
Невиданное озарение —
Да поздно все это, видеть.
Ниспосланное вдохновение
Вот жалко — пора умирать!
Все глубже, сильнее агония.
Земного осталось: кровать
И чахлый цветок — бегония.
Кто будет его поливать?
Божественный гаснет огонь, и я
Уже не сумею летать!
Лежит карандаш заточенный —
Никак мне его не достать.
Стих выверенный отточенный —
Его только не записать.
На жизнь мой билет просроченный.
И нового негде мне взять!

УХОДИТ

На древе жизни еще кольцо —
Точней, петля!
Чужим я вижу свое лицо.
Идет все зря.
Закат пылает — очаг тоски.
Длиннеет тень.
Из жизни тихо, по-воровски,
Уходит день.

ЖИЗНЕННЫЙ КРУГ

Замыкается жизненный круг.
Заполняется точка за точкой.
И я понял не сразу, не вдруг,
Что живу я как волк-одиночка.
Страшно выйти за проклятый круг—
Обрамлен он как будто флажками.
Сам себе я единственный друг.
И тяжел одиночества камень!
Пару раз выбегал я за круг.
Утопал в новизне, восхищался!
Но включался врожденный испуг—
И не сдюживал я, возвращался.
Пусть сужается в круге зазор.
Мне-то что, мне уже не так важно.
И слабеет побега задор,
И не хочется действий отважных.
Я останусь навеки в кругу,
Ближе к центру стараясь держаться.
Я же волк, выйти «За» не могу.
В круге я обречен оставаться.

МОЙ ДРУГ КОШКА

Мерседесная мордочка кошки
Повернулась ко мне настороженно.
Захотелось ей ласки немножко —
Значит чем-то душа растревожена.
Что ж, и мне захотелось участия.
И в душе настроение скверное.
Хоть мастак в поэтической части я,
В жизни многое сделал неверно я.
Ну давай исправлять ситуацию —
Вместе сделаем дело любимое:
Ты за птичкой взлетишь на акацию,
Я ж исправлю все «неисправимое».
Я желанной скажу, что желанная —
Слишком долго продлилось молчание.
И стихи я доделаю ранние,
Что пылились в чулане сознания.
А потом мы отметим события,
Я куплю тебе корм восхитительный.
Приступ наш пессимизма забьт, и я
Начинаю свой путь победительный!

НЕДЕЛЯ КАК ЖИЗНЬ

Семь дней как семь десятилетий:
И время то, и время это.
Закончится однажды то, и то.
Износится как старое пальто.
И в понедельник ты ребенок,
Смешной веселый жеребенок.
Движению любому просто рад...
Пошел десятилетий быстрых ряд!
Прекрасна вторичная юность.
Увы! Она не затянулась.
Ушла есенински, как будто дым,
И я не буду больше молодым!
Среда — основа, сердце жизни.
Все чаще смотришь с укоризной
На собственную в жизни суету
И рядом женщину — совсем не ту.
Четверг, вторая часть недели,
Как быстро годы полетели!
Закат гораздо ближе, чем рассвет.
И слово «Да» все реже, чаще «Нет».
Разжат кулак десятилетий:
Пять пальцев — пятьдесят на свете
Тебе награда. Хочешь — получай!
О смерти вспомни словно невзначай.
А там суббота, выходные...
Но близятся года такие,
Когда пугает слово «Выходной».
Оно как шаг, как выход в мир иной.
Но есть надежда — воскресенье.
Не просто день — души спасенье!
Бросаешь в прошлое спокойный взгляд.
Ведь завтра новый день — продлится ряд!

ПРЕДЗИМНЯЯ ЛЮБОВЬ

Время осеннее, радость как летняя!
Здравствуй, любовь молодая, последняя.
Радует душу предзимняя оттепель.
Я стал иным — неизбежно влюблен теперь.
Я удержу тебя, птицу небесную.
Жизнь зазвонит наша радостной песнею.
Не ощущаю я времени бремени.
Я не устал — я из сильного племени!

АЛЛЮЗИИ

Устал выходить
один на дорогу.
Я стал глупо жить,
но внемлю я Богу!
Умчался мой конь
весеннею ранью.
В душе не огонь —
я будто бы ранен.
Как много застал
я чудных мгновений!
Да видно устал —
все больше сомнений.
Ведь жизнь прожита.
Своя ли? Чужая?
В душе пустота...
Вот место для рая!

Владислав БУСОВ

г. Кашира Московской области

Владислав Сергеевич Бусов родился в 1946 г. в г. Мариуполь. Автор «Зодиака» — каширского литобъединения. Стихи и переводы публикует во многих коллективных сборниках, литературных журналах и альманахах в России и за рубежом. Лауреат литературного конкурса «Звездное перо» им. Георгия Кольцова, дипломант Восьмого международного поэтического конкурса ПАНИ, номинант IX международной поэтической премии «Образ», финалист премии им. Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» (2021 г.) в номинации «Переводы». Занимается переводами на русский язык из украинской и болгарской поэзии. Постоянный автор нашего альманаха.

МОСКВА, ТЫ ЗЛАТОГЛАВАЯ СТОЛИЦА

Москва, хранимая Всевышним ты столица,
Тебе быть Третьим Римом суждено,
Где на семи холмах витийствует зарница —
Иного в этом мире не дано.
Москва, ты златоглавая в веках столица,
России сердце и ее судьба.
С Отчизной дан тебе знак возродиться,
Об этом наши помыслы, мольба.
Живи, Москва, живи, Всяя Руси столица,
Живи и с каждым годом процветай,
И миллионы лиц, державная десница,
Ты под свои знамена собирай!

РОССИЯ

Лугами росными красива,
Нежнейшей синевою небес.
Россия — в этом слове сила,
Звучит священный благовест.
От предков славных получила
Ты стойкость духа на века.
Пройдя суровые горнила,
Отпор давала всем врагам.
Россия, ты добром красива
И состраданием полна.
Самоотверженная сила,
Непобедимая страна.

*Посвящается городу Михайлову,
древнейшему городу Рязанского
княжества*

На холме высоком крутолобом,
Что над речкой Пронею стоит,
Видится в пути моем далеком
Древний город, на Руси гранит.
В кружевах деревьев изумрудных,
В старом красном кирпиче домов
Узнаю я прошлое подспудно,
Слышу перезвон колоколов.
Церковь в незапамятные лета
Здесь была, остался лишь макет
В краеведческом музее где-то,
Так суровый выполнен декрет.
Где же вы, старинные лабазы,
Где телеги скрип и зов купцов?
Не бывать уже другого раза
Для раскаянья глупцов.
Все прошло и только даль степная,
Широта округи на века.
Да внизу по-прежнему играет
Змейкой шаловливая река.

АРБАТ

Как будто слышу тот Арбат,

Трамвая довоенный звон.
И, как пронзительный набат,
Мою тревожит душу он.
Булыжный камень мостовой
Сменен на плиточный наряд.
Я вновь ступил на берег твой,
Стоит столбов фонарных ряд.
Тебя под струнный перебор
Воспел с гитарой Булат,
Теперь под аркой в детства двор
Шагает в бронзе славный бард.
Арбат, как повесть, я прочту,
Где Мишка с Генкой Рыбакова
Полны осуществить мечту,
В поход они идти готовы.
Ты изменился, мой Арбат,
Стал туристической Меккой.
Прощальный посылая взгляд,
Тебя запомню прошлым веком.

ПОДМОСКОВЬЕ

Подмосковье мое, Подмосковье,
Я приеду к тебе на зимовье,
В белоснежную рощу войду,
В новогоднюю сказку во льду.
Белку встречу, а может быть, зайца,
С ними рад я не раз повстречаться.
Ну, а если мне вдруг повезет,
Дед Мороз по тропинке придет.
Подмосковье мое, Подмосковье, —
Это роща и хлебное поле,
И безоблачная синева,
И вечерней зари кружева.
Это реки, луга и озера,
И далекие вехи простора,
Где глубинная связь всех времен,
Где навеки дух русский силен.
Не забыть мне тебя, Подмосковье,
Повторяю об этом с любовью.
Навсегда очарован тобой,
С Подмосковьем я связан судьбой.

ЯБЛОНЯ

В холодный вечер яблоки лежали,
Скатившись в кучку на сырой земле.
И не было в тот час иной печали,
Чем осень близкая уже к зиме.
А яблоня все на ветру стояла,
Роняя яблоки, теряя речь.
И ветви, словно руки, наклоняла,
Детей своих стараясь уберечь.
Все лето яблоня детей растила,
Весной одевшись в чистый белый цвет.
Им без остатка отдавала силу
Любви, несущей мирозданья свет.
Все матери на свете так бесценны,
Детей в душевном пестуют тепле.
Так будьте, матери, благословенны —
Источник вечной жизни на земле!

МАРЬИНА РОЩА

Уголок сохраненной природы,
Тополей с яркой зеленью своды.
Нежность тонких прозрачных берез,
И рябины зардевшая гроздь.
Нет подземного гула метро,
И дыханье свободно, легко.
Во дворах и на детских площадках
Тень играет с лучом ярким в прятки.
Хорошеешь ты светлыми днями,
Все проезды свои сохраняя.
Твои улицы прямолинейны,
Я шагаю по ним с умилением.
Мозаичным веселым панно
Мне запомнить тебя суждено.
Место встречи с тобой навсегда
Пронесу через жизни года.

Просторы вольные России,
Путей нехоженых края.
Немереной полна ты силы,
Россия, Родина моя!
В часы сражений за свободу
Ты сохранила стойкий дух,
Извека твоему народу
Не быть оравую прислуг.
К твоим истокам возвращаюсь,
Тебе мои слова мольбы.
С тобой, Россия, не расстанусь —
Предначертание судьбы!

Ароматом сирени бульварной,
Легким шелестом майской листвы
Опьянен, навсегда одурманен
Тихой прелестью старой Москвы.
В переулочке кривоколенном
И в домах у Никитских ворот
Неразрывная связь поколений
Чередой годами идет.

Я пью подмосковное небо,
Бездонную голубизну.
В лучах златокудрого Феба
Ее замечаю одну.
Не может ничто с ней сравниться,
Лазурь в небесах хороша.
И, будто бы вольная птица,
В порыве взлетает душа.
Иду в этой жизни по полю,
По русскому полю иду,
И лучшей не надо мне доли —
Под небом с собой быть в ладу.
Я пью, упиваюсь я небом
В лучах златокудрого Феба...

София МАКСИМЫЧЕВА

г. Ярославль

София Максимычева (1964 г. р) родилась и живет в Ярославле. В детстве опубликовала рассказ в «Юном натуралисте». Училась в техническом вузе. Работала на радио, в государственных и медицинских учреждениях. Печаталась в журналах: «День и ночь», «Нижний Новгород», «Эмигрантская лира», «Дальний Восток», «Казань», «Журнал ПОэтов», «Южная звезда», «Приокские зори», «Бельские просторы», «Ренессанс» (Киев), «Менестрель», «Новый Свет» (Торонто), «Крещатик», «Дон» и др. Дипломант литературного конкурса им. М. М. Пришвина «Хранители Природы». Шорт-лист всероссийского литературного конкурса к 200-летию И. С. Тургенева «Родине поклонитесь». Финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» (2018 г.) и многих других. Автор четырех поэтических книг. Постоянный автор нашего альманаха.

Разойдется зима,
развернется навстречу,
не сошла я с ума,
просто время не лечит.
Я глотаю не лед,
тишину вековую,
боль сама не уйдет,
пусть живу, но тоскую.
По истертым камням
в основании речи,
где дрожит полынья
и слышна издалече
бубенцовая быль
пристяжных на изломе.
Догорает фитиль
в архаичном проеме.
И зачем это все?
Не понять, не растрогать,
будто в сердце вонзен
староверческий коготь.

ФЕОДОСИЯ

I.

Скинешь тяжелый лапотъ —
в небо — а он уплыл —
щей не хлебать...

Да ладно...

Хлебушек-девясил
месишь рукой послушной —
веришь: зима пройдет.
Дует в окно пастушки
седобородый мот.
Время ему — осколки,
люди ему — шуга.
В солнечный срок подсохнут
вымокшие луга.
Будет и мед и жито,
пчелы и птичий грай.
Пусть голова обрита,
трогает небо край,
берега мутной речи,
мертвую птицу и
ставит на небе свечи.
Отче, благослови.

II.

Дерзкий норов послушнее рта.
По дошедшим до неба не плачут.
Крест охранный — да шелков гайтан,
что удавка на шее цыплячьей.
Налетит в родовое гнездо
беспородная рыжая стая,
обложившая Богово мздой,
на полушку о Боге не зная.
Из саней, словно выверт зрачка,
позволяет увидеть иначе,
как летит голова с кондачка...
Ветер вьет разговоры собачьи
с лаем людским в юродивый звук,
у боярыни мерзлые щеки.
Воздух колок, игольчат, упруг.
Под полозьями снег кособокий,
грязно-мертвый, что маска лица.
Ощетинится рухлядью шуба,
порхнут птицы в глазах чернеца,
чертыхнется старуха беззубо,
двоперстьем сурово крестясь,
не отрекшись... До лика льняного
вдруг дотянется солнечный князь,
не бывать на Руси по-иному.

Зарастает дом ледяной травой,
изо рта его выпадает зуб,
только чуешь ты — он еще живой,
и жива душа — деревянный сруб.
Вот возьмешь бывало его, прижмешь,
и давай баюкать — мол, спи да спи...
И стучится в окна озябший дождь,
будто вяжет облако пара спиц.
Ну а ты жалеешь его и птиц
и качаешь тихо гнездовья, и
паутину снимаешь с родимых лиц,
и опять поешь о своей любви.

К ПОЭТУ

Что тени, если мыслей череда
Распространяет всюду темноту?
На подступах — отчаянье, беда
И демоны, которых в мире чтут.
Надломленная жизнь, где иногда,
Едва переступив через черту,
Ты видишь очарованную даль
И веру, и надежду, и мечту.
Что слово и язык твой, поэт?
Когда ты, пожираемый тоской,
Твердишь, что нет любви и Бога нет.
А дни текут безрадостной рекой.
Но кто тогда дарует людям свет
И благодатную силу, и покой?

СУЗДАЛЬ

Забелило снегом Суздаль:
и деревья, и дома.
Ветер колок и разнудан
лезет к гражданам в карман.
Щиплет теплые запястья,
за мизинцы тербит.
Из огромной льдистой пасти
снег летит, летит, летит.
Вот уже сугробы ростом
с Богородицы собор;
не пробраться завтра просто,
надо брать с собой багор!
И долбя по ходу льдины,
рвать за хлебом с молоком
в полушубке из овчины —
где по верху, где ползком.

ИСТОЧНИК

Не говори посланцу [из Храма]: «Ведь это ошибка!»
(Экклезиаст, Глава V, стих 5)

Дым тугоухий рвется в небо,
по крыше бродит теплый кот;
я помолюсь Борису с Глебом,
авось вражда «на нет» сойдет.
И станут добрыми соседи,
взаимы лошадку мне дадут;
не дожидаясь гололедец
в сарай проложим с ней маршрут.
Оттуда вывезем пуд соли,
перекрестясь на купола,
навстречу дьякон Анатолий
мне попадется: — Как дела?
— Зима становится суровой,
ее нам разве одолеть?
Пробормотал: — В молитвослове
на все вопросы есть ответ.
Над головой висит коврижка,
медовый бок утоп в ночи,
и пусть холодного с излишком,
всяк словом Божьим излечим.

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

*Ольга Геннадьевна
Карагодина родилась в
Москве. В 1981-м г. окон-
чила МБТ по специальнос-
ти «Библиотековедение».
Работала библиотекарем, секретарем-референ-
том, методистом. Пишет прозу, бардовские песни
и исполняет их. С 2009 г. работает оргсекретарем
в АРЛ. Член МГО СПР. Наш постоянный автор.*

РАСПЛЕСКАЛСЯ ЗЕЛЕНЬЮ ЛЕС

Расплескался зеленью лес,
Раскидались ветками ели,
И, казалось бы, ждать чудес,
В это чудное летнее время.
Время солнца и дивных цветов,
Пенье птиц до утра не смолкает,
И в России не счесть уголков,
Где душа вольный дух испытает.
Обнимает с небес синева
Все живое на этой планете.
Но обманчив лик колдовства,
Разбивая мечты о лете.
В небе гром и осколки летят,
Убивая жизнь на излете.
Смотрит ввысь неразумный малыш,
На кусочки железа в полете.
Мама молится: «Боже услышь!
Отведи беду от сыночка!»
И собой малыша закрыв,
Прикрывает глаза платочком.
И осколки вдруг разошлись,
Синева их вокруг раскидала.
И смеется счастливый малыш,
Словно жизнь началась сначала.

ШТУРМОВАЯ ДИВИЗИЯ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ

Стражники неба ночью не спят,
Утром и в полдень зорко глядят,
В небе и в поле играет оркестр.
Штурмовая дивизия семьдесят шесть.
Голубые береты, нож, автомат,
Тельняшка, ремень и запасы гранат.
Одесса и Керчь, Крым и Донбасс,
Косово, Грузия и Сталинград.

Любимая в Пскове десантника ждет,
Душою незримо его бережет.
Знает десантник: за любовь и страну
Ни пяди земли не уступит врагу.
Бьет англосаксов, германцев, французов,
Били их Сталин, Суворов, Кутузов.
Пылает и стонет от ига Донбасс.
Бесы и нелюди прочь с наших трасс.
Честь и отвага, воля и месть,
За Родину подвигам ратных не счесть.
В небе и в поле играет оркестр.
Штурмовая дивизия семьдесят шесть.

Стихотворение написано по просьбе бойцов десантно-штурмовой дивизии 76

КОРОТКО О ВОЙНЕ (Героям Донбасса)

Болит душа, болит,
и боли нет конца...
Горит земля, горит,
и правда до конца.

Раз в сто лет надвигается зло,
выпал жребий и нам... так свезло.
Словно кто-то в сто первый раз,
проверяет на прочность нас.

(Рамзану Кадырову)

Бойтесь! Бойтесь бандерлоги,
Видит вас давно Рамзан.
Ближе! Ближе бандерлоги,
Не поможет вам шаман.
Не шумите, не крутитесь,
Вы гурьбой возле лиан,
Жили б мирно, было б тихо,
Не пришел бы к вам Рамзан.

Ой... паны, куда же вы?
Аль боитесь войны?
Вы не бойтесь шляхтичи,
Вы всю жизнь кудахтиче.
Вы историю читайте,
И молитвы вспоминайте.

Владимир ПОРЯДОЧНОВ

г. Тула

Владимир Иванович Порядочнов — член Ассоциации социальных сподвижников Президента России, член Императорского палестинского православного общества, участник ВОО «Трудовая Доблесть России», заместитель председателя Пушкинского комитета, руководитель Тульского регионального отделения Пушкинского комитета. Туляк, с отличием окончил Тульский политехнический университет и работал по специальности в КБ Приборостроения с 1978 по 1991 г. Прошел стажировку в МВТУ им. Баумана в Москве. Литературным творчеством занялся уже в зрелые годы. Номинант национальных литературных премий: «Поэт года» (2018, 2019, 2020, 2022, 2023), «Наследие» (2018, 2019, 2021, 2022, 2023), литературной премии им. Сергея Есенина «Русь Моя» (2018, 2019). Номинировался во всероссийском конкурсе «Георгиевская Лента», «Антология русской поэзии 2023» и участвовал со стихами в Альманахе «75 Лет Победы». От Российского союза писателей награжден: юбилейной медалью Маяковского в связи с 125-летием поэта, памятной медалью «Афанасий Фет 200 лет», памятной медалью «Федор Достоевский 200 лет», звездой «НАСЛЬДІЕ» (2022).

МОЛИТВА «ГОСПОДЬ, ВСЕСИЛЬНЫЙ, ВСЕДЕРЖАВНЫЙ»

Господь, Всесильный, Вседержавный,
Я — недостойный грешник Твой,
На многие лета судьбой
Свой крест несу посильный, главный.
Прими молитвенное слово
В родных мне храмовых стенах;
елем воздух здесь пропах,
и эта благодать мне не нова.
Предстану взором перед ликом,
Черты знакомые узрев,
Он в православии из древ
В иконных списках, в базиликах.
Я отстранюсь от дня мирского
Душой в молитве просветлюсь,
Щепотью сам перекрещусь,
Мой дух смирен, я в храме снова.
Молитва «Отче наш» — знакома,
Ее на службе все прочтем,

О светлом думая, своем
Перед престолом, как у дома,
Где красный угол и иконы
Святейшей силою вольны,
Их взору в нас грехи видны,
В них есть исток от веры полной.
6 марта 2023 г.

О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ

Венок сонетов

С высот Парнаса видятся сюжеты,
открытость тем с небес благих видна;
в когортах с древних пор идут поэты,
в строю их — муза, и она одна.

Из твердых форм исписаны сонеты,
строками бродит мысли глубина.
Пасуют перед истиной клеветы,—
им не доступна истина вина.

У классика в стихах найдем ответ:
в стопе строфы размерность идеальна
на протяженьи творчества всех лет.

В терцетах ритмика у строк зеркальна,
у белого стиха рифмовки нет;
ошибка в сбое стоп — весьма фатальна.

1.
С высот Парнаса видятся сюжеты:
поэты прославляют времена,
читатели благодарят за это
и знаменитостей чтут имена.

В суетности веков немало тщеты,
в годах отрада мудрости дана,
звучат и пишутся рукой наветы,—
подметные злодеев письма.

Творцы поэзии всей прозы выше,
запрет привычен, как стена,
талант восторженно от сердца пишет.

На лире зазвучит в ночи струна;
ее напев лавин сошедших тише,
Открытость тем с небес благих видна.

2.
Открытость тем с небес благих видна,
а творческие люди все ранимы.
Как чтит поэтику затем страна?
Строкой, пером мы по ночам томимы.

Луна, как призрак, всходит из окна,
поэты не актеры и не мимы,
их верный друг — немая тишина,
с отшельником в ночи они сравнимы.

Важнее канделябра теплый свет,—
свеча поэту подает ответы,

огня загадочнее в мире нет.

Поэтам не привычны эполеты,—
у лиры, музы служат много лет,
в когортах с древних пор идут поэты.

3.
В когортах в древних пор идут поэты:
венец признания — их Рубикон,
с пером гусиным, в туники одеты,
силлабо-тоника для них — закон.

Поэтам не пристало ждать советы,
к Парнасу движет строем легион,
(Из разных лет, эпох они одеты),
при жизни им не предоставлен трон.

Творцы мечтают осенью и летом:
туманов молоко, как пелена,
поможет написать пером об этом.

Восторжен стих, в нем мысль — она важна,
знакомо слово авторам-поэтам,
в строю их — муза, и она одна.

4.
В строю их — муза, и она одна.
Среди иных есть Данте Алигьери,
Италии — творец, величина,
«Комедия» его из тем, мистерий.

Онегина строфа всегда слышна:
среди потомков — образец творений
в поэзии, что вечна и нужна,
едина в одобрении и мнений.

Не счесть в ряду талантливых имен
в эпохах, странах голубой планеты.
Пусть кто-то в Маяковского влюблен,

а кто-то любит раздавать советы.
В поэзии — особенный резон:
из твердых форм исписаны сонеты.

5.
Из твердых форм исписаны сонеты, —
из Франции, Италии клише,
не ведали о том апологеты
и незабвенный в пьесах Бомарше.

Встречаем в классах нынешних портреты:
Некрасов, Фет, Волошин, Беранже.
А песни на стихи еще не спеты,
но живы с нами в сердце и душе.

Нельзя не вспомнить Гумилева,
гордиться может им моя страна,
и с ним мы знаем Соловьева.

Талантам ипостась творца дана,
поэт — творец пера и слова;

строками бродит мысли глубина.

6.

Строками бродит мысли глубина.
приходит вдохновение и муза.
Скрипит перо, течет строфы волна.
Поэт и лира — вот восторг союза!

Для творчества поэту жизнь дана,
легка стезя и вовсе не обуза, —
метафоры и рифма не бедна.
Корней писал стихи для карапузов.

Цветами звались символы любви,
от них хранили взрослые секреты,
новорожденных как не назови.

Привычно дети ждут от нас ответы,
но явь порой расписана в крови:
пасуют перед истиной клеветы.

7.

Пасуют перед истиной клеветы,
дуэль вершила дело, пистолет.
Зима на Черной речке, а не лето,
судьба оборвала поэта след.

Как соблюсти от Библии заветы,
без списка Форбса сибаритов нет.
Христа продав за тридцать три монеты,
Иуда кончил жизнь в расцвете лет.

Слова есть ключевые: мир, свобода;
а жизнь всего единожды дана,
веленье взора, сердца — это мода,

Но блажь среди людей всего — одна:
их Бахус посещает год от года,
им не доступна истина вина.

8.

Им не доступна истина вина,
кто в безвременье с Вакхом пропадает,
с утра проводит время до темна,
в небытие душою улетает.

Фортуна на поверку холодна,
из рук ловца жар-птица исчезает,
а годы прожигаются сполна,
и лед весной от солнца скоро тает.

О, Мефистофель, жизнь так коротка,
Ты губишь словом на закате лет,
Взгляни: плывут по небу облака,

Их ветер, как печаль, уносит вслед,
все видится от лет и свысока,
у классика в стихах найдем ответ.

9.

У классика в стихах найдем ответ,
откройте том известного поэта:

Денис Давыдов, славный друг побед,
Легко строфу герой писал с рассвета,

Гусарством забавлялся, как корнет,
но не замечен в строках триолета;
однако был известен сердцеед,
а даме не хватало роз букета.

Ушли, однако, молодыми все,
не долог путь поэта, как ни странно,
мечтали и писали при луне,

А наша жизнь в конце всегда фатальна,
творения останутся стране;
в стопе строфы размерность идеальна.

10.

В стопе строфы размерность идеальна,
так повелось от прежних лет в письме.
Поэзия духовна и ментальна,
в ней вьется мысль, подобная тесьме.

А мысль поэта образна, спонтанна,
приходит озарением во сне.
Строка, рождаясь только виртуально,
звучит невнятно и наедине.

Ты — автор и поэт, и гений слова,
в когорте из творцов ты наш сосед,
строфа твоя неповторима, нова.

От хиромантии хватает бед,
стезя поэта так сложна, сурова
на протяженьи творчества всех лет.

11.

На протяженьи творчества всех лет
цените день и каждое мгновенье,
услышите, братья, дружеский совет, —
бывают недомолвки и сомненья.

Без ссор бывает праздничный обед,
мириться каждый раз без промедленья,
кто молод, или опытен и сед, —
всем мудрость моя в слове наставленья.

А мы на грабли снова наступаем,
но помним, что поэза музыкальна,
в размолвках жизнь тихонечко латаем,

Слова с делами пишутся астрально,
в сонетах строгость рифмы отмечаем:
в терцетах ритмика у строк зеркальна.

12.

В терцетах ритмика у строк зеркальна.
Стихами воспевается любовь,
в катренах точность рифмы не случайна,
сонеты повторяем вновь и вновь.

Ромео и Джульетта — эпохальны,
сюжет Вероны — в жилах стынет кровь.

История стара, но уникальна,
влюбленных замечаем в нашу новь.

Они с мечтой гуляют по аллеям,
а рядом на скамейке старый дед, —
годам он верен и своим идеям,

А юным дням не посвятит сонет;
стих черканет оставшимся затеям,
у белого стиха рифмовки нет.

13.
У белого стиха рифмовки нет,
сравнения и образы в нем вняты,
(но песенный не выбросить куплет),
слова надежды с верой всем приятны.

Замками у моста завешен парапет,
условности, обычаи понятны,
торопит грех, встречается запрет,
с позиций лет пороки все заняты.

Он чувствами ей строки посвятил,
не просто ей признаться фигурально,
взаимностью за слово заплатил.

Поэт грустил и выглядел опальным,
гипербол не хватило, будто сил,
ошибка в сбое стоп — весьма фатальна.

14.
Ошибка в сбое стоп — весьма фатальна,
не меркнет зов от жизненных обид,
заветы чтим: вендетта аморальна,
и не выносим схода из орбит.

Весь стих при сбое выглядит печально,
чтецы не замечают его вид,
но салютуют автору похвально,
недоработкой стих его горчит.

Друзей своих мы с радостью встречаем,
приятно раздарить в ответ приветы,
хороший день начался, отмечаем,

И видим из восторга дней моменты,
венок сонетов этим заключаем:
с высот Парнаса видятся сюжеты.

9 — 11 октября 2023 г.

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Николай Николаевич Тимохин — член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Член казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. В 2020 году Тимохин награжден Союзом писателей России, алтайским отделением общероссийского литературного сообщества «Вологодский союз писателей-краеведов России» памятной медалью «Николай Рубцов». Автор многих книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Завотелом поэзии литературно-художественного журнала «Приокские зори» (Тула, Россия) и альманаха «Ковчег» (Тула, Россия). Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами журналов России, Беларуси и Германии.

ДНИ СОЧИЛИСЬ

*Дни сочились, как свежие раны, —
тоской, одиночеством, суевериями,
предчувствиями.*

В. Пикуль «Ступай и не греши»

Дни сочились как свежая рана,
Солнца свет заменяла мгла.
Мы живем в мире зла и обмана,
Между нами разлука легла.
Солнца свет заменила мгла.
Поскорее бы утро настало.
А меня ты простить не смогла,
Лишь сказав: «Я терпела немало,
Жили мы в мире зла и обмана,
Сколько можно такое терпеть?!
Все хотела любви и романа,
И достойна я этого ведь.
Между нами разлука легла.
А за нею придет расставанье.
Все в душе вдруг сгорело, дотла.
И прощай. Не скажу «до свиданья».

Прости меня за то, что я уехал,
И не сказал тебе и пару слов.
С тобою мы встречались не для смеха.
Ты говорила, род мой от ослов.
Тебе видней, наверное, ты все же
Так молода, красива. Ну, а я,

Решил, что ты одна мне всех дороже,
Но только ты не поняла меня.
И, значит, мне уже пора уйти.
Ведь марафон любви наш завершен.
А дальше нам с тобой не по пути.
И кто-то станет вновь в тебя влюблен.
Прости за то, что я уехал вдруг
И не сказал ни слова на прощанье.
Жизнь состоит из множества разлук,
Но навсегда прощаться — наказанье.

Ты одна уйдешь встречать рассвет.
Что-то между нами пробежало
Черной кошкой — чья-то злая тень.
Времени у нас осталось мало,
Ночь проходит, наступает день.
Ты уйдешь одна встречать рассвет,
Неожиданно твое желанье.
И останется в ночи глубокий след,
За которым наше расставанье.
Может быть, не прав я был с тобой,
Или ты не поняла меня.
Только я, наказанный судьбой,
Стану жить один, себя виня.
Ты одна уйдешь встречать рассвет,
Наступает наше расставанье.
К прошлому уже возврата нет.
Что-нибудь хоть скажешь на прощанье?

ЯБЛОКО ЛЮБВИ

В XIX веке томаты использовались не как овощ для потребления в пищу, а как декоративное растение. Обычно эту огородную культуру высаживали в горшках и возле беседок. Таким образом растения украшали дом и приусадебный участок. В переводе помидор означает «яблоко любви», поэтому девушки нередко назначали свидание со своими возлюбленными в беседках, вокруг которых растут томаты.

(Взято из Интернета)

«Прошла любовь — завяли помидоры»,
О прошлом так в народе говорят.
Остались позади все наши ссоры
И вместе с ними твой красивый взгляд.
Любовь ушла, и все должно забыться,
А прошлое вновь не дает покоя.
Пусть годы улетели вдаль, как птицы,
Но верю, встречу счастье я простое.
Оно должно прийти как наводнение,
И захватить собою все вокруг,
Чтоб совершилось в страсти погруженье,
А расставанье не настало б вдруг.
И помню до сих пор твой нежный взгляд.
Уже давно забыты наши споры,
Но ничего нельзя вернуть назад —
Любовь прошла. Причем тут помидоры?

СВЕТЛАНЕ

*Самому красивому
и лучшему фотографу города Семей,
со светлым и чистым, как небо, именем —
Светлане Артюшиной
посвящается...*

1.
«Сегодня был такой прекрасный вечер,
Погода подарила нам покой,
И много радостей от нашей встречи,
От милого общения с тобой.
Хоть строить планы нам, быть может, рано,
Ведь мы знакомы то совсем немного,
Но ты мне очень нравишься, Светлана,
И станет очень светлой дорога
У нас с тобой, по которой вместе
Мы прошагаем много-много лет.
И ты поверь, не уроню я чести
Перед тобой, сомнений в этом нет». Хотелось это все произнести
Тебе мне вслух, красивая Светлана,
Но я не смею, ты меня прости,
Я понимаю, это слишком рано...

2.
Ты мне говорила в изумленье:
«У тебя хорошие стихи.
И в любом твоём стихотворении
Строки и красивы и легки.
Ты из них так строишь предложенья,
Словно все их буквы и слова
Станут вдруг живыми, без сомненья».
Думаю, что в этом ты права.
Я пишу тебе стихи, Светлана,
От души и сердца. В них слова
Рождены без замысла и плана.
Только их почувствую едва
И скорей пишу их на листок,
Чувства в них мои все без обмана.
Пред тобою множество дорог,
Ты какую выберешь, Светлана?

3.
Вечер вновь зажег свои огни,
Погрузив весь город в сладкий сон.
Мы с тобой на улице одни,
и в тебя, Светлана, я влюблен.
Ты одна моих стихов достойна,
И тебе их стану посвящать.
Лишь с тобой так хорошо, спокойно,
Что хочу тебе сказать опять:
Только вечер вновь зажжет огни,
Я признаюсь, что в тебя влюблен.
Постоим на улице одни,
Наша встреча, словно сладкий сон.

Сергей ЛЕБЕДЕВ

г. Тольятти Самарской области

Лебедев Сергей Александрович родился в 1949 г. в Рязанской обл. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2012, г. Тула), лауреат конкурса одного стихотворения альманаха «Новый енисейский литератор» (2016, г. Красноярск). Дипломант (II степени) XIV всероссийского конкурса патриотической поэзии им. А. Т. Твардовского (2020, г. Калуга). Дипломант международного литературного конкурса им. С. А. Есенина «Страна березового ситца» в номинации «Проза» (2018, г. Рязань). Член РСП, член РСПЛ (Самарская региональная организация). Стипендиат министерства культуры РФ (2017). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

«ГОРОДА, ГДЕ Я БЫВАЛ...»

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В САМАРЕ

На Ленинградской улице
Шумит людской прибой,
А над толпой красуется
Известный постовой.
Стоит он в окружении
Самарской детворы,
И зорко за движением
Взирает с высоты.
А все, как дети малые,
Садятся на сапог,
И до того надраили,
Как солнце передок.
Что даже Солнце жмурится,
Но жар печет с высот.
По Ленинградской улице
На пляж спешит народ.
Но и аллея волжская
Не прячет от жары,
От зноя шли, да в полыми
Спустились мы с горы.
Но повстречали Сухова,
На Волгу он смотрел,
Из Кара-Кум доплюхал он,
Самарским стал совсем.
Ну, до свиданья, дяденька,
Прощай, июльский зной.
Трамвай качался пьяненький,
Мы ехали домой.

ВЕЧЕР В КАЗАНИ

Огни разноцветные улиц
Размыты в Казани дождем.
А ветви в дожди окунулись,
Им осень совсем нипочем.
Устав от дневного набега,
Глаза закрывает и Кремль.
На стенах церковного снега
Мечети лазеровой тень.
Сквозь тучи, что ветер нахмурил,
Я вижу — Господь в облаках.
А рядом, глаза лишь прищулив,
С улыбкою смотрит Аллах.
Мне жаль, что короткая встреча
Лишь малый оставила след.
Казанский осенний вечер
В размытые краски одет.

НА ПРИСТАНИ СВЯЖСКА

Ладья на пристани Свяжска
Орлом как символом горда.
Но все-таки стоять ей тяжело,
Без волн рассохнется борта.
И каждым утром с петухами
Она все ждет — наступит час,
Когда по Волге с рыбаками
Скользнет ладья, покинув нас.
И ощутит движенье весел
Прохладный плеск речной воды,
Вдохнет прибрежный запах сосен
И чаек крик на все лады.
Но время движется по кругу,
За летом — осень и зима,
Весна в цветах пройдет по лугу,
Ладью тот круг сведет с ума.
Взмахнет орел крылами гордо,
Ладью направит на простор.
Волна заплещется у борта
И понесет во весь опор.

ПЛЕС

Продолжала Волга под горой
Вечное во времени течение,
На вершину я иду тропой,
Где берез столетних поколение.
Не страшна мне дневная жара,
Тут — покой, тишина поселились,
Словно ночь здесь спала до утра,
Покрывало свое расстелила.
А с горы поэтический вид
Ощутит всей душою входящий;
Белый храм куполами блестит,
А за Волгой лесистые чащи.
В том безмолвии Богом создán
Вечный звон и тишайшие звуки,
Их услышал душой Левитан,
Нам оставил на вечные муки.
Вечный Плес, я люблюсь тобой

Каждый раз, как тебя посещаю,
Словно Русь сокровенна со мной,
Это сердцем своим ощущаю.

ЕЛАБУГА

Лесистый берег Камы, тишина,
Мы по песку проходим от причала.
Ты улыбнулась, радости полна,
Я понял все, о чем ты промолчала.
В Елабугу мы едем по горе,
Нам вдоль дороги кланяются сосны,
А ветерок на утренней поре
Со свежестью лесной сквозит и росной.
И город нас встречает тишиной,
Тысячелетней мудростью своею,
А здания, с раскраской голубой,
Приветливо и радостно глядели.
А вот и домик тихий, в три окна —
Последнее пристанище Марины,
Где от тоски отчаянно она,
Задув огонь, черту переступила.
Цветаева вошла в Мемориал,
Поэт России — наша «сутью, статью»,
И город дань Цветаевой отдал
За «надобу» в стихах, а не за платье.
Единственный в России здесь музей —
Дом с мезонином, синий, двухэтажный
Певца лесных просторов и полей,
И «Рожь» его в России знает каждый.
А ширь могучая лесной дали,
И на конфетах дорогие «мишки» —
Ведь это — образ нам родной земли —
Его и создал живописец Шишкин.
Ты не грусти, теперь мы будем знать
О городке в провинции, на Каме,
А в памяти дано нам сохранять
Его картины в золоченой раме.
Отчалили, на палубе стоим,
Елабуга прощается с улыбкой.
А мы махнем рукою, помолчим,
Красивым берегом любуясь,
Как открыткой.

В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

Вы не были под Астраханью в дельте,
Где Волга разделилась вкривь и вкось?
Тогда, если хотите, так поверьте,
Мне лишь однажды быть там довелось.
Сентябрьский дождик нудный, но не злобный,
Заросшие кустами берега,
И мы на лодке по дороге водной
Отправились почти что в никуда.
Деревья, как застывшие скелеты,
Торчат среди прибрежных тальников,
Нахохлившись, и в черное одеты,
Стервятники глядят на нас с верхов.
Под ними царство лилий и кувшинок,
И в заводях прозрачная вода.
Намека нет на лотосы в помине,

Роптать мы стали: «Ты завез куда?».
А дождь грустил, не прекращая слезы,
Скользила лодка, тарахтел мотор,
И вдруг «каспийская» открылась «роза»,
Царица дельты — розовый простор.
В огромных листьях — Индии легенда,
Уже сентябрь и лотос отцветал,
И был он бело-розовым и бледным,
Но в каплях, как алмазами, блистал.

Елена КУЛЕШОВА

г. Сельцо Брянской области

Елена Владимировна Кулешова родилась 30 ноября 1980 г. в г. Сельцо. Она окончила Сельцовскую школу №3 и Московский психолого-социальный институт. По образованию психолог. Поэзией увлекается с семнадцати лет. Публиковалась в городских и региональных изданиях, коллективных литературных сборниках: «Белые паруса», «Зеленый свет. Молодая брянская поэзия», «Литературный Брянск». Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

ТВОЯ ИСТИНА

Твоя Истина бесценна,
Но порой никому не нужна,
Бриллианты слез без цели
Растопят сердца изо льда.
И кому же отдать сокровище,
Ценнее жизни моей?
В миг отчаяния без помощи,
Что взято из тысяч идей.
И не так уж и просто выделить!
Ведь не так легко и найти!
Но порою его увидеть
Можно только в конце пути.
Что же будет важнее важного?
Что быть может еще ценней?
Ничего нет на свете страшного,
Лишь потеря Любви Твоей!
Если будущее соткнется
Из тонких нитей судьбы,
Твоя Истина в нем разольется
Светом новой ясной звезды.
Твоя Истина будет в детях
Все крепче и все сильнее.
Ничего нет на этом свете
Важнее Любви Твоей!

ЗАКАТ

Свет алого заката
Вонзает в сердце. Боль.
Что кончилось когда-то,
То повторится вновь.
И стон внутри рождает
Ту сладкую печаль,
Которая на душу
Ложится как печать.
И сколько бы я жизнью
Ни провела одна,
В ушах звенит все громче
От встречи тишина.
Никто из нас обоих
Не скажет слова вслух.
Лишь ветер громко взвояет,
Все разметая в пух.
И, содрогнувшись, звезды
Вновь выстраются в ряд.
Менять что-либо поздно.
Никто не виноват.
Забытою дорогой
Пройти придется вновь,
Чтоб ощутить, что Богом
Подарена Любовь.

РОСТОК

Из огня и пепла
росток тянулся к звездам.
Он тянулся к небу,
как к мечте заветной.
Из огня рожденный,
из земли он вышел
и тянулся выше,
жизнью окрыленный.
За одно мгновенье
он познал все тайны,
что пытались скрыться
в пламени свеченьи.
Появленье в мире
было с изначальным
знанием о смысле
и предназначенье.
Тот росток нетленный,
с Духом сопряженный,
нес простор Вселенной
в зернышко вмещенный.
Нес в себе он Время,
нес в себе он Вечность.
Жизнь и Окончанье,
Смерть и Бесконечность.

СИЯЕТ СВЕТ

Твоя тень сливается с тьмой,
В это время будь готов ко всему,
Что бы дальше не случилось с тобой,
Чтоб не сделал ты — прощу и пойму.
Твоя жизнь — дорога твоя.

Там уроки, там ошибки, там суть.
Это время промчалось не зря,
Это твой особенный путь.
Твоя цель — конечный итог.
Ты на мелочи ее не меняй.
Рука об руку шагает с мечтой,
Разгораясь в груди от огня.
Я же знаю, тебя не сломить,
Найдешь выход там, где его нет.
Не оборвана тонкая нить:
Тьмы нет там, где сияет свет!

ПЕСНЯ СОКОЛИНАЯ

Песня соколиная разлеталась стрелами
Над речными гладями и садами зрелыми.
Всполохи багряные — отзвуки закатные
Вниз ложились, становясь туманами ватными.
Голубыми пиками высь пронзалась белая,
И земля стелилась даль чистая и смелая.
Там равнин степных простор жил ручьями горными.
Их сменил дремучий бор с вековыми кронами.
Корни те великие, землю крепко сжавшие,
Берегли ее, родной матерью им ставшую.
А земля цвела, гордясь пышными долинами!
И над этим всем лилась песня соколиная!

СТОРОНЫ

Да что ты понимаешь
Во всяких глупых фразах,
Ведь брошенных на ветер
Неловишь больше слов?!
Есть сторона медали,
Заметная не сразу,
Где полустерта надпись
Со словом: «Нелюбовь».
К ней пальцем прикасаясь,
Ты режешься, как бритвой,
И крови первой группы
Ты ощущаешь вкус.
Как много душ заблудших,
Что не спаслись молитвой,
И пальцам будет больно.
Я этого боюсь.
Но умирать не страшно,
А иногда полезно.
Особенно в моменты,
Когда настал твой час.
Но есть предупрежденье:
Когда мы смотрим в бездну,
То бездна начинает
В ответ смотреть на нас.
А если после смерти
Ты все же возродился
И начал все с начала
Без страха и вины,
Кому-то ты расскажешь,
Чему там научился,
Назвав спасенье словом
С обратной стороны.

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя прежняя жизнь
Мне покоя не дает,
Говорит мне: «Держись
И смотри лишь вперед!»
Груз ошибок моих
Камнем тянет ко дну.
Говорит: «Не хандри,
Не забудь ни одну!»
Что-то сходит на нет
Мой душевный полет.
Но звучит в высоте:
«Ветер будет! Он ждет!»
Твоя вера в меня
Силы мне придает,
Греет жарче огня,
Увлекает вперед.
«Забирайся! — кричит. —
И назад оглянись!
Посмотри, как прекрасна
Прошедшая жизнь!»

КРОШКА ХЛЕБА

Попроси у судьбы немножко:
Чуть удачи, чуть-чуть веселья,
Крошку хлеба, воды в ладошки
И хорошего настроенья.
Если это ты все получишь
И обрадуешься до неба,
Сразу вспомнишь, с кем поделиться
Этой крошкой сухого хлеба.
Предлагать ее будешь многим,
Но кому же хлеб черствый нужен?
И уйдешь по своей дороге
То ль обижен, то ли унижен.
Затеряется крошка в кармане,
Есть ее ты и сам не станешь.
И идти по дороге этой
Ты, наверное, скоро устанешь.
А в конце попадется старуха,
Что с протянутою рукою.
Ты отдашь ей свой хлеб засохший
И вздохнешь глубоко с тоскою.
А старуха распрямит спину
И зальется звенящим смехом.
«Никогда я тебя не покину!»
— Разлетится по лесу эхом.
Ты судьбе своей скажешь «спасибо»
И обрадуешься до неба,
И поймешь, как бывает важно,
Что в кармане есть крошка хлеба.

Борис РЯБУХИН

г. Москва

Борис Константинович Рябухин (литературный псевдоним Борис Карин) — российский поэт, прозаик, драматург. Родился на Дону, вырос в Астрахани, окончил технический вуз и ВГИК. Член СП СССР с 1986 г. и СЖ с 1973 г. Работал редактором в Москве: в «Молодой гвардии», «Литературной газете», журнале «Юность», издательстве «Художественная литература». Автор более тридцати книг поэзии, прозы и драматургии. В настоящее время он вице-президент Международной Академии литературы, науки, искусств «Русский слог». Постоянный автор нашего альманаха.

КОСМАТАЯ РАТЬ

Раскрылся замшелый бестселлер
Богов, научивших читать —
И грянуло землетрясение,
И вышла косматая рать.
На стертых страницах столетий —
Столбцы из кровавых следов.
И серный космический ветер
Вздымает щетину крестов.
Подпольные слуги пришельцев
Вдруг вылезли из темноты.
Открыли жрецы-правоверцы
Свои потайные хвосты.
И хлынула адская лава
Гоморр, Хиросим и Помпей.
И вспыхнули свечками главы
Моих православных церквей.
По судьбам, святыням и душам —
Разгульное стадо копыт.
Что было незыблемо — рушит,
Что было едино — дробит.
Распятые тени смятений
Кричат на горящих крестах.
И косы голодных метелей
Мелькают в костлявых руках.
Доколь вавилонским бесеньем
Корежиться нам от невзгод?..
Захлопни тот ветхий бестселлер —
И вмиг наважденье пройдет.
9 ноября 1992 г.

ТРАНЗИТНЫЙ

Пассажиром, транзитным,

живу у железных дорог.
Постоянно прописан,
но жду своего отправления.
Мне кричат поезда:
«Еще долог твой путь и далек!»
Но не знают они
о местах моего назначения.
Запах угля сожженного
веет в окошко всегда.
Этот запах знакомый
из печки далекого детства.
На исходе ночей
петухами поют поезда,
Но пока не мои —
от моих никуда мне не деться.
Чутко ухо прижато к подушке,
как будто к земле.
Лишь узнаю по гуду
мой поезд к заветному краю. —
Тороплюсь собирать свои вещи
в предутренней мгле.
В спешке что-то ломаю,
топчу, забываю, теряю.
Мчится в даль неизвестную
лет моих длинный состав,
Позади оставляя
былых горизонтов итоги.
Вот и новая станция.
Версты считать перестав,
Пассажиром, транзитным,
опять поселюсь у дороги.

СВОБОДА НАРОДА — ПОТЕРЯ

Свобода народа — потеря
Ошейника и поводка
И друга с открытою дверью,
И даже потеря врага.
И ласковых рук ожиданья,
Интриг и проклятий среды,
Божественного покаянья,
И даже потеря беды.
Свобода — природы потеря,
Привычных усилий борьбы,
До ярости спящего зверя,
И даже потеря судьбы.

КТО, КТО?..

Кто, кто сегодня не порочен
И правильно ведет дела,
И правду высказать захочет?
Чье сердце истина зажгла?
Кто, кто сегодня не клеветает
И зла наивным не чинит,
И безбоязненно перечит
Тому, кто ближнего чернит?
Кто, кто отверженных не ранит
И славит преданных борцов,
И даже в малом не обманет
Ни праведных, ни подлецов?

Кто, кто услужит безвозмездно
И не слукавит на суде,
И поступить сумеет честно
И в наслажденье, и в беде?..
Кто, кто? И где?

Ты поклялась моей быть тенью,
Но столько надо претерпеть!
И этой клятве — и терпенью
Друг друга трудно одолеть.
И после ссор, слез и бессонниц
Нас примиряют две судьбы —
И Одиночество, и Совесть —
С неумолимостью Судьбы

ПОЭТ ЖИВЕТ, КОГДА УМРЕТ

Поэт живет, когда умрет.
При жизни жизни нет.
И современник не поймет,
Какой несет он бред.
Поэт живет, когда умрет,
Когда оставит след.
А если нет — наоборот,
Он канет в бездне лет.
Кто графоман, а кто певец —
Надежд на Время нет —
Оценит лишь грядущий чтец,
Но... если он — Поэт.

ЗОЛОТАЯ ЛАМПАДА

В тревожных потемках
Корсановский лес.
Срываются тучи
С летящих небес.
От страха луна побледнела.
И вдруг на дороге
Встречается мне
Сияющий всадник
На белом коне.
«Ты кто?
Из какого предела?»
«Я — старый пустынный
По имени Грек.
Я здесь зажигаю
Который уж век
Свою золотую лампаду.
Я был богомазом,
По свету бродил.
У речки Вороны
Вдову полюбил.
Но с нею мне не было сладу.
С красавицы я
Богоматерь писал.
В лице ненаглядной
Святое искал.
Грешно —
На живую молился.
Но горе случилось:

Вдова умерла.
 Пустынником стал я.
 Вдруг робость нашла —
 Мне образ в киоте грозился.
 Я справил поминки —
 Все так же грозит.
 Украсил оклад
 В аметист, малахит —
 Грозит!
 Выражает досаду.
 Лишь тем я иконе
 Сумел угодить,
 Когда все богатства
 Решил перелить
 В одну золотую лампаду...
 И время мое
 На земле истекло.
 Икону с лампадой
 Я спрятал в дупло
 Березы
 От грешного взгляда.
 С тех пор по ночам
 Из предела теней
 Являюсь сюда я
 К иконе моей —
 Зажечь золотую лампаду».

СЛОМ

Ломают старый дом,
 Трещит его основа.
 И верится с трудом,
 Что жизнь начнется снова.
 Толкая шар-снаряд,
 Бьют по лицу фасада.
 И вскрикивает сад,
 И верещит мансарда.
 Удар — и стал родней
 Свет электропроводки,
 Дух от печных камней,
 Уют перегородки.
 Ломают старый быт
 Угля и керосина.
 Здесь каждый гвоздь прибит
 Рукой отца или сына.
 Бьют прямо по щекам
 Дверей полуоткрытых,
 А после — по зубам
 Ступеней перебитых.
 Удар — и больше нет
 Любви к крыльцу родному.
 А ванна и паркет

Мне не заменят дома.
 Ломают мою быль,
 Недвижимость, наследство.
 Летит щепка и пыль
 От юности и детства.
 Бьют по глазам окна —
 И рамочки — в осколки.
 Парит стена
 Бульдозера наскоки.
 Удар — и отсеклись
 С отцом и дедом связи,
 Как будто моя жизнь
 С меня возникла сразу...
 Так вот каким путем
 Года в песок уходят.
 И чудом или чутьем
 Потомки их находят.
 А на камнях домов,
 С лица земли снесенных,
 Встает кварталов новь,
 До неба вознесенных.
 Ломают дом отца
 Цыплячье поколение...
 Как скорлупу яйца?
 Жизнь — это обновенье?

МЕТРО

В огнях и золоте перрон, людьми наполнен всклень.
 У эскалатора Харон, в фуражке набекрень.
 Людской поток наверх плывет,
 другой стекает вниз —
 Вот так же свой круговорот ведет земная жизнь.
 Электропоезд, как капкан, захлопнув пасть дверей,
 Помчал по адовым кругам еще живых людей.
 В потемках прашуры лежат, давно в земле гниют,
 В вагонах грешники сидят и лучшей доли ждут.
 У пожилых усталый вид, у молодых испуг,
 А голос сверху говорит, какой за дверью круг...
 Выходят люди в Первый круг — без веры грех
 и стон,
 И скорбь невольная от мук. На страже их — Харон.
 А кара во Втором кругу — за сладострастный блуд,
 И рвет, и мечет их в пургу. Царь Минос —
 стражник тут.
 Обжоры в Третий круг спешат. И ждет в грязи,
 свиней,
 Холодного дождя ушат. А Цербер-страж —
 страшней.
 Скупцы — в Четвертый круг должны, с кутилами.
 Их страсть —
 Катить друг в друга валуны. И Плутос бог —
 их страж.
 А в Пятый круг — и лень, и гнев. Им кара —
 драк черед,
 В болотной жиже, озверев. Их Флегий стережет.
 В шестой — еретиком кто стал, творить богов
 посмел.
 В могиле, как в печи, пылал, под стражей
 Фурий-змей.
 В Седьмой идут убийцы круг, где дождь огнем

сечет,
Собаки, гарпии их жрут, и Минотавр пасет.
Обманщиков ждет круг Восьмой, лжецов, гадалок
строй,
Смола, жаровня, скрежет, стон. И страж их —
Герион .
В Девятый круг грехи ведут во льды
предателей-иуд.
Там Люцифер справляет Ад. У врат — Антей
и Эфиальт .
И каждый грузу всех грехов при жизни знает счет,
И девять адových кругов еще живым пройдет.
А Люцифер не выдает к Чистилищу дорог.
«Наш поезд дальше не идет», — сказал,
кто слышать мог.

ПОЭЗИЯ САМООТРИЦАНИЯ

Поэма

*«Тем не менее, когда с помощью интриг, хлопот и
унизительных просьб ей удалось сделать его акаде-
миком, она стала относиться к нему с известным
почтением, забывая, что она сама облекла его в
украшенный пальмами мундир, который скрывал
его ничтожество».*

Альфонс Доде, роман «Бессмертный»

Обидно отдать свою жизнь по-пустому,
Под старость остаться ни с чем.
Обманно мечталось, что все давал в жертву
Молитвам самотворенья.
И сам молодец, не желая стареть вместе с телом.
А тело состарилось вялым мясом хамон,
между делом.
Ходил в Академию, в круг выпивавших
Омар Хаямов.
И думал, каким бы Хайямом был Пушкин,
Кто верил, что «весь не умрет», сам третий,
на одном пьедестале
С Державиным и Горацием, Памятник — общий.
А нынче Природа на творческий ген истощилась,
Разжижилась слава на сотни и тыщи поэтов,
И сталкер выводит лишь клонов поэтов из падшей
среды.
Им памятников нерукотворных —
Пеньков на лесоповалах — и то не хватает.
И каждый в бессмертье через дверь
и окно Академий
Вступает с лавровым венком за наличные деньги.
Цепляются дряхлые руки за старую музу.
Живут академии на переработке отходов
От собственных членов, да мета-мета мычания,
Коверкая вечного сеятеля очей.

— Обидно отдать свою жизнь по-пустому, —
Сказала, оставив мне в лоб свои очи,
моя бизнесменка.
— Да вас же, паяцев, и в дом не пускали дальше
передней,

И не хоронили на кладбище, лишь на отшибе,
За ваши творенья, без разрешенья Творца.
Вы — голь перекатная. Все ваши беды —
объедки к обеду.
Так умер голодный Багрицкий под окороком луны,
Все ваши обиды в былом — зажатые рты.
Свобода сейчас во все горло орать: «Я свободен!»
Но быть вам всегда во служенье Мамоне. Служите!
Нет даже профессии вашей — писатель.
Хоть был раньше писарь.
Мы в рабстве кормили писак, менестрелей, паяцев.
А бросили вас — вы остались в осаде, бомжи
и бичи.
— Нет! — крикнула гордость моя из осипшего
горла.—
Обидно отдать свою жизнь по пустому служению
музам.
Блок не от голода умер с буханкой в обнимку.
Кричал он: «Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги! Я вас не писал
никогда!»
И Майков твердил в балладе о менестреле:
Рефреном заклятье от собственной смерти:
«Молчите, проклятые струны!»
«Молчите, проклятые струны!»
Так принял поэта позор цесаревич Романов,
Боясь, что его в царский дом не пустят дальше
передней.
Писал: «Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть, мы к небесам возводим
очи,
Творя молитву дни и ночи, чтобы помиловал
Господь».
Боялся я страсти Господней:
«Шел — своей судьбе наперерез, только трудной
ношей озабочен.
Я пытался сбросить этот крест, но к нему был
крепко приколочен».

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

О чем скорбит душа моя,
О чем томится?
О том, что вскроет вешний лед
Волнение вод?
О том, что вознесется дух
До неба птицей
И беззащитно всем ветрам
Грудь распахнет?
О чем грустит душа моя
И что так ропщет?
В глазах скрывает Божий страх
Или испуг?
Бойся обнажить себя
Осенней рощей,
Подставив наготу ветвей
Хлестанью вьюг?
О чем болит душа моя
В потемках тайных?
О том, что через этот лес —
Дорога в ад?
Где топи похоти и грез,

Пороков стаи,
 Где хищный клюв, змеиный яд
 И волчий взгляд.
 О чем скорбит душа моя,
 До гула в сердце?
 Не от того ль со всех сторон
 Вечерний звон?
 За скорбь всех радостей земных
 Я натерпелся,
 За радость всех земных скорбей —
 Вознагражден.

КАСПИЙ

Старый Каспий вновь бушует,
 Расшумелся — не унять.
 По простору он тоскует,
 Берега готов прорвать.
 Как затравленный в капкане,
 Ощетинил гриву волн.
 И разжевывает камни,
 Издавая вой и стон.
 Путь к Дербенту бурей заперт.
 Вал над сейнером висит.
 Вдруг рыбак скатился за борт.
 «Пощади, отец!» — басит.
 А в ответ летят проклятья
 Злого моря на пловца:
 «На себя теперь пеняйте!
 Больше нет у вас отца.
 Все богатства я теряю.
 Недалеко до беды.
 Задыхаюсь, засыхаю,
 Не хватает мне воды.
 Сколько было рыбы красной —
 Только видится во сне!
 Все с отца содрать горазды!
 Все с меня! Когда же мне?
 Стало море — по колено.
 Что же тонешь ты, чудак?..»
 Канул парень в бездне пены.
 А везучий был рыбак.
 Каспий вздрогнул, остушился,
 К сыну бросился в слезах.
 О корму от горя бился.
 Поседел весь на глазах.
 Пробасил гудок рыбачий
 Так, что берег обомлел.
 Весь колхоз о парне плачет.
 Кто бы море пожалел?

Анна БАРСОВА

г. Екатеринбург

Анна Барсова (Анна Ашотовна Барсегян) — член Союза российских писателей, Академии российской литературы, Российской Академии Естествознания, профессор. Поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с вручением золотого знака, премии мэра города Набережные Челны, премий С. Есенина, А. Грибоедова и др. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями: В. Шекспира, М. Ломоносова, М. Джалиля, В. Вернадского, Р. Казаковой, А. Навои и др. Лауреат и дипломант российских и международных фестивалей и конкурсов. Стихи и проза переведены на английский, французский, немецкий, японский, и др. языки. Наш постоянный автор.

Я ОБМАКНУЛА В НЕБО ПЕРО... (Из книги «Песни мироздания»)

Грусть за окном серая, серая,
 В Небе плачет облачко белое...
 Дождик слезою лег на стекло,
 Я обмакнула в Небо перо...

*Нет, моего к тебе пристрастья
 Я скрыть не в силах, мать-Земля!
 Федор Тютчев*

Ах, Земля,
 Ах, Земля,
 Чудо жизни, творенья!
 Все родишь ты с нуля,
 Даже слов этих пенье,
 Хлеб, цветы и леса,
 И моря, океаны,
 И песков голоса,
 И барханов капканы;
 Острова и долины —
 Все твое, все родное,
 Голубые вершины —
 Все твое,
 корневое!

*И отчего же в общем хоре,
Душа не то поет, что море,
И роищет мыслящий тростник?*
Федор Тютчев

Душа моя нацелена на быль
Или — на небыль... Я не знаю!
Ее волнует по ночам ковыль
И всходы, что приходят в мае!
Волнует ее снег и белый цвет,
И парусника ожиданье...
Она — Ассоль*, она — полночный бред
И волн извечных колыханье!

... Остается одно: говорить и не ныть,
уходить мне в тайные дали,
временами любить, временами кутить,
и тонуть, как Сапфо, в печали!
Вот сегодня опять что-то давит в Душе,
сердце ноет, стонет и пышет...
Где-то — дом, где-то — сын и весна неглиже,
и кораблик, что крестиком вышит!

Огонь всему начало
Или она, Вода,
Которая кричала:
«Подвиньтесь, господа!
Вы — жалкое творенье,
Вселенной фитили!
Вот вам — мое решенье:
Творите!..
Вы — нули!
Я царствую повсюду
И не меняю суть!
Меня если не будет,
Вас ждет, конечно,
жуть!»

Где тот порог?
Там Вечность обитает.
Она со мною
в прятки не играет.
Она сидит,
все что-то собирает,
Крупинки желтые
сидит, считает...
Потом,
перебирая голоса,
Вдруг оставляет что-то Небесам...

Воздуха дайте мне много,
Чистого и святого!
Воздуха дайте мне много,
Горного и родного!
Пить буду его днями,
Голубыми ночами,
Пить его бесконечно
В жизни нашей невечной!
Он же царит повсюду,
Он — это Божье чудо!
Ветры поют с ним, гуляют,
И волосами играют...
Птицы поют ему песню,
И волны дышат с ним вместе!
Все, что на свете живое,
Он окормляет собою!

Бежит река — река времен,
Уносит все: покой и сон.
В ней сердца жар и неба синь,
Любовь твоя, что до седин!
Извечно гаснут в ней слова
О жизни, что она права!
И остается нам одно,
Ей неподвластное звено:
То память светлая моя —
Дар космоса и бытия!

Проснется мир, Душа проснется,
Забудет ночь, и с нею — темь.
Она к рассвету встрепенется,
Пойдет гулять часов так в семь.
Заглянет в сад, там все в порядке:
Цветы цветут, ручьи поют...
Захочет — делает зарядку,
Эфир глотнет — весь мир уют!
Потом — в кафе, там чашку кофе
Смакуя будет пить в тиши...
Подаст руке перо живое
И скажет сердцу: «Запиши!»

* Ассоль — имя романтической героини повести А. Грина «Алые паруса».

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Простите дети из Донбасса,
Не злитесь братья ЛНР,
Я не святой с иконостаса,
увы, так сильно постарел.
Обузой буду молодым
в их огненном строю,
но им я помогу стихом своим,
Свою вам песню пропою!

ОНИ УХОДЯТ (песня)

1.

Уходят, семьи оставляют,
В надежде, что придут назад,
И жизнь свою судьбеверяют,
Идут на бой, не на парад.
Верны присяге, чести, долгу,
Россию надо им спасать,
Не дань моя вот это слогу —
Как в сорок первом отстоять!

Припев

Здесь, на Донбассе все решится,
Кому и кем сегодня быть,
Нам остается лишь молиться —
Суметь им надо победить!

2.

Как и тогда враги стремятся
Рабами сделать, запугать,
Мечты у них в мозгу роятся —
Хотят всю Русь к рукам прибрать!
И оставляя своих близких,
Идут бойцы в пожар войны,
Подонкам предъявить чтоб иски,
О семьях видеть чтобы сны.

3.

Всем миром будем, мы, молится,
К победе яростно стремится
Нам всем сегодня надо,
Нам нынче надо,
Нам нынче нужно победить!

Повсюду дети — наша радость,
Отцы же гордость и опора,
Звенит веселым смехом младость,
Когда средь взрослых нет раздора.
Но, наступает грозно горе,
Война врывается в их жизнь,
Отцы, со злой судьбою споря,
На бой с врагами поднялись.
И нет потери детям большей,
Чем не дожидаться их с войны,
Всего на свете это горше —
Быть осужденным без вины.

Донбасс — ты сила воли,
надежда наша и беда,
Стремленье к лучшей доле,
к кровавым годам...
Того, кто лег на перепутье,
дорогу в светлый мир торя,
прошу вас, люди, не забудьте —
Сгорела жизнь его не зря!
Погиб за радость, за свободу,
он в землю лег за всех за нас,
нацистам чтоб в угоду
Дух предков не погас.
Почтим молчаньем память
и устремимся в светлый путь,
и свет его всегда пусть манит,
и пусть без страха дышит грудь!

СПАСИБО ЗА МУКИ (песня)

1.

Он погиб под Попасной,
Иль, может, в Изюме убит,
На стезе, на опасной,
Где смертью пламя разит.
Где снаряды летят,
Пули где в сердце бьют,
Наши солдаты лежат,
А их матери слезы льют.

2.

Но нельзя нам иначе,
Иначе Россия сгорит.
Мать Россия оплачет,
Всех тех, кто будет убит.
И слезу я смахну,
Поклонюсь вам до земли,
Чувствуя будто вину,

За то, что вы там полегли.

3.

Дорогие ребята,
Родные вы наши сынки,
Страна не виновата,
Что смертью дышат полки.
За муки спасибо,
За раны, стоны и смерть —
Без страданий вам ибо
Нельзя врага одолеть.

СУДЬБА РОССИИ (песня)

1.

О, дед, ты мой родной, о, прадед!
Ты тоже был ведь молодой,
Не ведал, что война вдруг грянет,
Убит что будешь пулей злой.

Припев.

Судьба России не простая —
Сынов на гибель провожать
И жить, в надежде замирая,
С тревогой их обратно ждать.

2.

Час испытанья снова грянул,
И стало ясно, кто есть кто,
Кто испугался, кто отпрянул,
Кто превратился вдруг в ничто.

3.

И тех ничтожеств проклиная,
Идут солдаты в смертный бой,
Чтобы принять, на страхи не взирая,
Все, что назначено судьбой!

Заря кроваво загоралась —
Сулила нам тяжелый бой,
Но рать России не сдавалась —
Решила дать нацистам бой.
Пусть янки подло суетятся,
Пуускай оружие везут,
Ведь не привыкли мы сдаваться —
Победы предков нас зовут.
Нет ничего сильнее правды —
Мы одолеем эту ложь,
И будут нам враги не рады —
Заря Россию не тревожь!
Заря погасла за горою —
Не досчитались мы друзей.
Но, дух их будет жить со мною,
И бить врагов я буду злей!

НАЦИСТАМ

Донбасс пока еще страдает,

земля донбасская горит,
и чья-то мать в слезах рыдает,
О милом девушка грустит...
Четыре месяца сражений,
кровавых, яростных боев,
во СМИ чудачеств, заблуждений,
пустых, нелепых, праздных слов...
Танкист вернулся обгорелый —
еще не верится, что жив,
в бою отважный был и смелый,
немало кровушки пролив...
И сколько вот таких танкистов,
бойцов из войск других родов,
убиты были в поле чистом,
И в переулках меж домов?
О, бесы блудные — нацисты!
Вам перемоги не видать,
и вы виновны, что танкисты
салятся в танки умирать!
И вам не смыть уже позора,
Грехов своих не искупить,
придет и ваш черед уж скоро
на землю кровь дурную лить...
Так трепещите и готовьтесь,
Расплаты вам не избежать,
глуха к насильям, пыткам совесть? —
И без нее в земле лежать...
Еще вы будете визжать —
вам не спастись от мести нашей —
Европа выплюнет назад,
Уж за звездой вашей падшей
Видна дорога в вечный ад.

У нас тепло, не видно взрывов,
У нас уют и благодать,
У нас нет стонов, нет надрывов,
Нам не придется умирать.
А там, у них, в холодном поле,
Снарядов вой и вопль, и вскрик,
И смерть гуляет там на воле,
И вот уж кто-то тихо сник...
Молюсь, молюсь, хотя не верю —
Как горько смерть воспринимать!
Молюсь за каждую потерю,
За всю России нашей рать!

Донбасс весь в тревоге,
Под обстрелом врагов,
По разбитой дороге
Идти он готов.
Дорога как пламя,
Дорога на бой.
Победы нам знамя —
Поспорим с судьбой!
И тем славен России
Великий народ,
Что идет он всегда
Лишь только вперед!
И как горек и тяжек

Не был бы путь,
Не сможет Россию
Никто повернуть!

КОНИ (песня)

1.
На Большом театре кони
Рвутся яростно в намет,
Ну, а сердце мое стонет,
Боль на части душу рвет!
Взвились кони на дыбки,
над театром солнце светит,
А у маленькой реки
Пуля в сердце парню метит.
2.
Вот курок спустился мягко,
Свинец крутится, летит,
У речного же распада
Парень мертвый уж лежит...
Ах, Украина, ах, убийца,
Была частью ты Руси,
А теперь же кровь струится —
Боже праведный, спаси!

3.
Жалко, жалко нам парнишку,
Чей-то муж он, чей-то сын,
Но не будет плакать слишком
Люд Российский, исполин!
Без потерь не знать победы,
Только рабство, да беду,
Не пойдем мы, как и деды,
У врага на поводу!

4.
На Большом театре кони
Рвутся яростно в намет,
Русь никто уж не догонит —
Наша Русь вперед идет!
Русь поднялась на дыбки,
И флаг Российский реет,
А у маленькой реки
Даль прозрачная синее!

РОССИЯ ВПЕРЕД! (песня)

1.
Возвращенье идей,
Возвращенье земель,
В жизни твоей и моей
Соловьиная трель!
Долго ждали побед
В окружении бед,
Только морщили лбы.

Припев.

Россия вперед!
Россия виват!
Победа нас ждет
У вражеских врат!
Мы ж потомки героев,
Так хватит скулить,
Вернем свое с боем,
И врагов будем бить!

2.
Вот настала весна,
Вновь пошли мы вперед,
И спала с глаз пелена,
Пробудился народ.
На восток-запад,
Как в былые года,
Хватит нам падать,
Сгинь навеки беда!

3.
Вернем свое с боем,
И врагов будем бить,
Только так,
Только так
Можно их победить!

Аркадий ПОЛЬШИН г. Лебедев Липецкой области

Аркадий Олегович Польшин — член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Академии литературной документалистики, автор пяти поэтических книг. В 1993 г. издана книга стихов «Где-то там, за грозой» (г. Липецк). Публиковался в сборнике «Липчане — Великой Победе» 1995 г. В 1996 г. увидел свет поэтический сборник «Воля». В 2010 г. в литературном журнале «Петровский мост» была напечатана поэма «Вечное Поле». Публиковался во многих литературных журналах. К 402-й годовщине г. Лебедев (2015 г.) издана книга стихов «Берег», в 2018 г. — книга «Дом у берез». Аркадий Польшин — автор восьми поэм. В 2022 г. вышла в свет книга «Граница», в которую, кроме поэм, вошли статьи (эссе) о России. На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» г. Данков. В настоящее время готовится к публикации ряд книг. Постоянный автор нашего альманаха.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ*

Сказка-быль

*Улыбка есть нормальное состояние
нормального человека.*

Е. И. Замятин

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Что ж, полетал годок-другой.
Опять... родные палестины!
Ведут коней на водопой
Ольховские гардемарины.
Колдует месяц над волной,
А над горой, а над горой...
И если вдруг не с кодачка
Спросить у заспанных амбалов:
Перенесли они с дьячка
Ту сцену пресных карнавалов?
А если нет, то грош цена...
Знать, в шоколаде сатана.
Все как-то тише и порознь
Колокола пронзают душу.
Фрегаты, шхуны... все на конь —
На эту бронзовую стужу!
Пора саврасок запрягать
В инопланетную кровать.
Ау! Годки и пацаны,
Фальшивый гонг на том рояле...
Пылают слова казаны —
Стрелец в опорках и опале.
...Покинул град сей тот Кузьма,
Такая, братцы, «Кольма».
Да, разлилась она, поди,
По городам, морям и весям,
Но жгают молодцев лады
По сталинградским поднебесьям.
И там твой дед, твой дядя там
И всяк гвардейский мореман.
А против них, из-за угла,
Колонна крыс на баррикадах.
Они, вестимо, не со зла —
Инстинкт икает в палисадах.
Кто ж будет их благодарить

За эту лондонскую прыть?
Из Лондона или еще
Летят крылатые ходули.
Колонну пятую в расчет
Берут вестминстерские пули:
Ее не надо поутру
Тайком вымачивать в Крыму.
Она кругом, она везде:
В балах, экранах и печатях,
И у главреда в бороде,
И в дипломированных татах.
Найдете вы ее во щах
У всемогущих чурюпах.
Однако... есть рабочий люд —
Все та же Золотая рыбка...
И если завтра грянет Брут,
То в ополчение нашивка.
Ему за Цезаря стоять,
Как пятью пять — есть двадцать пять!
Не только Цезарь был и Брут,
Был Мономах и князь Пожарский...
И над Рейхстагом дал салют
Тот боцманюга сталинградский.
Над ним маячил херувим
В шеренге с Дмитрием Донским!
Вернемся к теме: Чингачгук
Опять, как водится, в сторонке:
Его дрейфующий сундук
Вновь не угоден барахолке.
Он плыл старейшинам сказать,
Что пятью пять... тож двадцать пять.
Все просто и без а-ла-лы:
Прочсть «Уездное» нахрапом,
Потом увековечить «Мы»
Христорожественским масштабом.
Таков был генеральный план
Последнего из могокан!
.....
Что ж, заглянул на год вперед,
Но буду счастлив ошибиться.
Гардемарины скажут: «Вот!
Гляди на яблочные лица:
Мы поработали вдвойне —
Все нынче здесь по старине».
05.06.2022

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

То будет завтра, а сейчас:
И Карабас, и Барабас...
Будто ко гробу Людмилы
Руслан напрягает жилы...
Оседлан Ольховский лес!
За встречным забралом — бес!
Посля... из сисек водопой...
Лакает бес очередной...
Такая гостям планида —
Из «Интеграла!» элита.
Инда заместо коров
Подрдчик без дураков...
Антоновский континенталь
Сегодня оттяпал медаль:

* Продолжение. Начало в «Ковчеге» за 2023 год.

За то, что на этой версте
 Сцену водрузил на кресте!
 ...Вместе с опричником тем —
 По ком рыдает гарем.
 А кто ему выдал трофей —
 Охапку святых лебедей —
 Обратню в шкуре волка
 Не из Бергамо? С поселка!
 Откуда такой почет?
 Кто аллилуйю поет?..
 И ты закусил удила,
 Но все же кольчужка мала:
 В печень вонзаются яды —
 Лучники... Шахерезады.
 Нам этот город не взять —
 За каждым дубом кровать.
 За каждой мякиной — барыш!
 Ах, где ты, комбат Кибальчиш?
 Неужто в пивном мажоре,
 На серебрястой «Авроре»,
 У пароходика «Миг»,
 Где прозу хлещут и стих?
 Однажды Тургенев Иван
 Попался в коронный капкан:
 У местных купцов матерых
 Купил коня в святогорах...
 Студенту продали труп,
 Хотя писатель не глуп.
 И вот, все тот же обрат —
 Поставлен и шах вам, и мат...
 Уж не купцы в святогорах,
 А дуболомы в проборах.
 Страшен Тургенев Иван
 Барыбам, как Магеллан...
 С дубов тех окрошка в усы,
 В кроватях пыхтят молодцы —
 С Марса дельцы и пираты.
 Местные аристократы!

Долой писателя кнут —
 Художников здесь закут...

 В орбите той по-английски,
 Как будто Орден Мальтийский:
 Здесь... чурюпаха-адвокат,
 Гоген, и Ван Гог, и Рембрандт...
 Инопланетные рты —
 Без Пушкина, без маяты...
 Живопись эта конкретна —
 Талон всемирного «Метро».
 Его на балконе прибить
 С пометкою «Быть аль не быть?»,
 И тупо зрить в телескоп —
 Во брюхо подлых Европ.
 Чего им по жизни надо?
 Какого, хрен, шоколада?
 Залейте зеленый пятак
 Ребятам в задрипанный бак.
 Оттуда вдохните суть.
 Суть — А.С. Пушкина грудь!
 Финансы поют романсы —
 У землян рваные ранцы.
 Не вдруг луноходы идут
 В седьмой похоронный «УЮТ».
 Найдется надежный гроб
 Для сиу и вип-особ!
 Випы, увы, не фанфары —
 Есть леденцы-подпевалы:
 Руно промышляют с овец —
 Конкретный ВЦСПС.
 Ускребся волейболист —
 Тот скруджерукий марксист.
 Живут апачи и сиу
 В том городе (быть бы живу).
 В трудах коротают свой век
 Среди «бледнолицых» коллег.
 В том лабиринте средь мух
 Состарился Чингачгук.
 Так кто же льнет к водопою
 Под этой вечной горою:
 Гардемарин из Ольховца
 Аль с Марса какая бабца?
 Есть стих такой «Святогор»,
 Его не взрел командор.
 Посмотрим, что будет дальше —
 Без бороды и без фальши:
 Способен ли он зануздать
 Инопланетную кровать?
 Сможет ли он этот слух —
 В Христорождественский Дух?!
 Ведь есть секретарша-комета,
 Есть пацаны из балета...
 Быть может, птицей — в обед —
 Проникнуть в большой кабинет?
 Намедни пропел петух:
 «Чингачгук с часу до двух!»
 Возьмут казака в урядь
 Под номером двадцать пять!

 Петух оказался крысой —
 Горластой желтой актрисой...

На заборе плакат:
Чингачжук — 60!
26.06.2022

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Ребята, Космос?! В добрый час!
Он регулятор вдохновенья.
В музее... профиль и анфас:
Есть академик, есть почтенье!
А тот Малюта-Барабас,
Под Солнцем место отсметанив,
Лакает турбулентный шнапс
Уже в другой Тмутаракани.
Прошел тот паря, как Мамай,
Как ящур миллионголовый.
Он попивает бизнес-чай,
А мы здоровье от коровы.
Нам молоко, как витамин,
Нам молоко для вдохновенья.
Бифштекс не нужен, апельсин —
Сметанке выразим уменье.
Не той, которая на нем,
А той... полезной — без буррито...
Малюта сделал ход конем,
Туда — в потемки общепита.
Он, словно кислый Черномор,
Водил нас за нос, как Руслана:
Вечноживой багдадский вор
Притом с замашками Госплана.
То у него, а что у нас —
Над златокудрыми берегами?!
Какой-то гондоят баркас
Аль бриг с живыми парусами.
Команде ясно, что плывем:
Тмутаракань иль Антлантида?..
И могикане бьют челом
Об кранцы этого болида...
За ними сиу и апач —
Все те же крестники Колумба.
За ними — помышляет вскачь
Полугвардейская заруба.
Пора изъять металлолом
И, помолившись подле сруба,
Принять на свой аэродром
Экзюпери и Кожедуба.
Они ведь с наших берегов —
С городского чернозема.
Там иногда пасли коров
Ребята из россельхозпрома.
Качает монастырь крылом —
Христорождественским набатом.
И по корягам напролом
Летит душа... туда... Солдатом!
Там «Груд и воля» на гербе,
Как и у нас в преданьях пьяных,
Там старшине и гольтьбе
Кумулятивные каштаны...
«Воля и труд» — все перетрут!
«Воля и труд» — имя фрегата!
«Воля и труд»: плюшевый Брут
Цезарем взят где-то у МКАДа...

Пора... Андреевский поднять,
А вместе с ним и тот — серпастый,
Чтобы коричневая тать
Заранее сплетала ласты.
62-я... Сталинград!
Ольховские взошли комбаты!
Счастливый Ворошиловград
Качал советские лампы.
И дед мой был там Алексей,
Артистом звался он в отряде.
Он не бессмертный был Кощей,
Но выжил в честной канонаде.
Потом Одесса на кадык,
По Висле липкие плацдармы.
Здесь проверяли русский штык
Об электрические камни.
Одесса-мама, как же так:
Тельняшка в клеточку косую?..
Пишу тебе сей четвертак,
Как будто собираю сбрую...
А как же Мишка-одессит
И вольногрудые гранаты?
Задраив якоря в гранит,
Братишки норовят в лопаты...
Они мертвы, они с войны,
Но встанут... если под полундру.
Фашисты, шире карманы
В ту предпоследнюю секунду!
Вас было много и тогда:
И пушек топот, и торпеды.
Где вы теперь? А у моста
Сегодня наши трафареты!
Есть капитан, и есть морфлот,
И тот дощаник не пиратский.
Ребятам завтра на завод —
Все те же дедовские каски.
Они в полях не подведут,
Они из смелого металла.
В тельняшках удалая грудь —
Полоски Дона и Байкала.
Вестимо, есть балтийский след,
Ведь без него не будет строя.
Такой космический сюжет
Под нашей яблочной горою!
Сюжет... (на Волге, на Дону!):
Апач — бурлак, трюм — могикане!
Эх, сдали мостик и казну
Межгалактической путане!..
03.07.2022

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Думали — Петр, но не Он:
Какой-то гном брауншвейгский...
Есть только один канон:
Малюта — ворог индейский.
По гривам пойдет легко,
Хитер, как змий рыбаодный.
Мелькает его трико
В здешних шикарных парадных.
Там все на одно лицо —
Тюльпаны в одеколоне.

Сколько таких бубенцов
В инопланетной колонне?
В ковбоях строй, в шулерах —
Толпа бледнолицых гринго...
Сегодня праздник в морях —
День скунса или фламинго.
Впрочем, не все ли равно:
Гулять так гулять... «Емели»!
Воняет это руно
38-ой параллели...
Пир — в ожерельях чумы!
Шашлык — посередь потопа!
Желтая водь Колымы
Вползает в это болото.
Здесь каждый сам за себя:
Здесь каждый рожден орешком.
Думали... этот — судьба!
А он оказался — пешкой!
Отважных из могикан
Отправил в дырявых шлюпках —
Туда, где был Магеллан
Деликатесом в желудках.
Опять... феодалам — бока,
У подпевал — вдохновенье:
Верная едет рука
По фитилям и камням...
Стерильные пауки,
Гламурные солитеры —
Пудовые башмаки
На эполетах «Авроры»...
Еще один аргонавт —
Околоземное чудо!
Очередной овердрафт...
Не потерять бы рассудок?
Когда нагрянет контракт —
Таинственный иноходец,
Этот прошаренный фрак
Проявится. Мужикоборец!
Тот клад из трусов долой
С табличкою: «не ворует-с»,
Подставит индейский строй
Иудиным поцелуем...
Впрочем, довольно мослов —
Шаурмы выдать корыто...
Нет в закромах молодцов
И неплохого пиита.
Эх, собираем обоз —
Донбассу народный порох.
Скажу вам без лишних роз:
Книга — она, как сполох.
Послать бы ее в дозор
В коробке среди патронов?
Иль бросить танкам в мотор
Под резинку терриконов...
Она... не «Война и мир» —
Название ее «Граница».
Где же ты, тот командир,
С метким пеленгом: «Птица?!»
Но это, брат, не сейчас —
Пытаюсь издать фигуру.
С рукой, протянутой в сласть
К молочнику, к Троекуру...

Покамест фи́га, увы,
Но как бы еще не вечер.
У нас нежадные львы,
И псы от них недалече?..
Россия — она в басы,
Она в мужиках конкретных.
Не львы они и не псы,
А из скворечников верных...
Христорождественский дух
Крепчает от малолетства.
Еще не пропел петух
В мое горбатое сердце.
Беседа сошла на нет,
Нет смысла больше горланить.
«Границу» — русский поэт
Писал, а не здешний Каин...
Иудам везде почет
(И в этом городе тоже):
Все тот же варят компот,
Но только теперь — дороже!
Башляем волей за щи
И за сироп лунопрямый.
Вкачать бы прежней мощи
В полупустые баяны...
Мост под горой — «Святогор»,
А над горой, как в Париже,
Курятник. И спелый вор
Вовсю съезжает по крыше.
Антоновка сверху в нос
Стелется, словно мазута,
И каждый встречный матрос —
Новую чует замуту.
Инопланетный «Фуркад»
Сидит на всех эстакадах:
Думали, будет комбат,
А он тех бесов ограда.
Христорождественский дух
Из-под сцены клокочет.
Покамест летит петух
В шамаханские очи.
Когда-нибудь клонет брат
Старуху эту не всуе.
На речке стоит фрегат
На самом донском ветродуе.
Зачем писал сей трактат?..
А впрочем, не зря старался:
Любой ольховский курсант
Любитель свежего галса.
Новые те турники
Мы тоже любим, как дети.
У Карабаса — быки...
У Барабаса — «миледи»...
Где бы их утром узреть
(Корова — восьмое чудо!).
У пастуха нынче плеть,
И пеленг его — «Малюта».
.....
Пока созревало яйцо
(Это словцо! Это мясцо!),
Явил основное лицо
Господин Чи-нон-цо...
09.07.2022

Р. S.

Негоже на гробах плясать —
Под сценой полыхают предки.
...Что пятью пять есть двадцать пять,
Но не для этой табуретки —
Успел тот Чингачгук понять.
Опять же ловкий поворот:
Сменился галс — догнали птицу.
Петух забористо поет:
«Двадцатку завтра на «Границу»?!»
Где этот щедрый человек?..
Не тот ли с берегов молочных?
Он тоже истинный ацтек —
Некоронованный наш кормчий.
Сказать, друзья, о том Марате:
Он самый главный на фрегате...
Не этот гном очередной
С неугомонной бородой.
Тот город взяли не татары,
А с сиськами ветеринары!
Не в тысяча шестьсот каком —
В двадцать таком, двадцать таком!
Но верим, что не на всегда —
Есть в тайниках сковорода...

.....
Есть меч-кладенец и щит,
И есть «Интеграла» камня.
С колоколов в аппетит —
Замятина Евгения варенье...
Андреевский! Здравствуй, брат!
На взгорочке, будто рубка...
Здесь предки зарыли клад —
Не для боков и желудка.
Быть может, на этот метр
Андрей сойдет Первозванный.
И грянет тот Пересвет
Во все моря и баяны...

.....
Заполоводила глаза
Остроконечная слеза...
Сарай — Пальмира!.. Лепота?!
Коляда... Коляда...

28.07.2022

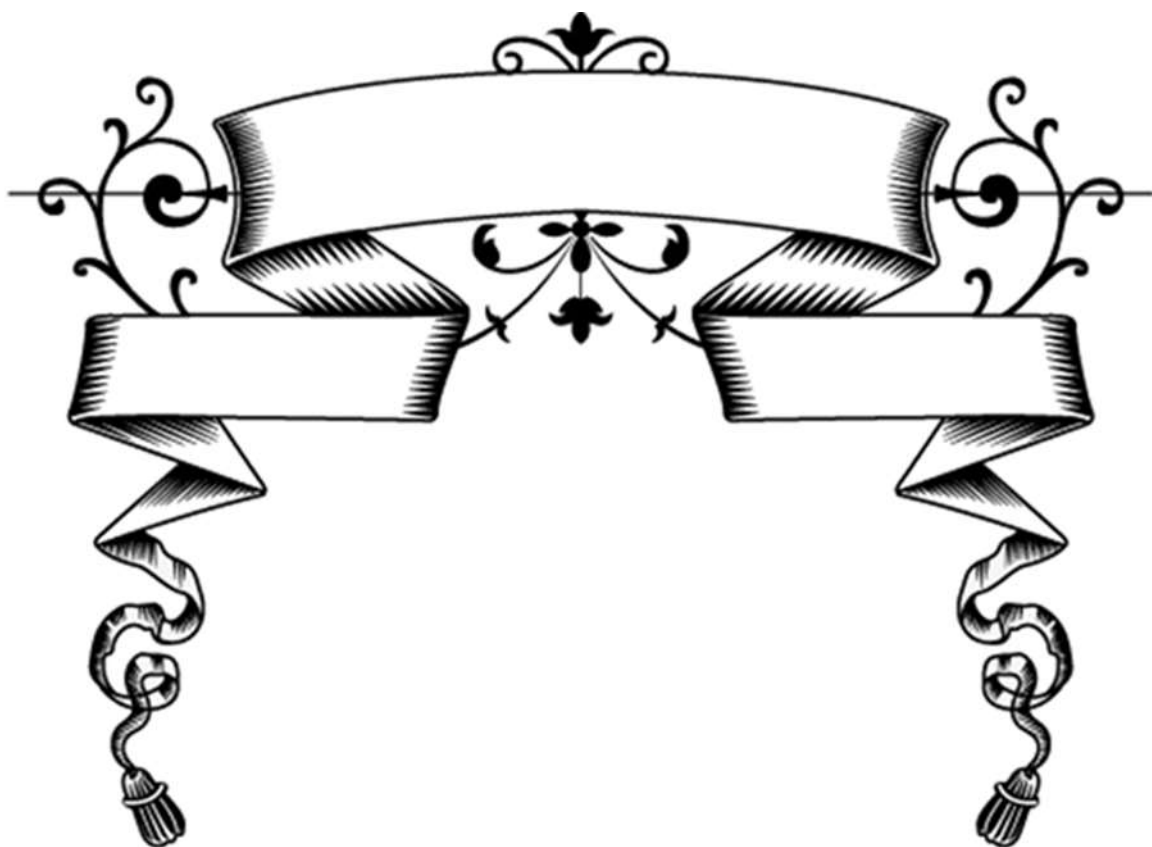
КОНЕЦ

*«Интеграл» — звездолет («огненный Тамерлан счастья») в романе Е. И. Замятина «Мы».
Барыба — герой повести Е. И. Замятина «Уездное».
Апачи, сиу, могикиане — представители индейских племен*

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
И КРИТИКА
РЕЦЕНЗИИ**

**ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА**

**НАТАЛЬЯ ПОЗДИНОВА
ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ**

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

Валерий Яковлевич Маслов — член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, член Общественного совета министерства культуры Тульской области. Заместитель председателя Тульского отделения Союза писателей России. Автор 40 художественных книг, изданных тиражом более одного миллиона экземпляров в России и за рубежом. Кавалер медали Ордена «За заслуги перед Отечеством». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИВАН БУНИН И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Огромным количеством нитей творчество величайшего русского писателя и поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина связано с Тульским краем. Особенно интересны его встречи с гением мировой литературы Львом Николаевичем Толстым, 195-летие которого мы отметили 9 сентября 2023 года.

Впервые в окрестностях города Ефремова Тульской области, где жили его мать и сестра, Иван Бунин, будущий классик русской литературы, оказался в 1887 году, еще семнадцатилетним юношей. Начинаящий поэт решил съездить в гости в «Ясную Поляну» к самому Льву Николаевичу Толстому.

Вот как описывает этот эпизод тульской жизни И.А. Бунина его вторая жена, Вера Николаевна Муромцева: «Он оседлал своего коня и отправился в Ясную Поляну: путь держал на Ефремов, стоящий на Красивой Мечи, реке Тургенева, что его волновало. Он очень утомился за дорогу, и так как у него не было в этом городе знакомых, то он пошел в городской сад, сел на скамейку, а потом и заснул. Проснулся на заре и от утренней свежести, придя в себя, почувствовал робость. Денег у него было мало, и он повернул домой, гнал во всю прыть свою Кабардинку, и, когда вернулся домой, работник покачал головой, увидев, в каком состоянии была его лошадь».

И все-таки его знакомство с классиком мировой литературы состоялось немного позже. Начинаящего поэта настолько поразила эта встреча, что он рассказывал о Толстом не иначе, как «о великом старце», называл его Богом. Именно произведения Л. Н. Толстого пробудили в нем «страстную жажду творчества».

В январе 1894 года Иван Бунин побывал у Толстого в гостях уже в московском доме в Хамовниках. А вскоре получил от него такое трогательное послание:

«Очень рад был получить ваше письмо, Иван Алексеевич. Рад потому, главное, что наше свидание в Москве было очень короткое, и я боялся, что недостаточно внимательно отнесся к вам. Не ждите от жизни ничего: лучше того, что у вас есть теперь, и момента более серьезного и важного, чем тот, который вы теперь переживаете, не может быть, потому что он настоящий и один в вашей власти. Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной: все безразлично. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной силы. А я думаю, что это напряжение духовной любовной силы очень нужно вам для того, чтобы удержать хорошие отношения с женою и, вместе с тем, не переставая в мыслях и деле идти вперед в деле христианского совершенствования и служения Богу... Любящий вас Л. Толстой».

Естественно, что это напутствие прошло для И. Бунина красной нитью в его творчестве. Возможно, что и поэтому величайший русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин на склоне лет, находясь в эмиграции, напишет такие проникновенные строки, навеянные ему воспоминаниями о той первой поездке в «Ясную Поляну» и летней неповторимой красотой окружающей его природы толстовской усадьбы.

— И цветы, и шмели, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

Тульская земля всегда привлекала к себе творческие личности. Отсюда вышли многие выдающиеся деятели культуры, писатели, художники, композиторы. В наш край приезжали, здесь жили и творили люди, прославившие Россию на весь мир.

Иван Бунин особенно любил имение своего брата Евгения Алексеевича. Деревня Огневка, расположенная в Ефремовском уезде Тульской губернии, принадлежала матери писателя Людмиле Александровне, которая принадлежала к дворянскому роду.

Здесь ему очень хорошо работалось, причем не только над сочинением стихов. Он перевел поэму знаменитого американского поэта Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате». А в своем стихотворном сборнике «Листопад» (1901), нарисовал яркую картину золотой осени:

*«Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой».*

(«Бунин и Огневка». Из книги В. М. Петрова «Бунинское подстепье»)

Вершиной прозаического творчества писателя стала написанная именно здесь повесть «Деревня». Многие другие стихи, повести, рассказы и переводы, в том числе знаменитый рассказ «Антоновские яблоки» Иван Бунин написал здесь под воздействием красот Тульского края.

Не будет преувеличением сказать, что именно в Ефремовском крае находится самое красивое природное пространство, которое называют «тульской Венецией»: извилистая русская река Красивая Меча, заливные луга, бескрайние просторы среднерусской возвышенности.

И потому 1 августа, в разгар лета Иван Бунин пишет другу А. М. Федорову такое признание: «Много пишу, читаю, словом, живу порядочной жизнью, а это... кажется, только и можно делать, что в Огневке».

Не случайно, что именно здесь им написаны такие классические произведения русской лирической литературы, как «Все лес и лес. А день темнеет», «Дымится поле, рассвет белест», «Как светла, как нарядна весна» и многие другие.

Город Ефремов полюбился поэту настолько, что, после бурных событий Первой русской революции, семья вообще переехала сюда из своей усадьбы в деревне. Брат Ивана Евгений продал Огневку и приобрел в городе дом из красного кирпича на Тургеневской улице. Тот самый, в котором сейчас находится музей Бунина. Теперь каждый, кто приезжает в «город Бунина», знакомится с мемориальной доской на нем: «В этом доме периодически с 1906 по 1910 год жил и работал русский писатель Бунин Иван Алексеевич. 1870—1953 гг.»

Начинающий поэт Иван Бунин был натурой пылкой и влюбчивой. Его первой, невенчанной, женой считают корректора газеты «Орловский вестник» Варвару Пашенко. Он так характеризовал свою возлюбленную в письме к своему брату: «эмансипированная девушка, высокая, с очень красивыми чертами, в пенсне, умный, интересный собеседник».

Но никакие страсти и препятствия не мешали поэту творить. Например, 28 мая 1901 года, в письме, адресованном Ю. А. Бунину, он писал: «Я как в тумане от работы и сиденья, хотя благодаря жаре... и пыли дело плохо идет, и потому пишу тебе мертво. Положение дел таково: мать все время в Ефремове... Тружусь упорно...»

Именно в тульский период творческой деятельности Иван Алексеевич Бунин создал те произведения, которые отличались преданностью классической традиции, которые он обогатил только присущими ему качествами. И это естественно, потому что поэзия, принесшая ему известность, сложилась под влиянием таких гениальных поэтов, как Пушкин, Фет, Тютчев. Картина природы в бунинской поэзии складывается из запахов, остро воспринимаемых красок и звуков, собственного чувственного опыта.

При этом, как настоящий писатель с острым восприятием жизни, Иван Бунин замечает и ее правду, субъективные особенности. В своих произведениях «Деревня» и других, он отражает действительность, как бы не была она страшна и неприглядна. Вот что он писал в письме брату: «В Ефремове страшная нищета» (1).

Исследователь творчества писателя и автор книги о И. А. Бунине, А. Бабореко рассказывает о таком эпизоде из рассказа «Чаша жизни» (1913 год): «прототипом героя отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в гор. Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в калошах, купался летом и зимой в Красивой Мечи и продал свой скелет для анатомических целей» (2).

Особую ценность для современного читателя имеют высказывания И. А. Бунина, что именно в Средней России, к которой относились Тульская губерния и Ефремовский уезд, зародился и постоянно обогащался прекрасный русский язык. В своем произведении «Жизнь Арсеньева» Иван Бунин описывает родовое

имение отца М. Ю. Лермонтова Кропотово (у Бунина — Кроптовка), где бывал Михаил Юрьевич Лермонтов — знаменитый русский поэт, всемерно обогативший великий русский язык.

«Я сидел и, как всегда, попадая в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец? ...Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств» (3).

Ценны для нас и изыскания поэта о знаменитых творческих личностях, связанных с Тулой и областью. В статье «К будущей биографии Н. В. Успенского» (1890 год) И. Бунин рассказывает о многих, неизвестных ранее фактах жизни этого писателя Тульского края. Эти сведения писателя изложены в девятом томе его собрания сочинений (Москва, издательство «Художественная литература», 1966 год).

Иван Алексеевич Бунин мечтал быть похороненным в Ефремове, в земле «тульской Швейцарии», которой он так восхищался. К сожалению, мечта великого русского писателя не сбылась. Но он оставил тулякам право гордиться тем, что Тульский край навечно связан с его именем. Эта творческая взаимосвязь, наряду с другими великими писателями-туляками Львом Толстым и Викентием Вересаевым, только подчеркивают вклад Тульского края в увековечивание великой русской литературы.

Литература:

1. А. Бабореко. И. А. Бунин (материалы для биографии). М., 1967, стр. 80, 84.
2. Там же, стр. 189. об уроженце Ефремовского уезда, писателе С. И. Малашкине.
3. И. А. Бунин. Собр. соч. в 9 томах, т. 6, издательство «Художественная литература», М., 1966, с. 156 — 157.
4. Кузнецова Г. Образ Бунина // Новое русское слово.— 19.12.1954.
5. А. Боголепов. Русская лирика от Жуковского до Бунина // Опыты.— 1954.— № 3.
6. Волков А. Бунин // История русской литературы.— М.; Л.: АН СССР, 1954.

Наталья ПОЗДИНОВА

г. Смоленск

Поздинова Наталья Борисовна — член Смоленского областного ЛитО «Родник» им. Ю. В. Пашкова с 2002 г. Автор восьми книг для детей и взрослых. Участник, финалист и дипломант нескольких литературных конкурсов. В 2012 г. придумала, разработала и осуществляет проект «Литературные путешествия», основная цель которого — привлечение детей-дошкольников к чтению через знакомство с писателем. Участниками проекта за десять лет стали более 18000 детей, живущих в двадцати пяти больших и малых городах России. Наш постоянный автор.

ПРОВОДНИК СВЕТА

О КНИГЕ НАТАЛЬИ ИСАЕНКО «ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА»*

О воздействии литературы на человека писали многие авторы, разбирая это явление с разных позиций. Филологи, критики, психологи, освещая это по-своему, сходятся в одном: феномен авторского текста существует. Чем бережнее автор, будь то писатель или поэт, относится к своему читателю, тем теснее хочет читатель прикинуться к нему и знакомиться вновь и вновь с тем, что выходит из-под его пера. Думаю, что книга Натальи Исаенко «Энергия солнца» станет для читателей не только откровенным рассказом поэта о себе. В первую очередь читатель проникнется настроением книги, написанной и составленной с чувством радости, восхищения и сопричастности к величайшему чуду — к гармонии Природы.

Первая же строфа книги Натальи Исаенко «Энергия солнца» зовет читателя пробудиться, оглядеться вокруг, отстраниться от звучащих вокруг ритмов и получать удовольствие от объемных образов, созданных автором. Начальные строки этой строфы содержат образы перехода из одного состояния в другое: «прохлада... тает карамелью». Это будто приостановка, замедление, расслабление... А вот вторая строфа уже дина-

* Энергия солнца : стихи / Наталья Исаенко.— Смоленск : Маджента, 2022. — 139с. : ил. ISBN978-5-98156-951-7

мична: «душа ликует». И это вызывает у читателя собственные ассоциации, пробуждает воспоминания о знакомой ему «пахучей весне».

Такое начало есть организация своеобразного диалога с читателем, в котором поэт дает возможность погружаться в созданные им образы, присоединяться к потоку его слов, но не требует от читателя безоговорочного подчинения. И состояние пловца в океане чужих образов не мешает читателю устремлять свой взор на самого себя, свои воспоминания и ощущения.

Зная, что стихи, вошедшие в эту книгу, написаны в разное время, можно проследить изменения авторских интересов, настроений, образов. Неизменным в творчестве Натальи Исаенко остаются темы жажды жизни и силы духа человека:

«Крылья истрепаны... Но ведь летают» (стр.8)

Также ей присуще умение управлять своим настроением, контролировать свои эмоции:

«... не могут препятствовать тучи дождливые власти солнца» (стр.9)

Наталья наблюдательна, чутко улавливает настроение окружающих. Такие сейчас редкие качества, как ненавязчивость, теплота отношения к собеседнику, уважение к чужому настроению, вызывают уважение читателя. Отношение к Природе, как к живому существу, сопереживание ее процессам и умение выразить это художественной поэтической строкой — достоинство поэта Натальи Исаенко.

*«А сугроб-то совсем занемог,
Почернел и в лице изменился»* (стр.11)

Эстетика пространства в книге «Энергия солнца»

В книге Натальи Исаенко мы находим несколько разделов. В каждом из них есть то неповторимое, что помогает читателю охватить перспективу: проследить, как происходят изменения пространства и времени. Природные естественные перемены Наталья увязывает с эмоциональными состояниями. Поэтому течение времени в разделах календарного цикла имеет тонкий философский подтекст.

Вот (стр.8) зимняя усталость («истрепаны крылья») постепенно уходит «струйкой тоненькой» (стр.11) потому, что «ласки солнца опять горячи» (стр.11). Затем (стр.18) Наталья, получившая «вакцину счастья», радуется ливню (стр.20). Автор, будто художник, умело рисует несколькими штрихами-словами то свое настроение, то состояние окружающей среды. И мы, читатели, тут же чувствуем духоту города с «клейким воздухом» и ощущаем шероховатость стен деревенского дома (стр.21—22).

Наталья подбирает такие точные выражения, скрепляющие образы, что последние становятся емкими и объемными. Вот Яблочный спас наступил, и «яблоки можно вкушать» (стр.26). Подчеркнем, что это слово означает напитываться благодатной энергией, принимая «дар волшебный», а не механическое пережевывание кусочков плода.

А вот поздний август, когда «осень к лету настырно соседится» (стр.27).

А вот свое ощущение движения времени автор выражает так:

*«Сказало лето: «До свидания»,
Купив билет на самолет»* (стр.28)

Разгадка благотворного воздействия стихов Натальи Исаенко на читателя кроется в мягкости и лиричности образов, в колорите речи. Ненавязчивость автора успокаивает читателя, пробуждает его собственное воображение, вселяет в него уверенность в благополучии. Такова глава «Кленовый крой осени», в которой «нисколько не осень», обязательно «по душе бальзамом разольется» (стр.35).

Книга «Энергия солнца» воспринимается как единый текст, в котором есть живой, размышляющий, чувствующий литературный герой, становящийся собеседником или советчиком. Поэтому книгу Н. Исаенко можно будет перечитывать неоднократно. И от случая к случаю, открывая том наугад, возвращаться к отдельным главам или полюбожившемуся стихотворению. Например, такому, как ее рассказ об ощущении тепла и соединении с солнечной энергией своих мыслей (стр.32).

Поэзия Натальи удивительно гармонична. В ней есть то главное, без чего не создается неповторимое притягательное настроение книги: искренность и естественность. Используя отрывки поэтических строк из первых четырех частей, мы можем кратко описать их содержание так:

«Легкая прохлада... тает в солнечных лучах, двери в утреннее счастье нам открыты (стр.5) ... и ничего плохого не случится, пока в моей руке твоя рука (стр.17) ... благодать в моей душе ничего не нарушит ... непогода если незваной гостью ворвется, все равно тепло от летних песен по душе бальзамом разольется (стр.35) ... когда внутри огонь горит, он и снаружи согревает (стр.45)».

Продолжая свое знакомство с новой книгой Н. Исаенко «Энергия солнца», мы попадаем в главу, названную «Эпоха с подвохом». Понятно, что любые катаклизмы человеку не страшны, если он обрел внутреннее спокойствие и имеет надежных попутчиков. Размышления о двойственности мира, явлений и событий не уводят автора с центральной дороги, которую она выбрала в начале книги.

Во что мы находим в этой главе:

«Хорошо, где мы есть» (стр.52)

«Не тратьте жизнь на суету пустую» (стр.53)

«За счастьем далеко ходить не надо

... ты до него дотронься — вот оно!» (стр.85)

Расположенные на страницах 54 и 55 стихотворения воспринимаются как вопрос и ответ. Они соседствуют не случайно, а чтобы читатель не сомневался в почве, которая помогает выстоять. Вот как формулирует Наталья Исаенко: «Мыслями чистые выстоят». Визуальное оформление этого текста напоминает лестницу и символизирует движение вверх, вперед, в будущее.

Вникая в тексты этой главы, мы видим прорисовку пространства, в котором оказались. Это уже не мир лицедейства на плоской сцене, подмечает автор, а циркачество, акробатические трюки в воздухе, подсвечиваемые «жаром амбиций». Окружающая действительность теперь формируется в плоскости мыслей и эмоций, в отличие от прошлого века, где мы телесно участвовали в реальных действиях. Индустрия искушений узаконена и приносит прибыль, лишая человека права на естественность. Будто приговор выносят модные бренды, ставя клейма, стирая личность, превращая человека в управляемую цифровую копию.

Автор книги в своих размышлениях приходит к выводу, что «важно, какие внутри». Сердца стук — это жизнь, воля, справедливость, честность, благоразумие, ... то, что завещано предками для продолжения жизни на русской земле. Это подтверждают строки о «рамке совести» (стр.62), в которой должна быть «картинка жизни» человека. Чтобы «твердой рукой свою судьбу сотворять» (стр.64), требуется жить простыми истинами (стр.66) и «горением сердца».

Читателя всегда обуревают любопытство, как же авторы создают свои произведения, как идет процесс творчества. Наталья Исаенко, отвечая нам, описывает в стихотворении «О творчестве» (стр.69) всего несколькими строками всю гамму переживаний поэта и тонкости своего труда в порыве вдохновения. Мне кажется, что тот текст является наглядным примером письменного творчества. Он напоминает выплеск энергии эмоций. Перевести его в ранг устного творчества непросто. Чтец должен ощущать так же, как и Наталья ритм того пространства, из которого ей звучит «веление» устремиться к листу бумаги (стр.69).

Для тех, кому доставляет удовольствие лично читать поэтов, в книге «Энергия солнца» имеются замечательные стихотворения. Они из ряда текстов устного творчества, и их благозвучие доставит удовольствие слушателям. Одно из таких стихотворений о творчестве, сиюминутности потока, который требуется усмирить, дав приют в авторском блокноте. Называются эти стихотворения «Блокнот» (стр.71) и «Я рисую словом» (стр.72).

В другой главе есть стихотворение «Март» (стр.6), текст которого предоставит уникальную возможность интонировать, играть словами, знаками препинания. Возможно, чтецы будут произносить этот текст, меняя акценты и звучность слов. Этот стихотворный текст так и манит двигаться, шалить, преобразовать...

Поэт Наталья Исаенко, шагающая по твердой почве, умеет отрываться от земли и витать в пространстве невесомой гармонии, образов, рифм. Возможно ли такое соседство, и как благополучно уживаются эти две части личности в поэте, мы узнаем, читая стихи в книге «Энергия солнца». Автор, не скрывая, в ироничной манере рассказывает о себе и своем характере (стр.78). Не забывая, однако, предупредить, что она хрупка, «как милая и нежная Ассоль» (стр.84).

Влюбленная в родной Смоленск, Наталья во время прогулок с сыном стремится приучить его замечать необычную красоту города:

«Гуляла я здесь ребенком,

И с ребенком приду гулять» (стр.91).

На Блонье они будут восхищаться «водяной гривой фонтана», «кататься» на олене, «в положенный час» слушать мелодию Глинки... А если повезет, увидят «утренний сироп» на дороге (стр.94 — 96).

В главе о «дальних краях» Наталья рассказывает о своих поездках и взаимоотношениях с городами и стихиями. Ей посчастливилось испытать то, что словами можно выразить так: «Я чувствую целый Мир, и мы общаемся».

«Здравствуй, Италия! Я Наталья!» (стр.102).

Не из бездны ли водной или песчаной, встречи с которыми были у Натальи в дальних странах, льются потоки-караваны, вдохновляющие на новые и новые стихи, напитанные ароматом нежности, искусно сложенные и благозвучные?!

Читая строки поэта Натальи Исаенко, проникаешься их теплом. Пробуя на вкус и произнося целые строфы, получаешь удовольствие и радость от благозвучия текста и ясности заключенных в нем мыслей, а также превосходных чистых образов. Тут же возникает желание поделиться этим с другими, рассказать о чуде, которое происходит с тобой, читателем, благодаря созидательной энергии Натальиных стихотворений.

Даже внутреннее оформление книги выполнено так, чтобы поддерживать этот чудесный порядок, который задумала и воплотила в своей поэтической безграничности Наталья.

Радуясь встрече с этой книгой, благодарим Наталью Исаенко за рожденный ее пером

*«Мир беспокойный и громко кричащий,
Мир удивительный и настоящий»* (стр.113).

Пусть в ее жизни чаще случаются чудеса, путешествия и встречи с Музой, которые затем становятся новыми интересными стихами и книгами!

О КНИГЕ ЛЮБОВИ СЕРДЕЧНОЙ «РОССИЮ НЕ СЛОМИТЬ!»*

Чем талантливее поэт и чем масштабнее его личность, тем неожиданнее он раскрывается перед читателями в своих произведениях, в новых книгах.

Выстроить стихи в определенном порядке — большое искусство. Автор книги «Россию не сломить» знаком с разными подходами и возможностями организации внутреннего пространства, а его уверенность в своих силах основана на полученном опыте, ведь эта книга далеко не первая. Благодаря этому, а также человеческой и творческой чуткости, Любви Сердечной удалось создать уникальное произведение, которое воздействует на читателя, вызывая у него эмоциональный отклик, призывая к действию, настраивая на определенную цель.

В отличие от поэтов, которые спешат выдавать «на гора» лозунги, Любовь Сергеевна затрагивает индивидуальные пласты родовой памяти. Благодаря этому у читателя — будь то военнослужащий или гражданский человек — пробуждается уверенность, основанная на опыте многочисленных поколений русских людей, которым судьба уготовила побеждать в противостоянии врагу, возрождаться и воспитывать потомков на своем героическом примере.

Автор предлагает читателю оценить масштаб нашей страны, ее возможности и мощь не с точки зрения географических параметров, как это делают в школе. Средствами измерения и эталонами служат неподвластные человеку стихии: солнце, ветер, море. Именно они впитаны со сказками народом нашей Родины: им поклонялись, их воспевали, к ним обращались за поддержкой. Это сама изначальность, укрепляющая волю человека, живущего с природой в гармонии. Слова стихотворения (стр. 3) звучат как зачин к повествованию, как настрой. Они похожи на мантру, текст которой отсекает иные мысли, ведет человека к определенной цели. А такая цель у нашего народа, вступившегося за своих братьев и сестер, оказавшихся в беде, есть.

*«Никому не сдвинуть горы.
Не вернуть к истокам реки.
Не сдержать Земли вращенье.
И Россию не сдержать!»*

Говоря от первого лица, Л. Сердечная сближает себя с читателями. Она откровенно рассказывает о своем понимании хода истории, не скрывая ощущений и переживаний, которыми полна ее душа.

*«Это я! Я частичка народа,
Капля малая в океане...
Но со мною живет наша память
В мыслях, в сердце, в поступках, в крови!»* (стр.7)

Она стремится подбодрить и вселить уверенность в тех, кто находится на линии огня, и в тех, кто находится в безопасности: «Мы выстоим!» Это «Мы» — сильнейшее из того, что может быть. Это выше слияния на уровне семьи, рабочего коллектива или города. У Л. Сердечной иное понимание феномена «Мы». Для нее мы — это весь народ. Только *всему* народу под силу слиться воедино и, образовав новую

* Любовь Сердечная. Россия не сломить: стихи.— Из-во «Маджента» — Смоленск., 2023 — 44 стр. ISBN 978-5-98156-666-0

общность, проявить единую силу: дать отпор и твердо произнести «Нет»! В таком «Мы», о котором пишет автор, объединение происходит во имя Правды. Такое объединение приводит к освобождению от соблазнов и искажений действительности. И тогда приходит Победа! Так было, когда Мы победили в войне в 1945 году.

*«Было! Было!
Помнить будем!
Чтоб потомкам передать:
За Победу гибли люди...
Память нам нельзя предать!» (стр.9)*

Хотя издание имеет скромные размеры, но наполненность его историями семьи, воспоминаниями, на которых выросли и воспитаны несколько поколений, делает книгу бесценной.

Текст книги «Россию не сломить» разбит на две главы, состоящие из равного количества страниц. Когда мы берем в руки этот небольшой том, он распаивается так, что на ладонях читателя оказывается одновременно прошлое и настоящее. В рассказе о солдате из «Бессмертного полка» (стр.22) на нас смотрит с фотографии солдат, о котором семья хранит воспоминания, у него есть имя, есть внук.

Для детей, воспитанных на рассказах о предках, лица на портретах всегда узнаваемы. Это подтверждает данное стихотворение, концовка которого неожиданна. Неразрывная связь нашего народа показана через детское восприятие «Бессмертного полка». Детский восторг малыша, описанного Л. Сердечной, понятен читателю. Но первые строки — это лишь начало описания события. Ребенок, участвующий в шествии, испытывает и робость, и гордость, и удовольствие от того, что он — внук своего деда-героя. Прочитав весь текст, невольно сразу углубляешься в свои переживания. Перехватило дыхание: «... Мы с прадедом страшно похожи...»

Через рассказ ребенка идет глубочайшее воздействие на читателя, положительный эффект которого переоценить невозможно. Это «Мы» — великая печаль и великая ценность нашего народа. «Мы не покорились!» звучат голоса двадцати пяти миллионов погибших со страницы (стр.23) книги «Россию не сломить».

Каждый текст в книге помечен точной датой появления. Благодаря этому мы видим, что Любовь Сергеевна не раз возвращалась к событиям прошлых военных лет. Она облакала в стихотворную форму воспоминания близких людей. Наблюдая жизнь старшего поколения, автор подмечала детали их ежедневного быта. Так появилась в книге история о девушке-медсестре (стр.18), встретившей совершеннолетие на войне и похороненной в «веночке из кос».

Автор представляет факты, которые хранятся в памяти народа. Казалось бы, их невозможно извратить. Но идеалы врага, умело внедренные в незрелые умы, дали сорные проростки. Война перешла на уровень мысли через яркие одурманивающие приманки. На другой стороне границы, разделяющей Добро и Зло, находятся люди, стремящиеся повелевать, доминировать, подчинить себе весь мир. Вторая глава книги «Россию не сломить» представляет читателю не менее трагические события, происходящие в настоящее время.

Тут голос поэта звучит уже по-другому, ведь не только дружелюбие и терпеливость есть в характере славян. Душе русского человека противно насилие. Мы умеем объединяться, вести за собой, способны преодолевать трудности и быть милосердными. Возможно, излишняя доброта к врагам и привела к возрождению идеи взять реванш за прошлые потери.

Теперь защищать мир от агрессора придется выросшим правнукам Победителей.

Тема войны сложна, и не каждому, взявшемуся за нее, удастся создать целостный образ участника боевых действий или описать события так, чтобы они не стали сводкой боевых действий. В книге «Россию не сломить» автору удалось умело нарисовать картины прошлого, передать настроение и мысли тех, кто находится на поле боя в эти дни.

Любовь Сердечная не пользуется обтекаемыми формами, строя свою речь, а говорит честно, уверенно, громко. Призывая к действию, она добивается успеха и, заявляя о своих чувствах и намерениях, не пустословит, а действует. Как мудрый человек и опытный литератор, Любовь Сергеевна знает: стихи могут окрылять, могут оказаться плечом, на которое можно опереться. Стихотворные строки могут стать внутренним голосом, помогающим выйти из тьмы.

Эта небольшая книга свидетельство мастерства автора писать не только прекрасные стихи, но и создавать из них книги, пробуждающие человеческие умы и души.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы. Наш постоянный автор.

«ПЫЛАЮЩАЯ ДУША...»*

ЧАСТЬ 1

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — русский поэт-романтик, восторженный мечтатель-идеалист, грезивший, по его словам, «о будущем усовершенствовании рода человеческого», горячо жаждавший посвятить благу отечества

*прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил (1).*

Будучи 23-х лет отроду, этот молодой гвардейский офицер вместе с другими членами тайного «Северного общества» вывел восставшие войска на Сенатскую площадь в Петербурге 14 декабря 1825 года. Одоевский командовал заградительной стрелковой цепью, «унимал солдат, стрелявших без спросу», подалше от цепи «удалял чернь» — собравшиеся вокруг площади массы народа, толпы петербургских жителей.

Целями восстания были отмена в России крепостного права, перемены в государственном устройстве: упразднение абсолютной самодержавной власти и ее замена либо конституционной монархией, либо республикой — решение должен был бы принять созываемый Всенародный собор.

Кондратий Федорович Рылеев (1795—1826) — поэт-гражданин, один из пяти казенных руководителей декабрьского восстания, — объяснял: «куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас усилий для блага страны!! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!» (2)

В то же время декабристы осознавали жертвенный путь своего служения. Рылеев писал:

*Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода? (3)*

Впоследствии в своих мемуарах друг Одоевского декабрист Николай Иванович Лорер (1794—1873) размышлял: «Не ребячество, а любовь к отечеству и стремление на развалинах деспотизма, самого самодурного, самого пагубного для общества, построить благо России! Но время еще не настало, Русь наша была еще слишком далека от сознания необходимости реформы вверху и в основании. Молодое увлечение увлекло Одоевского, подобно многим другим молодым людям» (4)

После разгрома восстания Александр Одоевский отчетливо осознал, что «30 или 40 человек, по большей части ребят, и пять или шесть мечтателей не могут произвести перемены». Такие показания он дал на следствии по делу декабристов.

Мечта его была хотя и неосуществимой, но пламенной, искренней и чистой. Голубоглазый кудрявый Саша, рожденный для «надежд, поэзии и счастья» (4), с самой ранней юности пробуждал в людях *чувства добрые*, вызывал своими человеческими качествами уважение и притяжение современников. Родные, друзья, знакомые — все в один голос с восхищением отзывались о нем. «Его пылающая душа кажется огненным лучом, отделившимся от солнца, так она ярка», — написал один из друзей под миниатюрным портретом Одоевского.

Светлая, обаятельная, незаурядная личность Александра, жар его души проявились, в том числе в его переписке с двоюродным братом Владимиром Федоровичем Одоевским (1804—1869), впоследствии ставшим известным русским писателем-романтиком. Юный Александр писал брату: «Ничто более не возмущает меня, как холодность, особенно в молодом человеке». В письме от 10 октября 1824 года Александр пишет Владимиру о своей напряженной внутренней жизни, подвластной великому идеалу: «У меня есть что-то,

* Написано к 220-летию А.И. Одоевского.

пусть — идеал, но без меры и без счету. Шагаю себе, может быть, лечу, но сам не знаю как, и вместе с тем в некоторые мгновения наслаждаюсь истинно возвышенной жизнью, всегда независимою, и которая кипит во мне, как полная чаша».

Не случайно Владимир Одоевский в «Дневнике студента» (1821) вспоминал: «Александр был эпохой в моей жизни. Ему я обязан лучшими минутами оной. В его сообществе я находил то, чего везде искал и нигде не находил».

Прекрасно образованный, умный, благородный, романтически восторженный Александр Одоевский был любимцем лучших людей своего времени. Высоко ценил его Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829) — создатель бессмертной комедии в стихах «Горе от ума» (1824), посол России в Персии, где он и встретил свою трагическую гибель, защищая русское посольство. В 1825 году он писал об Александре Одоевском, с которым был в родстве, своему другу С. Н. Бегичеву: «Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел».

Грибоедов и Одоевский состояли в родстве не только по крови, но и по духу. Возможно, в образе главного героя «Горя от ума» Александра Чацкого — горячего борца с крепостничеством, косностью, несправедливостью — нашли воплощение некоторые черты Александра Одоевского. Сам он ощущал то самое «горе от ума» — разлад между разумом и чувствами: «ум может ли быть в вечном согласии с сердцем?» «Ум с сердцем не в ладу», — говорил о себе Чацкий.

Герой смело, открыто, пламенно выступил против наделенных властью «авторитетов», сильных мира сего, крепостников, грабителей и угнетателей народа — «негодяев знатных»; обличил «подлейшие черты» их существования:

*Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве. (5)*

Примечательно, что Одоевский организовал коллективное переписывание с подлинной рукописи и распространение в списках комедии Грибоедова, запрещенной в России царской цензурой. Это было важной частью радикально-просветительской деятельности тайных декабристских обществ.

Грибоедов создал стихотворение-посвящение «А. О <доевскому>» (1826?), когда его родственник и друг томился в неволе, приговоренный по обвинению «в умысле бунта» и участии «в мятеже с пистолетом в руках» к 15 годам сибирской каторги, срок которой при утверждении приговора был сокращен до 12 лет:

*Я дружбу пел... Когда струнам касался,
Твой гений над главою моею парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!...*

В свою очередь поэт-узник тяжело переживал гибель родного человека — замечательного сына России — в «Элегии на смерть А. С. Грибоедова» (1829):

*Но под иными небесами
Он и погиб, и погребен;
А я — в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не унесут,
И капли слез с горячей вежды
К нему на дерн не упадут (76).*

Обширная, исторически, литературно и социально значимая тема «А. С. Грибоедов и А. И. Одоевский» заслуживает отдельной глубокой разработки.

Декабрист и мемуарист Николай Васильевич Басаргин (1799—1861) также оставил свои воспоминания: «Против нас сидел князь Одоевский, очень молодой и пылкий юноша-поэт. Он, будучи веселого, простосердечного характера, оживлял нашу беседу и нередко мы проговаривали по целым ночам».

Из поэтического наследия сохранилось в основном лишь то, что было создано уже после заключения в крепость, в тюрьме, на каторге и в ссылке. До событий на Сенатской площади Одоевский принципиально не публиковал и не издавал своих произведений. Будучи чрезвычайно строгим и взыскательным к себе, многое из написанного он сам уничтожал. После 14 декабря 1825 года все документы и бумаги поэта-декабриста были сожжены его отцом.

Художественная образность немногих сохранившихся произведений отличается свежестью, искренним поэтическим переживанием красоты Божьего устройства мира. Например, в стихотворении «**Луна**» (1824) ночное светило представляется поэту золотым челноком, управляемым в волнах облаков ангелом небесным:

*Встал ветер с запада; седьми облаками
Покрыл небес потухший океан.
Сквозь тонкий видишь ли туман,
Как, увлекаемый волнами,
Челнок летает золотой?
Вот он исчез... блеснул... вот скрылся за волной,
Вот снова он и выплыл, и сияет,
И ангел светлых звезд кормилом управляет (52).*

Одоевский также старался избежать, как он говорил, «журнального славостяжания». Славолюбие, пустое участие в жизни высшего дворянского круга и успехи в нем были глубоко чужды возвышенной душе поэта. Так, в стихотворении «**Бал**» (1825) лирический герой явно в оппозиции к светскому обществу. На бале он уединяется, отворачивается к окну, на время глубоко уходит в себя. И вдруг возникает фантазмагорическое зрелище. Летящие в вихре бала пары, сверкающие роскошными нарядами и «свежей красотой», внезапно превращаются в безобразное, безликое сонмище мертвецов, крутящихся в жуткой пляске смерти:

*Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались.
Плясало сборище костей (54).*

Те же мотивы разрабатывал В. Ф. Одоевский в рассказе «**Бал**» (1833): «Свечи нагорели и меркнут в удушливом паре. Если сквозь колеблющийся туман всмотреться в толпу, то иногда кажется, что пляшут не люди... в быстром движении с них слетает одежда, волосы, тело... и пляшут скелеты, постукивая друг о друга костями...» (6) Поистине это адское, бесовское коловращение: «а над ними под ту же музыку тянется вереница других скелетов, изломанных, обезображенных... но в зале ничего этого не замечают... все пляшет и беснуется, как ни в чем не бывало» (7).

В знаменитом стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841) «**1-е января**» («**Как часто пестрою толпою окружен...**») <1840> также нарисована картина бала в Дворянском собрании. Бездушный и бесчувственный «высший свет» состоит из живых мертвецов, коварных, лживых, лицемерных, прячущих свою отвратительную суть за масками приличий:

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки (311).*

Гротескный образ живых мертвецов впоследствии создал Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) в жанре стихотворения в прозе «**Череп**» (1878). В роскошном, пышно освещенном зале «множество кавалеров и дам» берутся рассуждать о бессмертии. Но за всем этим внешним блеском автор видит жуткое уродство смерти: «мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарябили синеватым оловом обнаженные десны и скулы. С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти десны и скулы, как поворачивались, лоснясь при свете ламп и свечей, эти шишковатые, костяные шары» (8). Вся это внутренняя мертвечина власть имущих подавляет живые силы страны, препятствует их развитию.

Находясь в Петропавловской крепости, Одоевский продолжал творить. Основной темой его поэзии, вполне понятно, стала тема тюремного узничества, неволи и страстная тоска по свободе, традиционно воплощенная в образе вольной небесной птицы. Таково стихотворение «**Утро**» <1826>:

*Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают*

*Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне все завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мишстый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выйду ли на воздух чистый —
Я, как дышат им, забыл (56).*

Тема узничества в широком значении, когда каждый честный человек в России ощущал себя в оковах и жил мечтой о свободе, нашла воплощение в поэтических шедеврах с одинаковым названием «Узник»: у Пушкина («Сижу за решеткой в темнице сырой...») и у Лермонтова («Отворите мне темницу, Дайте мне сиянье дня...»). К циклу «тюремных стихотворений» можно отнести также лермонтовские стихи с их характерными мотивами «Пленный рыцарь»:

*Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют все вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно (322) —*

и «Соседка»:

*Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни, будто годы;
И окно высоко над землей!
И у двери стоит часовой! (321)*

Поначалу одиночное тюремное заключение, следствие, ожидание приговора убивали жизненные силы Одоевского, приводили молодого человека в отчаяние. И все же поэт нашел в себе мужество, обрел силу духа, помогающую с достоинством выдерживать посланные ему неслыханно тяжкие испытания:

*Что мы, о Боже? — В дом небесный,
Где Сын Твой ждет земных гостей,
Ты нас ведешь дорогой тесной,
Путем томительных скорбей,
Сквозь огонь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание Твое (57).*

Словно предвидя свою трагическую судьбу, Александр Одоевский, будучи еще восемнадцатилетним юношей, задолго до восстания декабристов писал своему младшему двоюродному брату Владимиру Одоевскому 2 октября 1821 года: «Я люблю побеждать себя, люблю покоряться, ибо знаю, что испытания ожидают меня в жизни сей, испытания, которые, верно, будут требовать еще большего напряжения моего духа, нежели все, что ни случилось со мной до сих пор».

Узник-Одоевский горячо молился, возлагая все свои упования на беспредельное милосердие Божие, и, заточенный в камере, прославил Всевышнего в пасхальную ночь Светлого Христова Воскресения. «18 апреля 1826 года. Петропавловская крепость» — так поэт указал время и место создания своего стихотворения «Воскресение»:

*Пробила полночь... Грянул гром,
И грохот радостный раздался;
От звона воздух колебался,
От пушек, в сумраке ночном,
По небу зарева бежали
И, разлетаясь во тьме,
Меня, забытого в тюрьме,
Багровым светом освещали (55).*

Заточение не препятствует воспарять окрыленным духом к воскресшему Христу. «Забытый в тюрь-

ме» поэт становится свободным сопричастником всеобщей, вселенской пасхальной литургии:

*Я, на коленях стоя, пел;
С любовью к небесам свободный взор летел...
И серафимов тьмы внезапно запылали
В надзвездной вышине;
Их песни слышались мне.
С их гласом все миры гармонию сливали (55).*

Внутреннему взору поэта предстает лучезарный образ Христа — источник любви, света, радости, спасения:

*Средь горних сил Спаситель наш стоял,
И день, блестящий день сиял
Над сумраками ночи;
Стоял Он, радостный, средь волн Небесных Сил
И полные любви Божественные очи
На мир спасенный низводил (55).*

Светлое Христово Воскресение дает надежду на духовное обновление и возрождение — от тьмы к свету, от погибели к спасению, от смерти к жизни:

*И славу Вышнего, и на земле спасенье
Я тихим гласом воспевал,
И мой, мой также глас к Воскресшему взлетал:
Из гроба пел я Воскресенье (55).*

Примечания:

1. Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений: Библиотека поэта.— Л.: Сов. писатель, 1958.— С. 80. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
2. Рылеев К. Ф. Сочинения.— Л.: Худож. лит., 1987.— С. 6.
3. Там же.— С. 211.
4. Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. Мемуары декабристов.— М.: Правда, 1988.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т.— Т. 1. Стихотворения. 1828—1841.— СПб.: Пушкинский Дом, 2014.— С. 305. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
6. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: В 3-х т.— Т. 1.— СПб., 1995.— С. 48.
7. Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т.— Т. 1.— М.: Худож. лит., 1981.— С. 78.
8. Там же.
9. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т.— Т. 10.— М.: Наука, 1982.— С. 143.

ЧАСТЬ 2

Друзья-декабристы, заключенные во время следствия в Петропавловскую крепость, затем на каторге — в Читинском остроге и Петровском заводе — продолжали отмечать высокие достоинства Александра Одоевского, несколько не утратившего своих превосходных душевных качеств: «Одоевский — ангельской доброты. Пиит и учен <...> он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего». Но внутренне поэт исполнен неизбывной «сердечной грусти», все романтические мечты и надежды когда-то пылкого юноши обращаются в тлен:

*Не изменилось заточенье;
Но от надежд, как от огня,
Остались только дым и тленье;
Они мне огонь: уже давно
Все жгут, к чему ни прикоснутся;
Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забывшись миг веселым сном*

*И грусть сердечную развеять
Мечтанья радужным крылом (78).*

В то же время Одоевский находил в себе внутренние силы, чтобы утешать и ободрять собратьев-узников, «в дни черные» вселять строками своей поэзии — «святой», «страдательной и сладкой» (171) — надежду на Божью милость и высшую справедливость:

*Недвижимы, как мертвые в гробах,
Невольны мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит — еще мы живы!
<...> Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны! (142)*

Подвигу любви, верности, самопожертвования, который явили жены декабристов, добровольно последовавшие за мужьями в сибирскую ссылку, Одоевский также посвятил проникновенные строки своей лирики. В стихотворном послании «**Кн. М. Н. Волконской**» (1829) — молодой княгине Марии Николаевне Волконской (урожденной Раевской) (1805—1863), супруге декабриста Сергея Григорьевича Волконского (1788—1865) — поэт сравнивает самоотверженных женщин с ангелами небесными:

*И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.
<...>В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрыва своего (87).*

Декабрист Н. И. Лорер вспоминал: «Александр Одоевский, главный наш поэт, прочел стихи <...> Он читал отлично и растрогал нас до слез» (1).

Поэтическое творчество Одоевского — это «и мученье, и сладость» (154). В стихотворении «**Как я давно поэзию оставил...**» поэт размышляет о благотворной, спасительной роли поэзии, создаваемой во славу Божию, в самые тяжелые периоды жизни:

*Я черпал в ней
Все радости, усладу скорбных дней,
Когда в снегах пустынных мир я славил,
Его красу и стройность вечных дел,
Господних дел, грядущих к высшей цели
На небе, где мне звезды не яснили,
И на земле, где в узах я коснел,
Я тихо пел пути живого Бога
И всей душой Его благодарил,
Как ни темна была моя дорога,
Как ни терял я свежесть юных сил... (170)*

Животворящая поэзия, воспевающая «красу и стройность» Божьего мира, — это «друг, со мной в печалях неразлучный», «Ангел-утешитель»:

*В поэзии, в глаголах провиденья,
Всепреданный, искал я утешенья —
Живой воды источник я нашел!
Поэзия! — не Божий ли глагол,
И пеньем птиц, и бурями воспетый,
То в раду, то в молнию одетый,
И в цвет полей, и в звездный хоровод,
В порывы туч, и в глубь бездонных вод,
Единый ввек и вечно разнозвучный! (170)*

Одоевский создал образ поэта — свободного, неподкупного, искреннего и бесхитростного «певца

народного»:

*Нет, с хитростью певец, как соловей,
Не сочетал Божественного дара.
Лилася песнь, как вольная струя,
По первому порыву, без искусства,
От полноты восторженного чувства (97).*

В поэме о событиях древнерусской истории «Василько» (1830) такой народный певец на княжеском пиру отважно обличает сильных мира сего и их безбожные злодеяния против народа:

*Видал я мира сильных князей,
Видал царей пированья;
Но на пиру, но в сонме гостей
Братий Христовых не видал.
Слезы убогих искрами бьют
В чашах шипучего меда.
Гости смеются, весело пьют
Слезы родного народа (97).*

В трагической судьбе главного героя поэмы виделся Одоевскому отзвук его собственной судьбы, участи его соратников, и в то же время поэт выражал веру в конечное торжество истины:

*Господь суда от мира не приемлет!
<...> Пред Спасом не виновен Василько,
И пред людьми страдалец не виновен:
Пройдут князья, пройдет и суд князей,
Но истина на небе и в потомстве,
Как солнце, просияет (122—123).*

Одоевский вспоминает казненных декабристов —

*Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.
Мы братья их!.. Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний (142).*

Поэт от лица всех своих сподвижников утверждает верность памяти погибших друзей, хранит их идеалы:

*Нет! В нас еще не гаснут их мечты.
У нас в сердца их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень.
Лишь вспыхнет огонь во глубине сердец,
Пять жертв встают пред нами (143).*

Суд повелителей земных — ничто в сравнении с правым Божьим судом, пред которым предстанут все одинаково:

*Когда пред суд Властителя царей
И палачи, и жертвы станут рядом...
Да судит Бог!..(143)*

Согласно единодушному признанию ссыльных каторжан-декабристов, поэзия Одоевского явилась художественным выражением их общих чувств и мыслей. «Звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашей любовью к отечеству, нередко пелись хором и под звуки музыки собственного сочинения какого-либо из наших товарищей», — вспоминал Н. В. Басаргин.

Именно Одоевский выразил солидарное мнение в поэтическом ответе на историческое послание А. С.

Пушкина (1799—1837) **«Во глубине сибирских руд...»** (1827) декабристам. Многих из них Пушкин знал лично, со многими был дружен, состоял в переписке с Рылеевым. Последнее стихотворение Рылеева, написанное в Петропавловской крепости:

*Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну (2).*

Пушкин очень тяжело переживал трагедию разгрома декабристов. Во время восстания он отбывал очередную ссылку за создание вольнолюбивой лирики — находился фактически под домашним арестом в селе Михайловском Псковской губернии.

Размышляя о судьбе Ленского в одной из редакций романа в стихах **«Евгений Онегин»** (1823—1831), Пушкин предполагает, что его герой мог быть

*Иль в ссылке <...>,
Иль быть повешен, как Рылеев. (3)*

В своем послании в Сибирь, исполненном гражданского мужества, первый поэт России преклоняется перед подвигом отважных людей; стремится духовно поддержать героев-страдальцев, сосланных на каторжные работы в сибирские рудники, упрянтых царским правительством в «мрачные подземелья», «каторжные норы», закованных в кандалы — «оковы тяжкие». «Любовь и дружество» Пушкина проникают сквозь «мрачные затворы» темниц. Поэт полностью разделяет высокие идеалы свободы и счастья России, исповедуемые декабристами:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
<...> Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут. (4)*

Стихотворение **«Струн вещей пламенные звуки...»**, с его знаменитой строкой *«Из искры возгорится пламя»*, — самое известное произведение Александра Одоевского, свидетельствующее не только о его таланте, но и об огромном мужестве, духовной силе, человеческом достоинстве, вере в грядущую свободу народа и родины:

*Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы! (73)*

Этот поэтический диалог — послание Пушкина и ответ Одоевского, — два истинных шедевра русской патриотической и гражданской лирики распространялись в списках, рукописных копиях по всей России.

В 1833 году Одоевский был переведен с каторги на поселение в Иркутскую, а затем в Тобольскую губернию. И, наконец, в 1837 году по распоряжению Николая I поэта направляют на Кавказ в действующую армию рядовым. Воодушевленный долгим путешествием с севера на юг — через пол-России, по дороге он

создал стихи, наполненные любовью к раздольям родины, святой своей Руси:

*Как сладок первый день среди полей отчизны,
На берегах излучистой Усьмы!
Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни
И вывел нас из долгой скорбной тьмы...
<...> И может ли что быть милее и привольней
Обзора мирного приятных этих мест,
Где издали блестит на белой колокольне,
Манит, как жизни цель, отрядный Спасов крест? (173)*

В то же время по мере приближения к месту назначения усиливались тревожные мысли и предчувствия, которые нашли отражение в стихотворении **«Куда несетесь вы, крылатые станицы?..»**:

*Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью? (174)*

Декабрист Н. И. Лорер в своих **«Записках»** (1867) вспоминал: «Вечером нас потребовали в штаб для объявления, кто из нас в какой полк назначен. Государь повелел разместить нас непременно по разным местам. Одоевскому, как бывшему кавалеристу, досталось в Тифлисе в Нижегородский драгунский полк, мне — в Тенгинский полк, квартирующий в Черномории. В эту же ночь должны мы были отправиться по полкам. Нам дали прогоны каждому на руки. В первый еще раз, с выезда из Сибири, мы отправились без провожатых и только оттого, что уже рядовые, принадлежим государю и вошли в состав армии. Была туманная, черная ночь, когда несколько троек разъехались в разные стороны. Что ожидает нас в будущем? Черкесская ли пуля сразит, злая ли кавказская лихорадка уложит в мать сырую землю?» (5)

Автор этих мемуаров прожил долгую жизнь, а вот Одоевского сразила «злая кавказская лихорадка». Он умер 15 августа 1839 года от малярии в форте Черноморской береговой линии (ныне Лазаревское).

*А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений! (305)*

Так писал о кончине поэта-декабриста Лермонтов — такой же свободолюбивый поэт-изгнанник, так же преднамеренно отправленный государем-императором на Кавказ на верную гибель под горские сабли и пули. Служа в одном драгунском полку, Одоевский и Лермонтов успели познакомиться и подружиться.

Лермонтов откликнулся на смерть своего друга большим лирическим стихотворением — почти поэмой — **«Памяти А.И. О-го»** (1839):

*Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно (305).*

В этом стихотворении воплотились все лучшие черты любимого лирического героя лермонтовской поэзии в целом: романтический образ поэта-трибуна, узника, одинокого мятежного изгнанника, чуждого светскому обществу, с трагической судьбой:

И свет не пощадил — и Бог не спас!

Лермонтов нарисовал обаятельный портрет своего друга, отдал ему дань сердечной памяти:

*Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную (305).*

Стихотворение, исполненное глубокого чувства личной утраты, позволяет понять, насколько крепкой была дружба, связывающая двух замечательных поэтов:

*Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша,
В немом кладбище памяти моей! (306)*

Пейзажные зарисовки, живые картины морской стихии, венчающие текст, служат своеобразным утешением в скорби:

*Любил ты моря шум, молчанье синей степи —
И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит, не умолкая (306).*

Свободная морская стихия напоминает о бесконечности и вечности жизни, гармонии и правде Божьего мира, который воспевал истинный русский поэт Александр Одоевский. Таково одно из последних его лирических религиозно-философских признаний:

*Но в жизни есть минуты, где от мук
Сожмется грудь, и сердцу не до прозы,
Теснится вздох в могучий, чудный звук,
И дрожь бежит, и градом льются слезы...
Мучительный, небесный миг! Поэт
В свой тесный стих вдыхает жизнь и вечность,
Как сам Господь вдохнул в свой Божий свет —
В конечный мир — всю духа бесконечность.
<...> Поэт горит! Из глубины горнил
Текут стихи, — их плавит вдохновенье;
В них дышит мысль, порыв бессмертных сил —
Души Творца невольное творенье! (171—172)*

Примечания:

1. Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. Мемуары декабристов.— М.: Правда, 1988.
2. Рылеев К. Ф. Сочинения.— Л.: Худож. лит., 1987.— С. 17—18.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т.— М.: ГИХЛ, 1959—1962.— Т. 4.— С. 476.
4. Там же.— Т. 2.— С. 165.
5. Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. Мемуары декабристов.— М.: Правда, 1988.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ

г. Санкт-Петербург

Любовь Сергеевна Сердечная (г. Санкт-Петербург) — автор одиннадцати книг поэзии. Печатается в поэтических альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Красноярска, Белоруссии, Украины, Чехии и др. Лауреат национальной премии «Поэт года» за 2017 г. в номинации «Песни». Лауреат и член жюри многочисленных фестивалей и конкурсов поэзии и авторской песни. Руководитель Смоленского областного литературного объединения «Родник» им. Юрия Пашкова (2013—2021гг.) Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Впечатления от прочтения повести Олега Сешко «Снуть вошлебная»*

Я открыла книгу, нырнула в нее и погрузилась с головой. Утонула. Завязла. Пропала. Вернее, пропала скамейка на привокзальной площади Витебска, где я ожидала поезд в Санкт-Петербург. Пропал сам вокзал. Растворился праздничный город, который четыре дня кружил меня в карусели праздничного «Славянского базара». Появилась новая реальность, созданная автором повести, моим другом Олегом Сешко.

Сюжетные линии затянули меня в круговорот событий, вихри переживаний затянули во внутренний мир героев. До отправления поезда еще полтора часа. Читаю, не отрываясь. В ночном поезде вынуждена прерваться. Темно. Но герои со мной. Читаю в метро Санкт-Петербурга. Читаю в электричке. Книга не отпускает.

Сюжетные линии разлетаются, слетаются, сплетаются в клубок, обрываются, появляются снова и тащат, тащат мое сознание за собой...

Вот эта, яркая, переливается разнообразными эмоциями, пульсирует, бьется. Главная героиня, девочка Катя, переехала с родителями (уже в который раз за свою недолгую жизнь!) на новое место жительства в маленький северный поселок. Ничего не поделаешь. Отец — военный. Надо привыкать к новому месту, к новым одноклассникам. Привыкнет ли?

Вот — темно-фиолетовая, почти черная от горя и отчаяния. Маленький мальчик оказался в еврейском гетто оккупированного фашистами города... Выживет ли?

А вот — красная с черными вспышками страха. Другого маленького мальчика уже в наше время замучили ночные кошмары. Серенький Волчок из детской колыбельной песенки приходит за ним в каждом сне и тащит в лес...

Хватит ли у измученного ребенка сил сопротивляться? Сдастся ли он или победит?

Мишка. Одноклассник Кати. Ушел в шторм на утлой лодочке, чтобы на острове набрать волшебного мха и вылечить маму. Эта линия у меня ярко-синяя... Что с ним будет? Найдут ли его? Спасут ли?

И невозможно терпеть. Хочется делиться с автором проснувшимися эмоциями. Могла бы позвонить — заплакала бы ему в телефонную трубку все страхи, выдохнула бы все радости, разбуженные его книгой. Но он в Беларуси. Никаких денег не хватит. Поэтому шлю скупое: «Твоя книга меня потрясла, восхитила, расплющила, окрылила. Силища неимоверная! Дочитаю, больше расскажу. Сейчас некогда: Мишка потерялся! Иду искать...» Получаю такое же скупое: «Ищи. Буду ждать окончательного вердикта». Мы давно знаем друг друга. Нам не надо много слов. А эмоции я обрушиваю по телефону на друзей из Смоленска. И выплакиваю, и выхохатываю. Зачитываю целые куски повести срывающимся голосом, потому что не могу не делиться этим чудом!

И на другом конце слышу живую реакцию, живой интерес и восторг, и радость обретения Новой Книги!

И снова читаю, читаю, читаю... Как не читала давно. Как читала только в юности: по книге за ночь. Сейчас так не получается. Приходится отвлекаться на рутинные дела взрослой жизни. Но что бы я ни делала, мысли о героях не оставляют меня. И я рвусь к ним изо всех сил, стараясь как можно скорее расправиться с обязанностями...

А еще язык! Ах, какой у повести язык! Я его смакую, я пробую его на вкус. Я перекатываю слова во рту, как горошины. Не из стручка. А те из далекого детства, в кулечке из оберточной бумаги: у каждой горошинки свой вкус, свой запах. Каждая — особое наслаждение.

* В двух книгах <https://proza.ru/2023/07/23/302> Издательство ОДО «Барк», 2022, Гомель.

Давно я так не наслаждалась!

Спасибо за Книгу! Она, действительно, волшебная! Мне кажется, я изменилась, прочитав ее. Она наполнила меня своим содержанием. Мой внутренний мир стал богаче: в нем поселились герои, события и места, описанные автором в повести. «Снуть вошлебная» — так называется книга. Хотя я все время, пока читала, была уверена, что читаю книгу с названием «Снуть ВОЛШЕБНАЯ!» Она и является таковой: ВОЛШЕБНОЙ!

И летит автору через интернет: «ПОЛНЫЙ ВОСТОРГ! Все пазлы сложились! Осколки соединились в одно целое. Жизнь продолжается. Или начинается с чистого листа. Продолжение будет?» И прилетает ответ: «Ура! Все сложилось, чего продолжать? Начинаю новую книгу. Скоро».

Спасибо, Олег, за «Снуть вошлебную»!

Спасибо за подаренное ожидание новой книги!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Восторг. Удовлетворение. Наслаждение*

...На десятой странице я не выдержала. Набрала номер телефона и, услышав знакомый голос, обрушила на автора книги «золотой дождь» восторженных комплиментов, что-то из разряда «Замечательно!», «Великолепно!», «Бесподобно!».

А все оттого, что восторг, который я ощутила, читая стихи, стал наполнять и распирает меня, не давая дышать, не позволяя мыслить, не оставляя места для новых страниц. Я превратилась в воздушный шарик, наполненный эмоциями. Скорее, в мыльный пузырь, яркий, сверкающий, переливающийся всеми цветами радуги и готовый лопнуть в каждую секунду.

Не лопнула! Высказалась! Освободила место для новой порции стихов.

«Позвоню снова, когда не смогу терпеть!»

На пятьдесят пятой странице снова не выдержала. Телефонный звонок достал автора. Теперь восторженный полет сменился чувством «глубокого удовлетворения». Каждое стихотворение, каждая строчка, каждое слово — в точку, в понимание, в «резонанс». Это когда на авторское слово накладывается жизненный опыт читателя и рушатся мосты, и смываются все преграды, и ...

«Я тебе верю!» — сказал поэт. Это я тебе верю, автор!

Я читаю книгу, сидя на автобусной остановке в Питере. Автор в Москве. Но как хорошо, что мы рядом. Что мы вместе. А вокруг собралось уже много людей. Это они сидят, стоят, скусают на остановке. А я — где угодно. Там, куда отправляет меня своими стихами автор: то в незнакомом городе, который я узнаю, то на берегу моря, то в Хамовниках, то в «Доме на юру»... Мне хорошо, я счастлива.

Дочитываю книгу уже на другой день на даче. Читаю спокойно, вдумчиво, смакуя каждую строчку. Знаю, что автор не подведет. Не впадет в банальщину, не станет поучать, не будет заниматься словоблудием. Я уже насытилась хорошей поэзией. Теперь, как наевшийся мурлычущий кот, могу позволить себе неспешность и вальяжность: возвращаюсь, перечитываю, обдумываю, смакую, наслаждаюсь... Мурлычу.

Вдруг — опаньки! — эпитафией взята цитата из моего стихотворения! Удивлена, польщена, обрадована. Не каждый раз встречается в книгах такой дорогой подарок! Спасибо автор! Тронута!

Наверно, вы хотите теперь литературоведческого разбора стихов. Нет! Не дождетесь! Оставим это критикам. Я читатель. Разве важно мне, как «сделаны» стихи, если они заставляют меня плакать и смеяться! Разве стану я считать количество слогов, если ритм заставляет меня пританцовывать! Разве надо мне ковыряться в справочниках, вспоминая названия тропов, если восторг кружит голову! Нет! Я просто наслаждаюсь чтением хороших стихов!

Но одну цитату автора я все же приведу:

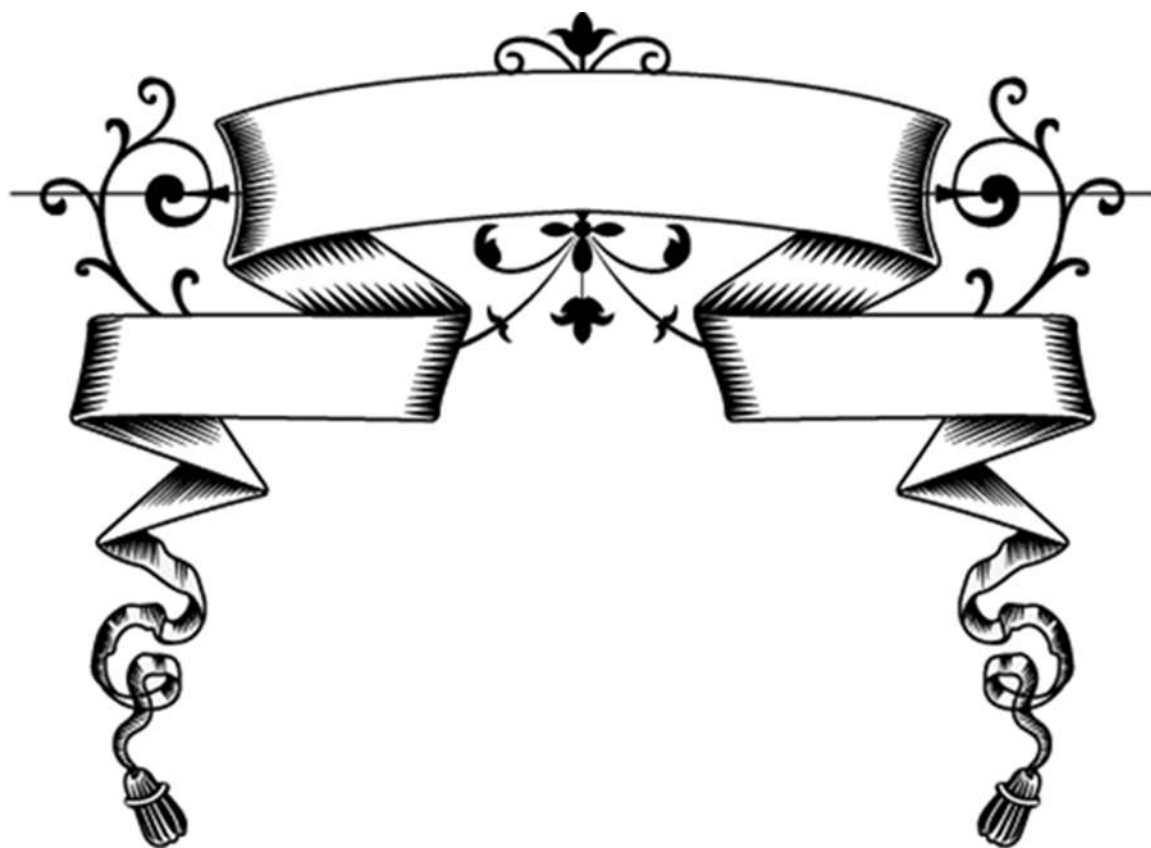
*«Пусть лучше меня не знают по хорошим стихам
Чем знают по плохим»*

Мы знаем тебя по хорошим стихам, Поэт! Спасибо тебе!
Пошла перечитывать...

* «Что для меня поэзия», Галина Щербова, серия «101 поэт XXI века», Москва 2020.

ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ВЛАДИСЛАВА ВАСИЛЬЕВА
АНДРЕЙ ВОЛКОВ
ИРИНА РЕЗНИК
ВАЛЕНТИН ОГНЕВ

ЛЮДМИЛА ВОРОБЬЕВА
ЯКОВ ШАФРАН
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
ИГОРЬ ЕГОРОВ
НИКОЛАЙ ТИМОХИН

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

СВОЙ ПУТЬ, ИЛИ НЕ ВСЕ ИДУТ В НОГУ? К вопросу об истоках русофобии

... Можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций самая не славянская и в то же время самая славянская (выд. К. Н. Леонтьевым. — А. Я.). Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична. Она же, с другой стороны, самая славянская из всех... потому, что только у нее и существует уже, и зарождается, и может, утверждаясь, развиваться дальше — многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатцам, ни Западу, ни Востоку.

Константин Леонтьев «Письма о восточных делах»

◆ Мы намеренно заменили в эпиграфе многоточием, то есть пропустили, слова Леонтьева «*Не потому только, что она призвана стать политически во главе* (выд. К. Н. Леонтьевым. — А. Я.) *славян*». Ибо это было неверным как во времена Леонтьева (1831—1891, даты его жизни), так тем более сейчас. Даже в советскую эпоху, когда все славянские народы мира в рамках их государственности, даже кашубы и лужичане на территории ГДР, входили в созданный и возглавляемый СССР социалистический блок стран. Ибо сложность отношений с Югославией, прямые антисоветские выступления в Чехословакии и Польше, а тем более мгновенный распад этого блока на рубеже 80—90-х годов, наглядно показывают определенную искусственность, основанную на праве победителя в Третьей мировой войне, но никак не историческую органичность такого «политического главенства»... Безусловно, прав был Д. С. Мережковский: «*Леонтьев — глубокий мыслитель и никуда не годный политик*» (в очерке «*Страшное дитя*»).

Таким образом, в определении таким провидцем, каким был Константин Леонтьев — страшным дитем по Д. С. Мережковскому, самым «неудобным» (для всех!) русским мыслителем, и себя называвшим «реакционным консерватором», — пресловутой русскости, своего пути и пр. остается эта самая загадочная «неславянская славянскость», с ходу не прочитываемая, требующая напряжения мысли для осознания. Это ведь не сугубая конкретность Фридриха Энгельса (или Маркса?.. нет, вроде как Энгельса), определившего с немецкой понятийной дотошностью сущность современного ему чешского этноса: славянские немцы. И даже столь же осознанно понимаемая религиозная причина рэмубщенности славянских народов, навреде разделения единого южнославянского этноса на православных сербов, католиков-хорватов и принявших мусульманство боснийцев. Во всем остальном, кроме верований, это единый по крови и языку* народ. Но как же это религиозное разъединение изменило их характеры, душу, социумную специфику? — Трагическая история распада, вернее — разрушения Югославии, превращения некогда сильной, самодостаточной страны СФРЮ (одна из восьми стран мира, строившая подводные лодки!) в лимитрофные удельные княжества, еще не потускнела в памяти нынешних среднестарших поколений, не говоря уже о старших. То есть можно дать прямой ответ на стихотворный вопрос Ф. И. Тютчева:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море.
И ропщет мыслящий тросник?*

* Тот факт, что во времена Югославии Иосипа Броз Тито (кстати, хорвата) наличествовали в Сербии сербско-хорватский, а в Хорватии хорватско-сербский языки, отличавшиеся лишь алфавитами, кириллицей и латиницей, соответственно, есть сугубо политический момент...

Мыслящий тростник — этот образ взят Тютчевым у Паскаля (слаб как тростник, но мыслит!). В этой строфе Федор Иванович подразумевает разлад и противоречие человеческого сознания и стихийности бессознательной природы. Но ведь и социальная эволюция, при всей ее априорности диалектике Гегеля и движению Истории по Фейербаху, для мышления конкретного человека и в период его разумной жизни воспринимается неожиданной-негаданной стихийностью? Завтрашний ответ на сегодняшний вопрос для него не предугадан.

Другое дело, когда рассуждаем, условно повернув стрелу времени (И. Пригожина) вспять, о делах прошедших, пробуя отыскать корни и движущую силу того же своего пути России, расшифровать эвфемизм *русскости* и леонтьевской *неславянской славянкости*. Размышляя о прошлом в Истории, непременно отыскиваем своего рода «временные реперы», то есть характерные отметины прошедшего. Так и в ретроспективном взгляде на русское прошлое, прошедшее тысячелетие с гаком, где как можно и в ограниченное число лет оценить, исходя от фактологии памятника в Новгороде Великом, но и лишку поболее прихватить.

Для нашей истории русскости и своего пути эти временные реперы следующие: «щит на вратах Царяграда»; растянувшийся на сто лет, от Куликовской битвы до Стояния на Угре (войск хана Ахмета и Ивана III), знаковый период создания государства Московской Руси; создание Московского царства Иваном IV; «Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать» — апофеоз царствования Алексея Михайловича (Тишайшего); Отечественная война 1812-го года с его «народной дубиной» («Война и мир»); тост Сталина на приеме советских военачальников в 1945 году о русском народе. Повторимся: отмечены именно реперы русскости, а не социально-политические, военные и пр. даты. Тем более что некоторые из последних прямо подпадают под определение Н. С. Лескова из «Запечатленного ангела», а именно: «— Ну, а у нас,— говорю,— верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивою вывела».

Итак, завершая внешне несколько сумбурное (что, собственно, также является художественным приемом, поскольку здесь пишется литературно-публицистический очерк...) введение, оговоримся: это не *suntta suntarum* воззрений «на русскость» того же Леонтьева, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Г. П. Данилевского, даже столь близких нам Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского. При всем почтении к славянофилам, особенно А. С. Хомякову, Ю. Ф. Самарину, братьям Киреевским и братьям же Аксаковым (Хомяков и Киреевские вовсе тульские земляки), в наше время их акценты на существо вопроса существенно смещены...

Конечно, человеку свойственно стремление если не всю Америку, то хоть часть ее, например, какой-нибудь крошечный штат на атлантическом побережье «открыть». Но всегда следует держать под контролем девятый вал исторического фантазирования, особенно, если пишешь на столь неоднозначно определенную тему. Все же не удержимся и приведем еще два базовых определения Константина Леонтьева (*op.cit*):

<а> «Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской, провинции, обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин» (увы, окраин этих мы лишились...).

<б> «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др. азиатцев или даже в овсе никого (выд. нами. — А. Я.), чем южных и западных славян. В нас больше лени, больше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распущенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, не сравненно больше (выд. К. Н. Леонтьевым. — А. Я.) склонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов и хорватов».

Итак, к неславянской славянкости...

♦ *Русофобия* — это не антитеза русскости. Акцент на таком утверждении ставим по той причине, что именно сейчас, в связи с известными событиями, наблюдаем крупнейшее в истории России ее противостояние с Западом, то есть всей Европой (кроме Европейской части России) плюс Соединенные Штаты с их сателлитами в остальных частях света. Крупнейшее — ибо и ранее противостояние России с Западом имели место быть неоднократно.

Самое раннее, но и наиболее длительное, в несколько веков, перманентно меняющееся идеологические, политические и военные фазы, противостояние — это натиск католицизма на Русь — Россию как оплот православия: «Первый Рим против Третьего», говоря образно, иносказательно. Именно это противостояние с религиозным базисом, с одной стороны, выявило понятие русскости в ее ассоциации с ортодоксальным (в западных языках православие именуется как *ortodox*), византийского корня православием. Но собственно понятие русофобии тогда не существовало, ибо в религиозном натиске Запада борьба шла не за «тело», то есть национальность, а за «душу» — вероисповедание. Во всяком случае, такой девиз осенял хоругви крестоносцев и других легатов папства — объединенного католического (до Лютера и Кальвина) Запада.

После превращения Улуса Джучиева, как именовалась Древняя Русь в составе Золотой Орды, в Великое княжество московское, далее в Русское царство, сколь-либо выраженного противостояния объединенного Запада и России не было. Да и сам Запад в эти столетия вошел в эпоху внутренних раздоров. А если и шла бесконечная война с поляками, то это, говоря словами Пушкина, был «старый спор славян между со-

бою»: верного росса и кичливого ляха («Клеветникам России»). Того же рода и источника ливонские войны — за обретение древних своих балтийских земель. Наконец, при втором Романове с его концепцией Третьего Рима Россия и вовсе отделилась от Запада, замкнувшись в своих пределах, благо там было чем заняться. Самодостаточность, автаркия — вот великий антиглобалистский, как бы сейчас сказали, пример существования России без Запада, что оставил нам в назидательную память царь Алексей Михайлович. Соответственно православная русскость возобладала как понятие государственное, неотъемлемое от социумного устройства России. Именно тогда само понятие национальности, то есть русскости, проассоциировалось с религиозной принадлежностью: русский \equiv православный. Все иные в царстве именовались, впрочем уважительно, *инославными*, без какого-либо акцента на национальную принадлежность. То же самое объединяющее: на Западе — все немцы, за Волгой все наши подданные — татары, а «на Москве» крещеные татары.

Понятия же русофобии в период XV—XVIII веков *не существовало* по определению (см. выше). Когда у каждого народа свой бог (религия с ее моралью и нравственностью), то он также если и не уважает, но понимает необходимость самостности любого народа — со своим богом. Это прекрасно выразил Ф. М. Достоевский словами «антиглобалиста» Шатова из «Бесов»: «*Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре*».

... Обычные упреки в адрес Петра Первого: провозвестник интернационализма-глобализма для России, разрушитель благолепного «Третьего Рима» своего отца, обезглавил Русскую православную церковь заменой патриарха синодальной канцелярией и пр. и пр. — малосостоятельны в плане историческом, социально-эволюционном. Если его современник, французский король Людовик XIV утверждал, что «государство — это я», а последующий Людовик «под номером XV» и вовсе заявил, что *apres moi le déluge* (после меня хоть потоп), то все действия Петра Первого сугубо по своему содержанию и целям национальны. Хотя бы сам он носил голландский кафтан, дворянам велел сбрить бороды, на ассамблеях пить немерено водку и курить табак. Какая там русофобия?

И весь последующий восемнадцатый «век императриц» как-то без особых противостояний прошел. Конечно, войны постоянно имели место быть, но так, почти «домашние» (по определению Достоевского; см. далее): извечные с турками, победоносная — при Елизавете — с Пруссией. Однако в последней трети XVIII века прозвучали два тревожных звоночка — в дальнем предвидении явления европейской русофобии. Первый — отзвук активного участия России в разделе Польши. Тем самым, от многовекового, давнего «спора славян между собою», то есть противостояния *без ненависти*, Екатериной, царицей по-немецки осмотрительной и дальновидной, был совершен прометчивый переход к локальной предрусофобии, то есть к зарождению генофенотипической *ненависти* поляков к России: именно к России, но пока еще не к русским... Последнюю ввел в «обиход» поляков Юзеф Пилсудский.

Более тревожным явился другой «звонок»: втягивание России, в таком масштабе впервые в ее истории, во *всеевропейское* военно-политическое противостояние, то есть в активное участие в наполеоновских войнах, начиная с кампании 1799 (блестящий анализ ее военной части дан Клаузевицем, офицером попеременно прусской и русской службы, в работе «1799 год»). В отличие от предыдущих «домашних» войн, отныне Россия становится пушечным мясом Европы, на которую «цивилизованные» европейцы возлагают бранные тяготы и ответную ненависть — источник грядущей русофобии — народов, которые Европа руками России решила усмирять.

Как говорится, «классика жанра» — решения такой двуединой задачи была апробована в окончательных наполеоновских войнах 1812—1815 годов, продолжена в разгроме европейских революций и восстаний 1848 года, а апофеоз — Первая мировая (империалистическая) война. В 1813 году, после полного изгнания Наполеона из России (армия частью полегла в землю, остальные были разобраны провинциальными помещиками в повара, учителя и скоморохи), мудрейший Михайло Илларионович советовал Александру Первому остановиться: более корсиканец к нам не полезет, а будет до скончания (своего) веку биться с англичанами и австрияками. Но очень уж захотелось «властителю слабому и лукавому» въехать на белом коне в Париж, как Цезарь въезжал в этот же город, только с другим названием: Лютеция.

Прямое (одно из многих, пагубных для России) следствие такого триумфа на коне — официальное закрепление на Венском конгрессе, *праобразе* (именно *пра!*) некоей *ЕвроООН*, за Россией обязанности *жандарма Европы*. И если вхождение русской армии в Париж не то что не вызвало ненависти к русским, но в чем-то даже восхитило французов, то вот разгром в 1848 году по наущению Австрии восставшей Венгрии — это обретение если не вечного, как Польша, но все же многолетнего врага (обе мировые войны XX века — отголосок такой враждебности). Вспомните, как старуха Изергиль у молодого еще (1895 год) Горького упрекает русского собеседника, зачем вы мадьяров-то жестоко так побили? То есть, спустя полвека, даже цыганка таборная помнит о несправедливости русских, то как же это в памяти венгров отложилось!

В Первую мировую войну Россию уже просто заставили выступить пушечным мясом Антанты, заплатив французскими займами банкира Ротшильда. Однако сам сценарий втягивания был разработан до мелочей ситуаций: русско-японская война, революция 1905-го года, финансовые вливания в русскую военную промышленность, либерализация (конституирование? — термин с намеком...) самодержавия и пр. и пр.

— все было просчитано, учтено, санкционировано и спровоцировано. А кем все было так тщательно подготовлено?

♦ Уже с конца XVIII века выступает и главная организующая антироссийская сила: *англичанка подгадила* — обязательно остановится взгляд на этих словах при чтении русской классики второй половины XIX века. Как и другие устойчивые (смысловые) словосочетания, например, «бостонское чаепитие», «буря в викторианской чашке чая» (пожалуй, чай — единственное, что объединяет Россию с Англией...), они во многом определяли политику Британии в отношении России, временами агрессивно активную. Во всяком случае, смерть трех русских императоров, Павла Первого и обоих Николаев, — прямое дело рук, в смысле указаний, *англичанки*. Кратко напомним общеизвестное. Павел принял наимыгоднейшее для России решение вместе с Наполеоном изолировать Англию от европейской политики, экономики и пр., демонстративно направив в сторону Индии экспедиционный корпус из двадцати казачьих полков. Приговор *англичанки* не заставил себя ждать. Более того, убийство Павла I было обставлено с косвенным участием его сына Александра Павловича, что дало возможность английской политике «держать кукиш за пазухой» в отношении Александра Первого: отцеубийство — смертный грех, тем самым влияя на курс политики России...

Свержение последнего русского царя, за которым последовал и расстрел императорской семьи, что, конечно, само собой подразумевалось (*англичанка* все делает чужими руками!), имело основанием удержать союзника на фронтах предотвращением в России революции... вышло все наоборот: один из немногих в истории Англии крупных политических провалов. Что ж, и на старуху (здесь не королевы Виктория и Елизавета Вторая имеются в виду...) бывает проруха.

А вот явно преждевременная кончина Николая I, «рыцаря самодержавия», как следствие ответственности за позор Крымской войны, знаковый момент: впервые Англия в столь явной форме, неприкрыто и с целеуказанием на будущее выступила в качестве организатора *пранАТО* с обозначением главного врага Европы: России. Тогдашняя объединенная Европа в лице Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства* образцово-показательно наказала Россию за ее попытку ущемить британские интересы: русский флот на Черном море правильно понимался европейцами как оперативно действующий в Средиземном море. Разумеется и Турция здесь имела вроде как даже больший интерес... но в XIX веке, во второй его половине, с этими интересами «большого человека Европы» особенно никто не считался. Главное — *англичанку* обидела Российская империя. Отсюда, «в поддержку» южного фронта войны с Россией, и демонстративные обстрелы с угрозами высадки десантов с кораблей английских эскадр на остальных трех «румбах»: Кронштадт на западе, беломорские Соловецкие острова и мурманская Кола (полностью разрушена и сожжена; в том числе уникальный деревянный 19-главый Воскресенский собор XVII века) на севере и дальневосточный Петропавловск Камчатский. Почти глобально *англичанка* подошла к наказанию России!

Что уж здесь говорить о двадцатом веке и вплоть до нынешних дней? — Все ясно, разобрано по деталям, а сейчас и вовсе на глазах наших; но об этом дальше будет сказано.

Теперь от исторических иллюстраций перейдем к обоснованию выдвинутого выше определения: *руссофобия* — это не антитеза *русскости*, предпослав ему два главных вывода в части агрессивной устремленности Европы в отношении России (при великих князьях, царях, императорах, генсеках и президентах — все едино), сделанных... величайшим провидцем Ф. М. Достоевским. Не в бровь, но в глаз!

<в> «И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут “простить”, — завоевание Кавказа, например» («Дневник писателя» за 1876 год).

<г> «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» («Дневник писателя» за 1877 год).

И еще уточним семантику слова «руссофобия». Собственно *фобия* (от греч. *phobos* — страх, боязнь) суть вторая часть сложных слов, имеющих значения нетерпимости или боязни. В части семантики использование слова «руссофобия» следует различать в зависимости от стороны использования:

— на Западе это сочетание: нетерпимость + боязнь, причем нетерпимость в смысле неприятия;

— в России полагается, что термин «руссофобия» используется на Западе в контексте: боязнь + равнодушие к России, а собственно равнодушие Запада это есть несколько гуманизированная форма понятия *intertensch* (от Ницше до Геббельса).

... Так полагают *они* и так думаем *мы*. Среди знаковых персонажей произведений Ф. М. Достоевского значится и такой, что сродни нашей нынешней пятой (лучше сказать — шестой) идеологической колонне. Федор Михайлович так его определил («Подросток»): «Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ

* Замечено, что народ посмеивается, когда узнает, что Сардинское королевство участвовало в Крымской войне; дескать, моська к европейским слонам пристала... Но ведь это только название? Остров Сардиния всего лишь составная часть Сардинского королевства — другое название Пьемонт, то есть это область на северо-западе Италии с центром Турин — основа будущей объединенной Италии. Резюме: Италия де-факто против России тогда воевала.

второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества».

Таковы три трактовки русофобии: западная, наша в рефлексии воспринимаемого нами Запада и, так сказать, отечественная ренегатская — идеологической пятой-шестой колонны. То есть понятие русофобии является эвфемизмом в широком, неоднозначном трактовании. В то же время это не субъективность, но объективный подход с позиций противостоящих сторон.

С позиции эволюционной эпистемологии (ἐπιστήμη — знание, то есть теории познания), то есть философского учения, наиболее адекватно описывающего сущность социальной эволюции (К. Р. Поппер и др. — с опорой на диалектику метафизики И. Канта...), источник русофобии, трактуемой в контексте противостояния Россия — Запад (Европа + внеевропейский англосаксонский, правильное — англоязычный, мир), объясняется разделением ветвей социальной эволюции. Это как в биоэволюции живой мир Земли, пройдя начальный путь предживых вирусов, на этапе одноклеточных разделится на две ветви: фауну и флору. Поскольку же природа экономна в части используемых ходов (принцип эволюционной экономии), то, аналогично общей биоэволюции, и ее составляющая — эволюция <человека> претерпела такое же разделение: западная и евразийско-русская цивилизации. Первым такое разделение обозначил выдающийся социальный философ современности А. А. Зиновьев.

♦ Обобщенно западную ветвь социальной эволюции можно характеризовать как индивидуалистическую частнособственническую, а евразийско-русскую как общинно-социалистическую. Как любой другой эволюционный процесс, такое разделение имеет отправной точкой само начало социальной эволюции, относимое к возникновению цивилизации и культуры, каковая эпоха насчитывает порядка десяти тысяч лет. Возрастая по замедленному эволюционному закону, эволюционный процесс в апофеозе переходит в резко возрастающую гиперболу: эффект мгновенного сжатия исторического времени. Таким апофеозом в разделении путей социальной эволюции явился XX век с образованием СССР, а далее мировой системы социализма. Тот факт, что СССР потерпел поражение в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне говорит только о том, что это был пробный, опережающий ход социальной эволюции. Ведь и европейский капитализм не сразу одолел феодализм? — метод возвратно-поступательных ходов.

В более распространенной терминологии западная ветвь суть «золотой миллиард», а евразийско-русская ветвь есть форпост всего остального мира: хотя бы (сейчас) и в форме ориентира в *протесте* против западной капиталократии.

Опять же исходим из фундаментального принципа эволюционной экономии <номенклатуры ходов>*: если разделение живого мира имело <эволюционной> целью создание в рамках его ареала пищевой пирамиды: фауна кормится флорой, а последняя субстанциями неживой природы, да еще создает и поддерживает окислительную атмосферу, то разделение ветвей в социальной эволюции лучше Ф. М. Достоевского еще никто не определил: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать»* (изложение в «Бесах» сути трактата Шигалева; отсюда и термин «шигалевщина» в русской социально-политической публицистике).

Итак: по вполне обусловленной аналогии с разделением в биоэволюции живого мира на пищевую пирамиду: «фауна питается флорой», в социальной эволюции <человека> разделение на «золотой миллиард» и весь остальной мир («девять десятых») также подразумевает существование первого трудами второго. Это азы современной политэкономии, идущие от «Капитала».

Во главе «золотого миллиарда» — по мере его вычленения — стояла Англия, а ныне порожденная ею Америка, а в совокупности — англоязычный мир. Такое главенство есть не случайный выбор Истории (кому масть выпадет...), но обусловлен островным положением Британии и удаленностью от Старого Света Америки, США. — Отсюда и атлантическая цивилизация ≡ «золотой миллиард» вкуче с Западной Европой. То есть, с одной стороны, выбор Истории не случаен; с другой — ведь в эпоху великого переселения народов на Британские острова могли попасть не обязательно кельтские племена уэльшей, скоттов, предков ирландцев? А в средние века дополнить их могли не германские саксы, а, допустим, латинизированные франки и вестготы?

Вывод: главенство в «золотом миллиарде» атлантической англоязычной цивилизации есть в большей степени историческое влияние геополитического и экономического факторов, а в меньшей — этнического, национального. Хотя именно сочетание этих факторов создало атлантическую цивилизацию с перерождением в нынешний «золотой миллиард».

Точно также можно ответить, объясняя нашу посылку: *руссофобия — это не антитеза русскости*. Континентальное, евразийское положение России (к середине XIX века 1/6 (+ Польша, Финляндия, Аляска) часть земной суши!) в ее тесном географическом, геополитическом, отчасти экономическом соседстве с Европой, традиционная общинность, внутреннее неприятие либерализма и демократии европейского образца, а главное — опережающий (пробный) ход социальной эволюции в форме создания строя советского социа-

* Это как Резерфорд предположил планетарную модель атома, исходя из строения Вселенной...

лизма и организации ею мировой социалистической системы — все это в совокупности и сделало Россию в ее исторической преемственности идеологическим, этическим (не этническим!) и пр. форпостом противостояния «золотому миллиарду» мира: явно, как во времена СССР; неявно-подспудно, как в исторические времена; особая ситуация суть нынешняя, в эпоху решительного натиска глобализма, но — об этом ниже отдельно скажем.

Вывод: русофобия в ее «взглядах с различных сторон» в меньшей степени обусловлена неким «особым путем» России, спецификой «загадочного русского характера» и пр. стереотипы, но в большей — сочетанием геополитических, сугубо географических, отчасти экономических факторов, поставивших «игрой Истории» Россию, опять же историческую, форпостом натиску «золотого миллиарда». То есть, не особенности «своего пути», но скорее: не все идет по команде социальной эволюции в ногу. Итак, русофобия — это эвфемизм, замещающий многофакторный анализ истинного *status quo*.

А если бы русское племя не вытеснило (и не ассимилировало) мордву с ее исторической территории — Восточно-Европейской равнины, а Россия возникла бы на этнической базе этой угро-финской ветви? Благо, что и название столицы изменять бы не пришлось: Москва — болото на мокшанском языке (мордва разделена на два племени: мокша и эрзя). Что бы изменилось в мировой геополитике? Да и адмирал Федор Федорович Ушаков вроде как мордвином был... Громил бы так же турецкий флот!

Итак, дадим определение русского и русскости.

♦ *Русский и русскость* никак нельзя однозначно ассоциировать с понятиями *национальности* и чем-то выраженной *этносоциальности*. Как уже указывалось выше, эвфемизм русскости близок по смыслу леонтьевской неславянской славянскости. Но сначала определимся с «национальным вопросом». В цитате <a> читаем: «сама Россия давно уже не чисто славянская держава». Но это в отношении многонациональности; вспомним недавние привычные определения: сто народов, сто языков, объединенных исторически, государственно, этнокультурно; скреплены русским языком, как средством межнационального общения и так далее... что дает право и основание считать советский народ новой формой единой общности — нации. Правда, в «оригинале» использовалась идеологически выверенная лексика, но по сути — вернейшее определение сложившегося русского этноса, широко понимаемого. Именно поэтому современный западный империализм-глобализм активно разрушает главную связку русского этноса — русский язык; но об этом опять же ниже и отдельно будет сказано.

Что же касается собственно русской национальности, то это момент скорее риторический, в лучшем случае — исторический, актуальный в отнесении ко времени становления Великороссии, то есть формирования Московской Руси в XIII—XVI вв., ибо чисто национальный источник здесь не является определяющим; да не прогневаются славянофилы и демонстративные русские патриоты! Сам автор этого очерка условно чистокровный русак; как говорится, «анкета чиста» более чем в семи поколениях вспять. Мать из потомственных архангельских поморов рода онежских Третьяковых, а туда даже вездесущие татары с начальниками-монголами не заходили... Отец же из калужских староверов-поповцев (Белокриницкого толка; см. у Мельникова-Печерского в «Очерках поповщины»), а это наиболее сохранившийся русский этнотип: жену брать из соседней деревни и только «веры древлего благочестия»...

Такая «чистокровность» и позволяет, не почесывая в сомнении затылок, давать объективную ретроспекцию в анализе русской национальности.

... Вроде как маркизу де Кюстину, попутешествовавшему по России и написавшему злобно-руссофобскую книгу о ней, принадлежат слова: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» — «Поскребите русского, и вы увидите татарина» (фр.). Но такое отождествление не выдерживает никакой критики и антиисторично. ... Сейчас в этнографии пик моды на выявление этногенов, так называемых *гаплогрупп*. Согласно подобным исследованиям (верить им? — дело на любителя...), современное русское население России характеризуется сочетанием гаплогрупп *R1a1* (48%) и *I* (22%), то есть общей исходной индоевропейской и славянской — частной. Оставшиеся проценты (30%) могут быть с определенной уверенностью отнесены к вариациям *N*-гаплогруппы, то есть монголоидной.

Так вот они *наши* татары! — воскликнет любознательный неофит, но тут же и поостынет, узнав: в *N*-группу входят и финно-угорские народы (от 58 до 77 % *N*-признаков). А у татар тоже далеко не 100% монголоидных признаков, равно как и у всех тюркско-алтайских народов.

Так от кого русские переняли эти 30% *N*-признаков? — от ордынских набегов XII—XV веков, либо же от финно-угорцев (с акцентом на первом слове, ибо угорская ветвь, то есть коми-пермяки, ханты, манси и ушедшие в Европу мадьяры-венгры далековаты...), от той же мордвы, на территории которой и возникла Московская Русь? Кто даст ответ... А он очевиден безо всяких изысканий в пыльных архивах.

Этнос, то есть народ, племя, род и пр., приобретает устойчивые этногены другого этноса иной гаплогруппы *только* при длительном, более трех-четырех поколений, как минимум, совместном проживании, то есть в результате одного из видов ассимиляции: привносимой, отдаваемой, равнозначной (полагаем, термины понятны). Но у русского населения XII—XV веков той части Среднерусской равнины, которая считалась территорией Улуса Джучиева, на которую распространялась ордынская юрисдикция: налоговая (дань) и военно-политическая, как, например, участие в битвах Александра Невского с Тевтонским орденом и шведами союзной монголо-татарской конницы. То есть фактора совместного проживания не было, что *исключает ассимиляцию*.

Локальные же факторы крайне ограниченной привносимой (см. выше) ассимиляции никакой роли не играют. Приведем пару примеров для очевидности такого утверждения.

(1) Когда известный советский антрополог М. М. Герасимов, используя свой метод реконструкции мягких частей лица по черепу (в современных компьютерных программах это занимает секунды времени), воссоздал облик Ивана Грозного, то в нем увидели явно проступающие монголоидные, тюркские черты. И это не удивительно: не народ, но высшие сословия Московской Руси взаимоассимилировались с таким же ордынским сословием. Во-первых, это династические браки внутри единого государственного устройства Золотой Орды, в которую на правах автономии входил <русский> Улус Джучиев; во-вторых и в главных, начиная со второй половины XIV века и захирения Орды, а также хитромудрой политики московских государей, дальновидные по-азиатски татарские знатные люди все активнее стали переходить под руку московских великих князей. Согласно своим ордынским званиям, они на Москве получали равнозначные боярские. Опять же Москва охотно раздавала им земельные владения — в основном за счет извечно недружелюбной Рязани... Нынешние города Касимов и Кадом тому напоминание.

Чего далеко ходить в мыслях? — возьмите любую книгу в части русской истории, а впрочем достаточно и романа из классики XIX века, приглядитесь к фамилиям родовитых дворянских персонажей: если не половина, то уж треть точно имеют ордынские корни... Юсуповы, Ардашевы, Курбские, Карамзины и пр. Даже два царя на Руси были татарского происхождения: настоящий — Борис Годунов, и ВРИО Ивана Грозного — царевич Симеон Бекбулатович. Но — и опять же! — такая локальная ассимиляция «погоды» не делала.

(2) ... Когда в конце 60-х годов наша семья переехала из Заполярья в Тулу, то славный этот город еще в полной мере сохранял тот же вид, что в предшествующих веках: за исключением каменных домов постройки XVIII—XX вв. вдоль главного проспекта Ленина и главной же улицы Заречья — Октябрьской, весь остальной полумиллионный город по утрам торопился на многочисленные оборонные предприятия, пристукнув калиткой своих деревянных домишек — тех же лет постройки.... Проходя же в вечерней темноте по улицам такого доисторического города, почему-то постоянно держишь в голове слова персонажа из «Грабежа» Н. С. Лескова: «Егда люди потрапезуют и, помоляся, уснут, в тот час восстанут татие и исхода грабят».

Столь лирическое вступление к тому, что в то время обитатели города поколениями проживали в исторически сложившихся слободах: то же Заречье, Оружейная слобода, Лентяевка, Чулково, Площадка, Попово болото с его литературно-знаменитой «Растеряевой улицей»... То есть в жителях этих основных районов (не в административном толковании) города сохранялся *in summa* сложившийся генофенотип. Опять же полудеревенские нравы и обычаи этих исторических анклавов и брачные отношения локализовали: живут на соседних улицах, работают на *своем* близлежащем заводе; опять же особо не приударись за девками чужой слободы: в ходу исторически сложившиеся «стенки на стенку». И хотя героини-космонавты уже полдесятка лет стартуют с Байконура, но вот такую архаику застал в славном городе Туле, которую еще полностью не перестроил и не выхлопотал ей звание Города-героя благодетель города — первый секретарь обкома Иван Харитонович Юнак...

А теперь резюме к сказанному. С самого начала проживания в деревянной Туле отметил: если идешь по историческому району (см. выше их названия), то все встречные девушки удивительно красивы... как-то с восточным «оттенком», а пожилые женщины и вовсе словно нездешних мест. Короче говоря, все они похожи на татарок. Причем не казанских и касимовских (тамошних красавиц зовут *алтын-чач*, то есть *золотая коса*), но темноволосых и смуглых крымских. Далее и пояснять нечего: почти три века крымчаки набегали на Москву, а Тула на их пути являлась «аэродромом подскока», выражаясь военно-летным языком, где они от пары месяцев до полугода обитали, готовя бросок на столицу. Отсюда и повторяющаяся в течении веков *привносимая* (см. выше) ассимиляция. Нравы были простые: «Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь»*.

... Но как только зайдешь в относительно новые (впрочем, тоже почти все деревянные) районы города, как-то: Криволучье, Серебровку, Лихвинку, Новую Тулу, Глушанки (сюда в 40-е годы переселяли жителей Западной Украины; как и в другие города Центральной России), — то уже не увидишь потомков по крови крымских татар.

Таким образом, факты имевших место быть в русской истории локальных привносимых ассимиляцией вида (1) и (2) исключают татарское происхождение *N*-признаков в сумме гаплогрупп ($R1a1 + I + N$), характеризующих русский этнос. Остается один, уже и не требующий особого обсуждения ответ: *N*-признаки в русский этнос привнесены в результате равнозначной (см. выше) ассимиляции восточных славян, вошедших впоследствии в Московскую Русь (вятичи, радимичи, отчасти дреговичи и древляне, кривичи, словене ильменские, весь и меря) и финно-угорских племен: еми, чуди заволочской, черемисов (мари), мордвы, что составляют сейчас народности, населяющие северо-восток и восток (по Волге) европейской части России. Здесь особый вклад принадлежит, как было указано, мордве — мокше. Здесь и «высокоученых» доказа-

* Хор (марш) солдат из оперы Шарля Гуно «Фауст»; сочинители советских маршей в 1920-е годы тоже были людьми простыми: именно этот хор они и взяли музыкальной основой гимна советской пионерии; понятно, заменив текстовку: «Взвейтесь кострами, синие ночи. Мы, пионеры, дети рабочих...».

тельств не следует искать; раскройте географический атлас на Европейской России и далее листайте по областям, отмечая характерные названия городов, поселков, деревень. В той же Тульской области найдете: Мордвесы, Мордвиново, Мордовцево и пр. То же самое по соседним областям, например, достаточно заметный город Моршанск — от мордовского «морша». О названии Москвы сказано выше.

Резюме: отыскивать именно в национальной специфике (пресловутая «загадочная русская душа») русского этноса источник западной русофобии есть дело неблагодарное и почти что несерьезное, поскольку сочетание гаплогрупп (см. выше) в представителях условно обозначаемой национальности «русский» является обычным для всех европейских ветвей индоевропейской этногруппы.

... Не там ищите, господа-товарищи, не там! С тем же успехом можно говорить о «загадочной фламандской душе».

♦ Несколько ближе к источнику-побудителю западной русофобии качество *русскости*. Здесь тоже можно долго растекаться мыслью по древу, пока не закончится десть писчей бумаги. Однако исчерпывающее, хотя и неявное, определение русскости дал в XIX веке граф Уваров (помните проклятия ему в советских школьных учебниках?): *самодержавие, православие, народность*. *In summa* это и дает русскость, понимаемую как качество самоидентификации русского человека — причем обязательно в своем социуме! Православие в этой триаде, само собой разумеется, понимается не сугубо в смысле воцерковленности или начетничества, о чем язвительно пишет Н. С. Лесков в «Однодуме»: *«На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и «до Христа дочитался»*, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые,— они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся»*.

Как всегда, «и ныне и присно...» истинное содержание православия, имманентного определению русскости, объяснил Ф. М. Достоевский в «Идиоте» словами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу»* (выд. Ф. М. Достоевским. — А. Я.).

... По летописной легенде князь Владимир, выбирая на замену язычеству одну из существующих монотеистических религий, отвергнув, как неприемлемые для русского человека и государственности Киевской Руси католичество, иудаизм и ислам (обоснование см. в летописях о крещении Руси), был поражен и восхищен — со слов греческих священников — великолепием и благодатью, величием и основательностью церковного устройства Византии. При этом немаловажным являлось и точное следование православия — восточного христианства духу учения Христа, его евангельской морали и этическим канонам: заповедям блаженств Нового Завета (Нагорной проповеди).

Действительно, диковатому еще лесостепному народу восточно-славянских племен (см. выше), только-только, «мечом и огнем», как сохранилось в древних народных преданиях, отлученному от язычества с его сонмом почти что «домашних» богов под водительством Перуна-защитника, с детски наивной душой неопита пришлось по сердцу великолепие строящихся храмов с основательной претензией на византийский стиль. А когда первых греческих священников в них заменили хорошо говорящими порусски, то эти души и вовсе затрепетали, преисполняясь восторгом открываемой — каждым для себя — истины первоизданного в православии Христова учения: высшего этического и морально-нравственного учения, когда-либо заповеданного человечеству. Причем учения совершенно отдаленного от религиозной нетерпимости, в котором все другие религии уважительно именовались *инославными* — тоже славными, но — иными.

Такое содержание и сущность русского православия и позволили, в основном без «меча и огня», создать государство «ста языков» — некоторую укрупненную нацию, которая и подразумевается в уваровской *народности*, а в советское время — новая советская общность. См. <a> и в определении Константина Леонтьева. Добавим из Ф. М. Достоевского: *«Одна Россия живет не для себя, а для мысли»*. И здесь же в «Подростке» Федор Михайлович отвергает <западную> логику мышления, негодную для определения русскости, как симбиоза православия и народности: *«Тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска»*.

А самодержавие, как замыкающее триаду определение русскости, также следует понимать не в смысле тирании, сугубого единовластия, пресловутого деспотизма, тоталитаризма — конька в терминологии нынешнего евролиберализма (точнее — *либерастии головного мозга*, как кто-то недавно метко определил это *status quo...*).

Сразу отметим, что все известные в истории попытки Запада объяснить сущность русского самодержавия подпадают под саркастические строки Н. С. Лескова: *«... Он сам почти миф, а история его легенда. Чтобы повествовать о нем — надо быть французом, потому что одним людям этой нации удастся объяснить другим то, чего они сами не понимают»* («Несмертельный Голован»). Упомянутый выше французский (по Н. С. Лескову...) маркиз с его русофобским трактатом далеко не первый «пробовал объяснить» существо русского самодержавия. Еще в XVI веке, когда Иван Грозный только вводил в обиход слово *самодержец*, австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн высказал свои впечатления о пребывании в Рос-

* То есть прочитал весь Ветхий Завет и подошел к Новому Завету (в порядке их следования в Библии).

сии в книге «Записки о Москве» (вроде бы так она называется?), которую принято считать первым письменным источником западной русофобии.

♦ Как и все другие фобии, отрицательное отношение Запада к русскому самодержавию имеет два корня: бытовой и — условно так назовем — авторитарный. Проще всего объяснить на примере взаимных национальных фобий, далее разветвляющихся в сторону ксенофобии и шовинизма. На бытовом уровне — кухонные пересуды и соседские перепалки — такие фобии суть обычное дело. Даже пояснять не требуется. Но вот высказывание в той или иной степени авторитетных персон — это уже прямой путь к международной розни. Примеров в истории тьма, но почему-то принято относить это на счет философствующих писателей. Потому наверное, что это люди-то в общем безобидные — см. выше окончание цитаты из «Однотума» Н. С. Лескова.

Допустим, сказал человек сложной национальности* Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели», — так не бросились же сицилийские мафиози тех лет «на разборку» с оскорбителем? — Благо он недалеко находился по должности французского консула в итальянских (тогда разрозненных) землях... Но вот кто все нации обидел и оболгал, так это Фридрих Ницше; о французах: «В других частях света есть обезьяны, а в Европе французы». Всем от него досталось — от англичан до русских и поляков, но более всего своим соплеменникам, немцам. Так Ницше и бить-то грех великий: больной человек, клинический шизофреник... Но в наше время полной утраты моральных норм самое милое дело для акцентации глобалистских фобий и больных детей выставить — та же Грета Тумберг... Однако возвратимся к русскому самодержавию.

Непонимание влечет за собой отрицание — это одна из формул римского права. И Запад как раз не понимает, точнее, не хочет понять сущность русского самодержавия, то есть условного единовластия, исторически имманентного организации власти в России — как бы эта власть и сама Россия в текущие моменты ее истории не именовались. Этот Запад вдолбил в головы всех и вся (авторитарные + бытовые корни) разделение всех властей на два вида, данное Никколо Макиавелли в его «Государе» на примере абсолютной власти турецкого султана и власти французского короля, опирающейся на высшую аристократию с ее средневековым определением короля как первого среди равных и девизом: вассал моего вассала не мой вассал. Как ни покажется странным, но следование таким утверждениям и породило нынешнюю европейскую (вообще западную) демократию-либерализм; она же скоренько сворачиваемая в фашизм-нацизм, как в 30—40-е года прошлого века и, пожалуй, сейчас повторяется...

Но вот на Руси эту всеобщую средневековую иерархию власти позволила *напрочь изъять* из обихода все та же Золотая Орда: одновременно примером единоличной ханской власти и захватом Руси с последующим трехвековым владением ею, как следствие именно «феодальной демократии» в крайней форме княжеской раздробленности... Потому уже первые правители Московской Руси начали ограничивать, с одной стороны, *лествичное* право наследования (передача высшей власти братьям по нисходящему старшинству), с другой — боярское местничество. В короткий срок, «между двумя Иванами Васильевичами», то есть Иваном III и Иваном Грозным, то и другое было ликвидировано законодательно и «усмирительно».

Великая смута начала XVII века лишний раз утвердила власть и народ в мысли, что только самодержавие, опирающееся на народность и православие, является наиболее приемлемым устройством русского государства.

В новой династии Романовых царь Алексей Михайлович своей концепцией Третьего Рима (а Четвертому не бывать...) укрепил русское самодержавие православием, его морально-этическими канонами, преодолев раскол, минимизировав его последствия. А его сын Петр Первый, окончательно — даже демонстративно-показательно! — ликвидировав остатки феодального местничества, «сделал ставку» на народ, то есть укрепил связку самодержавие — народ. Опять-таки как бы странно это не звучало... В той или иной степени триединость русскости непременно присутствовала в государственном устройстве России XVIII—XIX веков, а в иной форме, скорее просто внешней, достигла апогея в XX веке в Советской России. Далее следует глобализация, к которой обратимся ниже (извиняемся за повтор...).

Сущность же западного непонимания и потому неприятия русского самодержавия в том состоит, что им, западникам, никогда не был ведом общинный строй русского народа и государства. И относительная историческая молодость России (тысячелетие против ~ 2500 лет западной истории цивилизации и культуры) еще доселе позволяет русскому народу в сумме сохранять морально-этические первохристианские нормы. Общинность же, скрепляемая этикой православия, требует государственного устройства с прямым, «недемократическим» по западным меркам, управлением, единоначалие (внешнее) которого есть обратная связь, отражение мироощущения народа. Да и сама этимология слова «самодержавие» вовсе не есть «государство это я» европейских монархий (Людовик IV; см. выше), но утверждение, что держава Россия есть самостоятельность в единении народа-общины и власти государства. Таково принципиальное различие и... очередной повод возникновения западной русофобии: им это не дано понять генофенотипически, а значит возникает подспудно чувство опасения, отсюда и враждебность. Идем далее...

* Стендаль родом из Эльзас-Лотарингии, население которой веками взаимоассимилировалось немцами и французами; начиная с XVIII века, после каждой войны немцев с французами эта провинция переходила к победителю. Сейчас у Франции, хотя бы ее вклад в победу над Германией во Второй мировой войне весьма условный...

♦ *Россия как «догоняющая» Европу: причины, негативные и позитивные моменты.* «... Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет», — распевали в парижском ресторане «Корнилов» белогвардейские офицеры первой волны эмиграции. Хоть крохотный, сапожный, но все же гвоздик в здании русофобии: на Западе отчеств нет, что символично: уже во втором поколении корней своих не поминуют, а в России за одно только право «по отчеству» именоваться купцы кредитовали Петра Первого на войну со Швецией. И таких гвоздиков, гвоздей и скрепляющих углы стальных скоб множество использовано Западом в строительстве Храма русофобии: отличное от них → не понимаемое → враждебное. И здание это все прирастает этажами усилиями объединяющей Запад подспудной, но все более явной идеи: от *Comite permanent universeb* — Союзного совета, или всемирной управы (лат.) средневековых франкмасонов до нынешнего глобализма, проявившегося Тайного мирового правительства на высшей стадии империализма (это как у В. И. Ленина — высшей стадии капитализма) — финансово-олигархической капиталократии.

В дополнение к сказанному выше обсудим такую мощную, собственно *фундаментальную* деталь здания русофобии, как различие культурно-цивилизационного времени формирования Европы и России. Оптимисты назовут это молодостью нашего Отечества; скептики, они же либералы-демократы, поименуют «вечным отставанием России». Объективисты, к числу которых мы себя относим, выразятся более строго: Россия, как «догоняющая» Европу. Здесь для нас нет ничего обидного — не зря же определяющее слово взято в кавычках.

Федор Михайлович Достоевский не был ни скептиком, ни <социальным> пессимистом, но сугубым объективистом, правда, воспринимающим настоящее ему и будущее в подлинной реалистичности... что человеку в его неизбывном ожидании хотя бы условного «рая земного» («Если к правде святой мир дорого найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой» — Горький «На дне») крайне неприятно; неуютно ему, зябко и тревожно. Вот и черт говорит Ивану Карамазову в его горячечном бреду, правильно говорит: «То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!»

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), конечно, не черт, а яростный движитель всемирной социалистической революции (по Карлу Марксу). Еще он выдающийся публицист, говорит схожее («Литература и революция», 1923): «Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику».

То есть и Троцкий явный объективист, но, как пламенный оратор для масс, выражает ту же мысль менее огорчительно для ушей жаждущих «сна золотого»... А итогом можно считать философский афоризм Освальда Шпенглера (из «Заката Европы»): «Быть для чужих историй, а не претерпевать чужую историю...»

Итак, объективно рассуждая, «добру и злу внимая равнодушно, в соотнесении с Европой Россия молодая. За ней нет в цивилизационном плане культуры, искусства во всех ипостасях ее Муз, науки, образования и пр. и пр. античности, первохристианских веков, эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения, феодально-буржуазного преломления с его культурным и научным взлетом, Великих творческих эпох (по Ромулю Роллану). То есть не пресловутое школьно-оправдательное, что-де ордынцы нас на триста лет затормозили; тем более именно в XIII—XV веках закладываются основы Московской Руси со всеми атрибутами новой цивилизации и культуры, а русский Север, Новгород со Псковым, восточная часть Великого княжества Литовского — будущие составные части Руси — России — и вовсе в Золотую Орду не входили... Но именно исторически-временное отставание на полторы тысячи лет от европейской цивилизации поставили нас в положение вечно «догоняющего»: во всем, исключая воспринятую русскими первохристианскую мораль и нравственность (см. выше).

Ученики оказались достойными своих учителей, чему много характерных примеров. Возникшая почти на пустом — по сравнению с европейской — месте, с его салонно-любительскими «упражнениями в изящной словесности», русская литература XIX века в краткий исторический период стала вровень с ней, в чем-то явно и превзойдя. Советская литература, как преемница и продолжательница русской традиции, также достойно держала себя, позиционируя Западу.

Все то же самое можно небезосновательно отнести на счет русской XIX-го века и советской науки, техники, философии, пластических и иных искусств. Опять же в советское время неизменной оставалась первохристианская этика и мораль — в иных терминах переписанные в «Моральный кодекс строителя коммунизма» Христовы заповеди...

Но все же уложиться в два века по сравнению с двадцатью пятью европейской цивилизации и культуры — это и есть хотя бы похвальное и достойное уважение, но все же использование «сокращенного европейского учебника». Законы социальной эволюции столь подспудны и фундаментальны, что фанатизм натиска и рукотворный волонтаризм (это как в 1964 году снятого с поста Н. С. Хрущева поименовали; правда, добавив еще малопонятный термин пробелелист...), даже для благих целей и намерений, не в силах преодолеть таковые.

Итак, «догоняющая» Европу Россия (Америка — это доминион Европы, хотя бы и превзошедший свою метрополию) — есть фактор объективно-социальный, эволюционный, в целом для нас необходимый. Перечитайте «Отцов и детей» нашего классика... Причины такого «догонянья» ясны, а вот следствием имеем как негатив, так и позитив; первый — со стороны Европы, глядящей на нас; второй — позитив именно

для нас... если либерально не отдавать честь по артикулу с равнением на Запад. О чем говорит Евгений Павлович в «Идиоте» Ф. М. Достоевского: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».*

... Это к слову, но существенно по нашей теме.

<а> Негативный эффект — с позиции западников — от «догона» Европы, как существенный вклад в европейскую русофобию,— это, во-первых, некое чванство, почти презрение (см. выше об *Untermensch'e*); во-вторых, такая составляющая любой фобии, как страх и опасение. Это сугубо биологической природы инстинкт. Как, например, могучий тигр трусовато убегает от незащитного человека, обнаружив его у себя за (за спиной — не скажешь) хвостом. У человека же инстинкт + знание дают интуицию, которая суть составляющая фобии; в данном случае — русофобии.

<б> Позитивный эффект (нет худа без добра) состоит в презумпции молодости перед породившей ее зрелостью, переходящей в почтенную старость. Такое биологическое обоснование справедливо и для социальной эволюции. Другое дело, дано ли на нынешнем этапе этой эволюции, замыкающейся на глобализацию, это право презумпции? Ниже этим и завершим наш очерк.

♦ *Русофобия как инструмент глобализации.* Мы анализируем не собственно русофобию в действии, но ее истоки. Поэтому, полагая ее одним из рабочих инструментов современной глобализации, опять же акцент ставим «на призвании варягов на Русь», то есть на подготовке категории русофобии в недрах развивающегося и крепчающего глобализма. Как-то так, не совсем гладко выразимся.

... Минуло всего-то (по историческим меркам «всего-то»!) полвека с небольшим, как ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) в 1969 году изъяла из Международной классификации болезней (МКБ) пункт, определявший гомосексуализм как психическое заболевание класса шизофрении, а госчиновники от медицины понесли какую-то чушь о перепутанных хромосомах и еще чего-то, что на ум придет. И вот теперь в части торжествующей на Западе половой либерастии-толерастии сбылись слова, тож провидца, как и Достоевский, Н. С. Лескова: *«Нет, кажется, и вправду, уже грядет час, и ныне есть (выд. нами. — А. Я.), когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность»* («Соборяне»).

Таковая либеротолерастия (извиняемся за вводимое в великий и могучий нового слова. С Федора Михайловича пример берем с его «штушевался...») суть мощный инструмент глобализма не только в части — основное назначение! — «гуманного» сокращения численности народонаселения мира, кстати, западного в том числе (корытников много, а ложек мало...), и расчеловечивание этого же населения, освобождения его от излишних в светлом глобобудущем норм поведения: от чисто биологических до морально-этических. Здесь уже Бальзаку дадим слово: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством».*

Роль человека в этом «светлом будущем» опять же Достоевским определена, как сургучной печатью припечатана: *«Мало того: тотчас же обратится он из человека в органиный штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале? Как вы думаете? Сосчитаем вероятность,— может это случиться или нет?»* («Записки из подполья»). И добавляет определение нынешнего *homo globalicum* (человека глобализованного) следующими словами: *«Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. нами. — А. Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей»* («Братья Карамазовы»; обращенные к Христу слова Великого инквизитора о трех его евангельских искушениях: чудом, тайной и авторитетом).

... Напомнив словами классиков литературно-философской мысли существо глобализации, которая уже сейчас не то что «близ есмь при дверех», но уже в дверь человечества уверенно вошла и расставляет «органиные штифтики» по их местам и ролям в рабочем механизме глобальной мегамашины всеобщего человеконика (термин А.А. Зиновьева — на смену муравейнику Ф. М. Достоевского), перейдем к определению русофобии — важного рабочего инструмента на нынешнем этапе глобализации-расчеловечивания.

И это будет у нас хотя и не *третье*, как в словах Великого инквизитора, намного большее по числу следования, но *последнее* утверждение в определении истоков западной русофобии.

♦ Как ни крути <головой>, как не морщись и не плюй через левое плечо «чур меня, нечистая, чур», но с позиции диалектического объективизма глобализация есть <очередной> качественный скачок в социальной эволюции. Увы! И на начальном (нынешнем) этапе этого скачка — перехода к глобальному планетарному биотехническому (человек биологический + автоматизированная техническая мегамашина) вновь резко проявляется «отставание» молодой русской цивилизации от Европы (Запада вообще), уже отрекшейся от всех категорий <христианской> морали и вбивающей последние гвозди в крышку гроба с человеком индивидуальным, биологическим, творчески аналогово мыслящим. Сам же он, *homo globalicum europeus* современный, продуцент аморальной либеротолерастии и деградирующей творческое мышление цифрофрении, переводящей его в утилитарное, и есть тот органиный штифтик Ф.М. Достоевского. В плане социальной эво-

люции человек эпохи глобализации суть *равный среди равных* винтик-штифтик биотехнической мегамашин, имитирующей на техническом, информационном уровне свершившуюся биоэволюцию. Зачем нужна такая имитация? — на это человеку всеобщая, вселенская эволюция ответа никогда не даст...

А раз мы в очередной раз в истории «отстали» от Европы, еще сохраняем, хотя бы в усеченном виде, «облико морале» (к месту скажем, хотя бы не до смеха...), а от творческого аналогового мышления не перешли еще полностью к утилитарному цифровому, то у последней (Европы) срабатывает в очередной же раз условный социальный рефлекс русофобии: раз ты не в ногу с нами идешь, то тем ты подозрителен нам, словом, Карфаген должен быть уничтожен. С каждым таким взрывом русофобии морально-этическая «цена» действий Запада в сторону России, конечно, ослабевает... как бы Карл Маркс сказал, правда, по другому поводу: *«Удешевление этого товара (выд. нами. — А. Я.) уменьшает только затраты рабочего на рубашки»* («Капитал», Т. I, Кн. 1). Эпоха глобализации предельно обостряет социальные коллизии, ту же действенность русофобии. Тот же Троцкий пишет: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар — обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволоки телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами. — А. Я.), точно школьный глобус»* («Литература и революция», 1923).

Нынешняя искусственная сеть суть интернет...

Главное, что следует понять, анализируя истоки западной, европейской русофобии, так это ее сложившийся за века социально-инстинктивный характер, облеченный в одежды геополитики, просто текущей политики и экономических интересов жадного до чужого Запада. Европейца тож. И если до недавних (исторически) времен агрессивность русофобии еще как-то сдерживалась остатками христианской этики и морали, то теперь и эта преграда снесена... И не дано им, тыквоголовым, торжествующими под знаменами цветов радуги, понять моральную первооснову русского человека с его неславянской славянскостью (по К. Леонтьеву) и своим путем в этом меняющемся мире, который: *«Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачками в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезами своими к «боженьке!»* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

... *Bonitas problematica!* — ответит на моральный рекем Достоевского несовершенному миру благородно мыслящий европеец, — *проблематичная доброта!* Но на том пока и стоим...

ПОЭТ С «АВРОРЫ»

Взгляд с пристани в бинокль времени

В детские и отроческие годы, когда наша семья жила в Заполярье, в «маячных окрестностях» знаменитого города Полярного, главной базы Северного флота СССР до пятидесятих годов, пару летних месяцев проводил в отцовской деревне Дворцы на берегу калужской реки Угры. Обычно добирались от Мурманска до Калуги с пересадкой в Ленинграде. Получалось, что мурманский поезд приходил в Северную столицу утром, а следовавший дальше уходил только вечером.

Пользуясь дневной паузой, оставив на вокзале мать с двумя младшими, отец знакомил меня с Ленинградом. Благо это его почти родной город: в тридцатых годах жил здесь у своей старшей сестры и ее мужа Лазаря Федоровича, служившего в хозяйственном управлении ленинградского главка НКВД. Работал поблизости молотобойцем на Волховстрое — первенце сталинских пятилеток; из Ленинграда же и был призван на Северный флот.

... Непременно каждый раз, побывав в Петропавловской крепости, отец вел меня к недалеко пришвартованной «Авроре», на траверсе Нахимовского училища. Увидев же на палубе революционного крейсера столь хорошо знакомых по Полярному матросов в белых рабочих робах, орудующих швабрами, глупых вопросов не задавал: откуда на историческом памятнике, хотя бы и плавучем, служащие срочники в бескозырках и с погонами? Знал со слов отца, что «Аврора» значится воинской частью в составе Балтфлота, а потому имеет свою команду из призывных матросов, сверхсрочников-старшин, «ундеров» на вольном флотском языке, и офицеров соответствующих рангов.

... Знал ли, что когда-нибудь судьба сведет в далекой от морей и крейсеров Туле с таким вот бывшим матросом с «Авроры»? По расчету годов получается, что вполне мог трех-четырёх-классником видеть на палубе «Авроры» матроса Ходулина: невысокого, плотного и коренастого, словом, с фактурой, что так уважают на кораблях с тесными коридорчиками, трапами и люками, которые следует скоренько раздирать, скользнуть в другой отсек и задраить за собой.

Но фамилию эту услышал только после окончания школы и переезду в Тулу, но зато как первую «писательскую» в этом городе. Приехав сюда первым (остальная семья подтянулась к началу осени) — готовиться к поступлению в местный политехнический институт на радиотехнический факультет, жил все у того же дядьки Лазаря Федоровича... как некогда отец проживал у него в Ленинграде. Человек с невероятной жизненной судьбой (о нем я в нескольких книгах писал), кроме всего прочего, дядька хорошо чувствовал художественное слово. Выписывая областную газету «Коммунар», обратил мое внимание на две фамилии

под нередкими публикациями: «Ты, Алексей, со своего флотского севера в совершенно другой мир перебрался, так и знакомься с ним: какая промышленность, чем народ живет, какие писатели в городе и поэты известные. Вот Ходулина стихи недурные, а фельетоны Шпилевого с Косой Горы не в бровь, а в глаз его заводское начальство бьют! И юмор у него сочный, как у Шолома Алейхема. Не читал? — обязательно познакомься, не пожалеешь времени потраченного» (сам дядька, как и мой отец, из калужских старообрядцев-поповцев).

Действительно, очень часто в «Коммунаре» печатались стихи Валерия Ходулина, а в фельетонном подвале нередкой была подпись: «Инженер Шпилевой».

... Опять же, думал ли, что за торжественным столом в Доме творчества, еще не отнятом администрацией у своих литераторов, на праздновании 50-летия Тульской организации Союза писателей, буду «звоном бокалов» обмениваться с сидящими напротив мэтром тульской поэзии Ходулиным и тем самым «инженером Шпилевым» с пятилучевым крестом ордена Почетного Легиона на лацкане пиджака — за участие подростком во Французском Сопротивлении? Жизнь она многолика, а земшар (по Маяковскому) достаточно тесен.

Еще до окончания Литературного института, с которого времени и полагаю себя причастным к словесному сословию (а до того ни единой художественной строчки не написал, тем более не опубликовал, не считая статей в журналах «Радио» и «Филателия СССР»...), примерно знал о «литературной иерархии» Тулы. Имена Харчикова, Лаврика, толстовского секретаря Булгакова, сказочника Панькина, скандального «Анатоля» Кузнецова, Лазарева и Минутко, Пахомова и Галкина часто слышал по городскому радио, читал в обеих городских «коммунарах», видел их выступления на телеэкране. И читал местных авторов — что под руку попадалось. Даже в журнале «Новый мир» роман Харчикова. Пару книг Натальи Парыгиной прочел. Запомнилось и «Серебряное эхо» Валерия Ходулина в изящном твердом матерчатом переплете. О ней почему-то язвили мои читающие — а тогда вся страна читала! — знакомые. И Володя Суворов, поэт из Новомосковска, учившийся со мной в Литинституте. Тонкости «язвления» не отложились в памяти.

Лично, хотя и мимоходом, познакомился с Валерием Георгиевичем где-то в восьмидесятом году, когда на редакционной практике от Литинститута «сидел» в «Молодом коммунаре» в высотке на Фридриха Энгельса. Поначалу меня, чтобы не мешался под ногами, отправили в отдел писем, утешив стандартно: «Помни, что все выдающиеся одесские классики вышли из отдела писем газеты «Гудок!»). Зачем-то в эту комнату своей энергической, крутобокой походкой зашел и Ходулин. Узнав о моей литинститутской принадлежности, сам выпускник «Школы Горького», она же «Дом Герцена», Валерий Георгиевич задержался на пару-тройку минут. Вспомнили имена общих преподавателей, почему-то не обошли вниманием и давнее уже открытие памятника Льву Толстому в Туле, а именно, как председатель облисполкома, представляя Владимира Солоухина, прибывшего на торжество от Союза писателей, назвал того Солодухиным...

Последующие пять-шесть лет после окончания Литинститута я как-то не делал попыток «вписаться» в писательскую среду Тулы, да и вообще серьезно занялся инженерным трудом, опять же кандидатская, потом докторская диссертации. Если того же Ходулина и видел-слышал, то только по теле-радио, иногда летом на выступлениях поэтов в Центральном парке.

Но, познакомившись с редакторами Приокского издательства, славной тройцей — двумя Анатолиями, Федосовым и Филипповым, и Николаем Завалишиным, через них стал вхож и в круг тульских писателей, благо их «ставка» тогда размещалась на территории издательства. Начал активно публиковаться, заинтересованно присматриваться к местным избранникам музы словесности. Поначалу *status quo* Ходулина было неясным, но имя и фигура его зримо и заглаза постоянно присутствовали.

Через какое-то время с подачи добрейшего — в рамках своей должности — Виктора Федоровича Пахомова начал хлопоты о вступлении в Союз писателей. Тогда не зря говорилось, что «обилетиться» в нем потруднее, чем стать доктором филологических наук. С первого голосования редко кто проходил. Так и ваш покорный слуга только со второго захода удостоился. Несмотря на диплом Литинститута и положенный набор публикаций. Оба раза Ходулин голосовал против — тайное голосование в этом кругу и в тесной комнате суть секрет полишинеля. Как уже соображал, в основном голосуют за-против не столько самого кандидата, сколько его рекомендателей. У меня такими были Панькин, Галкин и Щелоков, люди на виду, потому было кому мелко уколоть...

Я застал тульскую писательскую организацию уже застabilизировавшуюся от потрясений, вызванных фокусом «Анатоля» Кузнецова с убытием на ПМЖ (правда, недолгое) в Лондон. Тогда тульская организация попала под глухой «колпак» со стороны властей всех уровней. От второго инсульта не оправился Александр Григорьевич Лаврик, стоявший у истоков организации. По той же причине неуютно чувствовали себя и многочисленные последующие руководители, в числе которых побывал и Валерий Ходулин: долго не задерживались, друг за другом сменялись. «Малохлебная» должность...

Но вот закрепился Виктор Федорович, а потом и вовсе близкий к областной администрации В. Я. Маслов сделал царский подарок тульским писателям: целиковый купеческий особняк — «Дом Каминского», он же Дом творчества. Именно с руководством Пахомова и бывшим купеческим особняком связаны у меня первые и самые яркие впечатления о тульских писателях. Постепенно стала ясна та роль, которую избрал и успешно исполнял Валерий Георгиевич.

Пишу — через «бинокль времени», тем более не столь уж и давнего — сугубо объективно, поскольку наши с ним отношения не выходили, на протяжении более чем четверти века, за пределы просто коллег по

писательской организации: ни тени недоброжелательности, ни йоты какой-либо зависти, а с другой стороны, никаких временных «дружб» против кого-либо, без амигошонства и лицемерия. И товариществом такие отношения рискованно назвать: различные круги общения и роды занятий в них вне писательской среды, а в ней самой также различная степень участия: Ходулин едва ли не с первых дней создания областной писательской организации при ней, а затем и в ней, а я — пришлый, уже почти на сороковом году ее существования, к тому же и не коренной туляк, не с тем, как говорится, характером и колоритом.

Плохого слова от него в свой адрес, в том числе и в передаче «доброжелателей», не слышал. Скорее, наоборот. Когда в Приокском издательстве вышла моя первая книга «На островах» — дипломная работа в Литинституте, Виктор Шавырин, кстати, тоже выпускник Литинститута, опубликовал в «Коммунаре» очень даже пристрастную рецензию на нее. Валерий же Георгиевич с истинной мудростью и скрытым юмором тульского мастера, хотя бы и в части поэзии, ободрил: не бери особо в голову, Алексей, у вас с Виктором разные занятия: ты пишешь свои повести и рассказы, а он их критикует; ведь гонорары-то в различных бухгалтериях получаете? Делить-то нечего вам!

Осталось только рассмеяться, а после пары стопок с оказавшимся рядом Володей Суворовым, однокашником все по тому же Литинституту, и вовсе осадок от рецензии пропал. Зла на Шавырина не то что не затаил, наоборот, в безработицу «лихих девяностых» устроил его супругу на работу в медицинский НИИ, где сам трудился замдиректором.

Еще помнится: когда издал очередную книгу, то Ходулин, явно внимательно прочитав ее, дал очень дельный совет: пусть ты будешь трижды грамотей и четырежды столько-то пядей во лбу, но перед изданием книги, раз сейчас редакторов нет (дело было в тех же девяностых), дай прочитать ее набор кому-нибудь из *наших*, хотя бы мне — сочту за доверие; ибо пишешь-то ты один, а читать будут многие! Надо каждое слово продумывать. Это как в граверном деле — каждый штрих. Накрепко засела в голове эта здравая мысль.

... Бог троицу любит, потому еще один эпизод из былого. Вхожу, не упомню по какому поводу, ближе к зимнему вечеру в особняк на Каминского, а в крохотном кабинетике Пахомова как всегда людно, тепло, весело. Сам Виктор Федорович в шахматы режется с подопечными «на высадку». Харчиков и Дружков, бывшие косогорский металлург и воркутинский шахтер, с нескрываемым интересом смотрят на принесенную мною поллитровку, а «завхоз» Марк Самойлович искусно разделяет закусочную селедку пряного посола. Ни дать, ни взять провинциальный литературный кружок девятнадцатого века! А между тем общий профессиональный разговор на тему о структурном построении романа. И подытоживает его как всегда зашедший на четверть часа Ходулин: трехчастный роман — это русская классика! Ее не перекроишь, не перепрыгнешь. Вот Харчиков не даст соврать, а Николай Константинович (то есть Дружинин) по-военному утвердит. Все, мужики, с вами хорошо, но мне еще в департамент культуры надо заскочить!

Так получилось, что в русскую литературу, в ее постижение я вошел с рассказов, повестей, а потом и романов Лескова. И Тулу, до приезда в нее, зримо ассоциировал с лесковским «Левшой», дополненным «Нравами Растеряевой улицы» Глеба Успенского. Да оно так и получилось, когда впервые увидел этот славный город во второй половине шестидесятых годов: сплошь деревянную, еще не перестроенную Иваном Харитоновичем Юнаком, прямо из века предшествующего. А нравы, характеры ее жителей, даже в чем-то схожих видом, и вовсе восхитили: совершенно особый, веками устоявшийся мир в центре страны, всего в двухстах верстах от Москвы!

Вот и в самом облике Валерия Георгиевича, главное в его стихах, в манере говорить и общаться — все живо в моем впечатлении проассоциировалось с традиционной Тулой. Чувствовалось во всем его естестве, что и сам он в своем творчестве прежде всего отображает родной город, тульский характер. Это вовсе не значило, что раз и навсегда отгородился и замкнулся в этом провинциальном кругу. Напротив, до самого окончания своего творческого пути, почти совпавшего с завидной длительности жизненным, он основательно участвовал во всероссийском литературном процессе. Ведь для поэта, в отличие, например, от сугубого прозаика, многое значит аудитория, в том числе живая, эстрадная. Отсюда и его неперемное участие в литературных поездках: конкурсы, юбилейные встречи, памятные поэтические дни. Легок на подъем, неутомим, общителен.

Крепкий, коренастый, невысокий — типичный старотульский облик, так метко схваченные Лесковым и Успенским. Также и себе на уме, но необходимо для окружения, в положенную меру хитрован; в делах поэтических и общественно-литературных и себя не обидит — полный джентельменский набор признанного в Туле поэта: Заслуженный работник культуры, Почетный гражданин, лауреат премии Тульского комсомола; другими гражданскими и литературными наградами не обделен... Но ведь и работал, не покладая рук, почти до окончания отведенного ему судьбой немалого срока: не только писал стихи и литературную публицистику, но всегда состоял и на конкретной редакторской работе: от редактора Приокского книжного издательства до главного редактора газеты Косогорского металлургического завода.

В самих его стихах подспудно проступает музыкальная, песенно-частушечная ритмика. Потому-то они так легко перекладывались на песенный лад. А песен на его стихи под три десятка написано разными композиторами. Опять же немало тому способствовал его музыкальный слух и от природы поставленный голос. Недаром после службы на Балтфлоте, как сам Ходулин часто вспоминал, колебался он: поэтом стать или певцом? И все это в чисто тульской «аранжировке». Словом, был искренним человеком, что не обижался на свое «тульское призвание», а почитал себе за честь.

В житейском плане, как всякий коренной туляк с традициями казюка, не гонялся за журавлями в небе, но поступал с деловой практичностью. Во всяком случае, не печатал в областных газетах стихов с пометкой «перевод с цыганского» (ставка гонорара за «национальную поэзию» выше!), как один из известных наших поэтов. И не скрывал побочных литературных доходов от уплаты партвзносов, как то практиковал еще более известный тульский прозаик... Но охотно верю своему знакомому, что в безденежные девяностые годы видел Ходулина в торговом центре продающим свои книги под собственное пение и аккомпанемент приятеля-гармониста... Ведь своим трудом — книгами и песнями — зарабатывал человек!

Опять же, как всякий потомственный (генофенотипически, позволим «ученое» словцо вставить) туляк, с осторожностью общался в сфере провинциальных сильных мира сего: от службы не отказывался, но особо-то и не напрашивался. Когда дозволялось «свободой пошалить», то привык видеть Валерия Георгиевича на частых демонстрациях прежних лет, причем каждый раз идущего в рядах очерредной новой, обычно умеренно-экзотической «партии». Когда же власть строжала, то и «шалости» нивелировались. Все как у людей здравомыслящих, коими наш город всегда славился (см. русскую классику). Опять же в этом ни для кого и ни для чего обидного нет: сами наедине с собой подумайте.

... Но до конца поэтическую свободолюбивость к субординации не приведешь ведь? Вспомните Пушкина с обилием его язвительных эпиграмм. Тем более, что родная тульская власть много почудесила в предыдущие года. Всем памятный градоначальник почти превратил наш сухопутный город в фонтанный Петергоф... хорошо хоть не в Венецию! А Толстовский сквер — в некоторое подобие погоста с покосившимися могильными плитами с текстами из Толстого. Причем на каждой плите выбито от одной до четырех грамматических ошибок (Харчиков и ваш покорный слуга сами считали). Многие другие чудеса творились.

Это мы к тому о прошедшем вспомнили, что время от времени по Туле ходили очень меткие стихотворные строки, явно из-под пера Валерия Георгиевича. Но сам он от авторства осторожно отказывался.

Вот расписался-то? И чем больше вспоминаю образ и облик *нашего* поэта, тем теплее на душе становится. Ведь Ходулин оказался волею судеб и завидного творческого и жизненного долголетия знаковой фигурой, а именно: связующим звеном, мостиком от прежней, «устоявшейся» областной писательской организации Союза писателей СССР к нынешнему слепку с нее, бледной полутени, лишь условно именуемой чем-то похожим... Помнится, при недавней выдаче новых членских билетов (СПР решил поправить финансовые дела, собрав со своих подопечных по тысяче рубликов...) сказал Ходулину: уже третья членская книжка на руках, начиная от краснообложечной, с тиснением ордена Ленина. Тот рассмеялся: «Э-э, почтеннейший, а у меня четвертая; первой была книжка в черных корочках!» Истинно связующее звено...

И сейчас, два, редко три раза в год отбывая скучную, правда, короткую (а о чем говорить-то?), «повинность» присутствия на собраниях тульской писательской организации СПР, превратившейся в непонятное суконно-цинковое подобие общественной организации, с щемящей ностальгией вспоминаю ту прежнюю *нашу* организацию *профессиональных* писателей, из которых редко кто не учился в Литинституте или на Высших литературных курсах. А среди столь памятных лиц непременно присутствует Валерий Георгиевич.

... Очередное собрание в каминном зале Дома творчества. На правах «хозяина дома сего» Валерий Яковлевич добро и поощрительно оглядывает слетевшихся соколов острого писательского глаза и неустанных мастеровых гусяного пера. В президиуме почтеннейший Виктор Федорович и кто-то взятый писарем. Подтягиваются запоздавшие: Греков из своего Белева добрался, Панькин в тельняшке под расстегнутой на три верхние пуговицы рубахой... мы с однокашником Володей Суворовым — задержались в компании с Федором Дмитриевичем Поленовым (тот, правда, только заправлялся с дороги) в ресторанчике, что устроился в полуподвале творческого здания...

Ни единого сонного лица! На каждый, самый малозначительный вопрос повестки дня бурный отклик собравшихся. По поводу и без него негодует неугомонный Харчиков. Пешков, тоже не манкировавший ресторанчик, с кем-то сцепился и артистически-театрально хватается за спинку стула, поднимая его в направлении собеседника. Пронзительно-водянистым тенорком интригует Овинников, тогда только приступивший к сочинению многотомной эпопеи «Я и Вселенная» (что-то в этом роде...) и еще не печатающий своих визитных карточек с указанием диковинных реквизитов: доктор философии и филологии, генерал-майор казачьих войск и... летчик-космонавт СССР (!).

Полный восторг писательской раскрепощенности! Но и дела решаются неукоснительно. Особенно когда резюмируют Николай Константинович Дружинин, Сергей Иванович Галкин, редко, но метко вступающая Наталья Деомидовна Парыгина. И мало кто по существу может возразить логично составленным доводам Валерия Георгиевича Ходулина, который, как всегда, «только что из департамента культуры».

... Растрогался приятным воспоминаниям, скупая ностальгическая слеза выкатилась. Сходил на кухню, налил из заветной бутылочки империалистического виски «Макез Марк» (шт. Кентукки) стопку, ввел в организм. Они, мироеды, умеют качественные вещи делать, как говорил незабвенный Леня Голубков из телерекламы МММ Сережи Мавроди, русского грека... Полегчало. И заодно отвечаю на вопрос, явно витающий в голове читателя (а остались ли они даже в единичном измерении? Вот в чем вопрос): а почему, дорогой автор этих воспоминаний, столь почитаемый вами Валерий Георгиевич не публиковался в редактируемых вами же «Приокских зорях»?

Отвечу: у нас обычное правило не зазывать авторов на свои страницы. Ходулин же, а это явно не в его характере, не набивал себе цену, как тот же Овинников, что постоянно при встречах интересовался: «А что

это вы не приглашаете меня, автора эпопеи... см. выше..., публиковаться в вашем журнале?» Просто он очертил себе свой круг общения с читателями, а журнал наш, вполне возможно, несколько настораживал его статусом всероссийского. Так нам представляется: Ходулин и Тула — это поэтический симбиоз.

... Очерк этот пишется к первой годовщине ухода Валерия Георгиевича из столь посуровевшего нынешнего мира. Он пребудет в долгой памяти туляков... пока не исчезнет последний читатель, что не исключено.

Мир праху твоему, дорогой Валерий Георгиевич!

Людмила ВОРОБЬЕВА

г. Минск, Белоруссия

Людмила Анатольевна Воробьева — член СП Беларуси с 2017 г., академик Международной литературно-художественной Академии Украины (2019), лауреат многих международных премий, а также литературной премии им. М. Булгакова (2020), международного литературно-художественного конкурса им. Де Ришелье (2020) и «Славянский калейдоскоп — 2018», награждена дипломом за высокие помыслы и духовный аристократизм — Золотой GRAND (Германия, 2020), Дипломом за большие заслуги в области литературной деятельности — Золотой GRAND (Германия, 2020). Автор трех книг литературной критики. Литературно-критические статьи публиковались во многих российских и белорусских журналах и газетах, а также на ряде Интернет-порталов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

«ВЕЧНАЯ ТАЙНА ИСКУССТВА»

Образы живописи в современной литературе России и Беларуси

«Живопись, как и всякое явление культуры, можно рассматривать с разных точек зрения.

Скажем — и с литературой...»

Сергей Константинович Маковский.

О связи литературы и живописи первыми заговорили сами художники и писатели. Крупнейший художественный критик XIX века В. В. Стасов, характеризуя связь русской живописи и литературы, писал: «Главная наша сила в том, что новое русское искусство так крепко обнялось с русской литературой <...> Наши литература и искусство — это точно двое близнецов неразлучных, врозь немислимых». Взаимосвязи литературы и живописи имеют место на различных творческих уровнях: классицизм, романтизм, реализм, импрессионизм, символизм. Широко известен метод: Гоголь — Федотов, Некрасов — Перов, Толстой — Верещагин, Лермонтов — Врубель. В свою очередь, некоторые художники воссоздавали сюжеты древнерусского эпоса и фольклора, к примеру, Васнецов, Рерих. Во второй половине XIX века сформировалось русское искусство художников-иллюстраторов, тем самым подтверждая связь литературы и живописи, показывая художественно-графические принципы книжной иллюстрации как феномена литературно-художественной культуры.

Разумеется, эта связь не сводится лишь к иллюстрации. Нужно выйти за рамки непосредственного заимствования сюжетов и образов одного искусства у другого. Зрительные и словесные образы не тождественны. Словесное искусство — искусство памяти концентрировать мысль живописно. В нашей культуре взаимосвязь между чувствуемым и осмысляемым становится также предметом искусства, в особенности живописи. Здесь, пожалуй, как в литературе, так и в живописи важен изобразительный ряд, в основе которого лежит образ, причем не обязательно художественный — просто Образ. Литература не противостоит живописи, а сочетается с ней, где одно продолжает другое. Но первородство художника остается. И молчащее искусство звучит через века.

Все гораздо сложнее обстоит с литературой нового времени, художественные открытия современных авторов включают в себя синтез искусств, которые не стоит трактовать буквально. Проводить прямые параллели с конкретными картинами художников не всегда корректно и удачно. Художественный акцент писателей прежде всего кроется в интеллектуальном наслоении стилей и жанров. И критику нужно избегать странных сближений, но мне неоднократно приходилось писать о творчестве наших авторов и ставить в той или иной мере проблемы взаимодействия различных искусств: литературы и живописи, музыки и живописи, литературы и музыки. Тут важно не выйти за рамки границ художественного текста, осознавая собственные

возможности и главное — постараться сохранить подлинность оригинала, достоверность авторского текста. Труд исследователя, литературоведа по своей природе вторичен и напрямую связан с результатами труда писателя. Писатель, художник и критик должны работать вместе на общий результат — стремление к полноте истины и создание единого представления о произведении. Однако дистанция существует. Основным критерий — точность понимания своего места. Не случайно и М. М. Бахтин указывал на точность исследователя — это «совпадение вещи с самим собой».

Вместе с тем искусство нельзя перевести в область чего-то чисто рационального. Настоящее искусство — выражение невыразимого — то, без чего жизнь неполна. Тайна самой природы творчества: «иррациональное», «бессознательное» — так ее именуют писатели, художники, а христианская философия называет Божественным началом, когда «Божественный глагол до слуха чуткого коснется», — вот тот уровень гениальности совершенного искусства. Как же создается писателем и художником образ? Любое произведение, прежде всего, зрительные образы и в восприятии текста читателем и в восприятии картины зрителем. Писателю аналогично необходимо знать композицию, колорит, светотень, словом, изучить творческий метод живописи. Сегодня мы наблюдаем близость индивидуальной творческой манеры писателей и художников, средства решения их творческих задач, а не только ярко выраженную проблематику своих произведений. Литератор и живописец черпают материал из окружающей действительности. Литература и живопись порой выступают как абсолютно самостоятельные виды искусства и воссоздают явление социально-исторической действительности независимо друг от друга. Главная задача: найти точки соприкосновения двух искусств.

Посмотрим на наглядном примере, как это делает российский писатель из Старочеркасска **Василий Воронов**, у которого стиль становится одним из главных героев его прозы, к тому же он был учеником и собкором М. Шолохова. Классика — плоть и кровь как традиционного искусства, так и авангарда. Постигание литературно-художественного текста требует уровня художественного мышления и самопознания писателя и художника. Лирическая зарисовка Василия Воронова, какую я бы смело назвала картиной века, раскрывающей душу самого художника, — **миниатюра «Родина»**. Мы осознаем, как духовная жизнь обычного человека может быть удивительно многосложной. Для автора необходимо увидеть человека в этом мире, увидеть его в неразрывных всечеловеческих связях! И до сих пор на земле не устарела и чеховская, и шолоховская правда «маленького человека», «рядового», «простого». Писатель ищет свои сюжеты в природе, в искусстве, постигая загадки мира и жизни. Природа отдает больше, чем забирает, и ее звуки напоминают человеку, для чего он пришел в этот мир. И мы видим мастера, запечатлевшего само дыхание природы. «Художник света», — так называли Куинджи за его сияние красок. Прозаик Воронов посредством слова воспроизвел целую картину, наполненную светом и радостью. Девушка-художница и старик-пастух — по истине судьбоносная встреча. «Я сам рисовал бы, только краски подбирать не могу», — признается герой Воронова, не догадываясь о том, что наделен особым талантом воображения, талантом замечать в окружающем мире то, что доступно далеко не каждому взгляду. Так когда-то Репин хотел писать восход солнца над Днепром. Так Тургенев, Набоков, Паустовский горели страстью блуждать по лесам, полям и равнинам родной земли. Творчество — это организующее начало, а не хаотическое. Подлинное искусство созидательно, оно должно нести счастье, должно отражать самобытность личности. Автор прельщает и экспрессионистическими приемами письма, ясными словесными красками, контрастами света и тени, он предстает перед нами как доселе неведомый художник утонченной кисти и легкого, воздушного пера. *«Бери бугор, где стоим, поближе к себе, — голос его обрел силу, рука дирижировала у ватмана. — Прямо с цветами бери. С шалфеем, с ковылем, с полыном, бессмертник не забудь. Шиповник отодвинь подальше. Теперь бери кладбище, уголок с крестами. Чуть ниже луговину с моими коровами. Вербы старые, горбатые. За ними речка виляет в камышах цвета лисий хвост. Дальше трасса в ниточку, тополя строчечкой, озимка глаз веселит. На горизонте, на самом конце хмарь, дымок. Теперь облака бери, пониже, покучней. Чисто кремль над головой. С золотым подбоем. И тень от них прозрачная. Коров и вербы клади потемнее. Пониже облаков, над кладбищем, орлик завис. Теперь самое главное хутор наш. Хаты нарисуй так, чтобы печаль за душу брала. Чтобы покоем от красок сквозило. — У Левитана картина есть “Над вечным покоем”... Нарисуй так, чтобы наш хутор был лучше Левитана. Теперь назови эту картину “Моя родина”», — что ты скажешь, потрясенный читатель и зритель?! Есть лишь одно магическое слово — Родина! Творчество! «Да вы настоящий художник!» — только и смогла произнести ошеломленная услышанным девушка, которой старик любезно подсказывал, на что еще обратить внимание. Картина выглядит динамичной, зримой, мы словно наблюдаем, как цвета и образы перетекают из реальности и фантазий прямо на холст. Впечатление такое, что этот человек ощущает жизнь полнее, чем все окружающие, творя красоту легко, естественно, как Господь создавал когда-то Землю. И он создает свою пастораль, открывающую вызревший простор мысли. Художник слова интуитивно постигает экспрессивную сущность цветовой палитры красок, соотношения фона, оттенков, правила равновесия и взаимной гармонии. Перед тобой возникает рисунок лирической прозы, описанный живо, позитивно, в светлых тонах. Разве это не живопись, порожденная природой? Художественная истина лежит за пределами индивидуального, она нечто высокое и порою, кажется, соприкасающееся с вечностью. Там, где кончается слово, начинается музыка. Или живопись. Или вообще молчание, или само искусство, в котором лучше недосказать, чем сказать слишком много. Достаточно изысканности и техники слова. Идеальная музыка — это молчание, но и живопись — это тоже молчащее искусство. Они идут рядом. Настоящее искусство и настоящая литература — это философия, возникающих и исчезающих и сно-*

ва возникающих смыслов и форм. Большой художник находит истину повсюду: в жизни и в природе, в человеке и в мире, в сфере трагического и комического.

По слову М. Пруста, «величие подлинного искусства в том и состоит, чтобы найти, уловить и показать ту реальность, которую нам придется узнать...» Подобную реальность нам представляет и другой российский прозаик — **сибиряк Николай Ольков**, — впитавший традиции отечественной классики Распутина, Белова, Астафьева, Шукшина. Философией мира, природы, единением человека и леса проникнут его **сказ «Мои грибы»**. *«Хожу по утреннему сонному лесу. Грустно хрустит валежник под робкой ногой. Еще год назад живые ветки потрепанных временем берез пали, чтобы стать прахом»*, — такое вот удивительное собиранье грибов, такие тургеневско-аксаковские блуждания на природе, когда врачующей грустью обволакивает душу, а впереди — бесконечная дорога жизни. И таинственный гриб, согласитесь, дано лицезреть не каждому. Вспоминается повесть «Другие берега» и набоковское «грибное счастье», единственная «травинка», «родимый мох», пропитанные ностальгической тоской по родине. Хотя у Николая Олькова гораздо больше внутреннего одухотворения и жизненного подъема: «Не грибы в радость, а встреча с ними», — искренне признается автор. *«Давно заметил, что люблю быть в лесу один. Встретив первый гриб, режу не сразу, осторожно очищу от листвы и травы, полюбуюсь, поговорю с ним...»*, — это ли не чуткая простота человеческой души, остро чувствующей мать-природу?! Слово о ее красоте — царственной красоте леса — некая скрытая системная целостность природы — как спасение от мирового зла. И каждый сказ Николая Олькова полон тихой очарованности, сопричастности тайне, будто новые краски в бесконечном исследовании русской особенности, судьбы всеобщности — мира природы и человечества. *«Свидание с лесом подходит к концу, надо возвращаться в мир людей, жесткий и беспощадный. Морозным зимним днем соленые грездочки напомнят об этих минутах. Положу их в обширное блюдо, на деревянный поднос вывалю вареную картошку. Погружу, а может и поплачу. Что гриб, вроде пустяк, а вот на размышления наводит...»*, — сколько же мудрых мыслей рассыпано в поле сказа, отражающего как яркую жизнь самого автора-героя, этого вечного дознавателя истинного, грибника и писателя, впечатляющего ярким примером — вдохновенной поэтично-пейзажной прозы, так напоминающей русский колоритный натюрморт. «Искусство никак не обращается к толпе, к массе, оно говорит отдельному человеку, в глубоких и скрытых тайниках его души», — верно писал В. Вересаев. Неизгладимое послевкусие оставляет после себя и другой самобытный **сказ Олькова «Про английскую королеву и молосное масло»**. Писатель подкупает художественной правдой изображения нравов и быта провинциального уезда, оригинальным народным говором. Сказ наполнен ценными сведениями и мельчайшими подробностями жизни людей XIX века. *«Ярманка ... — это праздник, тут схлестываются купцы со всех краев, тутюшние крестьяне со своим товаром. Мясные туши на вешалках, и скотские, и свиные, и бараны. На прилавках птица всякая: куры, утки и гуси, индюки... Зерно, само собой, пшеничка со здеиних увалов влет уходила, оттого что хлебы из той муки выходили пышные да кусные. Но особливо ... был интерес к молосному маслу, ныне его сливочным зовут»*, — вот он, сок и смак бытовых частностей и всевозможных деталей, раскрывающих жизнь и нравы народа, его культуру. Перед нами предстает неведомый, канувший мир той забытой царской России. Нельзя не отметить в приведенном отрывке и **мастерство Николая Олькова-пейзажиста**: он умело рисует картины русской природы, причем колоритные жанровые сцены переданы им в слове так же впечатляюще, как Борисом Кустодиевым в живописи. Ибо живопись действительно порождена природой. Знаменитый Леонардо да Винчи не случайно ее считал «внучкой природы и родственницей Бога». В своем сказе прозаик будто предвосхитил сюжеты и краски цветасто нарядных полотен художников-передвижников, которые невольно всплывают в памяти, когда открываешь и его **сказ «Про английскую королеву...»**, поутру не садившуюся за стол без русского масла. Это не просто этнографический интерес к прошлому, а возвращение и сохранение крестьянского уклада жизни, так необходимого в будущем. Целый эстетическо-краеведческий пласт русского бытия поднимает писатель. Буквально во всем ощущается любовь и уважение к старине. Вполне приемлемо провести стилистическую параллель и с книгами Мельникова-Печерского «На горах», «В лесах», где ярко и колоритно изображены история и быт Заволжья.

Любое искусство поэтично. Поэзия и живопись — близнецы сестры. В живописи кисти и слова много чарующего. «Любите живопись, поэты! / Лишь ей единственной дано / Души изменчивой приметы / Переносить на полотно», — точно и лаконично выразил суть этой таинственной связи Н. Заболоцкий. Свет души должна излучать поэзия. Подобный непреходящий свет излучают и стихи лирического поэта из Беларуси **Валентины Поликаниной**. У нее именно такие позитивные, светлые тона. Ее стихам присуща особая диалектика между светом и тенью. Она создает эмоционально-чувственные импрессионистические зарисовки, и для нее, как замечает литературовед Ирина Зайцева, присущ эмпирический опыт в сочетании с вербальным методом, что придает стихам обобщающий смысл.

*Задумчивость. Картинность силуэта. / Зачеркнутость измятого листа.
Горячая собранность поэта. / Ночная постепенность. Темнота.
Оторванность. Тоска. Уединенность. / Болезненность. Возвышенность мечты.
На творческие муки обреченность. / Сплошное постижение высоты.*

Это наиболее выразительное восьмистишие, на которое исследователь обращает наше внимание и которое образно связано с уникальной техникой письма импрессионистов. Художники этого направления чувственно передавали в своих картинах малейшую изменчивость настроения и владели совершенно особой системой видения и отображения реальности: ее неуловимой игрой разума, игрой памяти и полнотой восприятия целого в частном. Развитие импрессионистических идей в искусстве нашло отражение и в поэзии. Портретные характеристики В. Поликаниной напоминают нам картины тех же импрессионистов своей расплывчатостью, неопределенностью чувственных черт, постоянно меняющимися в зависимости от ракурса восприятия. Сложная гамма эмоциональных переживаний от простейших жизненных ощущений до утонченных впечатлений, даруемых искусством. Волшебство, загадочная красота лиризма, о чем говорит и белорусский писатель Агнеша Мартинович, подчас даже непередаваемая акварельная техника, сложная в слиянии всевозможных цветов и оттенков, постепенно переходящих от чистых, сочных красок к туманным, легким пастельным тонам, романтически элегическим, — все это характерно и для поэзии Валентины Поликаниной. Ее творческой манере так же близки благородно-сдержанные мазки, мерцание света, контрастные переходы, когда мир запечатленный и мир внешний приобретают единый точный рисунок. Убедитесь сами:

*Зябка взошла молодая рассада, / Почвой небесной звезда рождена.
Черная готика зимнего сада / К серому вечеру пригвождена.
Вьется тропинка подобно растению. / В стылых дворах гонят снег сквозняки.
Тихо идут осторожные тени — / Точных и мерных минут двойники.*

Нет, здесь отнюдь не упрощенные поиски удивительного в повседневном, а открытие иных измерений, что за гранью привычного видения, когда космически остро ощущается приближение к вечному... Белинский, разделяя поэзию на роды и виды, полагал, что лирическое произведение «сравнимо только с музыкою». Окрашена музыкальным звучанием и поэтическая лира Валентины Поликаниной, улавливающая музыку, говорящую «на языке волнующейся крови», святую «музыку песнопений», взывающую «к гармонии стремящиеся души». В стихах «Адажио» поэт приоткрывает завесу таинства рождения слова, его извечного поиска, мучительного и радостного, когда великое искусство может стать благодатной почвой и для поэзии. «Не ночь была, а поиск слов к “Адажио”, / Тому, что Альбинони написал. <...> А память воскрешала наболевшее. / И говорили прадеды ослепшие: / “Молись над словом, плачь, ведь ты — поэт. / А значит, для тебя не риторически / Звучит вопросом этот гул космический / Над самой горемычной из планет. <...> Слова, как зерна, мне катились под руки: / Сказаться помогли, как могли...”» — поэзия сливается с музыкой, но что из них более властно над человеческой душой? Лишь в поэзии сосредоточены: и звук, и картина, и чувство. По мнению Белинского, она «заключает в себе все элементы других искусств», представляя «собою всю целостность искусства». А реальная поэзия всегда созвучна своему времени. Поэзия В. Поликаниной являет саму энергию слова — то воплощение идеи, то взаимное оживление и образа, и написанного текста, и воспринимаемой души, то эстетическое потрясение, то новое качество творчества, которое можно считать чудом искусства — традицией катарсиса. Такова сила художественного образа, который несет в себе фантазия художника слова, или «переживание забытого и утерянного достояния народной души», по мысли поэта-символиста Вячеслава Иванова.

Уместно вспомнить и классический труд Г.-Э. Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии», в котором немецкий драматург и критик раскрывает отличие в способах создания и восприятия образа в живописи и литературе. В новейшее время об этой проблеме писал И. Э. Грабарь: «Всякое искусство дорого, главным образом... специфичностью своего космоса... Поэзия в живописи далеко не то, что поэзия в литературе. Когда живописец прибегает к чисто литературным приемам, он всегда оказывается неизмеримо слабее писателя». Живописный материал намного труднее для восприятия анализа, чем художественная литература. Литературные и живописные произведения имеют свою творческую самостоятельность. Все это очень хорошо и профессионально знакомо **народному художнику Дагестана, скульптору, графику, живописцу, композитору, лирическому исполнителю и поэту, живущему в Беларуси,— Хизри Асадулаеву.** Он талантливый художник, рисующий, поющий, слагающий стихи. Автор поэтических сборников, основоположник каратинской литературы, первый, кто перевел белорусские, русские, зарубежные литературные произведения на родной каратинский язык. Художниками не рождаются — становятся. И личность Хизри уникальна: он покоряет различные жанры искусства, расширяя само понятие художника до бесконечной многозначности... Творит в слове, в песне, в рисунке и скульптуре, в своем неравнодушном, познавательном отношении к жизни. В горах Кавказа оставил свое сердце не один поэт. Образ гор, парящих над ними орлов, — мощные талисманы в жизни и творчестве художника. Ночные горные вершины, объятые сном, мистические мантили Гете, Лермонтова, также обладавшего незаурядным талантом живописца. Подобно художнику Николо Пиросмани Хизри Асадулаев сотворяет собственный потаенный рай эпической гармонии Кавказской земли, первозданности восприятия мира в его неразрывной целостности человека, природы и Создателя. Сама палитра и цветовая гамма в стихах Хизри сдержанна, если нарисована природа, город, то главное — философская окраска, внутренний мир человека, реализация происходящего через метафору. Созерцание красоты и углубление в себя, навеянное законами японского искусства, выражено в стихотворении «Осень»: «Как все похоже!... Люди и листва — и мой отец, упавший рано лист, / В другом листочке

зрится профиль мамы.../ И, устилая парки и аллеи, родных и близких образы летят...» Природа в стихах Х. Асадулаева тоже имеет душу, может жить, как и человек, в «предощущении дождя», природа и человек связаны общими «законами жизни». Какие совсем не классические сравнения находит автор: «береза в шали полинялой старухой выглядит усталой», «редкобровы леса», и «мы тоже в спячку впасть готовы». Роскошь разнообразия мира приходит через понимание единого культурного пространства. Стучит по крышам весенний дождь, и просыпается музыка сердца Хизри, глядя в минские окна, он видит цветущие каратинские сады, окутанные легкой вуалью. Кистью художника-мариниста, где господствуют краски слова, написана Нева. Произведение талантливо передает быстротечность изменения петербургской природной стихии. Нева изначально «чуть розовата», «еще дремала» — резкий переход — вдруг река «свинцово-черной стала», когда «прямо на глазах Нева оттенки нехотя меняла». По-философски заключая, что «не вечно все», Хизри верит в значение прекрасного, которое несет в себе природа. Жизнь Х. Асадулаева вмещается в одно слово — Искусство. Творчество, искусство являются одной из ведущих тем в поэзии Хизри Асадулаева. У настоящего художника всегда присутствует обостренное чувство ответственности и личной неизбежной вины. Скульптор, как и поэт, не может не быть философом. Скульптура учит разбираться в людях, у автора свой скульптурный мир и своя особая философия. Лишь тогда дерзновенная попытка добиться в молчащем искусстве совершенства художественного воплощения может увенчаться успехом. И мы обречены постигать это магическое воздействие искусства живописи и скульптуры, владеющего таинственным даром молчания, из века в век всматриваясь в глаза картин и скульптур, отражающих вечность. Великий Леонардо да Винчи в своем трактате «Суждение о науке и искусстве» говорил о том, что «живопись распространяется на философию природы», «поэзия распространяется на философию морали», а ту же «музыку нельзя назвать иначе как сестрой живописи». Вот наглядно и зримо — три ипостаси творческой личности Хизри Асадулаева, органично сочетающиеся между собой и дополняющие друг друга. Поэзии автора характерен самобытный колорит, ярко выраженная национальная окрашенность, каждое его произведение глубоко индивидуально и несет — то нечастое и безусловное своеобразие, когда его стихи безошибочно узнаешь и отличаешь в многообразном поэтическом потоке современности. Собственную историю становления художник пронзительно выразил в удивительно правдивых стихах со своим особым ритмическим рисунком, где краской звука дается нечто существенное и в его автопортрете:

*О высоком мечтал, / И мольберт водрузив на тренажник,
Я не слушал отца / и не слушал советов семьи:
«Работа — учитель, работа — кузнец и сапожник,
А разве работа — «мазюкалки» эти твои?
Но что-то будило, / Волной подступало под горло,
И нес по стремнине меня / вдохновения челн.
Искусство вливало мне в сердце мелодию горна,
И в формах летучих являлась мелодия волн.
Какой там Бертольдо, / Какой там еще Гирландайо?..
Но жажда познания — / это превыше всего.
И если сегодня, седея, я что-нибудь знаю,
То лишь потому, что тогда я не знал ничего.
Давно я — художник, / Давно уже выросли дети,
Но часто тревожит / щемящее чувство вины —
Вдруг прав был отец, и сегодня «мазюкалки» эти,
В жестокое время опять никому не нужны?*

Густые мазки маслом. Он изображает только то, что чувствует. Предельная откровенность, обнаженность чувств, боль и горечь непонимания многих вещей, но и вера, стоическая убежденность высокого человеческого предназначения, что ведут к намеченной цели, прочитываются в этом произведении-исповеди. Нет — не знал он тогда ничего, мальчишка из далекого каратинского села, о Гирландайо, учителе Микеланджело. Это познание пришло позже. «Терпи! Когда рождается человек, с ним рождается его работа», — говорил мастер флорентийской школы, высказывание которого во всех главных смыслах можно считать пророческим (цитата из романа Ирвинга Стоуна «Муки и радости»). Разве не терпение, упорство и труд помогли и Хизри Асадулаеву стать настоящим и признанным мастером?! «Лиши меня искусства, и во мне ничего не останется», — еще одна цитата из известного романа, изреченная Гирландайо. Но не будем забывать, что и поэзия — тоже искусство, требующее всего человека. Не зря же считают, что у поэта может остановиться только сердце. Творческая личность очень часто работает на пределе своих внутренних возможностей и в большей степени бывает метафизически обескровлена собственным творческим началом. «Поэт видит неизваянную статую, ненаписанную картину и слышит неигранную музыку», — тонко чувствовала мир творца М. Цветаева. Стихотворение по сути — это эстетическое произведение, как скульптура, вода, жемчуг, грубый камень. Когда художник талантлив, все для него становится уникальным способом передачи смыслов, когда стоишь перед холстом, то вместе с картинами нередко рождается и поэтическое их сопровождение. Произведения живописи, графики, скульптуры Х. Асадулаева, имея прекрасную внешнюю форму, впечат-

ляют иным — редким внутренним содержанием — сплавом мысли и чувств, жизнью души, которой является поэзия. «Поэт — он ваятель», он «душу сумеет увидеть под плотью», он «форме значение найдет» — слова философа и писателя Мигеля де Унамуно, как будто сказаны о нем, зримо отражая творческую суть Хизри Асадулаева. Тематические и жанровые пристрастия мастера многоплановы: от классицизма и реализма до разных стилей модерна, сюрреализма. Он не боится смешивать жанры, используя современные направления, но неизменно одно — собственное видение. Новаторство в творчестве Хизри сочетается со стариной, которая фон для союза двух начал, двух сестер — живописи и скульптуры, имеющих общие корни. Работы автора отличает высочайший уровень художественного исполнения, отточенное профессиональное мастерство скульптурной композиции, что для многих художников лишь мечта. Достоинство его произведений определяет внутренняя значимость образа, а не просто скульптурная техника. Постоянное трудолюбие, привитое горской землей, дало свои плоды, не зря на Кавказе говорят: «Имя без дела — пустой звук». Вот самые яркие композиции, созданные им, — настоящая полифония Вселенной — бронзовое чудо: «Распятый во времени», «Адам и Ева», «Прозрение Иуды», «Смирренная», «Уединение», «Адамово яблоко», навеянные библейскими сюжетами; «Чайка» — бронзовая стремительная птица, непохожая на других, птица, преодолевающая шторм; «Микрокосм», где мы небольшая часть единого мира и огромного Космоса — вечной загадки Бытия; «Утро» — утонченная сверкающая фигура девушки — «золотое начало дня», «свежесть утра, голубизна», эти слова поэта Давида Кугультинова могли бы стать продолжением названия композиции; «Девочка с бабочкой» — незабываемая трогательная фигурка уверенной малышки, так прочно стоящей на земле, девочка, вдохнувшая жизнь в белый гипс; «Остров любви» — неразрывная сплетающаяся мелодия любви; страстные и пластичные, рожденные музыкой: «Первый дождь», «Танец каспийских волн», «Симфония женщины», «Бриз», «Полонез Огинского». Реалистичны, естественны в своей сдержанной простоте портреты, передающие возвышенность помыслов, глубину характеров: образы дочери, жены Патимат, поэта Анатолия Аврутина, африканки Джудит. Интересны и пейзажи, выполненные маслом в строгих холодных тонах, посвященные Кавказу, легкие пастельные акварели — природе и ее временам года. Если все произведения Х. Асадулаева собрать в одном музее, то получится неповторимая поэма из камня, бронзы, живописных полотен — философский сад — ясный и долговечный, наполненный звуками музыки, в чем-то напоминающий японский сад камней, но более впечатляющий неисчерпаемостью и блеском богатства. Живопись примиряет с действительностью. Художники. Музейное молчащее искусство. Искусство без слов. В давние времена горные мастера на кувшинах оставляли надпись: «Самые прекрасные кувшины делают из обычной глины. Так же, как прекрасные стихи создают из слов простых». Все простое и искреннее рождается от Бога, так и идеи к художнику приходят тоже от Бога. Каждый сам стремится найти свою дорогу к Храму, преодолевая на этом пути не одну горную вершину. Настоящее искусство должно быть подчинено высшему — Богу. Хизри убежден — «начертан Богом к праведности путь». Религиозное впечатление, которое истинное художественное произведение оказывает на человека, — это тоже тайна. Напряженная работа не только над камнем, но и над словом, чтобы «в слова обратить, что словам не подвластно», стало духовным смыслом и самосовершенствованием Хизри, его негаснущим огнем, когда куеться камень и художник углубляется в думы. В художественном поиске он интеллектуально объединил различные жанры и идеи, сделав свой шаг в новый мир искусства: и не только современного, но и искусства грядущего. Хизри Асадулаев, будучи в прекрасной творческой форме, уже оставил свой яркий след на пути большого мироздания, ведь для каждого художника важно не уйти, не раствориться во времени бесследно:

*В знак особой любви мне при жизни даровано Богом,
Даже в небо уйдя на прощальный, мучительный круг,
Вместе с вами любить, вместе с вами брести по дорогам,
Вам в твореньях оставив тепло не слабеющих рук.*

Жизнь и искусство — музыка, живопись, поэзия — одно целое, устремленное к вечности. И таланты, так щедро отпущенные милостью Всевышнего, уникальные способности владеть кистью, резцом и пером, Хизри Асадулаев отдает на благо людей, на всеобщее созидание добра и мира. Ведь истинная задача художника — служить человечеству.

Искусство являет нам целостное представление о мире. Полифония мировых голосов, красок, поражающих стилями и жанрами, есть и в поэзии таких белорусских авторов, как мастера поэтически нежной, мягкой живописи М. Позднякова, поэта-графика Н. Гальперовича, живописца акварельных прозрачных красок, музыкального поэта М. Башлакова, колоритного, метафорически насыщенного художника Руси Ю. Фатнева, самобытного, своеобразного поэта И. Григорьева, произведения которого сравнимы с былинными полотнами Рериха. «Так же, как неразлучны... живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже политика», — писал Н. Гумилев. Свидетельством тому является публицистика Н. В. Советной, ее литературно-краеведческий цикл о культуре Городокского края, известных художниках, музыкантах вошел в книгу «Угадывай любящим сердцем (СПб., 2019). Стоит обратить внимание и на книгу Л. В. Довыденко «Дарить России. Встречи с Н. Д. Лобановым-Ростовским» (М., 2022), посвященную князю, подлинному аристократу духа, писателю, известному ценителю мировой культуры, меценату-коллекционеру, подвижнику, собирателю шедевров русского театрально-декораци-

онного искусства, который по велению сердца, безвозмездно передал России работы Рериха, Малевича, Бакста, Бенуа, Коровина, лучшую коллекцию театральной живописи Серебряного века. Хотелось бы упомянуть и пронзительный очерк-эссе народного артиста России Н. Бурляева о выдающемся кинорежиссере А. Тарковском, в частности о его фильме «Андрей Рублев», где в эпицентре повествования — древняя икона — главный эстетический образ, символ Руси, который содержит в себе красоту и гармонию мира, само проникновение в тайну тайн искусства. Столь блистательный очерк вошел в книгу «Тарковский. “Боже!.. Чувствую руку Твою на затылке моем!..”» (М., 2022). Жертвенность во имя искусства, стремление к сохранению самобытной национальной культуры — вот что объединяет эту публицистику.

Действительно, как в живописи, так и в литературе, художественное прочтение гениальных авторов остается одной их величайших тайн, сколько бы времени ни прошло. Почему в XX веке и в XXI искусство потеряло тайну? Художник — понятие многозначное. Настоящий художник — он находит тайну, пытается объяснить смысл жизни. Жизнь — тоже великая тайна и великое искусство. «Искусство должно давать счастье и радость», — утверждал В. Д. Поленов. Чувство искусства, живописи, Слова. Искусство как гимн земной жизни, как стремление к Вечности. Быть выше жизни и смерти — в этом непостижимая тайна и сила искусства. Ибо через настоящего художника Бог выражает свой замысел о человеке, его мучительный поиск своей дороги. Дает ему свободу выбора — эту тайну искусства! Уникальное явление. Искусство должно нести Свет, Свет той бесконечности, в которой зарождалось все искусство и зарождался весь человек. Лишь оно облегчает поиск смысла. Жизнь и искусство, сливаясь, идут к смыслу и обретают его, олицетворяя вечное.

Литература:

1. Современная русская литература: 1990-е годы — начало XXI века. — М., 2005.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
3. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. — М.: «Худож. лит.», 1988.
4. Воронов, В. А. Муниципальные люди. — М.: Наша молодежь, 2022.
5. Ольков, Н. М. Про жизнь и про любовь. Рассказы и сказы. — Вологда: Родники, 2022.
6. Полиганина, В. П. Родное, кровное, святое: книга поэзии и прозы. — Киев: Колофон, 2017.
7. Асадулаев, Х. Проблески таинства: поэзия, живопись, графика, скульптура. — Минск: Книгзбор, 2011.
8. Советная, Н. В. Угадывай любящим сердцем: книга публицистики. — СПб., 2019.
9. Довыденко, Л. В. Дарить России. Встречи с Н. Д. Лобановым-Ростовским. — М.: ИД Академии Жуковского, 2022.
10. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — с. 38. ср.: Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика: Саратов. — 1994. — с. 134—152.
11. Иванов Вяч. И. Мысли о символизме // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М. — 1994.
12. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М. — 1955. — Т. 7. — с. 310.
13. Уайльд О. Полн. собр. соч. — М. — 1959. — Т. 5. — с. 209.
14. Стасов, В. В. Избранные статьи о русской живописи. — М.: Детская литература, 1984.
15. Стасов, В. В. Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. — Том второй — М.: Государственное издательство «Искусство», 1952.

Владислава ВАСИЛЬЕВА

г. Узловая Тульской области

Владислава Вячеславовна Васильева родилась, живет и работает в г. Узловая Тульской обл. Победитель Тульского областного Слета молодых литераторов в номинации «Проза», литературного конкурса Тульского отделения Союза писателей России «Малая Родина». Лауреат престижной литературной премии «Ясная Поляна». Член Союза писателей России. Литературный критик. Наш постоянный автор.

ЮБИЛЕЙ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

40 лет назад у крупнейшего из современных прозаиков Тульской области Валерия Яковлевича Маслова в Приокском книжном издательстве вышла его первая книга «Возвраще-

ние». С тех пор писатель прошел яркий и серьезный жизненный путь, перечисление его должностей и наград обычно занимает не менее страницы мелкого шрифта в любой статье.

Двадцать три года работы в высших органах исполнительной власти Тульской области — это очень серьезно. И при этом Заслуженный работник культуры РФ, при этом награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и несколькими другими государственными медалями, при этом член нескольких творческих Союзов.

Но, как говорил великий поэт Владимир Маяковский, «Я поэт. Этим и интересен».

В данной статье хотелось бы уделить внимание именно творческой стороне деятельности Валерия Маслова.

— 40 художественных книг,

— общий тираж свыше миллиона экземпляров,

— переводы на иностранные языки и выход книг в Сербии, Черногории, на Украине и в Грузии,

— выход трех романов в аудиоформате (МПЗ)

— Тульские премии: Тульского комсомола, газеты «Молодой коммунар», Тульского отделения Союза писателей РСФСР, им. Ярослава Смольякова, дважды им. Л. Н. Толстого, краеведческой премии Главы города Тулы «Истоки»,

— Всероссийские литературные премии: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенникова.

Рассмотрим подробнее несколько наиболее значимых в творческой биографии писателя произведений.

Первая опубликованная повесть «Там же, на нашем пруду» представляет собой, казалось бы, типичный образец соцреализма в литературе, так называемую «деревенскую прозу». В деревню приезжает молодой специалист-агроном Александр Ерофеев. Он мечтает применить все свои свежеполученные знания, улучшить жизнь колхозников, он полон оптимизма и энтузиазма. Об одном лишь беспокоится — не слишком ли он молод? Как его примут опытные работники? Будут ли уважать? Приняли, как родного. Сразу объяснили, что главное в этом деле — проставиться. А дальше процесс «проставления» и «обмывания» начал казаться молодому специалисту бесконечным. Но стоило ему попытаться увильнуть от этого занятия, как начались сложности. Его упрекают, пытаются даже пугать, а когда молодой агроном сопротивляется, то мешают ему работать, пишут жалобы, настраивают против него рабочих и... все-таки проигрывают. Можно было бы сказать, что эта книга о деревне, но разве только об этом? В июльском (2023) экономическом и политическом обзоре Михаил Хазин, бывший чиновник аппарата Президента, а ныне крупный экономический аналитик, сказал буквально следующее: «Знаете, как ставят на контроль нового человека в жестких организациях? Вначале его хорошо встречают и объясняют, что он должен взять на себя некие обязательства, не прописанные в должностных инструкциях. Человек, желая сохранить добрые взаимоотношения в рабочем коллективе, соглашается. Затем он замечает, что исполнение этих неписаных правил идет ему, мягко говоря, не на пользу. Но когда он отказывается от выполнения навязанных ему норм поведения, против него объединяются все остальные и начинают выживать — причем одни просто отказываются выполнять его приказы, другие пишут доносы». Хазин распространял эти приемы чиновничьей борьбы на отношения между странами как некий универсальный опыт. Между тем, описанная им ситуация — и есть сюжетная основа рассказа «Там же, на нашем пруду». Временная разница между рассказом Маслова и обзором Хазина сорок пять лет. Получается, рассказ на самом деле не о деревне, не только о ней. Рассказ о становлении личности, о разнице между жадной властью и государственным мышлением, о долге, о желании молодого человека приносить пользу людям, о трудности начала профессионального пути.

«Главное — решить, смогу ли я быть нужным, полезным людям, которые родились и выросли вот здесь, на этой земле... Если испугаешься раз, побоишься ответственности, лишней работы, то кто поручится, что ты не струсил снова и снова?»

Из языковых особенностей рассказа — начинающему автору удалось избежать двух главных опасностей, подстерегающих молодых писателей, в рассказе нет ни чересчур длинных описаний природы, ни речевых шаблонов. Наоборот, сохраняя сдержанность стиля, автор тем не менее дарит читателю ощущение «обжигающей свежести», первозданности сказанного.

Метафорический образ пути является одной из главных литературных удач автора в рассказе. Путь — тропинка, дорога, широкая аллея — является полноправным героем.

«В морозное, искристое, поскрипывающее от легких прикосновений солдатских сапог утро Ерофеев весело шагал в свою новую жизнь. Его, вчерашнего солдата, все радовало — и плотно утоптанная в девственном снегу тропинка, и обжигающий свежестью воздух, и кокетливо накинувшие снежные шапки деревья в придорожных защитных полосах... Хотелось еще прибавить темп ходьбы, набрать разбег и с головой окунуться в дело».

«В дороге же, когда поехали по полям, действительно, водка помогла. Только вот ноги стали зябнуть. Стучишь сапогами, а они как две деревяшки откликаются».

«А ты не грози,— перебила его Мария.— И тоже запомни, что наши стежки-дорожки разошлись».

«Они шли, взявшись за руки, по широкой аллее, образованной двумя рядами высоченных тополей».

Что касается любовной линии в рассказе, то она так или иначе повторяется потом в последующих

произведениях писателя. Есть герой, трогательно сомневающийся, является ли он привлекательным для возлюбленной и потому ожидающий от нее первого шага или, хотя бы знака взаимности. И есть две героини, безгрешная и греховная, как Ева и Лилит. В рассказе «Там же, на нашем пруду» это активистка-комсомолка Вера и выпивающая бригадирша Зоя, разведенка, разумеется. Вера молча влюблена в главного героя Александра Яковлевича, Сашу, а Зоя мечтает о ресурсном муже из числа городского начальства и о должности агронома.

В целом рассказ сложный, структурой и динамикой напоминаящий пьесу. Виден будущий автор — его уже на старте писательской карьеры интересует нечто большее, чем любовные перипетии или проблема пьянства в деревне.

С 1992 по 1998 год Валерий Маслов пишет романы из серии «Мафия бессмертна», серия издается в «Эксмо», крупнейшем издательстве России. Романы эти не столько детективные, сколько остросюжетные. Главный герой следователь прокуратуры Усков и журналистка Джульетта Булатова. Тему и круг освещаемых проблем романов можно понять из названия. Интересно тут то, что с высоты нашего времени такие романы воспринимаются как бурная криминальная фантазия для развлечения обывателей. На самом же деле, эти романы лишь писательский способ фиксации российской действительности 1992—1998 годов. Каждый, кто жил в те года, понимал, что он живет внутри большого, размером с целую страну, криминального романа, где главные герои — следователи и бандиты. Бояться было нормой, рисковать и терять — нормой. Чтобы понять, насколько мы все тогда были погружены в реальность, которую потом назовут «остросюжетным романом», достаточно сказать, что нет ни одного человека, который жил бы в те года и не слышал о серии романов Валерия Маслова «Мафия бессмертна». Все либо имели их в домашней библиотеке, либо читали, либо видели на многочисленных книжных развалах тех лет, где они занимали почетное место.

После окончания этого цикла Валерий Маслов решает закончить с писательской деятельностью. И вдруг (как он сам рассказал в интервью газете «Аргументы и факты» в 2020 году) однажды проснулся с почти готовым романом в голове — романом о власти, о Сталине и Ельцине.

Действие романа развивается параллельно в двух временах — начало пятидесятых, когда заканчивается правление Сталина и конец девяностых, когда заканчивается правление Ельцина (в книге — Александра Владимировича, президента). Два правителя, один из которых способствовал созданию государственной мощи страны, позволившей ей войти в тройку мировых лидеров, второй — положившей страну к ногам заокеанских «друзей», сделавший ее экономически зависимой и открывший «друзьям» все, даже оборонные, секреты. Считающий заботы об уровне благополучия населения страны чем-то вообще не обязательным.

«— Кто у аппарата? Филимонов? Какой Филимонов? А, ты уже новый министр? Ну-ка, давай, отчитайся, почему эти, как их, врачи с учителями зарплату не получают?»

— Какие долги! Какой дефолт! Кто о народе заботиться должен — я, что ли?»

Власть обоих патриархов идет к концу, но как по-разному они это проживают! Для одного заговор предателей означает вред, который могут причинить стране, для второго — любой заговор бодрит возможностью вступить в столь любимые им аппаратные игры и, одновременно, злит, как покушение на золотую ложку во рту.

Роман «Ближняя дача» интересен ракурсом видения автора. Можно быть уверенным, что подход основан на опыте. Герои, населяющие текст, их речь, их действия, их образ мысли приближены к реальности настолько, насколько близок автор к системе, описанной в тексте. Это создает так называемую «оптику» произведения. Читателям более известны такие понятия как «фемоптика», «колониальная оптика». Произведениям Валерия Малова присуща оптика государственная, характеры героев и сюжет всегда строятся на том, что государственные интересы превыше всего.

Для сравнения: одним из романов, в котором также описывается конец правления Сталина, является роман Василия Аксенова «Москва, ква-ква», который отличается ярким, харизматичным текстом. (Некоторое тематическое сходство этих двух романов отмечал сербский переводчик «Ближней дачи» Владо Ашанин, отдавая предпочтение именно роману Валерия Маслова) Сталин у Аксенова фигура зловещая, может быть, даже демоническая, с манией преследования и почти магической осведомленностью обо всем и вся. Но... ходил ли Аксенов по коридорам власти Кремля так, как это делал Маслов? Работал ли с этими людьми, видел ли их в деле и в отдыхе? По современным литературным меркам художественность давно проиграла подлинности, документальности, убедительности рассказа очевидца. Да, разумеется, писатель Валерий Маслов не работал со Сталиным, но с Ельциным и его окружением — да. То, что ему понятны законы власти, мы увидели уже при разборе его самого первого произведения, повести «Там же, на нашем пруду», а к моменту написания романа «Ближняя дача» опыт работы с государственными чиновниками высшего уровня составил более двадцати лет. Что же более ценно для читателя? Яркая фантазия (но все же фантазия) или достоверность? Тут каждый читатель решает для себя сам. Роман по сей день читается как актуальный, так как содержит весьма реалистичное описание состояния экономики и морального духа страны на конец правления Ельцина — России, которую мы получили 31 декабря 1999 года.

Любовная линия представлена взаимоотношениями главных героев — Джульетты Булатовой, перекочевавшей в «Ближнюю дачу» из серии про мафию, и Германа Сабурова, помощника президента и одного из заговорщиков. Джульетта позиционируется автором как героиня положительная, хотя по типу она явно

не «Ева», скорее уж «Лилит». Она умна, хитра, сексуальна, любит красивые вещи и дорогую жизнь, но... она же любит Германа, предана ему, рискует жизнью ради помощи своему любовнику. Да, Джульетта и Герман — любовники, они так и называют друг друга в глаза и за глаза: «мой любовник», «моя любовница». Главное здесь — героиня далека от небесной чистоты героинь соцреализма. В ней нет ничего от небесно-чистой комсомолки Веры из первого рассказа писателя. Но...оказалось, что можно быть хорошим человеком, не стремясь к замужеству, как к единственно достойной цели.

Интересно, что описания природы в романе несут одновременно две смысловые нагрузки:

— во-первых, противопоставление мира природы, как олицетворение покоя и гармонии, суетному миру персонажей: *«...погода способствовала расслаблению. Солнце уже клонилось к закату, и в сосновом бору оживали совсем иные звуки. В косых лучах перепархивали, точно загораясь, какие-то птицы. Запахло земляникой, нагретыми пнями. Гулко падали шишки. Словом, лес готовился ко сну. Но обитатели правительственной дачи и не думали о каком-то сне. У них было слишком много забот и проблем. И решить их эти взрослые люди почему-то никак не могли».*

— во-вторых, напоминание о вечности. Этой брусчатке, этим соснам, а может быть, и этим голубям, уже сотни лет. Пережили царей, пережили Сталина, переживут и героев описываемых событий: *«На заснеженной брусчатке суетилась стайка голубей, ввысь устремлялась золоченая колокольня Ивана Великого, слышался мерный перезвон часов на Спасской башне».*

А в следующем романе Валерия Маслова «Любовь не имеет названия» (2007) положительная героиня (тип «Евы»), рассмотренная автором более пристально, вдруг окажется не такой уж и положительной.

Роман начинается со встречи главной героини Наташи с писателем Виктором в самолете, летящим в Сербию. Наташа волнуется, ведь она должна встретить своего немецкого жениха Гюнтера. Актуальная тема тех лет — выйти замуж за иностранца. Писателю Виктору Наташа понравилась — приятная, трогательная в своем волнении, и он приглашает ее на свой творческий вечер. Дальше воображение Наташи разыгрывается, она готова выйти замуж и за Виктора. Но — только замуж! Наташа начинает встречаться с обоими мужчинами, сравнивая их достоинства. Оба годятся в мужья, по ее мнению. Встречи носят все более близкий характер, но героиню это не останавливает. Ей не в чем себя упрекнуть, считает Наташа, во-первых, нет секса, значит, нет обмана, во-вторых, все ради замужества. Читатель следит за Наташей со все возрастающей тревогой, с мыслями от «ты же лопнешь, деточка» до «бойтесь своих желаний, они могут исполниться». Страсти у героев, кстати, не наблюдается совсем. Тысячи причин находятся, чтобы избежать любого намека на эротическую сторону отношений. Как ни тщится заклятая подруга Ирина научить Наташу «плохому», но и ей это не удается. Хорошие девочки, если уж и хотят чего-то, то «замуж». А порядочные мужчины, разумеется, «теплоты общения». Только раз оступается писатель Виктор в объятиях коварной подруги Ирины, изрядно удивив самого себя. Утром испуганно списывает все на «духи с феромонами». Интересно, удивился бы он или нет, узнав, что феромоны это большой маркетинговый миф, давно разоблаченный учеными?

Но странное дело. Как ни врут герои, обманывая даже самих себя, правда помимо их воли становится видна. Все герои нежнейшие, трогательнейшие эгоисты. Каждый очень хочет любви, но с ответными чувствами не торопится, по-детски боясь «переплатить». В своем незамутненном эгоизме, они больше всего напоминают персонажей комедии Дель Арте — Арлекина, Пьеро, Пару Влюбленных. Да и ситуации, описываемые в романе, достойны итальянской сцены — любовные треугольники, а то и четырехугольники. Автор умело расставляет героев на шахматной доске романа и, благодаря поступкам героев, обнажает их характер. Становится ясно, что Наташа боится всего — жизни, мамы, правды. Мама Наташи боится одиночества. Писатель Виктор боится, что дачу в Переделкино отберут. Ирина боится, что, несмотря на все ее богатство, у нее на самом-то деле ничего и нет. Гюнтер боится женщин. И все это писатель показывает не за счет внешней или внутренней речи героев (герои себя обманывают едва ли не успешнее, чем друг друга), не за счет показанного лексическими средствами авторского отношения или авторской речи, а каким-то более тонким образом — за счет противоречия между словом и делом персонажей. За счет последовательности и логики развития событий.

Тем более неожиданным оказывается финал романа. Появляется некий переводчик Владо и увозит Наташу в свой «замок» в Черногории. Увозит вместе с четырнадцатилетней дочкой, о существовании которой до сих пор не знает Гюнтер, жених из «основного состава». В замке все персонажи друг с другом встречаются и все друг с другом примиряются.

Одно из двух: или Наташа умерла, попала в рай, и весь этот праздник жизни привиделся ей, как привиделся он замерзающему ребенку из рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке», или писатель Валерий Маслов пожалел свою бедную героиню, придумав вот такой сказочно прекрасный конец ее истории.

В 2008 году выходит первое издание книги «Тульские люди», книга переиздавалась еще три раза — в 2009, 2011 и 2014 годах.

И здесь Валерий Маслов вступает в новую для него область — краеведение. «Тульские люди» — проба пера. Книга в достаточной степени сырая, автор еще не определился, является ли эта книга краеведческим сборником или сборником личных воспоминаний, а то, может быть, и вовсе сборником неких авторских эссе-рассуждений. Такая разбалансировка цели написания книги помешала автору выбрать стиль повествования, он получился сбивчивым и неоднородным, содержит много личных замечаний и оценок. Но сохранилось главное — огромная любовь автора к своему региону, своей любимой Тульской земле. Про

каждого из своих героев — «тульских людей» (Лев Толстой, Викентий Вересаев, Глеб Успенский, несколько тульских чиновников из числа высшего руководства областью, командир крейсера «Варяг» Всеволод Руднев и т. д.), помимо блока основных сведений, автор дает несколько дополнительных, милых тульскому сердцу «черточек». В самом деле, что можно нового написать о Лье Толстом? Но можно рассказать о том, как из-за местной «самодуры»-чиновницы, сломавшей каблук, был заасфальтирован прешпект в усадьбе Ясная Поляна, и потом его пришлось буквально «освободить», восстанавливая исторический облик. Или о крестьянских мужичках, которые полюбили, возвращаясь из храма, каждый раз навещать бывшего командира крейсера «Варяг» Всеволода Федоровича Руднева, уединенно живущего на пенсии в своем доме, в селе Савино Заокского района Тульской области. Они пели ему «Врагу не сдается наш гордый Варяг...», а он каждого наделял денежкой. Кругом поля и редкие рощицы, а из водоемов разве что пруд... Или о писателе Глебе Успенском с его «Нравами Растеряевой улице». «Город Т.» получился у Успенского до того мрачным, а рабочие, его населяющие, до того пьющими, что хоть сейчас на фестиваль авторского кино отправляй, составил бы достойную конкуренцию «Левиафану» Звягинцева. Валерий Маслов в довольно полемичной манере доказывает, что это вовсе не отражение реально существующего положения тульских рабочих, а образ мышления Глеба Успенского, за что его и современники критиковали.

Основное достоинство книги «Тульские люди» в том, что здесь появляется и реализуется авторская концепция Валерия Маслова, сохраняющаяся потом во всех его последующих краеведческих сборниках — предметом его исследования всегда будет вопрос «Как это сделано».

Книгу автор разделил на главы, по роду деятельности и по времени жизни героев. Есть глава о знаменитых писателях, о руководителях области, о людях идеи (революционер, командир крейсера, оружейник) и так далее. Про каждого из героев автор пишет, что именно он сделал для области. И есть одна, особая глава, посвященная матери писателя Валерия Маслова. Появление этой главы в книге важно не только для писателя, но и для признания роли женщины в обществе в целом.

«... я подумал: если бы все матери в нашей стране были такими, мы, пожалуй, жили бы иначе и не удивлялись, откуда вокруг столько равнодушных людей?»

На самом деле, таких глав в книге должно было бы быть больше. Вот, например, рассказывая об отце писателя В. В. Вересаева, врач, автор пишет, что делом его жизни стало санитарное состояние города. Именно он осушал многочисленные болота вокруг города, проверял состояние дворов и школ, занимался не только лечением, но и профилактикой холеры и тифа в городе. И тут же коротко упоминает, что мать писателя, организовала первый в России (!) детский сад. Это такое же важное историческое событие в жизни Тулы, как организация А. Т. Болотовым первого в России детского театра. Достоинство отдельной главы.

После выпуска книги «Тульские люди» идея краеведения увлекла В. Маслова. Говорят, краеведами становятся по особому зову души. Классическое определение краеведения звучит так: совокупность знаний о том или ином крае, изучение его природы, истории, экономики, быта и т. п. ... Из разных научных дисциплин к одной цели — всестороннему изучению своего края. Изначально краеведение занималось в основном описанием природы того или иного края — его географии, природных ресурсов, флоры и фауны. После Великой Отечественной войны расцвело историческое краеведение — изучались значимые исторические события, памятники, личности. Появилась потребность в бережном отношении и развитии исторической памяти народа, это стало культурной традицией. Был принят и Закон об охране и использовании памятников истории и культуры (закон до сих пор является действующим). В нем говорится: «Памятники истории и культуры народов СССР составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации. В СССР памятники служат целям развития науки, народного образования и культуры, формированию высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся».

Сейчас потребность в краеведении снова растет. Появились новые проекты. Так, Ассоциация союзов писателей и издателей России в апреле 2023 года, в Доме Ростовых в Москве представила две первые книги серии «Россия: места, события, судьбы» — историко-краеведческого проекта издательства «Серебряные нити». Говорили о знаковых местах Центральной России и о том, как летопись страны отражается в «малой» истории городов, сел и деревень. Прозвучало предположение, что недалеко то время, когда каждый регион будет создавать свои учебники родного края для школ и других учебных заведений.

Именно с этой точки зрения и хотелось бы рассмотреть книгу Валерия Маслова «История Тулы», первое издание которой появилось в 2018 году. Далее книга переиздавалась в 2019, 2020, 2021, 2022 — дважды и 2023 годах.

Книга открывается текстом указа президиума Верховного Совета СССР о присвоение городу Туле почетного звания «город-герой». Затем выдержкой из Устава муниципального образования города Тулы. Флаг, герб и гимн.

Такое вступление сразу настраивает читателя на торжественный и немного ученический лад. Изучение Тулы с азов, но не с исторических, а с государственных азов. Здесь уже можно вести речь об особой оптике автора, то есть о той «точке зрения», ракурсе восприятия автором информации, которую он берется донести до читателя. Оптика будет определять и стилистические особенности повествования, и последовательность глав, и методы, с помощью которых отбирается информация для краеведческого сборника.

Государственная оптика автора объясняется его биографией — двадцать три года работы в высших эшелонах исполнительной власти области. Многие из того, что кажется тулякам существовавшим всегда, создавалось на самом деле на глазах или при непосредственном участии автора. Например, присвоение городу звания «города-героя» или возрождение должности «губернатор». Подход Валерия Маслова к повествованию об истории города Тулы, проявившийся у него в книге «Тульские люди», остается и усиливается. Основной упор на «кто это сделал» и «как это сделано». Тула вписывается в историю страны, как компонент системы. И если при чисто исторической оптике мы читаем о том, что происходило, что случилось на территории области и ключевое слово здесь — «случилось», то при государственной оптике обнажаются механизмы создания всего того, что казалось бы «само выросло».

«12 января 1722 года Именным Указом Императора Петра I при Сенате была образована Герольдмейстерская контора. Товарищем герольдмейстера («составителем гербов») был назначен граф Ф. М. Санти. На основе сведений, присланных из разных городов России, им были созданы первые городские гербы. В описании, присланном из Тулы, сообщалось, что на берегу реки Уны построен завод, где изготавливаются «фужейные и пистолетные стволы и штыковые трубки». Это описание послужило основанием для составления городского герба Тулы».

Характерным признаком любой оптики является отбор материалов для книги и последовательность подачи этого материала. Сразу, вслед за описанием символов Тульской области — флага, герба и гимна, автор рассказывает об истории создания органов власти Тульской области. Это естественно для государственного подхода, кто-то всегда управляет территорией. Затем следует рассказ о Туле как об оружейной столице и рассказ о Туле как о форпосте Московской Руси. Да, Тула была пограничным городом. Туляки стояли между Москвой и ее внешними врагами. И тут уже видна заявка на «особенности национального» характера туляков.

Книга разбита на главы, посвященные определенной тематике. Каждая глава содержит несколько очерков.

«С этой целью в Туле началось возведение грандиозных линий укреплений — засек. Они состояли из ряда укрепленных городов, соединенных между собой непрерывной чередой валов и рвов, а в зонах густого леса еще и засечных полос. На лесных участках подрубали деревья и заваливали их в сторону неприятеля, при этом не отрубали от корней. Вершины этих деревьев заостряли, а ветки сплетали и связывали веревками из коры. Растащить такой завал было невозможно. Пройти его было также очень сложно, не то что на коне, но и пешему. В проходах ставились укрепленные башни с воротами».

За этим описанием начинают проступать черты тульского характера. Характера серьезных людей на службе у государства. В 1595 году в Туле поселились первые тридцать профессиональных кузнецов, изготавливавших оружие, а в 1712 Петр I основал первый казенный (то есть государственный) оружейный завод. И если у представителей других российских городов были прозвища по принадлежности к определенной профессии (Вязьма — пряничники, Пенза — лаптежники, Рязань — кособрюхие, то есть плотники и т. п.), то туляки звались «казюками», т. е. казенными людьми, рабочими казенных заводов.

Глава «Кузница русского оружия» содержит несколько очерков о легендарных тульских оружейниках — С. И. Мосине, Ф. В. Токареве, Г. С. Шпагине и других. Каждый рассказ начинается с более ранних времен и заканчивается отсылками к современности. Это не только создает объемную картину истории Тулы, но и, учитывая особенности клипового мышления современных читателей, особенно юных читателей, помогает удерживать внимание, интерес, способствует лучшему проникновению в тему.

Главы о Туле спортивной, Туле библиотечной, Туле музейной и образовательной — это по сути прекрасная дорожная карта для читателей: кто решил создать соответствующие объекты, какими средствами и усилиями это создавалось, какие трудности возникли на пути создателей, что привнесено в эти объекты уже в наше время и чем может воспользоваться читатель. Такая подача материала — прекрасный подарок и юным читателям, и просто жителям Тулы, и даже туристам.

Задача, выполненная этими главами, соответствует, и можно даже сказать — рифмуется, с Положением о Палате древностей, которое цитирует автор:

«Палата древностей и музей должны иметь характер учреждений не только образовательных, но и общевоспитательных (патриотических)».

Интересна история развития такого бренда, как тульский пряник. До революции производством знаменитых тульских пряников занимались многие тульские купеческие семьи, но после...

«В начале XX века пряничное производство едва не погибло. После революции о пряниках пришлось забыть — в то время больше было востребовано искусство знаменитых тульских оружейников. Хозяева и мастера тоже практически исчезли — кто-то уехал за границу, а оставшихся репрессировали. Уникальные традиции были потеряны и остались лишь в преданиях глубокой старины. Рассказывают, например, что мастера-пряничники в своей работе никогда не пользовались гириями, заменяя их разновесами в виде камешков и кусочков железа, которые прятали в укромных местах. Рецепты хранились в глубокой тайне и передавались по наследству».

В 1930-х годах бывший подмастерье «пряничных» купцов Гречиных Степан Савостьянов взялся за возрождение пряничного дела. Сохранилось его интервью, в котором он рассказывал, что помог ему в этом счастливый случай: когда-то в праздничный день Степан прокрался в мастерскую хозяина и взвесил все его

тайные разности — главный секрет тульских мастеров. Так что современное пряничное производство ведет свое начало с хитроумного подмастерья».

Мистическая история. Она как будто приоткрывает завесу над местом нашего города в истории: то, что родилось в Туле, тульским и останется, будет развиваться и преумножится, что бы ни случилось.

Разумеется, объектом пристального внимания автора является все, что связано с культурой — архитектура города, знаменитые усадьбы, знаменитые писатели, связанные с Тулой. В этих главах много такого, что вызывает желание посетить, посмотреть, прочитать — не это ли прекрасная цель любой краеведческой книги?

Отдельного внимания заслуживает язык книги. В «Истории Тулы» Валерий Маслов избавляется от той неровности, что мы наблюдали в «Тульских людях». Больше нет личных оценок и замечаний, личных воспоминаний. Язык книги прост и строг одновременно, это хороший русский литературный язык, опять же — с некоторым налетом «государственности», но в данном случае она необходима и оправдана. Читателя не покидает ощущения хорошего школьного учебника, из тех, что действительно любимы детьми всех возрастов и служат годами. Стояла ли перед автором такая задача — неизвестно, но в 2023 году к нему обратились сотрудники московской компании ООО «Эпосервис», занимающиеся комплектацией библиотек с просьбой оказать им содействие в приобретении «Истории Тулы» для пополнения библиотечных фондов г. Москвы. Книга действительно этого достойна.

В 2022 году, в тульском издательстве «Аквариус», вышла книга Валерия Маслова «Тульские театры».

Первые главы посвящены истории вопроса. В 1672 году (для сравнения: за сто лет до образования государства Америка) в России возник театр как развлечение для молодой супруги царя Алексея Михайловича Романова. И еще долго развитие театра зависело от царей. Театр то финансировали воистину по-царски, то запрещали.

«В дворцовых спектаклях принимала участие вся петербургская знать: особенно смешил Анну Иоанновну своими выходками на сцене Д. А. Шепелев, а исполнителями театральных пьес являлись представители знатных фамилий того времени — сыновья Бирона, Воронцовы, Апраксины, Брюсов, Ермаков, Струговичиков и другие».

С приходом советской власти театр становится делом государственным. Но указы — указами, а чтобы претворять их в жизнь, нужны энтузиасты, на своих плечах вытаскивающие создание новых театров.

Легко ли создать театр? Валерий Маслов обнажает для нас шестеренки этого сложного механизма. Обычный зритель видит здание театра и актеров. Знает, что есть режиссер. Понимает, что пьеса кем-то написана. На самом же деле этих важных для существования театра точек куда больше.

Очень важно иметь помещение театра, хотя бы как место для репетиций — автор с большой любовью и печалью рассказывает о знаменитом тульском театре «РИСК» («Ребята, ищущие свое кредо») под руководством Г. Крестьянкина. Театр возник в 80-е и сколько новой жизни вдохнул в тульскую молодежь! Распался в 2017, потому что с театром не перезаключили договор аренды. Нет репетиций — нет театра.

Рассказывая о режиссерах и актерах тульских театров, Валерий Маслов говорит не только об их таланте и любви к театру, он показывает нам глубину мысли этих творческих людей. Читатель словно оказывается внутри творческой лаборатории актера, где рисунок роли складывается трепетно и тщательно, продумывается не один день. Все, что зрителю кажется таким естественным — рождалось зачастую в муках, искалось осознанно и с пониманием ответственности перед зрителем и Театром.

Очень важен выбор пьесы, и за него отвечает заведующий литературной частью. От выбора пьесы зависит успех театра. Тут нужно многое учесть — актуальные ли темы в ней поднимаются, можно ли «осовременить» пьесу, если она классическая, можно ли найти в ней дополнительные смыслы, готов ли театр к созданию соответствующих декораций, костюмов и так далее.

Большое внимание уделил автор книги работникам театрального закулисья — декораторам, балетмейстерам, костюмерам, художникам-постановщикам.

«— Если отбросить высокий стиль, у художника-постановщика должно быть развито пространственное мышление, потому что сцена — это пространство. При этом учитывать множество разных деталей. Например, делать точный расчет, сколько какая часть декораций весит. Понимать, насколько громоздкими могут быть декорации, как их сделать, чтобы монтажники физически могли все поднять. Главное — все делать от души, потому что, если любишь театр, то ты его любишь безоговорочно».

Уважение автора к этим людям передается и читателям, мы действительно видим, что эти люди являются полноценными соавторами спектакля. Зачастую их находки эвристически меняют рисунок роли или режиссерскую трактовку пьесы.

«Что же касается Атаманиши, то исполнительница этой роли после премьеры рассказала: “До последнего момента я не могла найти нужные составляющие для моего персонажа: не хотелось повторять то, что в мультике, — полуцыганку-полухулиганку. Но когда я надела костюм, созданный Татьяной Матус, и этот замечательный рыжий парик, то вдруг почувствовала себя... Машей Распутиной.захотелось запеть про Гималаи, сразу появились нужные жесты, интонации — кураж появился. С ним и вышла на сцену...”».

Практически половина книги «Тульские театры» посвящено тульскому театру юного зрителя, ТЮЗу. Знаете, как и где началась история детского театра в России? В городе Богородицке Тульской области!

«Воспитательную, познавательную, развивающую силу театра подметил наш выдающийся земляк, писатель и ученый естествоиспытатель Андрей Тимофеевич Болотов. Именно он, житель Тульской губернии, стал основоположником первого в стране детского театра. Идея его создания родилась у А. Т. Болотова в конце восемнадцатого столетия. В это время он жил в Богородицке... Вот как описывает историю создания первого детского театра в России интернет-энциклопедия «Википедия»: “Первый в России детский театр был создан в 1779 году в городе Богородицке Тульской губернии, в имении графов Бобринских, управляющим, известным ученым энциклопедистом Андреем Тимофеевичем Болотовым (1738—1833).

Идея создать детский театр возникла 7 октября 1779 года, во время празднования 41 дня рождения Болотова. 24 ноября 1779 года (по новому стилю 5 декабря 1779 года) в одном из залов дворца состоялась первая постановка театра по пьесе М. М. Хераскова “Безбожник”. Актерами стали жившие в усадьбе дети, в том числе сын А. Т. Болотова Павел. В XVIII веке репертуара для детского театра еще не существовало. Первую пьесу Андрей Тимофеевич сам написал за два дня”».

Валерий Маслов наглядно демонстрирует, что с тех пор и «далее всегда» роль личности в развитии театра была определяющей.

В целом книга представляет собой развернутое исследование развития театра в Тульской области. Театра — во всех его проявлениях: драматический театр, театр юного зрителя, кукольный театр, экспериментальные и самодеятельные театральные коллективы и даже капустники! Век за веком, год за годом — автор подробнейшим образом описывает не только театр, как явление, но и «строительство» его увлеченными людьми, как построение храма, как построение системы.

Автор использует в книге документы, воспоминания театральных деятелей, газетные заметки и рецензии, отзывы зрителей, хроники, интервью актеров и других работников театра — и, благодаря этому методу, создает стереоскопическую картину театрального мира. Прекрасного, сложного, смешного и трагичного, глубокого, блестящего, совершенно особенного мира.

Сейчас среди журналистов и блогеров принято озвучивать недовольство действующей системой. Мол, слишком медленная она, неповоротливая. И там «они» не сделали, и тут «они» не позаботились. Но книга-исследование Валерия Маслова ясно показывает, как театр всегда существовал заботами увлеченных, живущих «духом, а не брюхом». И всегда это было преодолением среды. Театры всегда создавались как будто из ничего — вот не было еще вчера, но кто-то сделал, купил, смонтировал, нашел пьесу, нашел место для репетиций, пошил костюмы, нашел финансирование, вышел на окупаемость, организовал учебные курсы для молодых актеров, а зритель-то видит лишь волшебную сказку.

Язык книги «Тульские театры» изменился по сравнению с «Историей Тулы», в нем меньше строгости и гораздо больше безусловной любви автора к театру вообще и тульским театрам в частности.

Пожелаем Валерию Яковлевичу Маслову дальнейших творческих успехов. Будем ждать новых его исследований Тульской области и новых открытий.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Шафран Яков Наумович родился в 1950-м г. Два высших образования: в 1973-м г. окончил Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет) по специальности «Двигатели летательных аппаратов» и в 1998-м Высший психологический колледж (ныне Высшая школа психологии) по специальности «Практический психолог». Литературный стаж с 1986-го г. Автор восьми книг прозы и поэзии. Печатается во многих журналах, альманахах и на сайтах журналов. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», член редакционных советов ряда изданий. Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР.

УДАРНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

* Вторая статья из цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации»

Истинный, страшный лик глобализма

В предыдущей статье «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» из цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации» мы проследили, как возникло данное уникальное явление — объединенный Запад — и как он проявлялся на протяжении последующих долгих веков, и почему. А проявлялся он, в том числе как родоначальник капитализма с его безграничным эгоизмом и крайним индивидуализмом, развивающимся до самой высшей степени своих выражений. Оттуда идет, что «сильные призваны завоевывать, а слабые — умирать» считает доктор философии Айн Рэнд. Разве это не откровенный международный и социальный расизм? Кроме того, контентом и методом западной цивилизации как мирового сумрачного царства вынужденной необходимости является жестокая конкуренция ради максимальной прибыли и безудержного потребления, а глубинными смыслами Русской цивилизации как Царства Христовой Свободы, важнейшими составляющими ее генома — расширенное «духовное воспроизводство» человека, общая польза и «за други своя», а также борьба за недопущение всеобщности западного царства потребности. За сие Запад нас и ненавидит.

Капитализм нынешнего времени стремится к глобализму, к надгосударственному обязательному, а порой и принудительному, порядку, основная, приоритетная задача которого — целенаправленное формирование и успешное практическое осуществление продуктивной деятельности всей жизни на планете, однако в угоду *своим, капиталистическим ценностям*. Для этого организуются всевозможные соответствующие магистральные и оперативные направления для ее неуклонного исполнения и заказанного развития с методичным прибиранием глобалистами к «липким» рукам отдельных, уже переставших быть независимыми, государств, разнообразных национальных обществ, с запретом *всякой* государственной идеологии, а фактически к полному навязыванию *собственной* на любых административных и социальных планах и уровнях. Все действия глобалистов — «западоидов» (по определению А. А. Зиновьева) направлены к главному достижению, к достижению важнейшего своего назначения — надежной, в том числе и силовой, защиты и успешного продвижения мирового капитализма, различных его официальных и неофициальных учреждений и установлений, материальных и нематериальных выгод и нужд его управленцев как многочисленной всепланетарной управляющей команды; к достижению превосходства многосторонних меркантильных интересов стран западной цивилизации перед национальными, пусть хоть в какой-то степени суверенными, странами и какими бы то ни было иными, той же степени субъектами мировой системы, преимущества каких угодно глобализационных технологий все в том же неугомонном духе. Причем глобализаторы не гнушаются использовать для сего и фашистские с нацистскими теоретические и методические разработки, интерпретируя их для своих корыстных целей и для искусной маскировки умело и успешно применяя демократическое и гуманистическое суесловие.

Таким образом, истинный, страшный лик глобализма — по сути неорабовладельческого строя — античеловечен, жесток, ибо он активно использует изощренные приемы общественного манипулирования и неприкрытого и замаскированного политического насилия в неблагоприятных целях расчеловечивания и в долговременной перспективе тотального разрушения национальных обществ и государств. У Запада по определению не существует философии мира, а, напротив, есть натуральная философия непрекращающегося, перманентного насилия и войны. Здесь вполне законно вспомнить, что сделали с Югославией, как расстреляли Каддафи и Ливию, как повесили Хусейна и уничтожили Ирак, как третируют Орбана и Венгрию, а также нынешнюю Сербию, как «используют» народ Украины, как стараются низвести Россию до уровня обычной колонии и многое-многое другое... В его неистощимом арсенале и «обожествление» безудержного потребления, и планомерное разрушение народных и культурных скрепов, коренных, традиционных религий, фундаментальных законов морали и нравственности. А современные чудовищные извращения на Западе не являются ли прямыми доказательствами откровенного сатанизма?

Капитализм — это вечно голодный мировой вампир, он не может жить без поглощения все новых и новых рынков. Сейчас для него на нашей многострадальной планете осталась только одна Европа. А дальше что? — Конец. Вот поэтому, как было сказано выше, им активно используются и такие старые, «испытанные» формы как национализм, фашизм и нацизм, и их насаждение в странах. Кроме того, после гибели СССР современный глобальный капитализм «приватизировал» во многих странах мира левые и «левацкие» организации... в том числе и вновь созданные. Однако то уже иная история...

Национализм, фашизм и нацизм

Но вернемся к теме статьи и зададимся очевидным вопросом: в чем разница между фашизмом и

нацизмом?

Национализм, как следует из самого классического, традиционного определения, — это устойчивая система недвусмысленных взглядов, построенная на предвзятом мнении, что данная, конкретная нация как этническая группа, так и гражданская группа (то есть все граждане страны, независимо от их национальности, когда не предполагается отрицательного, небеспристрастного подхода к другим местным народностям) лучше иных, что ее внутренние многообразные потребности превыше всего, что она является единственным и главным корнем управления и единственным фундаментом государства.

Николай Рерих в работе «Звучание народов» пишет: «Никто не будет возражать против индивидуальности, как выражения неповторенного ценнейшего комплекса чувств и творческих способностей. Если же существует всеми ограждаемая индивидуальность личности, то и в каждом коллективе, будет ли это коллектив семьи, государства, народа, отображается своя индивидуальность — значит, и это качество должно быть охраняемо», и еще: «Национализм <...> не есть шовинистическое ненавистничество, но именно лучшее выявление достойнейшей сущности народа».

Таким образом, национализм, сам по себе, — это еще не зло. Только мы должны отметить, что он нередко делается агрессивным, когда порождает неизбежные межэтнические столкновения, и может доходить до полного шовинизма. А самыми непосредственными, зримыми плодами последнего являются фашизм и нацизм: «сугроб да вьюга — два друга».

Слово «фашизм» происходит от итальянского *fascio* — союз, пучок, связка, объединение. Впервые фашизм зачался в Италии в Первую мировую войну и, развившись, начал оттуда «победное» шествие по европейским странам. Фактически сие глобальное явление — типичное соединение агрессивного национализма и тотального государственного контроля над экономикой. Кроме того фашизм полагает важнейшим всеобъемлющее национальное единство, которого добивается активным формированием и прочным, вплоть до законодательного, закреплением жесткой диктатуры с сильной харизматической личностью во главе. По Умберто Эко существует стройный ряд смысловых признаков, определяющих подлинное лицо данного социального явления, — это «культ традиции, ... иррационализм, культ “действия ради действия”», недоверие к интеллектуалам, неприятие скептицизма — сомнение в режиме считается предательством, — неприятие «плюрализма, ксенофобия и расизм, буржуазность и опора на средний класс, национализм, одержимость теориями заговора» ... «враг изображается как очень мощный, но в то же время достаточно слабый, чтобы его можно было одолеть, жизнь — непрерывная война, а пацифизм — сотрудничество с врагом; элитизм, презрение к слабым, культ героизма и смерти...»

Особо крайним, экстремальным видом фашизма является нацизм, когда национализм проявляется как крайний социальный расизм. Слово «нацизм» есть сокращенная форма пресловутого словосочетания «национал-социализм». Нацистская человеконенавистническая идеология общеизвестна по кровавому гитлеровскому режиму тридцатых — сороковых годов 20-го века в Германии. Однако она возрождалась и позднее в том или ином виде в различных местах земного шара, возрождается и поныне, в частности на Украине.

Особость «арийской расы», ее мнимое, якобы абсолютное превосходство над иными, по утверждению, неполноценными расами, нациями и социальными группами, начиная от евреев и цыган и кончая физическими и психическими инвалидами и безнадежно больными, в том числе и своими же, немецкими, с практикой сплошного уничтожения представителей данных групп, являлось одной из центральных маниакальных идей и целенаправленной внешней и внутренней политикой германского нацизма. В разном виде и в разной степени это всегда обнаруживалось там, где возникал нацизм, но до такого абсолютизма, как в гитлеровской Германии, он не был доведен нигде. Здесь не лишним будет сказать, что, в отличие от нацистов, в СССР, даже с осознанным риском для жизни непосредственных исполнителей, затрачивая столь необходимые для стойкой длительной обороны, наступления и жизнедеятельности тыла средства, спасали душевнобольных и инвалидов, в том числе из блокадного (!) Ленинграда.

Следует сказать, что фашизму и нацизму свойственна также непрестанная и непримиримая война с левыми, как революционными, так и не революционными концепциями, движением пацифизма и демократией, прежде всего народной. Адольфу Гитлеру принадлежат следующие предельно откровенные слова: «Мы требуем исполнения государством справедливых требований трудящихся классов на основе *расовой солидарности*. Для нас раса и государство — это *единое целое*» (Из интервью Гитлера 1923 года *The Guardian*).

Однако не сие главное, все перечисленное является, если посмотреть пристально, определяющими факторами организации некоего слаженного ударного механизма. И как только он бывал создан, так тут же объединял подобные образования в разных странах и немедленно направлял согласованные наступательные действия на Россию, на Советский Союз. Это хорошо видно по историческим процессам, происходившим накануне Второй мировой войны. Как возникал этот механизм, и если он управляем, то как данное происходило? Когда мы начинаем исследовать эти важные вопросы, возникает следующий, закономерный: свою питательную среду фашизм и его производная — нацизм имели лишь в Италии и Германии в 20-е годы XX века? Обратимся к европейской истории.

Как возникал ударный механизм Запада

В 1920 — 1930 гг. в Британии радикальные националистические идеи, реализованные в фашистской

Италии и нацистской Германии, чрезвычайно волновали, неоднократно вызывали оживленные, и где-то бурные обсуждения как в «демократической» прессе и среди влиятельных политиков, так и в широких кругах тогдашних деятелей английской культуры. При решительном принципиальном неприятии британской левой общественностью фашистских и нацистских концепций и различных средств их практического осуществления, целый ряд таких известных представителей писательской среды, как Р. Киплинг, Г. К. Честертон, Х. Бэллок, Э. Паунд и др. выражали приятие плодов деятельности Муссолини и Гитлера. Также многие видные консерваторы относились к фашизму и нацизму с благосклонностью и даже большим расположением, так как признавали их в качестве близких себе своим решительным антикоммунизмом, быстрым установлением принудительного социального порядка, тягой к неограниченной монархии и древним традициям, но, конечно, более радикальных по применяемым средствам решения консервативных задач. Х. Бэллок и Г. К. Честертон идеологически были связаны с французскими ультраправыми из «Аксон фраксез».

Ныне не является большим секретом, что для победы праворадикального мировоззрения в Италии и Германии немаловажное значение имел эстетический модернизм. Среди англо-американских модернистов из четырех главных деятелей трое: Э. Паунд, Т. С. Элиот и В. П. Льюис сочувствовали фашизму. Как говорится, «был бы лес, соловьи прилетят».

Речь у них шла о якобы всеобщей духовной деградации современной западной цивилизации. Да, моральное состояние людей того времени, вышедших из Первой мировой войны, было плачевно — они были искалеченными физически и духовно. Только ведь данную войну устроила именно западная цивилизация! Выход многим таким людям представлялся в тоталитаризме, в жестком государстве. Так для англосаксонского мира Льюис предлагал некоторую измененную форму фашизма, с как можно большим участием строго организованного пролетариата.

Правда, Т. С. Элиот и В. П. Льюис, вначале питавшие откровенную симпатию к Гитлеру и Муссолини, потом, после претворения наиболее одиозных пунктов их целевых программ, стали отмежевываться от своих радикальных убеждений.

Поэт же и писатель Э. Паунд до конца убежденно поддерживал итальянскую диктатуру. Паунда к этому привела слепая, простодушная вера в то, что фашизм будет бороться с банкирами, практикующими финансовый кредит в противовес социальному кредиту для поддержки реального производства. Это было главным и в мировоззрении Г. Х. Дугласа, которое имело весомую поддержку среди англо-американских интеллигентов в непродолжительный период между двумя мировыми войнами. Так и известный писатель Г. Уильямсон, оскорбившись массовой безработицей среди многочисленных его товарищей-фронтовиков, стал действительным членом Британского союза фашистов. Даже Б. Шоу в 1927 г. говорит о сравнительном преимуществе итальянской тоталитарной системы над британской. Однако сия вера являлась распространенным заблуждением, ибо едва лишь фашизм и нацизм укреплялись, и это является *pervus probandi*^{*}, они тут же бросались в яростную лобовую атаку не на банкиров, а на международное коммунистическое движение, на советский социализм, на СССР, а фактически на Россию, показав истинное лицо и истинную, стратегическую цель своего создания. Ибо антисоветизм на всех смысловых уровнях есть не что иное, как русофобия. Вот и Уильямсон позже досадовал о недавних сражениях между Великобританией и Германией и называл данную войну братоубийственной, выгодной СССР (!). В дальнейшем Шоу, в отличие от Уильямсона, меняет собственное первоначальное мнение и занимает недвусмысленную антифашистскую позицию.

На примерах Х. Бэллока, Г. К. Честертон, Т. С. Элиота, В. П. Льюиса, а также Р. Киплинга, Р. Кэмпбелла и других хорошо видно, что личностей консервативного склада фашизм (особенно в 1920-е гг.) привлекал как действенная сила, способная остановить страшное для них крушение социализмом старого миропорядка и вернуть людей к прочным буржуазным ценностям прошлого. Это откровенное проявление было враждебной реакцией на эволюционные изменения, начавшие происходить в результате суммарного позитивного воздействия наглядного примера советского общества на социальные процессы в западных странах. Устрашенные этим и широким и стремительным распространением коммунистических взглядов, многие консерваторы охотно становились на сторону фашистов лишь бы остановить поступательное развитие текущих событий в указанном направлении. Причем этому способствовал и иррационализм, и неодолимое влечение к обретению иной, сверхъестественной практики, и как к слепому повиновению, так и к мнимому, самодовольному превосходству, к необузданной силе, грубому насилию и неограниченной власти. Все сие мы имеем возможность наблюдать в литературных произведениях и недвусмысленных взглядах вышеназванных британских писателей и иных людей, сочувствовавших фашистам. И то неудивительно, оттого что вполне соответствует подлинной глубинной сущности самой западной цивилизации (см. предыдущую статью^{**}). На тесную взаимосвязь иррационализма и фашизма указал еще Бертран Рассел: «Целью иррационалистов нашего времени является не спасение, а власть. Из-за своей страсти к господству они неизбежно включаются в политическую деятельность» («Происхождение фашизма», 1935 г.).

В США нацистская идеология расцветала, как в тихом речном омуте. Корни ее уходят глубоко. После решающего поражения расистов Юга во второй Гражданской войне была создана радикальная группировка

* Нерв доказательств. Наиболее убедительный, решающий аргумент (латинская пословица).

** Статья «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» из цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации».

Ку-Клукс-Клан с разветвленной военной структурой, общей специальной униформой, с чудовищно-страшными карнавальными сборищами. А в 20-е годы прошлого века у американских консерваторов стал популярен Муссолини. И вслед за приходом к власти Гитлера был учрежден союз «Друзья Новой Германии» — нацистская организация в США, стремящаяся к дружественным, союзническим отношениям с нацистской Германией и к предотвращению вступления США в войну. Еще через несколько лет, следуя примеру гитлеровской Германии и особо по инициативе приснопамятного Рудольфа Гесса, был организован немецко-американский союз, куда могли входить только американцы немецкого происхождения, которых после Первой мировой войны в Штатах стало значительно больше.

То, что произошло с членами сих структур в результате официального объявления президентом Рузвельтом войны странам Оси, не столь важно (кстати, многие бежали в Латинскую Америку (!), а кое-кто и затаился), главное — склонность к фашизму и нацизму имела в стране глубокие корни. В этом США и Латинская Америка стали прямыми наследниками Европы.

Также известен весомый вклад Франции в фашизм и нацизм. Так «арийская» расовая теория «Опыт о неравенстве человеческих рас» графа Ж. А. Гобино (1816—1882) особо активно продвигалась «Обществом Гобино» в Германии вплоть до начала Второй мировой войны. основополагающие идеи гобинизма: о надлежащей чистоте арийской крови и эсхатологический мистицизм (мистицизм конца времен), — соединенные создателями нацизма в одно, породили выгодную для них прочную идеологическую базу для скорого прихода к безраздельной власти А. Гитлера и агрессивной и кровопролитной войны.

Во Франции данное идеологическое движение возникло достаточно давно, после франко-прусской войны в 70-х гг. XIX века как упрямое стремление старинной родовитой знати взять реванш и добывавшейся постоянного и полного господства с помощью искусственного создания новоявленного феодализма из бывшего на то время капитализма. Они в 1899 г. основали из возникших национальных дворянских лиг, офицеров и интеллигентов «Аксьон франсэз». Идеи этой организации базировались на средневековом предании о якобы «великих французских королях», очень похожих на «истинных арийцев». В то же время возникло направление, включавшее в себя экстремистских националистов расистско-дарвинистского, радикального толка с упором на врожденную неполноценность других народов, которые должны быть завоеваны. Их тогдашний глава Морис Баррес в годы Первой мировой войны создал союз ветеранов «Огненные кресты», которые и осуществили затем *ad exemplum** фашистский режим Виши в стране. Похожие «кресты» и позже стремились к власти.

В 20-е и 30-е гг. фашистское движение во Франции являло собой большое многообразие, и никогда не было одной сплоченной партией. Напротив, их на обширном политическом поле обреталось несколько: «Фесо» («Связка»), организованная Ж. Валуа в 1925 г., «Франсизм», «Солидарите Франсэз», РНП (Народно-национальный союз) Марселя Деа и Парта Пополер Франсэз (ППФ – Народная партия – SN) Жака Дорио, основанная в 1936 г. Кроме того, активно действовала одна из ведущих фашистских газет «Же сюи парту», где выражали свои недвусмысленные взгляды такие интеллектуалы-фашисты, как Р. Бразильяк и П. Д. ла Рошель. Причем все главные фашистские писатели открыто признавали собственные глубокие идейные корни в учениях таких мыслителей, как Прудон, Моррас, маркиз де Латур дю Пэн, Сорель, Баррес, Пеги и др., а также уходящими в самую питательную почву Франции. И действительно данные идеи обладают вековым прошлым, вплоть до якобинцев поры Французской революции, до бонапартизма, буланжизма** и т. п., которые посеяли отборные семена правых движений, в том числе и фашистских.

Что касается откровенного антисемитизма французских фашистов, то он был характерен, в той или иной степени, и для прочих их «собратьев» из западных стран, и ярко проявился, в частности, в грязном деле Дрейфуса.

Особо следует остановиться на Странной войне Франции с гитлеровской Германией, когда фактически не велась активная оборона и не давался действенный, адекватный отпор врагу, оккупирующему страну. Когда, иначе говоря, не пелась боевая песня «Вперед, дети отчизны!..»***, как это бывало ранее. Странной — потому что суверенное государство с сильной армией и мощной современной экономикой, как будто по прямому приказу свыше, буквально капитулировало через пятнадцать дней вслед за бесцеремонным вторжением нацистов. И это не кажется случайным, ведь перед вероломным нападением на СССР под черным германским орлом со свастикой был объединен колоссальный экономический потенциал всей континентальной Европы (!).

Здесь можно еще рассказать о диктатурах в Венгрии, Испании, Португалии, Румынии, Словакии, Болгарии, Греции и Хорватии — верных союзниках фашистской Италии и нацистской Германии, являвшихся фашистскими или близкими к ним и симпатизировавшими фашизму и нацизму, а в случае любой серьезной внутренней опасности стремившихся к тесному объединению с подобными местными движениями.

Сюда следует отнести и диктатуру (а фактически фашизм) Пилсудского в Польше, хотя она суще-

* Лат. [ад экзэмплум] — по образцу

** Ультраправое движение во Франции, возникшее в конце 1880-х годов под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканской Конституции 1875 года и роспуска парламента.

*** «Вперед, дети отчизны!..» — *Aliens, enfants de la patrie!* фр. [алинз инфан де ла пар-ти] (Начало военной песни Рейнской армии, позже названной «Марсельеза» (1792), сейчас — гимн Франции).

ствовала несколько ранее, чем в вышеперечисленных странах. Скажем только, что сие явление, не реализовавшееся в силу определенных причин на международном уровне, проявилось в зверствах над советскими военнопленными после советско-польской войны 20-х годов и, даже своими «отголосками», в кровавых погромах евреев в 1945–46-х гг., когда зверски убивали даже спасшихся из лагерей смерти.

Кроме того на стороне Германии воевало много французов, бельгийцев, норвежцев, добровольцев из США, Англии и ЮАР, а французов, в частности, было гораздо больше, чем во вместе взятых войсках у де Голя, в эскадрилье «Нормандия-Неман» и в подполье, в котором, кстати, было больше бывших советских военнопленных, чем местных. А рейхстаг, в последние его дни, защищала отборная французская дивизия СС... Известно также, во взятом в 1945-м году Берлине были обнаружены трупы тибетских монахов. Мы знаем, что в любом явлении, даже заурядном, и во всякого рода местах (в том числе и в Тибете) всегда имеются два противоположных полюса направляющих сил. Важно то, какой полюс выбирает самостоятельный человек, суверенный народ и независимая страна или сообщество стран в определенный, тем более критический, переломный момент своей жизни или истории... Однако из-за малой силы непосредственного влияния на общий процесс не станем тратить лишнее время на подробное описание всех этих сходных явлений и стран, хотя там были свои национальные и государственные особенности. Украинскому же (вернее, галицийскому) нацизму будет посвящена отдельная статья.

Корни нацизма в европейской «культуре»

Возвращаясь к теме, отметим: нацизм вызревал в европейской «культуре» долго. Вспомним известных в эпоху «возрождения» маркиза де Сада и Мазоха, но ведь это лишь те, кто остался в человеческой памяти благодаря литературе... Все те ужасающие явления — только второстепенные по сравнению с идеей национальной исключительности, что гораздо серьезнее. Данная идея была укоренена в европейских нациях, достаточно вспомнить, что в 1958 году в Брюсселе (Бельгия) еще существовал единственный сохранившийся собственно целый человеческий зоопарк (!). А до этого людей из якобы неполноценных, низших рас селили в Бронкском зоопарке, в «Царстве грез» в Кони-Айленде Нью-Йорка и в «Деревне негров» в Германской империи. На Парижской всемирной ярмарке в 1931 году был человеческий зоопарк, был и Берлинский зоопарк в том же году с людьми-экспонатами. Человеческие зоопарки в свое время существовали в Антверпене, Лондоне, Барселоне, Милане, Нью-Йорке, Варшаве, Гамбурге и каждый из них посетили от 200 до 300 тысяч человек. Можно сказать, что это «невинное развлечение» было едва ли не самым прибыльным в шоу-бизнесе начала XX века. Гитлер же, как известно, вдохновлялся американцами, создавшими индейские резервации и забравшими их исконные земли.

Говоря об основополагающих мировоззренческих и идеологических фашистских концепциях и их непосредственной практической реализации, нельзя не сказать о том, что их общие «узловатые» корни растут из питательной почвы крайнего национализма Европы 19-го века. А тогда были страны, запаздывавшие с устройством национального государства вследствие политической раздробленности их, например, Германия и Италия; либо страны — жертвы трагичных разгромов, например, Франция, претерпевшая позорный разгром в франко-прусской войне. Опорной психологической базой для внушительного роста соответствующих националистических и предфашистских настроений стало стойкое гнетущее ощущение «маленькими» людьми полной собственной стагнации — беспомощности и неизбежного безысходного одиночества из-за трагического крушения, казалось бы незыблемых, вековых традиций перед бесстрастным лицом безымянных экономических законов. Такие умонастроения возникали и в ответ на очень быструю индустриализацию и максимальное сосредоточение финансов и производственной собственности во второй половине 19-го века. И замещение люди искали и часто обретали в эмоциональном переживании глубокой сопричастности национальному, в националистической организации, построенной по военному иерархическому принципу и в тоталитарной идеологии. Новые идеологические течения были враждебны всякому просвещению, апеллировали к народным массам, проигрывавшим в данной общественной ситуации, страшились социалистического движения и не оспаривали частную собственность и наемный труд, как таковые. Напротив, они выступали за национальный капитал, за национальных мелких и средних собственников, за жизненный успех сильного индивида и стремились к устройству мощной диктатуры.

Именно отсюда в начале XX в. и выросли первые организованные группы, которые на фоне большой дестабилизации и явного упадка, а также неполучения приемлемого решения социально-экономических вопросов стали, кроме указанных ранее глубинных причин, фактической основой фашизма, более всего охватившего Италию, и нацизма в Германии.

Этому способствовали, кстати, и иезуиты, извратившие не писанный, но незыблемый закон совести и нравственные законы Евангелия, утверждавшие, что католическая церковь — один из главных оплотов «черного интернационала» — может для достижения своих конечных целей употреблять любые незаконные и изощренные средства. «Для противника важна не правда, а успешное управление лицемерием» (А. Лосев).

Итак, мы видим, фашизм и нацизм возникли в 20-м веке не на пустом месте, а имеют очень глубокие корни в Западной цивилизации. Потому-то в годы, последующие за 1944—45-ми, которые стали годами гибели фашистских режимов, вслед за безоговорочным публичным осуждением нацизма и фашизма на историческом Нюрнбергском процессе, они не исчезли.

Не следует забывать, что США и Великобритания и финансисты этих стран вскормили Гитлера и нацистскую Германию. Оттого, наверное, в указанных странах не торопились после Нюрнберга предать справедливому суду и доморощенных нацистов. Более того, США, да и все англо-саксонские страны занялись активной политической реабилитацией нацистских преступников и всячески использовали их в разных ключевых сферах в плане постоянного противоборства с СССР. Ибо данные страны с основания НАТО в 1949 году стали активно противостоять Советскому Союзу (читай: Русской цивилизации).

Это можно было предсказать, исходя из того, что была принята капитуляция германских войск, а не нацистского государства, и, более того, последний правитель 3-го рейха адмирал Дениц не был казнен, как другие главари. А главнокомандующие войск США, Великобритании и Франции отказались принять участие в параде Победы в Берлине в 1945 году, послав обычных генералов, и их воинские подразделения участвовали не в парадной, а в полевой форме и шли в развалку вместо строевого шага... И поскольку конец нацистской Германии не был юридически оформлен, то можно сказать, что Евросоюз стал правопреемником 3-го рейха. Кстати, спланировал его бывший эсэсовец...

Фашизм второй половины XX века

Однако вернемся в послевоенные США. А тогда началась целенаправленная и беспощадная «охота на ведьм», агрессивная политика маккартизма, когда равносильно неотвратимой и скоростной социальной смерти было получить красный ярлык коммуниста. В пятидесятых возникла американская нацистская партия, ставящая своей первоочередной целью новый порядок. Такие известные люди, как глава семейства Бушей, Генри Форд, Уолт Дисней и прочие благоволили ей и были ярыми антисемитами. В результате и поныне десятки и сотни неонацистских организаций и групп там живут припеваючи и благоденствуют, причем немалая часть из них находится под непосредственным ведением американских спецслужб. Нацисты проводят объединенные факельные шествия, празднуют день рождения Гитлера, вредят проведению мероприятий памяти жертв Холокоста и стремятся к построению новой, нацистской страны.

Что касается Латинской Америки, то компаративный анализ, проведенный по отношению к латиноамериканскому фашизму, сравнительный анализ его характерных черт, определенных соотношений и общих проблем, позволяет отметить — в ее странах истинных нацистов, итальянских фашистов или испанских фалангистов можно было найти лишь среди поселившихся в тех странах членов соответствующих партий, вплоть до НСДАП. А все местные фашистские движения, хотя и находились под их сильным, определяющим влиянием и по идеологии соответствовали им, не представляли собой значительной силы и не могли подняться выше определенного уровня. Только были среди них и такие отдельные разновидности фашизма, которые в разные времена добивались некоторых успехов и были близки к завоеванию государственной власти. Но ни в одной из стран континента данные организации так и не сумели достичь своей вождяемой цели. Это происходило во многом и потому, что во всех странах Латинской Америки в тот или иной период правящие элиты властвовали по преимуществу с помощью диктатуры или гражданского «режима жесткой руки» и не считали нужным отдать немалую власть кому-либо. Они-то и не давали фашистам захватить административное управление в стране, подобно событиям в Чили и в Бразилии в 1938 г. А те не сумели добиться власти даже в тех странах, где обладали широкой поддержкой в народных слоях и были политически представлены. Однако тем не менее в Латинской Америке фашизм процветал, хотя и оставался, как говорится, в стратегическом запасе. И, характерно, когда возникала явная серьезная опасность для реакционного строя, а возникала она со стороны противоположных, левых, социалистических сил, то он всегда объединялся с фашистскими организациями. Например, в Чили в 70-е годы 20-го века режим Пиночета возник в ответ на мирное, но быстрое и победное шествие демократического социализма. Кстати, и вполне умеренный либерализм является злейшим и принципиальным противником социализма, что служит одним из убедительных доказательств публичного проявления фашизма и нацизма как действенного в опасной ситуации орудия либералов.

И еще в пользу этого свидетельствует подготовка власти предрержащими в США и НАТО в настоящее время военных формирований на Украине как войсковых частей хорошо мотивированных и хорошо подкованных нацистов, рядом с которыми бок о бок тренируются американские и другие западные крайне правые радикалы. Эти последние при поддержке разных спецслужб соответствующих стран объединяются в военизированные группировки, получают в свое распоряжение тренировочные полигоны и всевозможное наступательное оружие и затем под надежным прикрытием направляются на Украину. Притом они вместе с боевиками нацистских полков типа «Азова» становятся заразительным примером для подражания доморощенным западным скинхедам и неонацистам, типичным представителям того самого «заповедника», о котором мы говорили. А также, согласно недавнему аналитическому отчету Центра «по борьбе с терроризмом» Военной академии Вест-Пойнт, «конфликт» на Украине «послужил мощным ускорителем» для активного продвижения западных стран к глобализму. К слову сказать, если мы говорим об Украине, то следует заметить, что происходящее сейчас там есть пролонгирование все того же американского плана, принятого в 1957-м году против СССР. Ибо «Западу нужно от России только одно, — чтобы ее не было» (Леонид Владимирович Шебаршин, разведчик).

Говоря о таких, мягко говоря, неблагоприятных действиях властей западных стран, следует отметить — это многолетняя их устойчивая традиция. В 20-м веке, когда капиталистические страны охватывала экономическая рецессия или их настигал глубокий и всеобъемлющий кризис, они всякий раз обращались к испы-

танному средству — мировой войне. Не является ли продолжением этого направления атомная бомбардировка Японии в 1945-м году или, неудавшееся правда, планирование атомного уничтожения СССР в 1949-м? Однако после создания ядерного оружия в СССР такие действия и «горячая» мировая война стали невозможными. Потому Запад избрал иные, не быстро действующие, но эффективные методы: торможение научно-технического прогресса, организацию экологического движения и идеологический подрыв изнутри в странах — принципиальных и вероятных противниках Запада. Так ЦРУ «работало» с кубинскими контрреволюционными боевиками и организовало в Майами антикубинский террористический центр и тюрьму в Гуантанамо, во время войны в Афганистане американцы тренировали моджахедов против советских войск, а в десятые годы 21-го века они активно поддерживали созданных ими же игиловцев.

Да и в самих США и странах Европы в настоящее время, несмотря на все гендерные и постмодернистские «изыски», при длительных тотальных угрозах прослеживается отчетливая тенденция — понятно, замаскированная лжедемократией, — движение к нацистским режимам или, в лучшем случае, к жесткой диктатуре. И благоприятная среда для возникновения ударных групп, могущих осуществить сие, есть — это футбольные (хоккейные) фанаты, скинхеды и различного рода люмпены.

Здесь можно было бы остановиться подробнее на одной из новых форм фашизма — экологизме, и на одной небольшой секте одной религии, но это уже иная история... Однако, простите за некоторое авторское отступление, и вернемся к главной нити наших рассуждений.

Люцеферианская цивилизация

Итак, на основе всего вышесказанного можно с абсолютной уверенностью констатировать, что имея глубокие корни в европейском прошлом (и даже в глубокой древности, как то будет показано в дальнейшем в последующих, раскрывающих центральную тему статьях), фашизм и нацизм активно проявились в 20-м веке, и именно вслед за уверенной победой направления на строительство социализма в СССР — экзистенциальной вершине комплексного развития Русской цивилизации — и на развитие социалистического движения в мире, которое активно поддерживал Советский Союз и которое, в свою очередь, активно тянулось к нему. А то, что настоящим апофеозом нацизма стало его возникновение и бурное развитие на современной «хунтовской» Украине — этом преступном гособразовании, когда «украинство» есть производное тоталитарной идеологии Западной цивилизации, а также функциональная направленность его против России, когда уже 30 лет нет СССР и мирового социализма, и то, что где бы в мире не возникала та или иная международная напряженность, она всегда направлена острием против России, еще раз подтверждает, что нацизм «глобалистского рейха» всех нынешних и минувших времен, как таковой, создавался и направлялся Западом не иначе как против Русской цивилизации. Фашизм и нацизм — это закономерный продукт Западной цивилизации, продукт давних планировщиков, которые планировали, планируют и, видимо, станут планировать в ближайшем будущем согласованные враждебные действия против России. Достаточно вспомнить известную доктрину Даллеса (определенные рамки данной статьи не позволяют изложить ее здесь, поэтому отсылаем заинтересовавшихся читателей к материалу по нижеприведенной ссылке*). Одним из убедительных доказательств этого служит и единодушное голосование западных стран в ООН против известной резолюции, предложенной нашей страной, осуждающей нацизм. И еще, всякое решительное справедливое требование уничтожить зверей-нацистов на Украине, творящих целенаправленный геноцид русских людей, приводит к немедленному удалению публикаций на «Фейсбуке» и «ВКонтакте». Ведь объединенный Запад относится к русским и к славянам вообще, как к «белым неграм», как к лишним людям на планете. «Смысл вещи лежит не в самой вещи, а в системе ее использования». Как выразился Владимир Соловьев в одной из своих передач цикла «Полный контакт»: «Гитлеры приходят и уходят, а лекала остаются...»

Вот и говоря об очень далекой, седой древности, хотелось бы выяснить, почему древние предки германцев, ставших, как это было показано в предыдущей статье, основателями Западной цивилизации, выделились из общего арийского ареала и устремились на запад. И хотелось бы выяснить, почему некоторые малые, еще более древние племена были изгнаны из Индии, из места их индоарийского пребывания, и тоже двинулись в том же направлении. Да, хорошо бы это все выяснить, но ясно одно: западная цивилизация *in concreto*** есть цивилизация люцеферианская! Однако не будем забывать: «У зла есть только одна сила — та, которой наделяем его мы сами» (Рэй Брэдбери).

* Общероссийская Общественная Организация «Объединение "Оптималист"». Краткое изложение доктрины. <http://husain-off.ru/hb2n/h2doc26-5.html#top>

** В действительности, фактически — лат. поговорка.

РУСОФОБИЯ — ЭТО РАСИЗМ И НАЦИЗМ*

*Чтобы грабить не задумываясь,
необходимо убедить себя и других,
что те, кого грабят, не люди.*
(Общеизвестный закон международных грабителей)

*«Никто не спросит: "Чье богатство?
Где взято и какой ценой?"
Война, торговля и пиратство —
Три вида сущности одной.*
(Слова Мефистофеля, обращенные к Фаусту,
из трагедии «Фауст» И. В. фон Гете)

«Я не такая, я жду трамвая».
(Устное народное творчество)

Что же питает Западную цивилизацию и ее специальный действенный ударный механизм — нацизм в их антагонистичном, постоянном и активном противостоянии Русской цивилизации? Что это за «пища», некая «амброзия», предшествующие века поддерживающая заданное господствующее направление, поддерживающая его неувядающую молодость и даже, можно сказать, практически бессмертие? Проанализировав прошлые и настоящие неблагоприятные деяния объединенного Запада, нетрудно транспарентно увидеть и понять, лежащее в их корневой основе, питающее их. Подлинное имя сей «амброзии» немудреное — это *руссофобия*. Говоря о ней, мы имеем в виду фобию по отношению не только к русскому, но и ко всем народам и народностям России, не мыслящим себя вне русского народа, вне тесного и гармоничного взаимодействия с ним во всевозможных сферах повседневной жизнедеятельности России, несмотря на все религиозные и иные различия.

Явление, закономерно присущее Западу

Является ли руссофобия уникальным проявлением Западной цивилизации? Как было показано во второй статье цикла (см. сноску), нацизм, плоть от плоти и кровь от крови ее, есть апогей, активное проявление расизма, следовательно, последний, в той или иной степени, свойственен Западу. И действительно, если мы посмотрим на всю его многовековую историю, то легко найдем компетентные источники расизма — еще в классической греко-римской античности. В V веке до н. э. Гиппократ писал: «Мысль о том, что черные люди трусы, а белые люди мужественные борцы...». Можно привести в пример и расовые воззрения греческого философа-стоика Посидония (135—51 до н. э.).

Все сие передавалось по «родовому» наследству и *развивалось*.

Вольтер (1694—1778), известный мыслитель так называемой поры Просвещения, писал: «Как хороши берега Южного моря, и как мерзостны его обитатели! Это просто звери. ... Когда глядишь на них, так и напрашивается вопрос — кто от кого произошел: они от обезьяны или обезьяны от них?» К. Майнерс, немецкий историк и философ (1747—1810), понимал иные расы безнравственными, с низкими и даже низменными индивидуальными качествами, полностью или достаточно лишенными человеческих добродетелей и, наоборот, обладателями ужасных, низменных качеств и считал негров вообще животными. Он причислял и славян к особой и неполноценной расе. Да и недвусмысленные взгляды известного диалектика Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831) обеляли колониализм.

Однако расистское *размежевание* стало происходить и в среде европейских народов. Приведем в наглядный пример Францию, там, в XVII веке, культивировалось жесткое деление на две расы: благородную, произошедшую от германских франков, и туземную, галло-римскую.

Самым же главным и очевидным проявлением расизма является пресловутая маниакальная идея — *ad absurdum* (до абсурда, лат.) — врожденного англосаксонского превосходства, буквально *обуявшая* к XX веку население соответствующих стран. Она была прямым выражением дарвинистской теории в любых интернациональных построениях — менее развитые и непрактичные народы неминуемо будут подчинены более развитым и успешным, то есть англо-американской общности. В убедительное подтверждение можно привести следующие откровенные высказывания известных англосаксонских деятелей, убежденных в этом и в том, что расы, по сути, предстают в качестве политических и должны занять свое, отведенное природой каждой особое место в строгой мировой расовой иерархии. Американский геополитик контр-адмирал А. Т.

* Предыдущие статьи цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации»: 1. «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» <https://proza.ru/2022/12/10/1769> и 2. «Ударный механизм западной цивилизации. Черный интернационал» <https://proza.ru/2023/03/17/1558>

Мэхэн (начало 90-х гг. XIX века): США и Великобритании «пора начинать работать вместе на общее дело и, если потребуется, *против остального мира*. Это является нашей высшей государственной задачей, причем как для упрочения политических традиций, так и во имя объединяющей нас *общей крови*». Американский историк Джордж Бартон Адамс: «Перед нами единственный путь: мы должны отстаивать наши общие идеи и институты во имя *общей расы*».

Для вящей справедливости следует сказать вновь, что расизм по отношению к России не досадное исключение, а типичное явление, закономерно присущее Западу. Несомненное доказательство этому — фактическое наличие современных расистских стран в мире, где и ранее, и в настоящее время культивируются сумасбродные идеи национального и расового господства, на идеологической основе которых базировались текущие порочные стратегический курс и социальная практика, да и само повседневное существование государства. Сюда относятся и беспрестанное систематическое и ожесточенное преследование русских и русскоязычных в Прибалтике. И в не таком уж далеком прошлом аналогичное преследование и ущемление в общечеловеческих и гражданских правах в США, Канаде и Австралии еще в 60-х годах XX века туземных народов и меньшинств. А ведь во Христе «нет ни Элина, ни Иудея...» («К Колоссянам»). Послание ап. Павла, глава 3, стих 11). Не нужно забывать: расизм — это и уничижение собственной расы и национальности их искусственным возвеличиванием над остальными.

Яд и противоядие

Строго говоря, люди, независимо от этнического происхождения, делятся *ad oculos* (воочию, лат.) только на два народа: на людей и нелюдей. Однако верно и то — пассивное большинство всегда непростительным равнодушием потворствует целенаправленным злым действиям организованного агрессивного меньшинства, стоящего у власти в тех или иных государствах. Что и дало возможность создать Западную цивилизацию как *антибожественную*, сатанинскую, низшей точкой закономерного «развития» которой есть принципиальное и категорическое неприятие всех традиционных вероисповеданий и всечеловеческих нравственных ценностей.

Русская цивилизация никогда не кичилась собой, никогда не исповедовала своего превосходства над другими странами и нациями, по авторитетному мнению видного русского мыслителя А. С. Хомякова не древние германцы и их потомки — современные западные нации, а древние славяне и их потомки, среди которых более всего русские, имеют геном (геном Русской цивилизации), наряду с индийским, особенно близкий к *светлому, индо-славянскому началу*, прочную и глубинную генетическую память о давнем изначальном единстве. И происходящее в наше время, а также четкая целевая евразийская направленность России и ее концепция внешней политики доказывают, что это действительно так.

Непреложная Божественная Истина говорит нам об индивидуальной неповторимости того или иного народа, о духовной неповторимости его традиционной культуры, о неповторимости его языка как главного, незаменимого и действенного инструмента жизненного проявления и сбережения духовно-нравственной самобытности, его полной самоидентификации, его корневых цивилизационных норм, смыслов и архетипов; о драгоценной части наследия всего человечества. Когда серьезная потеря любой части есть громадный и невозместимый ущерб, есть духовное обнищание *земного мира людей*. Потому и противопоставляется расизму культура, пусть и малой народности, тем не менее имеющая право на защиту своей самобытности, определенного своеобразия.

Но существует расизм и скрытый — при нарастающем повсеместном распространении *коммерческой антикультуры и религии денег* возникает угроза вышеприведенному неотъемлемому праву, индивидуальному совершенствованию человека и духовной эволюции человечества. Ибо осуществление творческих, созидательных возможностей как отдельного человека, так и общества в целом, да и сама эволюция лежат в *развитии культуры*. Поэтому без нее будущее теряет всякий здравый смысл.

В связи с этим целенаправленное и безжалостное уничтожение значимых явлений культуры других народов является закономерным проявлением расизма. А отсутствие почтительного и благожелательного отношения людей к ней, отечественной, к прошлому своей страны, к вековым народным традициям и ценностям можно со всем законным основанием расценивать в качестве внутреннего расизма, то есть *саморасизма*.

Реальные причины ненависти к России

Однако стойкая, упорная ненависть Запада к России имеет гораздо более прочный фундамент, чем просто расизм. Почему?

Психология говорит нам, что ненавидят, как правило, явно противоположное, или совершенно непонятное. Конечно, все зависит от интеллектуального и духовного уровня человека или суммарного духовного уровня определенной нации, конкретной страны и, соответственно, цивилизации.

Атрибуция в этом плане показывает нам, что главный побудительный мотив постоянной враждебности к России — в возможности спасения ею, будучи государство в действенной силе, остального мира от

абсолютного физического и духовного порабощения, ибо важнейшие, фундаментальные аспекты Русской цивилизации, в которую по неотъемлемому законному праву входят все народы и народности нашей большой державы,— духовное становление человека, общее дело, общая польза и «за други своя», в серьезный противовес Западной цивилизации, с извечным жестким соперничеством, стоящим во главе угла технократизмом и потребительством, с гипертрофией материальных потребностей, культом их, преувеличением их роли в жизни.

Россию ненавидят еще и за то, что, несмотря даже на все ее теперешние нерешенные насущные проблемы, она — принципиальная оппозиция Западу в его настойчивом, неуклонном стремлении установить антихристианский глобальный порядок, оппозиция неизбежной глобальной — экологической, демографической и т. д., — мировой катастрофе. Потому-то Запад всеми объединенными силами сопротивляется возрастанию совокупной мощи России. И какой бы общественно-политический строй, и какая бы форма власти не существовали в ней, возделенная цель Запада, кто бы у них ни находился у власти — левые, центристы или правые, вплоть до крайне правых,— действовать постоянно против России и делать решительно мыслимое и немислимое, в силу собственной цивилизационной антирусскости, чтобы любым способом, но уничтожить ее. А лучше — уничтожить русских вообще, или, на худой конец, насколько можно больше, ведь они так просто землю свою, богатейшую, не отдадут. Вероятно, поэтому делается все для затягивания конфликта на Украине на бесконечно длительный срок, для максимально большего количества убитых русских с обеих противостоящих сторон...

Но есть еще одна веская причина постоянного неодолимого страха перед Россией и неизбежной ненависти к ней — причина геополитическая. Дело в том, что на Западе считают — успешное глобальное управление миром невозможно без обладания территорией, лежащей между Тихим океаном и Польшей с Румынией, называемой там «Хартлендом», «Мировым островом», «Осевым регионом», «Сердцевинной» и «великой природной крепостью» людей земной суши. И не только из-за ее колоссальных природных ресурсов, но и вследствие фактической неприступности для военно-морского флота агрессивных морских держав. Здесь, по мнению Западной цивилизации, должно располагаться западное «осевое государство».

Известно, каждый судит о других по себе и у страха глаза велики. Вот и управленческая элита англосаксов, вскормленная расовым дарвинизмом, в начале XX века начала активно рассматривать нашу страну как ключевого, опасного соперника. Причем очень сильного соперника, способного разрушить их глобальную «империю». И они стали прилагать многолетние целенаправленные усилия, с одной стороны, чтобы «сдержать» русских, а с иной «доказать» их неполноценность.

В конечном итоге англосаксы, кого именно Россия более всего беспокоила, объявили русских политической расой. Так и говорили: «опасные русские». Стюарт Анерсон писал: «Трудно выразить словами ужасающее впечатление, которое производил на британцев и американцев Русский колосс. Они рассматривали экспансию Российской державы как почти космическое явление, несущее в себе гигантскую стихийную, непреодолимую силу, которая затрагивает всех и каждого, кто становится на ее пути. Будь то государственные деятели или философы, все они сравнивали русскую экспансию с движением ледника, вышедшего с Севера и ежегодно увеличивающегося в объеме и набирающего все больший вес». Поэтому, наверное, вдоль всех своих пограничных рубежей Россия во все времена постоянно входила в потенциальное или прямое и напряженное, противостояние с англосаксами, в каком-либо их виде.

Вся непростая история XX века отличалась в том числе безуспешной попыткой установить контроль над Хартлендом, который всегда ассоциировался с Россией (и с СССР, соответственно) как с основным, а по сути, единственным стратегическим антагонистом Запада. Сюда следует отнести и Первую мировую, и Гражданскую с интервенцией, и Вторую мировую войны. Прямым следствием стало учреждение агрессивных военных блоков: НАТО, СЕНТО, СЕАТО, окружавших Советский Союз. Восточная Европа по их стратегической наступательной доктрине должна была сделаться чем-то вроде «въездных ворот». Затянувшаяся война в Афганистане и стремительный распад СССР — продуманные операции все того же глобального противостояния. После распада нашей страны, Хартленд оказался разбитым на некоторые разрозненные части по разным соседним частным «квартирам». Однако главная его часть все-таки осталась в России, и перед Западом встала первоочередная задача — любым, тем или иным путем, так или иначе, захватить ее.

Рождение идеи прокси-войны и ее реализация

Но вернемся в немного более ранний период истории. На взгляд англосаксов, якобы проигранная Россией Крымская война (1853—1856) и похищенная у нее несомненная победа в войне с Турцией (1877—1878) вроде дали желанный результат. При всем том на Западе опасались нового усиления России и изменения непростой геополитической ситуации в свою реальную пользу. И в конце XIX века, ввиду растущей военной мощи Российской державы и огромных, бескрайних пространств, труднодоступности с какого бы то ни было моря и практически самодостаточной экономики, а также феноменальной способности осваивать обитаемые и необитаемые земли, не входя в противоречия с местным населением, что неизбежно приведет к нешуточной угрозе господствующему на то время положению британцев в Средиземноморье, Персидском заливе и далее в Индии, Бирме, Малайзии и Китае и сделает фактически неопределенным само реальное существование Британской империи, непосредственные руководители англосаксов решили — им необходи-

мы подходящие союзники.

Кроме активной деятельности в этом направлении, как уже было сказано, англосаксы продолжали всемерно клеветать на Россию и ее народ, не желая расценивать русских расово полноценными и считая их «полудивилизованными» варварами, «последней волной варваров из Азии», ссылаясь на небезызвестный афоризм Наполеона: «Поскреби русского как следует и обнаружишь татарина». «Русские — это азиаты, которые вообще не являются частью западной цивилизации» (президент США Герберт Гувер). Что, в свою очередь, следует рассматривать неотъемлемой составной частью тотальной гибридной войны той поры.

Англосаксы, боясь России, всегда противостояли ей, так сказать, чужими «жилистым» руками. И в 1898—1899 гг. Британия прощупывала реальную местную почву в Германии и Японии насчет весьма желательного образования наступательного союза против России в составе с Великобританией и США. Настоящее, собственно, и произошло. Русско-японская война в 1904 году стала действительным результатом хитроумных действий Лондона, а затем и Вашингтона. Вместе обе англосаксонские страны с непосредственной помощью прокси войны руками японцев произвели направленный, как далее и оказалось, таранный удар по «вечному расовому противнику». Это же произошло, опять скрытно, и в отношении Германии во время Первой и Второй мировых войн, в результате чего осуществилось прямое стравливание России и Германии — фактически естественных *геополитических* союзников.

В характерной неприкрытой, паталогической ненависти к России и ко всему русскому, а более широко к славянству в целом. Запад создал и постоянно, при необходимости, воссоздает эффективный ударный механизм своего разрушительного влияния — фашизм и нацизм. Как уже говорилось в предыдущих статьях данного цикла, корни такого механизма растут из глубокого европейского прошлого, и даже из еще дальней, седой древности. Но энергично проявился он в современной истории в 20-м веке: наибольший страх и где-то откровенная, где-то затаенная ненависть обуяли англосаксов из-за того, что Россия должна была погибнуть после Первой мировой и Гражданской войн и интервенции, однако этого не произошло. Напротив, в результате уверенного выбора неуклонного поступательного движения на развернутое строительство советского социализма страна буквально *возродилась из пепла* и до Второй мировой войны фактически стала сверхдержавой и вышла на самый высокий уровень эволюционного развития Русской цивилизации, сделавшись великим Советским Союзом. Тогда российский народ значительно возрос в совокупной мощи, вооруженный социалистическим мировоззрением. В то время возникло и невиданное ранее, уникальное явление, поразительный феномен — советский человек, и в этом явлении свой феномен — советские евреи. В результате англосаксы начали искать более действенные легальные и нелегальные методы ожесточенной борьбы. Ненависть к Советской России возросла еще и за активную и открытую проповедь всеобщей *социальной справедливости*, не ограничивающейся нацией или арийцами, а именно *всеобщей*. И такая ненависть могла воплотиться в виде беспощадной бактериологической войны, если бы не была вовремя предотвращена. И все же затем она реализовалась в виде гитлеровского нацизма.

Говоря о нацизме, следует отметить, что «настоящим апофеозом нацизма стало его *воскресение* и бурное развитие на современной “хунтовской” Украине — преступном гособразовании, где “украинство” есть производное тоталитарной идеологии Западной цивилизации^{*}, и это не случайно, ибо «нацизм “глобалистского рейха” всех нынешних и минувших времен, как таковой, организовывался и нацеливался Западом, разумеется, против Русской цивилизации, и есть закономерный продукт Западной цивилизации, продукт давних *планировщиков*, которые планировали, планируют и, видимо, станут планировать в ближайшем будущем согласованные враждебные действия против России»^{**}. Ведь коллективный Запад считает русских, и славян вообще, «белыми неграми», лишними людьми на Земле. Не поэтому ли наша страна окружена не только военными базами, но и биологическими лабораториями, где создаются вирусы, направленного на определенный генотип механизма — т. е. на нас с вами. Например, прилетит к россиянину комарик, укусит, и у него уже не будет детей — «чисто», «красиво» и никто не убит...

Но именно наши люди осуществили великую и славную Победу СССР в Великой Отечественной войне 1945 года, Победу над фашизмом, над человеконенавистническим, антидуховным мировоззрением, каким пропитан несправедливый, капиталистический строй, вечно рядящийся в одежды несущего всевозможные земные блага людям великого миротворца, толерантности и вселюбия, однако по меткой характеристике С. Н. Булгакова являющийся глобальным мизантропом. Настоящее определение капитализма и ныне оказалось верным, обретя множество веских и принципиальных доказательств. Просто фашизм — специфическая линза, выпячивавшая все «прелести» данного строя. И напротив, советская «линза» — простой и в то же время зримый символ Русской цивилизации — обычная русская женщина, лишившаяся всех детей, погибших на войне с оккупантами, *жалующая* военнопленных и тайком кормящая их. Плененными немецкими фашистами, которые вместе со своими сослуживцами весело фотографировались, с закатанными рукавами, на фоне повешенных деревенских женщин, это было осознано и унесено затем на родину, в Германию. Вот потому мы и победили в той войне, и будем побеждать всегда.

^{*} Яков Шафран. «Ударный механизм западной цивилизации» <https://proza.ru/2023/03/17/1558>

^{**} Там же

История возникновения и развития русофобии

Возвращаясь к главной теме нашей статьи, скажем — русофобия не просто алармизм, не просто фобия как собирательный медицинский термин, вобравший в себя череду иррациональных, стихийных страхов и постоянных, стабильных тревог в определенных жизненных обстоятельствах или по отношению к определенному объекту либо непосредственному субъекту. Нет, русофобия — *идеология!* И силы, руководящиеся ею, не просто верят, а убеждены — после полного краха России, и даже просто существенного ослабления, они получают всяческую непосредственную выгоду, в том числе экономическую.

Русофобия по устойчивой общности некоторых прямых и косвенных признаков оказывается сходной с антисемитизмом, и аналогично антисемитизму систематически повторяется из века в век. Да, русофобия — это стойкие и явные антипатия и страх, ненависть и агрессивность, а также другие отрицательные, деструктивные и разрушительные эмоции и чувства относительно России по всему широкому спектру: к народу, языку, истории и культуре. Но было бы крупным упрощением считать, что все только в этом. И действительно, русофобия — цельная, системная *идеология* с особой поучительной историей управляемого происхождения и постепенной эволюции.

Федор Тютчев наиболее полно для своей поры определил русофобию, разделив ее на *внешнюю*, осуществляемую иностранцами, и *внутреннюю*, с тыльной стороны, со стороны определенных представителей собственного народа.

Какова же история возникновения русофобии?

Есть справедливое мнение: она проявилась уже сразу по Крещению Руси 988 года в лоне *Православия* и значительно усилилась вслед за схизмой 1054 года, когда специальные посланники римского папы Льва IX объявили о низложении константинопольского патриарха Михаила Кирулария и его отлучении от Церкви, когда состоявшийся серьезный религиозный раскол окончательно разобщил христианскую Церковь на католическую и православную. В польско-литовском изложении русофобия как тоталитарная идеология возникла в XVI веке. И, несомненно, это не далеко от истины. Главные, непосредственные организаторы ее — «волки в овечьей шкуре»: иезуиты и крупные польские магнаты, что фактически стало идейным обоснованием польской активной военной экспансии на исконные русские земли в XIV— XVI веках. Тут-то и был использован лживый, пропагандистский миф: русские — невежественные, дикие варвары, не европейцы, а «злые татары».

Следует сказать, Польша, близко соседствующая с Россией католическая страна — всегда основной и ценный «информатор» Западной Европы о русских. Поляки сотворили целую наступательную политическую доктрину, по которой Русь испокон веку и на веки вечные есть безраздельная собственность Польши. Однако для пущей ясности следует еще раз подчеркнуть: глубинные корни негативного, враждебного отношения Запада, и Польши в том числе, к России в знаменательных событиях, происходивших после рокового падения Западной Римской империи (см. первую статью данного цикла*) и в событиях, связанных с сокрушительным разгромом Хазарии и обоснованным выбором князем Владимиром религии (о чем будет говориться далее).

Снова вернемся к нашим давним недрузьям, к Польше. По тогдашним польским нелестным характеристикам Руси: она — это другой, но неправильный — чуть ли не потусторонний — мир, который плох по определению. (Тут хорошо вспомнить русскую поговорку: «Как сама, такая и цена»...) И как хорошо ложилось на западное идеологическое, враждебное отношение к Православию и его непосредственным носителям — государству и народу, — пусть и лживые, и все же очень выгодные описания, что русские — неопрятные, дикие, некультурные, склонные к беззаконию люди, «счастливые» обладатели всех мыслимых и немыслимых человеческих пороков и потому представляют собой чудовищную и страшную анти-Европу, явную угрозу для «высококультурных» западных стран. В связи с этим было написано много специальной и популярной литературы, *таким образом* характеризующей русских, русскую державу и ее руководителей. В данном плане значим чистой воды вымысел об Иване Грозном, когда он представлялся кровожадным и сверхжестоким деспотом.

Кроме того к началу XVII в. Польша создала развернутую захватническую программу относительно Московского царства. Оправдательная основа — отношение к русским как к индейцам в Америке, и аналогично испанским конкистадорам, поработавшим их, так и поляки должны поработить русских, этих «диких индейцев» Востока для польских «рыцарей».

Параллельно с информационной войной, в течение XVI в. Запад предпринимал и непосредственно активные действия, одной из первоочередных целей которых было принудить московские власти к принятию церковной унии, к соответствующему учреждению униатского патриарха в Москве и дальнейшего государственного табу на любое вероисповедание Православия, иначе говоря, подчинить Русь Польше через католичество. Сие активно направлялось Ватиканом. Римский папа Урбан VIII направил Сигизмунду III послание, в котором говорилось: «Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь почувствует, что нет ей пощады».

* Яков Шафран. «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» <https://proza.ru/2022/12/10/1769>

И польская «элита» взяла это на вооружение. Русофобия ее эволюционировала и «совершенствовалась» из века в век, из десятилетия в десятилетие, из года в год. Так, более садистских, зверских условий в польских концлагерях для советских военнопленных в 20-е годы XX-го же века не было нигде в мире, даже в нацистской Германии. А ныне польские музеи изобразительного искусства полны батальных картин с изображениями благородных и красиво одетых польских воинов, попирающих ногами и саблями мерзкие существа, изображающие русских...

...Однако, несмотря на попадание в те давние времена всего запада Руси под полное польское владычество, несмотря на энергичное и всемерное развитие колонизации на этих землях и несмотря на то, что в начале XVII века польские захватчики, приглашенные тогдашними высшими боярами и митрополитом на царствование, оказались в московском Кремле, все отчаянные потуги колониального закабаления России потерпели бесповоротный крах. Данное чувствительное поражение окончательно утвердило Запад в упорном стремлении, — чтобы защитить себя, — в будущем полностью подчинить сию глубоко чужую, неприятельскую страну путем либо ее внутреннего категорического отказа от своих «неверных» и «вредоносных» установок и традиций, либо все же тем или иным образом внешнего силового захвата и безвозвратного исправления извне.

И далее русофобия, сформировавшаяся в базовых, основополагающих принципах века тому назад и почти в постоянном виде до сего времени активно присутствующая во всех многообразных аспектах Западной цивилизации, развилась в качестве целостной и всеобъемлющей *системы* в конце XVIII — начале XIX века, когда для этого сложились подходящие условия: становление наций, колониальная пора и так далее. Именно тогда создавались такие, например, ложные теории, как норманнская теория немецких историков об образовании варягами русской государственности и как концепция России — «тюрьмы народов». Внешняя идеологическая основа русофобии, вслед за ранее сделанным поляками, была сформирована во Франции Наполеона, которому (и Западу вообще!) Россия мешала достичь безраздельного мирового господства. И польские с российскими эмигранты хорошо поработали над формированием ее главных тезисов. А после окончательной гибели наполеоновской Франции методологические русофобские разработки переехали, вернее, *вернулись* в Англию. Почему «вернулись»? Потому что многообразные внешние проявления направлены на то, дабы закамуфлировать непосредственное и искусное англосаксонское руководство всей долгосрочной русофобской стратегией.

Выбранный курс постоянно поддерживался Западом, в силу изначальной природы, в силу определенной в начале его организации конкретной цели, на протяжении и последующих десятилетий. Ведь чтобы уничтожить светлое, духовное начало, тьма производит итерацию — *вновь и вновь* создает достаточно приемлемое оправдание этому маниакальному стремлению (и Чикатило, серийный и изощренный насильник и убийца, возводил искусственные внутренние умственные построения, объясняющие собственные страшные деяния с «моральной» точки зрения). И вот мы читаем: «Русский является этнической аномалией, с которой трудно иметь дело», — писал Редьярд Киплинг. «Русские — это не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии», — говорил Йозеф Геббельс в 1942 г. «Неправда, что все люди суть люди. Русские — не люди, это чуждые существа», — заявлял Роберт Конквист, историк в США. Следуя данной «железной» логике, если на Западе живут люди, то в России — нелюди. И «бесчеловечная земля» («ziemia nieludzka») — укоренившееся недвусмысленное польское название России, сплошь и рядом применяется или подразумевается в нынешней западной публицистике.

Таким образом, мы убеждаемся в очередной раз — враждебное, в лучшем случае предвзятое и неуважительное, отношение к народу России как к злему, низменному, недостойному, во всем дурному, экзистенциально чуждому и враждебному, не изобретение поляков, а, наоборот, демонстрация их вассального *выслуживания*, и изначально предстает всецело западной идеологией, транслируемой оттуда, ставящей приоритетной задачей планомерное, вплоть до абсолютного, уничтожение России и всего, составляющего русскость.

Чтобы читателем была полностью осознана сущность русофобии, перво-наперво надлежит, пусть и в сжатой форме, насколько это позволяют размеры настоящей статьи, весьма сокращенно изложить одну давнюю историю. Еще до того, как Россия стала достойной преемницей Византии, еще до Монгольской Орды (что является особым предметом для разговора), еще до крещения Руси на ее рубежах существовало и активно действовало образование по имени *Хазария*. Молодое государство — Киевская Русь отстаивала свое суверенное существование в многолетнем противостоянии и даже борьбе с хазарским каганатом. А осознанный выбор Русью Православия сделался подлинным *духовным* триумфом над Хазарией. Рассматривая актуальные вопросы, связанные с русофобией, мы ни в коем случае не должны сбрасывать со счетов данное явление. Тем более, когда мы слышим: «Кто владеет Хартлендом, тот владеет миром».

Страна Средних веков — Хазария (650—969), устроенная кочевниками — хазарами, родом из Западно-Тюркского каганата, так или иначе властвовала над Северным Кавказом, Нижним и Средним Поволжьем, Северо-Западом нынешнего Казахстана, Азовским побережьем, Восточным Крымом, а также близлежащей обширной территорией вплоть до Днепра. Существенным обстоятельством для Хазарского каганата и всей последующей истории было проживание в нем, в том числе на родине хазар — в Дагестане, крупных еврейских общин. И вот около 740 года один из видных хазарских военачальников — Булан принял иуда-

изм. Сие значительно усилило его материальное и служебное положение и положение рода. А когда в начале IX века Обадия — законный отпрыск уже знатного семейства Булана стал вторым вслед за каганом в государстве, с максимальной концентрацией у себя фактического управления страной, статус правящей языческой династии изменился к худшему. И тогда крупная часть руководящей элиты перешла в иудейскую религию. Впоследствии каганы древнего царского дома лишь формально возглавляли Хазарию, но фактически руководили их именем беки — цари из рода Буланидов. И Хазария продолжала, с еще большей интенсивностью, традиционную завоевательную и грабительскую, посредством набегов на соседние, славянские земли и наложения тяжелой дани, агрессивную политику. Это происходило до тех пор, пока князь Святослав в 969-м году не положил сему конец, разгромив данное *государство-паразит*.

Пришло время, и мудрый князь Владимир задумался о принятии религии. Хазарские иудеи, наряду с именитыми представителями других религиозных вероисповеданий, рекомендовали принять иудаизм. Он же, памятуя о нанесении сокрушительного поражения Хазарии своим отцом, спросил об их родной земле. Те признались об отсутствии собственной земли, так как Бог расселил их по различным землям (после окончательного падения Хазарского каганата во второй половине X века языческие хазары растворились в среде других народов, вошедших затем в Золотую Орду. А часть этнических хазар, исповедовавших иудейскую религию, и сами хазарские евреи влились в состав центрально-европейских еврейских общин и далее, большая часть их, смешалась с ашкеназами* Европы и сефардами,** изгнанными из разгромленной мавританской Испании). Князь Владимир сказал: «Так, как же других учите, когда сами отвержены Богом и расточены? Если бы Бог любил вас и веру вашу, то вы не были бы расточены по разным землям: или вы хотите, чтобы и с нами случилось то же?» и ответил категорическим отказом принять иудаизм (см. Википедия Материал из Википедии — свободной энциклопедии: «Крещение Руси» — «Сказание о выборе веры князем Владимиром»).

Мы надеемся, вдумчивый читатель понимает, что, говоря о хазарах и евреях — впрочем, и о населении стран объединенного Запада,— всегда следует отделять простых людей, связанных теми или иными социальными узами и зависимостями с племенными и народными вождями, а сейчас, как принято говорить, с государственной и общественной элитой, и вынужденных идти за ними, за этой самой «элитой», от нее. Здесь полезно вспомнить метод, применяемый на мясокомбинатах для избавления стада пригнанных на убой баранов, сбивавшихся в плотную кучу, упирившихся, не желавших идти, от ужаса смерти, возбуждаемого эманациями проливавшейся крови. К ним выводили «штатного» дрессированного барана, который спокойно вел доверившееся ему стадо в соответствующее место...

Центры силы, и высшая стадия русофобии

Для достоверной истории собственно последующего паталогического развития русофобии величайшее функциональное значение имело и имеет создание и целенаправленная кипучая (правда, преимущественно в скрытом виде) деятельность *Лондонского Сити*, который был основан — заметьте, почти в то же время! — около тысячи лет назад, и далее — его «небольшого» американского филиала, *Вашигтонского Округа Колумбия*. Не менее важную и весьма не второстепенную, а, наоборот, активную роль в этом плане играл и играет *Ватикан*.

Известно, самые главные русофобы — англосаксы. Они — целая могущественная империя (agens, движущая сила, лат.), держащая в своих ловких и цепких руках Западную цивилизацию и управляющая ею. (Слышал такое название их — «наглосаксы», что вполне соответствует положению дел...) И у сей «империи» есть указанные выше управляющие центры, так называемые *центры силы* — мировые финансовые *штабы* (известно, «плут плутом губится»), лишь формально являющиеся составными частями тех городов и стран, на земле которых они находятся. Данные территориальные образования абсолютно независимы.

И в Британии во всю ее историю Сити стоял и поныне стоит над королевским двором и над всем централизованным государственным управлением. И британский монарх имеет право въехать во владения Сити с официальным посещением лишь с особого позволения его лорд-мэра. В США, созданных в определенное время из-за достаточной геополитической уязвимости Британских островов, — наиболее деятельной части современной на ту пору англо-саксонской цивилизации, есть, как указано ранее, свой «Сити».

Следует заметить, Лондонский Сити является ныне спасительным прибежищем всех «грязных» денег, а Лондон — беглых российских олигархов, что еще раз доказывает безусловную правоту сказанного выше.

В неутомимых хлопотах этих управляющих центров и Ватикана явно видна прямая преемственность древнейшей политики: война — чем большая, тем лучше, и непременно чужими «мозолистыми» руками, — для баснословного обогащения; торговля любыми средствами ради максимальной прибыли; а также открытый, беззастенчивый грабеж и натуральное пиратство. Свершилась давняя мечта *церофантов зла* Древнего Египта.

Но вот народы России неожиданно совершили стремительный и успешный прорыв к *социализму* и впервые сильно поколебали, казалось бы, незыблемый фундамент Запада — капитализм. И русофобия тогда

* Ашкеназы — это евреи Центральной и Восточной Европы и их потомки.

** Сефарды — это евреи Испании, Португалии, Северной Африки и Ближнего Востока и их потомки.

видоизменяется в увлеченный антикоммунизм и антибольшевизм, переходит в свою самую высокую стадию — *антисоветизм*, выступая необходимым идеологическим инструментарием ЦРУ. И действительно, перефразируя известное выражение, можно сказать — поскреби любого ярого антисталиниста и антисоветчика и ты найдешь не менее ярого русофоба и русофобию.

А очередной резкий скачок русофобии последовал в XXI веке, когда стало очевидным категорическое несогласие России на амплуа страны третьего мира, сырьевого дополнения, назначенного ей Западом, когда после трагического — для нас! — развала Советского Союза ему показалось, что он победил Русскую цивилизацию. Сырьевого дополнения к чему? — К всемирному кровожадному вампиру и профессиональному грабителю, к капитализму, основным испытанным и эффективным методом усиленного «питания» которого является систематическое ограбление и эксплуатация других государств. А если бывший до недавнего времени более или менее стабильным приток «питательных веществ» иссякает, то — затяжная и желательная мировая война. Нет? — Тогда жестокая глобальная пандемия или финансово-экономический кризис, при котором происходит беззастенчивый грабеж населения своих стран — «новая нефть» (сие мы и видим сейчас — в марте и далее 2023-го года).

Внутренняя или «русская» русофобия

До сих пор, уважаемый читатель, мы говорили о русофобии внешней. А есть, мы ранее писали, русофобия внутренняя, скажем, явление *«пятой колонны»* или *«соотечественники с фигой в кармане»*.

«Речь идет о русофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых... Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д., и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается». (Из письма Федора Тютчева Анне Аксаковой, супруге славянофила Сергея Аксакова, 1867 год).

Внутренняя русофобия — неотъемлемая составная часть единого целого — не слабее, чем внешняя, если не сильнее. Так ярчайшим конкретным проявлением ее стало Временное правительство 1917-го года, когда страна была доведена практически до полного развала и фактической гибели и когда именно большевики спасли Россию из сложившейся экстремальной ситуации, почти целиком сохранив российскую территорию, а Сталин затем возродил империю на более высоком, более качественном уровне.

И в сегодня закоренелые внутренние враги наши ощутимо усилились. Они крайне вызывающе осуждают все, созданное предшествующими советскими поколениями, и преимущественно выдающиеся завоевания легендарной сталинской эпохи; с абсолютным упорством дискредитируют и многовековые исторические, и недавние советские традиции; искусственно раздувают ожесточенную межнациональную вражду, и главным образом против русских, в автономных субъектах федерации, — фактически ведя дело к неминуемому необратимому распаду изнутри государственной организации страны. И то, что как раз на *кризисном этапе* нашей державы у них проявляются деструктивные тенденции и установки, не соответствующие устойчивым и разумным убеждениям всего народа, доказывает их истинную предательскую сущность. Поэтому-то они и относятся к населению лишь как к подручному материалу для успешного достижения собственных корыстных целей, не взирая ни на какие основополагающие нравственные принципы и нормы.

К явлениям внутренней русофобии следует отнести и деградировавших чиновников, партийных функционеров и священников, декларирующих одни взгляды и идеи, а живущих по совершенно иным, что послужило причиной гибели и Российской империи, и Советского Союза. Явления данной природы, служащие задачам, противным Русской цивилизации, имеют место и сейчас.

Интересна также история возникновения внутренней русофобии. Благодаря крупным и радикальным реформам Петра I в XVIII веке, которые, известно, обладали и своей негативной составляющей, началась интенсивная *европеизация* России, в нее широким и неиссякаемым потоком хлынули «новомодные» и «многобещающие» европейские идеи, овладевшие государевым двором и знатью. И далее, в царствование Петра III и Екатерины II, наступил «золотой век» дворянских вольностей. Все это привело к кардинальному *разделению* между дворянами и простым народом, постоянно усиливавшемуся вплоть до Отечественной войны 1812 года, после которой эскалировалось еще, и так и не было преоборено до самой февральской революции 1917 года. В данном плане представляет интерес объявление у входа одного заведения в царской России накануне февраля — «Собакам и нижним чинам вход запрещен!»

Тютчев длительный период жизненного времени, служа русским дипломатом в Европе, мог вблизи изучать русофобию, в том числе и со стороны отдельных российских родовитых аристократов и либеральных интеллигентов. Он ожидал, что явная агрессивность к России образумит соотечественников, необъективно и отрицательно относящихся к Родине, побудит их обернуться к подлинным духовным, народным и историческим истокам и встать на активную защиту ее. Но, изучая интенцию общественного сознания в этом плане, в одном из обстоятельных писем Тютчев пишет: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающий все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых». Он также говорит: у критиковавших государство поры Николая I «за бесправие и отсутствие свободы печати» при либеральных вроде реформах Александра II, при значительном возраста-

нии и бесспорном утверждении воли, “нелюбовь” этих господ только усиливается». Вместе с тем несоблюдение Западом положенных норм правосудия и основополагающих законов нравственности «нисколько не уменьшили их пристрастия» к нему.

«Русская» русофобия есть проявление западников, то бишь людей, ориентирующихся на Запад, и представляет собой неотъемлемую и немаловажную часть западной русофобии. Притом она характеризуется самоненавистничеством — неперменной и органичной чертой так называемого русского интеллигента, «могучие» корни которой растут из энергичного проникновения польской культуры в привилегированные слои общества в XVII в. и из традиций времен Петра I обучать дворянских детей за границей. Из-за «русской» русофобии происходит «внутренняя колонизация» или *самооккупация* страны и населения. И интеллигентно, на словах утверждая подлинную демократию и соответствующие общечеловеческие ценности, российские либералы в силу своей русофобии никак не могут желать, чтобы «такой народ» обрел хотя бы местное самоуправление. Оно у либералов сводится к управлению самих либералов. «Я всегда думал что демократия — это власть народа, но вот товарищ Рузвельт мне доходчиво объяснил, что демократия — это власть американского народа», — говорил И. В. Сталин.

Ф. М. Достоевский выразительным языком описал вид русского либерала-западника в собирательном образе Павла Смердякова из романа «Братья Карамазовы». «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна. ... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». Отсюда хорошо видно — беззаветная и всепоглощающая любовь к Западу у «смердяковых» есть результат ненависти к своему, к русскому и России. И действительно, российские либералы ненавидят Россию за все, в том числе и более всего за хорошее, испытывают к ней «настороженную брезгливую антипатию», согласны с идеей, что народ должен вечно «платить и каяться», и если и несознательно, то подсознательно фактически желают полного уничтожения страны, а русских свести до уровня малой народности.

Так темные, деструктивные силы попытались через огульный террор и неоправданную жестокость *ежовщины* в 1937-й году вызвать массовое недовольство, всеобщий открытый протест, восстание снизу и тем привести к ответной, еще большей жестокости, — и накануне войны! — чтобы в итоге погубить страну. Не вышло... Не вышло и путем самой страшной — за всю тысячелетнюю историю России — агрессии 1941-го года. Тогда Запад и его ставленники в СССР поняли, что Россию снаружи победить невозможно, только изнутри. А кто все держал внутри страны в своих умелых руках? — КГБ. Значит, через КГБ... И комитет уже в 80-е годы был подобен тому сыру, в котором дырок больше, чем самого продукта.

Русофобия является *conditio sine qua non* (непеременным условием, лат.) и составляет реальное основание многих современных — политических, экономических и социальных практических методик. Сюда следует отнести и категорический отказ русским в территориальной — в местах компактного проживания — и даже культурной автономии в других странах, где они имеют значительную долю населения, и отказ им в праве на представительство, в обучении на родном языке; а часто и просто откровенную и систематическую травлю; и преобладающее направление на ликвидацию российской экономики, на максимальное общее ослабление России вплоть до ее ликвидации. Поэтому смело можно повторить правильные слова историка А. И. Фурсова, назвавшего русофобию «психоисторическим оружием».

Данное наступательное оружие используется Западом и для планомерного и методичного уничтожения русскости в области российской культуры и просвещения, для полного выкорчевывания русского мышления, национальной самобытности, глубинной органической основы Русской цивилизации, для замены социоцентричности на личностоцентричность. И все это с одной единственной и конечной целью — самоколонизацией под Запад.

Спасение в действии!

Известно, что блаженное и приятное ничегонеделание, надеясь на лучшее, перед лицом воплощено-мирового зла, и надеясь на благое понимание со стороны адептов зла, — только чистейшее потворство злу. И русофобия побуждает ответственного и сознательного гражданина России активно сопротивляться и обороняться или, наоборот, идти в решительное и развернутое наступление на нее. То же относится и к самой России, она должна разработать продуманную и долгосрочную стратегию и эффективную тактику упорной и непримиримой борьбы с русофобией как внутри страны, так и вовне. После Великой Отечественной войны не осудили ни русофобию, ни массовый геноцид советского народа, в результате которого было истреблено свыше тринадцати миллионов мирных жителей Советского Союза. Важно, чтобы мировое общество осудило их, подобно антисемитизму и Холокосту.

Но в настоящем наиболее важным является настойчивая и упорная борьба с русофобией внутри России: в идеологической, в правовой, в информационной, в культурной — во всех жизненно важных сферах. Не обойтись старой идеологией, мол, все само собой рассосется, или «рука рынка» все исправит. Однако, не рассосется и не исправит, тем более та самая пресловутая «рука». Необходимо принять соответствующие, может быть, где-то и жесткие законы и законодательные акты, дабы обеспечить максимально надежную, непробиваемую защиту российской нации от проявлений русофобии. Это важно для всех народов и народностей страны, ибо русские — системообразующий народ нашей Родины (можно с полным основанием го-

ворить о *многонациональном русском народе!*). Это важно для всей многострадальной планеты, для всего современного и будущего человечества, так как Россия — сердце Земли, а русские — ее душа. Будет Россия и русские — будет Земля и человечество, не будет русских — не будет России и человечество сойдет с ума; а в итоге не станет и самой Земли!

Андрей ВОЛКОВ

г. Тула

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. В. СТАЛИНА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР»

Минуло семьдесят лет со дня смерти И. В. Сталина (1878 — 1953), руководившего страной на протяжении почти двадцати пяти лет. Его личность вызывает самые полярные мнения — от резкого неприятия до неумеренного восхваления. Мы не будем впадать в патетику и присоединяться к какой-либо крайней точке зрения. Скажем лишь, что с именем Сталина навечно связаны как массовые репрессии, особенно бушевавшие во второй половине 1930-х и в начале 1950-х, так и победа в Великой Отечественной войне. На годы сталинского правления также пришлось так называемое советское экономическое чудо — быстрый индустриальный рост в 1930-е и стремительное восстановление порушенной страны во второй половине 1940-х. Поэтому неудивительно, что, при всех минусах репрессивной политики, сталинское время привлекает к себе все новых и новых исследователей.

Российская экономика начала XXI века находилась в куда более выигрышных условиях, чем доставшаяся большевикам в 1917 году полуграмотная аграрная страна, существенно отстававшая от ведущих европейских держав по экономическому развитию. Однако, вслед за экономическим ростом 2000-х, связанным и с высокими ценами на энергоносители, и с заработавшей рыночной моделью, в 2010-е наступила стагнация, не прекращающаяся до сего дня. Власть многократно показала свою неспособность (и даже нежелание) вывести страну из экономического кризиса, который сама же создала, наплотив олигархов и коррупционеров. Неудивительно, что, не имея положительных образцов в современной действительности, многие люди обращаются в прошлое в поисках источников вдохновения. Ведь национальное самоуважение очень важно для граждан любой страны. Пока одни люди тоскуют по «сталинским расстрелам» казнокрадов, другие отдают должное его стратегическому мышлению. Стремительный рост влияния коммунистических идей во второй половине XX века во многом был связан с успешным отражением нацистской агрессии, а также с объективными экономическими достижениями внутри страны.

Книга И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» была вызвана к жизни необходимостью подготовки учебника политэкономии, а непосредственно написанию этого труда предшествовала экономическая дискуссия в ноябре 1951 года. По ее итогам Сталиным была написана брошюра «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года». Она была опубликована малым тиражом в феврале 1952-го и предназначалась для служебного пользования. После издания брошюры И. В. Сталин и другие члены Политбюро встретились с группой историков, философов и экономистов для обсуждения мнения Сталина об итогах ноябрьской дискуссии. И. В. Сталин остался недоволен узостью мышления многих советских ученых, их вульгарным марксизмом, как он это называл, поэтому подготовил к печати широким тиражом книгу «Экономические проблемы социализма в СССР». Эта работа стала последней в жизни Сталина, можно сказать, его экономическим завещанием.

Книга состоит из четырех разделов. Первая глава представляет собой ту самую брошюру, изданную для служебного пользования. Три другие главы — это публичные ответы Сталина на письма и предложения экономистов — А. И. Ноткина, Л. Д. Ярошенко, В. Г. Венжера и его жены А. В. Саниной. Некоторые из адресатов Сталина подверглись репрессиям — вполне обычное дело для тех лет. Особенно не повезло работнику Госплана Л. Д. Ярошенко, который за упорное несогласие с мнением Сталина был арестован. От ГУЛАГа его спасла только смерть генералиссимуса.

В своей последней книге И. В. Сталин попытался обосновать долгосрочное видение экономики СССР. Ключевая идея В. И. Ленина о всемирной коммунистической революции была им отброшена, хотя и без критики самой идеи. Вместо этого И. В. Сталин закрепил в печатном слове свою основную политическую волю — построение социализма в отдельно взятой стране не только возможно, но и нужно. К концу жизни Сталин окончательно пришел к пониманию утопичности скорой коммунистической революции в Европе, сместив вектор внимания с внешней политики на внутреннюю. В качестве условий для успешного построения социализма в отдельно взятой стране Сталин указал обеспечение непрерывного роста обще-

ственного производства, замену товарного обращения системой прямого продуктообмена, а также существенный рост культурного уровня советских граждан, который бы позволил им в полной мере реализовать себя в профессиональной деятельности.

Последнее условие-цель очень важна и существенно отличает стратегию Сталина от устремлений современной автократии, озабоченной лишь ограблением народа и выводом денег за границу. Сталин даже предлагал уменьшить продолжительность рабочего дня, чтобы у людей оставалось время заниматься самообразованием. Автор книги был убежден, что человек должен иметь возможность освоить две или три профессии, чтобы не отставать от стремительно развивающегося мира. Это давно реализовано на Западе, где люди имеют достаточно свободного времени для профессионального совершенствования. Может быть, западный мир пришел к этой истине не без влияния экономических идей Сталина, поскольку, повторимся, после 1945 года авторитет генералиссимуса резко вырос. Более того, его идеи до сего дня не покидают западный дискурс.

В родной стране, к сожалению, развит конформизм, так что обожествляется та персона, которая находится у власти в текущий момент. Вечная тяга России к крайностям мешает объективно оценивать исторических деятелей и вместе с ошибками не отбрасывать их достижения. Однако в последние годы, повторимся, интерес к личности Сталина резко вырос. Сталинский период, безусловно, был жестоким, репрессивным. Он красным колесом прокатился по судьбам многих людей, включая и семью автора рецензии. В то же время тогда была одержана впечатляющая победа над мировым врагом, развивались наука, искусство, промышленность, сельское хозяйство, укрепился международный авторитет. Людям было чем гордиться и за чем трудиться на своей земле.

И. В. Сталин был просвещенный диктатор, как говорил о нем советский классик А. А. Фадеев. Он лично вникал во все вопросы госуправления и вел страну твердой железной рукой к тому, что он считал «светлым будущим». Теперь, когда почти нет никого, кто застал бы его время в сознательном возрасте, Сталин превратился в миф, который с годами лишь крепнет, как бы его ни пытались разрушить с разных сторон. Не стоит, безусловно, возрождать репрессии, но нужно отдавать должное тем положительным идеям, которые оставил Сталин нам в наследие. Его книги, включая последнюю, итоговую, должны быть возвращены в широкое общественное поле, а не приравнены к трудам нацистских вождей. Диктатуры тоже бываю́т разными, и если советский коммунизм был злом, то кто же тогда одолел фашизм?

Олег СЕВРЮКОВ

г. Москва

Олег Николаевич Севрюков родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Член СПР, АРЛ, творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат литературных премий. К. т. н., доцент НИЯУ МИФИ. Наш постоянный автор.

«ВРЕМЯ — КАТЕГОРИЯ ВЕЧНОСТИ»

*— Куда уходит время?! Кто ответит?!
Из прошлого в грядущее или наоборот?
Лев Котюков, «Тайна вечности»*

Нынче очень часто около какой-нибудь огороженной забором стройплощадки можно лицезреть стенд со словами: «Объект такой-то. Ведутся работы (*внимание!*) по реконструкции в режиме реставрации. Прораб ... Сроки начала-окончания ... Тел...». Сколь я ни силился, сию затейливую фразу — *реконструкция в режиме реставрации* — одолеть в отношении смысла ну никак не могу! Есть реконструкция — понятно, есть реставрация — тоже. А вот одно в режиме другого — увы! Недостигаемо для разумения. По крайней мере, моего.

Но это я к чему? Это словосочетание натолкнуло меня на такую мысль: а что, если попытаться *реконструировать* понятие времени? Не вникая в его, так сказать, физическую природу? Или хотя бы поставить некие вопросы и поискать ответа касательно «ощущения» времени человеком. А там, глядишь, и выльзнет из тумана, который напустили физики-философы, возможность *реставрации* прошлого и будущего. (Про настоящее пока умолчим, его, вроде и реставрировать нечего. Хотя и это не столь очевидно). Правда, мне могут возразить: а что есть реставрация будущего, ежели она, реставрация, заранее предполагает «работу» с уже свершившимся?

Но — подождите. Давайте попробуем разобраться.

Каждое прожитое нами мгновение в «настоящем» уже есть «прошлое». Но оно же и содержит и «бу-

дущее». Вернее, определяет его. Поскольку содеянное мной, тобой, им задает некое (единственное ли?) *направление*. Во всех видах пространства — умственном, физическом, иррациональном. А временном? Вот тут-то и начинается самое интересное — обязательно ли вперед, в будущее? А если, так сказать, назад, в прошлое? Тогда как бы само собой возникает представление об *обратимости* времени. Что весьма агрессивно отрицается так называемым ученым сообществом. Да, мы знаем, что нельзя «дважды войти в одну и ту же реку». Но некая лазейка в обход этого утверждения остается. *Войти* все-таки можно! Пусть не в одну и ту же, но... войти.

Мы часто употребляем выражение «река времени». А почему не море? Наверное, потому, что река течет в определенном «направлении». От истока к устью. От начала к концу. Но впадает-то она в озеро-море. А озера-моря-океаны тоже движутся. И мы иногда позволяем себе говорить — «у меня есть море (бездна — океан глубок!) времени». И это статика. А сколько других определений качества и количества временной субстанции: время полетело, остановилось, истекло; есть — нет времени; капелька, масса времени и т. д. и т. п. Наконец, «выпал из времени». Каково, а? Оказывается время — весьма изменчивая и подвижная категория. Зависимая и управляемая нашими *ощущениями*, проецируемыми на сознание. (Которое, кстати, есть еще та штука!). Определяющими, ни много, ни мало, наши так называемые «осознанные» действия. Отличающиеся от инстинктивных бессознательных. Но во всех случаях оценка собственно времени и явлений во времени связаны с его *измерением*. Отсюда с очевидностью вытекает предположение (положение?) о существовании двух видов измерения времени. Общем, рациональном, которое исчисляют ученые мужи и преподносят остальному человечеству как результат действия неких «объективных законов природы». Индивидуальном, иррациональном, каковое имеет не только *количественную*, но *качественную* природу. Здесь неприменимы «стандартные» секунды-минуты-часы-дни-годы. Здесь действуют иные закономерности, позволяющие не только «остановить время», но и «повернуть время вспять», «опередить время». Причем это неуправляемо извне. И, повторюсь, присуще только самой личности. И не связано с другими людьми. Разве что посредством восприятия и оценки ими жизненного пути индивида в контексте взаимодействия его с окружающим миром.

Представьте себя в отсутствии измерительного инструментария *рационального* времени. Включая природные явления. Нет смены дня и ночи. Времен года. Движения звезд, облаков. Да — реки текут, волны морские плещут, ветер колышет листву деревьев. Зверушки туда-сюда бегают. Птицы летают. Насекомые всякие ползают. Да и сами Вы перемещаетесь. В пространстве. Но — во времени ли? Изменения, конечно же, будут. Налицо. В том числе и на лице. И что с того? Вы сначала выросли, потом усохли. Потом и вовсе исчезли. Ваше время истекло. Физически-рационально. Согласно законам природы. Но так ли это? А что, если душа бессмертна? Значит, времени как такового для нее нет. И что есть вечность? Бесконечность времени или его отсутствие? Впрочем, бесконечность, как определение, уже содержит в себе представление о конечности. Отсюда с неизбежностью вытекает необходимость признать наличие *индивидуального (иррационального)* времени. Его обособленный, относительно физически измеряемого, характер. Каждый человек проживает в своем *телесном* обличье свое, ему лишь присущее время. Которое уже другие накладывают на некую исчисляемую (по обоюдному согласию сторон) шкалу. И констатируют: этот прожил столько-то, этот столько-то и т. д. А что на самом деле? Кто знает, кто знает... Опять же, к вышеприведенным рассуждениям можно прислушиваться лишь в одном случае. Ежели мы совокупно и безусловно признаем *наличие души*. В защиту и обоснование чего можно привести не на пустом месте возникшую фразу «*бездушный человек*». Чувствуете силу этого определения? Тут уже разбирать и пояснять нечего, что это за человек такой! Нехороший, в общем. Я бы сказал морально неопрятный, неприятный какой-то. Хотя он ничем внешне не отличается от тех, в коих душа наличествует. Но вот что интересно — у него нет *собственного* времени. Определяемого не *количеством* прожитых лет, а *качеством* самой жизни. Что в свою очередь подводит нас к представлению о «духовной смерти» такого индивида. А это не досужая выдумка философствующих литераторов или литературствующих философов. Это реальность. От которой можно отмахиваться как от назойливой мухи. Но от которой же никуда не денешься. И это еще одно весомое подтверждение «раздвоения» времени на *внутреннее* (иррациональное) и *внешнее* (рациональное). Ведь под так называемой *смертью* физической (или телесной) мы понимаем остановку течения всех видимых, чувствуемых нашим организмом и *измеряемых* рациональными методами процессов жизнедеятельности.

Однако, духовно мертвое существо все-таки функционирует, ест, пьет, что-то делает. Может быть, даже размножается. Но — определяется социумом как мертвое. Что означает прекращение срока действия собственного, индивидуального времени. Физически измеряемое никуда не делось. Оно как шло, так и идет. А вот *собственное*, то, которое делает человека человеком, — истекло! И ничего с этим не поделаешь. Нет его и все тут.

Но вернемся к заявленному в начале. К реконструкции и реставрации. Человеками накоплен богатейший опыт действий в данной области. Относительно *прошлого*. Тут даже и говорить нечего. Ясно и понятно. Без слов. По крайней мере, на материально-техническом уровне. Артефакты, экспонаты, музеи. Да и на духовном — книги, картины, музыка, архитектура. Прекрасная возможность реставрировать-реконструировать прошлое. Увидеть. Почувствовать. Потрогать. Прикоснуться, одним словом. Впрочем, не только прикоснуться. Прожить. Если твои внутренние колебания души (!) попадают в резонанс с колебаниями, генерируемыми извне. С тем, что вроде бы было, но в том или ином виде осталось. И теперь «включается» (входит) в настоя-

щее как его неотъемлемая составляющая. Душа, душа! Это она «работает» на сохранение в человеке того, что мы называем *человеческим*. Что связывает, соединяет, сплетает наши души в единую ткань и набрасывает ее на бытие всех и каждого. Не давая распасться, разъединиться, рассыпаться. Безо всякого надзора «измерителей» и «толкователей» связи времен. Во всей совокупности действий, событий. Жизни. (Кстати, «событие» — *событие* — замечательное слово, связующее настоящее не только с прошлым, но и с будущим!).

Вот тут-то и становится понятным, отчего можно говорить о «реставрации» будущего! Вневременное присутствие души означает ее способность свободно перемещаться по всему духовному пространству нашего мира. Не только отступать назад, но и уходить вперед. Правда, сия возможность (способность) дана не каждому встречному-поперечному. Тем, кого мы с обыденной точки зрения называем пророками, прозорливцами, духо- и ясновидцами, предсказателями. Гениям. И несть им числа от времен библейских (а, может быть, и до? скорее всего так оно и есть!) до *мгновения* сегодняшнего. Того, что мы называем *настоящим*? И которое непрерывно превращается в *прошлое*. Одновременно порождая *будущее*. И не в нашей власти ему повелеть:— Остановись, мгновение! Оно и есть — и его нет, оно и было — и оно будет.

Правда, иногда говорят:— На короткое мгновение, на краткий миг... Стало быть есть и длинное мгновение, длинный миг? Измерение, измерение...

А как вам нравится такое — мгновение обратилось в вечность? Что это — простая игра ума или управление внутренним временем? Мне кажется, последнее. Пусть сие происходит неосознанно, неподконтрольно разуму. Но ведь есть же, наличествует в жизни нашей этот феномен! Впрочем, рациональное (сиречь, как мы считаем, разумное!) и никогда не исчерпывает бытие во всей его полноте. Можно, конечно, забравшись на гору натащенных человечеством отовсюду и сложенных в одном месте знаний, гордо во всеуслышание отрицать *необъяснимые* формулами и логикой явления природы ли, духа ли. Особенно последнего. Вот и скатываются потом с этой горы *горе*-пророки, устрояющие мир прошлый и будущий, внешний и внутренний по вычурным умозрительным схемам. Соскальзывая в пропасть, вопят они:— Недо-открыли мы еще один закон Природы, не-ологизировали бытие! Дайте срок — все разложим по полочкам, клеточкам, да так, что и не пикнешь противу этого!

Только все это впустую, господа хорошие! Расшибетесь вы о Неведомое! Завсегда найдется в ваших силах слабое место, куда прянет душа и, вырвавшись из сотканной вами паутины *ratio*, воспарит к небу чистому. Солнечному днем, звездному ночью. И, глядя на человека, промолвит: — До чего же хорошо!

И так было. И так есть. И так будет!

Ирина РЕЗНИК

г. Омск

Ирина Ивановна Резник родилась в Казахстане. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Член СПР, кандидат философских наук, член творческого Союза художников России. Издано 13 книг стихов и документальной прозы. Имеет множество публикаций в изданиях Омска, Москвы, Санкт-Петербурга и других. Лауреат нескольких поэтических и художественных конкурсов. Участница творческого объединения «Рисовальные понедельники» при Омском музее Народного художника РСФСР К. П. Белова. Руководитель учебно-исторического культурного центра Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС). Ученый секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (ПАНИ, Санкт-Петербург). Автор-исполнитель собственных песен.

«СВОЯ КОЛЕЯ» НАЙВАЛЬТА

Статья посвящена памяти выдающегося выпускника ОмГУПС (ОмИИТа) И. А. Найвальта. Рассказывается о его созидательной и благотворительной деятельности.

Есть на свете люди, встреча с которыми, даже если она единственная, остается в памяти на всю жизнь. Таким человеком был Игорь Александрович Найвальт — известный благотворитель, председатель Совета директоров Балтийской строительной компании (БСК), Заслуженный строитель России, Почетный транспортный строитель и Почетный железнодорожник. Награжден многими орденами и медалями, в том числе орденом Трудового Красного Знамени, орденом «За заслуги перед отечеством» IV степени, орденом Александра Невского и 11-ю православными орденами. После ухода из жизни Игоря Александровича Найвальта кто-то из хорошо знавших этого необыкновенного человека назвал его ЯВЛЕНИЕМ.

Мне довелось дважды встретиться и беседовать с Игорем Александровичем во время его приездов в Омск, в родной ОмГУПС (бывший ОмИИТ). В декабре 2016 г. состоялся телефонный разговор, который помнится дословно. Мы говорили о том, где можно было бы построить университетский храм или часовню. Через полтора года после этого разговора 14 августа 2018 г. Игоря Александровича не стало. В это не верилось очень долго, как не верится в уход близкого человека.

Каждый год в День Знаний в нашем университете Игоря Александровича с нетерпением ждали как самого почетного гостя. И если у него получалось вырваться из потока бесконечных важных дел, он приезжал с огромным желанием так, как приезжают в родной дом. Его речь всегда была краткой, четкой, интересной, не стандартной, а потому запоминающейся. Одним из первых он вошел в состав попечительского совета, в Ассоциацию выпускников, созданные в 2010 году, сразу сделал пожертвование на создание фонтана выпускников. В 2011 году он не мог не приехать, так как в университете отмечался 50-летний юбилей омского периода истории вуза. После встречи со студентами зашел в музей, и какой искренней радостью осветилось его лицо, когда в одном из альбомов — выпусков разных лет — он увидел себя молодого среди своих сокурсников. Он шутил, и в глазах его сверкали веселые искорки, шутки его были доброжелательные, не злые, а в свой адрес — как говорится, «с перцем». Это был очень интересный собеседник. «Мои личные встречи, — рассказывает президент ОмГУПС профессор И. И. Галиев, — которые, к счастью, случались в Москве в его офисе, приводили меня в необычайный восторг. В его рассказах всегда были оригинальность, юмор, эрудиция и безграничная благодарность своим учителям».

Во время пребывания Игоря Александровича в Омске в тот год у него возникла идея установить бюст первому омскому ректору ОмИИТа А. А. Серегину, который любил приглашать студентов-первокурсников в свой кабинет и беседовать со всеми лично. Его советы и наставления пригодились многим поколениям выпускников. Игорь Найвальт тоже тогда получил мудрое отеческое наставление и всю жизнь был благодарен ректору. А через полвека бюст был изготовлен по инициативе и на средства Игоря Александровича Найвальта. 30 июня 2012 года, в День Выпускника, бюст был установлен во внутреннем дворе здания ОмГУПС, но на торжественное открытие Игорь Александрович приехать не смог — не пустили дела. В том же году на его средства был изготовлен и установлен памятник на могиле его любимого декана механического факультета — ветерана Великой Отечественной войны Владимира Петровича Богданова, с которым Игорь Александрович переписывался и поддерживал добрые отношения все годы после окончания ОмИИТа.

МОМЕНТЫ БИОГРАФИИ

В Омске он появился в 1952 году не полных пяти лет от роду, приехав с родителями из города Житомира. Родился Игорь 5 июня 1947 года в немецком городе Веймаре, где после победы над фашистской Германией оставался на военной службе его отец. В 1954 г. пошел в школу. Окончив 7 классов, поступил в авиационный техникум, в 1962 г. из техникума перешел в школу рабочей молодежи, где получил среднее образование в 1963 году. Параллельно работал фрезеровщиком на Омском предприятии п/я №2. В том же году Игорь Найвальт поступил в ОмИИТ, на механический факультет. В приемной комиссии написал заявление на специальность «Тепловозы и тепловозное хозяйство», но так получилось, что его зачислили на «Вагоностроение и вагонное хозяйство», и он с присущей ему в те годы горячностью хотел забрать документы, но к нему подошел декан механического факультета, бывший фронтовик Великой Отечественной войны В. П. Богданов, положил руку на плечо и как-то по дружески сказал: «Тихо, парень, не надо горячиться, поучись на «Вагонах», а потом, если надо, переведешься на «Тепловозы». И парень документы не забрал, стал активным студентом, выпускал факультетскую стенгазету, а вскоре был избран секретарем комсомольской организации сначала механического факультета, а затем и всего института. В те годы такое избрание означало признание непререкаемого авторитета человека в коллективе.

В 1968 году молодой выпускник Омского института инженеров железнодорожного транспорта Игорь Найвальт стал секретарем Куйбышевского райкома ВЛКСМ г. Омска. Ему предложили работать на кафедре, но он отказался, понимая, что эта работа не для него. Осенью 1969 года он был призван в армию. Служил год, во время службы получил свою первую медаль «За воинскую доблесть».

После службы в рядах Советской армии с 1970 г. И. А. Найвальт работал в тресте «Востсибтрансстрой», в Красноярском крае, на Дальнем Востоке, сначала мастером, начальником участка, потом стал начальником строительно-монтажного подразделения. Начинал со строительства дороги к Богучанской ГЭС на Ангаре. В 1970-е годы оказался на главной стройке тех лет — строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Построил леспромхоз, который потом занимался экспортом леса в Японию в обмен на японскую технику для БАМа.

Игорию Найвальту было двадцать пять лет, когда он получил вторую правительственную награду — медаль «За трудовую доблесть». В Нижнеудинске Иркутской области строил завод по производству инвентарных зданий контейнерного типа — домики, в которые заселялись и жили строители БАМа. За эту работу получил свой первый орден — Трудового Красного Знамени. В 1978 г. Игорь Найвальт окончил Иркутский институт инженеров железнодорожного транспорта по специальности «инженер-строитель путей сообщения» и получил

должность заместителя управляющего трестом «Актюбинсктрансстрой», а с 1980 г. управляющего трестом «Куйбышевтрансстрой» — одного из самых крупных трестов Куйбышевской (ныне Самарской) области.

В 1982 году досрочно было завершено строительство 300-километровой железнодорожной линии Пугачевское-Пугачевск Южно-Уральской железной дороги. В архивах сохранились кадры кинохроники, где отмечалась важность появления новой дороги, так как эта стальная магистраль соединила Южный Урал с центром и югом страны, то есть Саратовскую, Куйбышевскую и Оренбургскую области. Руководил строительством И. А. Найвальт, только в кадры этой кинохроники не попал.

Ему всегда хотелось быть первым, но он никогда не забывал о подчиненных ему людях, помогал решать жизненные проблемы, добивался получения квартир нуждающимися сотрудниками. Игорь Александрович успешно продвигался по карьерной лестнице, но вдруг его судьба повернула совсем в другую сторону. Не найдя общего языка с начальником Средне-Волжской транспортной милиции, предложившего И. А. Найвальту построить двухэтажное здание для них без предварительного разрешения из главка и получившего отказ, И.А. Найвальт поплатился за свое стремление делать все по закону восьми годами заключения. Во время нашей первой встречи в музее ОмГУПСа Игорь Александрович без какой-либо обиды с улыбкой говорил о своей судимости, вспоминал, что осужденные, и он вместе с ними, снесли старые ветхие бараки и построили четыре двухэтажных общежития с нормальными человеческими условиями. А в подвале мебельной фабрики устроили шикарный спортивный зал, в котором мог заниматься любой желающий. Через четыре года И.А. Найвальт досрочно вышел на свободу. У него была семья, и ее нужно было содержать. Начинать практически с нуля.

В 1990 году собрал строительную бригаду и начал работать. А вскоре в его жизни произошла встреча с Вячеславом Сониным (позже В. В. Сонин возглавит компанию «Волгатрансстрой»), который, узнав поближе Игоря Александровича, критически высказался, что «со своим калибром он стреляет по воробьям». Это выражение вдохновило и заставило Найвальта собраться, появилось второе дыхание, благодаря которому Игорь Александрович поехал в Сочи, организовал компанию «Югстрой», которая начала строить пансионаты, дома отдыха на побережье Черного моря для сотрудников Октябрьской железной дороги. Вскоре началась реконструкция скоростной железной дороги Москва — Санкт-Петербург. И. А. Найвальт — ему было тогда за сорок — загорелся и поехал на встречу с заместителем начальника Октябрьской железной дороги Николаем Емельяновичем Аксененко (ставшим впоследствии министром путей сообщения и работавшим в этой должности с перерывом с 1997 по 2002 г.).

Коллектив вырос, и в 1994 году И. А. Найвальт создал Балтийскую строительную компанию (БСК), которая развернула свою созидательную деятельность по территории всей страны до самого Сахалина. В тот год заместитель начальника Октябрьской железной дороги Н. Е. Аксененко переехал из Петербурга в Москву, став заместителем министра путей сообщения. А БСК, основанная выходцем из строительного подразделения железнодорожного ведомства Игорем Найвальтом, очень быстро превратилась в крупнейшего подрядчика МПС.

В 2000 году под руководством Игоря Александровича была проведена полномасштабная реконструкция железнодорожной магистрали Москва — Санкт-Петербург под скоростное движение поездов типа «Сапсан». Через семнадцать лет, давая интервью газете «Гудок», Игорь Александрович назвал эту дорогу самым сложным объектом: «Она обошлась в 1,2 млрд. долларов. Нам приходилось осваивать новые специальности. Все старались делать сами, без субподрядчиков, создавали свои подразделения. Малые мосты строили самостоятельно. Большие — вместе с Мостостроем. Сами делали электричку, связь, СЦБ».

В Санкт-Петербурге БСК отреставрировала все старые вокзалы, а в 2003 году был построен Ладожский вокзал, на открытии которого присутствовал Президент России В. В. Путин. Силами специалистов БСК были возведены железнодорожные вокзалы в Самаре, Красноярске, Ростове-на-Дону.

Под руководством Найвальта было введено в эксплуатацию более 2 млн. квадратных метров жилья. Современные жилые комплексы построены в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Ханты-Мансийске, Южно-Сахалинске, в Пушкино и Любечах. В 2001 году БСК переезжает в Москву, строит станции метро, мосты, дороги и первое в России интеллектуальное здание Министерства путей сообщения. «Балтийской Строительной Компанией» были возведены пять гостиниц мирового уровня в содружестве с международным гостиничным оператором MarriottInternational. Отели построены в Москве, Самаре и Санкт-Петербурге.

В 2009 году «Балтийская Строительная Компания» под руководством Игоря Александровича Найвальта завершила масштабный проект по строительству мостового перехода через реку Волгу в Ульяновске — Президентский мост». БСК построила более тридцати спортивных сооружений, среди которых первый футбольный стадион по стандартам ФИФА «Локомотив» в Москве.

9 мая 2002 г. в северной столице был открыт памятник Александру Невскому. По фризу гранитного постаменту славянской вязью высечены слова: «Святой благоверный великий княже Александре, храни град святого Петра в 300-летие города. Балтийская строительная компания БСК». На подкове на правом переднем копыте коня также отлит логотип «БСК». На лицевой стороне постаменту высечен восьмиконечный православный крест; на боковых сторонах постаменту укреплены барельефы; перед постаментом установлена бронзовая доска, стилизованная под свиток, с четырехконечным крестом и надписью: «Святому благоверному великому князю Александру Невскому. 2002 год».

О своей «строительной географии» Игорь Александрович сказал, что получается «карта Советского Союза с небольшими “выплесками” за его пределы. Работали на Сахалине, в Карелии, в Поволжье и в Ростове-на-Дону, в Восточной Сибири, Ханты-Мансийске, в Санкт-Петербурге и Москве, в Казахстане, Таджикистане, на Украине, в Нидерландах, в Чехии, Болгарии, Объединенных Арабских Эмиратах — все и не перечислишь».

Весь наполненный созидательным трудом путь Игоря Александровича Найвальта оказался дорогой к храму, и не только как прихожанина, а как строителя и благоустроителя. Игорь Александрович покрестился в 45-летнем возрасте. Он говорил, что без православия Россия развалится... Ведь так важно, чтобы человеку было куда прийти попросить совета, покаяться в грехах и, может быть, в корне изменить свою жизнь. Не зря же храм называют духовной лечебницей.

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМОВ

По словам И. А. Найвальта, строительство и реставрация храмов — это основное, что он в жизни сделал. А началось с малого. В 1990 г. Игорь Александрович откликнулся на просьбу настоятеля Софийского собора в Царском Селе митрофорного протоиерея Геннадия Зверева помочь сделать фундамент будущего храма. Силами БСК фундамент был заложен, а дня через два к протоиерею подошел Игорь Александрович и сказал: «Слушайте, вот у меня есть недостроенные мосты, недостроенные дома, но недостроенных храмов нет. Давайте будем строить».

Потом под руководством И. Найвальта в поселке Александровская Царского Села была построена церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери.

Через десять лет, когда на счету БСК стало уже пятьдесят построенных и отреставрированных храмов, часовен, монастырей, была издана книга «Возрожденные святыни» (издание третье). В своем обращении к читателю Патриарх Московский и всея Руси Алексей II написал: «Воздвигать храмы и поддерживать их благолепие издревле на Руси считалось делом богоугодным и святым. Строили храмы всем миром, и каждый стремился внести свою посильную лепту в столь доброе дело. Ныне, после долгих лет разрушения и надругательства над святынями, народ наш вновь возвращается к своим историческим и духовным корням, вновь обретает веру отцов, вновь находит действенную помощь в святом православии... Помощь Божия да сопутствует вам в дальнейших трудах во благо Церкви и Отечества. Да будут жертвы и труды ваши благоприятны перед Богом!».

БСК под руководством Игоря Александровича построила и восстановила более семидесяти православных храмов, памятников и святынь в России и за ее пределами, в том числе храм Живоначальной Троицы в память тысячелетия Крещения Руси с патриаршим подворьем в Орехово-Борисово, построенный в византийском стиле и включенный в число историко-культурных памятников столицы.

Найвальт был глубоко верующим православным человеком. Он не просто отдавал церкви, как было принято на Руси, десятую долю доходов. Он непосредственно возводил православные храмы и чаще всего сам сначала вынашивал архитектурную идею объекта. Его команда архитекторов, строителей, отделочников, художников вместе не просто строили — они творили эти храмы. Как говорил когда-то сам Игорь Александрович, не верующие становились верующими, а по окончании строительства крестились и венчались в построенных ими храмах.

Последним детищем Игоря Александровича стал Храм святого благоверного великого князя Игоря Черниговского и Киевского в Ново-Переделкине, на строительстве которого были воплощены самые новаторские идеи и технологии. Он говорил: «Хочу, чтобы это был Храм-праздник, чтобы взглянул на него — и душа радовалась». 17 июня 2012 года патриарх Кирилл совершил чин великого освящения соборного храма и отслужил первую Божественную литургию в новоосвященном храме. БСК увековечила память о святом князе Игоре Черниговском еще в трех точках на земле. В храмовом комплексе в Токсово Ленинградской области, в Царском селе, а также в Чернигове на предполагаемом месте погребения князя Черниговского и Киевского Игоря Ольговича силами БСК ему установлен памятник — бронзовая двухметровая фигура.

В 2017 году Игорь Александрович Найвальт стал лауреатом премии имени Владимира Высоцкого «Своя колея»* за высокий профессионализм, благотворительность и подвижничество».

21 декабря в Москве, на главной сцене страны — в большом зале Государственного Кремлевского дворца назвали лауреатов этой премии. Только получить эту высокую награду Игорь Александрович уже не смог, за него награду получил его друг — знаменитый спортсмен, депутат Государственной Думы Александр Карелин.

14 августа 2018 года Игоря Александровича Найвальта не стало. В Храме его небесного покровителя великого князя Игоря Черниговского и Киевского в Ново-Переделкине Святейшим Патриархом Московским

* Идея премии принадлежит сыну поэта — Никите Владимировичу Высоцкому. «Своя колея» была учреждена в 1997 году, вручается людям, которые не изменяют своим убеждениям, кому сегодня, возможно, захотел бы посвятить песню В. Высоцкий; людям, чья жизнь и творчество созвучны темам его поэзии. «Своей колеей» не награждают случайных людей, каждый обладатель почетной награды — уникальный Человек! Лауреатам вручается почетный знак, номерная золотая медаль, на одной из сторон которой высечен профиль Высоцкого, нарисованный им самим, и его автограф.

и всея Руси Кириллом был совершен Чин отпевания. Перед началом отпевания патриарх обратился к друзьям и родственникам Игоря Александровича:

«Существует много добродетелей, которые человек должен в своей жизни реализовать для того, чтобы иметь надежду на жизнь вечную. Среди этих добродетелей две занимают особо важное место, они являются фундаментальными — это любовь к Богу, к Церкви и любовь к Родине. И если характеризовать жизнь почившего, то можно сказать, что он был исполнен этими добродетелями: он любил Бога, любил Церковь и любил свою Родину.

Именно эти чувства подвигали Игоря Александровича к тому, чтобы свой талант, свои организационные способности и возможности, свои материальные средства направлять на строительство храмов, на совершение многих добрых дел. И сегодня отпевание происходит в этом величественном храме в честь святого Игоря Черниговского, небесного покровителя Игоря Александровича, построенном его трудами и на его средства. Верим, что Господь примет душу его в Небесное Царство и сотворит вечную и молитвенную о нем память в наших сердцах. Аминь».

Вскоре после ухода Игоря Александровича одна из программ на канале «Культура» была посвящена выдающемуся храмостроителю современности. Ведущий программы Н. Бурляев с чувством восхищения и теплом рассказывал зрителю об этом необыкновенном человеке:

«Своей главной миссией Игорь Александрович считал строительство храмов... Только представьте: он прожил 71 год и построил 70 храмов, это по храму в год жизни... В 2016 году Игорь Александрович был удостоен главной награды славянского форума изобразительных искусств «Золотой Витязь» — золотой медали «За выдающийся вклад в зодчество святой Руси».

К Игорю Александровичу тянулись люди, так как и совместная работа, и общение с ним были необычайно интересны. Он мог радушно принять малознакомого человека и, если надо, помочь. Плоды его трудов светлы и душеполезны для каждого. Имя Найвальта останется в памяти грядущих поколений. Колокола, им отлитые, будут звонить на Руси в веках. А в Омске на здании ОмГУПС (хочется надеяться!) появится мемориальная доска с надписью: «Здесь с 1963 по 1968 г. учился человек, ставший Явлением на земле — Игорь Александрович Найвальт».

Игорь ЕГОРОВ

г. Омск

ДУШЕВНОСТЬ И ТАКТ

Очерк об известном сибирском писателе Михаиле Малиновском (1933—2010)

Хорошо помню первую встречу с Михаилом Петровичем Малиновским, хотя прошло немало лет. Он пришел к нам на одно из собраний литобъединения при газете «Молодой Сибиряк». (Время — первая половина 80-х годов. Руководил тогда литобъединением поэт Александр Лизунов. Входили туда в основном молодые стихотворцы, прозаики, эссеисты и критики, просто даже интереснейшие личности помимо их творческих наклонностей, имена большей части которых уже на слуху. Мы, многие молодые авторы, были ершистые, задиристые, каждый себя считал, чуть ли не гением. Надо сказать, что Михаил Петрович, по-видимому, понимая наш юношеский задор и максимализм, по-доброму мудро, деликатно, даже можно сказать — на равных, включился в наш литературный спор. В споре он очень метко процитировал строчки стихотворения Николая Рубцова «Воробей»:

*И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...*

Это было сказано в пику одному молодому поэту, который с яростью нападал на стихи своих товарищей, обосновывая резкость высказываний своим нелегким жизненным опытом.

Тот разговор был настолько интересным, что он оставил в моей душе сильное впечатление. Я понял, что к нам в литобъединение приходил не только известный талантливый писатель, рассказы которого были напечатаны в сборнике рядом с произведениями Василия Шукшина и Виктора Астафьева, но и по-настоящему замечательный человек!

Конечно же, меня поразили глубина его высказываний, высочайшая внутренняя культура, необычайные душевность и такт.

Именно тогда, я помню, мне захотелось показать свои первые опыты в прозе Михаилу Петровичу. Потому что я почувствовал, что именно он сможет понять меня и дать нужный тонкий совет. В этих моих первых опытах он сразу же увидел будущий цикл рассказов, где есть сквозной герой, который оказывается в разных жизненных ситуациях. Он отнесся ко мне очень сердечно.

Угостил чаем. Кстати, гостеприимство — было неотъемлемой чертой его характера, что могут подтвердить многие мои товарищи по литературному цеху. Он умел расположить к себе автора, поддержать его, помочь ему найти себя, дать важный совет. Помню меня поразила обстановка у него дома: везде у него были книги — на полках, на его рабочем столе, причём книги редкие, уникальные. Немало книг было и на английском языке. (Произведения многих английских и американских писателей Михаил Петрович читал в подлиннике). И, конечно же, папки с рукописями разных авторов, которые к нему обращались за консультацией, хотя, по-моему, никакой официальной должности он не занимал в Союзе писателей.

Я знаю, несмотря на свое плохое здоровье, плохое зрение, он мог поехать даже в район, чтобы встретиться с интересным автором, внимательно прочитать его рукописи (так было и с Михаилом Шангиным, которого он открыл для читателей как самобытного талантливого литератора).

Помнится эпизод, как Михаил Петрович вдумчиво, но в то же время со жгучим нетерпением читал с увеличительным стеклом рукописи участников Областного литературного семинара прямо в такси. Так ему хотелось побыстрее ознакомиться с их произведениями.

И надо сказать, что молодые, да и не только молодые авторы тянулись к нему, находили его сами. Своим опытом в работе с начинающими, огромным чутьем, дельным советом многим он помог поверить в свои силы. Многие из его учеников стали впоследствии профессионалами в литературе.

Михаил Петрович, несмотря на то, что был прозаиком, прекрасно знал поэзию и тонко ее чувствовал. Поэтам он мог конкретно по строчкам подсказать много полезного. Человек огромного ума и необыкновенной широты кругозора, он воспринимал текст поэтических произведений нередко даже глубже самих же авторов.

Бережно храню в своем архиве копию рекомендации для вступления в Союз писателей, написанной Малиновским. Вот некоторые ее моменты: «Творчество Игоря Егорова своеобразно тем, на мой взгляд, что не укладывается в привычные формальные определения и в то же время сохраняет следование литературным традициям... Надо только вчитаться и вдуматься без предвзятости. И тогда — вместе с Женькой Забродиным (героем его рассказов) — веришь, что есть в нашем мире нескудеющая сила души, веришь — вместе с автором — в то, что даже почерк дорогого человека меняется, когда он уходит из жизни.

*Не замечал я раньше
Важного — в простом, обычном.
Память многое мне открыла.*

Такая доверительная откровенность нужна человеку особенно в наше неустойчивое время, как душевная опора...

Чистым задушевым голосом Игорь Егоров — в прозе или в стихах (как Бог положит) — пробуждает нашу память и находит для этого верную интонацию, точный образ, единственное слово, потому что следует доброй традиции русской литературы — писать, как живешь, и жить, как пишешь».

В начале 90-х Михаил Петрович создал литературное объединение прозаиков «Омское собрание», он же им и руководил. В это литобъединение входили Александр Дегтярев, Евгений Калачев, Владимир Козлов, Владимир Чмырев из Тары, Сергей Лексутов, Изра Криворучко, Степан Князев, Елена Мурашова, Александр Трифонов, Людмила Куликовская, Анатолий Чепкин из Большеречья и поэты, которые пробовали себя в прозе — это Александр Лизунов, Георгий Боромянский, Михаил Кузин, Игорь Косицын. Хочу сказать, все — довольно яркие личности. Я тоже входил в это литобъединение и приносил туда на суд свои рассказы. (Впоследствии в Союз российских писателей были приняты Александр Дегтярев, Александр Лизунов, Георгий Боромянский, Сергей Лексутов, Изра Криворучко, Евгений Калачев вошел в Союз писателей России). Собирались мы на улице Коммунистической 20 в здании Омского отделения Союза писателей раз в две недели. После обсуждения рукописей обычно играли на бильярде, говорили при этом о литературе, о жизни, о глубоких преобразованиях в стране, которые тогда происходили. Иногда на наши собрания заходили и такие известные мастера прозы, как Александр Плетнев и Алла Кузнецова. Им очень нравилась творческая, профессиональная и в то же время доброжелательная атмосфера обсуждений рукописей в литобъединении. Они немного даже участвовали в этих обсуждениях. За два года существования литобъединения Михаил Петрович сумел так построить работу с молодыми прозаиками, что в результате под его редакцией появился интереснейший коллективный сборник рассказов «Тревога», в который вошли почти все выше перечисленные члены литобъединения и который до сих пор пользуется немалым успехом у читателей. (Об этом сборнике была опубликована глубокая литературоведческая статья известного поэта и театрального критика Елены Николаевны Злотиной «О чем тревожится душа?» в газете «Омская правда» за 18 августа 1993 г. Вот что писала Елена Николаевна: «"Тревога" — это своеобразная коллективная исповедь о духовном мире художника, о круге его забот, радо-

стей, печалей, тревог. Так о чем же тревожится душа художника? Трудно размышляет об изломах жизни, о непредсказуемом отчуждении еще недавно близких людей, об опасностях, таящихся в непроглядной ночи, герой рассказа Сергея Лексута «Игра в фанты». Может быть, впервые за свои молодые годы задумывается, с болью и стыдом, об истинной сути милосердия Женька из рассказа Игоря Егорова «Нескудеющая сила». О хрупкости души подростка, потрясенного поражением в шахматном турнире, крушении честолюбивых надежд, о страшной безнадежности, толкающей мальчика не куда-нибудь — в петлю, — нервно и остро рассказывает психологический этюд Георгия Бородянского «Поражение». Изматывающий душу контраст красивой кинолжи и безотрадных реальных будней, зыбкость наших иллюзий мучают героя рассказа Игоря Косицына «Дорогая Рейчел». Лейтенант Лопушанский, герой одноименного рассказа Владимира Козлова, которому предстоит вести в атаку своих бойцов, переполнен болью за предсмертную красоту розового от инея рассвета, страхом за жизнь — не свою, а молодого солдата Васнецова с такой «нежной и весенней» фамилией. В «Рок-концерте» Евгения Калачева «металлист»-фанат Максим с болезненным, но влекущим изумлением открывает для себя, что кроме гремящей, туманящей разум рок-музыки, есть другая, сказочно-высокая красота старого храма, могучий и таинственный голос органа. Ностальгией по бесхитростной теплоте семьи пронизан маленький рассказ Изры Криворучко «Возвращение». Неразрывность высоких художественных помыслов и безупречности моральной чистоты Творца — тема рассказа Владимира Чмырева «Торжество Ярилы». Названные выше сочинения неравнозначны по уровню письма, по стилевому и композиционному умению. Что-то сильнее, что-то слабее. Но есть и нечто объединяющее. Это — молодое искреннее равнодушие. Поиски своей, незаемной интонации, своего голоса. И уважение к слову — ладному, точному, единственно необходимому. Что бы ни говорили недоброжелатели — это не дилетантизм, а вступление в литературу. Самые сильные, самые зрелые вещи в «Тревоге», безусловно, рассказы Александра Лизунова «Старая труба», Александра Дегтярева «Чугунок горячей картошки» и Анатолия Чепкина «По грибы». Рассказ Лизунова удивительно емко. Страдание, сострадание, жалость к бедной нашей земле, тайна другой, загробной, жизни пронзают сердца автора и читателя... Обстоятельно, сочувственно и при этом тактично заглядывает Александр Дегтярев в материнское сердце — сердце героини рассказа «Чугунок горячей картошки» Марии Егоровны... Рассказ Дегтярева написан просто, безыскусно, без ненужных сантиментов. Он будничен, казалось бы, и тем правдив — разве редко наши будни радостны и горестны одновременно?.. Анатолий Чепкин, «По грибы». Заголовок нейтральный, простецкий, а рассказ исполнен поэтичности и лиризма... Детали сельского быта, ритуал прощания так выписаны автором, с такой теплотой прослежен каждый шаг старой женщины, что в сердце пробуждается чувство вины. Да, нашей общей вины перед брошенной нами землей... Вот, пожалуй, и все о книжке, собранной и изданной трудами куратора «Омского собрания», члена Союза российских писателей Михаила Малиновского. Жаль только, что рецензенты иных омских газет («Вечерки», «Омского вестника», например) оперативно (а точнее сказать, небрежно-поспешно) отозвались о книге с высокомерным пренебрежением. Поверьте, несправедливо».

В те же годы стали появляться и замечательные идеи создания здесь, на омской земле, уникальных книг. Так возникла мысль выпустить ряд сборников переводов из английской и американской литературы, сделанных силами омских переводчиков. Михаил Петрович тоже принял самое непосредственное участие в осуществлении таких необычных для Омска проектов. И надо сказать, что своими прекрасными переводами рассказов английских и американских авторов он задавал высокую планку и для нас, переводчиков. (А английским языком он владел просто великолепно и переводил литературные тексты блестяще!) Эта работа его даже увлекла.

А ведь всякий, кто хоть немного сталкивался с переводом художественного текста, тот, как говорится, не понаслышке знает, насколько это невероятно сложно — передать стиль писателя, его своеобразие, колорит языка, времени, в котором он творил. (Переводы, выполненные Малиновским, были опубликованы в следующих изданиях: рассказ Джорджа У. М. Рейнольдса «Суд инквизиции» — в книге «Поездка в ад» (Изд-во Омского государственного педагогического университета, Омск, 2001 г.), рассказ Стефена Уэйслика «Пара жареных форелей» — в альманахе Омского отделения Союза российских писателей «Складчина», № 2 (4), 2006 г.

Меня и моих товарищей в наших начинаниях Михаил Петрович всегда поддерживал. Так было и с идеей создания альманаха «Тарские ворота» и журнала «Иртыш-Омь» на основе самофинансирования (т. е. благотворительных вложений авторов и меценатов). Он видел в этом знаковом для каждого омича тандеме (альманахе и журнале, да еще с такими родными названиями!*) один из выходов из ситуации, когда средства на периодические литературные издания выделяются (добываются) редко и нерегулярно. По сути, он

* Немного о названии альманаха. Конечно, всем омичам дороги достопримечательности нашего города, но особенно ярким символом культуры и богатейшей истории Омска всегда были Тарские ворота (находящиеся со стороны направления от старинного города Тара Омской области. Кстати, Тара — родина нашего великого российского актера Михаила Ульянова, ему недавно поставлен памятник в центре города около Академического театра драмы). Именно через эти ворота Омской крепости 23 января 1850 г. был доставлен в тюремный острог Ф. М. Достоевский, именно здесь, в Омской крепости, происходит очень важное в жизни писателя, сделавшее его великим. В направлении от Тарских ворот установлен грандиозный памятник писателю. Достоевский идет навстречу испытаниям. Его волю творца не сломить, не уничтожить. Острог откроет ему новые стороны жизни, откроет новые сюжеты будущих романов, столкнет с необычайными людскими характерами и судьбами. Не случайно около Тарских ворот проводятся незабываемые культурные мероприятия — творческие встречи, концерты — и не только в День города. Для нас же, литераторов, Тарские ворота символизируют еще и путь в большую литературу (Примечание автора очерка).

благословил наш подвижнический проект, и я всегда ему буду благодарен за понимание и поддержку. Помню его добрые слова, сказанные по телефону: «Игорь, вы с ребятами делаете великое дело, которое, может быть, не сейчас, но после обязательно оценят!».

И для нас, редакционного коллектива альманаха и журнала, эти слова мудрого и тонкого человека, замечательного сибирского писателя очень важны!

Валентин ОГНЕВ

г. Щекино Тульской области

Огнев Валентин Михайлович родился в 1956 г. в д. Вишне-вой Становлянского р-на Липецкой обл. По образованию юрист. Полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Член ТРОПО «Знание», награжден медалью «Профессор В. Н. Ашурков. Подвижник просветительства». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Печатается в СМИ Тульской и Липецкой обл. по краеведческой тематике. Был участником IV областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме «Родословная Огневых». Является автором книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское», «Край родной дикого поля», «Край родной. С. Ламское. Голицыны», «Край родной. От Смутного времени», «Край родной. Великая Отечественная война». Принимал участие в проекте «Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд». В сборниках № 2, 3, 4 «Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской духовной семинарии», напечатаны работы на православную тематику. Участник международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященного 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «Город-герой». В двухтомнике, изданном по итогам этого мероприятия, «Мы помним ...», напечатана работа Валентина Михайловича «Увековечим память». В составе рабочей группы как исследователь и автор подготовил справку на соискание почетного звания Тульской обл. «Ефремов — город воинской доблести». Опубликованы рассказы: в сборнике Становлянского краеведческого музея Липецкой обл. «Юность комсомольская моя» — «Время становления комсомолии Волинского района»; в книге «Тульские усадьбы. Времена и нравы» — «Село Ламское. Голицыны»; в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова напечатана работа «Современные краеведческие находки «Память о М. Ю. Лермонтове». Участник III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по теме «Наследие М. Ю. Лермонтова как часть региональной культуры Липецкого края». Печатается на страницах журнала «Приокские зори», литературно-художественного альманаха «Ковчег», альманаха Тульской региональной общественной просветительской организации «Знание» «Дым Отечества. В поисках утраченного». На собственном сайте <http://kraeved71-48.ru/> публикует материалы краеведческого и генеалогического характера. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

К 210 летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

ИМЕНИЕ ЛЕРМОНТОВЫХ

Приведенное ниже исследование рассказывает об имении Лермонтовых, находившемся в Ефремовском уезде Тульской губернии, ныне Становлянского района Липецкой области.

«В род Лермонтова имение поступило в 1791 году, когда артиллерии поручица Анна Васильевна Лермонтова купила его у Дмитрия Петровича Беклемишева. (Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. Научно-публикаторский журнал № 3. Москва-Воронеж. 2008 г. РГАЛИ, ф. 276, оп. 1, № 105, л. 2).

ГУГАТО ф. 373 оп. 1 д. 6 — 1795г.

лл. 460—473. «1795 года июня 25 дня вотчины госпожи артиллерии поручицы Анны Васильевны Лермонтовой Тульского наместничества Ефремовского уезда деревни Любашевки Каменный Верх тож В последнюю ревизию крестьяне были записаны за полковником Петром Сергеевым сыном Беклемишевым, а Анне Васильевне Лермонтовой достались *по купчей в 1790 году*» (и переведенные из Костромского наместничества Чухломской округи сц. Измайлово). [Следует перечень.]

— мужчин — 130 (в период от ревизии 1782 года умерло 29, отдано в рекруты 17, бежавших 17 — бежали в период нахождения у Беклемишевых, выбыло в разные уезды 29, прибыло 14, рождено 54), женщин — 136 (в период от ревизии 1782 года умерло 25, бежало 3 — 1 бежала в период нахождения у Лермонтовых, солдатки 3, выбыло в разные уезды 19, прибыло 22, вновь рожденных 48).

ГУГАТО ф. 372 оп. 1 д. 3 — 1811г.

лл. 474 — 479. «Ревизская сказка 1811-го года сентября 21 дня Тульской губернии Ефремовского округа сельца Любашевке Каменного Верху тож помещицы вдовы артиллерии поручицы Анны Васильевны дочери Лермонтовой о состоящих мужска пола дворовых людях и крестьянах». [Следует перечень.]

— Дворовых записано: 5 мужчин (в бегах 3 человека).

— Крестьян записано: 102 мужчин (1798 г., 1808 г., 1807 г., 1805 г., 1804 г., 1797 г., 1800 г., 1805 г., 1808 г., 1809 г., 1810 г., — по одному человеку отдавались в рекруты).

л. 493. «Ревизская сказка 1811-го года сентября дня Тульской губернии Ефремовского округа сельца Любашевке Каменного Верху тож помещицы девицы Александры Петровны дочери Лермонтовой о состоящих мужска пола дворовых людях». [Следует перечень.]

— Дворовых записано: 4 мужчины.

л. 494. «Ревизская сказка 1811-го года сентября дня Тульской губернии Ефремовского округа сельца Любашевке Каменного Верху тож помещицы девицы Катерины Петровны дочери Лермонтовой о состоящих мужска пола дворовых людях». [Следует перечень.]

— Дворовых записано: 4 мужчины.

л. 495. «Ревизская сказка 1811-го года сентября дня Тульской губернии Ефремовского округа сельца Любашевке Каменного Верху тож помещицы девицы Натальи Петровны дочери Лермонтовой о состоящих мужска пола дворовых людях». [Следует перечень.]

— Дворовых записано: 4 мужчины.

л. 496. «Ревизская сказка 1811-го года сентября дня Тульской губернии Ефремовского округа сельца Любашевке Каменного Верху тож помещицы девицы Алены Петровны дочери Лермонтовой о состоящих мужска пола дворовых людях». [Следует перечень.]

— Дворовых записано: 4 мужчины.

л. 497. «Ревизская сказка 1811-го года сентября дня Тульской губернии Ефремовского округа сельца Любашевке Каменного Верху тож помещика поручика Юрия Петровича сына Лермонтова о состоящих мужска пола дворовых людях». [Следует перечень.]

— Дворовых записано: 5 мужчин.

ГУГАТО ф. 371 оп. 1 д. 12 — 1816г.

лл. 193—205. «Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любошевке Каменный верх тож артиллерии поручицы Анны Васильевой дочери Лермонтовой о состоящих мужска женска пола дворовых людей и крестьян». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 10 семей: 25 человек мужского пола и 35 женского.

— Крестьян записано 25 семей: 103 человека мужского пола и 95 женского.

— Крестьянская семья № 1 Козмы Степанова — племянник Трофим Елизаров (18 лет по ревизии 1811 года) в ополчении с 1812, не воротился.

— Крестьянская семья № 3 Алексея Тимофеева — его брат Степан (35 лет по ревизии 1811 года) в крутах с 1813 года.

— Крестьянская семья № 14 Тараса Дмитриева — его брат Леон (33 года по ревизии 1811 года) в крутах с 1811 года.

лл. 206—207. «Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любошевки Каменный Верх тож помещицы девицы Натальи Петровой дочери Лермонтовой о состоящих мужска женска пола дворовых людей». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 1 семья: 4 человека мужского пола и 2 женского.

лл. 208—210. «Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любошевки Каменный Верх тож помещицы девицы Александры Петровой дочери Лермонтовой о состоящих мужска женска пола дворовых людей». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 1 семья: 3 человека мужского пола и 2 женского. Крестьян — 1 семья: 1 человек мужского пола и 1 женского.

лл. 211—212. «Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки Каменной верх тож помещицы девицы Катерины Петровой дочери Лермонтовой о состоящих мужска женска пола дворовых людей». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 1 семья: 2 человека мужского пола и 2 женского.

лл. 213—214. «Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки Каменной Верх тож помещицы девицы Елены Петровой дочери Лермонтовой о состоящих мужска женска пола дворовых людей». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 1 семья: 4 человека мужского пола и 2 женского.

— Глава семьи Яков Петров — его сын Михаил (21 год по ревизии 1811 года), в ополчении с 1812 года, не воротился.

лл. 215—216. «Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки Каменной верх тож поручика Юрия Петрова сына Лермонтова о состоящих мужска женска пола дворовых людей». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 1 семья: 4 человека мужского пола и 3 женского.

После смерти Юрия Петровича Лермантова осталось движимое и недвижимое имение Тульской губернии Ефремовского уезда сельцо Кропотово, или Любашевка, Каменный верх тож, в котором по последней ревизии написано за ним 131 душа мужского пола, на лицо 130 душ с рожденными после ревизии.

Земли, принадлежащей имению, значилось по купчей крепости 1.350 десятин, а за исключением 200 десятин, проданных еще до залога имения, оставалось 1.150 десятин (на момент раздела между Михаилом Юрьевичем и тетками).

ГУГАТО ф. 370 оп. 1 д. 6 — 1834г. лл. 409-424.

— «Ревизская сказка тысяча восемьсот тридцать четвертого Года Марта двадцатого дня Тульской губернии Ефремовского уезда Сельца Любашевки Каменной верх тож дворянина Михаилы Юрьева Лермантова; о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах, доставшихся по наследству в 1832-м году». [Следует перечень.] Итого мужского пола на лицо 148 душ. Итого женского пола на лицо 155 душ.

(Имение по наследству отошло М. Ю. Лермонтову и его теткам, которым они совместно владели, но ревизские сказки обязан был подавать Лермонтов).

По разделу, утвержденному Указом № 815 от 8 сентября 1837 г. принадлежало:

Михаилу Юрьевичу Лермонтову:

— Из дворовых 14 душ мужского и женского пола и именно: [следует перечень]. Из крестьян 15 семей и именно: [следует перечень] в коих заключается 52 души мужского и 49 женского пола, а всего дворовых крестьян 66 мужского и 68 душ женского пола без всякого раздробления семей со всем их имуществом.

— Все строения, кроме господского дома.

— Старый сад и одна половина огородной земли. 575 десятин земли.

Александре Петровне Лермонтовой:

— Из дворовых 5 душ мужского и 9 женского пола и именно: [следует перечень]. Из крестьян четыре семьи и именно: [следует перечень], в коих состоит 15 душ мужского и 18 женского пола, а всего дворовых и крестьян 20 душ мужского и 27 женского пола без всякого раздробления семей со всем их имуществом.

— 191 десятина 1.600 сажен, включая в это число садовую, огородную и усадебную землю.

Наталье Петровне Лермонтовой:

— Из дворовых 5 душ мужского и 7 женского пола и именно: [следует перечень]. Из крестьян четыре семьи и именно: [следует перечень], в коих заключается 16 душ мужского и 20 женского пола без всякого раздробления оных со всем их имуществом, а всего и дворовых и крестьян 21 душу мужского и 27 женского пола.

— 191 десятина 1.600 сажен, включая в это число садовую, огородную и усадебную землю.

Елене Петровне Виолевой (Лермонтовой):

— Из дворовых 6 душ мужского и 7 женского пола и именно: [следует перечень], крестьян пять семей и именно: [следует перечень], в коих состоит 17 мужского и 19 душ женского пола, без всякого раздробления семей со всем их имуществом и всего и дворовых и крестьян 23 мужского и 26 женского пола душ.

— 191 десятина 1.600 сажен, включая в это число садовую, огородную и усадебную землю.

Александре Петровне Лермонтовой, Наталье Петровне Лермонтовой, Елене Петровне Виолевой (Лермонтовой):

— Господский дом со всею движимостью.

— Молодой сад и вторая половина огородной земли.

Всем участникам раздела:

— Долг Московского Опекунского Совета, в котором имение наше состоит под залогом, упадет на каждого из нас по числу доставшихся душ.

— Лес в общем владении на праве собственности общим.

— Часть земли состояла в чресполосном владении с соседями и с живущими в имении однодворцами Кремлевыми, но как мнением Государственного Совета, Высочайше утвержденным 8-го Генваря 1836-го года предоставлено владельцам таковых земель разводиться между собою к одним местам полюбовно; то, если при полюбовных разводах с соседями и однодворцами, или в последствии по распоряжению Правительства отойдет или прибудет какая-нибудь часть земли в наше владение, в таком случае как убыль, так и прибыль должна падать на нас по соразмерности частей.

— По обоюдному согласию Михаила Юрьевича и Наталье Петровны был сделан размен дворовых людей, а именно: М. Ю. взял себе из числа положенных за нею в ревизии Амподика Степанова и Ивана Федорова с их семействами; а Н. П. в замен их отдал Якова Васильева с женою и детьми обоего пола и Ефрема Спиридонова с женою.

— Наталья Петровна уступила сестре Александре из числа положенных за М. Ю. по ревизии Николая Федорова с женою и матерью.

— По утверждении сего полюбовного раздела каждый обязан будет перечислить на себя доставшиеся ему души для платежа Государственных податей и для отправления других повинностей.

— За таким добровольным разделом наследственного имущества оставаться каждому из нас своею частью довольным и впредь как нам, так и наследникам нашим более ничего не требовать и сего полюбовного раздела нашего ничем и ни под каким предлогом не опорочивать и не опровергать.

— Цену упомянутому имению объявлена 60.000 рублей Государственными ассигнациями.

(Прошение о разделе имущества между Михаилом Юрьевичем Лермонтовым и его тетками Александрой, Натальей Петровыми Лермонтовыми и Еленой Петровной Виоловой (Лермонтовой) было ими подано в Тульскую Палату Гражданского Суда 21 июля 1837 года. 23 июля Московский Опекунский Совет сообщил Тульской Гражданской палате, что согласен на утверждение раздела заложенного имущества, а Палата приказала 31 августа 1837 г. «раздел учинить, уведомить Московский Опекунский Совет», а 8 сентября 1837 г. датирован указ № 815 о разделе).

Купчая 25-го февраля 1838 года в Тульской Гражданской Палате

М. Ю. Лермонтов продал свою часть имущества с дворовыми и крестьянами, с землею и все, что по разделу ему досталось после смерти отца тетке Елене Петровне Виоловой (по мужу). Купчая совершена 25-го февраля 1838 года в Тульской Гражданской Палате: в том же сельце дворовых мужского 14, женского 19 душ, крестьян мужского 52, женского 49 душ. А всего после купчей у Елены Петровны стало мужского пола девяносто восемь, женского сто две души.

ГУ ГАТО ф. 369 оп.1 д. 9 — 1850 г. лл. 159—164.

— «Ревизская сказка. Тысяча восемьсот пятидесятого года октября двадцать четвертого дня Тульской Губернии Ефремовского уезда сельца Любашевка Каменный верх тож умершей из дворян девицы Александры Петровой дочери Лермонтовой о состоящих за нею мужска и женска пола душах». [Следует перечень.]

— Дворовые: 6 дворов, 6 человек мужского пола и 12 женского.

— Крестьяне: 5 дворов, 16 человек мужского пола и 21 женского.

ГУ ГАТО ф. 369 оп.1 д. 3 — 1850 г. лл. 588—593.

— «Ревизская сказка. Тысяча восемьсот пятидесятого года сентября двадцатого дня Тульской Губернии Ефремовского уезда сельца Любашевка из дворян Девицы Натальи Петровой Лермонтовой о состоящих за нею мужскаго и женскаго пола душах; доставшихся ей по наследству от дворянина Михаила Юрьева Лермонтова в 1839 году». [Следует перечень.]

— Дворовые: 4 двора, 3 мужского пола и 3 женского.

— Крестьяне: 5 дворов, 21 мужского пола и 19 женского.

ГУ ГАТО ф. 3 оп. 15 д. 753 — 1855 г. л. 185об.

Наталья Петровна Лермонтова умерла не позже 15 апреля 1855 г.

ГУ ГАТО ф. 369 оп. 1 д. 10 — 1850 г. лл. 565—573.

— «Ревизская сказка 1850 года октября 20 дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки Каменной верх тож надворной советницы Елены Петровны Виоловой о состоящих мужска женска пола дворовых людей». [Следует перечень.]

— Дворовых записано 11 семей: 18 человек мужского пола и 15 женского.

— Крестьян записано 20 семей: 70 человек мужского пола по списку и 81 женского. Всего мужчин в ревизской сказке указано 91.

— Елена Петровна продала свою часть имущества Лермонтовых в сд. Кропотово своей племяннице штаб капитанше Анне Антоновне Цыхановской.

ГУ ГАТО ф. 368 оп. 1 д. 7 — 1858 г. лл. 183—186.

— «Ревизская сказка. Тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года мая восьмого дня, Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки каменный верх тож, умершей из дворян девицы Александры Петровой Лермонтовой о состоящих за нею мужскаго и женскаго пола дворовых людях и крестьян». [Следует перечень.]

Всего наличных душ: мужского пола — 21, женского — 30.

Как видно из документов, что Александра Петровна умерла до 1850 года. Документами о дальнейшем движении имущества не располагаю.

ГУ ГАТО ф. 368 оп. 1 д. 7 — 1858 г. лл. 179—182.

— «Ревизская сказка. Тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года мая восьмого дня Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки из дворян девицы Натальи Петровой Лермонтовой о состоящих за нею мужскаго и женскаго пола дворовых людях и крестьян». [Следует перечень.]

Всего наличных душ: мужского пола — 24, женского — 22.

ГУ ГАТО ф. 51 оп. 28 д. 764 — 31.01.1861—31.12.1862 гг.

— 4 декабря 1861 года Тульским Губернским Правлением по представлению Ефремовского Земского суда на удовлетворение долгов умершей из дворян девицы Натальи Петровны Лермонтовой выставялось на публичную продажу ее имение «... завещанное поручице Глинской, заложенное в Московской Сохранной Казне, состоящее в Тульской губернии Ефремовского уезда в сельце Кропотове, Любашевке Каменный Верх тож, заключающееся в земле 120 дес. 260 саж. находящейся в чрепозосном владении с другими владельцами, на которой поселены временно обязанных по ревизии 24 души и состоит под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками 6 дес. пахотной 98 дес. 260 саж., неудобной под оврагами и истоками, по коим производится сенокос 16 дес., из числа этого количества земли для крестьян отведено 55 дес., с гос-

подским хлебом ...».

Имение на торгах не продано.

ГУ ГАТО ф. 74 оп. 10 д. 12 — 1862 г. лл. 1—7. Уставная грамота.

УСТАВНАЯ ГРАМОТА Тульской губернии Ефремовского уезда, составленная на основании ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО В 19 день февраля 1861 г. Местного Положения губерний Великороссийских, для сельского общества временно-обязанных крестьян сельца Кропотова Любашовка Каменный верх тож водворенных на земле помещицы умершей из дворян девицы Натальи Петровны Лермонтовой оформлена в 1862 году. Состав крестьянского общества по 10 переписи значился мужского пола душ: дворовых 4, крестьян 20. Крестьяне использовали 56½ дес. земли. Согласно уставной грамоте, земля выделялась неокончательно, до размежевания. Окружная черта усадебной оседлости определялась с одной стороны речка Любашевка, с другой — господский сад Цыхановской, с третьей — земли Г. Головина, а с четвертой — земля Г. Лермонтовой.

ГУ ГАТО ф. 51 оп. 31 д. 320 — 8.6.1861—20.11.1871 гг.

Проведенной повторной описью имения умершей Н. П. Лермонтовой установлено: земли пахотной, луговой и пр. 165 дес. 400 саж., из которой по уставной грамоте отведено крестьянам (20 душ) 55 дес. Имение вследствие представления Ефремовского Земского суда (Уездное Полицейское Управление) и указа Правительствующего Сената Тульским Губернским Правлением было выставлено на продажу 15 июня 1865 года. На продажу также выставлялось: 180 копен ржи, овса 75 копен, гречихи 24 четверти и сена 100 пудов. Имение вновь было не продано. По просьбе кредиторов продажа имения была переведена в Московское Губернское Правление и назначена на 9 января 1867 года. На данных торгах имение купил Действительный Статский Советник Пафнутий Львович Чебышев с переводением на него долга.

О дальнейшей судьбе деревянного дома с двором в городе Ельце по ул. Архангельской в 7 линии в 7 квартале, принадлежащий Н. П. Лермонтовой и завещанный В. А. Глинской в выше указанных источниках ничего не говорится. Дом Натальей Петровной приобретен 7 марта 1839 года. Также неизвестна судьба третьей части дома и дворовых в сц. Кропотова, завещанных Анне Антоновне Цехановской и сарая, завещанному вольноотпущенному Петру Яковлевичу Каменеву, т. к. в изученном архивном деле документы ввода наследников в наследство отсутствуют.

Документами о дальнейшем движении имения не располагаю.

ГУ ГАТО ф. 74 оп. 3 д. 1683 лл. 2—3об. Уставная грамота Цыхановской А. А. сц. Кропотово.

УСТАВНАЯ ГРАМОТА Тульской губернии Ефремовского уезда, составленная на основании ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО В 19 день февраля 1861 г. Местного Положения губерний Великороссийских, для сельского общества временно-обязанных крестьян сельца Кропотова Любашовка каменный верх тож водворенных на земле помещицы штаб капитанши Анны Антоновны Цыхановской оформлена в 1862 году. В соответствии с уставной грамотой надел на все крестьянское общество составлял 41 десятину 600 квадратных сажень, под усадебными строениями, конопляниками, гумнами и огородами находилось 2 десятины, выпуск для скота состоял в общем выгоне с помещицей. Таким образом крестьяне, водворенные на землях мелкопоместных владельцев, получили в постоянное пользование за установленные повинности причитающиеся им в надел усадебные и полевые земли и угодья на точном основании местных положений. Но размежевание не проводилось.

Окружная черта усадебной оседлости определялась: с одной стороны речка Любашовка, с другой сад Цыхановской, с третьей земля Кочетовой с поселенными крестьянами, с четвертой господское гумно Цыхановской. Имелся водопой в общем пользовании с помещицей.

ГУ ГАТО ф. 74 оп. 4ТЗ д. 4118

После смерти помещицы штаб капитанши Анны Антоновны Цехановской, принадлежавшее ей имение, перешло по наследству ее детям: девицам из дворян Ольге и Клеопатре, штаб капитану Николаю и дворянину Владимиру Матвеевым Цехановским. Утверждены в правах определением Тульского Окружного Суда 30 января 1881 года, а введены в общее владение 1 августа 1881 года. Всего в имении состояло 15 душ, 166 десятины 260 сажень. 41 десятина 600 сажень удобной и 1843 сажени неудобной земли, а всего 42 десятины 43 сажени отведены крестьянскому обществу, оставшиеся 124 десятины 217 сажени находились в распоряжении помещиков. Все земли находились в общем владении разных владельцев. В 1870 году было проведено размежевание и была составлена владенная запись на землю крестьян, которая была утверждена 15 мая 1888 года Тульским губернским по крестьянским делам присутствием. При принятии владенной записи оброчная подать была заменена на выкупные платежи. После размежевания, крестьянский надел стал состоять из следующих угодий: под поселением и огородами 3 десятины 40 сажень, под выгоном 880 сажень, под пашней 37 десятин 2080 сажень — итого удобной 41 десятина 600 сажень. Неудобные угодья составляли: под улицей и дорогою 1378 сажень, речки Любашевки 465 сажень — итого неудобий 1843 сажени, а всего удобной и неудобной 42 десятины 43 сажени.

В источнике говорится, что арендатором имения Цехановских являлся Ефремовский мещанин Андрей Петрович Калинин. А за себя и по доверенностям сестры и братьев все возникающие вопросы по имению решала Клеопатра Матвеевна Цыхановская, проживавшая в г. Москве на Большой Молчановке в доме Черкесовой (1880 год). Ольга Матвеевна на 1880 год значилась проживающей в г. Москва Тверская часть 3 квартал в доме Цымлакова, а на 1883 год — сельцо Кропотово. В сельце в указанные годы проживал

Владимир Матвеевич. Ротмистр Николай Матвеевич в 1880 году значился по сц. Кропотово, а в 1883 году служил в 13-м Драгунском Каргопольском полку в Калининской губернии.

По законодательству имение Цехановских относилось к мелкопоместному. Они обратились в Казенное ведомство о передаче в ведомство имения с временно обязанными крестьянами в количестве 15 душ. За принятие имения в казенное ведомство, они получили вознаграждение в сумме 2250 рублей.

После смерти Ольги Матвеевны Цыхановской, в 1886 году ее $\frac{1}{4}$ часть имения в сц. Кропотово перешла по наследству ее братьям ротмистру Николаю и корнету Владимиру Матвеевы Цехановским.

Оставшееся имение Цехановских составляло 111 десятин 260 сажени. Но оно было заложено в Московском Земельном Банке. В 1888 году банк имение выставил на публичные торги. 23 ноября Ротмистр Князь Петр Ильич Вадбольский приобрел имение Цехановских в собственность. Князь принимал на себя исполнение обязательств, возложенных на заемщиков, уплату оставшегося долга Цехановских. Земля была расположена по специальному межеванию в Ефремовском уезде в даче 2 части сц. Кропотово записанной в алфавите под Лит. К94 Тульским Губернским Землемером Смирновым. 9 декабря 1888 года Ротмистр Князь Петр Ильич Вадбольский был введен во владение имением ранее принадлежащим Цехановским.

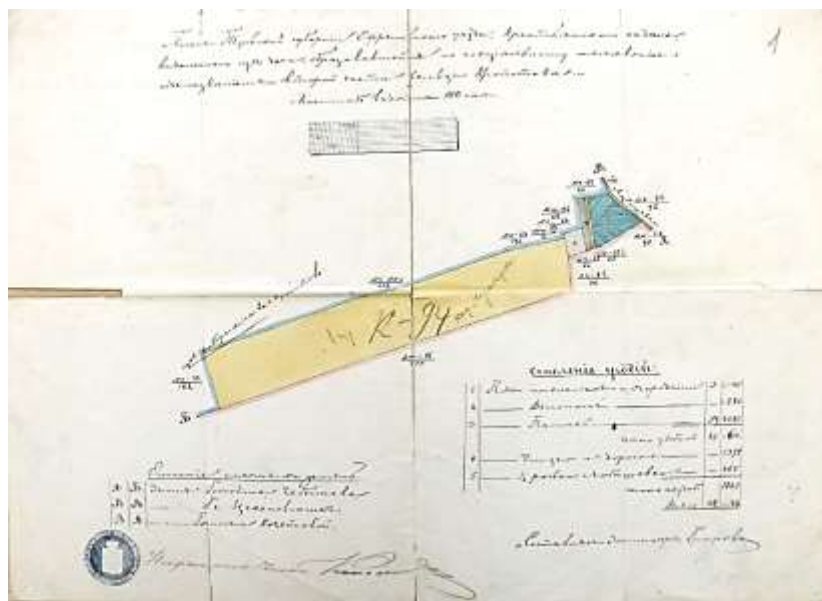
Описывается в различных публикациях дальнейшая судьба данной усадьбы: в 1890-х годах Кропотово у Вадбольских купили — Заборские, у Заборских — Михенины, у Михениных перед революцией — Качалова, которая вышла замуж за учителя Алитовского. Она и была последней владелицей Кропотово. Но ссылки на источники не приводятся, поэтому точность этих данных не гарантируется.

Дворянское сословие Тульской губернии.

Т. 4 (13) : Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождений их поместий в Тульской губернии. 1903—1910 гг. / сост. В. И. Чернопятов. — М., 1910. — [4], 141, XII с., 2 л. табл. сц. Кропотово (1903 — 110 дес., 1909 — 104 дес.) владела Тарасенкова Елизавета Львовна жена ст. советника. (Авт. Елизавета Львовна родная сестра действительного Статского Советника Пафнутия Львовича Чебышева).

ГУ ГАТО ф. 291 оп. 6А36 д. 750

План Тульской губернии Ефремовского уезда: крестьянского надела выделенного из дачи, образовавшейся по специальному межеванию под названием второй части селца Кропотова (авт. год не указан). Масштаб в дюйме 100 сажень.

Описание смежных земель.

А-Б Земля Господина Чебышева.

Б-В Земля Гг. Цехановских.

В-А Земля Госпожи Кочетовой.

Счисление угодий.

1. Под поселением и огородами — 3 десятины 40 сажени.

2. Под выгоном — 880 сажени.

3. Под пашней — 37 десятин 2080 сажени.

Итого удобной — 41 десятина 600 сажени.

4. Под улицей и дорогою — 1378 сажени.

5. Под $\frac{1}{2}$ речки Любашевки — 465 сажени.

Итого неудобий — 1843 сажени.

Всего — 42 десятины 43 сажени.

Составлял землемер Громов.
ГУ ГАТО ф. 291 оп. 6А36 д. 752

План части дачи Тульской губернии Ефремовского уезда под названием 3 части сельца Кропотова, находящейся в постоянном пользовании временнообязанных крестьян того сельца помещицы Статской Советницы Елизаветы Львовны Тарасенковой в выше означенной даче завышенными крестьянами значится всяких угодий земли, то видно из экспликации План сей составлен по меридиану магнитной стрелки с приятием отклонения ея от хода генерального межевания в правую сторону на 7 градусов (авт. год не указан). № «К — 95».

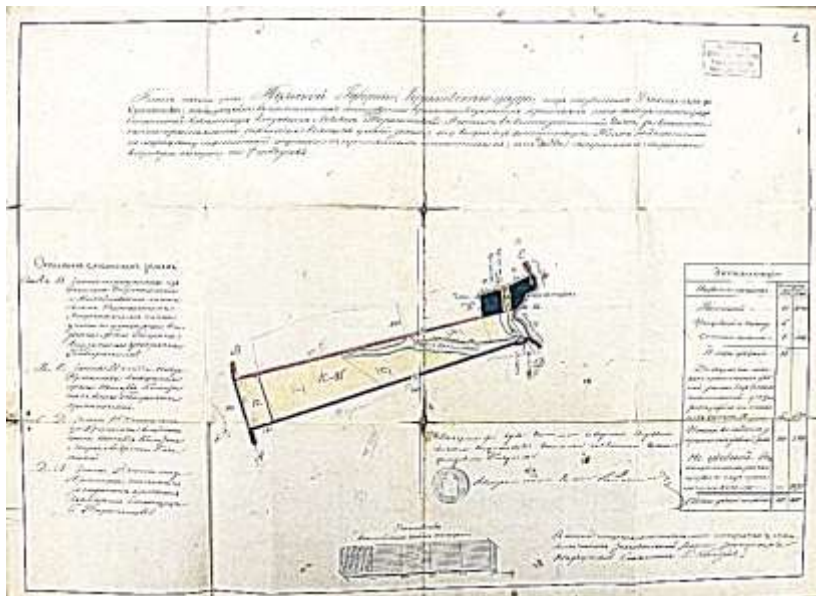
Описание смежных земель

От А до В. Земля, отрезанная из дач села Сретенскаго и Михайловскаго с пол селом Никольским Яндовка тож со сельцами и деревнями владения жены Генерала Елизаветы Федоровны Бабарыкиной.

В — С земля 2-й части сельца Кропотова владения жены штабс капитана Анны Петровны Цыхановской.

С — Д земля 1-й части сельца Кропотова владения жены штабс капитана Марьи Андреевны Кочетовой.

Д — А земля 3-й части сельца Кропотова, оставшаяся за на наделом крестьян во владении помещицы Г. Тарасенковой.

Экспликация

Пашенной 41 десятина 2040 сажени.

Усадебной и выгону 5 десятин.

Сенного покоса 8 десятин 360 сажени.

Итого 55 десятин.

Да сверх сего подарено крестьянам удобной земли без всяких повинностей участок занимающийся на плане под буквою К 5 десятин 540 сажени.

Итого в наделе у крестьян удобной земли 60 десятин 540 сажени.

Неудобной. Под полутечением речки, пруда и под проселочною дорогою 1070 сажени.

А всего удобной и неудобной 60 десятин 1610 сажени.

Масштаб в английском дюйме 100 сажени.

ГУ ГАТО ф. 1 оп 1 д. 384 ОЦ

Тульская губернская учетная архивная комиссия переписка за 1913 — 1914 гг.

л. 86. 14 апреля 1914 года г. Ефремов

«Имею честь сообщить Ученой Архивной Комиссии, что дом, находящийся в городе Ефремов ныне принадлежащий землевладельцу Арсеньеву, в котором проживал поэт М. Ю. Лермонтов, сохранился с внешней стороны, по свидетельству старожилов в том же виде, в котором был при жизни Лермонтова, но от времени приходит в ветхость, и изнутри ремонтировался несколько раз; без всякого изменения в расположении остались комнаты дома, но ни каких предметов, напоминающих о Лермонтове в доме нет. Имение же при с. Кропотова, Шиповской волости передано во владении Г. Кочаловой — Алитовской с усадьбой и садом в 12 десятин, которое в настоящее время находится в удовлетворительном состоянии.

Уездный исправник

Подписал зам. (подпись неразборчива)».

После революционных событий 1917 года:

ГУ ГАТО Р-57 оп. 1 д. 225

Опись мебели, принадлежащей раньше бывшим землевладельцам по Шиповской волости Ефремовского уезда. Составлена 12 февраля 1919 года. Заведующий Шиповским временным земельным отделом. Секретарь (подпись неразборчива).

[л. 10об] <u>Алитовского И.В.</u>	[л. 11об] <u>Алитовской</u>
1 див[ан] простой	1 стол рабоч. испр.
3 стол кругл.	1 столик
1 диван тур.	1 зеркало
1 комод	1 вешалка
1 вес?	1 машинка для катлет
1 абед. стол	1 Плита ска?лом
1 ломб. стол	1 таз медный
1 фортопьян.	1 паровой утюг
1 буфет	4 садовые скамейк.
Чайн. стол.	1 самовар
Зеркало трюмо	3 подноса
3 венскоо стуло	1 градусник
1 большая вис. лампа	4 столов
1 круглые часы	Отметка в отношении
2 портверы	всех перечисленных предметов
6 тюлевых занов.	в графе качество мебели: <i>ис-</i>
Шкаф для библи.	<i>правное, но</i> (далее трудночита-
1 кругл. Столик	емое слово)
чернай дер.	1 умывальник
1 гостинный стол	15 венских стул испр.,
1 стоячая лампа	находятся в совете, выданы
1 ????? люстра	Шиповским волостным испол-
2 мягких кресла	нительным комитетом
2 японских стула	15.1.1919г
1 столик	1 диван
Кочалка	4 ???гних стула
1 грамофон сломан	

[л. 13об] Список живого инвентаря лошадей по экономиям Шиповской волости.

Алитовского

мерин 20 лет, гнедой, задние ноги по щиколотку белые, на лбу звездочка. Находится у Якова Павлова Афонина.

[л. 18] Список рогатого скота по экономии Шиповской волости.

Племенной скот.

Алитовского

Корова 7 лет, рыжая. Находится у Владимира Климкина.

Телка 2 г., черноперстная. Находится у Игната Климкина.

Валух 2 г., черный. Сдан в Уземотдел 5.12—18г.

[л. 18об] Алитовского

Телок 0,5 лет, рыжеярый. Зарезан, и деньги уплачены в уземотдел по к??т. № 36 рублей.

ГУ ГАТО ф. Р- 326 оп. 2 д. 1435.

В декабре 1921 года в Ефремовском уезде происходит ликвидация детского распределителя, приемно-наблюдательного пункта и 6 детских домов, которые имели статус Детских Коммун. Попала под ликвидацию и Детская Коммуна № 1, расположенная при деревне Кропотово Шиповской волости Ефремовского уезда. Для этого детского дома были отданы постройки, ранее принадлежавшие Лермонтовым (конец XVIII и до 80 г. XIX в.). Персонал и воспитанники Детской Коммуны также использовали инвентарь и земли имения бывших владельцев. Для Коммуны было выделено 3 десятины земли, которую воспитанники обрабатывали собственными силами. Проживали они в деревянном доме. В постройки были завезены только часть железных и деревянных кроватей и различная посуда. В детском доме находилось 52 воспитанника: 35 девочек и 17 мальчиков. Возрастной состав был различен: от 8 до 12 лет — 23 воспитанника, от 12 до 15 лет — 20, от 15 до 17 лет — 9. Персонал Детской Коммуны состоял из педагогических и технических работников: 5 педагогов, завхоза, сторожа, дворника, кухарки, 2 прачек.

При закрытии детского дома в д. Кропотово составлялась «Опись инвентаря и построек Детской Коммуны № 1 при дер. Кропотово Шиповской вол. на 1 января 1922 года». Всего указано 146 наименований

предметов.

— В первом разделе описи указаны постройки: дом деревянный, занимающий коммуной, два флигеля кирпичных без ремонта, два флигеля деревянных без ремонта, скотный двор в заброшенном виде, стены, каретный сарай, старая рига, амбар сушилка, выход для хранения продуктов, ледник (подвал), конюшня каменная, щепной двор, слесарная мастерская и баня.

— Во втором разделе описи — имущество, находящееся в слесарной мастерской, указано 20 наименований с количеством 23 предметов.

— В третьем разделе описи — имущество, находящееся в амбарах, показано в 8-ми позициях 52 предмета.

— В четвертом разделе описи — имущество, находящееся в каретном сарае, указано 9 наименований с количеством 14 предметов.

— В пятом разделе описи — имущество, находящееся на щепном дворе, указано 20 наименований с количеством 40 предметов.

— В шестом разделе описи — кухня и хозяйственные принадлежности, указано 12 наименований с количеством 30 предметов.

— В седьмом разделе описи — посуда, указано 18 наименований с количеством 273 предметов.

— В восьмом разделе описи — сбруя, указано 9 наименований с количеством 15 предметов.

— В девятом разделе описи — имущество, находящееся в коммуне, указано 35 наименований с количеством 131 предмета: стол дубовый, швейная машинка, стол массивный, гардероб, буфет, два кресла кожаных, 10 лавок деревянных и 2 дивана, зеркало большое, книжный шкаф, часы, 19 кроватей железных, 32 кровати деревянных, стол складной, 2 картины в рамах, 2 картины без рам, стол ломберный, угольник, 2 полукруглых, рукомойник, сундуки — большой и малый, 5 стульев, табуретка, рояль, весы, 2 комода, несгораемый ящик, мраморный столик, 10 мешков, 6 замков, 3 насыпки железных, совок, 12 гирь к часам, брезент, 2 палицы, счеты маленькие.

— В десятом разделе описи — живой инвентарь, указаны две лошади и теленок.

— В одиннадцатом разделе описи указано сено и овсяная солома.

В ежемесячном краеведческом журнале «Тульский край» № 1(4) январь 1927 год в сносках к статье «Лермонтов в Ефремовской деревне» написано:

«В настоящее время в доме Лермонтова помещается председатель Лобаново-Шипов. РИК'а Н. И Лямин с семьей. Мы с удовлетворением должны отметить, что он с должным вниманием относится к памяти Лермонтова, старается собственными силами поддержать порядок вокруг дома и с увлечением мечтает о реставрации его».

По воспоминаниям старожилов и местных краеведов:

До Великой Отечественной войны в бывшем доме Лермонтовых был медицинский и ветеринарные пункты, и жили их работники — с одной стороны человеческий лекарь Гаврила Иванович, с другой — ветеринар Андрей Захарович. В декабре 1941 года немецко-фашистские захватчики при отступлении бывший дом Лермонтовых сожгли. При образовании колхозов бывшие земли Лермонтовых отошли в общественное пользование. В настоящее время часть из них относится к местной администрации, часть районного значения и часть АО «им. Лермонтова».

Примечание: написание фамилии **Цыхановские** в одном и том же источнике может быть и как **Цехановские**.

(В цитируемых материалах сохранена оригинальная орфография и оригинальный синтаксис).

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Николай Николаевич Тимохин — член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Член казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. В 2020 г. он награжден Союзом писателей России, алтайским отделением общероссийского литературного сообщества Вологодский союз писателей-краеведов России памятной медалью «Николай Рубцов». Автор многочисленных книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Зав. отделом поэзии литературно-художественного журнала «Приокские зори» (Тула, Россия) и альманаха «Ковчег» (Тула, Россия). Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Беларуси и Германии. Наш постоянный автор.

ЛЮБОВЬ ВОРОПАЕВА «ДЕВОЧКА МОЯ СИНЕГЛАЗАЯ»

Наших читателей ожидает сюрприз, который приготовил специально для альманаха «Ковчег» член Союза журналистов России **Николай Тимохин**. Новым его собеседником стала известная поэтесса, сценарист, продюсер, многократный лауреат телевизионного фестиваля «Песня года», автор трех поэтических книг, а также текстов более трехсот хитов, исполнители которых — Женя Белоусов, Лолита Милявская, Валерий Леонтьев, Лариса Долина, Ирина Понаровская, Михаил Шуфутинский, Екатерина Семенова, Александр Серов, Татьяна Буланова, Стас Пьеха, Аркадий Укупник, Вилли Токарев и многие другие, легенда российского шоу-бизнеса — **Любовь Воропаева**.

Николай Тимохин: У Вас красивое имя — Любовь. Как Вы думаете, что такое любовь? И есть ли она вообще?

Любовь Воропаева: Любовь — это смысл жизни человека, тот свет, который ведет к духовному росту и, в конечном итоге, к Богу.

Н. Т.: Любовь, Вы, будучи выпускницей английской спецшколы Института иностранных языков имени Мориса Тореза, защищали диплом о переводе сонета Дж. Китса. Хочется узнать у Вас, как у профессионала. Сейчас в интернете стало появляться огромное множество различных переводов сомнительного качества именно Дж. Китса, которые, как мне кажется, делают все кому ни лень. Как Вы объясните такой повальный интерес к его творчеству? И принесут ли пользу такие переводы читателям?

Л. В.: Ага, это вы у меня спрашиваете, как у «специалиста» по Китсу, вычитав где-то, что переводы его стихов легли в основу моей дипломной работы в Инъязе! Отвечу так: то, что люди тянутся к переводам стихов хороших авторов, само по себе — хорошее дело. И то, что люди пытаются облечь свои мысли в стихотворную форму — тоже неплохо. Другое дело, что в основе всего этого нет таланта! Вот с этим в последнее время просто засада, уж слишком у многих малообразованных людей повышенная самооценка! Впрочем, по большому счету, меня это не волнует. Пусть себе люди развлекаются, лишь бы не воевали друг с другом!

Н. Т.: Одну из Ваших самых любимых песен «Девочка моя синеглазая», как известно, исполнял Женя Белоусов. Мне повезло в начале 90-х быть на стадионе нашего города на сольном концерте кумира миллионов того времени. Я помню, как девушки неслись к нему по полю с букетами цветов. Расскажите, а какие у Вас остались воспоминания о работе с Женей Белоусовым?

Л. В.: Ну, если я в рамках одного небольшого интервью пушусь в воспоминания, то оно станет книгой! Что касается песни «Девочка моя синеглазая», то она не является моей самой любимой песней из репертуара Жени Белоусова. Скорее, я люблю «Золотые купола» и «Такое короткое лето», ведь именно в этих песнях мой покойный муж Виктор Дорохин, автор музыки лучших хитов Белоусова и его продюсер, дал мне возможность «разгуляться как поэту» в запевах песен, которые вели к хитовым и афористичным припевам, как это принято в песенном жанре!

Что касается работы с Женей, то это была реально работа, причем тяжелейшая работа, сутками — ведь поднять такой проект мы с мужем и с Женей смогли только трудом и постоянной учебой, идя в ногу с лучшими достижениями мирового шоу-бизнеса и применяя их к нашей российской реальности!

Н. Т.: На Вашей странице в соцсетях я прочел такое Ваше изречение: «Все меньше гениальных произведений искусства, все больше... бездарных». Если на основании этого коснуться современной литературы, то получится, что весь интернет просто забит всякой низкопробной всячиной. Такое ощущение, что бездарности уже пробились, затмив собой таланты. Что Вы думаете по этому поводу?

Л. В.: Ну да, как говорится, «талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами!» Интернет — это наша с вами виртуальная планета: тут, как и в жизни, есть много хорошего и много дерьма. А уж читатели должны сами выбирать, что их интересует. Люди плохо образованы, им некогда углубляться в книги, они все делают в наше время на бегу: живут, работают, даже любят! Что у них в головах? Телевизор, забивающий файлы их мозга всякой ерундой, да социальные сети, где можно с кем-то неформально пообщаться, опять-таки на бегу... Откуда людям знать, что такое литература, что такое искусство вообще? Многие и про Ван Гога-то узнали после песни «На лабутенах»! Но, с другой стороны, есть еще все-таки люди, которые интересуются искусством и книжки читают, и умеют отличать литературу от мусора, и это здорово! Так что давайте не будем хоронить хорошую литературу, время, как мне кажется, все расставит по своим местам.

Н. Т.: В Вашей творческой биографии много ярких моментов. А что из них, может быть, явилось для Вас решающим или переломным?

Л. В.: Вероятно, тот факт, что я в юности по случаю стала писать песни и вдруг влилась в мир шоу-бизнеса! Это как бы ножницы такие внутри меня: поэзия и песенное творчество, две моих ипостаси! А вообще, переломных моментов у меня в жизни было много, вот, например, никогда бы не подумала, что смогу превратить себя в ту «железную леди шоу-бизнеса», о которой постоянно упоминают во всех своих материалах обо мне наши журналисты! Уж слишком застенчивой я была когда-то, слишком романтической, и вдруг переломила себя, став жестким продюсером, создающим проекты артистов и даже всяческие шоу и праздники, которых устроила в Москве уже более пятисот!

Н. Т.: У творческих личностей часто бытует такое мнение, что их самое лучшее произведение — еще впереди. Согласны ли Вы с этим утверждением? И каковы Ваши творческие планы? Есть ли в них место на отдых?

Л. В.: Вообще-то вопрос о творческих планах это удар ниже пояса. Я свои планы, как правило, не озвучиваю, я их реализовываю. На самом деле, у меня их так много, что я просто не успеваю отдыхать, но я отдыхать учусь! Это большое мастерство, на самом деле — уметь отдыхать и отключать голову от творчества, которое и на отдыхе не дает покоя. Вот на днях я своим родным заявила: я отказалась от очень многих интересных и высокодоходных проектов на это лето, потому что я хочу отдыхать! Но сама-то я знаю, во имя чего я отказалась от дел и денег — ради творчества: хочу побыть собой, наедине с самой собой!

Н. Т.: Остается ли у Вас свободное время на чтение книг? Что Вы читаете? И кого можете выделить из современных поэтов или прозаиков?

Л. В.: Читаю много, жадно и почти все. И выделять никого не стану. Потому что мои пристрастия меняются, в зависимости от моих собственных состояний, мыслей и настроений, и мне бывает сегодня близко одно произведение, а завтра совсем другое. Единственное, что я не перевариваю, это жанры «фэнтези» и «триллер», все остальное — ок!

Н. Т.: Я знаю, что Вы любите путешествовать. А какие страны Вы посетили?

Л. В.: Я много поездила по свету: и Америка, и Европа, и Азия... Не подсчитывала количество стран, в которых побывала, да и ни к чему это! В Беларуси я много раз бывала и с гастроями, и с концертами, и на Славянском базаре в Витебске, и даже в таких небольших городах, таких, как Лида, например! В прошлом году осенью мы с моим нынешним мужем композитором и музыкальным продюсером Николаем Архиповым вдруг сели в машину и поехали на несколько дней в Минск! Так нам туда захотелось вдруг поехать, что мы сели и поехали! Остановились в «Дроздах», гуляли по столице Беларуси, встречались с минскими друзьями и хотим в этом году повторить такую поездку, потому что нам очень нравится нынешняя Беларусь! Надеюсь, что и в этом году поедим по всей Беларуси на машине, побываем в разных городах и селах, полюбуемся красотами, пообщаемся с хорошими людьми, ну и, конечно, поедим экологически чистые продукты!

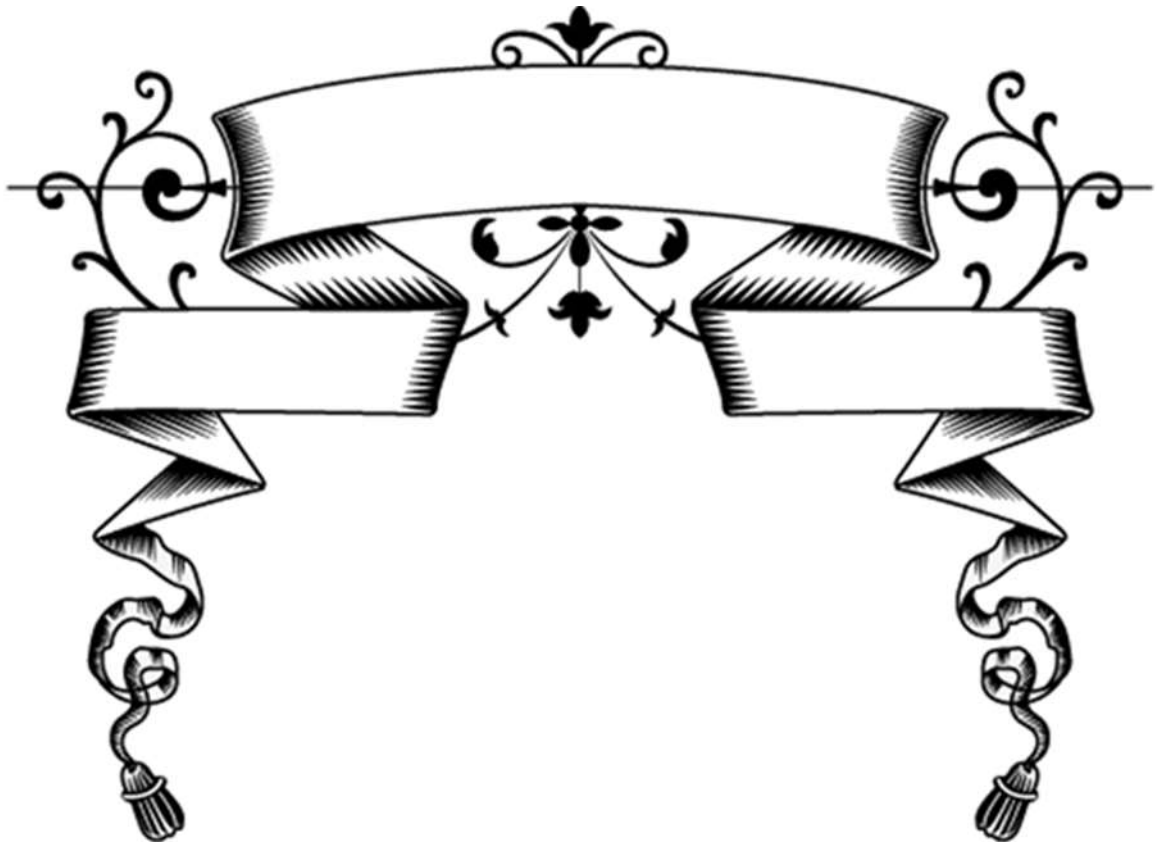
Н. Т.: Наша сегодняшняя беседа с Вами, настоящий подарок для всех Ваших поклонников. Мы будем ждать от Вас замечательных новых проектов и творческих побед. А что Вы Любовь, можете пожелать многочисленным читателям и авторам нашего альманаха?

Л. В.: Любите друг друга!

Семипалатинск — Москва — Семипалатинск

ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЕВГЕНИЙ ТАТАРНИКОВ
ДИНА ЮДИНА

КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
АНАТОЛИЙ АГЕЕНКО
АРКАДИЙ МАР

ТАМАРА ХАРИТОНОВА

Ольга АНДРЕЕВА

г. Тула

Ольга Алексеевна Андреева родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила механический факультет ТПИ в 1982 г. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член СХР. Наш постоянный автор.

СКАЗ ПРО ТО, КАК В ТУЛЕ САМОВАР ПОСЕЛИЛСЯ

Давно это было. Приехал как-то зимой в древний град Тулу, где оружейники жили чуть ли не в каждом доме, странный мужичок. На нем был заплатанный армяк, перевязанный веревкой, с которой свисала связка ключей от большого до малого. На голове овчинная шапка. Ходил по улицам и в ворота туляков ключами постукивал. Горожане из окон выглядывали и многие пальцем у виска вертели. Так он и бродил от одного дома до другого, пока не постучал в добротный дом молодого оружейника. Позвал тот бродягу к себе в избу. Как дорогого гостя встретил. К столу пригласил, на лавку под образа посадил. Молодая жена оружейника похлебку из печи достала, да перед путником чугунок поставила. Краюху хлеба отломил и гостя угостила. Перекрестясь, откусал путник. Хозяев поблагодарил. Из-за стола встал, в пояс поклонился, да к выходу направился.

— Куда ж ты, отец, собрался? Негоже в зимнюю ночь человека отпускать. Аль нехристи мы какие?! Милости просим, до утра у нас останься, в избе места всем хватит,— попросил оружейник.

— Вижу, вы люди добрые, работающие. Вон в избе лад да мир, порядок и чистота. Я на лавке под образами лягу, а чуть солнышко в окошко к вам постучит, далее пойду.

Загасила молодушка свечу. Тьма заполнила весь дом. Улеглись спать и супруги молодые, и старичок странный, только кот Мурлыка спать не пошел. По комнате на мягких лапках за лунным лучиком ходит, Скакнул лучик на связку ключей гостя. Заблестали, засверкали ключики. Кот к ним поближе подошел да рядышком улегся. Потеря мордочкой о ключик, и вдруг вся изба заискрилась таинственным светом, в лучах которого появилась небольшая деревянная дверь, выкрашенная белой краской. От этого света проснулись молодые хозяева дома, а их таинственный гость продолжал мирно посапывать на скамье, укрывшись овчинным тулупом.

— Феденька, глянь, че это делается? — с дрожью в голосе промолвила Маланья, обращаясь к мужу.

— Тише, тише, не шуми, гостя разбудишь.

— Ой, Федь, как светится, будто яркое солнышко за дверью спряталось. Может пойдем да глянем, что там кроется?

— И то дело, только, чур, я вперед пойду, а ты за мной вслед.

Тихо подошли они к двери, а она возьми да и откройся сама по себе.

Затаив дыхание, перешагнули наши герои порог и очутились возле крепкого, деревянного домика с резным крыльцом, расписными ставнями и кудрявым подзором. Отгляделись кругом и ахнули; мощной стеной величавые горы, укрытые густыми лесами, ограждали эту избу от ветров и вьюг. У подножья гор-великанов шумно стремилась вдаль прозрачная, говорливая и быстрая река.

Белые сугробы укрывали все это великолепие.

Не ощущая холода, пошли супруги по почищенной тропинке к крыльцу дома. Постучали в дверь. Да только на стук к ним никто не вышел. Толкнули дверь, она и запертой-то не была. Тихонько заскрипела и позвала нежданных гостей в дом. В избе взору наших героев предстала чисто прибранная комната, посреди которой стоял огромный дубовый стол. Вдоль стола широкие, длинные лавки, покрытые пестрыми, домо-ткаными дорожками. В красном углу под иконой тихо догорала свеча. В центре стола гордо возвышался какой-то медный сосуд с короной на голове, подбоченившийся резными ручками, а из пуза торчал небольшой краник. Из короны выходил густой, белый пар. Внутри у него что-то кипело и ворчал. Вокруг медного старшины сгрудились чашки, блюдца, миска с румяными пирогами, аромат которых заполнял всю комнату. Путники прошли вдоль стола и в конце комнаты увидели низенькую дверцу, заглянув за эту дверь, нашли там мастерскую с верстаками, молотками, клещами, чурбачками. На столе, поблескивая теплым светом, лежали несколько медных листов. Рядом, явно дожидаясь дальнейшей работы, стояла медная широкая труба.

Пока наши молодожены осматривали дом, в сенях послышался топот тяжелых сапог. По звуку людей было двое. О чем-то шумно переговариваясь, хозяева тяжелых сапог вошли в избу.

Федор да Маланья вышли из мастерской навстречу незнакомцам.

— Гляди, Мирон, да у нас гости! — обращаясь к своему сыну, сказал рослый, крепкий мужик с кра-

сивой кудрявой бородой. Это был хозяин дома.

— Мир вашему дому,— хором проговорили туляне. — Мы постучали, да никто нам дверь не отворил. Так у вас в дому и очутились. Я Федор, а это жена моя Маланья.

— Ну а я Евлампий, а это сын мой Мирон. Добро, будьте гостями и милости просим к нашему столу. Будем чай пить. Хозяйки то моей с малыми пока дома нет, они у ейной матери в соседнем селе гостят, а мы со старшеньким за домом остались приглядывать. Да и работы у нас много.

Сняв корону с медного толстяка, Евлампий подбросил внутрь горсть щепочек, которые принес в дом.

Все удобно расположились за столом, на лавках. А хозяин взял кружку, поднес ее к пузатому прибору, повернул краник, и потекла из него горячая, пышущая паром и дышащая травяными ароматами вода. Удивленно переглянулись Федя и его жена.

— Угощайтесь, гости, нашим уральским чаем. Траву сами в лесу собирали и вот в этом самогрейном чуде заваривали.

— Никогда такого чуда не видывал,— восхищенно произнес оружейник.

— Да уж! Я сам его смастерил по одной книге. А ты грамоту разумеешь ли, Федор.

— Чтению обучен, чертежи толковать могу. Я ж по оружейному делу у себя в городе промышляю.

— Добро, добро, ты чаек -то наш пей, а то простынет, аромат уйдет, вкуса такого не будет,— ласково проговорил Евлампий.— Вижу в глазах твоих большой интерес к моему прибору.

— И то верно, уж больно мне хотелось бы побольше о нем разузнать.

— Будь по-твоему. Я полагаю, чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Покажу тебе свою книжицу, как только почаявничаем.

Напившись чаю, покрасневшись, чаевники дружно вышли из-за стола и последовали за Евлампием в его мастерскую. Подошел уральский мастер к окну, взял с подоконника лежавшую там толстенную, обтянутую кожей книгу, и протянул ее Федору.

Открыл Федя драгоценный фолиант, а там самогреи разные со страниц хитро на Федюшу поглядывают. Вот самый древний из Китая поклон передает, другой свой горячий привет из древнего Рима шлет, а вот небольшой, но очень кудрявый из самой Персии улыбается. Глядит Федор на эту красоту, глазам своим не верит.

— Неужто самогреи еще до Рождества Христова люди знавали, да и чай из них пили? А мы до сих пор о том не ведали?!

А в книге-то не только картинки и описание чудо приборов, там и чертежи зарисованы были.

— Могу ли я просить у тебя, Евлампий, чертеж самогрея зарисовать?

— Вот тебе карандаш и бумага, коль сможешь, то зарисуешь.

С усердием начал переносить оружейник чертеж на бумагу.

А тем временем послышался чуть слышный звон ключей.

— Никак кто-то ключами позвякивает,— промолвила Маланья.

Но никто не обратил на то никакого внимания. Звон повторился вновь.

— Нет, явно кто-то ключами звенит,— не умолкала молодуха.

К этому времени закончил тулянин свою работу. В третий раз раздался звон ключей.

— И то правда, будто кто-то зовет кого-то,— проговорил Мирон.

Все переглянулись и увидели в окошке, на снегу ярким светом искрящуюся дверь.

— Ведать, это — знак, возвращаться нам срок вышел,— тихо произнес Федор.

— Благодарим за все,— кланяясь в пояс, произнесли нежданные гости,— да только нам домой, в Тулу пора.

Вышли все во двор прощаться.

Дверь мерцала золотистым светом, как бы говоря: «Поторопитесь! Поторопитесь!».

Поклонясь до земли свои новым знакомым, шагнули Федор да Маланья за дверь. А та на глазах уральцев как дым и растаяла.

Вновь в своей избе оказались туляне. Огляделись вокруг. Солнце ярко в окна светило. Кот мирно на сундуке спал, только на лавке было пусто. Ночного путника нигде не было, вроде он у них не ночевал вовсе. Да только в руках у молодого хозяина листок с чертежами диковинного самогрея остался.

Крепко задумался он. Загорелось оружейнику к работе побыстрее приступить. Заготовил медных листов. Изготовил киянки деревянные разных размеров от малого до большого. Смастерил ножницы, чтоб металл резали, и закипела у него работа.

С раннего утра до позднего вечера металл гнул. В трубу заворачивал. Клепал, паял, форму придавал. Стучал, резал, по чертежам мастерил. Месяц трудился, и вот, наконец, из-под его умелых рук вышел блестящий, золотом отливающий первый в Туле самогрейный прибор. Обрадовался сам и жену порадовал.

Стали они чай в чудо-сосуде заваривать, да с крендельками и пирогами пить, да Евлампия добрым словом поминать.

Но вот Маланья призадумалась. Молчаливой стала.

— О чем, жена, думу думаешь? О чем кручинишься? — спросил Федор.

— Я вот о чем мечтаю, что если к делу твоему братьев родных привлечь? В несколько рук дело быстрее бы спорилось. Да и в Туле такого никто не видывал. Глядишь, и дело свое справишь.

— И то правда. Дело советуешь, Маланьюшка. Поговорю с братьями.

Позвал своих родичей. За стол усадил. Из медного толстяка чаем напоил и про Маланьину думу поведал. С радостью братья приняли ту думу и порешили: создать артель по изготовлению «Чайновара». На Урале самогрей, а у нас чайновар будет!

Стали с тех пор в нашем городе разные артели появляться, которые чайновары по-своему делали. И на всю Россию, да что ж Россию, на весь мир Тулу прославлять стали.

Это и Баташевы, и Даниловы, и Зябревы, и Кобылины, Лялины, Лисицины, Панаргины, Полосатовы, Шемарины и Фомины. И название чайновара со временем изменилось, стал он САМОВАРОМ называться. И в Тулу с того времени со своим самоваром не ездят, а из наших чай пьют, да Тулу хвалят!

19.03.2020г.

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

г. Санкт-Петербург

новый автор альманаха «Ковчег».

Крестьянкина Кира Сергеевна пишет для детей и для всех, в ком живет ребенок. Неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Печатается в альманахах: «Иван-Озеро», «Ковчег», «На крыльях «Пегаса», «Сказки пряничного городка», «Пегасик», в газете «Крылья души», журналах: «Приокские зори», «Детский городок». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЧЕЧЕТКА (Сказка)

Жил да был лягушонок, который хотел бить чечетку. Но все вокруг говорили:

— Что за глупости? Не лягушачье это дело! Как ты собираешься этим заниматься? У тебя нет копыт. И вся твоя чечетка — это шлепанье по воде. Выкинь эту ерунду из головы и присоединись к своим братьям. Они выводят чудесные трели по вечерам. Лягушачий хор! Что может быть интереснее?!

Но лягушонок не соглашался, он не пошел в хор, продолжая грезить своей мечтой.

Когда никто не видел, он выпрыгивал на плитку и шлепал по ней задними лапками, пытаясь выстукивать ритм.

Чувство ритма, несомненно, было ему присуще. Но настоящей чечетки все же не выходило. Оно и не удивительно, лапки лягушек мало были к этому делу приспособлены, но лягушонок не отчаивался. Каждую ночь, когда братья уже посапывали в две дырочки, он выпрыгивал на плитку и продолжал тренировку. Проходя мимо, можно было услышать ритмичные шлепки по земле. И если бы кто-то захотел узнать об источнике этих звуков, то, раздвинув высокую траву, он увидел бы лягушонка, который отбивает чечетку в лунном свете...

А днем каждый раз, когда лягушонок проходил мимо, братья смелись над ним. Кричали ему вслед:

— Царь чечетки идет.

— Смотрите, это же царь чечетки!

Конечно, лягушонку было обидно. Но он ничего не отвечал обидчикам, а скакал дальше. А когда стало особенно грустно, ему на помощь прибежал друг. Хотя слово прибежал тут не совсем уместно. Ведь его друг был черепахой. Могут ли черепаха и лягушонок быть друзьями? Конечно, да!

Разве есть правила, запрещающие это? Не важно, что один из них носил на спине панцирь, а второй высоко прыгал. Они были настоящими друзьями.

И вместе их можно было встретить и на суше, и под водой. Они часто были вдвоем. Несмотря на разницу в скорости перемещения, разницы в образе мышления у них не было. Кто-кто, а они-то друг друга понимали...

— Слушай, лягушонок, тебе нужно что-то делать с лапами, — сказала однажды черепаха.

— Что ты имеешь в виду? — Не понял лягушонок.

— Ты ведь бьешь чечетку, но тебя совсем не слышно. Не подходящие у тебя для этого дела лапки, понимаешь?

— Да уж, — вздохнул лягушонок. — Это я понимаю, как никто другой. Но что я могу сделать?

— Вот об этом нам с тобой и надо поразмыслить.

И принялись они думать.

И стоя думали.

И лежа.
И плавая.
И во время еды.
И во время игры.
Молча думали.
И вслух.

Пока, наконец, черепашка не сказала:

— Камешки! А почему бы тебе не смастерить себе ботинки при помощи камешков! Они будут стучать по каменной поверхности, а это создаст нужный звук.

И они принялись собирать материал для чечеточных ботинок! Потратили на тщательный отбор весь день. Навыков шитья обуви у них, к сожалению, не было, поэтому, они решили воспользоваться помощью знатного обувщика.

Это была сороконожка. У нее столько ног, и каждая должна быть в тепле и комфорте, поэтому она научилась делать отменную обувь. Вот к ней-то и обратились наши лягушонок и черепашка.

Немного поворчав о небывалом заказе, сороконожка все же решилась сделать пару обуви для лягушонка из принесенного друзьями материала. На самом деле она любила преодолевать трудности, а небывалый обувной заказ — это как раз то, что нужно для поддержания ее профессионализма.

Три дня упорного труда, и сороконожка преподнесла лягушонку его чудо-обувь прямо на подносе, и даже ленточкой перевязала.

Лягушонок и черепашка не скупилась на слова благодарности. Оставив сороконожку довольную и счастливую, они поспешили на плитку, им не терпелось испробовать башмачки.

Лягушонок сначала примерил свою обновку, она оказалась впору! А потом выпрыгнул на каменные плиты. И задал такой ритм, что у черепашки дух захватило. Звук был громкий и четкий! Он разносился по всей округе, и вот то из одного куста, то из-за другого стали появляться его собратья-лягушата и с удивлением глядеть на это представление.

А лягушонок ни на кого не смотрел, он просто бил чечетку так, как ему подсказывало сердце. Слушая музыку в своей голове и отбивая ее ритм.

Действовал он так ловко, что присутствующим стало совестно за их издевки над лягушонком. Ну, может, и не всех совесть стала мучить (ведь она, к сожалению, у некоторых отсутствует), но большинство осознало свою неправоту по отношению к этому, как оказалось, талантливому лягушонку.

А вот черепашка смотрела на лягушонка с нескрываемой гордостью.

Мы не знаем, что станет с лягушонком и его чечеточным талантом дальше, но сейчас он занимался любимым делом! Несмотря ни на что, он продолжал свою чечетку. И с этими ботинками, наконец, смог бить ее по-настоящему хорошо. Мечта его сбылась, и он был рад.

А еще он был рад, что у него есть черепашка, и она будет с ним тоже несмотря ни на что...

Иллюстрация к сказке художницы Е. Рамсдорф (Германия)

Евгений ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск

Татарников Евгений Феликсович родился в Удмуртии в 1959 г. После школы в 1976 г. поступил МВТУ им.Баумана, которое окончил в 1982 г. и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 г. окончил Высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии.

Подполковник милиции в отставке. Любимый жанр — юмористические рассказы. Любимые писатели: В. М. Шукшин и Н. В. Гоголь. Постоянный автор нашего альманаха.

ОДИН ДЕНЬ ЖЕНЬКИ — ПЕРВОКЛАШКИ В «ДЕТСКОМ МИРЕ», ИЛИ МОСКВА ГЛАЗАМИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПАЦАНА (Иронический рассказ будущего школяра)

Москва, август 1966 года.

Солнце встало, как и положено ему в середине августа, около четырех утра, потянулось «от души» где-то часов до шести и своими зевающими лучами достало до меня: «Вставай, Женька, сегодня у тебя ответственный день, поедешь в «Царство игрушек», веди себя там прилично, ты все-таки приехал в Москву, не срами удмуртов!».

В Москву мы с мамой приехали на поезде Ижевск — Москва и остановились у дальних родственников в Балахише. Они жили в двухкомнатной квартире и нас поселили в темной комнате, где не было света, было мало воздуха и стояла одна большая кровать, больше места там не было. Мама сказала, что нам крупно повезло, а в чем, я понять не мог. В те давно и незаслуженно забытые годы, приехать в гости к дальним родственникам без звонка или письма, как говорится «свалиться на их голову незваным гостем», было также легко, как сходить в магазин за молоком. В Москву мы приехали специально, чтобы купить кой-какие вещи, которых у нас в городе «днем с огнем не сыщешь». Мне надо было что-то купить в школу. И это что-то вылилось в такой список, что у мамы устала рука его писать. Батя, глядя на список, чесал затылок, прикидывая в какую сумму это все выльется: в две, в три зарплаты. И кумекал, что бы из него вычеркнуть, чтобы сэкономить.

— Вот, циркуль для чего он ему? Купим дома «козью ногу» ему за пять копеек, пусть ею круги рисует. Пластилин разноцветный ему зачем? Из глины рыжей пусть лепит зверюшек или что-то другое, что душе приятно.

— А мне баранью ногу купите,— мурчала кошка Муська, трясь о ногу отца.

— Брысь, не до тебя сейчас. Точилку, мать,— вычеркни, я ему карандаши ножом заточу так, что... Лога-лога-рифмическая линейка, зачем она ему? Купим простую деревянную линейку, пусть ею рисует прямые линии. А рифмы пусть ему объяснят на уроке чтения.

— Ранец,— читал отец по списку, соображая, что это означает.— Жень, может, тебе портфель купим? Я в школу с портфелем ходил.

— Феликс (мой отец), ранец — это и есть портфель, только его еще можно надеть на спину, как рюкзак. Удобно ведь, руки свободны будут у Женьки,— парировала мама.

Отец еще долго правил список, но по деньгам он уменьшился совсем чуть-чуть.

Сестре Маринке — в детский садик что-то надо купить к утреннику «Проводы лета», да и родители позносились к своим не старым летам так, что страшно смотреть на них было, как они сами сказали. В 60-е годы ведь как было на Руси — пока не износишь какую-нибудь вещь, которой сносу нет, и пока она не изнашивается от повседневной носки, что ее уже и штопать невозможно, рвется от ветхости в разных местах, и только тогда купят новую вещь, и радости — «полные штаны» у всех! В те времена штопали все, что можно, возьмет, бывало, бабушка «лампочку Ильича», натянет на нее свой заношенный до дыр чулок или мой рваный носок и давай штопать его бедолагу с разных сторон.

Перед закрытой дверью магазина

В 8-00 мы с мамой подошли к «Детскому миру», где уже толпился народ. Как писал журнал «Огонек» в 1957 году, что в «Детском мире» есть все, «... что нужно человеку со дня рождения до окончания школы и получения аттестата зрелости». мрачное массивное здание, где в гигантских витринах стояли ребята в

школьной форме, за которой мы и приехали сюда. А еще в витрине стоял большой башенный кран, собранный из конструктора. Я посмотрел вверх, где в гигантских окнах магазина, как в кукольном домике, увидел сказочную жизнь, которую я до этого никогда не видел.

— Мам, сколько тут этажей? — задрал голову, спросил я ее.

— Сосчитай сам, ведь через две недели в школу пойдешь, — ответила она машинально, так как была сосредоточена на открытии дверей магазина, а тут главное не зевай, кто первый — того и товар!

Она крепко держала меня за руку, а я считал этажи — насчитал семь.

Перед закрытой стеклянной дверью стояли бабульки, они, не обращая ни на кого внимания, тихо переговаривались:

— Недавно здесь купила внучке интересную куклу: глазки сами закрываются, когда хочет спать, «мама» говорит, когда кушать хочет! Внучка так обрадовалась подарку, что три дня в садик не ходила.

— А «па-па», че она совсем не говорит?! Ну, плохая значит кукла...

Я развесил уши, как слон, и «грел их», как говорил мой отец, думая, что, может, мама купит мне тот башенный край, который я увидел на витрине. Он, наверное, разборный, довезем до дома как-нибудь, а там нас папка встретит, вот обрадуется-то. Недалеко от меня прыгал воробей и чирикал: «Женька, знаешь, как внутри там, в «Детском мире», здорово: доктор Айболит, жирафы, обезьянки прыгают по пальмам, а какие там вкусные морожки...».

Но тут открыли двери, и крепкая мамина рука затащила меня в это мир, в котором я никогда не был, а когда оказался там, откуда потом уходить не хотел. Когда дети попадают туда с родителями, у них разбегаются глаза от обилия игрушек. Конечно, там было все для детей: школьно-письменные принадлежности, обувь, одежда, головные уборы, книжки и много чего еще. Ну, и конечно, главное — игрушки и игры! Там каждый день продавался какой-нибудь «дефицит». Слово, какой-нибудь здесь не уместно, дефицитом в 60-е годы было все! Чтобы что-то купить в «Детском мире», надо было отстоять пару лестничных пролетов в очереди, а ребенку обязательно съесть морожку в вафельном стаканчике, при этом испачкав себе все лицо и руки. И, конечно, покататься на эскалаторе, что людям из «глубинки» вообще было в диковинку, это было для них как «мост в Космос».

В мире Детства

— Мам, мам, купи морожку. Я есть хочу! — кричал я, дергая ее за рукав. Рядом в очереди за школьной формой тоже стоял пацан с матерью, примерно моего возраста, и, наверное, тоже будущий первоклассник и так блаженно слизывал «белую шапку» с морожки в вафельном стаканчике, что я чуть не поперхнулся слюной. Он был в синей матроске, в штанах на лямках, на голове бескозырка с ленточками, на которых красовались якоря. Мне так и хотелось крикнуть ему: «Эй, моряк, с печки бряк! Ты долго плавал?...».

— Жень, обязательно куплю, потерпи немножко. Вот скоро наша очередь подойдет, купим тебе костюм в школу, а потом уже морожку, которая от тебя никуда не убежит, а костюмы могут закончиться и тогда что? В 1-й класс в чем пойдешь? В чем в детский сад ходил, в матроске и в штанах на лямке?

Мне очень хотелось пойти в школу. Я уже знал несколько букв и умел считать до ста, и считал, что я уже подготовлен к школе! Такими же способностями, как у меня, обладали все мои друзья во дворе, которые 1 сентября тоже пойдут в 1-й класс. Я несколько не переживал, что не умею читать, зато я умел считать деньги. А школа, я считал, на то и школа, чтобы меня всему научить, когда придет время. Зато я знал, что такое карбид, его можно взрывать, из селитры можно сделать патрон для «поджига», а черный гудрон просто жевать. Это были первые мои познания в химии, и этого добра в каждом дворе было «девать некуда».

— Ну, вот, Женя, подошла и наша очередь, — сказала мама через час, как я запросил у нее морожку. — Пойдем мерить костюм. Я думаю, тебе подойдет темно-синий цвет. Глаза у тебя голубые, белая рубашка и темно-синий костюм — просто красота.

Ее глаза светились от счастья, будто мы в лотерею «ДОСААФ» выиграли холодильник «Бирюса» или, на «худой конец», рублевку. Честно говоря, мне было сейчас по фиг, хотелось морожки с розочкой из крема сверху или в крайнем случае — фруктовое мороженое за семь копеек.

Пацан, смолотив уже морожку, лизал петушка на палочке и тоже выбирал вместе с матерью костюм. И мне захотелось, чтобы этот «петух на палочке» закукарекал на весь «Детский мир», но этого не произошло, и я взял и состроил ему рожицу, высунув язык.

— Жень, ты что кривляешься, как обезьяна? Встань прямо, выпрямись... Брюки, смотрю, тебе длинные. Ну, ничего, дома подошьем, когда подрастешь — распустим, и до 3-го класса в них проходишь. Рукава как раз. Ну-ка, застегнись на все пуговицы. Ну как, нравится?

— Нравится! Только брюки спадывают. Надо еще и ремень купить.

— И этим ремнем тебя отжогать. Ты кому там рожицы корчишь? Язык высунул?

— Никому, просто пить хочу. Мам, пойдём, газировки попьём с грушевым сиропом.

Пацан, засунув всего петуха в рот, показал мне кулак. Костюм, который ему примеряли, был явно мал для этого кабанчика. Я хотел ему показать «обезьянку», сгримасничать, и уже приготовился это сделать, как по внутреннему радио «Детского мира» объявили, что в секцию «Обувь» завезли сандалии размеров: 32, 34, 36.

— Жень, у тебя какой размер обуви?

— 45, мам! — ответил я, и все-таки сделал «обезьянку» этому пацану.

Мама посмотрела на мои разношенные сандалии уже неопределенного цвета и размера, и сказала сама себе: «Ага, 32-й размер, но купим на размер больше, вдруг за лето нога еще вырастет».

— Девушка, заверните нам этот костюм.

Оплатив в кассе покупку и получив серый бумажный сверток, где был мой темно-синий костюм, мы галопом, как савраски, поскакали в секцию «Обувь» за сандалиями, пока их не раскупили.

— Mam, морожку ведь обещала купить?

— Потом, потом. Ты в школу босиком, что ли, пойдешь? Твои сандалеты скоро развалятся.

— Не хочу я босиком, хочу в лаптях.

— Не ерничай, некогда нам этим заниматься. Бежим. Женщина, а где здесь секция обуви? А не знаете...

И вот мы несемся, как очумелые, не зная куда, но зная за чем.

— А вон, Жень, «хвост» какой-то торчит. Может, это за сандалиями?

— Mam, это хвост павлина торчит, из отдела «Игрушки».

— Жень, не говори всякую ерунду. Женщина, очередь за чем стоит? За сандалиями? У-уф, ой хорошо, нашли. Я за вами. Жень, от меня ни на шаг, понял?

И тут как раз по радио объявили: «Потерялся мальчик Витя Попов, трех лет. Граждане, кто его видел, просьба привести в комнату матери и ребенка, которая находится на третьем этаже». Малышня здесь терялась каждый час. Я опять стоял в очереди и глазел по сторонам, а что мне еще оставалось делать? Вокруг меня туда-сюда сновали взрослые со своими домочадцами. В руках у них были большие и маленькие свертки из серой бумаги, перевязанные бечевкой или авоськи, из которых торчала всякая чепуха. А кто-то был вообще с большим чемоданом, может сразу с вокзала и сюда, а «ночной лошадью» — электричкой опять домой на Рязанщину или Смоленщину. У взрослых на лицах были улыбки, а дети просто святились от счастья, тысячами маленьких солнц. Вон пацану купили металлический «Конструктор» в большой коробке, и скоро дома он построит свой первый в жизни подъемный кран или другой какой механизм. А вон девчужке лет трех отец тащит трехколесный велосипед, и скоро во дворе на зависть всей детворе под присмотром бабушки, она будет нарезать свои первые круги на трехколесном, как у нас говорят — драндулете.

Пока я маялся от безделья, стоя в очереди, нашел под ногами пятак и тихо спрятал в карман. Теперь у меня в запачке сорок пять копеек! Я же говорил, что умею считать деньги!

— Mam, а что можно купить на сорок пять копеек?

— Тебе это зачем? — строго спросила мама.

— Да так просто.

— Полкило сахарного песка, пятнадцать стаканов газировки с сиропом. А еще где-то здесь можешь брызнуть на себя одеколоном из специального устройства сорок пять раз. Мне рассказывали дома про это устройство, но я забыла, где оно стоит в «Детском мире».

— А пистоны можно купить?

— Жень, ну, чем там у тебя голова забита?

— Гвоздем, мам...

Экскаватор — эскалатор

— Mam, пойдём на экскаваторе покатаемся.

— Что еще придумал? Где ты его здесь видел? — удивленно спросила мама и так посмотрела на меня, как будто впервые видела.

— Да, он здесь есть, я слышал вон от той девчонки, которая с куклой идет, как они с дедом на лестнице катались, которая сама движется вверх-вниз, ну, как в метро.

— Эскалатор, наверное, ты хотел сказать... Женщина, простите, где здесь экскаватор, сын хочет...

— А, я его видела на первом этаже в секции игрушки, где еще этот жираф стоит, рядом пальма, а по ней обезьянка лазит. Вот там экскаватор, такой большой, ковш у него еще поднимается-опускается.

— Спасибо. Ну, вот, Женька, опять ты меня душой выставил. Экскаватор, эскалатор я сама уже запуталась. Сейчас выйдем из «Детского мира», и на Курский вокзал в метро на экскаваторе поедешь.

— В кабине, да, мам? Вот папка обрадуется.

— Не то слово, Жень, он просто обхохочется над нами, когда мы ему расскажем...

Эскалатор мы так и не нашли, вернее, не искали, не до него было. Говорили, что они есть, и их даже четырёхнацать штук, ширина лесенок у них в полтора раза уже, чем в метро. И, в отличие от метро, там не было у эскалаторов бабушек в будках (дежурных). Кстати, эскалаторы работали только на подъем, по моему, до третьего этажа, а спуск — будьте любезны, пешочком по примыкающим к эскалатору лестницам. Мимо прошла девчужка, прижимая к груди мягкую игрушку — неведомую зверушку. На голове два больших белых банта. У меня рука сама потянулась, чтобы ее дернуть за бант. Но тут я увидел более интересное...

— Mam, мам, смотри, негры идут. Откуда они тут?

Я их вживую и так близко увидел первый раз и так возбудился, что не знал что делать. Их было трое. Высокие, худые, зубы и глаза белые. Вот и все, что у них было белого.

— Да не кричи ты так дуrom, люди ведь на нас смотрят. Скажут, че это за деревня бескультурная сюда приехала. Ну, идут негры, и пусть себе идут на здоровье. Они что, не люди что ли? Им что ползти нужно? Из Африки они, наверное, идут, откуда им еще идти. И пальцем не показывай, убери его куда-нибудь...

— Куда я его уберу, в нос, что ли, себе засуну?

— Засунь его в другое место какое-нибудь... Ну, вот зачем я тебя в Москву взяла, говорил отец: «Оставь этого обормота дома, там он тебе все нервы вымотает на кулак или в милицию попадет, вести-то он себя нормально не умеет». — Да, прав он был, как всегда.

— А кто тогда мерил бы школьную форму мне? Негры вот эти, да?

— Палец из носа убери!.. Товарищ продавец, покажите нам вон те синие сандалии 32-го размера... Что, Жень, жмут, да? А 34-го размера нет, да?.. Все разобрали!? Все, Жень, в школу в лаптях пойдешь, как ты и хотел. Пошли за морожкой! — сказала мама и, схватив меня за руку, опять потащила незнамо куда.

Когда мы вышли на улицу, в лучах солнца я увидел голову старика с бородкой «клинышком», он с прищуром смотрел на меня, как бы спрашивая: «Женя, а ты хорошо подготовился к школе?». Я так испугался, что на всю улицу заорал:

— Мам, ранец забыли купить!!!

— Что кричишь, как ошалелый, народ ведь кругом ходит. Купим еще, не завтра ведь домой в Ижевск едем, в ГУМе, ЦУМе еще не были, говорили мне, что еще какой-то Пассаж есть.

— Мам, я тоже не знаю никакого пассажа. Пассатижи знаю, у отца они есть.

— Ладно, Жень, не умничай, и Пассаж найдем, и ремень там тебе купим...

За спиной старика с бородкой заходило солнце, и над его головой образовался золотой нимб, от которого исходили маленькие лучики.

— Мам, это кто, Бог, да? — глядя на памятник с нимбом, спросил я.

— Не болтай всякую ерунду. Жень, это памятник Дзержинскому. — И мама пристально на меня посмотрела. — А что ты так, Жень, на памятник уставился, твой папка-фантазер говорил как-то, что это его дед был Феликс Эдмундович Дзержинский.

— Мам, это как?

— Отец у тебя, кто? Феликс. Вот в честь его и назвали отца.

— А дед отца был хороший?

— Для кого как. А вот у нас с тобой день прошел никак.

— Что это никак? Школьную форму мне купили. Купили, вот так.

Я долго еще смотрел на памятник, и повторял про себя: «Феликс Эдмундович, мы хорошо подготовимся к школе...хорошо».

— Жень, завтра папке свитер поедem покупать.

— В Детский мир, мам, опять?

— Нет, Женя, в ГУМ.

Фруктовая морожка

В тот день мама все же купила мне морожку, о которой я канючил целый день в «Детском мире». Купила в киоске «Мороженное» у метро «Площадь Революции». Это было фруктово-ягодное мороженное за семь копеек, розового цвета в бумажном стаканчике с палочкой. В Ижевске у нас такое мороженное не продают, а может, и продают, я его просто не видел никогда. На мороженном лежала какая-то бумажка, довольно тонкая, с какими-то надписями. А так как я читать еще не умел, то взял ее и выбросил на асфальт.

— Жень, ну-ка подними. Что безобразничаешь перед самым Мавзолеем, заберут сейчас нас с тобой в каталажку, привык у себя там, в Ижевске... — Не подобрав дальше слов, она дала мне легкий подзатыльник, и я подобрал несчастную бумажку и положил ее себе в карман.

— Ну, что всякую дрянь в карман суешь, для этого они у тебя? Иди в урну выброси, — бухтела мама.

— Мам, а где тут Мавзолей, ты сказала?

— Женщина, как нам к Мавзолею пройти, сын хочет посмотреть на него.

— Вон исторический музей красного цвета пройдете. Видите, на нем еще лозунг висит... не помню какой, и сверху по булыжной мостовой выйдете на Красную площадь, а там увидите и Мавзолей, и лобное место, и храм Василия Блаженного.

Я лизнул морожку и скривился в лице.

— Мам, ты что мне купила? Я ведь просил морожку, как в «Детском мире», купить, белую, в вафельном стаканчике, с кремовой розочкой сверху, — ковыряя палочкой стылую жижу, канючил я.

— Жень, тебе, как всегда, не угодишь. Ладно, не канючь, в этом ларьке такого мороженного, как в «Детском мире», не было. Завтра пойдem в ГУМ, покупать отцу свитер, а тебе купим морожку. Там, говорят, мороженое еще вкуснее, чем в «Детском мире». А пока ешь эту — фруктозу, в ней больше витаминов, там же ягоды, правда, я не знаю какие, кажется, на смородину похожи по вкусу. Если не хочешь, давай я съем сама.

— Нет уж, мам, я сам съем.

Проходя мимо исторического музея, я увидел, что бабульки продают корм для голубей и народ их кормит. Один нахальный сизый голубь прыгал между моих ног и гулькал: «Жень, купи мне корма, я три дня ничего не ел».

Я сам с утра «маковой соломки» во рту не держал, кроме фруктового мороженого, но сказал другие слова:

— Мам, купи корма вон для этого голубя.

Тот склонил на бок голову и стал думать: купят, не купят.

Бабка сразу сказала нам:

— Вот, пожалуйста, пятьдесят копеек за кулек.

На что мама сказала:

— Жень, еще чего? Если всех дармоедов кормить будем, мы в Москве без штанов останемся и ничего не купим: ни тебе, ни отцу... Жень, отойди уже от этого воробья и выброси, наконец, эту палочку от мороженого, что ты ее все время жуешь?

— Я есть хочу, вот и жую эту палочку... А у нас, мам, в городе совсем другие голуби.

— Какие другие? Жень, перестань, они везде одинаковые — бездельники. А ну, кыш.

— Мам, откуда в Москве столько голубей? У нас в Ижевске гораздо меньше.

— От нас прилетели сюда, вот их в Ижевске и меньше стало.

— Голубей в Москве стало много после Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходил здесь в 1957 году,— услышали мы голос бабульки, которая стояла рядом и торговала кормом для голубей.

— Мам, а что такое фестиваль?

— Жень, фестиваль — это когда всем весело,— ответила грустно мама.

— Мам, а эта очередь за чем? — спросил я, когда увидел ее, но не видел ни начала, ни конца. Она как змея извивалась и не знамо откуда ползла.

— Жень, не за чем, а куда. Это очередь в Мавзолей Ленина.

— Мам, давай в Мавзолей сходим, я Ленина хочу посмотреть. Колька во дворе рассказывал, что он там, как живой лежит.

— Мертвый он там лежит, но как живой. Как говорят в народе: «Живее всех живых». Ну что, будем в очереди стоять в Мавзолей или домой поедем?

— Нет, мам, что-то я боюсь мертвых, поехали лучше в Балашиху, ноги уже меня не держат, так сегодня находился.

И тут вдруг на Спасской башне забили куранты. Я аж вздрогнул.

— Жень, смотри, сейчас начнется смена караула у Мавзоля. Вон, вон идет почетный караул.

Со всех закутков Красной площади к Мавзолю бежал народ.

— Мам, где, где они идут?

— Да вон, три солдата с винтовками идут. Ты, где не надо, видишь хорошо, а тут ничего не видишь. Смотри, как красиво идут.

Начались вспышки фотоаппаратов иностранцев, у наших-то «фотиков» их еще практически не было, мы только хотели иметь их. Я хотел поднять свою ногу, как они — высоко, и поднял ее почти до своего носа, а потом рухнул на булыжную мостовую, как сраженный пулей.

— Ну, все, на сегодня хватит мне твоих концертов,— сказала мама, поднимая меня с камней Красной площади.

Так закончился мой первый день в Москве, и мы поехали на Курский вокзал, а оттуда в Балашиху в свою темную комнату.

Анатолий АГЕЕНКО

г. Омск

Агеенко Анатолий Андреевич родился на Сахалине. Окончил Иркутский государственный университет. Около 120 публикаций в центральной печати по вопросам экологии, экономики и статистики. Член союза российских писателей, член Русского географического общества.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

День был летний, жаркий, к вечеру томный от исходящего жара разогретой земли, песка и даже обомлевших деревьев. Лишь одно море веяло прохладой, неумоимо и жадно поглощая источающееся отовсюду тепло. Туда к небольшой бухточке подальше от пышущего зноем меленького портового городка гнал Лешка свой велосипед, нажимая на педали.

Дорога к морю то петляла по лесу, пересекая не раз один и тот же ручей, то выбегала на прогалины и снова ныряла в лес, то прижималась к сопкам, то отдалялась от них и, наконец, вырывалась на простор прибрежной морской равнины. Невдалеке серебрилось море, и уже слышался отдаленный шум прибоя. Еще несколько десятков метров и колеса велосипеда увязли в песке. Седок ловко соскочил на горячий песок, повел велосипед перед собой и, миновав небольшую полоску зарослей шиповника, очутился на берегу. От моря тянуло долгожданной прохладой, и Лешка поневоле вздохнул несколько раз полной грудью.

Несмотря на свой юный возраст, Лешке едва исполнилось двенадцать, он уже знал толк в уединении, ему свойственна была задумчивость, он подолгу мог предаваться романтическим грезам, и потому ничего удивительного не было в том, что на уединенном пляже в будний день он оказался один. Лешка деловито огляделся. В той части бухты, где впадал ручей, тот самый, который попадался ему по дороге, кстати, превратившийся на прибрежной равнине в небольшую речушку с чистой и прохладной водой, с визгом и криками неудержимого восторга плескались на мелководье мальчишки и девчонки близ расположенного пионерского лагеря. Больше ничего примечательного на пляже он не заметил. Лешка, не мешкая, разделся и направился к мосткам, уходящим в море метров на двадцать. Несколько пар глаз, кто с любопытством, кто с завистью, уже наблюдали за ним.

— Смотрите, смотрите! Наталья Николаевна, а мальчик нырять сейчас будет,— услышал Лешка за спиной детские голоса на распев.— Ему так мо-ож-но, а нам так нель-зя, не разреша-е-те.

Лешку распирало от гордости и независимости своей свободы.

— Смотрите-смотрите,— проговорил он,— сейчас не то еще увидите.

Меж тем он разбежался по мосткам и прыгнул на край доски, свисающей над водой. Доска спружинила под весом мальчика, готовясь немедленно распрямиться. Легкое тело взмыло высоко над морем, в верхней части траектории распласталось ласточкой и копьем вошло в воду, не произведя ни единого всплеска, лишь увлеченные пузырьки воздуха заструились на поверхность. Это была лишь часть Лешкиного шика. Другая часть заключалась в том, что он не спешил появляться на поверхности, проплывал под водой довольно большое расстояние, заставляя поволноваться тех, кто наблюдал за ним.

— Вон он! Вон он! Вынырнул,— кричал кто-то из девчонок.

— Ого! Далеко как! — восхищенно восклицал кто-то из мальчиков.

Лешка демонстративно не удостоил своим вниманием возгласы восхищенных зрителей. Мотнув мокрой шевелюрой светлых волос, легкими сильными поочередными взмахами рук он устремился дальше в море. Потом перешел на спокойный брасс, выплыл на середину бухты, лег на спину, раскинув руки и ноги — в таком положении Лешка мог находиться сколько угодно долго. И на этот раз, отдавшись воле волн, он любовался синевой неба и редкими облаками.

Его глубокомысленное созерцание неба было внезапно прервано, послышались всплески и фырканье. Лешка встревожился и тотчас перевернулся на живот. Мимо него, с шумом выпуская воздух и надувая щеки, проплыл мужчина лет тридцати пяти. Лешка сам того не осознавая, без всякой видимой цели, поплыл за ним. Какое-то время они плыли каждый сам по себе. Но мало-помалу меж ними установилось негласное состязание: ни тот, ни другой не намерен был уступить и повернуть назад. И взрослый, и мальчик поддерживали на своих лицах независимый вид и упорно не замечали друг друга, хотя в море кроме их двоих никого не было. Скоро они достигли пределов бухты, поплыли дальше. Далеко позади остались скалистые берега, окаймлявшие бухту; теперь впереди и по сторонам было только море. А они безрассудные все плыли и плыли... Это бог знает, как нехорошо было.

Лешка и представить себе не мог, какой смертельной опасности он себя подвергал. Неведомо ему было и то, что давно уже над ним белой птицей вился ангел, слетевший с небес предотвратить неминуемую беду. Но как не бился бедный ангел, юный пловец совсем потерял голову, будто бес вселился в него. Тогда

ангел-хранитель обратил свои усилия на взрослого человека. Наконец, старший участник отчаянного заплыва не выдержал, то ли нервы сдали, то ли здравый смысл над ним возобладал и... он повернул назад. Красноречивый вид его лица как бы призывал соперника сделать то же самое. Не тут-то было: Лешка возликовал! Проплыл еще немного, потом еще метров сто для полной убедительности своей победы и тоже повернул к берегу.

Перед его взором открылась жуткая картина: пляжа бухты не было видно вообще, крутые скалистые берега, как стражи входа в бухту, маячили где-то вдалеке и пропадали вовсе, когда он скатывался вниз по долгой волне. Бес сделал свое коварное дело, оставив свою жертву далеко в море, наедине с ужасом и мятущимся ангелом. Вот уж истинно можно сказать: «Бес попутал». К счастью, сковывающий ужас недолго владел Лешкой. Тут уж, видимо, не обошлось без чудесного влияния ангела-хранителя, внушившего юному безрассудному пловцу мысль об осьминоге. В самом деле, Лешке уже как-то доводилось видеть это гадкое существо с длинными скользкими щупальцами с многочисленными на них присосками, похожими на пороссячи рыльца, возбудившее в нем тогда сильное отвращение. Почему-то вдруг Лешке подумалось, что если он будет мешкать, то из простирающейся под ним морской бездны появится это отвратительное чудовище — цап-царап его щупальцами и тогда ему несдобровать. Какая нелепая мысль! — в сравнении с тем положением, в котором он находился. Ошибался ангел или нет, но именно эта мысль, ужасная по своим последствиям в иное время, однако счастливая ныне, привела Лешку мгновенно в чувство и побудила действовать.

Меж тем его недавний соперник плыл не поспешая и находился от него не так уж далеко. Может, он подустал и берегал силы, а может, кто знает, обеспокоен был положением глупого пацана: выплывет ли? Подгоняемый страхом, Лешка пустился вдогонку. Но поплыл осторожно, без всплесков, чтобы не обнаружить себя и не привлечь внимание осьминога из морской пучины. Действовал ритмично: энергичный толчок ногами и руки, соединенные в ладонях, уже выдвинулись вперед, чтобы совершить мощный гребок, снова толчок ногами и снова гребок. Маленькое тело разогалось, словно рыба, и понеслось к берегу. Зацепившись взглядом за спасительный берег, он плыл, не раздумывая, как хорошо сконструированная машина: толчок — гребок, толчок — гребок, подчиняясь лишь одной мысли, как можно быстрее уплыть от гипнотизирующей толщи темной воды, как можно скорее достичь пределов бухты. Там уж точно он почувствует себя в полной безопасности.

Хоть и медленно, но желаемая цель приближалась; скоро взрослый пловец вошел в ворота бухты, за ним и Лешка. Морская вода под ним с каждой минутой становилась все светлее и светлее. Страхи об осьминоге, поднимающегося из глубины моря, отступили. Лешка успокоился, даже на минуту другую позволил себе полюбоваться пологими ярко зелеными склонами сопки, переходящими в пляж. Казалось, опасность миновала. При всем том уже было не до праздного любования: сказывались усталость и переохлаждение. Вода хоть и была, как парное молоко, но все же длительное пребывание в море давало о себе знать. Теперь все помыслы Лешки были направлены на то, чтобы поскорее добраться до пляжного берега.

Когда наконец они достигли середины бухты, с берега подул легкий бриз. Ровная доселе морская гладь подернулась крупной рябью. Неожиданно возникающие буруны, наталкиваясь друг на друга и пенясь, захлестывали лицо и сбивали дыхание. Плыть стало труднее. Лешка, слава Богу, не растерялся и в этой ситуации. Теперь он плыл, отвернув голову в сторону, а руки, сложенные в ладонях для очередного гробка, выносил вперед так, чтобы кончики пальцев, словно рыбий плавник, прочерчивали на поверхности след и рассекали противные буруны. Тем самым он уменьшал для себя урон от мелких хаотичных волн.

До пляжа было уже рукой подать. Лешкин соучастник по заплыву прибавил в скорости, забирая вправо. Лешка держал курс на свой велосипед — плыл влево. Расстояние меж ними быстро увеличилось. Все бы, наверно, и закончилось без происшествий, но тут и настигла Лешку страшная беда. Вдруг что-то скользкое, длинное обвило его левую ногу. У Лешки мелькнула в голове только одна ужасная мысль: «Осьминог». В испуге он шарахнулся всеми конечностями в сторону, отчаянно дрыгая ногой, пытаясь освободиться от щупалец отвратительного моллюска. Наконец до его сознания дошло, что не осьминог, а всего лишь длинный лист морской капусты обвил его ногу.

Однако легкомысленные судорожные движения мальчишки даром ему не прошли: левую ногу свело судорогой. Лешка взвыл от боли. Он знал, что в таких случаях нужно ущипнуть себя посильнее. Еще не осознавая в полной мере, грозящей ему опасности, он принялся щипать пораженную мышцу, при этом медленно погружаясь. Его подводные манипуляции желаемого результата не возымели, более того, Лешка с удивлением обнаружил, что больше не чувствует боли: мышца на ноге сделалась как камень. Вот когда юный пловец струсил не на шутку. Он сделал еще одну отчаянную попытку, но и она не увенчалась успехом; на этот раз он погрузился еще глубже. Задышавшись, он рванулся наверх и тут — о, ужас! судорогой свело и вторую ногу.

Лешка впал в отчаяние, которое каждую секунду готово было перерасти в панику, и тогда уж точно ему грозила неминуемая гибель. Медлить было нельзя, и радетельный ангел-хранитель принял мгновенные меры, воздействуя на самолюбие своего подопечного. Поддерживая себя на плаву руками, Лешка глянул спасительным взором на человека, с которым еще с час назад пребывал в необъявленном состязании, как на единственного, могущего успеть прийти ему на помощь. Он хотел было уже возопить: «Помогите!» Но крик

застрял в его горле, волна жгучего стыда захлестнула его самолюбие, подавив и панику, и самую мысль взывать о помощи.

К нему снова пришла способность здраво рассуждать. Он понял: кричи не кричи, а к нему все равно никто не успеет прийти на помощь, даже этот человек. И Лешка решил, что лучше уж он утонет, чем признает таким позорным способом свое поражение. Вслед за этими мыслями, будто кто-то шепнул уму на ухо: «Ну и задаст тебе трепку мать, если ты утонешь». Как ни удивительно, именно эта, лишённая логики, парадоксальная мысль сначала ужаснула незадачливого пловца, а затем подвигла к поиску способов добраться до берега. Наконец он догадался лечь на спину и к великой радости своей убедился, что шевеля кистями рук, как плавниками, может довольно легко поддерживать себя на плаву. Поэкспериментировав, он нашёл-таки удовлетворительный способ не только удерживать себя на поверхности, но и плыть.

Лешка, не вынимая рук из воды, проносил их вдоль туловища, заводил за голову и производил гребок руками, как веслами. Эти действия придавали телу некоторое ускорение и пока он готовился к очередному гребку, его безжизненные ноги не успевали погружаться, увлекая за собой все тело. Лешка почему-то решил, что не будет оглядываться до тех пор, пока не приблизится к берегу основательно. Так он плыл и плыл. При очередном гребке морская вода перекатывалась через голову, попадала на лицо, в глаза, в рот, но отчаянный пловец не обращал на это никакого внимания. Достигалось главное: он мог дышать и плыть...

По прошествии некоторого продолжительного времени он решил посмотреть: достаточно ли приблизился к берегу? Наряду с радостью, расстояние до пляжа и правда существенно сократилось, он с досадой обнаружил, что его незаметно развернуло и что сейчас он плывёт к опасному берегу с высокими скалами. Тем не менее, он почувствовал в себе уверенность и теперь оглядывался чаще и скоро желанный берег оказался почти рядом.

Волны у берега становились все круче и захлестывали его с головой. Проплыв ещё немного, чтобы быть уверенным наверняка, и, нахлебавшись изрядно морской воды, Лешка решил стать на ноги. По его мнению, в этом месте должно было быть не более чем по горлышко. Едва он коснулся дна — внезапная боль в ногах пронзила его! Он вскрикнул от нестерпимой боли. Натерпевшись и страхов, и ужасов, Лешка с тупым равнодушием подумал: «Неужто придется утонуть, находясь всего в нескольких метрах от берега!». На пляже не было ни души, лишь один его велосипед сиротливо лежал на песке. Просто отчаяние!

Но, видимо, жуткие сегодняшние испытания не прошли даром: с подступившей злостью и с каким-то остервенением он стал бороться за свою жизнь. Глотнув воздуха и нырнув, он, коснувшись дна, торопливо перебирал руками, цепляясь за все, что попадалось — камни, водоросли, с одной лишь целью: как можно больше пробежать руками по дну. Теперь и море помогало ему, подталкивало его к берегу. В три или четыре таких приема, изнемогая, находясь в полубессознательном состоянии, он в конце концов оказался в прибойной полосе и с очередной волной выбрался на берег настолько, что набегающие волны уже не могли нанести ему никакого ущерба.

Отдышавшись и едва придя в себя, он занялся своими ногами, разминая окаменевшие мышцы. Мало-помалу ноги отходили, боли он почти не замечал, ещё не отойдя от душевного шока. Сначала на коленях, потом встав, на прямых не сгибающихся ногах направился к велосипеду. Его покачивало, голова кружилась, ему не хватало воздуха. Он только теперь с изумлением заметил до какой невероятной степени грудь, руки, ноги были стиснуты кожей. Он был более похож на живой скелет, обтянутый кожей.

Лешка упал на горячий песок и только сейчас ощутил холодную дрожь во всем теле. Не задерживаясь долго на одном месте, перекатывался на более горячий песок, нагребая его на себя. Скоро он почувствовал, как его тело стало заполняться теплом, но вместе с этим его объела тяжелая головная боль. Он разве что не кричал от боли. Бог милостив, но справедлив, видимо, сполна предстояло Лешке расплатиться за свою глупую выходку. Но все это время неотступно с ним был милый ангел-хранитель, насколько возможно смягчал его телесные страдания. Его подопечный мало-помалу приходил в себя; боль в голове притупилась и медленно отпустила; кожа обмякла, дав вольно дышать.

Лешка, уже сидя на песке, с опаской поглядывал на море: оно вновь стало спокойное и гладкое, плескалось себе на берег невозмутимо ленивой волной. Смертельная опасность осталась позади. «Я жив, а ведь досталось бы мне — утони я», — подумал он. Ангел улыбнулся непосредственной детской наивности: внушена была мысль и принята она юной душой без ропота и рассуждения. Ах, если б так всегда душа человека доверчива была интуиции — она ж ведь ведома ангельскими проявлениями во благо человеку.

Лешка оделся и повел велосипед к дороге. Выйдя на нее, он ловко оседлал его и закрутил педалями. Впереди его растилалась дорога и ему предстояла большая жизнь. Неведомо было Лешке знать, как перед ним на руле велосипеда восседал его Божий ангел-хранитель. Он тоже сегодня, как Лешка, с Божьей милостью одержал победу и радовался предстоящей жизни своего любимого подопечного.

Господи, храни нас!

Дина ЮДИНА

г. Тула

«СВЕТЛЯЧОК»

В саду июльском сладким сном
Уснули пчёлы, бабочки...
Лишь светлячок стоит с огнём,
Как маленькая лампочка.

«МЫШОНОК»

Мышонок шапку, шарф надел,
В лесу сегодня много дел —
Среди листвы найти ходы
И обнаружить там грибы.

«КРОЛЬЧОНОК»

Пушистый, любопытный.
Нос — точка, усик тонок!
На завтрак клевер сытный
Съедает наш крольчонок.

«СОВЫ»

Перо к перу, крыло к крылу —
Сова сидит, обняв сову.
Летают ночью, дремлют днём,
Но, главное, они вдвоём.

«ОЛЕНЬ»

В лесу глухом среди деревьев
Раскинулись рога оленьи.
Кустом себя вообразит:
Стоит, молчит и вдаль глядит...

«ЛИСА»

На снегу следы оставив,
В норку забралась лиса —
Хвостик рыженький расправив,
Сон лисят хранит она.

Аркадий МАР

г. Нью-Йорк, США

Аркадий Маркович Мар — писатель и журналист, автор четырнадцати книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат четырех литературных премий: «Лучшая детская книга России», «Артиады народов России», «Серебрянная Литера». Лауреат Международной литературной премии Владислава Крапивина.

КАНАДСКАЯ КЛЮШКА «MONTREAL»

Ночью, оказывается, выпал снег. Рыхлым ковром он лежал на асфальте двора, белым серпантинном свисал с деревьев. Это было так удивительно, что Артем распахнул окно настежь и высунулся наружу. Выгнувшись всем телом, он сгреб снег с карниза, приложил к лицу. Снег был холодный и кожу сразу защищало. Пускай! Ведь первого снега пришлось ждать почти целый год.

Артем закрыл окно, подошел к шкафу. В шкафу лежала его самая ценная вещь — канадская хоккейная клюшка. Эту клюшку, вдоль которой ярко-красным лаком было выведено иностранными буквами «MONTREAL» подарил ему сам Виктор Третьяков — знаменитый нападающий...

Артем вспомнил, как летом к соседнему дому подкатила грузовая машина, и как хорошо, что в тот день он не пошел купаться. Просто предчувствовал.

— А дядя Виктор в Москву переезжает, его в «ЦСКА» играть пригласили! — сообщил Артему первоклассник Славка.

У Славки впереди не хватало двух зубов и каждое слово выходило с тихим присвистом.

— А не врешь? — на всякий случай переспросил Артем, но увидев, как неуклюжий сервант застрял в дверях подъезда, бросился помогать.

Потом он много раз поднимался и спускался по лестнице — переносил вещи. Даже устал в конце. Тогда-то и подарил Артему канадскую клюшку знаменитый хоккеист. И еще руку пожал. Потом сказал:

— Спасибо, старик...

В оконное стекло ударил снежок, и Артем приоткрыл окно. Внизу стояли ребята из соседнего дома.

— Возле аптеки каток залили. Пойдем, шайбу погоняем! — крикнули они.

— Идите, я догоню, — тоже крикнул Артем...

Чем это так вкусно пахнет? А-а, на завтрак мать жарит пирожки с картошкой. Но какие могут быть пирожки, когда можно поиграть в хоккей!

Артем схватил клюшку, сунул в сумку ботинки с коньками, натянул куртку.

— Постой, а завтракать? — выглянула из кухни мать.

— Я у Сашки поем! — на ходу крикнул Артем, прыгая через две ступеньки...

— Артем! Кати сюда! — На катке возле аптеки уже гоняли шайбу.

— Сейчас, только за Сашкой забегу, — крикнул Артем. — Без нас не начинайте!

Он взбежал по лестнице, нажал кнопку звонка.

— Давай быстрее. Там все уже собрались! — поторопил он Сашку, открывшему дверь.

Сашка был в пальто и почему-то грустный.

— Понимаешь, мать заставляет с Галкой в кукольный театр идти.

— Какой кукольный театр? А хоккей?

— Сам у матери спроси. Она в комнате Галку одевает.

— Наталья Сергеевна, нас ребята ждут, — попросил Артем, входя в комнату. — Отпустите Сашку, пожалуйста?

— Ну нет, — отрезала Сашкина мать. — Что у меня других дел, что ли, нет, как самой с ребенком идти? Вот сколько белья для стирки накопилось. Смотри, — она повернулась к Сашке, — попробуй только сестренку в театр не сводить. Потом не обижайся. Все равно узнаю, гонял ты в этот проклятый хоккей или нет!

— Это Галка ябедничает, — прошептал Артему Сашка.

— Не ябедничаю, а правду говорю! — возмутилась Галка.

— Правильно, дочка, — похвалила ее Сашкина мать. — Ты все должна мне рассказывать... Ну, ладно, идите. Только через дорогу осторожней! — крикнула она вслед...

— Галка, зачем тебе этот театр? — спросил Артем. — Ты же уже большая, в сентябре в школу пой-

дешь. Давай лучше мы в хоккей сыграем, а ты за нас болеть будешь!

— Нетушки,— не согласилась Галка.— Я хоккей терпеть не могу. Даже не уговаривай! Я в кукольный театр хочу!

Артем толкнул Сашку в бок.

— Галочка,— вступил в разговор Сашка.— Мы только чуть-чуть сыграем, до десяти голов, а потом вместо театра в кино пойдем. На мультяшки... А я тебе за это пирожное куплю,— добавил он.

— И так купишь! А то расскажу, как из рогатки в соседскую кошку стрелял и как в ванной двойки из дневника стиральным порошком выводил.

— Ну, ябеда. Подожди, дождешься еще! — разозлился Сашка.— Еще попомнишь!

Но делать было нечего, и они направились к кукольному театру.

— Может, один шайбу погоняешь? — предложил Сашка.— Что тебе тоже мучиться?

Но Сашка был лучшим другом, и Артем отказался...

Возле кукольного театра было много народа. Папы, мамы, бабушки толпились возле касс, крепко держали за руки укутанных до самых глаз малышей.

— «Утенок Тим»,— прочитал на большой афише Артем.

— Ура! — обрадовалась Галка.— Это, наверное, самый лучший спектакль!

Они показали контролеру билеты и прошли в фойе.

— Сними с меня шубу,— потребовала Галка.— Здесь раздеваться нужно.

— Вот навязалась на мою голову,— проворчал Сашка.

— А палку-то, палку тоже сдавайте? — сказала строгая гардеробщица в очках.

— Не отдавай, не отдавай клюшку,— зашептал Сашка.— А то пропадет еще.

Артем, крепко прижимая к себе хоккейную клюшку, юркнул в зал. Он нашел свое место и сел, крепко зажав клюшку между ног, беспокойно озираясь по сторонам. Но строгой гардеробщицы нигде не было видно, и он успокоился.

Через несколько минут показались Сашка с Галкой. Галка держала в руках сразу два пирожных. Одно она протянула Артему и сказала:

— На, возьми. Только по дороге я крем слизала...

Наконец занавес раздвинулся, из-за кулис показалась большая утка и начала жаловаться, что ее утенок, Тим, ужасно непослушный. Потом выбежал Тим и запел песенку, что больше всего на свете любит убежать в лес и гулять на лужайке...

И что интересного в этом спектакле? Артем оглянулся. Но странное дело, все малыши со сверкающими глазами не отрываясь смотрели на сцену. А Галка подалась вперед и даже забыла про пирожное. В это время утенок Тим опять убежал в лес. Вдруг из-за картонных деревьев выглянула лиса. Она несколько раз облизнулась и начала петь, что очень любит кушать непослушных утят...

— Беги, Тим, беги! — вдруг закричал малыш, сидевший с бабушкой в первом ряду.

Но утенок все так же весело гулял по лужайке.

— Вон она, вон она!!! — кричало уже ползала, показывая на лису, крадущуюся между деревьями.— Тим, убегай, скорей!!!

Лиса пулей бросилась на лужайку, схватила утенка и потащила в чащу.

— Тима жалко,— всхлипнул малыш из первого ряда.

За ним зарыдала девочка в четвертом ряду, уткнув голову с большими красными бантами в ладошки.

Галка вдруг встала с места.

— Пошли,— решительно сказала она.— Не нравится мне этот спектакль.

— Нет уж. Раз хотела в кукольный театр, смотри до конца! — назло сказал Сашка.

Но Галка направилась к выходу, и они догнали ее только в гардеробе.

— Не могу смотреть, когда маленьких обижают,— заявила Галка.

— Да как ты не понимаешь. Это же все не по правде,— объяснил Сашка.

Но Галка сказала:

— Все равно...

— Теперь что делать будем? — спросил Сашка.— Домой возвращаться рано, в кино мультяшки только на двенадцатичасовом сеансе идут.

— Пойдем в зоопарк? — предложила Галка.

— А что, идея! — поддержал Артем.— Я тоже люблю на зверей смотреть...

Пузатый, желто-оранжевый «Икарус» остановился почти у самого зоопарка.

— Здесь гастроном за углом,— сказал Артем.— Я пока за хлебом сбегаю. Зверей покормим.

— Набери побольше,— крикнул вслед Сашка.— И сахара-рафинада не забудь...

Первым делом они пошли к белым медведям. Летом сонные, ленивые, с вытянутыми от жары языками, сейчас они, весело повизгивая, как щенки, катались по снегу, гонялись друг за другом, ныряли в бассейн, поднимая тучу брызг.

— Какие красивые,— восторженно прошептала Галка.— Мне белые медведи гораздо больше нравятся, чем коричневые. Сашка, подари мне белого медвежоночка на день рождения. Я тогда никогда-

никогда не буду на тебя жаловаться.

— Сказала тоже. Знаешь какие это хищники!

— Ну да-а...— недоверчиво протянул Артем.— Может, раньше такими были. Сейчас, наверное, у них характер изменился. Я в одной газете читал, их на Севере прямо с рук кормят.

Один из медведей ловко вылез из воды, подошел к железной решетке, уперся в нее передними лапами, просяще уставился на Сашку маленькими розовыми глазками и замотал головой.

— Видите, он тоже ручной,— сказала Галка.— И тоже из рук есть хочет.

Артем с уважением посмотрел на желтые медвежьи клыки и заметил:

— По-моему, он не до конца ручной. Давайте лучше его с клюшки покормим.

Он положил на конец клюшки кусочек сахара и протянул между прутьями.

В следующую секунду сильный рывок вырвал ее из рук, и Артем больно стукнулся лбом о решетку.

Медведь, крепко зажав клюшку в зубах, на четырех лапах поскакал к воде.

— Отдай! — закричал Артем.— Верни клюшку!!!

Но медведь уже нырнул в бассейн.

— Может он тоже в хоккей поиграть хочет? — спросила Галка.

— Отстань. Не до тебя сейчас,— оборвал ее Сашка.

Медведь вылез на другой берег бассейна, отряхнулся, как собака, и принялся лизать клюшку розовым языком.

— Я за ней полезу,— сказал Артем.

— Ты что, с ума сошел! Он же тебя одним ударом убьет,— попробовал остановить его Сашка.— Да черт с ней, с клюшкой!

Но Артем уже уцепился за прутья и начал карабкаться вверх.

Сашка засуетился и, решившись, тоже полез за ним.

— Спасите!!! — изо всех сил завизжала Галка.— Их медведь сейчас съест!!!

Она визжала так громко, что со всех сторон начали сбегаться люди.

Мужчины сразу полезли выручать Сашку и Артема, и через несколько минут они были в безопасности.

— Накостылять бы вам по шее,— сказал полный мужчина в распахнутом полушубке.— Чтобы больше не хулиганили.

— Ничего, папаша,— вмешался молодой парень в шапке, сдвинутой на затылок.— Раз зверей не боятся, будут дрессировщиками...

Из зоопарка Артема и Сашку выставили с позором. Но самое обидное, что канадскую хоккейную клюшку с ярко-красной надписью: «MONTREAL» присвоил себе медведь.

Домой они возвращались грустными. Артем молча шел чуть впереди, поддавал ногой каждое дерево и сверху, с ветвей, начинал осыпаться снег.

— Смотри, как потеплело,— сказал Сашка.

Артем посмотрел на небо. Оно было голубым, и солнце сверкало ярко...

Тепло было и на следующий день, а потом снег растаял.

Тамара ХАРИТОНОВА

г. Брянск

Тамара Алексеевна Харитоновна (Макарченко) родилась в Брянске в 1956 г. В 1979 г. окончила Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), биофак. Осталась работать при кафедре, в научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, особенно историческую. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДЕД МОРОЗ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

— Дед, а Дед! А какой костюм мне к Новому Году надеть? — Заяц, худенький и узкогрудый без верхней одежды, держал в передних лапах две вешалки. На плечиках висели комбинезончики — белый зимний, с пышным хвостом-пуховкой, с черной оторочкой, и серый демисезонный, не столь нарядный. На Заяце было только исподнее — полосатая майка и боксеры до колен, и он стыдливо закрывался плечиками с одеждой.

Дед Мороз бросил на него хмурый взгляд, посмотрел за окно и ничего не ответил. Дед сидел за большим, заваленным письмами, бумагами, нераспечатанными конвертами столом тоже по-домашнему — в белой, вышитой «елочкой» по вороту и рукавам рубахе распояской, посконных штанах и коротких чесанках на босу ногу. Тепло в тереме, незачем кутаться. Да и на дворе — не поймешь, то ли декабрь, то ли март. По макушкам леса ползли, распадаясь клоками, серые облака, слепленные из промокшей ваты. Тропинка, ведущая к терему — одна вода, хоть на лодке по ней. Обнаженные деревья — ни листьев, ни снега на них — совсем как Заяц, стыдливо прикрывались опущенными ветвями.

В светлице было чисто прибрано и уютно так, как может быть только в слякотный и промозглый день на исходе осени, когда никуда не хочется выходить, а от стылой сырости за окном в доме делается еще теплее.

Считалось, что Дед разбирается с корреспонденцией. Поток ее к середине декабря возрос неимоверно и норовил захлестнуть Дедову резиденцию, как волна в половодье. Только Дед больше сидел, подперев рукой седую голову, глядел, как в печи играет Огонь. Рядом с дедом старая нянька просматривала электронную почту. Нянька замахала на Заяца руками — уходи, мол, не до тебя! — и покосилась на Деда. Заяц исчез. Дед отвел тоскливый взгляд от тусклого света за окном и наполнил очередной стакан из большой бутылки старого зеленоватого стекла, вытянув ее за горлышко из-под стола. В стакане запенилась влага, затанцевали веселые пузырьки, на стол легли золотистые блики.

— Старый, ну что ты творишь, — не выдержала нянька. — Испил бы водицы ключевой, леденец в рот положил, глядишь — и получшеет! Делом бы занялся!

— Вместо ключа нынче у нас термальный источник, а я потребляю доброе старое ситро! Отстань, нянька, без тебя тошно. — Дед отставил стакан, вскрыл очередной конверт, углубился в чтение.

В углу, за шахматным столиком, ссутулился громадный бурый медведь. Он разыгрывал турецкий гамбит и бубнил себе под нос одно и то же — «Мишка косолапый по лесу идет, шишки собирает, песенки поет...» И опять то же самое: «Мишка косолапый...» Его никто не останавливал.

Между тем вокруг трех неподвижных фигур кипела работа. Лохматый пес Дружок в дворничком фартуке без устали шаркал метелкой по и без того чистому полу в сенях.

За рабочим столом под окном белки в крахмальных передничках серебрили шишки, золотили орехи, привязывали к ним золоченые петельки — вешать на елку. Веселая живая елочка в большой кадке с землей уже пушила ветви, ждала нарядов.

Лиса в ярко-рыжей с кокетливой белой вставочкой на груди шубке подбирала игрушки, паковала подарки, сверяясь со списком.

Сквозь раскрытую дверь, через несколько покоев, из кухни тянуло такими ароматами, что у зверьков порой нервно подергивались носы. На кухне морские свинки в поварских колпаках пекли пряники, обливали их разноцветной сахарной и шоколадной глазурью, клали на доску остывать. Праздничный пирог томился в огромной духовке. Журавли за разделочным столом шинковали овощи на салат «Оливье».

Со двора раздались шлепающие по воде шаги, бухнула входная дверь, в светлицу, держась за спину передней лапой в мокрой верхонке, влез Волк.

— Дед, ноги промочил, в спину вступило. Дозволь у тебя погреться!

— Да конечно, Волчок! Ложись на печку — прогреет, мигом отпустит, — вместо Деда ответила нянька.

Спавший на лежанке раскормленный до невероятных размеров сибирский кот приоткрыл левый глаз и демонстративно зевнул. Видно было, что место он уступать не собирается.

— Да я лучше тут, у порога,— Волк, кряхтя, улегся на половичке. Дружок прикрыл его овчинным тулупом, Волк благодарно вздохнул и закрыл глаза.

— Ну вот, даже Волка пробрало,— нянька недовольно покосилась на Деда.— Медведь заснуть не может, Заяц раздетый бегаёт... Снегурочка без тебя по елкам замоталась. Ребятишки зовут: «Дедушка Мороз!»... А куды он задевался, мороз? Детям не объяснишь! Иль ты не мужик? Хоть немного подморозил бы!

— А что я могу сделать? Я не царь и не Бог. Надо мной тоже начальство имеется. Климат по фамилии. Что он прикажет, то и делаю.

Медведь поднял голову от шахматной доски:

— Климат? Он из каких же будет?

— А не разберешь. Не то континентальный, а не то субтропический. У него, как у всякого начальства, семь пятниц на неделе. Вот и колобродит. А тут еще новая напасть появилась — глобальное потепление называется. С ним даже не поймешь, мужик оно иль баба. Непонятно, с какого боку и подойти. Вот и сижу тут... А тебя, Потапыч, я могу пока в хостел определить. Покемаришь.

— Ты еще хоспис предложи! Я природный русский медведь! Желая спать в своей берлоге, а не в каком-то там хостеле.— Медведь снова уткнулся в недоигранную партию.

Все замолчали. Дед с досадой обратился к очередному письму. Вдруг он сердито запыхтел, и не только щеки и нос, но и лоб, и шея у него побагровели. Нянька испуганно подняла голову от монитора.

— Ты что, старый?

— Ну ты посмотри, нянька! Уж и в письмах ругать меня начали! Ребятишки! — Дед ткнул пальцем в крупные неровные строчки письма.

— Да что ж тут такого,— нянька засмеялась.— Ты ж смотри, Дед — гаджеты написано слитно. Это о подарках!

Дед продолжал пыхтеть, когда в светлицу ввалился Дружок, таща за шиворот упирившегося упитанного серого Мыша. Передними лапами Мыш поддерживал отвисавший живот и тихо и безостановочно икал.

— Вот, глянь, Дед. В амбаре шарился! Ты на него только посмотри! У него в животе запасов на год!

И без того раздосадованный, Дед грозно глянул на Мыша:

— Ты как посмел! Сейчас и в лесу прокормиться можно!

— Вот... ик! Именно... ик! Зиму-то отменили! Скоро будем по три урожая в год сымать. Как ... ик!.. в Египте! Так что не жалея... ик!

В дверь просунулась любопытная мордочка Зайца.

— Дед, а Дед! Так какой костюм...

— Мушкетера!!! — рявкнул Дед и рывком встал со своего резного стульчака.

— Зиму отменили! Я им покажу — отменили,— бормотал Дед, непонятно к кому обращаясь, стремительно сбегая с крыльца как был — в рубахе и чесанках на босу ногу,— гаджеты!

Нянька выскочила следом, таща в охапке дедову шубу:

— Куды ж ты без мундира, старый? Опрянься, опрянься!

Дед упругим молодым шагом шел по дорожке, и под его ногами вода обращалась в лед. Дед широко раскинул руки:

— А ну, ветры буйные!

В лицо деду, в стволы деревьев, в стены Терема ударила веселая метель, лес как будто в минуту перекрасили гигантской белой кистью. Сквозь косые вихри прорывались лучи солнца, и было видно, как над ледяной тропинкой вихрится в воздухе широкая снежная дорога, и по ней тем же упругим стремительным шагом поднимается ввысь Дед Мороз. Седая борода его, волосы и подол рубахи летели по ветру, с них срывались новые волны метели.

Сверху было видно, как по свежему снегу пролегли косолапые медвежьи следы, запетляла лыжня. Послышался визг детей, летевших с горки на санях. Дед увидел Зайца в сверкающей искрами белой шубке, и показалось, будто Заяц помахал ему снизу широкополой шляпой с пышным белым пером. Деда на ходу подхватила тройка белых коней, впряженных в расписные сани. А издали уже слышалось нетерпеливое:

— Де-душ-ка Мороз!

— Иду-у-у! — прокричал Дед, беря вожжи.

Близился Новый Год. Что-то будет?

СОКРАЩЕНИЯ

СПР — Союз писателей России	РСП — Российский союз писателей
СРП — Союз российских писателей	ОМЛО «Муза» — Областное музейно-литературное объединение «Муза»
СЖР — Союз журналистов России	АРЛ — Академия российской литературы
РСПЛ — Российский союз проф. литераторов	РМСП — Российский межрегиональный союз писателей
МСПМИ — Международный союз писателей и мастеров искусств	СЖ — Союз журналистов
ЛНР — Луганская народная республика	РО — Региональное отделение
СП — Союз писателей	МПО — Московская писательская организация
ИСП — Интернациональный союз писателей	ПАНИ — Петербургская академия наук и искусств
ТППИ — Тульский государственный педагогический институт (ныне ТулГПУ)	ТО — Творческое объединение
МААНОИ — Международной академии авторов научных открытий и изобретений	ЦИПК — Центральный институт повышения квалификации
ЛО, ЛитО — литературное объединение	МЛО «Клио» — Молодежное литобъединение «Клио»
ТДС — Тульская духовная семинария	РВИО — Российское военно-историческое общество
ТулГУ — Тульский государственный университет	ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический университет
ВИЖ — Всероссийский институт журналистики	ДНР — Донецкая народная республика
МБТ — Московский библиотечный техникум	СХР — Союз художников России
МОГИ — Московский обл-й гуманитарный институт	СПР — Союз писателей России
ТПИ — Тульский политехнический институт (ТулГУ)	
МСП — Международный Союз писателей «Новый Современник»	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА.....	4
ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ.....	5
Детство и отрочество преподобного АНТОНИЯ.....	5
Призвание Божие.....	5
Отшельничество.....	5
Борьба святого АНТОНИЯ с дьявольскими кознями.....	7
Наставления св. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО о жизни во ХРИСТЕ.....	8
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О ДУХОВНО-	
СТИ, КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ.....	14
Образ ХРИСТА в творчестве Н. К. РЕРИХА.....	14
ЕЛЕНА РЕРИХ и христианство.....	16
Учение ХРИСТА.....	19
Религия.....	21
Церковь.....	25
Критика церкви.....	31
«Господом твоим».....	32
Сергей Николаевич ЛАЗАРЕВ.....	35
Популярные цитаты.....	35
Цитаты из книги «Выздоровление души».....	35
Александр Иванович СУБЕТТО.....	37
Слово о русском народе и русском человеке. Русский дух.....	37
Алексей Максимович ГОРЬКИЙ.....	42
Александр Иванович КУПРИН.....	43
Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ.....	44
Николай Гаврилович ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.....	45
Валентин Григорьевич РАСПУТИН.....	46
ПРОЗА.....	49
Анна ВОРОНИНА (г. Сельцо Брянской обл.).....	50
Рагим МУСАЕВ (г. Тула).....	54
Алексей ЯШИН (г. Тула).....	68
Александр АЛЕКСАНДРОВ (г. Санкт-Петербург).....	71
Магдалина ГРОСС (д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл.).....	75
Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула).....	78
Андрей ВОЛКОВ (г. Тула).....	82
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	86
Галина РАЗБАЕВА (г. Самара).....	91
Ляман БАГИРОВА (г. Баку, Азербайджан).....	96
Владимир ВЕЩУНОВ (г. Нижний Новгород).....	99
Евгений АСТАШКИН (г. Омск).....	101
Людмила БРАГИНА (г. Белгород).....	105
Наталья ШЕСТАКОВА (г. Брянск).....	113
Павел ПОДЗОРОВ (г. Бобруйск, Белоруссия).....	117
Юрий СЫЧЕВСКИЙ (г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США).....	123
Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Москва).....	126
Елена КУТБИНА (г. Белев Тульской обл.).....	129
Галина МАМЬКО (г. Симферополь, Крым).....	133
Евгений СКОБЛОВ (г. Москва).....	137
Николай МАКАРОВ (г. Тула).....	141

Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.)	147
Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской обл.).....	149

ПОЭЗИЯ..... 157

Валерий ХОДУЛИН (г. Тула).....	158
Виктор МЕДВЕДЕВ (г. Алматы, Казахстан).....	159
Юлия ЗИМИНА-КОНДАКОВА (г. Тула).....	160
Марина ЩЕНЯТСКАЯ (г. Белгород).....	162
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	162
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	164
Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ (г. Тула).....	167
Вадимир ТРУСОВ (г. Санкт-Петербург).....	167
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула).....	169
Дина ЮДИНА (г. Тула).....	171
Сергей МИРОНОВ (г. Калининград).....	173
Татьяна ПАНОВА (г. Красноярск).....	175
Наталья АРТЕМОВА (п. Медвенка Курской обл.).....	176
Ольга АРТЕМОВА (п. Медвенка Курской обл.).....	177
Любовь СЕРДЕЧНАЯ (г. Санкт-Петербург).....	177
Николай ЕРМОХИН (с. Екатериновка Приволжского р-на Самарской обл.....	180
Игорь ЕГОРОВ (г. Омск).....	183
Валерий СУХОВ (г. Пенза).....	184
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	185
Нина ГАВРИКОВА (г. Сокол Вологодской обл.).....	188
Игорь МЕЛЬНИКОВ (г. Тула).....	189
Евгений ТРЕЩЕВ (г. Щекино Тульской обл.).....	190
Вячеслав ДЕВЯТКОВ (г. Тюмень).....	192
Алексей СЕМИН (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.).....	193
Николай ДЕНКЕВИЦ (г. Самара).....	196
Евгений ШЕПЕЛЕНКО (г. Самара).....	198
Елена БАРАХОВА (г. Тула).....	199
Леонид ЗОЛОТУХИН (Заокский р-н Тульской обл.).....	200
Виталий КУЗНЕЦОВ (г. Новочеркасск Ростовской обл.)	203
Владислав БУСОВ (г. Кашира Московской обл.).....	205
София МАКСИМЫЧЕВА (г. Ярославль).....	207
Ольга КАРАГОДИНА (г. Москва).....	208
Владимир ПОРЯДОЧНОВ (г. Тула).....	209
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан).....	212
Сергей ЛЕБЕДЕВ (г. Тольятти Самарской обл.).....	214
Елена КУЛЕШОВА (г. Сельцо Брянской обл.).....	215
Борис РЯБУХИН (г. Москва).....	217
Анна БАРСОВА (г. Екатеринбург).....	221
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.).....	223
Аркадий ПОЛЬШИН (г. Лебедянь Липецкой обл.).....	225

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ..... 232

Валерий МАСЛОВ (г. Тула).....	233
Наталья ПОЗДИНОВА (г. Смоленск).....	235
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА (г. Орел).....	240
Любовь СЕРДЕЧНАЯ (г. Санкт-Петербург).....	250

ПУБЛИЦИСТИКА.....	253
Алексей ЯШИН (г. Тула).....	254
Людмила ВОРОБЬЕВА (г. Минск, Белоруссия).....	269
Владислава ВАСИЛЬЕВА (г. Узловая Тульской обл.).....	275
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	282
Андрей ВОЛКОВ (г. Тула).....	299
Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва).....	300
Ирина РЕЗНИК (г. Омск).....	302
Игорь ЕГОРОВ (г. Омск).....	306
Валентин ОГНЕВ (г. Щекино Тульской обл.).....	309
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан).....	318
ДЕТАМ И О ДЕТАХ.....	321
Ольга АНДРЕЕВА (г. Тула).....	322
Кира КРЕСТЬЯНКИНА (г. Санкт-Петербург).....	324
Евгений ТАТАРНИКОВ (г. Ижевск).....	326
Анатолий АГЕЕНКО (г. Омск).....	331
Дина ЮДИНА (г. Тула).....	334
Аркадий МАР (г. Нью-Йорк, США).....	335
Тамара ХАРИТОНОВА (г. Брянск).....	338
СОКРАЩЕНИЯ.....	340

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» ВЫХОДИТ С 2011 Г.
С 2020 Г. — ПОД ЭГИДОЙ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ЯКОВ ШАФРАН — основатель, главный редактор и составитель
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
НИКОЛАЙ ТИМОХИН — зав. отделом поэзии
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом
публицистики и литературоведения
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ

АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД

12 +

*В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для людей старше 12 лет.*

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Издано в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):

стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.

стр. 48 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.

стр. 156 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.

стр. 231 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.

стр. 252 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.

А также:

стр. 320 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ВЫПУСК 14

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран

Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета
и дизайн обложки: Я. Н. Шафран

Оформление: В. В. Радько, Я. Н. Шафран

Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты гл. редактора: e-mail: bonyans@yandex.ru

Альманах выходит в электронном виде
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет: 01.07.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 20,0
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 14

